

Труды Чукотского филиала Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского
института Дальневосточного отделения Российской академии наук
ВЫПУСК 10

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва
Фонд «Молодёжная экологическая инициатива»

ТРОПОЮ БОГОРАЗА

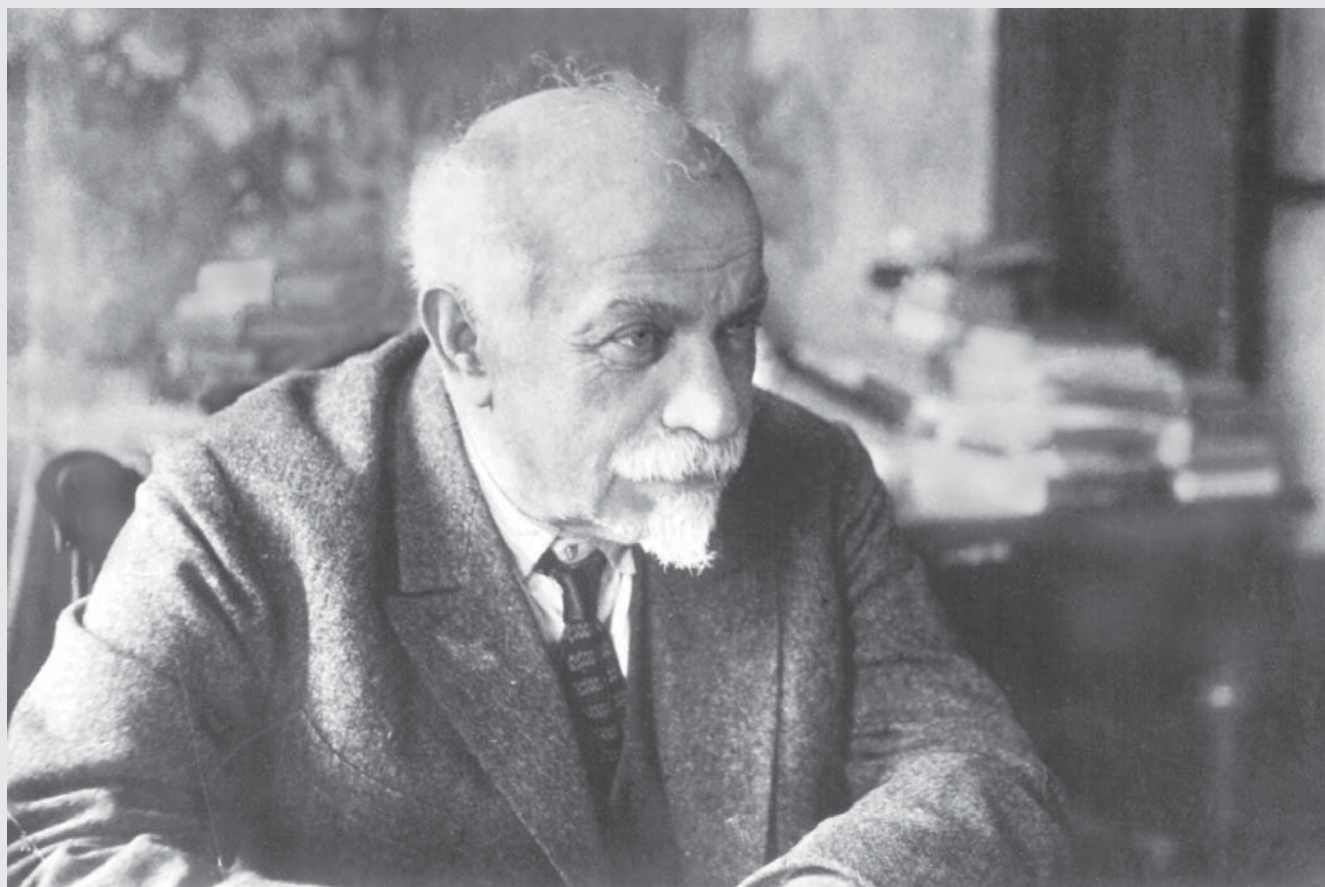
НАУЧНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ-ГЕОС

Москва

2008

Владимир Германович Богораз (1865–1936)

*Мы ехали долго. Средь тундры нагой
Неслись наши нарты одна за другой,
Полозья чуть слышно скрипели;
Как смутные тени, мелькали часы,
И в бешеной скачке упряжные псы
Быстрее, чем ветер летели.*

В.Г. Богораз-Тан. В дороге, 1910 г.

УДК 39
ББК 63.5(2)
Т74

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д. г. н. В. С. Кривощёков, Н. И. Вуквукай, В. М. Етылин,
В. Н. Нувано, Г. И. Ранаврольтин, И. Г. Рига

СОСТАВИТЕЛИ И НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

доктор биологических наук Л. С. Богословская,
доктор географических наук В. С. Кривощёков,
доктор биологических наук И. И. Крупник

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор биологических наук А. Б. Савинецкий,
доктор исторических наук Д. А. Функ

Т 74 Тропую Богораза. Научные и литературные материалы. – Москва: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. – 352 с., 2 вклейки, 88 вкладок; илл. – (Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН; Вып.10)
ISBN 5–86443–123–X

Книга посвящена памяти знаменитого отечественного этнографа В. Г. Богораза (В. Тан-Богораза), автора фундаментальных трудов о народах Северо-Востока России. Она содержит научные материалы исследователей Анадыря, Магадана, Москвы, Санкт-Петербурга, часть архива А. И. Калтана, работавшего на Чукотке в 1930/31 г. (первая публикация), а также рассказы и воспоминания жителей Чукотки, воссоздающие картину жизни оленеводов и морских охотников XX в., в том числе трагическую историю коллективизации оленеводов в 1940–1952 гг. Тексты дополнены большим количеством иллюстраций. Особый интерес представляют уникальные фотографии В. Г. Богораза и его ученика А. С. Форштейна, большинство этих снимков публикуются впервые.

Книга предназначена для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся жизнью коренных народов Севера.

СПОНСОР ИЗДАНИЯ г-жа Т. Н. Минеева, предприниматель Чукотского АО

УДК 39
ББК 63.5(2)

ISBN 5–86443–123–X

- © Чукотский филиал Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института СВНИЦ ДВО РАН
- © Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва
- © Е. С. Богословская. Обложка, оформление, 2008

На первой странице обложки: фотография В. Г. Богораза и С. К. Богораз в Анадыре (Ново-Мариинском Посту) с коллекциями Джесуповской экспедиции. Июль 1901 г. АМЕИ, № 1380.

На фронтисписе: фотография В. Г. Богораза, любезно предоставленная Б. И. Вдовиным.

На четвёртой странице обложки: чукотский рисунок из труда Н. Норденшельда (*Nordenskiöld, 1882*).

БЛАГОДАРНОСТЬ

Редколлегия и редакторы сборника «Тропой Богораза» выражают глубокую благодарность всем, кто принял участие в его составлении и подготовке к печати.

Особую признательность мы хотели бы выразить руководству Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, г. Санкт-Петербург, директор Ю.К. Чистов, учёный секретарь Е.А. Михайлова, главный хранитель Г.И. Погорельский), а также Барбаре Матэ, хранителю Американского музея естественной истории (Barbara Mathe, American Museum of Natural History, New-York), за предоставленные ими электронные версии уникальных фотографий А.С. Форштейна и В.Г. Богораза. Эти снимки, большинство которых до последнего времени не были известны на Чукотке, являются стержнем настоящего издания.

Нам приятно отметить искреннюю заинтересованность в появлении сборника со стороны наших коллег из Анадыря, Магадана, Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, а главное, — самих коренных жителей Чукотки, оленеводов, морских охотников и представителей интеллигенции. Именно их рассказы и воспоминания, их архивные и современные фотографии позволили более полно и объективно воссоздать картину жизни народов Чукотки XX в. Это Л. Айнана, А.И. Вальгиргин, Н.И. Вуквукай, И.Г. Гыргольнаут, Е.А. Добриева, В.М. Етылин, В.Г. Леонова, В.Н. Нувано, Г.И. Ранаврольтин, Н.С. Энмынкау.

Большое спасибо тем, кто подготовил и разместил в Интернете на сайте <http://kpr.chukotnet.ru/publik/kaltan.html> отчёт А.И. Калтана о его поездке по береговым селениям Чукотки в 1930/31 г. К сожалению, мы не знаем имён этих людей.

Мы благодарны г-же Т.Н. Минеевой за существенную финансовую помощь, без которой была бы невозможна публикация этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	12
I. БОГОРАЗ И ЕГО УЧЕНИКИ.....	15
В.Г. Богораз, его наследие и его ученики.....	17
<i>Крупник И.И.</i>	
В.Г. Богораз. Страницы жизни	23
<i>Рига И.Г.</i>	
О Тан-Богоразе вспоминает Кивагме.....	28
<i>Сергеева К.С.</i>	
Богораз и современное этническое сознание народов Чукотки	31
<i>Етылин В.М.</i>	
Эскимолог Александр Форштейн (1904–1968)	32
<i>Крупник И.И., Михайлова Е.А.</i>	
Александр Форштейн – жизнь, сломанная ГУЛАГом	33
Фотоколлекция Форштейна в МАЭ	36
Маршруты движения Форштейна по Чукотке, 1927–1929 гг.	37
Значение фотографий Форштейна в наше время.....	39
Благодарность	41
Литература.....	42
Екатерина Рубцова.....	44
<i>Выйе В., Анкана</i>	
К автобиографии	47
<i>Вдовин И.С.</i>	
Фотографии-I	
Комментарии к фотографиям.....	51
<i>Крупник И.И., Богословская Л.С.</i>	
II. ЖИЗНЬ НАРОДОВ ЧУКОТКИ В XX–XXI вв. ОЛЕНЕВОДЫ	53
У Григорьихи.....	55
<i>В. Тан-Богораз</i>	
Говорят кереки.....	63
<i>Леонтьев В.В.</i>	
Как чукотские пастухи управляют оленьим стадом.....	69
<i>Задорин В.Н.</i>	
Названия чукотских родов Усть-Бельской тундры.....	72
<i>Радов И.А.</i>	
Энотерриториальная группа «ваежские чукчи».....	78
<i>Нувано В.Н.</i>	
Трагедия в сёлах Берёзово и Ваеги.1940 и1949 годы	85
<i>Нувано В.Н.</i>	
Эхо Берёзовского восстания. Очевидцы о событиях 1940 и 1949 годов.....	91
<i>Омрытхэут З.Г.</i>	

Шаман был против. 1941 год	95
<i>Райзман Д.И.</i>	
Коллективизация по-чукотски.1951–1952 годы	102
<i>Андронов Б.М.</i>	
Мухоморненская группа	104
Амгуэмская группа	105
Поиски Итаукая	117
Добрая ошибка	125
Из истории похода чукчей в коммунизм и обратно	127
<i>Задорин В.И.</i>	
Фотографии-II	
Комментарии к фотографиям.....	131
<i>Нувано В.Н., Богословская Л.С.</i>	
 III. ЖИЗНЬ НАРОДОВ ЧУКОТКИ В XX–XXI вв. МОРСКИЕ ОХОТНИКИ.....	133
Рамкыт – старые племена и общины	135
<i>Муми С.</i>	
Потомственный морской охотник Николай Гальгаугье.....	136
<i>Энмынкау Н.С.</i>	
Рассказы.....	144
<i>Айвангу</i>	
Про наш родной Уназик	145
Чаплинская весна	148
Как я ездил делегатом в Лаврентия.....	149
Поездка с годовым отчетом в Лаврентия.....	151
Как мы строили аэродром.....	153
Наш птичий остров.....	155
Память о Наукане	156
<i>Леонова В.Г.</i>	
Чукотские лодки	162
<i>Богораз В.Г.</i>	
Традиционный морской промысел Чукотки на рубеже веков. Смена поколений.....	166
<i>Богословская Л.С., Крупник И.И.</i>	
Традиционная пища азиатских эскимосов и приморских чукчей	175
Чаплинские эскимосы.....	175
<i>Айнана Л., Богословская Л.С.</i>	
Науканские эскимосы и чукчи Уэлена.....	177
<i>Теин Т., Леонтьев В.В., Богословская Л.С.</i>	
Основные растения, употребляемые в пищу эскимосами и береговыми чукчами	179
<i>Айнана Л., Загребин И.А.</i>	
Питание морских зверобоев Чукотки: традиции и современность.....	180
<i>Козлов А.И.</i>	
Арктика и потребности человека в энергии и веществе	180
Разнообразие питания морских охотников	181
Традиционные нормы потребления пищи.....	182
Адаптация к протеиново-липидной диете.....	183
Липиды (жиры) в традиционной арктической диете	184
Отказ от традиционной пищи и его последствия.....	187

Доступность традиционной пищи на Чукотке.....	188
«Невидимая» смена рациона.....	189
Проблемы загрязнения продукции морского зверобойного промысла	190
Заключение	192
Литература.....	192
Фотографии-III	
Комментарии к фотографиям.....	195
<i>Добриева Е.А., Крупник И.И., Богословская Л.С.</i>	
IV. ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЧУКОТКИ.....	199
Космогонические и религиозные представления чукчей	201
<i>Вдовин И.С.</i>	
О верованиях эскимосов Чукотки	204
<i>Рубцова Е.С.</i>	
Коренные народы Российской Берингии	207
<i>Богословская Л.С., Крупник И.И., Вдовин Б.И.</i>	
Календарные праздники ваежских и хатырских оленеводов	218
<i>Вальгиргин А.И., Нувано В.Н.</i>	
К вопросу об обычае «добровольной смерти»	224
<i>Гагарин С.С.</i>	
Обряд погребального сожжения у ваежских чукчей	230
<i>Нувано В.Н.</i>	
26 мастей оленя	235
<i>Богораз В.Г.</i>	
Как чукчи называют своих оленей	237
<i>Ранаврольтын Г.И.</i>	
Чукотский язык и языкознание	239
<i>Данн М.</i>	
О Скорике бедном... Комментарий к статье М. Данна.....	248
<i>Бурыкин А.А.</i>	
Этнокультурное общественное объединение «Чычеткин вэтгав» («Родное слово»)	251
<i>Гыргольнаут И.Г.</i>	
Способна ли оценить современная Чукотка творческий дар предков	253
<i>Вуквукай Н.И.</i>	
О топонимике береговых лежбищ моржей на Чукотке	257
<i>Кочнев А.А.</i>	
Фольклорные ипостаси майора Павлуцкого	262
<i>Шенталинская Т.С.</i>	
Фотографии-IV	
Комментарии к фотографиям.....	275
<i>Богословская Л.С.</i>	
V. АРХИВЫ ЧУКОТКИ	277
Открытие первой промышленной россыпи золота на Чукотке.....	279
<i>Переладов В.Т.</i>	

Отчёт по обследованию Чукотского полуострова. 1930/31 г.	284
<i>Калтан А.И.</i>	
Предварительные замечания	285
Часть 1. Обезд района	287
1.1. Основные установки и план обследования Чукотского полуострова в 1930/31 г.	287
1.2. Прибытие на Чукотку	287
1.3. Первое ознакомление с районом	287
1.4. На Культбазе до 18 ноября	289
1.5. Поездка в бухту Провидения	290
1.6. Подготовка к отъезду на север.....	294
1.7. Отъезд на север	296
1.8. Уэлен.....	297
1.9. От Уэлена до мыса Сердце-Камень	299
1.10. От мыса Сердце-Камень до Чауна	304
1.11. Чаун	311
1.12. Выводы	316
Часть 2. Экономика. Статистика. География	317
2.1. Снабжение и торговля на Чукотке в кратком историческом разрезе	317
2.2. Деятельность АКО	319
2.3. Интегральная туземная кооперация на Чукотке.....	323
2.4. Статистика	325
2.5. Пространство, поверхность, климат и прочее.....	326
2.6. Природные богатства	329
2.7. Выводы	329
Коротко об авторах	343
Приложение 1	346
Приложение 2	347
Summary.....	348
Table of contents.....	350

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник задуман и исполнен специально для читателей Чукотки. Его цель – донести результаты работ Владимира Германовича Богораза, его учеников и последователей туда, где эти работы некогда проводились, но затем в силу разных обстоятельств были почти забыты.

В наше время о трудах школы Богораза вспоминают всё чаще и чаще, ведь по обширности собранных фактических данных и глубине их анализа они нередко превосходят результаты многих современных исследований. Кроме того, и для Богораза, и для многих его учеников характерно ещё одно качество – быстрота первичного восприятия и обработки колоссального объёма новых материалов. Например, многие думают, что знаменитый труд В. Богораза «Chukchee» (1904–1909), состоящий из нескольких томов с великолепными иллюстрациями, – плод длительного изучения традиционной жизни чукчей и азиатских эскимосов. В действительности, это результат единственного посещения Богоразом Чукотки в 1900–1901 гг. в составе Джекзуповской экспедиции. Вот маршрут ученого: Анадырь (июль 1900) – Марково (октябрь 1900) – Парень и Каменское (ноябрь 1900) – на юг Камчатки до Хайрюзово и Тигиля (февраль 1901) – Палана (март 1901) – Карага (март 1901) – возвращение на Чукотку вдоль Олюторского побережья через поселения кереков, видимо, с уклоном на север, к Анадырю (конец марта 1901) – маршрут на собаках по побережью из Анадыря в Уназик на мысе Чаплина (апрель–май 1901) – поездка на байдаре в Гэмбелл на острове Св. Лаврентия и обратно (начало июня 1901) – возвращение на байдаре из Уназика (Старое Чаплино) в Анадырь (конец июня–июль 1901).

Поразительная способность В. Богораза мгновенно проникать в самую суть чужих культур и языков объясняется, по нашему мнению, двумя его качествами – исключительным талантом и высоким общим культурным уровнем, присущим ему, как и другим исследователям старой России. Так, фактически все материалы по Чукотке XVIII – начала XX в., написанные военными моряками (Г. Сарычев, А. Лазарев, О. Коцебу, и др.), чиновниками (Л. Гриневецкий, Н. Гондатти, П. Сокольников) или естествоиспытателями и врачами (А. Шамиссо, Л. Старокадомский и др.), представляют собой замечательные документы, которые в наше время имеют совершенно особую ценность.

Конец XX в. стал культурной катастрофой для народов Чукотки – очень быстро, один за другим, ушли из жизни многие старейшины, и вместе с ними исчезли целые пласты традиционных знаний и навыков, разрушилась система культурной преемственности между поколениями. В такой ситуации труды старых исследователей представляют основной источник информации, восстанавливающий историческую память коренных жителей.

Мы, в первую очередь, обращаемся к трудам Богораза, и это неизбежно влечёт за собой восстановление многих событий окружавшей его общественной жизни, имён и свершений его учеников, последователей и современников, у которых были свои творческие пути, своё видение мира, оставленное нам в текстах, фотографиях и воспоминаниях. Из всех этих материалов и живой памяти людей о своих современниках и складывается культурно-историческое наследие Чукотки; наша общая задача – сохранить его и передать молодым поколениям. Именно такую цель ставили перед собой авторы и составители этой книги.

Некоторые статьи написаны специально для этого сборника, другие когда-то публиковались в местной прессе, но о них уже успели забыть. В процессе подготовки книги как бы сами собой стали появляться новые авторы, сохраняющие не только общие традиции национальной культуры, но и особенности жизни своего посёлка, своей общины, память о каком-либо замечательном человеке. К таким авторам принадлежат Айвангу, А. Вальгиргин, В. Леонова, В. Нувано, Н. Энмынкау, Анкана и Выйе.

Большой интерес представляет публикация воспоминаний о процессах коллективизации, написанных как самими коренными жителями и историками (В. Нувано, З. Омрытхеут, Д. Райзман, В. Задорин), так и убеждёнными «проводниками» советской власти на Чукотке, кадровыми военными А. Калтаном и Б. Андроновым. Калтан инспектировал первые результаты советизации береговых жителей в 1930/1931 г.; Андронов участвовал в завершении коллективизации непокорных чукчей-оленьеводов в 1951–1952 гг. Сравнение двух точек зрения, во многом диаметрально противоположных, позволяет осознать трагедию столкновения древних традиционных культур с европейской культурой в её советском варианте.

Многочисленные фотографии этого сборника создают самостоятельное повествование о жизни народов Чукотки. Так, на фотоснимках, сделанных молодым и талантливым учеником Богораза А.С. Форштейном в конце 1920-х гг., запечатлён не просто облик эскимосов того времени, но лица конкретных людей. И теперь мы знаем, как выглядели молодая Уксима, шаман Гальмугье, чаплинский активист Матлю, знаменитые охотники Наукана и многие другие. Порядок размещения фотографий имеет свою логику и не всегда совпадает с порядком ссылок на них в тексте. Большинство иллюстраций публикуются впервые.

Несколько замечаний о структуре сборника:

- фотографии для разделов I–IV собраны в четыре подборки. К снимкам, отмеченным знаком *, в конце каждой подборки даны комментарии;
- эскимосские и чукотские слова, впервые встречающиеся в текстах, выделены курсивом;
- примечания к словам, которые отмечены цифрами, расположены в конце статьи, перед списком литературы;
- сокращения и аббревиатуры даны в Приложении № 1; неметрические единицы длины, площади и массы (старой России и англоязычных стран) – в Приложении № 2;
- в английском варианте Содержания для эскимосских авторов в скобках приведены их фамилии (на самом деле это имена) в транскрипции, разработанной Alaska Native Language Center, поскольку эскимосы Аляски знают имена эскимосов Чукотки именно в таком написании.

К сожалению, при работе с материалами сборника мы не смогли найти информацию о всех людях, изображённых на снимках или упоминаемых в текстах. Работа в этом направлении – ещё одна из задач восстановления исторической памяти жителей Чукотки.

Для оформления книги использованы чукотские рисунки из статьи знаменитого исследователя Арктики Н. Норденшельда, который в 1878 г. прошёл вдоль берегов Чукотки на судне «Вера» (*Nordenskiöld N.A.E. The voyage of the Vega round Asia and Europe; with historical review of previous journeys along the north coast of the Old World. – N-Y.: Macmillan & Co, 1882. Pp. 498–499*).

*Л. Богословская
И. Крупник*

Масштаб 1:7 500 000

Чукотский автономный округ

I

БОГОРАЗ И ЕГО УЧЕНИКИ

В. Г. БОГОРАЗ, ЕГО НАСЛЕДИЕ И УЧЕНИКИ

В. Г. Богораз (1865–1936) давно признан классиком российской и мировой северной этнографии, а на Чукотке он вообще считается почти мифической фигурой, зачинателем и первоисточником всего, что написано о коренных народах края. Наверное, ни одному российскому этнографу-североведу не посвящено столько юбилейных и мемориальных статей¹. Однако, к сожалению, это величие базируется больше на стереотипном прославлении, чем на реальном знании деятельности учёного и его трудов.

Работа В. Г. Богораза «Материальная культура чукчей», изданная в 1991 г., а перед этим опубликованная отдельными фрагментами в журнале «Северные просторы» (Богораз, 1989), стала для многих жителей Чукотки настольной книгой. Её отдельные части не раз перепечатывались в местных газетах и других изданиях. Но эта книга — редкое исключение. Она представляет собой перевод первой части трёхтомного труда Владимира Богораза «Чукчи», изданного Американским музеем естественной истории г. Нью-Йорк в 1904–1909 гг. Полного русского варианта этого трёхтомника с его великолепными иллюстрациями нет до сих пор. Старые русские переводы частей по социальной организации (1934) и религии (1939) быстро стали библиографической редкостью; к тому же они никак не отражают богатства и качества оригинального издания.

Большинство научных трудов В. Г. Богораза, включая многочисленные статьи и сборники фольклорных текстов, не переиздавались многие десятилетия, а нередко — и с самого момента их появления в конце XIX в. или в первые годы XX в. (Богораз, 1899, 1900, 1901, 1913)². Их немногие экземпляры или старые журналы, где они были напечатаны, доступны лишь в центральных библиотеках

России. Вот почему имеющиеся на Чукотке книги и статьи В. Г. Богораза, опубликованные при его жизни, можно буквально пересчитать по пальцам.

Ещё сложнее с зарубежными изданиями. Хотя В. Г. Богораз всегда официально называется «выдающимся российским ученым», большинство его важнейших работ были первоначально изданы за границей на английском языке. Многие так и остались непереуевенными, например, собрания фольклора жителей Чукотки — чукчей, эскимосов, коряков, марковчан и русских старожилов, — записанные Богоразом в 1900–1901 гг. (Bogoras, 1910, 1913, 1917, 1918). Значительная часть этнографических коллекций В. Г. Богораза, его фольклорные и музыкальные записи и почти все фотографии, снятые им в экспедициях на Чукотке, также хранятся в США, главным образом, в Американском музее естественной истории. Этот музей финансировал полевую работу Богораза на Чукотке в 1900–1901 гг. в составе Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции (Крупник, 2001; Фото I-1)³. Часть коллекций, собранных Богоразом ещё во время Сибиряковской экспедиции 1895–1897 гг. на Колыме, находится в Иркутском областном музее.

Неудивительно, что «настоящий Богораз» на Чукотке мало известен или, точнее, мало доступен, так что открытие этого выдающегося учёного в краю его славы на самом деле только начинается.

Широкому читателю и жителям Чукотки так же мало известны и некоторые сложные стороны жизни В. Г. Богораза, например, идеологическая критика, которой он подвергался в последние годы своей жизни. Не баловали вниманием и научной славой Богораза и в два первых десятилетия его научной карьеры (1898–1918 гг.), поскольку

Тропой Богораза

ку он не имел хорошей «академической биографии» — был ссыльным каторжанином, революционером, человеком без реального образования, постоянного места работы и крещёным евреем без возможности преподавания в университете.

Словом, большую часть жизни Богораз был совсем не похож на того почтенного академика с седой бородкой клинышком, которого можно видеть на некоторых поздних фотографиях, кочующих из одного юбилейного издания в другое (фото I-2). Однако сохранились и совсем другие, полевые, снимки Богораза — усталого, заросшего бородой, исхудавшего, но неизменно счастливого (фото I-3, I-4, I-5). Очень недолго, примерно между 1922 и 1930 гг., В.Г. Богораз был действительно в зените своего научного и общественного влияния. В эти короткие годы и были заложены основы наследия Богораза, выучены десятки студентов-этнографов и лингвистов-северян, культурных работников и активистов из числа молодёжи народов Севера.

Реальный образ личности Богораза, его судьба предстали перед нами во всей сложности лишь в самые последние годы — в недавно опубликованном биографическом очерке Е.А. Михайловой (2004) и статье С. Кана (Кап, 2006). Е.А. Михайлова совершенно справедливо обратила внимание на двойственность (раздвоенность!) личности Богораза, которую он сам хорошо осознавал и постоянно подчёркивал в использовании своего двойного имени «Тан-Богораз» или «Богораз-Тан». «И так я стал человеком двуличным, двойственным. С правой стороны Богораз, а с левой — незаконный Тан. Тан — это «революционер, потом беллетрист, ненасытный художник, всемирный гражданин»; Богораз — «малодушный обыватель», ставший «профессором частной этнографии», «учёным хранителем МАЭ АН СССР» (Михайлова, 2004, с. 95; Богораз, 1926–1927).

В.Г. Богораз ушёл из жизни в мае 1936 г., — внезапно, на гребне славы, полным энергии и сил, но с горечью можно сказать, что очень

«вовремя». Он успел ощутить всю грядущую тяжесть новой эпохи. Уже были арестованы и сосланы многие бывшие соратники, друзья, коллеги по научной деятельности. Были реорганизованы или «очищены» от реального влияния Богораза многие созданные им или важные для него центры научной и общественной деятельности — этнографический факультет, а затем этнографическое отделение Ленинградского университета, Комитет содействия и защиты малых народностей Севера и Сибири («Комитет Севера»), Комиссия единого алфавита для народов Севера, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера, Музей антропологии и этнографии АН СССР⁴.

Уже несколько лет самого Богораза не выпускали за границу на международные научные конференции и встречи. С начала 1930-х гг. он стал объектом постоянной критики как «недостаточный марксист» или «мелкобуржуазный учёный», и был вынужден публично признаваться в своих заблуждениях, несовершенных ошибках, обещать «пересмотреть свои взгляды с позиций марксизма», критиковать своих зарубежных коллег и друзей (Кап, 2006).

Научному наследию Владимира Богораза долгие годы не было места в науке о «некапиталистическом пути развития народов Советского Севера», науке, которая пришла на смену тому, что десятилетиями делал сам В.Г. Богораз и чему он учил студентов.

Вскоре после его смерти разработанные им или под его руководством латинизированные алфавиты для чукотского, эскимосского, эвенкийского и эвенского языков были заменены новой письменностью. Все изданные к тому времени книги, словари, учебники и пособия на этих языках оказались «устаревшими», были изъяты и уничтожены. Поэтому современным читателям часто не известно, что В.Г. Богораз был вдохновителем и мотором целого потока публикаций, исследований и практических действий по развитию культур и языков всех народов Северо-Востока:

не только чукчей, но и азиатских эскимосов, юкагиров, марковцев, эвенов, коряков.

И всё же, сам Богораз и его труды избежали куда более печальной судьбы многих его учеников и современников. Большая часть когорты молодых учёных-североведов, воспитанных на этнографическом отделении Ленинградского университета под руководством Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза в 1920-е гг. и в Институте народов Севера в 1930-е гг., была уничтожена или надолго вычеркнута из науки в годы сталинских репрессий, погибла на фронтах Великой Отечественной войны, в блокаде или эвакуации (Kgur'nik, 1998). Труды этих учёных не переиздавались, оставшиеся рукописи не печатались, а имена преданы забвению. Кто сейчас на Чукотке и Камчатке, кроме немногих специалистов, знает о работах Н.Б. Шнакенбурга, П.Н. Орловского, П.Ю. Молла, В.И. Иванчикова, Г. Корсакова, С.Н. Стебницкого, К.Б. Шаврова, Н.Н. Билибина, К.И. Бауэрмана, А.А. Аполлова, М.О. Кноффмиллер, А.И. Иоффе, Г.И. Мельникова и многих других?!

В наши дни учёные Москвы и Петербурга, Магаданской области и Республики Саха (Якутия) ведут работу по восстановлению «забытых имён» репрессированных или рано умерших учёных-североведов 1920–1940-х (Васильков, Сорокина, 2003; Дьячкова, 2000; Ксенофонтов, 1992; Лебединцев, 2002; Решетов, 1994, 1995; Стрюченко, 2001; Тумаркин, 1999, 2003; и др.), но на Чукотке такая работа только начинается.

К «наследию Богораза» надо отнести и молодых активистов из числа коренных северян, уехавших в 1920–1930-е гг. в Ленинград учиться «у Богораза» в Институте народов Севера. Многие из них упомянуты в сносках книг или научных статей 1930-х гг., на титульных листах старых букварей, учебников и языковых сборников как «информанты», «помощники», «участники», иногда даже «составители» или «со-редакторы». Давно нет тех старых книг и букварей, и мало кто из молодого и среднего поко-

лений учёных и коренных жителей сейчас может сказать (и нигде не сможет узнать!) кто такие были Амкаун, Нынлювак, Ктугье, Бычков, Лейта, Таю, Альпырахтынга, Какля, Касыга, Татак и другие, составившие ещё одну часть «наследия Богораза»⁵. Многие из них умерли молодыми в 1930–1940-е гг., их имена практически не упоминаются в научной литературе. «Вернуть» эти имена — ещё одна важная задача для тех, кто занимается культурой Чукотки.

Конечно, после смерти В.Г. Богораза этнографические, языковые, музейные, археологические исследования Чукотки продолжались. Реже, но издавались буквари, учебники, словари, сборники фольклора на местных языках или для школ народов Севера. Но оставшиеся в науке представители «послебогоразовского» поколения — С.И. Руденко, М.А. Сергеев, И.С. Вдовин, П.Я. Скорик, Г.А. Меновщиков, Е.С. Рубцова, К.С. Сергеева, Е.П. Орлова, В.В. Антропова, С.В. Иванов и другие — должны были приспособливаться к новым условиям. Связи с зарубежными учёными были нарушены, а цитировать работы опальных коллег нельзя было ещё целые десятилетия. Неизбежным следствием этого оказалось снижение внимания современных этнографов к своим предшественникам, уважения и чувства благодарности к ним за их поистине героический труд.

«Забытыми» оказались и многие наши современники, ушедшие из жизни в последние два–три десятилетия уже на нашей памяти. Их имена почти не встречаются в местных публикациях и редко упоминаются вне узкого круга друзей. Этот список, к сожалению, велик: Варвара Кузнецова, Владилен Леонтьев, Александр Вольфсон, Леонард Вотрогов, Игорь Лавров, Дориан Сергеев, Нина Емельянова, Владимир Лебедев, Александр Пика, Юрий Симченко, Галина Афанасьева, Петр Инэнликей, Владимир Иванов-Унаров, Вера Анальгвасяк и другие. Не все они были профессиональными этнографами, но все внесли ощутимый вклад в сохранение традиционных культур народов Чукотки.

Тропою Богораза

К ним нужно добавить имена десятков старейшин из числа коренных жителей Чукотки — прекрасных знатоков прошлого, уникальных рассказчиков, хранителей памяти и традиций предков, чьи знания останутся лишь в том виде, как их сохраняют и передадут их бывшие слушатели и потомки.

В нынешнем сборнике сделана попытка восстановить хотя бы часть этих забытых имён, оценить вклад наших предшественников в изучение народов Чукотки, воспроизвести старые тексты и истории. В этом он совсем не похож на привычное «юбилейное издание» в честь В.Г. Богораза и его учеников.

И потому название нашей книги «Тропою Богораза» неожиданно точно передает то,

что на самом деле пришлось совершить её авторам и составителям, а теперь предстоит сделать её читателям. Мы действительно идем «тропою» (не «дорогой»!) В.Г. Богораза, то есть некогда хорошо известным, но уже забытым путём, на котором приходится расчищать завалы, восстанавливать приметные в прошлом места и повороты, вспоминать забытые имена и названия, связанные с ними истории. Именно так ходят «по тропе» опытные люди, для которых каждая тропа в тундре и тайге — это открытая книга памяти и неиссякаемая связь поколений. Хорошо, что на этом пути теперь нам служит маяком монументальная фигура Владимира Богораза.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Автор благодарен своим коллегам — Е.А. Михайловой, А.А. Сириной и С. Кану — за ценные советы и комментарии, а также хранителю фотоколлекций Американского Музея Естественной Истории Барбаре Матэ за разрешение использовать фотографии В.Г. Богораза для иллюстраций настоящей статьи и всей книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Далеко не полный список работ о В.Г. Богоразе на русском языке насчитывает более 100 названий, в том числе свыше 20 биографических статей, опубликованных к разным юбилейным датам в связи с днём рождения или смерти учёного (Колонтеева, 1991). Некоторые из этих статей включены в список литературы, приведённый ниже. *Прим. авт.*

²Всего В.Г. Богоразом было опубликовано более 100 научных работ (см. библиографии его публикаций — Кагаров, 1935; Колонтеева, 1991 и самый полный список в недавнем немецком издании Gernet, 1999). Из них на русском языке за последние 20 лет были переизданы единицы, в большинстве — отрывками или отдельными частями. *Прим. авт.*

ЛИТЕРАТУРА

- Алькор П.Я. В.Г. Богораз-Тан // СЭ. М., 1935. № 4–5. С. 5–37.
- Беликов Л.И. В.Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора // Учёные записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. СПб., 1967. Т. 53. С. 80–89.

³В МАЭ хранится лишь небольшая часть этнографических коллекций и фотографий В.Г. Богораза, в основном, дубликатов. *Прим. авт.*

⁴Многие из них были закрыты или полностью изменили профиль вскоре после смерти В.Г. Богораза в 1936 г. Практически весь состав научных сотрудников и преподавателей Института народов Севера был арестован и репрессирован в 1937 г., а институт расформирован. *Прим. авт.*

⁵Я привожу здесь известные мне имена молодых эскимосов-студентов 1930-х гг., которые участвовали в составлении первых букварей, словарей и школьных книг для чтения на эскимосском языке. Такая же судьба постигла большинство студентов-активистов первого поколения из числа других народов Чукотки — эвенов, юкагиров, коряков, марковчан. *Прим. авт.*

• Богораз В.Г. (Богораз-Тан) Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранных в Колымском округе В.Г. Богоразом // Изв. АН. 1899. Т.10. № 3. С. 269–318.

• Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском

округе В.Г. Богоразом. Часть 1. // Тр. Якутской экспедиции, снаряжённой на средства И.М. Сибирякова. СПб.: АН, 1900. Отдел III. Т. XI. Ч. III. 417 с. + XXXVI.

• *Богораз В.Г.* Областной словарь Колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В.Г. Богораз // *Сб. Отделения русского языка и словесности АН.* 1901. Т. LXVIII. Прил. № 4. 346 с.

• *Богораз В.Г.* Чукотские рисунки (с 24 таблицами рисунков в тексте) // *Сб. в честь 70-летия профессора Д. Н. Анучина.* М., 1913. С. 397–420.

• *Богораз В.Г.* Автобиография В.Г. Тана-Богораза // *Арх. МАЭ РАН.* 1926–1927. К. 1, Опись 1. Дело 380.

• *Богораз В.Г.* Тан-Богораз Владимир Германович (автобиография) // *Энциклопедический словарь Русского библиографического института.* М.: Гранат, 1927. Т. 40. Столбцы 436–449.

(Сокращенный и отредактированный вариант автобиографии переиздан в репринтной публикации «Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат». М., 1989. С. 232–239. См. также Колонтеева, 1991. С. 5–17).

• *Богораз В.Г.* Чукчи. Часть 1. Социальная организация. / Авт. пер. с англ. Л.: Научно-исследовательская ассоциация Ин-та народов Севера, 1934.

• *Богораз В.Г.* Чукчи. Часть 2. Религия / Авт. пер. с англ. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.

• *Богораз В.Г.* Чукчи. Материальная культура чукчей. (Извлечения из книги) // *Северные просторы.* М., 1989. № 1. С. 40–43 № 2. С. 40–43 № 3. С. 40–41 № 4. С. 40–42 № 5. С. 39–42 № 6. С. 40–42.

• *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей / Авт. пер. с англ. М.: Наука, 1991.

• *Вдовин И.С.* В.Г. Богораз как исследователь языков народов Северо-Востока // *На Севере Дальнем.* Магадан, 1957. С.174–188.

• *Вдовин И.С.* В.Г. Богораз – исследователь языков и культуры народов Северо-Востока Сибири: к 100-летию со дня рождения // *СЭ. М.,* 1965а. № 3. С. 70–78.

• *Вдовин И.С.* В.Г. Тан-Богораз // *Сибирские огни.* 1965b. № 4. С. 238–243.

• *Вдовин И.С.* В.Г. Богораз – ученый, писатель, общественный деятель. К 125-летию со дня рождения // *СЭ. М.,* 1991. № 2. С. 82–92.

• *Винников И.Н.* Библиография этнографических и лингвистических работ В.Г. Богораза // *СЭ. М.,* 1935. № 4–5. С. 235–241.

• Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток. Библиограф. указатель. Магадан, 1991. С. 18–26.

• Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток / Сост. Колонтеева И.В. // Библиограф. указатель «Помни их имена». Магадан: Обл. университетская б-ка, 1991. Вып. 6.

• *Воскобойников М.Г.* Владимир Германович Тан-Богораз // *На Севере Дальнем.* Магадан, 1965. № 1. С. 105–126.

• Диковские чтения / Ред. А.И. Лебединцев // *Мат. науч.-практ. конф., посв. 70-летию Дальстроя.* Магадан: СВКНИИ, 2002.

• *Дьячкова А.Н.* Г.В. Ксенофонов: ученый и общественно-политический деятель. Якутск, 2000.

• Забытые имена. История Дальнего Востока России в лицах / Ред. И.Г. Стрюченко. Владивосток, 2001. Вып. 2.

• *Зеленин Д.К.* В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист // *Сб. Памяти Богораза (1865–1936).* М.–Л., 1937. С. v–xviii.

• *Иванов С.В.* Памяти В.Г. Богораза // *СЭ. М.,* 1946. № 3. С. 3–8.

• *Клейн М.Ф.* Основные даты жизни и творчества В.Г. Тана-Богораза, список его научных работ // *Записки Чукот. окр. краевед. музея.* 1967. Вып. 4. С. 69–72.

• *Ксенофонов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Якутск: Нац. изд-во Республики Саха, 1992.

• *Кулешова Н.Ф.* В.Г. Тан-Богораз. Жизнь и творчество. Минск: Изд-во БГУ, 1975.

• *Леонтьев В.В.* Научная деятельность В.Г. Богораза на Чукотке // *Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней.* Новосибирск: Наука, 1974. С. 129–131.

• Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. В.Я. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: *Петербургское востоковедение*, 2003.

• *Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: учёный, писатель, общественный деятель // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века* / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.

Тропою Богораза

- Отдание долга. Памяти сотрудников Института этнографии АН СССР, погибших в блокадном Ленинграде // *ЭО*. 1995. № 2. С. 40–62.
- Райзман Д.И. В.Г. Богораз – революционер, писатель, учёный // *Записки Чукотского краеведческого музея*. 1967. Вып. 4. С. 3–10.
- Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 1999. Вып. 1.
- Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. Вып. 2.
- Решетов А.М. Репрессированная этнография: люди и судьбы // *Этнографические тетради*. 1994. № 4. С. 185–221. № 5–6. С. 342–368.
- Шахнович М.И. Советский историк религии В.Г. Богораз-Тан (К столетию со дня рождения) // Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.–Л., 1966. С. 269–297.
- A Jesup Bibliography. Tracking the Published and Archival Legacy of the Jesup Expedition. In Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1887–1902. // Contributions to Circumpolar Anthropology / Eds. I. Krupnik and W.W. Fitzhugh. Washington, DC: Arctic Studies Center, 2001. 1. Pp. 297–316.
- Bogoras, Waldemar. The Chukchee // *Memoirs of the American Museum of Natural History*. Leiden; New York, 1904–1909. VII.
- Bogoras, Waldemar. Chukchee Mythology // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. New York, 1910. VIII. Pt.1.
- Bogoras, Waldemar. The Eskimo of Siberia // *Memoirs of the American Museum of Natural History*. New York; Leiden, 1913. VIII. Pt. 3. p. 417–465.
- Bogoras, Waldemar. Koryak Texts // *Publications of the American Ethnological Society*. Washington, 1917. 5.
- Bogoras, Waldemar. Tales of Yukaghir, Lamut, and Russianized Natives of Eastern Siberia // *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*. New York, 1918. 20. Pt.1.
- Gernet, Katharina. Vladimir Germanovi Bogoraz (1865–1936). Eine Bibliographie // *Osteuropa-Institut München Mitteilungen*. München, 1999. 33.
- Jesup Genealogy. Intellectual Partnership and Russian-American Cooperation in Arctic. North Pacific Anthropology. Part 1: From the Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948 // *Arctic Anthropology*. 1998. 35(2). Pp.199–226.
- Kan, Sergei “My Old Friend in a Dead-end of Empiricism and Skepticism”: Bogoras, Boas, and the Politics of Soviet Anthropology of the late 1920s-early 1930s. // *Histories of Anthropology* / Eds. Frederic Gleach and Regna Darnell. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006. Annual 2.
- Krupnik, Igor The “Bogoras enigma”. Bounds of cultures and formats of Anthropologists // *Grasping the Changing World. Anthropological concepts in the postmodern era.* / Ed. Hubinger. 1996. Pp. 35–52.

В. Г. БОГОРАЗ. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

В 1865 году, 27 апреля по новому, или 15 апреля по старому стилю, в старинном украинском городке Овруч на Волынском Полесье родился выдающийся учёный и писатель В. Г. Богораз-Тан. При рождении ему дали имя Натан. Его отец был учёным-даином — толкователем священной книги иудеев Талмуда или, как замечает сам В. Богораз в автобиографии, «учёным экспертом... по части еврейских обрядов». Своим детям он хотел дать хорошее образование, но для этого надо было вырваться за так называемую «черту оседлости», существовавшую в царской России для евреев и других инородцев. Было только одно решение этой проблемы — смена вероисповедования через принятие православия. Семью вероотступника, или выкреста, единоверцы не простили, и от расправы — побития камнями — спасла лишь громадная физическая сила отца. Чтобы не искушать судьбу, семья из Овруча переехала в Таганрог, где Натан поступил в гимназию. Классом старше в гимназии учился Антон Чехов. (В творческом наследии Богораза есть очерк о Чехове и стихотворение на смерть писателя).

В двадцать лет Натан принял православие. Вот как об этом написал он в своей автобиографии в 1926 году: «Мое погружение в православную купель произошло осенью 1885 г. Был я Натан Менделевич Богораз, стал Владимир Германович Богораз, — Германович по крёстному отцу, как тогда полагалось. В то время принять православие значило перестать быть евреем. Я, однако, евреем быть не перестал, о чем засвидетельствовал многими поступками. Кстати, мое литературное имя «Тан» есть расчлененная подпись Н. А. Тан, т. е. имя Натан» (Богораз, 1926–1927). У трёх братьев и четырёх сестер Владимира Богораза были другие отчества по именам их крёстных отцов.

Жизнь Владимира Германовича, его учёба, участие в революционном народническом движении и ссылка на каторгу в Средне-Колымск довольно подробно описаны в литературе. Я же хочу обратить внимание на некоторые малоизвестные детали его жизни или их неверную трактовку.

Так, в биографических очерках о В. Г. Богоразе обычно пишут, что он состоял в подпольной партии «Народная воля». К этому следует добавить, что Владимир Германович входил в состав южного, самого радикального, крыла под названием «Чёрный передел» и был редактором печатного издания этой части партии, в том числе последнего номера журнала «Народная воля».

В биографии В. Г. Богораза существуют несколько неточностей, связанных с его пребыванием на Севере. Магаданский историк Д. С. Райзман пишет: «Только благодаря хорошему знанию края, авторитету Вэйпа — «пишущего человека» (так прозвали Богораза местные жители) — экспедиция завершилась успешно» (Райзман, 1967. С. 7). Речь в данном случае идет о работе Анадырского отряда Северо-Тихоокеанской Джесуповской экспедиции. Что означает слово «Вэйп»? Ответ дает сам Владимир Германович в рассказе «Олька-оленьчик»:

«Слушай меня, Вэйп! (Так называли меня чукчи по предполагаемому сходству моего лица с одним чукотским торговцем, умершим несколько лет тому назад)» (Тань, 1899).

В «Северной энциклопедии» сказано, что Богораз «в чукотских стойбищах получил имя Вэйп и прозвище «Пишущий человек» (Северная энциклопедия, 2004. С. 101). Здесь правильно указаны два разных понятия: Вэйп означает имя, данное чукчами Владимиру Германовичу из-за сходства с

Тропою Богораза

умершим торговцем, а его самого по роду занятий они называли «Пишущим человеком».

Во время работы Анадырского отряда Джесуповской экспедиции Богораз в 1900–1901 гг. побывал в Ново-Мариинске трижды. Уже в 1900 г. Владимир Германович написал очерк «Золотые утки», где упоминает Ново-Мариинск только под названием «Анадырь». Таким образом, Богораз ещё в 1900 г., пожалуй, первым ввёл в обращение слово «Анадырь» вместо «Ново-Мариинск». Правда, впоследствии, уже в изданиях советского времени, он отходит от названия «Анадырь», и мы снова в его работах читаем: «Ново-Мариинск». Но неизвестно, писал ли он так сам, или это правка редакторов изданий.

В самом начале очерка «Золотые утки» он отмечает, что «отправился из Владивостока в долгое анадырское плавание, <и> сверх всякого ожидания собралось такое многочисленное и разнообразное общество, какое в ту пору встретить <можно было> только в самых людных и многопосещаемых водах» (Тан, 1910b. С. 185). Это был пароход «Байкал», единственный государственный русский почтовый пароход, регулярно ходивший раз в год в Ново-Мариинск. Вместе с В.Г. Богоразом на Чукотку выехала и его жена Софья Константиновна. В этом очерке есть немало интереснейших эпизодов. Прежде всего, упоминания о первых поисках золота на Чукотке. Именно с золотом во многом и было связано «такое многочисленное и разнообразное общество». Вот как пишет об этом автор:

«Большей частью всё это были золотоискатели, привлечённые шальным слухом о новом Эльдorado, найденном будто бы американцами на берегах Берингова моря, и устремившиеся на холодный север, как бабочки на огонь, без всякого раздумья о затратах и неудачах» (Тан, 1910b. С. 185).

В 1900 г. к берегам Чукотки и в сам Анадырский лиман подошло судов больше, чем когда-либо ранее. Богораз отмечает, что «к нашему удивлению, на горизонте опять появилось судно. Это было уже третье судно

за две недели, что до того времени не было слышано на устье Анадыря» (Тан, 1910b. С. 207). На его борту также были золотоискатели из числа мелких чиновников и отставных офицеров, которые «снарядили экспедицию искать золотое руно на севере, не имея даже определённого понятия о том, где лежит Анадырь или мыс Дежнёва» (Тан, 1910b. С. 208). А ведь к берегам Чукотки шло и четвёртое судно на соединение с экспедицией геолога К.И. Богдановича, который искал золото у северных и восточных берегов Чукотки и заходил даже в Анадырь на борту пятого судна – «Самоа», зафрахтованного им в Неме. Но большого золота тогда не нашли. Зато было промышленное золото, давшее жизнь первому прииску на Чукотке, что сделало Анадырь весьма привлекательным местом. Первые же признаки «золотой лихорадки» и образы авантюристов, вдохнувших новую жизнь и в сам Анадырь, очень чутко уловил и описал в своём очерке Богораз.

В Анадырь Владимир Германович прибыл 4 июля 1900 г. (по старому стилю). На эту дату, 4 июля, которую приводит сам Богораз, следует обратить особое внимание. Дело в том, что биографы обычно называют временем приезда июнь (Райзман, 1967. С. 7; Вдовин, 1991. С. 217). Но даже сейчас, при проводке судов с помощью ледоколов, навигация в Анадырском лимане редко открывается раньше третьей декады июня. Да и сам учёный в монографии «Чукчи» отмечает, что вскрывается «устье-лиман Анадыря – у Мариинского Поста 17 июля (сведения 1900 года)» (Богораз, 1934. С. 12). Здесь нет противоречия: даты в издании 1910 г. даны ещё по старому стилю, а первая часть монографии «Чукчи» вышла на русском языке в 1934 г., то есть уже с поправкой на новый стиль. Ошибки живучи, и даже в солидной «Северной энциклопедии» (2004. С. 101) снова временем его приезда в Анадырь значится не июль, а июнь. В очерке «Золотые утки», где даты даны по старому стилю, указан день прибытия в Анадырь – 4 июля. А с учётом поправки на новый стиль этой датой следует считать 17 июля 1900 г.

В «Золотых утках» автор описывает и начало своей работы в Анадыре. Для этого он «съехал на берег, поставил свою палатку и принялся возиться с чукчами, которые ежедневно съезжались с окрестных стойбищ» (Тан, 1910b. С. 207). И, как заметил ещё до революции другой знаток Анадырского края, геолог Петр Полевой, Богораз «посетил многие непосещённые места Анадырского края» (Полевой, 1915. С. 12). Это же подтверждает и историк С.Б. Слободин (1998), который пишет, что первые четыре месяца Богораз провёл в лагерях оленных чукчей, разбросанных летом по морскому побережью.

Во время поездок Богораз на Чукотский полуостров, остров Св. Лаврентия и Камчатку работы по программе отряда продолжали его жена София и швейцарский студент Александр Аксельрод. Отряд собрал крупные этнографические коллекции, записал фольклор и музыкальные мелодии коренных жителей на фонограф, сделал сотни прекрасных фотографий, которыми по праву гордится Музей естественной истории в Нью-Йорке. Вот что писал об этом более двадцати лет спустя сам Владимир Германович в своей автобиографии: «Вторая экспедиция-ссылка, на этот раз добровольная, — Камчатка, Анадырь, Чукотская Земля. Я сделал за зиму, должно быть, 10000 верст, собрал сотни пудов этнографических коллекций и переправил в Америку, а сам через Японию проехал во Владивосток и через Манчжурию в Питер» (Богораз, 1926–1927).

По словам известного этнографа И.С. Гурвича, который изучал коллекции Богораз в Музее естественной истории Нью-Йорка, «всё, что было собрано, переправили в Америку. Помогал им русский флот, который находился на Камчатке» (Рига, 1987. С. 10). В своё время десятки копий фотоснимков из Нью-Йорка были переданы музею в Анадыре. А оригиналы записей фольклора на восковых валиках фонографа разыскала в США московский музыковед Татьяна Шенталинская. По инициативе профессора Ф. Боаса, некоторые коллекции ещё в 1905 г. вернулись в Россию и сегодня хранятся в

Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), но, к сожалению, на Чукотке они до сих пор неизвестны.

Экспедиция дала обильный материал для документальных очерков и многих научных трудов В.Г. Богораз, а также для его художественной прозы. В большинстве статей и очерков содержатся интереснейшие сведения, которые имеют прямое отношение к Анадырю и помогают внести ясность в ряд малоизвестных или даже спорных вопросов, связанных с его историей.

Так, в первой части монографии «Чукчи» есть чёткое указание места, где был основан Ново-Мариинский пост, — рядом с чукотским селением «Въэн — в Анадырской бухте, близ устья Анадыря. Русские впоследствии основали поблизости свой посёлок и назвали его Мариинским Постом. В прежние времена чукотское селение лежало ближе к океану, на низком песчаном берегу земли Гека» (Богораз, 1934. С. 14).

Как известно, место для основания нового поселения, согласно предоставленному ему праву, выбрал первый начальник Анадырской округи Л.Ф. Гриневецкий. Замечание В.Г. Богораз я привел неслучайно. Дело в том, что в последней четверти минувшего века в нескольких научных работах были приведены ошибочные сведения по этому вопросу. Так, Г. Абакумов утверждал, что «...Баранов организовал небольшой торговый центр в устье р. Анадырь, около которого стали затем селиться чукчи, и в 1830 г. образовался пос. Вен, где в 1889 г. Гриневецкий построил пост, названный Ново-Мариинским» (Очерки истории Чукотки., 1989. С. 109).

Однако В.Г. Богораз вполне обоснованно описал иное место ярмарки, организованной П. Барановым: «Лучшим местом для торговых собраний является <...> местность близ устья Анадыря, так как путешествие сюда из ближайших чукотских селений через бухту Креста может быть совершено в весеннее время года в течение пяти или шести дней». И дальше, что особенно важно: «В первой половине прошлого столетия место собрания

Тропою Богораза

было на тундре в двадцати милях к северу от устья Анадыря, близ Заячьих гор (Ушканий хребет)...» (Богораз, 1934. С. 83).

Вот, оказывается, где была ярмарка П. Баранова, с которой Г. Абакумов отождествлял место основания Ново-Мариинска, — на левом берегу лимана, а не на правом, где находится Анадырь. Да и не на самом берегу, а у отрогов Ушканьего хребта. На это место Богораз указал ещё раз в монографии «Чукчи» (Богораз, 1934. С. 85). Можно добавить, что второй начальник Анадырской округи, Н. Л. Гондатти, также дает привязку ярмарки к Ушканьему (Золотому) хребту: «В половине апреля почти все беломорские чукчи сосредоточиваются около Ушканьего хребта (*Мэлюнэй*), где у них телятся олени и куда приезжают к ним, для мены, сидячие инородцы» (Гондатти, 1897. С. 172).

В. Г. Богораз не только защитил приоритет Л. Ф. Гриневецкого, но и описал быт первых обитателей нового поселения в рассказе «Казачи у Полярного круга»: «Мариинский пост брошен в Анадырском лимане, близ устья широкой реки. Он помещается в землянке, обложенной дёрном, и без всяких сеней. Землянка отапливается привозным углём и к вечеру, как только закроют трубу, наполняется синим угаром. Гаснут керосиновые лампы, темнеют жирники из ворвани, а привычные лбы питомцев Камчатки выносятся, не ломаясь... Выскочит казачок на минуту на воздух, ткнется головой в сугроб и снова в землянку» (Тан-Богораз, 1958. С. 56). «Привычные лбы питомцев Камчатки» — это команда камчатских казаков в Ново-Мариинске.

Для нынешних жителей Анадыря будет интересным узнать, во что же обошлось основание нашего города. Богораз сообщает: «Приморский губернатор во Владивостоке сказал преемнику Гондатти (штабс-капитану П. Сокольникову): «Мы дали Гриневецкому 2000 руб. на исследование области и дали Гондатти 1500 руб. Теперь мы считаем, что область вполне исследована» (Богораз, 1934. С. 61). Простой расчёт показывает, что, даже при высоком курсе рубля тех лет, деньги, выделенные на основание нового по-

селения и исследовательские работы, были попросту ничтожны.

Коренные жители громадного Анадырского края сразу же оценили преимущества и значимость нового поселения в своей жизни. Через несколько лет после основания Ново-Мариинска адъютант Приамурского генерал-губернатора, граф А. Олсуфьев писал: «Торговый оборот около поста Ново-Мариинский дошёл в течение каких-нибудь 4 лет до солидной цифры 10000 руб.» (!) (1898. С. 172–173).

Вернемся, однако, к трудам В. Г. Богораза. Сведения о Ново-Мариинске — Анадыре у него рассыпаны в разных работах. Так, он сообщает, что «зимой 1901 г., например, чукотские семьи Мариинского поста близ устья Анадыря, сильно страдая от голода, съели почти всех своих собак» (Богораз, 1991. С. 39).

Привлекает внимание ещё одна особенность трудов и литературных произведений В. Г. Богораза: в них всегда присутствует указание местности и имён информантов или персонажей, особенно коренных жителей. Во второй части монографии «Чукчи» автор приводит массу заклинаний чукчей. Многие из них записаны в Мариинском посту, причём не только у шаманов. После каждого текста заклинания даны точное место записи и имя информанта (Богораз, 1939. С. 165–174).

Интересные сведения содержатся в статье «Чукотские рисунки» (Богораз, 1913). Поражает большой объём собранного материала — «обширнейшая коллекция рисунков на бумаге, до 800 номеров». Среди опубликованных таблиц «две таблицы рисунков, сделанных на Мариинском посту Анадырского округа сидячим чукчей Рытегреу». В первой из них зарисованы морские растения и раковины, во второй — полевые растения. Рисунки сопровождаются чукотскими названиями и их краткими описаниями как биологических объектов. Есть у Рытегреу рисунки и на другие темы.

И. С. Гурвич считает, что Богораз подошёл к рисункам чукчей не как к образцам художественных произведений (он отметил лишь значительные художественные способ-

ности народов, живущих на Северо-Востоке Азии), а как к этнографическому материалу.

Среди громадного научного материала, собранного участниками Анадырского отряда, особое место занимают сотни фотографий, большинство которых в России до сих пор неизвестны. Немногим более восьмидесяти опубликованы по инициативе И. С. Вдовина, ученика Владимира Германовича, в книге В. Г. Богораза «Материальная культура чукчей». Её авторизованный перевод с английского издан только в 1991 г. Есть среди этих снимков и сюжеты, снятые в Ново-Мариинске–Анадыре. Об их содержании говорят авторские названия: «Кормление собак у Мариинского поста», «Установление чукотского зимнего жилища в Мариинском посту», «Чукотское зимнее жилище в Мариинском посту в ходе сооружения», «Чукотское зимнее жилище в Мариинском посту», «Чукотская лачуга в Мариинском посту».

Как уже говорилось выше, в 1905 г., по инициативе президента Американского музея естественной истории Ф. Боаса, в Кунстка-

меру Санкт-Петербурга (МАЭ) были переданы некоторые вещи, собранные участниками Анадырского отряда (138 предметов быта и некоторые модели). Эта небольшая коллекция называется «Русские на Анадыре», в её паспорте значится, что коллекцию собрали В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. В фондах МАЭ хранятся предметы из других коллекций, собранные разными лицами в Анадырском крае и описанные регистратором (так именовалась должность) В. Г. Богоразом. Не исключено, что среди них также могут быть объекты (артефакты) из Анадыря, собранные лично Владимиром Германовичем и имеющие отношение к истории города.

В заключение автор хотел бы отметить, что эта статья – лишь первая попытка собрать воедино сведения вдумчивого и наблюдательного учёного по такой локальной теме, как первые годы Ново-Мариинска. На мой взгляд, поиск следует продолжить, особенно в архивных фондах В. Г. Богораза в России и США, а также в зарубежных публикациях, которые ещё не переведены на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Богораз В. Г. Чукотские рисунки // Сб. в честь 70-летия профессора Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 397–417.
- Богораз В. Г. Автобиография В. Г. Тана-Богораза // Арх. МАЭ РАН. 1926–1927. К. 1, Опись 1. Дело 380.
- Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1934. Ч. 1.
- Богораз В. Г. Чукчи. Л., 1939. Ч. 2.
- Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
- Вдовин И. С. Послесловие // Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
- Воскобойников М. Владимир Германович Богораз-Тан // На Севере Дальнем. Магадан, 1965. № 1. С. 106.
- Гондатти Н. Л. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897.
- Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, её экономического состояния и быта населения. СПб., 1896.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / Ред. Н. Н. Диков. Новосибирск: Наука, 1974.

- Полевой П. И. Анадырский край. Петроградъ, 1915. Ч. 1.
- Райзман Д. С. В. Г. Богораз-Тан – революционер, писатель, учёный // Зап. Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1967. Вып. IV. С. 3–10.
- Рига И. Музейные параллели (интервью с И. С. Гурвичем) // Заря коммунизма. Анадырь, 1987. № 15.
- Северная энциклопедия. М., 2004.
- Слободин С. Б. Деятельность Джемзуповской экспедиции на Охотском побережье, Колыме и Чукотке в 1900–1902 гг. // Мат. Межд. научн. конф. (Владивосток, 1–5 апреля 1998 г.). Владивосток, 1998. С. 99–105.
- Тан В. Г. Собрание сочинений. СПб., 1910а. Т. 2. С. 5.
- Тан В. Г. Скитания. Золотые утки // Собр. сочинений. СПб., 1910б. Т. 4. С. 185–210.
- Тан-Богораз В. Г. Казаки у Полярного круга // Северные рассказы. М., 1958.
- Танъ Н. А. Олень-оленик // Землеведение. 1899. № 8. С. 942–950.

О ТАН-БОГОРАЗЕ ВСПОМИНАЕТ КИВАГМЭ

Катерина Семёновна Сергеева (1899–1975) работала учителем в школе села Урелики в 1933–1934 гг. и, по отзывам коренных жителей, единственная из всех приезжих в совершенстве овладела эскимосским языком. В Уреликах Катерина Семёновна собрала группу школьников-эскимосов во главе с В. Выйе и М. Атата, которые записывали фольклорные тексты от эскимосов-сиреникцев, чаплинцев, аванцев, и издавали первую (и единственную) на Чукотке стенную газету на эскимосском языке. После возвращения в 1935 г. в Ленинград Сергеева написала много учебников и книг для чтения на эскимосском языке, изданных в 1930-е гг. Она слушала лекции В.Г. Богораза и сама преподавала в Ленинградском педагогическом институте. Среди её студентов были бывшие коллеги, учителя из национальных школ Чукотки, впоследствии известные лингвисты-эскимологи Е.С. Рубцова и Г.А. Меновицков.

В 1938–1941 гг. Сергеева снова преподавала в Уреликской школе, а в годы войны работала в школе села Преображенское на острове Медном (Командорские острова). Умерла в Ленинграде. Личный архив Сергеевой, где должны храниться её многочисленные неопубликованные рукописи и фольклорные записи, находится в фондах Магаданского краеведческого музея в г. Магадане. Единственный краткий биографический очерк о К.С. Сергеевой был опубликован С. Будниковой в 1989 г. в магаданских «Краеведческих записках».

Сын К.С. Сергеевой, Дориан Сергеев (1927–1979), которого она привезла на Чукотку маленьким мальчиком, стал известным археологом и в 1960–1970-х гг. руководил раскопками знаменитых древних поселений Уэлена и Эквена.

Одной из первых Катерина Семёновна начала собирать фольклор эскимосов. Наибольшую известность получили её записи сказок и преданий от знаменитого сказителя, эскимоса Кивагмэ (ок. 1895–1940). Он был родом из Кивака, но, оставшись сиротой, переехал в Аван. Во время зимней охоты 1927 г. вельбот с командой, где был и Кивагмэ, унесло в море и после многих дней прибило к острову Св. Лаврентия. Несколько членов команды погибли, а Кивагмэ отморозил пальцы на ногах, потом их пришлось ампутировать. Он стал инвалидом и уже не мог, как прежде, ходить в море.

Сергеева записывала рассказы Кивагмэ, видимо, на эскимосском языке, а затем переводила на русский. Переводы она опубликовала в двух сборниках «Сказочник Кивагмэ», изданных в Магадане в 1962 и 1968 гг. Оригинальные русские версии, очевидно, подверглись сильной редакторской правке. У Кивагмэ чукчи носят придуманные «эскимосские» имена: Укухтукак, Пухтинык, Анлинхак. Но у эскимосов таких имён не существует, да и никто ни разу не упоминал о чукче с эскимосским именем. Обратное явление (эскимосы с чукотскими именами) распространено среди кивакских, чаплинских и сиреникских эскимосов. Вряд ли такое несоответствие могла допустить сама Сергеева, хорошо знавшая жизнь этих народов.

О Кивагмэ мы знаем из предисловий Сергеевой в этих сборниках, а также по воспоминаниям старейшин-эскимосов, которые ещё помнили его в 1970-х гг.

И. Крупник

Имя Владимира Германовича Богораза хорошо известно жителям Крайнего Северо-Востока нашей Родины. В начале XX в. старики-охотники дали ему прозвище «Танапыстак», что в переводе с эскимосского означает «настоящий», «справедливый». И нет ничего удивительного в том, что эскимосский сказитель Кивагмэ сохранил в своей памяти предания, связанные с пребыванием на Чукотке выдающегося учёного-этнографа. Вот что рассказал Кивагмэ.

ЗА СОВЕТОМ

Мне было десять лет, когда Богораз гостил несколько недель в Чаплино. К нему тогда приехал с севера очень толстый кочующий* по имени Укухтукак. Заплывший жиром, страдая от одышки, он стал жаловаться русскому на своё горе:

— Трудно мне жить, тяжело ходить, нечем дышать. Помоги, если можешь, советом.

Танапыстак посочувствовал приезжему, покачал головой:

— Делать следует вот что: во-первых, чай пить через день и только по одной кружке. До чаепития спокойным шагом двадцать раз обойти вокруг яранги. Запомнил? Если этого не сделаешь, умрёшь через двадцать дней.

Уехал Укухтукак. По прибытии домой он начал точно выполнять советы русского мудреца. Правду сказать, было очень трудно. К концу намеченного срока, обогнув двадцатый раз своё жилище, он почувствовал большую усталость. Кружилась голова. Пришлось лечь.

«Завтра наступает день, когда я должен умереть, — горестно говорил он сам себе, — теперь уж всё равно». Ему очень хотелось есть, но от слабости он не мог разжевать твёрдое сушёное мясо и велел сварить себе свежей оленины. — «Всё равно умирать... Порадую себя варёным мясом в последний раз».

Поев вволю горячего, Укухтукак заметил, что в нём сил прибыло. Он повеселел. Миновал двадцатый день, а смерть не пришла. На следующее утро, подкрепившись горячей едой, поехал оленевод к Богоразу.

— Ты говорил, что через двадцать дней я могу умереть, — сказал он, войдя в ярангу, — а я жив. Подсчитай ещё шесть дней пути туда и обратно. Ты, наверное, плохо пошутил надо мной, а я зря поверил?

— Нет, — смеясь, ответил Тынапыстак-Богораз, — ты за дни воздержания и пеших прогулок сильно похудел. Теперь ты немногим толще, чем я. Давай пить чай вместе, — и больше, чем по одной кружке!

ЯЗЫК ВИНОВАТ

Эскимосы звали Богораза по-своему — Танапыстак, верили ему. И они, и чукчи делали иногда большой крюк, чтобы заехать к нему, попить с ним чаю, побеседовать, послушать.

Однажды, — так рассказывают, — пришли к Богоразу двое оленных. Один — хозяин большого стада Пухтинык, второй — кочующий бедняк Анлинхак.

Первым заговорил Пухтинык:

— Тебя на побережье знают и чтят за справедливость. Рассуди нас. Как скажешь,

так и будет. Правильно я говорю? — обратился он ко второму пришедшему.

— Правильно говоришь, — подтвердил Анлинхак.

— Говори, я слушаю, — отозвался на просьбу Танапыстак.

— Шёл я тундрой, увидел этого паренька, узнал по одежде, что он беден, пожалел. Решил выручить незнакомого человека — дал ему пару песцовых шкурок, пока ему трудно. Думал, пусть обменяет шкурки на самое необходимое. Потом, после удачной охоты, вернёт долг. Пока же и ему облегчение, и я доброе дело сделаю... А он нагрубил мне, скверными словами обидел. В сердцах я

* Кочующий, оленный — так прежде называли тех, кто занимался оленеводством. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

отобрал свою пушнину. Он теперь ещё больше дерзит, да ещё и лжёт: требует, чтобы я отдал ему то, что пообещал одолжить в виде помощи, на время. Даже пытался отнять мою собственность силой.

Молодой охотник объяснил происшедшее по-иному:

— Добыл я двух песцов. Нёс их, чтобы обменять на самое необходимое. Проходил тропинкой, пролегающей между больших камней. Там этот человек отдыхал. Он предложил мне дать из своих запасов нужные мне вещи взамен этих двух шкурок. Отдал я песцов. Пухтинык положил их в свой мешок и сказал: «Ничего я тебе не должен, никто нашего разговора не слышал, никто нас вдвоем не видал...». Да ещё и посмеялся надо мной.

Танапыстак спросил бедняка:

— Где вы договаривались? Кого ты можешь поставить свидетелем?

— Договаривались мы в горах, среди больших камней, — печально отвечал паренёк, — а их в свидетели не позовёшь...

— Врёт он! — закричал Пухтинык, — я в горах не бывал!

Тогда русский, улыбнувшись чему-то, сказал юноше:

— Иди в горы, позови в свидетели камень, и мы решим спор.

— Верно, верно, — обрадовался первый претендующий на две спорные шкурки, — хороший совет.

— Как? — растерялся молодой охотник, — камень ведь прийти не может, не будет у меня свидетеля.

— Ты пойдёшь, — сказал Танапыстак, — я дам специальное письмо, — положи его перед камнем и торопись обратно, — свидетель придёт. — Написал он что-то на бумаге, дал бедняку. Поверил тот, что письмо «колдовское», и понёс его к камню-свидетелю.

Много времени прошло. Начал Богораз громко подсчитывать:

— Вот он обошёл последнюю сопочку. Теперь уже скоро, — пожалуй, чайник закипеть не успеет, как паренек вернется. Правильно я говорю? — обратился он неожиданно к оленному.

— Нет, — поспешно ответил тот, — он ещё и половины обратного пути не сделал...

Рассмеялся Богораз:

— Вот ты и проговорился, выдал себя. Подвел тебя твой язык.

Когда Анлинхак вернулся, богатый кочующий при всех отдал ему пушнину, да так в обратный путь заторопился, что и чаевничать не захотел: неудобно ему в пологе сразу показалось.

Так без свидетеля и обошлось.

ТЫ ПРАВ

Когда Богораз жил в Чаплино, в яранге, где он останавливался, было всегдалюдно. Приходили чаплинцы, приезжали из дальних селений. Над жирниками неустанно кипел чай, варилось много мяса. Танапыстак умел слушать, любил пошутить. Говорил он по-чукотски, никогда не улыбаясь во время рассказа, а глаза смеялись.

Однажды заспорили при нём двое: чаплинец и приезжий. Каждый доказывал истинность своей мысли. Словесный поединок тянулся долго, наконец, спорщики устали и обратились к Богоразу, чтобы тот определил, кто из них прав, кто ошибается. Танапыстак выслушал обоих, подумал и обратился сначала к первому:

— Если учесть твой возраст, как ты живёшь, то, наверно, и я, будучи на твоём месте, думал и рассуждал бы точно так же, как ты.

Повернувшись ко второму, Богораз сказал:

— Ты тоже прав: каждый, попав в условия, в которых находишься ты, наверняка доказывал бы свою правоту твоими словами.

Старуха-хозяйка, молча резавшая мясо, не выдержала и вмешалась:

— Но не могут быть правыми две спорящие стороны!

— И ты, несомненно, права, — смеясь, ответил ей Танапыстак.

Спор рассыпался в общем хохоте.

ВЛАДИМИР БОГОРАЗ И СОВРЕМЕННОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НАРОДОВ ЧУКОТКИ

В работах В.Г. Богораза, доступных российскому читателю, есть множество тонких наблюдений об элементах национального самосознания народов Чукотки, которые помогают нам понять, что происходило в XX в. с внутренним миром коренных народов Чукотки, что укрепляло, а что разрушало его.

В XX в. северные народы России пережили несколько социальных потрясений, но крупных — два: сначала замена традиционных ценностей всеобщими советскими, а затем крах советских ценностей, ставших для многих уже привычными и понятными. В периоды переломов, реформаций мы всё больше говорим об общественном этническом сознании, потому что оно является стержнем этноса, его генератором, дающим новый импульс к появлению у народа в тяжёлые для него периоды ясных целей, новых сил, прежде всего — духовных. И сегодня происходит подъём национального самосознания, что видно на примере двух опросов, проведённых с интервалом в 12 лет.

Опрос 1985 г., которым руководил А.Г. Вольфсон, показал, что тогда коренные жители инертно относились к факту замещения традиционной охоты на китов судовым промыслом. В 1997 г. вместе с коллегами я проводил аналогичный опрос жителей 13 береговых сёл Провиденского и Чукотского районов (80 морзверобоев и 10 экспертов по аборигенному китобойному промыслу). Отношение к судовому промыслу кардинально изменилось и стало отрицательным. Все поддержали восстановление традиционной охоты на китов, причем 70 % респондентов отметили, что она важна не только для по-

лучения продуктов питания, но, самое главное, для поддержания культуры и духа коренных народов.

Каждый молодой человек должен знать свои корни, свою принадлежность к определённому народу, общине, роду. Поэтому так важна и актуальна программа «Родословие», которую в течение нескольких лет проводила группа энтузиастов из села Усть-Белая во главе с И.А. Радовым, воссоздавая генеалогические древа чукотских семей. Однако следует помнить, что резкий подъём национального самосознания может быть как положительным, так и отрицательным в конкретных исторических условиях. Поэтому лидеры народов должны направлять в нужное для этноса русло энергию самосознания и попытаться не допускать её перерастания в экстремизм или агрессивный национализм.

Люди должны знать о духовной и материальной культуре своего народа. В этом отношении музеи являются уникальными источниками знаний. Нужно хоть раз увидеть составной лук и защитный панцирь чукотского воина, чтобы ощутить свою связь с землёю наших предков и гордость за свой народ.

Труды В.Г. Богораза и его учеников имеют совершенно особое значение для воспитания у молодых поколений исторической памяти о своём народе, о предках своей семьи. Эти ученые сумели сохранить для нас те традиционные знания, предания и мифы, которые, к сожалению, в значительной степени утрачены современными поколениями коренных народов. А эти знания, прежде всего, необходимы нашим детям.

ЭСКИМОЛОГ АЛЕКСАНДР ФОРШТЕЙН

В нашей статье рассказывается об одном из «забытых» учеников В.Г. Богораза, и о современном проекте, целью которого стало «возвращение» его научного имени и его наследия в виде коллекции исторических фотографий, хранящихся в собрании Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в Санкт-Петербурге. Фотографии, о которых пойдёт речь, частично представлены в настоящем сборнике. Они были сделаны около 80 лет назад в эскимосских посёлках Чукотки талантливым этнографом и лингвистом Александром Семёновичем Форштейном (1904–1968).

Об Александре Семёновиче Форштейне (фото I-21) едва ли знают сегодня на Чукотке. Никто из местных жителей никогда не видел его фотографий до начала нашего проекта. Эти фотографии в виде негативов на стекле и чёрно-белых отпечатков более 75 лет хранились в фондах МАЭ; они практически не публиковались и никогда не использовались как источник по этнографии азиатских эскимосов.

Вклад А.С. Форштейна в этнологию и лингвистику азиатских эскимосов до недавнего времени был почти стёрт из памяти научного сообщества. Подающий надежды учёный, ученик В.Г. Богораза, 33-летний Форштейн был арестован в 1937 г. и приговорен к 10 годам принудительных работ в лагерях ГУЛАГа. Пережив эти испытания и выйдя из заключения, Форштейн уже не вернулся в Ленинград. Не возвращался он больше и к научной деятельности как эскимосский лингвист и этнолог. Ни одна из его работ не была опубликована после 1937 г., и до конца 1950-х гг. его имя было вычеркнуто из официальной истории изучения народов Севера (ср. Меновщиков и Рубцова, 1949; Вдовин, 1954; Левин, Потапов, 1956). Эскимосские учебники и фольклорные сборники, подготовленные А.С. Форштейном или из-

данные под его редакцией в 1930-е гг., никогда не переиздавались; большая часть их была утеряна или уничтожена.

К счастью, память о А.С. Форштейне и его работе на Чукотке не исчезла окончательно. Она сохранялась в небольшой группе лингвистов-эскимологов и этнологов в России и на Западе. Оба автора этой статьи, например, узнали о Форштейне ещё в годы своих аспирантских исследований по этнологии азиатских эскимосов, около 30 лет назад, главным образом, по ссылкам в публикациях и рукописях. Американский лингвист Майкл Краусс, директор Центра по изучению языков коренного населения Аляски в Университете штата Аляска (г. Фербэнкс), в конце 1960-х гг. составил подробную библиографию публикаций Форштейна (Krauss, 1973). Краусс также собрал в библиотеке своего Центра копии или оригиналы его учебников и фольклорных сборников 1930-х гг. Это, в конечном итоге, сделало имя А.С. Форштейна известным среди западных специалистов-сибиреведов.

В последнее десятилетие имя А.С. Форштейна постепенно стало возвращаться и в российскую науку. Отечественные учёные Н.Б. Вахтин (личное сообщение) и А.М. Решетов (2002) провели исследование

Статья публикуется в сокращённом варианте. Полный текст под названием «Пейзажи, лица и истории: эскимосские фотографии Александра Форштейна (1927–1929 гг.)» опубликован в журнале «Антропологический форум». СПб., МАЭ РАН. 2006, № 4.

документальных материалов Форштейна, сохранившихся в Архиве РАН и в печально известном фонде Ленинградского отделения КГБ (сейчас ФСБ). Эти розыски принесли первые документально подтверждённые сведения о жизни и профессиональной деятельности А.С. Форштейна. Недавно С.Б. Слободин (2004а, 2004b) опубликовал тексты трёх писем Форштейна, которые он написал В.И. Иохельсону незадолго до ареста. Они впервые показали существование неформальных контактов и обмена публикациями между жившим тогда на Западе В.И. Иохельсоном и молодыми ленинградскими сибиреоведами, учениками Богораза и Штернберга. Наконец, уже по итогам нашего проекта в 2004 г. в МАЭ был подготовлен диск с 140 фотографиями Форштейна¹. Некоторые результаты работы были представлены в докладе авторов настоящей статьи на VI Конгрессе этнографов и антропологов России в 2005 г. (Михайлова, Крупник, 2005. С. 437).

В данной публикации рассказывается об истории фотографий Форштейна, сделанных в 1927–1929 гг. в посёлках азиатских эскимосов на Чукотке – Чаплино (*Ун'азик'*),

Наукан (*Нувукак'*), Имтук (*Имтук*), Сиреники (*Сиг'иньк'*) и др. Оба автора узнали о фотографиях Форштейна, хранящихся в МАЭ, только в 1980-е гг. В 2001 г., когда осуществлялась работа по проекту «Возвращение знаний» для эскимосов острова Св. Лаврентия на Аляске (*Akuzilleput Igaqullghet*, 2002), И. Крупник предложил выполнить аналогичную работу для эскимосов Чукотки.

Проект «Возвращение знаний» для Чукотки был начат в 2003 г. как совместный проект Арктического научного центра Смитсоновского института в Вашингтоне, США (Arctic Studies Center, Smithsonian Institution), МАЭ, районного краеведческого музея «Берингийское наследие» (пос. Провидения, Чукотка) и Общества эскимосов Чукотки «Юпик». Фотографии и негативы снимков из эскимосской коллекции Форштейна МАЭ были отсканированы в 2003 г. Несколько комплектов отпечатков этих фотографий мы отправили в посёлки Чукотки и Аляски, где местные эксперты смогли заняться их идентификацией и написанием сопроводительных комментариев и историй (см. об этом ниже).

АЛЕКСАНДР ФОРШТЕЙН – ЖИЗНЬ, СЛОМАННАЯ ГУЛАГОМ

К сожалению, о частной жизни А.С. Форштейна и его научной деятельности сохранилось мало информации. Его личные дела в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ПФА РАН) и Архиве МАЭ очень бедны и содержат всего несколько записей, помимо стандартных учётных документов и некоторого числа записок, адресованных администрации. Пока не найдено никаких дневниковых записей, а также практически никаких рукописей, полевых или каких-либо иных материалов, принадлежащих Форштейну². Всё, что мы знаем об этом учёном по имеющимся источникам, сводится к следующему.

А.С. Форштейн родился 26 сентября 1904 г. в Марселе (Франция) в семье еврейских эмигрантов из России. Семья вернулась на родину в 1911 г. и обосновалась в Росто-

ве-на-Дону, где Форштейн до 1919 г. учился в школе. В 1919–1926 гг. он много ездил по стране, сочетая или перемежая краткие периоды физической работы на Урале и в Сибири с учёбой в средних и высших учебных заведениях (Решетов, 2002). В частности, у него был небольшой опыт работы учителем сельской школы на Кольском полуострове, где он заболел цингой и по излечении приехал в Ленинград. В августе 1926 г. Форштейн поступил на этнографическое отделение Ленинградского университета и присоединился к группе студентов-этнографов, занимающихся изучением Севера и Сибири под руководством В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга (Решетов, 2002).

Есть много причин полагать, что Богораз и Штернберг сознательно готовили некоторых

студентов как своих будущих преемников в изучении коренных народов Севера. После нескольких лет обучения эти молодые специалисты отправлялись в отдалённые районы Сибири, где их профессора когда-то начинали свою научную деятельность, будучи политическими ссыльными или участниками Сибиряковской и Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиций.

Первые должности представителей нового поколения российских сибиреведов – учителя национальных школ, низовые администраторы или работники культуры (Антропова, 1972; Гаген-Торн, 1975; Кгурпик, 1998. С. 206–207). После двух-трёх лет полевой работы они возвращались в Ленинград уже в качестве признанных специалистов по народам, которые они изучали: Е. А. Крейнович – по нивхам, С. Н. Стебницкий – по корякам, Н. Б. Шнакенбург – по чукчам. Очевидно, что Форштейн рассматривался как преемник В. Г. Богораза в изучении эскимосов Чукотки, среди которых последний работал во время экспедиции Джесупа в 1901 г.³

Форштейн отправился на Чукотку летом 1927 г., проучившись в университете всего год. Сколь ни мал был период его учёбы, он успел принять участие в составлении краткой грамматики чукотского языка, подготовленной им вместе с С. Н. Стебницким в 1927 г. под руководством Богораза (Решетов, 2002. С. 276). Следующие два года, 1927/1928 и 1928/1929, Форштейн провёл, учительствуя и путешествуя по чукотскому побережью в районе Берингова пролива. Все его эскимосские фотографии, хранящиеся в МАЭ, сделаны во время этой поездки. Очевидно, летом 1929 г. (?) он вернулся в Ленинград, чтобы сдать экзамены и защитить свою 150-страничную дипломную работу «Азиатские эскимосы как морские охотники», которая была рекомендована к публикации (ПФА РАН, 4. С. 36). Резонно предположить, что он окончил университет экстерном, подобно многим другим студентам-этнографам, ученикам Богораза и Штернберга.

Основываясь на личных записях Форштейна и датировке фотографий, можно пола-

гать, что он вновь вернулся на Чукотку в конце 1929 г. и оставался там до 1933 г. (фото I-22, учителя в Лаврентия, 1933). В этот период он работал учителем и директором школ в чукотских поселениях на арктическом побережье: в Уэлене, на мысе Шелагском (в 1930/1931 г.)⁴, а также в устье Колымы в 1931/1932 г. (Решетов, 2002. С. 277). Скорее всего, он проездом посетил некоторые эскимосские посёлки в ходе этой второй поездки, но прямых данных об этом у нас нет.

В конце 1933 г. А. С. Форштейн вернулся в Ленинград, где начал работать в Институте антропологии и этнографии (так в то время назывался МАЭ) и в феврале 1934 г. стал его штатным научным сотрудником. Наверное, это было только одно из нескольких мест его работы, поскольку он ещё вёл занятия со студентами-северянами в Ленинградском педагогическом институте (с 1933 г.), работал в Институте народов Севера (в 1933–1935 гг.) и в Ленинградском институте истории, философии и литературы (Решетов, 2002. С. 277). Кроме того, он плодотворно использовал свои лингвистические навыки и полевые материалы. Согласно списку Краусса (1973), Форштейн опубликовал или был титульным редактором шести-семи учебников, букварей, книг для чтения, фольклорных сборников на языке азиатских эскимосов для национальных школ. В его докладной записке, датированной январем 1934 г. (ПФА РАН, 4. С. 36), упоминаются несколько научных трудов, подготовленных к печати или находящихся в процессе работы. К сожалению, персональное дело Форштейна не содержит полного списка его трудов, а большая часть неопубликованных рукописей считается утерянной после его ареста. Как бы то ни было, Форштейн, очевидно, был чрезвычайно активен в эти недолгие годы своей научной работы в Ленинграде.

Высшей точкой научной карьеры Форштейна стало его трёхмесячное пребывание в Датском национальном музее Копенгагена в апреле–июле 1936 г. В то время это был редкий (если не исключительный) случай для советского этнографа – возможность по-

сетить европейский или североамериканский научный центр в ходе длительной индивидуальной поездки. Таких поездок советским ученым-сибироведам больше не предоставлялось в течение последующих 20 лет, вплоть до конца 1950-х гг. Несмотря на официальный статус своей командировки (научный обмен между МАЭ и датским музеем), Форштейн отчётливо осознавал шаткость своего положения. Узнав в Копенгагене о внезапной смерти Богораз в мае 1936 г., он написал отчаянное письмо старому другу последнего, американскому учёному Францу Боасу в Нью-Йорке, прося о возможности продлить своё пребывание на Западе на год или два (Krupnik, 1998. С. 213–214). К несчастью, было слишком поздно: вскоре по возвращении из Дании Форштейна ждала трагическая судьба, которую он, возможно, предвидел.

В мае 1937 г. Александр Форштейн, Ерухим Крейнович и ряд других сотрудников Института народов Севера, включая его директора Яна Кошкина (Алькора), были арестованы по обвинению в «шпионаже и организации террористического заговора» (Решетов, 2002. С. 278; Роон и Сирина, 2003. С. 61; Вахтин, неопубликованные материалы). Форштейн и Крейнович были обвинены в участии в «японской шпионской сети», куда они были якобы завербованы во время своей прежней работы на Дальнем Востоке в конце 1920-х гг. Абсурдность этих обвинений совершенно очевидна. В январе 1938 г. все арестованные преподаватели и ученые Института народов Севера получили смертные приговоры как «шпионы и террористы»; сам институт был закрыт. Кошкин и некоторые другие были вскоре расстреляны, а Форштейну и Крейновичу расстрел был заменен 10 годами исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа в Восточной Сибири (Решетов, 2002. С. 279; Роон и Сирина, 2003. С. 62). Оба они выжили и были освобождены в 1948 г.

В отличие от Крейновича, который возвратился в Ленинград, снова включился в научную жизнь, затем был опять арестован и приговорён к новому сроку заключения

(Роон и Сирина, 2003. С. 64), Форштейн совершенно оставил прежнюю научную деятельность. Он снова женился, сменил фамилию и стал работать в местных органах народного хозяйства и планирования на юге СССР: в Грузии, Армении и Узбекистане. В 1964 г. Форштейн вышел на пенсию в Ташкенте, где и умер в 1968 г. в возрасте 64 лет (Решетов, 2002. С. 279), так никогда не вернувшись к своим эскимосским материалам.

Этот обзор можно несколько оживить личными комментариями старейшего советского лингвиста-эскимолога Г.А. Меновщикова (1911–1991), записанными М. Крауссом в 1990 г. в Ленинграде. Меновщиков также был школьным учителем на Чукотке в 1932–1934 гг., затем получил профессиональное образование в Ленинграде и стал лингвистом. У него было много возможностей встречаться в те годы с Александром Форштейном, и он знал подробности его тогдашней жизни и деятельности. По мнению Г.А. Меновщикова, лингвистические публикации Форштейна имели весьма ограниченное значение. Его эскимосские учебники были напечатаны на латинице, которую упразднили в 1937 г. и заменили кириллицей. Меновщиков уверял, что учебники Форштейна в итоге так и не попали ни в одну из местных школ на Чукотке и, следовательно, никогда не использовались эскимосами (М. Краусс, личное письмо к И. Крупнику, 2.06.2003 г.). Некоторые из стариков-эскимосов в 1970-е гг. ещё помнили имя Форштейна, но без каких-либо подробностей (Крупник, полевые материалы).

Поскольку Форштейн не возобновил после выхода из лагеря свои контакты на Чукотке, он не стал там признанной фигурой, как, например, Е.А. Крейнович на Сахалине, который сохранил глубокое уважение своих учеников и молодого поколения национальных активистов. Жизнь и карьера Александра Форштейна были непоправимо сломлены ГУЛАГом; к сожалению, это был типичный пример в скорбной летописи российской науки в годы сталинизма.

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ ФОРШТЕЙНА В МАЭ

В настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) хранятся три коллекции фотографий А.С. Форштейна. Первая коллекция (№ И-104, 66 единиц хранения) содержит снимки чукчей, чукотских посёлков и стойбищ, в основном, с арктического побережья Чукотки; она датируется 1928–1931 гг. Большая часть входящих в неё фотографий была сделана в 1931 г., когда Форштейн жил в Чаунской губе на мысе Шелагский (побережье Восточно-Сибирского моря). Вторая и более обширная коллекция, приблизительно из 140 фотографий (№ И-115), – чисто «эскимосская»; она состоит из снимков 1927–1929 гг., сделанных в различных селениях азиатских эскимосов. Третье небольшое собрание из 12 негативов и отпечатков (№ И-429) зарегистрировано в описях как «предметы из личной коллекции; азиатские эскимосы, мыс Чаплино». Это фотографии предметов из резной кости, очевидно, приобретенных учёным во время путешествий. Фотографии всех трёх коллекций были зарегистрированы Форштейном, они датированы и подписаны им самим. Эти подписи и даты съёмок воспроизведены для фотографий I-23–I-55 настоящего издания.

В документах МАЭ значится, что эскимосская фотоколлекция поступила от А.С. Форштейна как дар в 1929 г. Коллекция была зарегистрирована семью годами позже, в 1936 г., когда Форштейн сделал опись 147 стеклянных негативов размером 9x12 см. В описи 1936 г. каждый негатив снабжён кратким пояснением: название посёлка или стойбища, где был сделан снимок; описание снятой сцены, обычно из нескольких слов, имя или имена запечатлённых на фотографии людей. Поскольку Форштейн занимался сбором эскимосских текстов и языковых материалов, он достаточно правильно записывал эскимосские имена. Индивидуальные датировки отдельных фотографий в эскимосской коллекции, к сожалению, отсутствуют; имеется только ссылка на происхождение всей коллекции: «Из экспедиций

1927–1929 гг.; азиатские эскимосы Чукотского полуострова».

К счастью, все фотографии Форштейна в МАЭ сохранились после его ареста в 1937 г. Основная часть негативов была снабжена небольшими пробными отпечатками (9x12 см); все они также благополучно хранились в сибирских фондах МАЭ как возможные иллюстративные материалы, хотя практически не использовались и никогда не публиковались под его именем. Нам удалось обнаружить всего три фотографии Форштейна в качестве иллюстраций в книге «Народы Сибири» (1956. С. 937, 939) и в «Историко-этнографическом атласе Сибири» (1961. С. 196). Ни в том, ни в другом издании имя А.С. Форштейна не упоминалось, не было там и ссылок на его работы.

Когда в 2003 г. коллекция фотографий Форштейна была исследована заново, оказалось, что семь из первоначальных 147 негативов, с которых не было сделано пробных отпечатков, утеряны или сломаны. Ещё от 15 утерянных или разбитых негативов сохранились пробные отпечатки, которые можно было сканировать. Оставшиеся 140 изображений (125 негативов и 15 отпечатков) были обработаны сотрудниками лаборатории аудиовизуальной антропологии МАЭ (см. ниже). Мы сгруппировали отсканированные изображения по принадлежности к конкретным эскимосским посёлкам.

Первая группа содержит 29 снимков из посёлений в районе мыса Дежнёва:

Наукан – 23, Имаклик* – 4, Дежнёво – 2.

Вторая группа включает 65 снимков из крупнейшего посёлка азиатских эскимосов Унгазик (*Ун'азик'*, или Чаплино) и 8 изображений из близко расположенного посёлка Сиклюк на острове Ыттыгран.

Третья группа объединяет снимки из других посёлков юго-восточной Чукотки:

Имтук – 26, Сиреники и Силакшак (квартал в Сирениках) – 13, а также два снимка из селения Аван в районе бухты Провидения.

*Посёлок на о. Ратманова, или Большом Диомиде. *Прим. ред.*

МАРШРУТЫ ДВИЖЕНИЯ А.С. ФОРШТЕЙНА ПО ЧУКОТКЕ, 1927–1929 гг.

Эскимосские фотографии Форштейна – лучший источник для реконструкции его передвижений по Чукотке в 1927–1929 гг. Мы знаем, что А.С. Форштейн отбыл на Чукотку в 1927 г., чтобы работать там учителем по договору с Дальневосточным Комитетом Севера. В 1925 г. В.Г. Богораз призвал использовать студентов этнографического отделения Ленинградского университета в «практической работе» на Севере. В 1926 г. Дальневосточный Комитет Севера предложил передавать все открывающиеся учительские и административные вакансии для работы среди коренного населения студентам и выпускникам этнографического отделения (Михайлова, 2004. С. 120). В соответствии с этим соглашением многие студенты-этнографы поехали на Дальний Восток и в Сибирь по двух- или трёхлетним контрактам (Гаген-Торн, 1975). Форштейн был представителем этой когорты молодых энтузиастов; ему предложили место учителя в школе чукотского посёлка Уэлен.

Форштейн отправился на Чукотку поздней весной 1927 г. – сначала поездом до Владивостока, а оттуда грузовым пароходом до Берингова пролива (Решетов, 2002. С. 276). В опубликованном письме в университет он писал: «Еду чукотским учителем в Уэлен на мыс Дежнёва. <...> В Уэлене буду 20 июля. На Чукотском носу (мысе Дежнёва) просижу по меньшей мере год, пока не войду достаточно глубоко в чукотскую жизнь. Потом рассчитываю сделать поездку по северному берегу» (Хроника, 1927. С. 39).

В целом, командировка от Комитета Севера на работу учителем была выписана на шесть с половиной лет: с 6 мая 1927 г. до 28 октября 1933 г. (ПФА РАН, 142. С. 6). По договорённости с Комитетом, проработав на месте не менее двух лет, студент мог возвратиться в Ленинград для завершения образования. Форштейн в итоге отработал свой контракт до самого конца, то есть до осени 1933 г., совершив за это время только одну краткую поездку в Ленинград – летом 1929 г. Как уже

упоминалось, его второй срок пребывания на Чукотке в 1929–1933 гг. прошёл, в основном, на арктическом побережье к западу от Уэлена: на мысе Шелагский и в устье Колымы.

Мы полагаем, что в 1927–1929 гг. Форштейн работал не учителем в Уэлене, как он изначально предполагал, а разъездным инспектором Чукотского районного отдела образования* или даже замещающим учителем в нескольких посёлках. Вероятно, что-то не состоялось с обещанной ему должностью в Уэлене в 1927 г. (или в начале 1928 г.), и он без промедления перенёс свои интересы в эскимосские посёлки. Подтверждением тому служат его университетская дипломная работа «Азиатские эскимосы как морские охотники» и все его более поздние публикации и научные работы.

Фотографии 1927–1929 гг. подтверждают эту версию, хотя и косвенно. В «чукотской» коллекции Форштейна есть только две фотографии из Уэлена, датированные 1929 г., ещё три снимка культбазы в заливе Лаврентия, а также два «чукотских» снимка 1928 г. в стойбищах пролива Сенявина, в 140 км к югу от Уэлена. Это означает, что уже в 1928 г. Форштейн активно путешествовал и оказался вблизи основного района обитания эскимосов.

Действительно, самый значительный комплект снимков из коллекции 1927–1929 гг., состоящий из 62 фотографий, происходит из крупнейшего эскимосского посёлка Унгазик на мысе Чаплина (см. фото I-37, I-38, с I-40 по I-53, а также III-18, III-19). Мы полагаем, что Форштейн работал как замещающий учитель или даже директор школы в Унгазике по крайней мере зимой или весной 1928 г. Фотографии из Унгазика включают снимки, сделанные практически во все времена года: начиная с периода осенней охоты

* В те годы Чукотский район простирался от бухты Преображения в Анадырском заливе до восточного побережья Чаунской губы в Восточно-Сибирском море. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

(фото III-19) до чисто зимних сцен и праздников (фото I-27, I-45, I-46, I-48, I-52, III-18. Коллекция МАЭ: № И-115-68; с № И-115-113 по № И-115-118), начала весны (фото I-47, I-53. Коллекция МАЭ: с № И-115-119 по № И-115-138), завершения весенней охоты (фото с I-41 по I-44. Коллекция МАЭ: с № И-115-138 по № И-115-147) и праздников середины лета (фото I-37, I-38. Коллекция МАЭ: с № И-115-69 по № И-115-98). Фотографии из соседнего посёлка Сиклюк также были сделаны и летом, и зимой. Похоже, что Форштейн мог провести целый год (или более?) в Унгазике и его окрестностях; во всяком случае, он провёл там гораздо более длительное время, чем в назначенном ему Уэлене.

Сборники эскимосского фольклора, опубликованные Форштейном в 1935 и 1936 гг., имеют подзаголовок «Записано А. С. Форштейном в селении Унгазик». Это ясно подтверждает наше предположение. Г. А. Меновщиков (1977. С. 124), рассказывая о работе учителем на Чукотке, упоминал в своих мемуарах о Форштейне как учителе «первой школы в Унгазике в 1928 г.». В неопубликованной рукописи Н. Б. Шнакенбурга «Эскимосы» (1939), которая, как мы полагаем, написана со значительным использованием материалов Форштейна, имеется много ссылок на безымянного «школьного учителя из посёлка Унгазик на мысе Чаплино» и его наблюдения в период весны и лета 1928 г. В одной из таких обширных ссылок, например, описывается охота на гренландского кита и последующее распределение китового уса между пятью бригадами охотников Унгазика в апреле 1928 г. Мы думаем, что в этом и других случаях в рукописи Шнакенбурга цитируются заметки Форштейна к его дипломной работе по зверобойной культуре эскимосов (или другие несохранившиеся его тексты).

Главным аргументом наших предположений являются сами фотографии Форштейна — из Унгазика, а также других посёлков азиатских эскимосов. Несмотря на то, что Форштейн проучился только год на этно-

графическом отделении, он проявил себя как умелый фотограф и этнограф-полевик. По совету Богораза или благодаря собственной интуиции, Форштейн делал свои снимки тематическими «сериями», например, строительство жилища (фото с I-31 по I-34), спуск лодки на воду (фото I-53), шаманское камлание (фото I-51) или определённый праздник (праздник моржовых голов: фото с I-41 по I-44; праздник зимнего солнцестояния: фото I-45, I-46, I-48). В снимках из Унгазика есть шесть тематических серий, запечатлевших своеобразные ритуалы внутри жилища и вне его, обычно снятые в последовательном порядке⁵. Эти фотографии, а также снимки трапез и семейных сцен внутри жилищ (фото I-40, I-48) свидетельствуют о достаточно тёплых отношениях Форштейна с местными жителями, своими учениками и их родителями.

Помимо Унгазика и Сиклюка, А. С. Форштейн посетил и другие эскимосские поселения юго-восточной Чукотки, включая Имтук и Сиреники, где сделал соответственно 23 и 13 фотографий. Судя по нескольким фотографиям собачьих упряжек, он путешествовал на собаках (как и Богораз в 1901 г.). На имтукских и сиреникских фотографиях запечатлены рыхлый тающий снег и люди, переселяющиеся из зимних жилищ в летние палатки (фото с I-31 по I-35). Это происходило обычно в конце мая или июне. Можно сделать вывод, что Форштейн приезжал поздней весной и оставался на какое-то время в Имтуке и Сирениках, поскольку на некоторых снимках видно, что снега на земле уже совсем мало, покрышки на зимних жилищах сняты (фото I-28), а вдоль берега выстроился длинный ряд летних палаток (фото I-35). Форштейн совершил свою поездку или в мае — июне 1928 г., или годом позже; в этом случае он должен был оставаться в Унгазике вплоть до апреля 1929 г.

Кроме южных посёлков эскимосов, Александр Форштейн посетил также два эскимосских селения поблизости от Уэлена — Наукан на мысе Дежнёва и Имаклик на острове Ратманова. На снимках из обо-

их посёлков запечатлены пейзажи середины или конца лета с плывущими по морю льдинами, но без снега (фото III-33, III-37). В Наукане он сделал несколько портретных фотографий, все – в здании школы или на улице (фото III-34, III-36, III-38, III-41, III-43, III-47, III-49) и зафиксировал этапы строительства зимнего жилища, что происходило обычно в конце лета (фото III-40. Коллекция МАЭ с № И-115-36 по № И-115-39). То, что ни одной фотографии не было снято внутри жилищ, говорит о кратковременности его визита. Это могло быть летом 1928 или 1929 г., скорее всего во время возвращения в Уэлен для последующего отъезда в Ленинград.

ЗНАЧЕНИЕ ФОТОГРАФИЙ ФОРШТЕЙНА В НАШЕ ВРЕМЯ

Из четырёх посёлков азиатских эскимосов, наиболее полно запечатлённых Форштейном в 1927–1929 гг., – Унгазик (Чаплино), Наукан, Сиреники и Имтук – на прежнем месте остались только Сиреники. Наукан и Чаплино были закрыты властями в 1958 г., а их жители переселены в другие посёлки. Имтук жители оставили ещё раньше, в 1932–1933 гг., переселившись в Сиреники, где были открыты новая школа и магазин. А Сиреники, единственный посёлок, сохранившийся со времени Форштейна, перестроен настолько, что от старого селения сейчас практически ничего не осталось.

Культурная среда, прекратившая своё существование пятьдесят и даже более лет назад, сохраняется, таким образом, только в памяти людей – в виде того, что мы называем «культурным наследием». В прежние времена эта память поддерживалась рассказами о прошлом, историями о путешествиях, воспоминаниями о предках. В ходе таких регулярно повторявшихся повествований, особенно в рассказах о странствиях и охоте, воспроизводились сведения о ближних и дальних окрестностях, названия мест и инструкции для путешественников. В случае с личными или семейными историями тот же механизм помогал сохранять зрительную (визу-

Мы знаем, что летом 1929 г. Форштейн вернулся в Ленинград, чтобы сдать экзамены и завершить обучение в университете. При этом он должен был успеть на последний пароход, идущий из Владивостока на Чукотку не позднее середины сентября. Всего за несколько месяцев он сумел сдать в университете выпускные экзамены, передал в дар МАЭ свои фотографии и этнографические коллекции, женился и снова уехал ещё на четыре года!⁶ Даже диплом об окончании университета был, очевидно, выписан в его отсутствие. Время действительно бежало стремительно для Александра Форштейна, которому тогда едва исполнилось 25 лет.

альную) память о предках или, по меньшей мере, об их индивидуальных чертах и особенностях.

Поскольку традиция регулярных рассказов о прежней жизни, старых местах и общинах, ушедших родственниках и предках сейчас значительно ослабла, зрительная память людей также стала короче. Большинство информантов сегодня обычно не помнят или не могут узнать изображения старинных ландшафтов, покинутых посёлков и лиц людей, которых они сами не видели. В соответствии с этим глубина современной зрительной памяти на Аляске ограничена приблизительно 1910–1915 гг., на Чукотке – примерно 1925–1930 гг. из-за меньшей продолжительности жизни старейшин на азиатской стороне Берингова пролива.

Этим объясняются интерес местных жителей к историческим фотографиям и их желание получить доступ к старым изображениям культурных ландшафтов и своих предков, то есть продлить в прошлое общинную память и свои личные знания. В большинстве семей местных жителей как на Аляске, так и на Чукотке, хранятся многочисленные семейные фотографии, начиная с 1940–1950-х гг. Но лишь единицы располагают более ранними изображениями или старыми книгами, где они воспроизведе-

Тропою Богораза

ны. Таким образом, очень немногие имеют возможность видеть изображения своих дедушек и бабушек (или даже родителей!) молодыми людьми и детьми, и вряд ли кто-нибудь сможет узнать лицо своего прадеда или отдалённого предка на фотографии конца XIX – начала XX в.

В последние годы на Аляске положение стало меняться. По мере публикации мемуаров, записей устных рассказов старейшин, фотоальбомов, каталогов, других иллюстрированных изданий, большое число исторических фотографий теперь доступно местным жителям. Осуществляются специальные проекты, получившие название «Возвращение знаний» (Крупник, 2000, Krupnik, 2001). Суть их состоит в подготовке книг-источников, содержащих старые документы, фотографии, карты и другие исторические свидетельства.

Два года работы с эскимосскими фотографиями А.С. Форштейна в МАЭ проиллюстрировали как возможности программ по «возвращению знаний», так и их очевидные ограничения. С одной стороны, удалось собрать много новых сведений о жизни и научном пути Форштейна, в особенности о его деятельности на Чукотке. Фотографии Форштейна в МАЭ теперь обеспечены современными электронными копиями и переведены на лазерный диск. Они стали доступны для жителей Чукотки; часть фотографий воспроизведена в этом сборнике, который, мы надеемся, достигнет широкого круга читателей в местах работы Форштейна.

Благодаря участию в работе местных знатоков истории своих посёлков мы располагаем достаточным количеством текстов для развернутых подписей или даже коротких рассказов к большинству фотографий Форштейна. В настоящий момент его эскимосская фотоколлекция – одно из наиболее документированных собраний во всем сибирском фонде фотографий МАЭ и единственная фотоколлекция, которая сопровождается комментариями и подписями коренных жителей, хранителей традиций. Ещё более важным стало «возвращение» фотографий Фор-

штейна из Петербурга на Чукотку. Местные жители, старики и молодёжь, рассматривая старые фотографии, с удовольствием записывают свои рассказы, связанные с историческими снимками, обсуждают повествования других. Эмоциональная значимость такого личностного «воссоединения» с прошлым выходит за рамки любых академических измерений.

В то же время изучение фотографий выявило большие утраты памяти, научной традиции и культурных знаний. Многие из них уже невозможно восстановить. Вполне может быть, что научное наследие Александра Форштейна было безвозвратно разрушено ГУЛАГом, поскольку после ареста и 10-летнего заключения (1937–1948) основная часть его рукописей безвозвратно пропала, а сам он так и не вернулся к работе в области сибиреведения. Поэтому его знания и талант были потеряны для коллег и будущих учеников, и его полный научный потенциал оказался нереализованным. Мы можем только догадываться, каким был бы вклад Форштейна в развитие науки в России. Ученик Богораза, человек с большим полевым опытом и личными контактами, он мог бы прожить полную научную жизнь, как случилось с его современниками-учителями, ставшими лингвистами и этнографами: Г.А. Меновщиковым, Е.С. Рубцовой, Е.П. Орловой, П.Я. Скориком, И.С. Вдовиным, К.С. Сергеевой и другими.

История посёлков азиатских эскимосов, в которых побывал Форштейн и которые он запечатлел на своих фотографиях, оказалась столь же драматична, как и его личная судьба. Жители большинства этих посёлков – Унгазика, Наукана, Имаклика, Сиклюка, Авана – были насильно выселены, многие из них, особенно науканцы, не имеют возможности посетить свою родину в течение многих десятилетий и даже целых поколений. Это нанесло невосполнимый ущерб культурному наследию. Знания о ландшафтах, местных названиях, охотничьих угодьях, ритуальных местах оказались преданы забвению. Неудивительно, что се-

годняшние старейшины, бывшие молодыми людьми в годы переселений, часто искренне огорчаются из-за своей неспособности узнавать лица и пейзажи на старых фотографиях. Некоторые вообще отказываются работать с фотографиями, жалуются, что многих стариков уже нет в живых, и «вряд ли есть кто-нибудь, кто ещё помнит о старой жизни».

Несмотря на то, что ряд рассказов о покинутых посёлках был опубликован (см. Айвангу, 1985; Крупник, 2000; Леонова, 1997), гораздо большее число их вовсе не были записаны. По мере постепенного ухода поколений, которые жили, охотились, праздновали, женились и хоронили близких в старых посёлках, их дети сохранили только часть знаний, связанных с местами своих

предков и своей прежней родиной. Поэтому устная традиция и культурное наследие народов Чукотки оказались подорваны в той же степени, как развитие этнографического сибиреведения в России было замедлено потерей Форштейна и многих его сверстников в 1930–1940-е гг.

В этой книге впервые напечатаны неизвестные архивные фотографии Форштейна и, значит, новое поколение жителей Чукотки может увидеть живое лицо человека за старым, полузабытым именем. В некоторых домах на Чукотке и острове Св. Лаврентия люди могут также рассматривать лица своих прадедов и виды давно покинутых родных посёлков, сохранившиеся на фотографиях Форштейна, – их родители не имели такой возможности.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы хотели бы выразить благодарность многим людям, помогавшим в работе по «проекту Форштейна». Мы очень признательны нашим коллегам – М. Крауссу, Н.Б. Вахтину и М.А. Членову, которые многие годы щедро делились с нами своими находками и записями, связанными с судьбой наследия А.С. Форштейна. В МАЭ А.М. Решетов и Ю.А. Купина помогли определить местонахождение ценных архивных документов, а работники лаборатории аудиовизуальной антропологии Н.В. Ушаков, А.Н. Тихомиров, Е.Б. Толмачёва выполнили обработку стеклянных негативов и старых фотографий. На Чукотке Т.И. Загребина, директор музея «Берингийское наследие» в Providения, и И.А. Загребин, сотрудник этого музея, были нашими партнерами. М. Краусс, А.А. Сирина, С.Б. Слободин и С.В. Будникова сделали ценные замечания к первому варианту этой статьи и любезно поделились копиями старых документов, которые были использованы нами.

Самой глубокой благодарности заслуживают наши эксперты из числа коренных жителей Чукотки – Елизавета Добриева, Клавдия Макарова, Алла Выйе, Людмила Айнана, Владимир Насалик, Николай Ранумая и все, с кем они консультировались в процессе работы над фотографиями Форштейна. Мы признательны также Надежде Судаковой из Нома, Розе Иргу и Валентине Ятта Кунука, ныне живущим в Гэмбелле на острове Св. Лаврентия, которые помогали в контактах с нашими партнерами на Чукотке. Уиллис Уалянга из Гэмбелла, чьи родители более 80 лет назад переселились с Чукотки на остров Св. Лаврентия, был замечательным источником комментариев ко многим фотографиям Форштейна. Спасибо всем вам!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Электронным изданием «Сибирь глазами этнографов начала XX века. Выпуск 1» (2005) с фотографиями А.С. Форштейна по Чукотке и В.И. Иохельсона по Камчатке и Алеутским островам отдел этнографии Сибири МАЭ РАН открыл публикацию фотоиллюстративного фонда, являю-

щегося одним из богатейших собраний материалов по традиционной культуре коренных народов сибирского региона. Издание компакт-диска эскимосских фотографий Форштейна осуществлено в рамках проекта «Информационная база данных о северных народах в коллекциях МАЭ» Программы фундаментальных исследований Отделения

историко-филологических наук РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». *Прим. авт.*

²В фонде В.Г. Богораза в Петербургском филиале Архива РАН (Фонд 250) сохранился небольшой отрывок из лингвистической записной книжки Форштейна по старосириенскому языку (сообщение М. Краусса); возможно, в этом фонде находится ещё некоторое количество записей Форштейна. *Прим. авт.*

³В статье о языке азиатских эскимосов Богораз (1934) цитировал данные Форштейна наряду со своими старыми полевыми записями 1901 г., в частности, в разделах, касающихся статистики населения и современных социальных процессов. *Прим. авт.*

⁴В 1930/31 г. Форштейн учительствовал в небольшой национальной школе с четырьмя учениками-чукчами на мысе Шелагский в Чаунской губе, о чём рассказывается в материалах А. Кал-

тана (1931), опубликованных в разделе «Архивы Чукотки» настоящего сборника. *Прим. авт.*

⁵Форштейн явно проявлял интерес к ритуальной практике эскимосов и наблюдал обряды, проходившие во время его пребывания в посёлке. С.В. Иванов (1963. С. 221–223) цитировал детальное описание зимнего праздника эскимосов, о котором рассказывал ему Форштейн в 1936 г., наблюдавший его непосредственно. «К сожалению, — отмечает Иванов, эти исключительно интересные записи (!) до сих пор не опубликованы». *Прим. авт.*

⁶Форштейн женился на своей коллеге, студентке-этнографе Клавдии Мыльниковой, специалистке по тунгусо-манчжурским народам бассейна Амура. Она уехала с ним на Чукотку и провела там почти четыре года. Ученица Л.Я. Штернберга Мыльникова-Форштейн была известна как исследователь фольклора и языка нанайцев. Её жизнь была также сломана арестом Форштейна: исключение из института, отстранение от научной работы и вынужденный отъезд из Ленинграда. *Прим. авт.*

СПИСОК НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ А.С. ФОРШТЕЙНА, СОСТАВЛЕННЫЙ ПО ССЫЛКАМ В РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

- 1927 — «Краткая грамматика чукотского языка». В соавторстве со С. Стебницким.
- 1929 — «Азиатские эскимосы как морские охотники». Дипломная работа выпускника этнографического отделения Ленинградского университета.
- 1930а — «Азиатские эскимосы». Статья для «Дальневосточной энциклопедии».
- 1930b — «Язык азиатских эскимосов». Статья для того же издания.
- 1930с — «Моржовый промысел». Статья для того же издания.
- 1934(?) — «Чаунские чукчи».
- 1936 — «О научных установках по «истории

техники народностей арктической Европы и Америки». Доклад-обоснование выставки; тезисы доклада с «намёткой экспозиционного плана». 25 машинописных листов. Архив РАН. Фонд К IV, опись 8, № 131.

- б/даты — «Становление рода у азиатских эскимосов».
- б/даты — «Шаманский язык».
- б/даты — «Материалы по языку эскимосов».
- б/даты — «Социальная структура общества азиатских эскимосов».

Четыре последних рукописи перечислены в докладной записке Форштейна, датированной январем 1934 г. (Архив РАН, 4.).

ЛИТЕРАТУРА

- Айвангу Наш родной Уназик. / под ред. В. Леонтьева. Магадан: Книжное изд-во, 1985.
- Антропова В.В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920–1930 гг.) // СЭ. 1972. № 6. С. 19–27.

- Богораз-Тан В.Г. Юитский (Азиатско-эскимосский) язык // Языки и письменность народов Севера. Палеоазиатские языки. М.; Л., 1934. Т. 3. С. 105–128.

- Вахтин Н.Б. Выписки из дел архива Комитета государственной безопасности по г. Ленинграду (Санкт-Петербургу) и Ленинградской области. Личное сообщение, б/д.

- *Вдовин И.С.* Очерки истории изучения па-
леоазиатских языков. Л.: АН СССР, 1954.
- *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг.
М.: Наука, 1975.
- *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как
исторический источник // *Тр. ИЭ АН СССР*.
М.; Л., 1963. Т. 81.
- Историко-этнографический атлас Сибири /
ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л.: АН СССР,
1961.
- *Калтан А.И.* Отчёт по обследованию Чукот-
ского полуострова. 1930/1931. / Рукопись. (См.
наст. издание).
- *Крупник И.И.* Пусть говорят наши стари-
ки. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи
1975–1987 гг. М.: Институт Наследия, 2000.
- *Меновщиков Г.А.* Эскимосы // Народы Си-
бири / ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л.:
Наука, 1956.
- *Меновщиков Г.А.* На Чукотской земле. Ма-
гадан, 1977.
- *Меновщиков Г.А., Рубцова Е.С.* Список
литературы на языке азиатских эскимосов //
В.Г. Богораз. Материалы по языку азиатских эс-
кимосов. Л.: Учпедгиз, 1949. С. 253–254.
- *Михайлова Е.А.* Владимир Германович Бого-
раз: учёный, писатель, общественный деятель // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропо-
логи XX века* / сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука,
2004. С. 95–136.
- *Михайлова Е.А., Крупник И.И.* Проект «Воз-
вращение знаний»: Коллекция фотографий Алек-
сандра Форштейна 1927–1929 гг. // VI Конгр.
этнографов и антропологов России. Санкт-Петер-
бург, 28 июня – 2 июля 2005 г. Тезисы докладов.
СПб., 2005. С. 437.
- Народы Сибири / ред. М.Г. Левин, Л.П. По-
тапов. М.; Л.: АН СССР, 1956.
- Память о Наукане. / Сб. воспоминаний, ис-
торий и этнографических интервью / Сост. и ред.
В.Г. Леонова. Лаврентия: Отдел образования Чу-
котского района, 1997. Препринт.
- *Решетов А.М.* Александр Семёнович Фор-
штейн (1904–1968). Страницы биографии репрес-
- сированного этнографа // II Диковские чтения /
Под ред. А. Лебединцева, М. Гельмана, Т. Гоголе-
ва. / Мат. научно-практ. конф. Магадан: СВНЦ,
2002. С. 275–279.
- *Роон Т.П., Сирина А.А.* Е.А. Крейнович:
жизнь и судьба ученого // Репрессированные эт-
нографы / ред. Д.Д. Тумаркин. – М.: Восточная
литература, 2003. Вып. 2. С. 47–77.
- Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
Ф. 4, оп. 4, д. 4690, лист 41 (ПФА РАН, 4); Ф.
142, оп. 5, д. 12, лист 11 (ПФА РАН, 142).
- *Слободин С.Б.* Рецензия на книгу:
В.И. Иохельсон. «Коряки. Материальная культура
и социальная организация». // Материалы по исто-
рии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ,
2004а. С. 239–253.
- *Слободин С.Б.* О русском переводе книги
В.И. Иохельсона «Коряки. Материальная куль-
тура и социальная организация» // *ЭО*. 2004b.
№ 6. С. 14–30.
- Хроника. Новости. Студенты-этнографы на
Дальнем Востоке. (Отрывок из письма Алексан-
дра Форштейна, 6 июня 1927 г. Владивосток) // *Этнограф-исследователь*. 1927. № 1. С. 35–39.
- *Шнакенбург Н.Б.* Эскимосы. // Архив
МАЭ. Ф. К-1, оп.1, д. 557. Рукопись. 1939.
- Akuzilleput Igaqullghet/Our Words Put to
Paper. Sourcebook in St. Lawrence Island Yupik.
- Heritage and History / Comps. Igor Krupnik
and Lars Krutak / Eds. Igor Krupnik, Willis
Walunga, and Vera Metcalf // Contributions to
Circumpolar Anthropology. Washington, DC: Arctic
Studies Center, 2002. 3.
- Beringia Yupik «Knowledge Repatriation»
Project Completed. Some Team Memembers'
Reflections. *ASC Newsletter*. 2001. 9.
- Krauss, Michael 1973. Eskimo-Aleut // *Current Trends in Linguistics*. The Hague and
Paris: Mouton, 1973. 10. Pp. 796–902.
- Krupnik, Igor. Jesup Genealogy: Intellectual
Partnership and Russian-American Cooperation in
Arctic // North Pacific Anthropology. Part 1. From
the Jesup Expedition to the Cold War, 1897–1948 // *Arctic Anthropology*. 1998. 35(2). Pp. 199–226.

ЕКАТЕРИНА РУБЦОВА

Екатерина Семёновна Рубцова (1888–1971) была одним из первых учителей, приехавших на Чукотку для работы в национальных сёлах. Камчатское облоно перевело её туда с о. Медный (Командорские о-ва), где она обучала детей алеутов. Осенью 1929 г. Рубцова, уже имея двадцатилетний учительский стаж, открыла школу в эскимосском селе Имтук, а потом работала в школах ещё нескольких посёлков. В конце 1930-х гг. она вернулась в Ленинград, где уже в зрелом возрасте стала профессиональным языковедом. Екатерина Семёновна совершила несколько лингвистических и фольклорных экспедиций на Чукотку и до конца своих дней работала научным сотрудником Института языкознания АН СССР (в настоящее время – Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Жизнь среди эскимосов, прекрасное знание эскимосского языка и удивительный талант проникновения в самое сердце древней культуры позволили Е.С. Рубцовой создать несколько фундаментальных трудов, сохранивших свою ценность до наших дней. Её «Эскимосско-русский словарь» (1971) содержит 19000 слов и понятий языка эскимосов-чаплинцев (ун'азиг'мит); это один из лучших в мире словарей, созданных для коренных народов Севера. Книга «Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Часть I» (1954) – собрание уникальных текстов на эскимосском языке (сказок, легенд и преданий), записанных в 1940 г. от слепого рассказчика Айвух'ак'а. Рубцова перевела его рассказы на русский, сумев воспроизвести конструктивное своеобразие эскимосских фраз. Кроме того, она снабдила тексты великолепными грамматическими и этнологическими примечаниями, а также многочисленными рисунками, сделанными по эскизам эскимосов Ю.М. Анко, А.М. Кавауге, Йыльитах'ак'а. Приложения и рисунки имеют самостоятельную научную ценность. Вторая часть «Материалов» содержит фольклорные тексты, записанные Рубцовой в 1939–1940 гг. от сиренинских и имтукских эскимосов в Сирениках. К сожалению, эти материалы до сих пор не изданы (за исключением части текстов на старосиренинском языке); в виде толстой рукописи они хранятся в архиве Института лингвистических исследований.

Труды Е.С. Рубцовой сберегли для потомков огромные пласты традиционной культуры и родного языка, столь необходимые сегодня молодым эскимосам Чукотки.

О Екатерине Рубцовой с любовью и нежностью вспоминали все, кто её знал. В том числе одни из первых её учениц на Чукотке – Выйе и Анкана.

Л. Богословская, И. Крупник

Вот что писала сама Е.С. Рубцова (фото I-22) о начале своей жизни в Имтуке:

«Население встретило нас очень приветливо, особенно радушно нас встретил секретарь Туземного совета Аляляун [фото I-23, I-25].

Тексты воспоминаний печатаются по публикации Е. Омельченко в газете «Полярник» Провиденского района» от 09.01.1990 г., № 3 (7413).

Первое школьное помещение представляло собой маленький деревянный американского образца домик, сбитый из тонкого тёса. Такие домики богатые туземцы до революции покупали у американских купцов для хранения охотничьего инвентаря, а те, кто торговал американскими товарами со своими сородичами, приспособливали свои домики также для хранения товаров.

Домик состоял из двух половин. Первая половина была холодная, с одинарной стенкой, вторая – обшита тёсом с двух сторон. Представьте себе комнату в два метра шириной и в четыре длиной с маленьким разбитым камбузом (печкой) в одном углу, с полочками, заменяющими книжный шкаф, в противоположном, и вы получите картину класса, который предоставила в моё распоряжение местная администрация. Из классной комнаты дверь вела в третью «комнату», если так можно назвать куб высотой с человека среднего роста, где с трудом помещалась одна кровать. Здесь, пока эскимосы не поставили зимних яранг, жила я.

Стены между досками ничем не были засыпаны, на потолке не было земли, под полом был свободный ход и туда набивался снег, рамы были однорядные и не замазаны, в безветрие камбуз не горел из-за отсутствия тяги. Можно себе представить температуру в классе в суровую чукотскую зиму. Домик весь промёрз, изнутри и снаружи покрылся льдом и снегом».

ВЫЙЕ

В 29-м году – мы тогда на Имтуке жили – прибыла к нам первая учительница, Екатерина Семёновна Рубцова. Русского человека мы впервые видели. Слышать о них слышали, а вот видеть... Даже побаивались.

Жить ей было негде, но жилье долго не искали, устроилась она у Аляляуна – был он тогда секретарём совета*, немножко говорил по-русски и на первых порах являлся переводчиком. Когда Рубцова провела первое собрание и объявила о приёме детей, родители сами привели нас к учительнице.

Но начать занятия в школе, где только доска висела, оказалось всё-таки нелегко: и ученики были, и хорошее отношение к учительнице – тоже, но дров не было, инвентаря всякого – на пустом месте начинали. А главное, языка не знали. Она обращается к нам, а мы говорим, что ничего не понимаем – Аляляун ведь тоже не мог с нами целый день сидеть, у него и других забот хватало. И оттого, что не могли понять друг друга, у Екатерины Семёновны аж слёзы на глазах выступали. От досады, наверное.

* Имеется в виду Имтукский туземный совет.
Прим ред.

Сидели мы сначала на полу, она показывала нам, как карандаш держать. Нам очень хотелось в школу, хотелось оборудовать её. Соорудили длинный стол, по бокам – скамейки. Когда помогали, узнавали русские слова. Скажу: арифметика мне еле как давалась, а вот по-русски потом всегда «отлично» получала. Аляляун простейший словарь составил, учил он и Рубцову эскимосскому. По словарю слова составляли, получалось предложение. Когда играли, тоже по-русски говорили.

Часов тогда, конечно, не было. Утром, когда красный флаг поднимали, тогда и шли на занятия.

Наступила зима, холода. Нужно было позаботиться об учительнице. Взрослые в пологе яранги Аляляуна ещё один полог устроили. Я каждый день туда ходила, учила жирник поправлять (когда он неправильно горит, копоти много, прямо дым идёт). Отец, помню, всё время напоминал: иди, жирник поправь.

Не знали мы и что такое хлеб, как он делается. В школу завозили сухари, с ними мы чай пили. Однажды Екатерина Семёновна задумала хлеб приготовить. У нас имелась большая алюминиевая кастрюля, там Рубцова замесила тесто, над жирником высоко

Тропою Богораза

поставила. Мы наблюдали, как оно всё выше и выше поднимается, пугались. Это хорошо, — говорила учительница. Потом испекла и сама обрадовалась удаче. Тогда мы впервые в жизни узнали вкус хлеба. В школе печка была чугунная. На ней кашу варили, чай кипятили. От неё тепло шло. Мы пораньше приходили печь топить, но всё равно холодно было.

В 30-м году школу перевели в Сиреники — на Имтуке плохо с питьевой водой было, зимой лёд возили. Но занятия не бросали. Ходили через гору пешком, даже тогда, когда на нартах нас хотели подвезти, даже в пургу, — мы считали, что станем сильнее.

Так оно и было. Весной тоже не легче жилось, когда ни мяса, ни жира не было.

Дальше судьба моя складывалась так: после третьего класса Рубцова уехала, в четвёртом классе нас учил другой замечательный человек — Георгий Алексеевич Меновщиков. После окончания Сирениковской школы он направил меня в Провиденскую школу, помогать учительнице — переводить. На Киваке я тоже года три помогала, потом домой вернулась, замуж вышла.

В колхозе ликбез вели, муж учителем работал. Я тоже сначала малышей учила, а потом — в ликбезе — и взрослых. Так всю жизнь и трудилась, детей растила.

АНКАНА

Я всю жизнь прожила в Сирениках, здесь же в 30-м году, после переезда школы из Имтука, пошла в первый класс. Школа такая же была, как на Имтуке — в американском домике, принадлежащем Тагругье. Вначале столиков не было, а записывали задание на спине впереди сидящего. Но ещё и года не прошло, мы считать научились. А переводчиками на первых порах были ученики Екатерины Семёновны. Потом мы быстро освоили язык. Со мной в школу ходили Сивугун, Панана. Остальных уже нет в живых.

Хоть и хуже память сейчас стала, много лет прошло, но Рубцова запомнилась хорошо: ходила она в кухлянке, была очень

добрым человеком. Когда старшие дети уж слишком шалили, даже плакала — сама видела несколько раз. Но не злилась, не кричала. Имела подход к людям. Потому мы уже в конце года и считать, и писать умели.

После отъезда Екатерины Семёновны мы учились у Георгия Алексеевича Меновщикова, я — до 1934 года. А через два года пошла работать учеником продавца. Была комсоргом на селе, 14 лет продавцом проработала. В колхозе, а затем в совхозе бригадиром была в жирцехе* — до пенсии.

Сейчас, конечно, здоровье не то — раньше тракторов не было, всё на себе таскали, на руках носили — всё тело болит. На всю жизнь наработали.

*Обычно большой барак, где обрабатывают жир морских зверей — срезают со шкур и вытапливают в жиротопке. Такой жирцех есть в каждом поселке, где охотятся на китов и ластоногих. *Прим. ред.*

К АВТОБИОГРАФИИ

Иннокентий Степанович Вдовин (1907–1996; фото I-56) – ученик и последователь В.Г. Богораза, выдающийся этнограф, лингвист. Он внёс значительный вклад в изучение культур и языков коренных народов Северо-Востока России, прежде всего – чукчей и коряков. На Чукотке есть ещё немало людей, помнящих И.С. Вдовина и даже в своё время помогавших ему в проведении полевых исследований.

Эту небольшую автобиографическую справку Иннокентий Степанович написал в 1995 г. по настоятельной просьбе своего сына Бориса Вдовина, который любезно предоставил её для публикации в настоящем издании. В тексте названия советских учреждений и ссылки на литературные источники сохранены в том виде, как это сделал автор.

Родился 9 декабря 1907 г. в селении Братск Братской волости Иркутской губернии. Отец служащий, мать – домохозяйка. В 1924 г. окончил в г. Иркутске вечернюю среднюю школу. Начал работать в 1925 г. (чернорабочим), тогда же вступил в профсоюз. В 1926/1927 учебном году – учитель школы 1-й ступени в Совгаванском районе Дальневосточного края (ДВК, село Гроссевичи).

В 1927–1930 гг. был учителем начальной школы в селе Карага, Карагинского района Камчатской области. Работа среди коряков, особенно в школе, побудила к необходимости овладеть их языком, отсюда более тесное знакомство с их бытом, культурой, традициями. Тогда в селе Карага было всего двое русских – фельдшер и учитель. Здесь началась моя общественная работа, активное участие в трудовой деятельности карагинцев. Летом работал в рыболовецкой артели, которая состояла из таких же молодых людей, каким был тогда и я. В 1929 г. при моём участии была создана комсомольская организация. В моей деятельности оказывал поддержку и помощь председатель сельского совета М.М. Обухов, впоследствии председатель Корякского окрисполкома, депутат Верховного Совета СССР. У нас с ним сложились подлинно то-

варищеские отношения, которые мы пронесли до его кончины.

В 1930 г. по командировке Комитета Севера я был направлен для получения высшего образования в г. Ленинград, где поступил на Северное отделение Пединститута им. А.И. Герцена. Практическое знание основ живой речи корякского языка (карагинского диалекта) помогло более быстрому освоению чукотского языка под руководством профессора В.Г. Богораза. В 1931 г. он пригласил меня участвовать в создании чукотского букваря. Об этой работе Богораз написал в предисловии к букварю и в специальной статье «Чукотский букварь», опубликованной в журнале «Советский Север» (1931, № 10). В 1932 г. этот букварь («Челгыкалекал» – «Красная грамота») вышел в свет. С тех пор я не порываю связей с развитием письменности, изданием учебной литературы на чукотском языке. Подготовлены и изданы буквари для подготовительного и 1-го классов чукотской школы (10 изданий), букварь для взрослых (2 издания), учебники грамматики чукотского языка для подготовительного и 1-го классов (несколько изданий). Совместно с Яйлетканом <написаны> букварь на корякском языке и книги для чтения для 1-го класса. Работа по созданию письменности на

Тропою Богораза

протяжении ряда лет (1935–1941 гг.) сопровождалась работой в Учебно-педагогическом издательстве в качестве редактора учебников и литературы на языках народностей Севера.

В 1932 г. учёба была прервана командировкой на Чукотку (Чаунский район) для проведения работы по внедрению и распространению первого букваря на родном языке, а также его проверки, для более глубокого изучения языка, быта и культуры чукчей-оленьеводов.

Зиму 1932/33 г. я провел в Чукотском районе, в стойбище оленевода тов. Ильмоча, где организовал кочевую школу. Школа и квартира учителя помещались в каркасной палатке, отапливаемой двумя 30-линейными керосиновыми лампами. Малейшее дуновение ветра (а в нём недостатка на Чукотке нет) приводило в движение парусиновое покрытие этого сооружения. Занятия проходили под грохот и хлопанье полотнища о деревянный каркас. Во время пурги все эти звуки усиливались во много раз. Нужно сознаться, что порой было трудно переносить лишения, связанные с изнуряющим холодом, неудобствами быта, ненадежностью питания и т.п. И всё же это была школа, в которой преподавание велось на чукотском языке: я понимал детей, они понимали меня. К весне все дети научились читать и писать, освоили основы грамоты.

Тесная связь с окружающим населением была лучшей школой для познания языка и культуры чукчей. Это же обстоятельство убедило меня в том, как плохо тогда мы знали историю, особенно духовную культуру чукчей.

Только весной 1933 г. я смог двинуться к месту своего первоначального назначения, т.е. в Чаунский район. Осуществить это в 1932 г. не удалось, так как тяжёлые ледовые условия задержали пароходы, шедшие на Колыму.

По побережью Ледовитого океана, от залива Лаврентия до Чаунской губы, я проехал на собаках через все имевшиеся там населённые пункты оседлых чукчей. Всюду

были только яранги, тяжёлые условия жизни. Это путешествие длилось с 1 мая по 8 июня 1933 г. Ехать пришлось на двух нартах: на одной с каюром ехал я, здесь же была первая сотня чукотских букварей. Им предстояло держать экзамен у оленеводов Чаунского района. На второй нарте везли запасы нерпичьего мяса и жира – корм для собак, которых предстояло нанимать на мысе Шмидта, где (по слухам) не было корма.

На Чауне тогда создавался район. Здесь я снова поехал в тундру, где и провел зиму 1933/34 г. опять-таки в роли учителя (в яранге). Перекочёвки с оленеводами дали возможность познакомиться ближе с кочевым хозяйством и бытом чукчей этого района. Здесь сложилось убеждение в необходимости заняться исследованием истории и этнологии этого интересного самобытного народа.

В 1934 г. я возвратился в Ленинград и вскоре перевёлся из Педагогического института имени А.И. Герцена в Ленинградский государственный университет на лингвистический факультет (тогда историко-филологический), на его северное отделение. Одновременно стал принимать участие в заседаниях исторической секции Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (ИНСА). В 1937 г. окончил ЛГУ и в том же году поступил в аспирантуру ИНСА по исторической специальности. В осаждённом Ленинграде 4 декабря 1941 г. я защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук; защита была организована в Институте истории АН СССР (см. *Кольцов А.В. Учёные Ленинграда в годы войны (1941–1943 гг.).* М.; Л., 1962).

Война прервала научные занятия. Институт народов Севера был закрыт и в 1942 г. эвакуирован в Иркутск. С конца 1942 г. по 1946 г. работал директором Боханского педагогического училища (Усть-Ордынский национальный округ). В 1946 г. возвратился из эвакуации.

В Ленинграде началась работа на восточном факультете ЛГУ, на северном отделении, которое позднее было преобразовано в Северный факультет ЛГУ, где я вёл курсы

лекций по этнографии народов Севера, источниковедению Сибири, введению в палеоазиатоведение, спецкурсы и т.п. В 1951 г. мне было присвоено учёное звание доцента по кафедре истории и этнографии народов Севера. На протяжении ряда лет руководил студенческим научным обществом факультета. В 1946 г. был приглашён на работу по совместительству в Сектор языков народов Севера Института языка и мышления им. академика Н.Я. Марра (позже – Институт языкознания АН СССР). Уже в 1948 г. утверждён в учёном звании старшего научного сотрудника по специальности «Палеоазиатские языки».

В декабре 1956 г. по конкурсу, в котором я принял участие, прошёл и был принят на работу в сектор Сибири Института этнографии АН СССР. Здесь осуществилась моя мечта заняться вплотную историей и этнографией чукчей.

В 1954 г. был командирован в Корякский национальный округ в составе комиссии от Совмина РСФСР по обследованию состояния экономики, культуры и быта коряков. В 1955 г. по командировке Института языкознания занимался изучением языка алыторских коряков. Работа в комиссии и командировка 1955 г. дала возможность непосредственного знакомства с коряками северо-восточного побережья Камчатки.

В 1957 г., уже по командировке Института этнографии, изучал современное состояние быта и традиций чукчей Прианадырья (начиная с верховий реки Анадырь, – от села Ламутское и до устья), тогда же исследовал Ваегских чукчей*, которые ранее никем не обследовались.

В 1961 г., через 29 лет, снова побывал в Чукотском районе. Эта поездка дала возможность сопоставить впечатления 1932–1933 гг. с современными. Изменения разительные в области материального производства (технология морских промыслов, обладание тех-

никой). Коренным образом изменился быт: вместо яранг всюду построены домики, хотя и не совсем удобные и надежные в зимнюю пору, новые школы, клубы, всё радиофицировано и т.д. и т.п. Серьёзные изменения произошли в духовном облике, в расширении интеллектуальных интересов. Всё это нашло известное отражение в опубликованных работах, посвящённых современности.

Мной опубликовано свыше 120 научных работ (кроме русского языка, некоторые работы изданы на английском и французском) по вопросам истории и этнографии и свыше 50-ти названий (включая и переиздания) учебников и учебной литературы, преимущественно на чукотском языке.

В творческой деятельности сложилось несколько направлений:

1. Научно-практическое – создание и развитие письменности на чукотском и корякском языках. Нужно было помимо практических решать теоретические вопросы этого нового дела: установление учебной терминологии, формирование нормативной орфографии, выявление и уточнение грамматических правил, совершенствование методики построения учебников и т.д. и т.п. Всё это было внове, так как никакого опыта создания письменности и учебников на чукотском языке не было.

2. Научно-теоретическое – изучение истории исследования палеоазиатских языков («История изучения палеоазиатских языков», М.; Л., 1954; «Общие сведения о создании письменности на языках народов Севера», сборник «Младописьменные языки народов СССР», М.; Л., 1959 и другие. См. также «Список основных работ д.и.н. Вдовина И.С.» (СЭ, 1987. № 6).

3. История и этнография народов Северо-Востока Сибири. «Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII веков»; «К истории общественного строя чукчей» (Ученые записки ЛГУ, 1950. № 115); «Анадырский острог. Исторический очерк» (Краеведческие записки, Магадан, 1959. Вып. 2; 1960. Вып. 3); «Ваегские чукчи» (Сибирский этнографический

* Современное название этой группы – «ваежские чукчи», см. в настоящем издании статью В. Нувано «Этнотерриториальная группа «ваежские чукчи». *Прим. ред.*

сборник. М., 1962. IV); «Очерки истории и этнографии чукчей» (М.; Л., 1965) и другие (см. СЭ, 1987. № 6).

Близкое знакомство с народами Северо-Востока показало, что их культурно-историческое развитие всегда шло во взаимном влиянии друг на друга, что способствовало формированию общих элементов культуры, в том числе и духовной. Поэтому стала очевидной задача изучения этнографических контактов, глубины их влияния на разные области жизни. В этой связи была опубликована монография «Очерки этнической истории коряков» (Л., 1973) и статьи «Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков» (Сибирский этнографический сборник. М., 1961. III); «Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей» (сб. «Этническая история народов Азии». М., 1972); «Торговые связи населения Северо-Востока Сибири и Аляски (до начала XX века)», (Летопись Севера. М., 1964. IV) и др.

В 1965 г. вышел в свет основной мой труд «Очерки истории и этнографии чукчей», который и был представлен в качестве докторской диссертации. (Звание доктора исторических наук присвоено мне 11 сентября 1965 года).

Для моих историко-этнографических исследований характерно широкое привлечение языковых материалов как одного из важнейших источников ранее бесписьменных народов, наряду с использованием данных археологии, антропологии, этнографии и исторического документального материала.

Значительное внимание было уделено исследованию религии и шаманизма народов Сибири и Севера. Под моим руководством было опубликовано четыре коллективных монографии, каждая – по определённой тематике: «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера» (Л., 1976); «Памятники культуры народов Сибири и Севера» (Л., 1977); «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири» (Л., 1979); «Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири» (Л., 1981). В каждом из этих томов имеются мои статьи.

С 1979 г. я вышел на пенсию по возрасту, в то же время зачислен на должность консультанта, ведущего научного сотрудника отдела Сибири Ленинградского филиала Института этнологии и антропологии РАН.

Указом от 29 декабря 1973 года Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил мне почётное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

Фото 1-1. Справа налево: В.Г. Богораз, американский зоолог Норман Бакстон и В.И. Иохельсон в Сан-Франциско перед отплытием в Иокогаму и Владивосток для участия в Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Весна 1900 г. © АМЕИ, № 38343

Фото I-2. Справа налево: В.Г. Богораз, американский антрополог Франц Боас и Л.Я. Штернберг на XXI Международном Конгрессе Американистов в Гётеборге (Швеция). 1924 г. © МАЭ, № BoBoSh_BW

Фото I-3. В.Г. Богораз со своими проводниками на Колыме во время Сибиряковской экспедиции. 1895 г. © АМЕИ, № 22402.

(С отпечатка; оригинал, возможно, находится в Иркутском областном музее. *Прим. ред.*)

Фото I-4. В.Г. Богораз с коллекциями Джесуповской экспедиции в Анадыре.
Июль 1901 г. © АМЕИ, № 22332

Фото I-5. В.Г. Богораз и члены его отряда на обратном пути с мыса Чаплина в Анадырь.
Июнь 1901(?) г. © АМЕИ, № 11117

Фото I-6. Марковская церковь. Зима 1900–1901 гг. © АМЕИ, № 4106.
 (Снимки с I-4 по I-18 из Джесуповской коллекции АМЕИ занесены в опись рукой Богораза
 и под его именем, но некоторые из них, возможно, были сделаны его женой С. К. Богораз
 или его помощником Александром Аксельродом. *Прим. ред.*)

Фото I-7. Сцена в селе Марково. Зима 1900–1901 гг.
 © АМЕИ, № 4104

Фото I-8. Улица в селе Марково.
Зима 1900–1901 гг. © АМЕИ, № 4102

Фото I-9. В.Г. Богораз (в центре) на пути из Анадыря на мыс Чаплина.
Апрель 1901 г. © АМЕИ, № 2421

Фото I-10. Чукотская женщина в зимней одежде.
Зима 1900–1901 гг. © АМЕИ, № 2458

Фото I-11. Семья оленных чукчей на пути из Анадыря на мыс Чаплино
(недалеко от Нунлигрana). Апрель 1901 г. © АМЕИ, № 1373

Фото I-12.* Отец и сыновья. Тундра недалеко от Нунлиграна, на пути из Анадыря на мыс Чаплина.
Апрель 1901 г. © АМЕИ, № 2414

Фото I-13. Улица в эскимосском посёлке Унгазик, мыс Чаплина. Женщина несёт ритуальное блюдо. Июнь 1901 г. © АМЕИ, № 2563

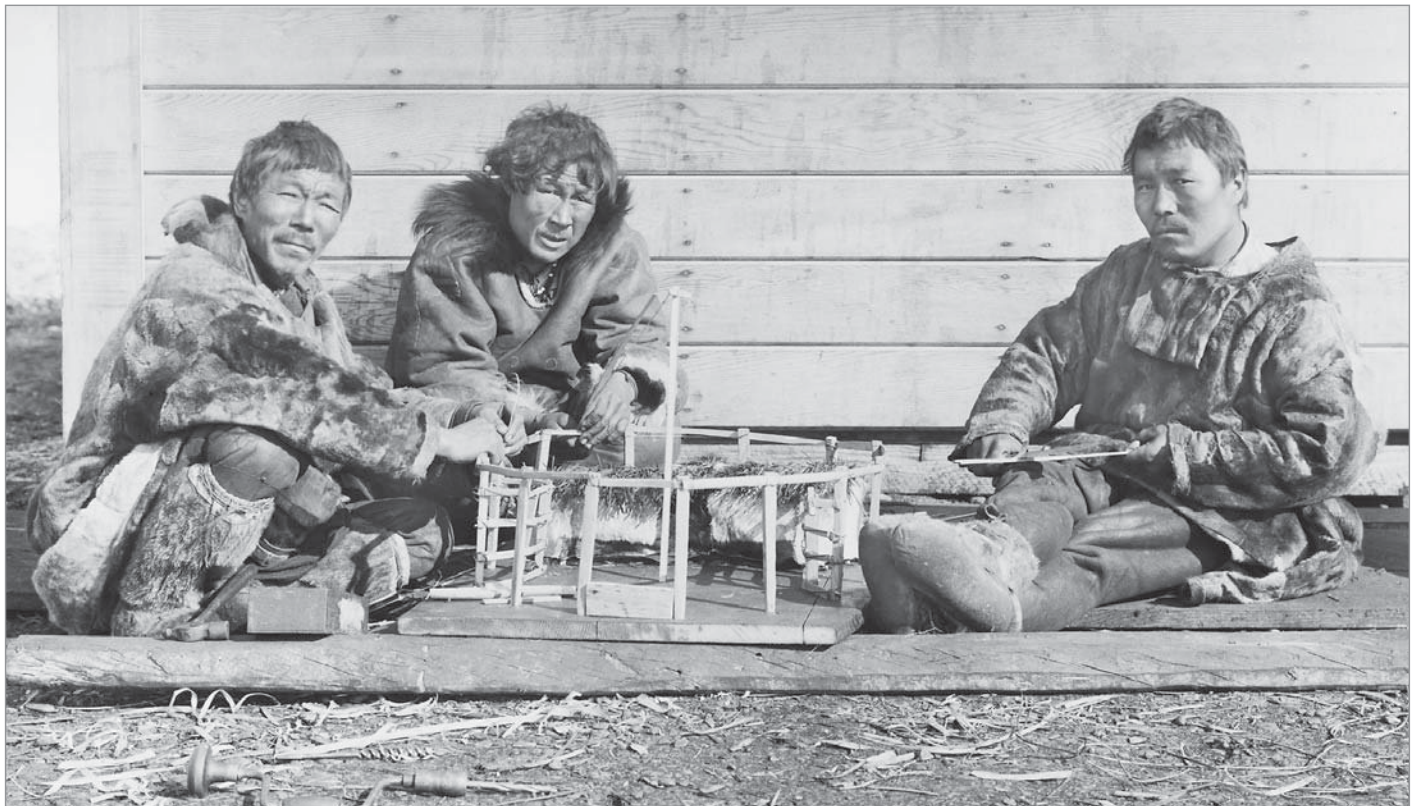

Фото I-14. Эскимосы на мысе Чаплина делают макет яранги для коллекций Джесуповской экспедиции. Май–июнь 1901 г. © АМЕИ, № 1356

Фото I-15. Эскимосская девочка в зимней одежде.
Мыс Чаплина. Весна 1901 г. © АМЕИ, № 2484

Фото I-16. Молодая женщина-эскимоска. Мыс Чаплина. Весна 1901 г. © АМЕИ, № 2466

Фото I-17. Пожилой мужчина и юноша, эскимосы. Мыс Чаплина.
Весна 1901 г. © АМЕИ, № 1365

Фото I-18. Пожилая женщина-эскимоска. Мыс Чаплина.
Весна 1901 г. © АМЭИ, № 2542

Фото I-19.* Туманская (вверху) и Еропольская ярмарки.
(Bogoras. The Chukchee. 1904. Plate III.)

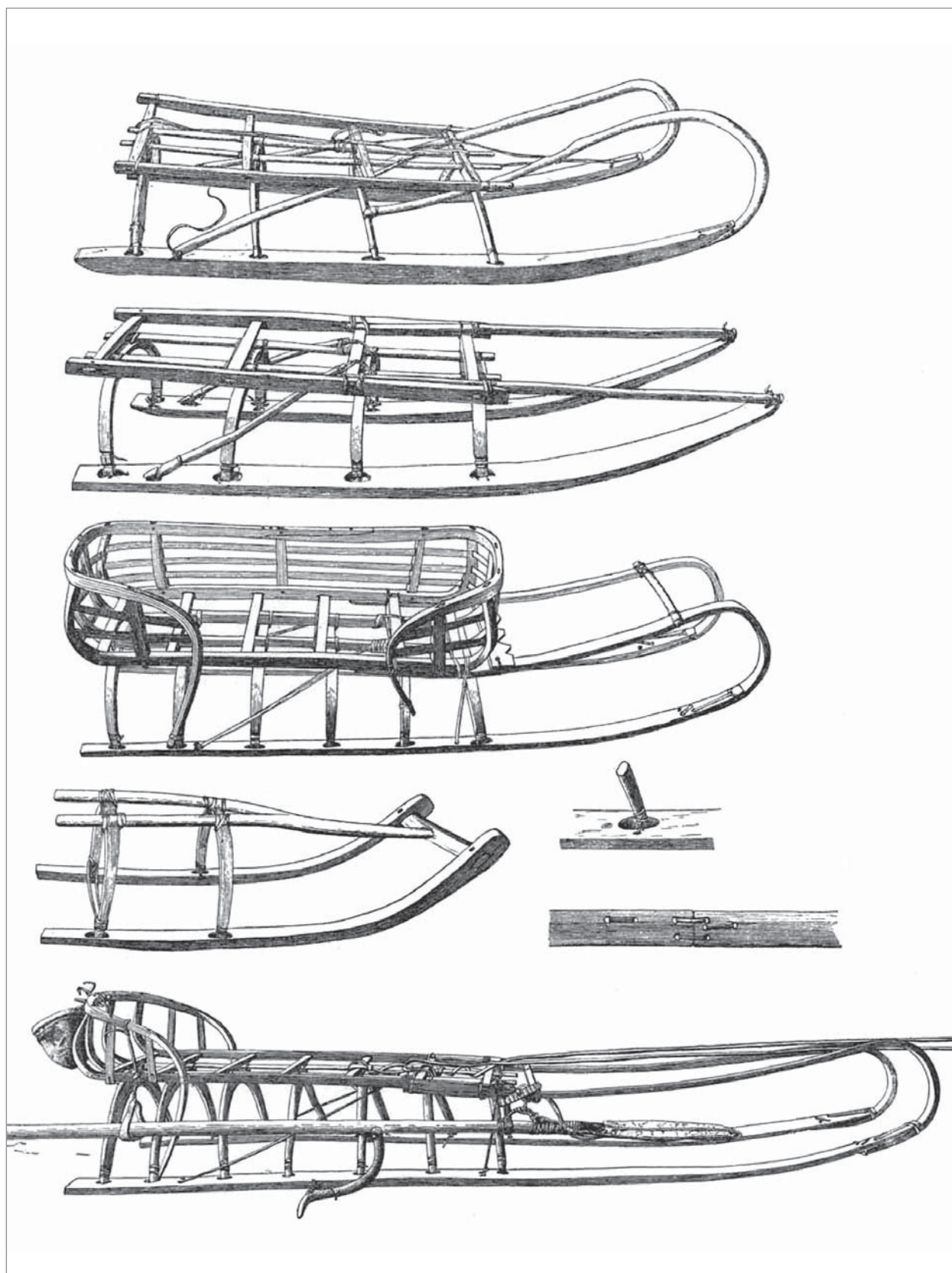

Фото I-20. Виды оленьих нарт (Bogoras. The Chukchee. 1904. P. 90)

Фото I-21. А.С. Форштейн (1904–1968).
С паспортной фотографии середины 1930-х гг.
© Архив МАЭ, № XXIII-481

Фото I-22. Участники районной учительской конференции на культбазе в Лаврентия.
А.С. Форштейн – первый ряд, крайний справа; рядом с ним П.Я. Скорик; крайний слева –
Н.Б. Шнакенбург (?). Стоят: третья слева – Е.П. Орлова (?), рядом с ней Е.С. Рубцова;
над А.С. Форштейном – К.М. Мыльникова-Форштейн (?).
1933 г. © МАЭ, № И-104-48

Фото I-23.* Председатель и секретарь Имтукского совета, Нутауи и Аляляун (слева).
Имтук. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-99.
(Снимки с I-23 по I-55 сделаны и подписаны А.С. Форштейном. *Прим. ред.*)

Фото I-24.* Группа мальчиков. Сиреники. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-17

Фото I-25.* Семья эскимоса Аляляуна.
Имтук. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-92

*Фото I-26.** Чаепитие в пологе у эскимоса Нутауи.
Имтук. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-150

*Фото I-27.** Зимний шатёр в пос. Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-34

*Фото I-28.** Сиреники. Остов зимней яранги. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-42

Фото I-29. Посёлок Имтук. 1928 г. © МАЭ, № И-115-3

*Фото I-30.** Зимняя яранга в пос. Имтук. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-35

*Фото I-31.** Постройка летнего жилища в пос. Имтук — собирают остов.
1928 г. © МАЭ, № И-115-50

Фото I-32. Постройка летнего жилища в пос. Имтук — остов собран.
1928 г. © МАЭ, № И-115-51

*Фото I-33.** Постройка летнего жилища в пос. Имтук — отмачивают моржовую шкуру.
1928 г. © МАЭ, № И-115-52

Фото I-34. Постройка летнего жилища в пос. Имтук — обтягивают шкурами.
1928 г. © МАЭ, № И-115-53

*Фото I-35.** Летний городок в поселке Серейнек. Май 1928 г. © МАЭ № И-115-5

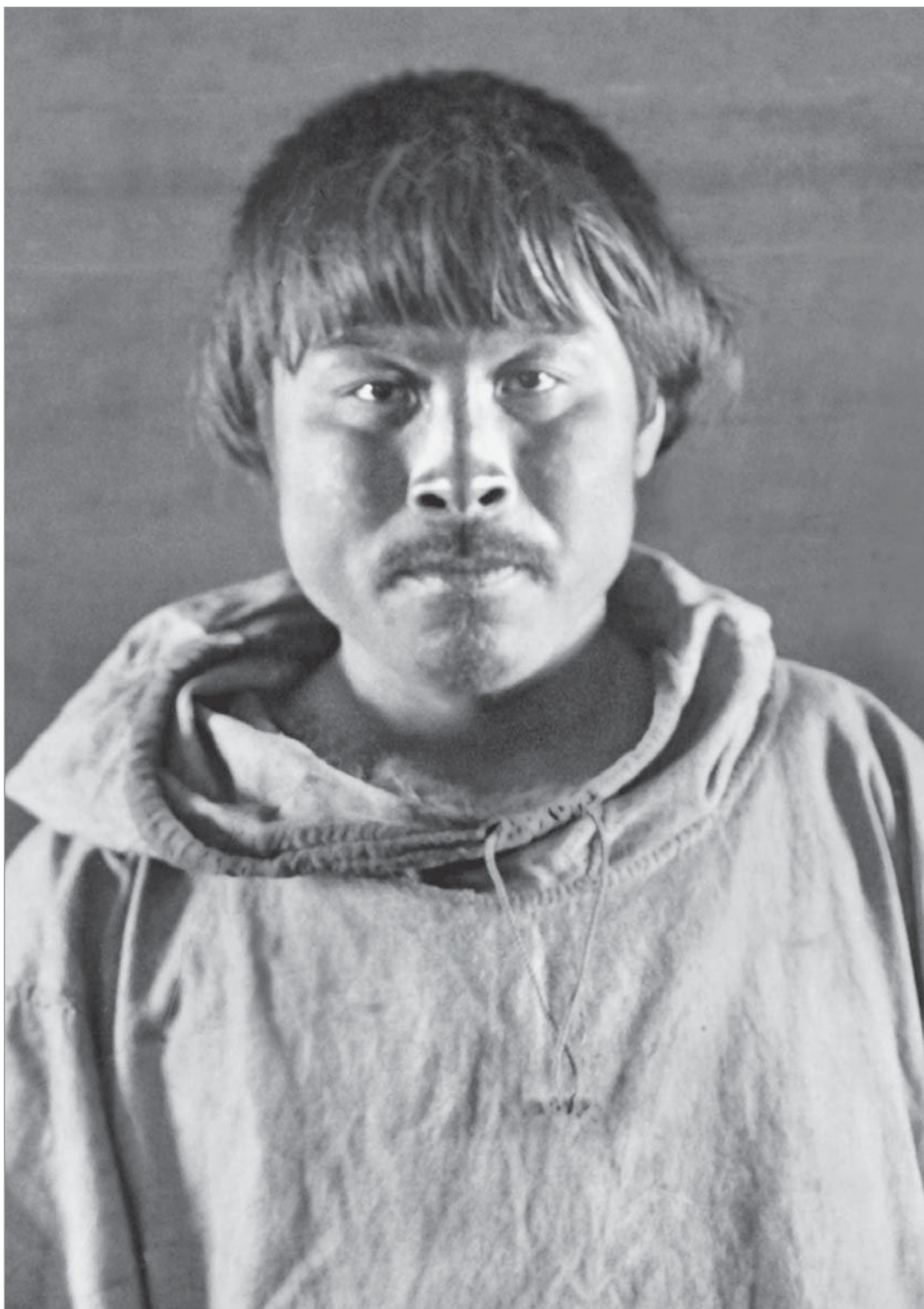
Фото I-36.* Склад зимних вещей. Имтук. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-88.

Фото I-37. Женщины с детьми. Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-93

Фото I-38. Игра в мяч. Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-98*

*Фото 1-39.** Эскимос Номтагын. Сиреники. Май 1928 г. © МАЭ, № И-115-14

Фото I-40. Эскимоска Ятхаун в брачном наряде. Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-96

Фото I-41. Праздник моржовых голов у эскимоса Матлю – общественное угощение.*
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-145

Фото I-42. Праздник моржовых голов у эскимоса Матлю – общественное угощение.
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-144

Фото I-43. Праздник моржовых голов у эскимоса Матлю – ритуальное подбрасывание (подбрасывают эскимоса Гальмуи). Унгазик. 1928 г. © МАЭ № И-115-147*

Фото I-44. Праздник моржовых голов у эскимоса Матлю – головы моржей в сенях. Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-141

*Фото I-45**. Праздник зимнего солнцестояния — призыв духов.
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-118

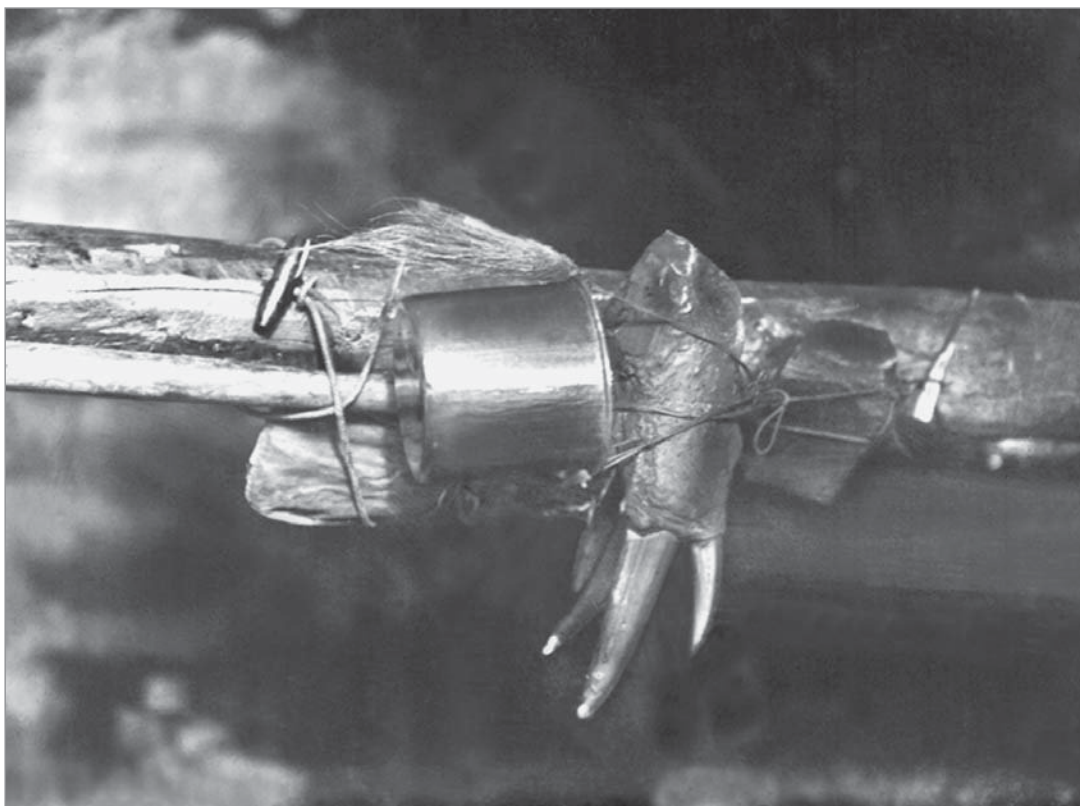

Фото I-46. Праздник зимнего солнцестояния — ритуальные предметы.
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-115

Фото I-47. Праздник Аттырак у эскимоса Матлю — приношение жертвы.*
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-121

Фото I-48. Праздник зимнего солнцестояния — танец женщин.*
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-117

*Фото I-49**. Шаман Гальмуи. Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-107

*Фото I-50.** Семья Гальмуи.
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-112

Фото I-51. Шаманское камлание. Гальмуи поёт.
Унгазик. 1928 г. © МАЭ, № И-115-108

Фото I-52. Вельбот на берегу зимой. Унгазик. 1928 г. © МАЭ № И-115-65

Фото I-53. Первый спуск вельбота — готовятся к отплытию. Унгазик. 1928 г. © МАЭ № И-115-137

*Фото I-54**. Фактория в пос. Дежнёв – общий вид. © МАЭ, № И-115-103

Фото I-55. Фактория в пос. Дежнёв – вид внутри помещения. © МАЭ, № И-115-104

Фото I-56. И.С. Вдовин (1907-1996).
© Архив Б.И. Вдовина

Фото I-57. Разделка серого кита в пос. Аккани. 1963 г.
И.С. Вдовин. © Архив Б.И. Вдовина

КОММЕНТАРИИ К ФОТОГРАФИЯМ РАЗДЕЛА I

Фото I-12. По особенностям одежды детей Валентина Вэкэт установила, что «мальчик» слева на снимке на самом деле является девочкой, одетой в традиционный женский керкер.

Фото I-23. Аляляун (*Аляляйын*, около 1900–1937), секретарь Имтукского совета и активист 1920-х гг. Переселился в Имтук из Чаплино или Кивака около 1920 г. Аляляун был в те годы одним из немногих эскимосов, знавших русский язык, он активно помогал Е. С. Рубцовой в организации школы. Он также помог ей устроиться – поселил в своей яранге, поставив для неё отдельный пол.

Фото I-24. Мальчики в Сирениках, ученики первой школы, где преподавала Е. С. Рубцова. Судя по возрасту, они должны быть около 1917–1920 гг. рождения. К сожалению, их имена пока остаются неизвестными.

Фото I-25. Рядом с Аляляуном – его жена Рахтына (*Рагтын’а*, ок. 1900–ок. 1930). На снимке хорошо видно внутреннее убранство жилища Аляляуна, обилие привозных товаров и утвари.

Фото I-26. Нутаугье (*Нутауйи*, *Нутауйи*) – уроженец Чаплино, впоследствии жил в Имтуке, затем в Сирениках. Был организатором первого эскимосского колхоза в Имтуке в 1928 г. На снимке также жена Нутаугье Тымнганга (*Тымн’ан’а*, вторая слева), сын Атата Михаил (1920–1951), дочь Арманаун (*Арман’авын*, 1914–1950, сидит спиной) и сын Кавратагин (1916–1950, крайний справа). Имя ещё одной дочери, крайней слева, не известно.

Фото I-27. Стены этого зимнего жилища выложены из коротких узких досок. На крыше, сделанной из моржовых шкур и парусины, закреплена собачья нарта, ко-

торая прижимает покрытие яранги к острову и одновременно всегда готова к использованию – её не надо выкапывать из-под снега.

Фото I-28. Вертикальные столбы остова – это укороченные верхние челюсти гренландских китов; дверной проём (слева) и горизонтальная стяжка сделаны из дерева. Рядом лежат камни и обломки китовых челюстей, которыми укрепляли покрытие яранги.

Фото I-30. Большая зимняя яранга, крытая шкурами (тёмная часть крыши) и парусиной (светлая часть крыши). Хорошо видна сеть ременных стяжек и две жерди по обе стороны входа – ими регулировали размеры дымового отверстия.

Фото I-31. Прежде на лето жители многих береговых посёлков переселялись из полужемлянок, стационарных зимних яранг или покупных американских деревянных домиков (видны на заднем плане) в более лёгкие палатки. Их обычно ставили ближе к кромке воды, прямо на галечном пляже. На языке чаплинских эскимосов такое летнее жилище называется *пыльёук*. Палатку-пыльёук покрывали моржовыми, реже лахтачьими шкурами, иногда парусиной или брезентом. Это покрытие укрепляли сверху ременными стяжками, снизу – камнями, обломками челюстей и ребер гренландских китов.

В Имтуке летние палатки, как правило, располагались с внутренней стороны косы, на берегу лагуны Имтук.

Фото I-33. Моржовую шкуру кладут на весенний мокрый снег, чтобы она стала влажной и плотно легла на остов жилища. На заднем плане видны две уже готовые летние палатки.

Фото I-35. В Сирениках, в отличие от Имтука, летние жилища-пыльёук устанавли-

вали в ряд на морском берегу, там, где сейчас находится разделочная площадка.

Фото I-36. Сложенные зимние вещи укреплены от ветра обломками костей гренландских китов

Фото I-38. Летняя игра в мяч была очень популярна среди азиатских эскимосов и береговых чукчей, а также на Аляске и острове Св. Лаврентия. В игре участвовали две большие команды: одна половина села против другой, юноши против девушек или же команда «хозяев» против команды «гостей» из другого посёлка. Для игры использовали мяч из шкуры нерпы, набитый оленьим волосом. (Подробное описание этой игры см. В.Г. Богораз «Материальная культура чукчей», 1991, с. 202–205).

Фото I-39. Нумтагнин (*Нумтагнын*, 1900–1965), сирениковский эскимос из группы *сян'лигмит*; родился в Имтуке, потом жил в Сирениках; отец А.И. Парины.

Фото I-41. У азиатских эскимосов было несколько категорий праздников, в том числе «личные», которые передавались от отца к сыну. Личным праздником эскимоса Матлю был Праздник моржовых голов, они чтились как обиталища душ убитых животных, способных возродиться и вновь стать желанной добычей. Головы вносили внутрь жилища, затем на улице из них вырубали клыки и потом складывали в священные кучи. Важным этапом любого праздника было общественное угощение, в тёплое время года его проводили на улице.

Фото I-43. Подбрасывание на моржовой шкуре в прошлом было очень распространено на летних праздниках азиатских эскимосов и береговых чукчей; до сих пор оно популярно у эскимосов северной Аляски. Подбрасывание на шкуре по-эскимосски называлось *увыхтак*, или *увых'талх'ыт*. (Об этом обычае см. Крупник «Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг.», 2000, с. 247, 284, 290).

Фото I-45. На любой праздник приглашались духи и души предков, для чего проводились специальные обряды.

Фото I-47. Духам приносили жертву. В данном случае их кормят прежде, чем участники праздника сами приступят к еде. В качестве угощения духам преподносили кусочки «чистой» пищи, к которой ещё не прикасались люди.

Фото I-48. В руках женщин и девочек видны пучки длинной оленьей шерсти. Поэтому, как они их держат, можно полагать, что женщины надели на руки особые ритуальные украшения, так называемые пальцевые маски (*finger masks*). Их вырезали из дерева и украшали подшейным волосом оленей. Был даже специальный праздник – *тал'тик'* («рука»), – на котором женщины танцевали с оленьей шерстью в руках и волосах. К настоящему времени пальцевые маски совершенно исчезли у азиатских эскимосов, но широко распространены у эскимосских танцоров Северной Америки.

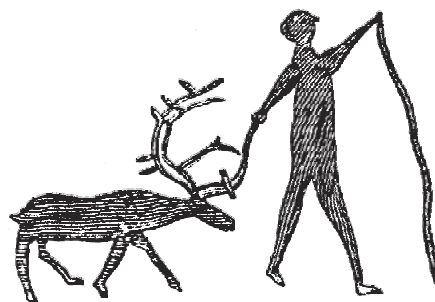
Фото I-49. Чаплинский эскимос Гальмугье (*Гальмуй*, *Галмугйи*, около 1889–1952) в прошлом считался сильным шаманом, способным лечить людей (Крупник 2000, с. 481–483). В коллекции Форштейна имеется целая серия фотографий шаманского камлания Гальмугье.

Фото I-50. На снимке изображён шаман Гальмугье, его жена Кусяги, старшая дочь Нывухак (1914–1941, вторая слева), сын Кыкмик (маленький мальчик рядом с Кусяги). На фотографии нет старшего сына Гальмугье – Насалика, отца В.Н. Насалика.

Фото I-54. На Севере долгое время не было магазинов, а существовали фактории. Они являлись особыми торговыми заведениями, где коренные жители могли купить или обменять на пушнину, мясо, шкуры оленей и морских зверей, необходимые им продовольственные и промышленные товары, в первую очередь, огнестрельное оружие (ружья, винтовки), патроны, рыболовные сети. В период укрупнения посёлков фактории постепенно сменили на ТЗП (торгово-закупочные пункты), через которые шло снабжение сельских магазинов. В настоящее время фактории возродились во многих регионах Севера.

II

ЖИЗНЬ НАРОДОВ ЧУКОТКИ В XX–XXI ВВ. ОЛЕНЕВОДЫ

У ГРИГОРЬИХИ

Была уже поздняя ночь, когда наши утомлённые собаки добрались, наконец, до стойбища Аканги. В этот короткий январский день, несмотря на пятидесятиградусный мороз, мы совершили переезд в сто километров и три раза перебирались с одной горной речки на другую по крутым перевалам, уходящим далеко за пределы растительности.

На каждом подъёме нам приходилось спешиваться и вместе с собаками тащить вверх грузные нарты, обливаясь потом в своей тройной меховой одежде. На спусках было ещё хуже. Собаки, по своему обыкновению, приходили в чрезвычайное возбуждение и мчались как угорелые. Чтобы удержать их, нужно было изо всей силы тормозить с обеих сторон нарту тормозными палками, которые прыгали и хлопали на каждой неровности почвы, передавая очень чувствительные толчки державшим их рукам. На одном крутом повороте тормоз, задев корень дерева, торчавший поперек дороги, ударил моего спутника в шею с такой силой, что он выпустил из рук дугу нарт и отлетел в сторону, а я изорвал жёсткие камусные рукавицы и ободрал в кровь обе руки, пока мне удалось остановить мою бешеную свору. На другом спуске задняя нарта с разгона попала на дерево, сломала переднюю дугу и сильно ушибла собаку, запряжённую в корню. Нам следовало, впрочем, быть благодарными, что на всех этих подъёмах, спусках и поворотах дело обошлось для нас без более серьёзных ущербов.

По дороге мы три раза заезжали на чукотские стойбища, производя поверку сведений по переписи, добытых предварительно расспросным путём при разных случайных встречах, но, несмотря на уговоры хозяев,

нигде не согласились остаться ночевать. Я непременно хотел добраться в этот день до реки Лабугена, где рассчитывал на стойбище Аканги или где-нибудь по соседству встретить Коравию, Кутылина сына, бродячего торговца, который обещал, возвращаясь из поездки в русские посёлки на Колыме, привезти мне почту из Средне-Колымска, Якутска и других цивилизованных мест земного шара. Поэтому я заставлял усталые ноги наших собак безостановочно подвигаться вперёд, пока наконец искры, приветливо замелькавшие в чёрной глубине леса, не возвестили нам о желанном ночлеге.

Я поспешно соскочил с нарт и направился ко входу в шатёр. Моя внутренняя одежда, несколько раз промокая от пота, заставила меня озябнуть, несмотря на плотную меховую парку и двойные сапоги. Спутники мои в своих вытертых кухлянках озябли ещё больше меня, и я хотел поторопить хозяев с приготовлением горячего чая, пока ямщики будут управляться с привязыванием собак и установкой нарт.

— Го-го! — крикнул я, приподнимая край входной полы, завязанной изнутри, и ожидая обычного приветствия и приглашения войти.

Меня постигло, однако, неожиданное разочарование.

— Кто там? — раздался изнутри женский голос, в котором я узнал голос Аканги, хозяйки стойбища.

— Веип, пишущий человек с реки Росомашей, на возвращении домой!

— Не входите! — решительным тоном сказал голос изнутри. — Идите в другое место.

Я остановился в недоумении. С Акангой я был знаком раньше, и никаких напряжённых

Тропою Богораза

отношений между нами не было, и она не имела повода запрещать мне доступ к своему огню, который продолжал так приветливо потрескивать внутри и выбрасывать снопы искр чрез отверстие вверх.

— Почему не входить? — спросил я наконец. — Я хотел здесь ночевать. Собаки устали!

— А разве на Росомашьей реке не ходит злой дух? — с упреком спросил голос.

Действительно, в околотке, откуда я приехал, появилась заразная болезнь вроде гриппа или инфлюэнцы, выражавшаяся довольно разнообразными признаками и успевшая умертвить несколько десятков жертв, но я вовсе не считал этого достаточным основанием, чтобы Аканга заперла перед нами дверь, тем более что на всех стойбищах, посещённых до того, мы были желанными гостями, несмотря на злого духа с реки Росомашьей.

— Разве вы думаете, что мы привезли злого духа в складках платья? — сказал я с некоторым нетерпением. — Он вольный. Куда захочет, придёт и без нас!..

— Ко!¹ — ответил голос изнутри с оттенком сомнения.

— Да вы разве маленькие! — продолжал я убеждать. — Чего вы боитесь?

— Есть и маленькие! — возразил голос. — Моя дочь третьего дня родила сына!

Я несколько смутился. Посещение злого Духа Болезни, имеющего привычку невидимо следовать за путниками, более всего опасно для младенцев, в особенности же для новорождённых, которых поэтому чукчи охраняют весьма ревниво. Перспектива ночлега на открытом воздухе вдруг воочию предстала предо мною, как чрезвычайно близкая к осуществлению.

В этом не могло быть ничего приятного.

— У нас двадцать четыре сторожа! — доказывал я самым убедительным тоном. — С нами ничто худое не могло прийти! — Я имел в виду наших собак, так как собака считается сторожем человека, отпугивающим враждебных духов.

Однако хозяйка, очевидно, относилась скептически к бдительности русских собак,

мало знакомых с чукотскими злыми духами.

— Не знаю! — упрямо повторила она. — Собаки в упряжке, на привязи... А ребенок достоин жалости... Попроситесь лучше в задний шатер. Может, вас пустят...

Я отошел от этой несдававшейся двери и отправился к заднему шатру.

— Го-го! — громко окликнул я. — Хозяева, впустите!

Внутри шатра тоже топились огонь, и слышно было движение людей, однако ответа на мой оклик не последовало.

— Гэ-гэй! — окликнул я снова и ещё громче прежнего. — Русские приехали! Впустите!

— Идите в передний шатер! — отозвался наконец голос изнутри, точь-в-точь как раньше. — Гости не ходят к заднему!

Действительно, по общему правилу, гости, в особенности почётные, заходят в шатер главного человека на стойбище, всегда стоящий впереди.

— Аканга не пускает! — объяснил я довольно жалобным тоном.

— Отчего? — допрашивал голос.

— Из-за болезни на Росомашьей, — объяснил я. — Жалеет ребёнка!

— У нас тоже есть дети! — проворчал голос.

Усиленная осторожность Аканги подействовала заразительно и на соседей. Я хотел было продолжать переговоры, но в это время подошли мои спутники, управившиеся с собаками, и узнав, что нас не хотят впустить в шатер, разразились проклятиями на русском и чукотском языках. Особенное раздражение проявляли два русских ямщика. Для колымского русского жителя гостеприимство является непререкаемой обязанностью, для исполнения которой он готов пожертвовать последним куском, оторвав его от собственного рта, и поведение чукоч казалось им чуть не святотатством. Мои чукотские спутники, Леут и Айганват, вели себя сдержаннее. Мотивы чукотской осторожности пред злыми духами были им ближе и понятнее, чем русским, и, быть может, в своё время и они сами не раз запирали свои двери пе-

ред подозрительным путником, неожиданно явившимся в ночной темноте неизвестно откуда. Зато Митрофан, дюжий анюйщик² из обруселых якутов, бывший ямщиком передней нарты, скоро перешёл от проклятий и угроз к более решительным действиям. Он схватился руками за длинные жерди, к которым была привязана входная пола, и принялся с ожесточением трясти их, как будто собираясь обрушить весь шатёр на голову обитателей. Такая решительность не замедлила принести плоды.

— Войдите, — довольно хладнокровно сказал голос изнутри, — если вы не хотите уйти!

Чьи-то проворные руки развязали входные ремешки, и мы стали один за другим пролезать в шатёр, торопясь приблизиться к огню. В шатре уже не было никого, кроме одной довольно дряхлой старухи; другие обитатели удалились во внутреннее отделение, твердо намереваясь отсидеться там от нашего нашествия, как в цитадели. Огонь, правда, горел довольно ярко, но о чае и еде не было и помина. Мы уселись перед костром на обрывках шкур, проклиная Духа Болезни и чукотское суеверие.

— Подвесь чайник! — сказал я старухе.

— Нет чайника! — возразила она, равнодушно разглядывая наше общество.

— Ну, попроси у Аканги! — посоветовал я.

— Огонь чужой! — ответила старуха. — Грешно!

Очевидно, оба шатра не имели общения огня и потому не могли меняться посудой.

— Разведите огонь на дворе, варите сами себе! — посоветовала старуха, снова стараясь выжить нас из шатра.

— О несчастные людишки! — разразился Митрофан. — Чтоб вам пропасть! Клятые! Жисть ваша собачья! Дай еду! — сурово обратился он к старухе. — Печёнка болит! Сейчас давай еду!

Старуха порывалась сзади себя в груди деревянных лотков и, вытащив несколько кусков холодного варёного мяса, отдала их нам. Мы поспешно достали ножи, как будто собирались вступить в единоборство из-за

предложенной пищи. Разговоры немедленно заменились чавканьем, заглушавшим для наших собственных ушей даже треск костра.

В это время входная пола приподнялась и пропустила ещё одну человеческую фигуру. Население переднего шатра наконец решилось прислать нам парламентёра для переговоров. Это была молодая здоровая баба в косматой одежде, беспорядочно натянутой на плечи. В руках она сжимала маленького черного щенка, который жалобно попискивал.

— Старуха говорит, — сказала баба, обращаясь ко мне, — потритесь об этого щенка, тогда можете войти к нам в шатер!

Щенок в данном случае являлся заместителем ребёнка и, смотря по обстоятельствам, должен был или испугать Духа Болезни, или явиться для него умиловительной жертвой.

Митрофан поглядел на пришедшую, и лицо его разгладилось.

— Будет тебе щенка мучить. Давай его сюда! — сказал он уже шутливо и вместе со щенком облапил посланницу, которая тщетно старалась вырваться из его могучих объятий. Он вёл давнее знакомство с Григорьихой, как русские окрестили Акангу, по имени её покойного мужа Гырголя, и пользовался приятнью её обеих дочерей, и, быть может, именно его присутствию мы были обязаны тем, что двери запертой крепости готовы были открыться перед нами.

Мы подхватили щенка и поспешно принялись прикладывать его к своим бокам и спине.

Через четверть часа мы уже сидели во внутреннем отделении переднего шатра, раздетые до последних пределов возможности, и, обливаясь потом, усердно поглощали горячий чай. Хозяева, успевшие поужинать до нашего приезда, не уступали нам в соревновании над уничтожением пищи. Все они сидели на правой, хозяйской, стороне полога, уступив нам левую как гостям.

Григорьиха сидела впереди всех. Это была крепкая, костлявая баба лет пятидесяти, с безобразным скуластым лицом и мрач-

ным взглядом. Вдобавок к природному безобразию, лицо её было испещрено широкими черными знаками, намалёванными графитом и составлявшими предохранительное средство против покушений новопришедшего духа. На лицах её обеих дочерей, сидевших поближе к входу, красовались те же знаки. Старшая приходила недавно за нами в соседний шатер. Младшая была родильницей, но сидела как ни в чём не бывало. По её внешнему виду никак нельзя было бы определить, что она два дня тому назад разрешилась от бремени.

Китувия, муж старшей дочери, сидел сзади. В качестве старшего зятя он имел право восседать в пологу, между тем как младший зять, ещё не укрепившийся окончательно в семье, несмотря на рождение вышеупомянутого младенца, должен был мерзнуть под открытым небом при оленьем стаде.

Из-за Акангиной спины выглядывало ещё одно старческое сморщенное лицо с редкими седыми усами и маленькими злыми глазками, очень живыми и бегающими по сторонам. Это был Йэкак, приемный муж Аканги, которая, подыскав мужей своим дочерям, не позабыла и самоё себя. Йэкак был старшим из девяти сыновей небезызвестного на Анюйской стороне Лятувии — «в ошейнике», прозванного так за то, что некогда, утащив на чужом стойбище свиток из оленьих кишок и торопясь уйти домой, он надел его себе на шею, чтобы иметь более свободы в движениях. Все братья Йэкака в настоящее время были владельцами многочисленных стад и хозяевами отдельных стойбищ, но он никогда не чувствовал призвания к заботам оленьего хозяйства и провёл свою жизнь, скитаясь между стойбищами своих многочисленных родственников и добрых знакомых. Под старость он приютился у Аканги, которая, кстати, приходилась ему троюродной сестрою. Впрочем, Йэкак издавна был сменным товарищем по жёнам покойного Гырголя и, поселившись на стойбище его вдовы, только исполнял обязанность, возложенную на него условиями такого союза. Принять Акангу на своё собственное стой-

бище, как, собственно говоря, ему следовало бы сделать, он, конечно, не мог, ибо у него не было ни стойбища, ни даже никакого жилища, достойного упоминания. Другая жена его не обновляла своего шатра уже около десяти лет, и он представлял теперь кожаные лоскутья, которые стыдно было даже натянуть на жерди.

Нечего говорить, что Йэкак во всем подчинялся авторитету своей главной, более зажиточной подруги и в общем равновесии стойбища имел гораздо меньше значения, чем хотя бы даже новорождённый младенец, который недавно чуть не выжил нас со стойбища.

Лица обоих мужчин были чисты от кабалистических чёрных знаков.

— Ты отчего не расписал себе лица? — обратился я шутливо к Китувии. — Разве ты не боишься духов?

Китувия сконфуженно улыбнулся. Он был приморского происхождения и только пять лет тому назад покинул свой родной посёлок у Колючинской губы, чтобы отправиться к оленным людям на поиски счастья. Имущество его состояло из старой кукашки, а все жизненные ресурсы представлялись парю неутомимых ног и таких же неутомимых красных глазок, мало нуждавшихся в сне. К Аканге он попал прямо из своего родного Чейтуна, но до сих пор не мог вполне освоиться с положением старшего зятя, которому в не весьма отдалённом будущем, когда старуха одряхлеет, предстояло сделаться главою богатого стойбища.

— Пустое, — пробормотал он в ответ. — Это они, бабы. Так только!..

— А я тоже не расписал себя! — хихикнул Йэкак из-за плеча Аканги. — Что же!.. Я не знаю, вправду ли вы привезли Духа Болезни или вы обманщики! — Он опять засмеялся и вызывающе посмотрел мне в глаза.

— Конечно, мы обманщики! — усмехнулся и я. — Никакого духа у нас нет. Но отчего же вы нас не хотели впустить? Такого пугливого жительства мы не встречали во всей стране от самого рубежа поселений.

Лицо старухи вдруг ещё более омрачилось. Леут, сидевший рядом со мною, толк-

нул меня в бок локтем. Я вспомнил рассказ, слышанный мною от него же не так давно, и перестал задавать вопросы.

Старый Гырголь отличался довольно неуживчивым характером даже для чукчи, и в молодости Аканге приходилось пить от него горькую чашу. На левой щеке её до сих пор белел шрам, некогда прорубленный острым теслом, которое Гырголь в запальчивости швырнул ей в голову. Зато Гырголь и окончил свою жизнь довольно необычным образом. В одно лето, когда он стоял со своей семьей на отдельном стойбище, не имея ни одного соседа, ему вдруг пришло желание отправиться на тот свет, и он приказал своей жене, чтобы она застрелила его, что и было исполнено согласно обычаю. Такая смерть встречается часто у чукоч, и в этом ещё не было ничего необычайного, но женщины с ближайшего стойбища, куда Аканга на другой день послала своих дочерей с вестью, явившись на погребение и переодевая труп для того, чтобы возложить его на погребальную нарту, с удивлением заметили, что смертельная рана была нанесена Гырголю не спереди, как это делается всегда, а сзади, в затылок.

Впрочем, дочери Аканги, бывшие в то время уже на возрасте, во всем подтвердили рассказ матери, и никакого повода для чужого вмешательства не представилось. У Гырголя не было близких родственников, а чукчи не признают за собой права вмешиваться в дела чужой семьи, даже если в её среде случалось убийство.

Таким образом, Аканга осталась хозяйкой на стойбище своего мужа, но теперь все соседи говорили, что, наскучив побоями Гырголя, она попросту застрелила его из его же собственного ружья, а дочери, тоже немало терпевшие от отца, без отговорок согласились хранить тайну.

Вспомнив этот рассказ, я сообразил, что Аканга имела добавочную причину бояться невидимых пришельцев из сверхъестественного мира. По верованиям чукоч, мертвецы обращаются в духов, враждебно относящихся к живым, и, конечно, более всего стара-

ются мстить своим личным врагам. Аканга могла опасаться, чтобы вместе с духами болезни её не посетил мстительный дух её покойного мужа.

После ужина я при помощи Китувии произвел проверку переписных записей. Аканга не вмешивалась, только проворчала что-то, когда я повторил имя её новорожденного внука, готовясь занести его на бумагу. Других поправок делать не пришлось, и я отложил в сторону тетрадь переписных записей. Спать мне ещё не хотелось.

— Йэкак! Расскажи сказку, — обратился я к старику, сидевшему в углу.

— Сказку! — протяжно переспросил Йэкак. — Купи!

— Хорошо! — согласился я.

— Плату дай вперед! — настаивал Йэкак. — Может быть, вы обманщики? — повторил он в виде объяснения свою недавнюю фразу.

Я вынул из дорожного мешка несколько листов табаку и отдал ему. Йэкак быстро спрятал их за пазуху, попутно откусив угол одного листка для употребления в жвачку, а потом спросил:

— Какую сказку? Простую, про шаманов?..

— Не надо! — отвечал я. — Расскажи вести от времен первоздания или повесть о битвах со злыми.

Этими терминами чукчи обозначают отделы космогонических и эпических преданий, и я интересовался ими гораздо более, чем обыкновенными сказками.

Йэкак хитро улыбнулся и обвел нас своими быстрыми глазками.

— Ага! — сказал он, обращаясь ко мне. — Я расскажу тебе хорошую повесть о войне с *таньгами*, *огнивыми таньгами*³, твоим собственным народом. Только ты слушай хорошенько.

Спутники мои, заинтересованные предстоящим рассказом, пододвинулись ближе. Йэкак считался одним из лучших сказочников Анюйской стороны, и можно было ожидать, что «повесть» будет хороша, если он сам хвалил её.

Тропою Богораза

— Собрались в шатре творящие служение, закрыли дымовое отверстие, шаманят, поют. А между тем это собаки. Одни поют: «Ко-о-о! Ко-о-о!» — воют. Другие: «Ко-о-о-о! Ко-о-о-о!» Третьи, приплясывающие: «О-о-о-о! По-о-о-о!»

— Опять стал бредить! — недовольным тоном сказал Митрофан.

Хотя рассказ Йэкака описывал одно из обычных чукотских обрядовых празднеств, но в напевах, изображённых им, слышалось явное желание подражать русскому протяжному пению, которое, кстати сказать, у северных инородцев возбуждает бесчисленные насмешки отсутствием горловых переливов.

— Около шатра ходит девочка, именем Инкынеут, — продолжал Йэкак, хитро прищуриваясь. — Хозяйка стойбища говорит ей: «Взгляни в шатер! Кто там поет? Зачем они закрыли дверь и дымовое отверстие?» Нашла щель, взглянула внутрь, а там все собаки. Подняла крик. Люди прибежали с палками, стали колотить. Собаки разбежались, убежали на западную сторону, стали народом. Часть же осталась собаками и стала служить для упряжки...

— Отчего же ты не даешь отклика? — внезапно спросил Йэкак, взглядывая мне в лицо.

Насмешка была очевидна: оленные чукчи привыкли упрекать русских поречан их связью с собаками, которые служат им для езды и перевозки тяжестей. Вдобавок дерзкий старик требовал, чтобы я, по обычаю слушателей, выразил своё одобрение рассказу принятыми для того восклицаниями: правда! так!..

Митрофан и его товарищ с трудом удерживали своё негодование. Леут неодобрительно покачивал головой, но глаза его смеялись. Его тешило забавное сопоставление между собаками и их хозяевами.

Мне самому было смешно, хотя я и сознавал, что проклятый старик рассказывает свою сказку в пику, главным образом, мне.

— Тогда прежние битые стали гневаться за удары! — продолжал Йэкак, подмигивая. — Начали войну!.. Ух! Мы не знали, что они

обидаются. Наши били собак, а они стали народом, захотели отомстить... Таким образом, началась война между племенами.

Таково было оригинальное объяснение начала чукотско-русских войн, услышанное мною из уст старого бродяги на реке Погиндене, в тесных пределах чукотского полога.

— Тогда началась война между племенами! — повторил Йэкак. — Пришел Якунин, огнивый таньг, одетый железом, худо убивающий. Оттого худо убивающий, — кого поймает, худо убивает: мужчин, повернув вниз головой, разрубает топором по промежности; женщин раскалывает пополам, как рыбу для сушения. Пришел Якунин, стал истреблять народ. У него приёмыш из кочевого племени, проворный, приносящий пищу, быстрогогий... На бегу догоняет дикого оленя, убивает ножом, вывалив внутренность, хватает за заднюю ногу, вскидывает вверх, так прямо приносит домой. Якунин, худо убивающий, истребляет народ, собрал целые возы шапок, шапки убитых, двадцать возов отправил Солнечному Властителю; говорит: «Больше нет оленных людей! Всех истребил!». Говорит Солнечный Властитель: «Ещё в траве много птичек прячется!..» — «Покончу и их! Дайте большое ружьё (пушку)!..» — «Смотри, как бы самого тебя не убили!..» — «Пустое!..» Взял большое ружьё, унёс с собою, ходит, ищет жителей, истребляет. Люди бежали из внутренней страны к морю, но таньги следовали сзади и истребляли отстававших.

Оленные люди добежали до края земли, поселились под утесом, под крутыми скалами, но таньги взобрались на утес и, скаывая сверху камни, разбили укрепление и истребили многих. На земле Нэтэн поставили на морском берегу, под нависшим утёсом, другую крепость. Сверху туда нельзя скатить камни. Таньги взошли на утёсы, но ничего не могут сделать. Камни перелетают через границу жительства. Пошли таньги по ущелью, ища прохода. Впереди идет Якунин, одетый белым панцирем, подобный белой чайке, с длинным копьем в руках. У входа в узкое ущелье молодой Эыргын пьёт воду

из деревянной чаши. «Пей хорошенько,— говорит Якунин. — Больше ты не будешь пить на этой земле!..» — «Посмотрим!» — говорит Эыргын. Поднял Якунин копье, прыгает вверх, как до вершины лиственницы, машет копьем... «Кто, кто выйдет сразиться с казачким начальником?» Богатырь Нанкачгат: «Я выйду на испытание!..»

Встретились двое — Якунин, одетый белым железом, подобный белой чайке; Нанкачгат, обшитый кожей. Остриё копья Якунина длиною в локоть; у Нанкачгата — такой же длины. Солнце обошло кругом неба, ещё сражаются. Копье Якунина стерлось до обуха, язык у Нанкачгата свешивается до плеча... Люди вокруг стоят, смотрят. У Эыргына деревянный лучок, стрелка из китового уса. У Якунина на лице железо, только для глаз две дыры. Выстрелил Эыргын китоусовой стрелкой, попал Якунину в глаз. Облился кровью Якунин, сел на землю, опёрся локтем об землю. Бежали другие танги. Множество людей приступает к нему; ещё убивает, ибо силён. У Эыргына ножик из китового уса. Ударил китоусовым ножом между швов панциря. Повалился Якунин навзничь. Ещё жив. Схватили его. Говорят: «Ты жестокий, худо убивающий! У нас нет топоров. По крайней мере медленно умертвим тебя...» Развели огонь. Жарят его на огне, поджаренное мясо срезают ломтиками и жарят снова. «Хорошо! — говорит Якунин,— есть ещё мой приёмный сын. Он отомстит». Вместе с другими тангами убежал приёмный. Погнались сзади многие люди. Всех догоняют, всех убивают. Приёмный Якунина взобрался на высокую скалу, но стрела Эыргына отыскала его лоб. Принесли его Якунину. «Вот, посмотри! Это твой будущий мститель!..» Заплакал Якунин. «Конец теперь битвам. Некому отомстить за нашу смерть!..» Ещё двух тангов, бедных работников, оставили в живых. Самых бедных, вечно обижаемых, которых всю жизнь плохо кормили, тех оставили живыми. Сказали им. «Будьте смотрящими на то, что мы сделали с начальником, и, уехав, расскажите своим, чтобы прекратилось худое убива-

ние наших людей!..» Снабдили их жирным мясом в дорожный запас, дали им сильные упряжки. Уехали к своим, рассказали. С тех пор прекратилось жестокое убивание людей на этой земле...

— А что, хорошая повесть? — спросил Йэкак, докончив рассказ и с торжеством взглядывая на меня. — И всё правда. Как раз так и было.

— Я уже слышал об Якунине! — ответил я.

Действительно, рассказ о смерти Якунина, под которым подразумевался майор Павлуцкий⁴, довольно распространён среди чукоч в нескольких различных вариантах.

— Так и было с ним! — повторил старик с ударением. — За то: не убивай жестоко мужчин и женщин.

— Будет тебе-ка лепетать! — грубо возразил Митрофан по-русски. — Жестоко убивал?! Вы сами-то чего делали? Вон старики-то рассказывают,— обратился он ко мне. — Чукочью деревню⁵ первый раз разорили, не то что людей перерезали, а то есть едушку, юколу там, рыбу, костьё — всё наземь прибросали и ногами притоптали... Надо было вас, чертей, не так ещё наказывать! — продолжал он с ненавистью в голосе, снова обращаясь к Йэкаку, но, не отступаясь от русской речи, совершенно непонятной сказочнику. — Вишь, расплодился! Табуны-то кругом развели, чисто как грязь. А земля-то ведь наша, дедовска...

В качестве анюйщика Митрофан считал себя имеющим право владения на все тундры и леса каменного берега Колымы, занятые теперь чукчами, но некогда действительно составлявшие охотничью территорию его собственных предков.

— А тебе, видно, завидно на их стада? — спросил я шутя.

— Как не завидно будет! — сознался Митрофан. — Мы голодные сидим, а их еда кругом них сама на ногах ходит.

— А вы тоже заведите стадо! — сказал я.

— Как же, заведёшь! — сердито сказал Митрофан. — Надо ведь на гору идти, на воле ходить. Нас разве отпустят? А службы кто справлять станет? Мы всё равно привязан-

ные. Живём, как на цепи! Своя воля была бу, я давно бу, пожалуй, ушел к чукчам...

Митрофан имел в виду гнёт денежных и натуральных повинностей, который заставляет каждое общество колымских поречан⁶ прикреплять своих членов к их месту жительства на реке настоящими крепостными узами. В словах его было много правды. Не будь этого прикрепления, многие молодые люди, может быть, действительно ушли бы на гору и обзавелись стадами оленей.

Наступило короткое молчание.

— А что, Йэкак! — начал опять Митрофан, желая, в свою очередь, подразнить старика. — Где твоё стадо?

— Не нужно стада! — живо возразил Йэкак. — Заботы много!.

— А правда, что у тебя и ездовых (оленей) нет? — продолжал Митрофан насмешливо. — На Акангиных, будто, оленях ты в гости ездешь...

Старик насупился. Для чукчи, особенно для старика, считается весьма предосудительным не иметь собственной упряжки.

— Две упряжки есть, четыре кладовых оленя, восемь всего! — угрюмо возразил он. — Кто говорит, что я пеш?..

— Люди говорят! — не унимался Митрофан. — Говорят, будто ты и на тот свет хочешь ехать на Акангиных оленях.

— Полно врать! — сердито сказал Йэкак.

— Да, полно врать! — передразнил Митрофан. — А мой совет — лучше иди пешком! Гырголь увидит, всё равно отнимет; станешь пеш, ещё придется нарту волочить самому.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ко — междометие незнания. *Прим. авт.*

² Анюйщик — житель реки Анюя. *Прим. авт.*

³ Чукчи называют русских «огнивыми таньгами», имея в виду стальные огнива русских пришельцев. *Прим. авт.*

⁴ Майор Павлуцкий погиб в сражении с чукчами в 1747 году. *Прим. авт.*

После гибели Павлуцкого императрица Елизавета в корне изменила политику подчинения Чукотки. Военные действия против чукчей были прекращены,

По верованию чукоч, над телом умершего должны быть убиты непременно его собственные упряжные олени, ибо чужих всё равно на том свете отберут их бывшие владельцы.

Поэтому, если нет собственных оленей, не может быть и погребального жертвоприношения.

Йэкак серьезно рассердился.

— Собачий язык! — крикнул он. — Зачем ты пристал к моим оленям? Разве хочешь выкланчить кусок мяса на подарок жене?..

Я поспешил остановить возникавшую ссору, но словоохотливость Йэкака пропала. Он угрюмо отодвинулся к стене и не только не хотел рассказывать больше, но не ответил даже на мой вопрос относительно вероятности приезда назавтра вышеупомянутого Коровии Кутылина из Крепости Собрания (так называют чукчи Нижнеколымск). Я, впрочем, не стал настаивать на расспросах. Глаза мои слипались. В мозгу внезапно возникали смутные и неожиданные обрывки фраз и образов, которые бесцеремонно прерывали обычное течение моих мыслей, потом сами заволакивались туманом. Ещё через десять минут мы все спали как убитые, позабыв Якунина и его погибшее войско.

Мне, впрочем, снились письма и газеты, которых я ожидал уже два месяца. Митрофан с полночи стал ворочаться и стонать. Быть может, ему пригрезилось то самое податное ярмо, которое мешало ему завести соблазнявшее его оленьё стадо.

общение с ними происходило только путем меновой торговли на нескольких ярмарках, и, наконец, чукчи не облагались натуральным налогом (ясаком), как другие коренные народы Севера. *Прим. ред.*

⁵ Чукочья деревня — старинное русское поселение в западном устье Колымы, теперь совершенно обезлюдившее. *Прим. авт.*

⁶ Поречане составляют около десятка отдельных мелких обществ. Самое меньшее из них насчитывает два десятка душ обоего пола и только троих взрослых работников. *Прим. авт.*

ГОВОРЯТ КЕРЕКИ

Владилен Вячеславович Леонтьев (1928–1988; фото III-24) – замечательный исследователь коренных народов Чукотки, продолжатель дела В.Г. Богораза. Мальчиком-дошкольником попал он на Чукотку, в знаменитый посёлок морских охотников Уэлен. Здесь пошёл в школу, здесь впервые вышел в море и не один год учился морскому промыслу у известных зверобоев. Самое же главное, – ещё в детстве Леонтьев в совершенстве освоил чукотский язык, что позволило ему со временем стать уникальным знатоком материальной и духовной культуры приморских чукчей.

Большое обаяние, личная смелость, доброжелательность и умение «правильно» вести беседу сделали В.В. Леонтьева настоящим любимцем морских охотников и оленеводов, называвших его по имени – «Влятик». Коренные жители Чукотки считали его «своим» и дали Леонтьеву уважительное прозвище «Белый чукча». Собеседники доверяли ему то, что никогда не сказали бы никому другому, спрашивали его совета, обращались с самыми разными просьбами и вопросами. Споры нередко заканчивались единодушным решением: «У Влятика надо спросить!»

Стремление сохранить традиционные культуры и языки коренных народов Северо-Востока России – основа научных работ и художественной прозы Леонтьева. «Хозяйство и культура народов Чукотки» (1973), «Этнография и фольклор кереков» (1983), «Топонимический словарь Северо-Востока СССР» (Леонтьев, Новикова, 1989) и многие статьи всегда будут востребованы научным сообществом. А рассказы и повести о жизни морских охотников – источник традиционных знаний для современной молодёжи Чукотки.

Важнейшим делом В.В. Леонтьева стало изучение последних представителей кереков, древнего палеоазиатского народа, небольшого по численности и ассимилированного к середине XX в. коряками и чукчами. Леонтьев совершил три очень смелых морских экспедиции (1972, 1973, 1975 гг.) по местам прежнего расселения кереков. В поисках остатков селений и жертвенных мест он обследовал морское побережье от Анадырского лимана до бухты Дежнёва, пройдя на дюралевой лодке «Прогресс» более 6000 км.

В.В. Леонтьев составил карту старых посёлков этого народа, собрал интереснейшую коллекцию предметов быта и ритуальных вещей, сумел записать мифы, легенды и бытовые истории от последних кереков, сохранивших свой язык. Всё, что ему рассказывали, он вначале записывал на магнитофон на керекском языке, затем переводил на чукотский и русский языки. Ниже опубликованы сохранённые таким образом истории жизни кереков Михаила Етынкеу и Елены Хаткана.

В текстах оставлены пояснения, сделанные самим В.В. Леонтьевым.

Л. Богословская

Етынкеу Михаил Иванович (1903–1975), по-керекски *Йатынкавав*, по-чукотски *Етын-кэв*, что значит «пришедший». Родился в 1903 г. в местечке Амамкут у лагуны Лахтина. Отец Тыначан, мать Вулькыт – оба кереки из мейныпильгинской группы. Отец умер рано. Рос с матерью и дядей. В 40-е годы был активным организатором колхоза. После смерти своего брата Нутанвата стал председателем товарищества «Керек». Малограмотный. Хорошо знал свой родной керекский язык, помнил старину. Неплохо разговаривал по-чукотски. Русский язык знал плохо. Жил большую часть года на рыбалке Куэт в 20 км от Мейныпильгино. Пенсионер. В прошлом рыбак, охотник на морского зверя. Был трижды женат. Первая жена Аппла из мейныпильгинских кереков, вторая, Уйви, – из хатырских кереков и третья Кальвиччанав – из Мейныпильгино. Первые две жены умерли, от второй остался сын Етынкеу Николай, керекское имя которого Каавыкуйын. От третьей жены детей не было. Умер Етынкеу осенью 1975 г.

Етынкеу был одним из лучших информаторов и сказителей, хорошо помнил прошлую жизнь кереков, знал сказки и предания. Когда он понял, для чего нужны керекские сказки и другие сведения, стал работать очень охотно и заявил: «Хорошо, что стали заниматься историей нашего народа. Наш язык будет жить. Всё, что знаю, расскажу».

МОЁ ВОЗМУЖАНИЕ

(записано 15 августа 1970 г. в селе Мейныпильгино Беринговского района)

Раньше мы зимой в землянках-валькарах жили, а летом – в ярангах. Когда наступала весна, приходило лето, мы начинали добывать птицу на скалах. Основной пищей была птица. Тогда я ещё юношей был. Сейчас мы с новой властью живём. Очень беззаботно молодёжь стала жить, на моторах ездит. А мы тогда всё своими руками делали, на вёслах на байдарках летом плавали. Добытую птицу домой привозили, отдавали матерям. Матери наши только такой едой кормили нас. Мои две сестры ещё слабыми и маленькими были. Когда я повзрослел, то сам стал добывать пищу и приносить еду домой. Мать готовила, жарила кайру на костре. Сварив еду, мать будила меня, когда я, уставший, спал, говорила: «Еду приготовила, давайте ешьте».

Трое нас было: две сестры и я третий, мужчина. Я сирота. Вырос без отца, не помню даже, когда он умер. Я сам всему научился. Мать старалась, различной пищей нас кормила. Мы тогда в большой бедности и страшной нужде жили, не как сейчас. Так вот мы и существовали тогда. Теперь я говорю своему сыну: «Ох, и тяжёлой была наша жизнь. Вы её совсем не знаете».

Мы много трудились, во всём нуждались. Тогда не было магазинов, и мы кормились только животной пищей. Весной птиц на скалах добывали, пёструю нерпу били на байдарках. Но этого было мало.

Портилась погода, охоты не было, мы съедали добытое. А что же нам оставалось делать?.. Хотя старики говорили, что летом мы не умрем с голоду. Мать заботилась о нас и, сберегая еду, только чуть надкусить от кусочка мяса давала нам. Так она кормила нас в плохую погоду. Сестры маленькие были, один я еду домой приносил.

Дядя у меня был, Кааквыргин. Его я за отца считал. Хорошим дедушкой он был, но когда я уже взрослым стал, то он настолько постарел, что был совсем беспомощным.

Затем мы переселились с Амамкута и около Гачгатагина построили жилища. В это время советская власть становилась, силу набирала. Тогда мы, как и американцев, всех русских богатыми считали. Мы говорили: «Русские неизвестны. Какие они?»

Но вот приходит зима, мы строим валькары и переселяемся в них. Летние жилища ломаем, ставим стойки рядом с валькарами и

Тропою Богораза

кот, правда, он молодой, но всё равно кое-что знает и по-керекски может рассказать.

Вот я и кончил говорить. Кое-что я уже забыл.

Научный архив СВКНИИ. Приложение к материалам по истории, этнографии, фольклору и языку кереков, инв. № 1034. С. 27–30.

О ШАМАНАХ

(записано 16 августа 1970 г. на рыбалке Куэт)

Раньше были такие шаманы, не похожие на людей. Тело свободно ножом прокалывает, но не умирает, нет. И другому человеку говорит: «Ну-ка, нож вытяни!» Предназначенный

умереть не мог выдернуть [нож], не предназначенный к смерти свободно вытаскивал [нож]. И его [шамана] рана, своим ножом проколота, не заметна, не лилась даже кровь*.

Научный архив СВКНИИ. Там же, инв. № 1034. С. 34.

II

Хаткана Екатерина, по-керекски *Катцыканау*, по-чукотски *Кэчыкынэв*, что означает «моржиха с грудным моржомком».

Отец Таномрын, мать Омрытвааль, оба кереки. Родилась Хаткана в 1923 г. в местечке Гачгатагин в бухте Угольной. Когда ей было два года, умер отец. Её вместе с матерью взял дядя Нутава, брат матери.

До замужества жила в керекском окружении. Замуж вышла за чукчу Вотгыргина, что было неодобрительно встречено родственниками-керекками, а дядя Нутава пытался вернуть её насильно, но новые законы советской власти помешали этому.

Окончила начальную школу. Работала учетчиком на Мейныпильгинской рыббазе. С 1950 г. жила в чукотском окружении. Хорошо знает керекский, чукотский и русский языки, хороший информатор, много знает из керекской и чукотской жизни, с большим желанием и энергией помогала работать над этнической историей керекской народности.

Подвижна, любознательна. Сейчас работает прачкой в интернате. Вдова. Мать восьмерых детей: шестеро своих, двое – брата мужа, усыновлённые ею.

РАССКАЗ О ЖИЗНИ МАТЕРИ

(записано 26 апреля 1971 г. в селе Мейныпильгино Беринговского района)

Сейчас я буду рассказывать о жизни моей матери Омрытвааль. Правда, я не всё знаю, но запомнила, что слышала от своей матери, бабушки и дяди Нутавея.

Так вот, однажды приехал к Тупылю, отцу Омрытвааль, отец богатого чаучу Рагल्या Мылю за пастухами. Хотели было взять моего дядю Нутавея. Но Нутавей был упрямый и вспыльчивый и не захотел идти к чаучу. Тогда Тупыль сказал: «Пусть женщину Омрытвааль увезут. Она же женщина. Пусть победствует». Ему не хотелось отпускать сы-

новей, охотники нужны. Собрали дочь. Она не хотела, сильно плакала. Тогда её связали и увезли на нарте.

Там у Рагल्या в стойбище жена Ыпыко была. Эта женщина очень хорошая. Тепло одевала Омрытвааль, сытно кормила. И был у них маленький мальчик, Ыпыко рождён-

*Подобный шаманский трюк был довольно распространён среди народов Северо-Востока, но более искусными считались керекские шаманы.
Прим. авт.

ный. Так вначале хорошо жилось Омрытвааль. Но Раглят решил взять вторую жену.

И вот однажды сварили кашу из содержимого желудка. Раглят говорит жене Ыпыко: «Эйневневыйт позови (будущую вторую жену), пусть народ придёт кашу есть». А жена Ыпыко ревнует, не хочет звать никого. Тогда подрались Раглят с Ыпыко. А котёл с кашей был придвинут к пологу. В пологе Омрытвааль ребенка нянчила. Вдруг они в драке толкнули Омрытвааль с ребенком, и он прямо в горячую кашу окунулся. Обварился ребенок и на следующий день умер.

Первая жена Раглята была умной женщиной, но после смерти сына она перестала рожать, и детей у неё не стало. Ыпыко ушла от Раглята. Наверно, домой вернулась. А Раглят взял в жены Эйневневыйт. Плохо стало Омрытвааль. Кормили объедками, одевали в старую рваную одежду. Раглят всё время пастушить её заставлял, как мужчину пастухом использовал.

Как-то пошла Омрытвааль к стаду. Вдруг волки появились. Разогнали стадо, но не убивают оленей, а грызут и рвут шкуры. Некоторые живы олени, но страшно израненные. Прибежала в ярангу Омрытвааль и говорит, что стадо в беду попало. А Раглят ругается и кричит: «Почему не стреляла!» — и сам бьет её толстым ремнем от яранги по голове. Потом палкой стал избивать. А потом новая жена Раглята тоже мстить стала. Сидит у костра Омрытвааль, еду готовит, а она кидает длинный нож в неё, ранит ноги. Приказывает: «Ну-ка, за водой иди!» А у Омрытвааль чижи* кровью наполнены. Так вся израненная и идёт за водой.

Пришла весна. Снег тает. Реки водой наполнились. Вдруг стадо на другой берег реки поплыло. А она, Омрытвааль, женщина же, не может на другую сторону перебраться, глубокая река. Стадо уже на той стороне. Пришла в стойбище и говорит: «Стадо на другую сторону реки переплыло». Идёт Раглят вместе с Омрытвааль к реке и бросает её в воду. А она, Омрытвааль, думает про

себя: «Ох, хорошо бы умереть». Но не тонет она**.

Подносит её к другому берегу, к той стороне, где пасется стадо. Хватается за кусты Омрытвааль, вылезит. Выжимает одежду, сушит. И так долго без всякой еды у стада находится.

А однажды зимой снова решила покончить с собой. Взяла винчестер, хотела застрелить себя. «Что же, тело своё убью», — сказала она, но патрон дал осечку. Не вышло.

В другое дежурство прихватила она с собой крепкую вожжу из лахтачьей кожи для оленьей упряжки. Привязала её за кривой куст кедрача, решила задушиться. Накинула уже петлю на шею. И опять не смогла, так как ремень не выдержал и оборвался. С тех пор перестала думать о смерти.

И так всё время у стада Омрытвааль. Пойдет к соседям, где веселее, а её ругают хозяева, что она ходит. Как-то сварила чай и передержала его, чёрным стал. Эйневневыйт, жена Раглята взяла и вылила его, горячий, на спину ей под керкер. Соседи жалеть её стали. Говорят: «Хватит, спрячься. Не можешь ты так больше жить. Вот там, около Гачгатагина, есть селение керека Арата. Мы спрячем тебя».

И один чаучу спрятал её в густом кустарнике кедрача. Сколько дней пробыла спрятавшись, не помнит. Это летом было. Рыба пошла. Этот чаучу приносил ей рыбы головы. А когда стемнеет, то приходила жена этого чаучу, еду приносила, чтобы не выходила из укрытия Омрытвааль. Раглят несколько дней искал её. Длинным копьем в кусты колел и кричал: «Омрытвааль, где ты?».

— Ох, и боялась же я, думала, найдёт и заколет, — говорила Омрытвааль.

Однажды чаучу объяснил ей, где проходит дорога к керекам и как пройти туда. Около лагуны Потьпоть у горы Келиней есть жилища. К ним надо идти вдоль лагуны. «На пути будет горловина, на той стороне жилища увидишь. Там придут за тобой, не надо

* Чижи — меховые чулки. *Прим. ред.*

** Одежда из оленьего меха хорошо держит человека на воде. *Прим. авт.*

Тропою Богораза

бояться». А кухляночка на Омрытвааль коротенькая, на ногах только летние торбаза без всяких стелек и чижей, икры ног голые.

Добралась она до горловины. За ней мой будущий отец, Таномрын, приехал. Вначале боялась его Омрытвааль, пряталась всё время. Но Таномрын не обиделся, не стал ругать её и сказал: «Не бойся меня. Кто ты?»

— Омрытвааль я, — ответила моя мать.

Пришли в керекское селение. Ольнаут, сестра Таномрына, хорошо накормила её нерпичьим мясом и другой едой, одела в тёплую одежду. Как только узнал Нутавей, брат Омрытвааль, что сестра там, сразу же пришёл за ней. Ему сказали; «Мы хотим в жены её взять». Это сказали родители Таномрына.

Пока Нутавей был там, байдары пришли. Это Раглят со своими людьми приехал. Говорят: «Отдайте женщину, домой увезем!» Чуть было драку не устроили.

Нутавей сказал Таномрыну: «Если попробуете отдать, то я её домой уведу!».

— Нет, сейчас уже никуда не уйдет. Она бедствовала там, с ней плохо обходились. Нет, хватит! — ответили Таномрыны.

А сам Таномрын сказал Омрытвааль: «Если испугаешься и сядешь в байдару, то всех перестреляю!» Также Рагляту сказал: «Если возьмете женщину, то убьём всех вас». Но чаучу настойчиво требовали отдать женщину. Тогда сказал Таномрын Омрытвааль: «Когда уснут, то потеряйся, куда-нибудь пойдешь, вон к Валькапъелгыткину пойдешь, спрячься там!» Омрытвааль ушла и спряталась. Ох, и ругались же чаучу из-за неё! Потом уехали, а Ом-

рытвааль осталась у Таномрынов. Нутавею не дали её увезти. После и Нутавей ушёл домой, оставив сестру. Потом Таномрын женился на ней. Очень долго без детей были.

Однажды пошли ловить птиц (кайр) сеткой к Гачгатагину. Пошли втроём: Таномрын, Омрытвааль и Кежгынто, старший брат Омрытвааль. И вот бросают со скалы сеть, кайры путаются в ней. Кежгынто наверху находится, Таномрын ниже. Вдруг Кежгынто обвалил камни, и они упали на Таномрына. Упал Таномрын на плоские камни. Омрытвааль, сидевшая у костра, забеспокоилась и пришла. «Где же вы? Что делаете?» Кежгынто очень тихо говорит сестре: «Да вот он упал. Товарищ вниз упал. Я смеялся над запутавшимися птицами и не заметил, как обвалил камни». «Зачем же смеялись? — говорит ему Омрытвааль. — Иди, спускайся, пойдем к нему!»

Подошли. Таномрын внизу на камнях лежит. По пути Омрытвааль мох нарвала. Среди камней лежит Таномрын, кровь кругом. Весь волосной покров сорван с головы, только кости не задеты. Посадили Таномрына, обмыли кровь, мох прокипятили. Этим мхом Омрытвааль обтёрла голову, натянула кожу. Потом сплела мох и наложила его на голову. Затем утиные потроха вытащила из птицы и надела сырую шкурку на голову. Перевязала голову, и занесли его в палатку. Там ещё посмотрели за головой. После легче стало Таномрыну. Домой вернулись. Наконец, вот и я родилась. Отец всегда на охоту на байдаре меня брал.

Верно, хватит.

Научный архив СВКНИИ. Там же, инв. № 1034. С. 47–52.

О СЕБЕ

(записано 3 января 1970 г. в с. Мейныпильгино Беринговского района)

Мне два лета было, когда умер мой отец. Потом к нам пришёл мой дядя Нутава, матери родной брат. За нами пришёл, чтобы к себе домой увезти. Меня на себе нёс дядя. Моя мать всю дорогу плакала. В Амамын пошли к ним. Туда пришли. Нутавы мать дома находилась.

Как только пришли, попили чай, поели, затем стемнело. Мне сказали: «Давай-ка ложись спать». Я бабушке сказала, что я не буду в пологе спать. Я на гальке переночую. Бабушка всё равно говорит: «Верно, в пологе». Я в пологе ночевала. Мы всегда там стали жить.

КАК ЧУКОТСКИЕ ПАСТУХИ УПРАВЛЯЮТ ОЛЕНЬИМ СТАДОМ

На протяжении многих веков передаются из поколения в поколение традиционные знания об особенностях поведения в стаде животных разных половозрастных групп. Наблюдательность и пытливость оленеводов — прирождённых натуралистов — лежат в основе многих интересных приёмов управления стадом, которые позволяют свести к минимуму затраты времени и физической энергии во время дежурств.

В различные сезоны года в зависимости от физиологического состояния животных меняются их взаимоотношения внутри стада. В нём всегда есть вожаки, которые более остро реагируют на внешние раздражители (воздействие человека, нападения хищников и насекомых, резкая смена климатических условий и т. д.).

У оленей большой и устойчивой группой вожаков, определяющей поведение стада, являются важенки, за ними — старые кастраты и быки-производители старших возрастов, но последние сильно уступают из-за небольшой численности этой группы. Лидеры в оленьем стаде непостоянны в течение года. Так, во время гона — это быки-производители. Важенки доминируют в зимне-осенний период и особенно летом. У них дольше всех (всю зиму) держатся рога, выполняющие оборонительную функцию.

Роль важенок можно проследить во время весеннего разделения стада на две части, в одну из которых отбивают стельных важенок, а в другой остаются прошлогодний молодняк и животные бычковых групп.

Пастухи сознательно используют особенности поведения важенок как многочисленной группы вожаков. В кораль загоняют

часть стада. С наветренной стороны сооружают калитку, один пастух ходит в корале и слегка беспокоит животных. С внешней стороны калитки выстраиваются ловцы.

Первыми, как и следует ожидать, из стада выскакивают важенки и устремляются к калитке, по пять—семь одновременно. Иногда за ними увязываются телята прошлого года рождения, но их отлавливают *чаатом*. За полчаса из корала выпускают от двухсот до трёхсот важенок, отгоняют за укрытие и начинают вылов быков и молодняка. Позднее процедуру с выпуском важенок повторяют. Преимущества такого способа разделения стада, по сравнению с повсеместно распространённым (отлов оленей только *чаатом*), очевидны: экономится труд, меньше травмируются животные.

Этот же принцип (расчёт на важенок как потенциальных вожаков) опытные пастухи, например, Качагиргин, применяют и летом. Качагиргин часто повторяет молодым пастухам: «Ориентируйтесь на хвостовую часть стада». Ведь именно в «хвосте» летом держатся важенки с телятами. Впереди обычно идут кастраты, быки-производители, но их немного, затем третьяки (быки третьего года жизни), за ними молодняк рождения прошлого года.

На схеме показан поворот стада усилиями одного пастуха (если на дежурстве двое, то приёмы те же, но проводятся быстрее). Предположим, что стадо начало движение в нежелательном направлении — против ветра, а его необходимо повернуть налево, к водопою (позиция 1). Пастух, воздействуя на хвостовую часть стада (позиция 2), вынуждает важенок с телятами выйти на пере-

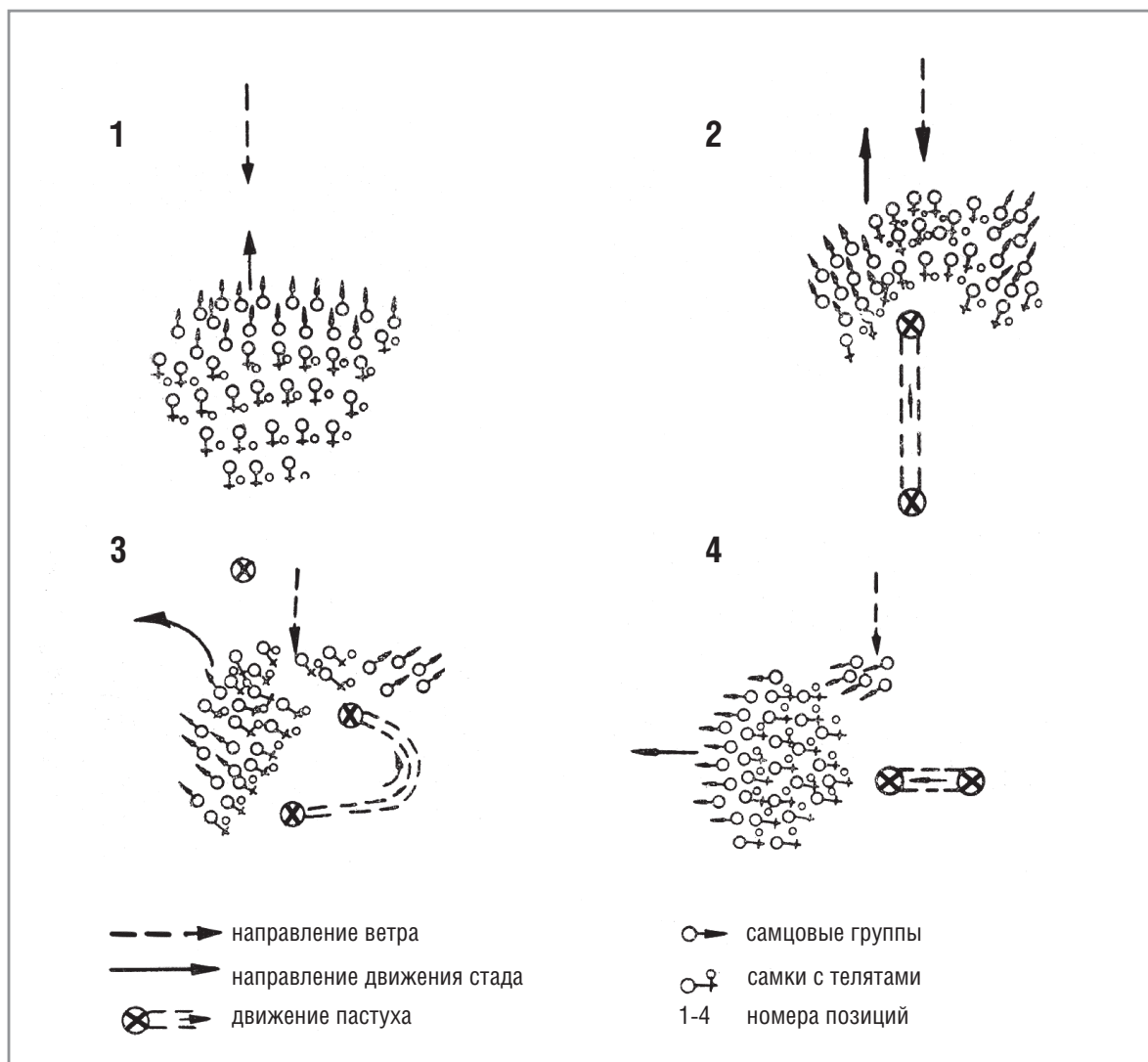

Схема поворота стада. (В. Задорин. Школа Качагиргина. 1976. С. 27.)

днюю линию движения. Затем он подсекает их справа (позиция 3), при этом несколько передних оленей, естественно, направляют-ся в правую сторону. Но пастух не обращает на них внимания, потому что там мало потенциальных вожаков.

Важенки с телятами начинают выдвигаться вперед, левее прежнего направления, за оленями, выступившими в качестве лидеров. Вернувшись в хвостовую часть, пастух осторожно подгоняет животных (позиция 4). Весь манёвр проводится спокойно, без лишнего шума. Ушедшие, было, вправо олени бычковых групп вскоре подключаются ко всему стаду. Для поворота стада выбирают более или менее ровный, свободный от

густых зарослей участок тундры для того, чтобы олени видели друг друга.

Летом после отдыха, жвачки и переваривания корма у оленей появляется сильная жажда. Если предоставить им свободу, они начинают быстро двигаться, и их трудно остановить. Пастухи спокойно, сдерживая вожаков, направляют животных на один из заранее разведанных водоемов: прижимают стадо либо к реке, либо к озеру с отлогим берегом и поят оленей. После этого стадо ведут к хорошим кормам.

В процессе кормления определяющим является поведение телят. Что это означает?

Молодняк до середины августа, пока не окрепнет, — самая уязвимая группа в стаде.

Ему требуется не только высококачественный корм, но и полноценный отдых. Пастухи это учитывают. Заметив, что некоторые телята залегли, а другие подают голос в поисках матери (значит, насытились), дежурные скучивают стадо, несмотря на то, что взрослые животные продолжают интенсивно кормиться.

Выбрав место для лёжки, с подветренной стороны разжигают несколько дымокуров, что для оленей является сигналом к отдыху (так приучено стадо). Знак к подъёму опять подают телята — они встают первыми. Если нет каких-либо чрезвычайных обстоятельств (сильная жара, интенсивный лёт насекомых), пастухи никогда не задерживают стадо.

Во время кормления оленеводы не подгоняют животных сзади, а контролируют движение с флангов. Ведь важенкам с телятами, которые идут в хвосте, и так достаются худшие корма, и, если их поторапливать, они совсем не наедятся.

«Общую оценку итогов летовки, — подчеркивал Качагиргин, — нужно давать только по состоянию телят. Опытный взрослый олень сам способен прокормиться, а молодежь надо уметь накормить и напоить».

Если к концу июля телята мелкие, с большими отвисшими животами, значит, они не получали достаточно материнского молока, а кормление на пастбищах было организовано неправильно: режим выпаса не регулировался, периоды кормления были слишком утомительны для телят. Это самая распространенная ошибка молодых оленеводов.

«К концу августа телята могут быть рослыми, но низкой упитанности, — объяснял Качагиргин. — Это может означать, что режим выпаса соблюдался, но стадо подгоня-

ли сзади во время пастбы. Не успевали наедаться ни телята, ни важенки».

Обычно к середине августа все олени, кроме кормящих важенок, достигают высшей упитанности. С этого момента пастухи выпасают стадо, ориентируясь на поведение оленематок. Периоды кормления увеличиваются до 2,5–3 часов с двухчасовым отдыхом. Важенки быстро набирают вес и к началу гона достигают необходимого физического и физиологического уровня.

Ещё один прием управления стадом заслуживает пристального внимания. В летне-осенний период пастухи допускают рассеянный выпас стада с широким рассредоточением животных, что обеспечивает лучшее использование пастбищ для кормления каждого оленя.

Но стадо сохраняется как единое биологическое целое при определённых расстояниях между животными, составляющих 150–200 м. Как только это расстояние превышено, стадо «рассыпается», возникают отколы и потери. Чтобы не допустить этого, пастухи постоянно работают со стадом, обеспечивая его движение в нужном направлении. Благодаря этому олени привыкают даже при свободном выпасе держаться кучно.

Бывает, что во время выпаса стадо раскалывается на две части: передняя (самцовая) устремляется вперёд, а хвостовая (важенки с молодежью) отстаёт, поскольку менее мобильна.

Этот очень опасный раскол пастухи пресекают в самом начале летовки — олени не должны привыкать пастись двумя самостоятельными группами, за которыми трудно уследить.

НАЗВАНИЯ ЧУКОТСКИХ РОДОВ УСТЬ-БЕЛЬСКОЙ ТУНДРЫ

В повестях и рассказах В. Г. Богораза есть многочисленные подтверждения постоянных родственных связей между береговыми (приморскими) и оленными чукчами. Так, в рассказе «У Григорьихи» старший зять Аканги, Кетувия, «был приморского происхождения и только пять лет тому назад покинул свой родной посёлок у Колючинской губы, чтобы отправиться к оленным людям на поиски счастья» (см. наст. издание, с. 58).

В очерке «На реке Росомашей» В. Г. Богораз упоминает, что пришельцы с восточного моря были родственниками коренных жителей нижней Колымы и многие жёны и хозяйки исконных оленеводов тоже были из приморских посёлков. И это были родственники, которые относили себя к конкретному роду, а не к территориальному объединению, поселению или вообще к народу Лыгъоравэтлян. Каждый род или община имели свои названия, которые берегут до сих пор.

И. С. Вдовин (1965. С. 103) подтверждает, что в береговых поселках сохранились общины: «Четыре в пос. Уэлен, по две в Инчоуне, Энурмино, Нэттэн и в Янранае», но не приводит их названий. Это отчасти делает В. В. Леонтьев: «Жители пос. Уэлен делились на две равные части... Это были две большие патриархальные общины, восходящие по своему происхождению к одному общему предку. Более древние – ЭНМЫРАЛЫТ, «живущие у скал». Разделение этой общины произошло в начале XX века.

В 1920-е годы появляется группа жилищ *Гынонран* и, соответственно, жители ГЫНОНРАЛЫТ, что означает «живущие в центре, посередине». Это отделившиеся от первых двух общин семьи и переселенцы из ближайших селений Кэнискун, Тунитлен, Пуэттын,

связанные кровным родством или свойством с уэленцами. «Чужаки» селились в Уэлене в конце посёлка за ТАПКАРАЛЫТ. <...> в Инчоуне – за ЛЬУРЭНЭНЭЛЫТ и РОЧГЫЛЫТ» (Леонтьев, Новикова, 1989. Сс. 433, 238)

В течение 1986–1992 гг. автор статьи и группа коренных жителей (А'йнаквыргин, Вэльвын, Вонны, Вуквучайвын, Ео'кав, Котгыргын, Кмо-Ролтыгыргын, О'вче, Олвыгыргын, Тэркырагтын, Титу, Тынай, Тутынэ, Эттытвааль, Эгтинки и др.) проводили работу по определению родов в Усть-Бельской тундре.

Общими усилиями был собран полевой материал по 14 родам, который, разумеется, требует определённых уточнений, систематизации и доработки. Однако выяснилось, что родственные связи чукчей Усть-Бельской тундры тянутся на Чаун, Амгуэму, Канчалан, Омолон, в Конергино, Марково и т. д.

Заключительным этапом работы стало собрание представителей четырнадцати родов на перевалбазе Афонькино в марте 1990 г. Были определены 237 предков сегодняшних тундровиков, которые являются представителями родов. На основе семейных фотоархивов были созданы родовые фотоальбомы.

Эта работа помогла восстановить историческую память о предыдущих поколениях коренных жителей Усть-Бельской тундры. Молодёжь определилась в своей принадлежности к конкретным родам, а не семействам, что далеко не одно и то же. Возможно, укрепление родовых связей помогло совхозу в период дикого рынка не развалиться, а оленеводам – сохранить свои стойбища. В наше время совхоз остаётся самым большим объединением оленеводов Чукотки, насчитывающим около 160 человек в 10 оленеводческих бригадах.

КАК ВОЗНИКАЛИ НАЗВАНИЯ РОДОВ

В настоящей статье сделана попытка объяснить происхождение или названия родов на основе письменных источников и сведений, собственных и полученных от информантов. Выявленные родовые названия приводятся в русской транскрипции: *Вээмыльыт*, *Вээмыльыт-елкэлыт*, *Вытвэрэнвыльыт*, *Илилэйт*, *И'нчувильыт*, *Левты-рэйип* (*Эйгувэльыт*), *М'эмилыт*, *Пуу'тэлыт*, *Танныт*, *Тэпкэлыт*, *Чечанэлыт*, *Чевтыкэмэлыт*, *Чутпэлыт*, *Эмрэнэлыт*, *Эпукэлит*.

У народов Северо-Востока «принято помимо общего самоназвания (чукчи, коряки, ительмены) самих себя называть конкретно по месту жительства, т. е. в основе образования местного этнонима лежит топоним. Например, у чукчей *-лыын* (ед. ч.), *-лыыт* (мн. ч.) обозначает жителя той или иной местности» (Леонтьев, Новикова, 1989. С. 174).

ВЭЭМЫЛЬЫТ – «речные люди», те, кто жил по берегам рек.

ВЭЭМЫЛЬЫТ-ЕЛКЭЛЫТ – от *елкэлыт*, так чукчи прежде называли оленеводов, осевших на берегах рек и переходивших к рыболовству и охоте. Однако чукчи Усть-Бельской тундры слово *елкэлыт* употребляют в отношении юкагиров и чуванцев.

ВЫТВЭРЭНВЫЛЬЫТ – *Вильвын Вытверен* – это место в Канчаланской тундре, где находится сопка *Выквычойтын*. Сопка, на которой олени едят ягель и умирают. Мясо становится зелёным. Так мне рассказывали чукчи.

ИЛИЛЭЙТ – «островитяне», от *ильирь* («остров»). По словам Ранъавтагина и А'йнаквыргина, во время междоусобных войн этот род ушёл на какой-то остров.

И'НЧУВИЛЬЫТ, – возможно, от *Инчоун*, названия посёлка береговых чукчей, находящегося северо-западнее м. Дежнева. Рядом с посёлком есть сопка с отделившимся от неё камнем, издали похожим на отсечённый ножом кончик носа (*и'нчувин* – «отрезанный кончик носа»).

ЛЕВТЫ-РЭЙИП – это был слабый род, у них не было копий. Как рассказывал

А'йнаквыргин, во время одного из боев они спаслись тем, что просверлили своих врагов ручными коловоротами (*левт*, «голова» + *рэйип*, «ручной коловорот»). Второе название этого же рода, **ЭЙГУВЭЛЬЫТ**, пока не удалось объяснить.

М'ЭМИЛЬЫТ – бывшее становище на Нешканской косе, которое жители покинули в 1930-х гг. Часть из них поселилась в соседних посёлках, другая, избегая насильственной коллективизации, ушла в Амгуэмскую тундру (Леонтьев, Новикова, 1989. С. 253). Название связано с многочисленными находками древних стрел на месте становища (*мъэмин* – «со стрелами»).

ПУУ'ТЭЛЫТ, – возможно, от *Пуутен*, так называлось древнее селение в одноименной бухте возле мыса Литке (*пуу'тэн* – «чернее», от *пуйъэпуй*, «сажа»). В прошлом жители этого поселения собирали возле горы *Телгерин* графит, которым совершали помазания во время жертвенных обрядов, за что их называли *пужэлыт* – «вымазанные сажей». Графит использовался также при выделке шкур и для натирания ниток из жил.

ТАННЫТ – бывший посёлок на реке Танюрер, левом притоке р. Анадырь (по-чукотски и по-эскимосски слово *танныт* (*таннит*) означает «пришельцы», «иноплеменики», «враги»). В этом месте, по преданию, произошло крупное и последнее сражение между объединёнными силами береговых жителей Чукотского полуострова и чужеземцами-таннитами, которыми могли быть кочевые коряки, юкагиры, эвены.

Таким образом, род **ТАННЫТ** связан, по-видимому, с «чужим» происхождением или со значительными историческими событиями. По собранным сведениям, представители рода **ТАННЫТ** проживают и в Иультинском районе, и в Чуванском отделении совхоза «Марковский», и в Беринговском районе.

Согласно Тыннай и А'йнаквыргину, этот род действительно состоит, в основном, из юкагиров и чуванцев, ассимилированных чукчами.

Тропою Богораза

ТЭПКЭЛЫТ, – возможно, от *Тэпкэн*: до 1917 г. стационарное поселение береговых чукчей и эскимосов, расположенное на Нешканской косе недалеко от современного села Нешкан. Впоследствии жители Тэпкэн перебрались в сёла Нешкан и Энурмино.

По сообщению А'йнаквыргина, в 1930-х гг. в Чаунской тундре было кочевое стойбище «Тепкан», где работала школа по ликвидации неграмотности. Стойбище называлось этим родовым именем, так как основная часть жителей четырёх больших яранг происходила из рода ТЭПКЭЛЫТ.

ЧЕЧАНЭЛЫТ, – возможно, от *Сешан*, бывшего селения восточнее мыса Сердце-Камень (Чукотский район). В верховьях реки Белая в центральной части Чукотки есть группа оленеводов, называющих себя ЧЕЧАНЭЛЫТ – «сешанские».

ЧЕВТЫКЭМЭЛЫТ, – возможно, от *Чевты'ттэым*, названия горы на левом берегу реки Малый Анюй (Билибинский район). По рассказам местных жителей, когда-то на

этой горе была большая битва чукчей с таныт. Предводителем у чукчей будто бы был легендарный герой чукотского эпоса Лявтылевал – «повелевающий кивком головы», который сделал приношения духам, дал пожевать воинам мухоморов и бросился в бой.

По О'вче, Титу и Котгыргину, ЧЕВТЫКЭМЭЛЫТ – «Несущие на голове кэмэны». *Кэмэн* – деревянное блюдо для еды. Однажды враги напали на стойбище. Битва длилась очень долго. Жители стойбища отбивались и прикрывались всем, чем могли, в том числе и этими блюдами.

ЧУТПЭЛЫТ, – возможно, от *Чутпен*, древнего становища около села Чегитун, расположенного западнее села Инчоун (Чукотский район)

ЭМРЭПЭЛЫТ – А'йнаквыргин считает, что род назван по имени силача Эмрэп.

ЭПУКЭЛЫТ – возможно, от *Апука*, названия реки, впадающей в Олюторский залив, и одноимённого посёлка в устье этой реки (Олюторский район Корякского АО).

ТРАДИЦИОННЫЕ «ХАРАКТЕРИСТИКИ» ЧУКОТСКИХ РОДОВ

Осваивая крупнотаданное оленеводство и огромные территории, многие семьи навсегда уходили из родных мест, а их родовые имена постепенно исчезали. Некоторые семьи и группы семей, происходившие из разных родов и мест, но относящие себя к единому предку или соединившиеся для совместного выпаса оленей, обретали новое самоназвание – от места проживания (ЭПУКЭЛЫТ, ИЛИЛЛЬЭТ, ВЫТВЭРЭНВЫЛЫТ); от различных обстоятельств (ЛЕВТЫ-РЪЭЙИП, ЧЕВТЫКЭМЭЛЫТ) и, возможно, от имён великих людей рода (ЛЯВТЫЛЕВАЛ).

С изменением образа жизни частично менялись духовные, мировоззренческие элементы. Возникали новые родовые прозвища: «Медвежьи люди», «Мышееды», «Евражники» и др.

Вот что рассказал о родах чукчей Усть-Бельской тундры А'йнаквыргин (70 лет, оленевод-тундровик, сказитель из рода ТЭПКЭЛЫТ; в 1950-е гг. закончил школу сельхозкадров в Анадыре):

«...Врагами чукчей были чуванцы, коряки. Они нападали внезапно. А чукотский народ зачастую был в раздоре, но общая опасность объединяла их быстро. Раздоры обычно происходили между стойбищами. Те, кто закреплялся на какой-либо территории, по тому месту и род называли: ЧЕЧАНЫЛЫТ, ТЭПКЭЛЫТ, ВЭАМЫЛЫТ.

А вот Ваежские – те ТЭЛКЭПЫЛЫТ. Они агрессивные, нападали и на чукчей, и на русских, но их всегда побеждали. Они стремились к самостоятельности и обычно поддерживали чуванцев и коряков больше, чем чукчей. Между собой же ТЭЛКЭПЫЛЫТ добродушны и дружны.

М'ЭМИЛЫТ – скупые, бережливые, расчётливые. Они до сих пор сохранили свои луки и стрелы.

ВЭАМЫЛЫТ – добродушные.

ЭМРЭПЭЛЫТ – спокойные, добродушные, добросовестные, хорошие бегуны, невозмутимые, не выражают своих чувств, открытые.

ИЛИЛЛЬЭТ, – наверное, самые сильные, уверенные в себе люди, очень физически развитые; хоть и умирали, не выступали на войне или на соревнованиях. Добродушны.

ТАННЫТ – самые злые, коварные, скрытные. ТЭПКЭЛЫТ с ними постоянно ссорились из-за пастбищ. Но они же объединялись вместе с ними и ИЛИЛЛЬЭТ против общих врагов.

ЭПУКЭЛЫТ, ЭМРЭПЭЛЫТ, ЧУТ-ПЭЛЫТ держались вместе.

ЧЕЧАНЫЛЫТ – самостоятельные, но дружелюбные.

ТЭПКЭЛЫТ более длиннолицые и высокие, чем другие. Они держали самое большое стадо и разбрелись по всей Чукотке, чтобы укрепить свой род.

Есть ещё на побережье ЭНМЫЛЫТ, энмеленцы, у них разговор как бы кричащий. Они в праздники кричат в сторону моря, «чтобы кит откликнулся».

Кроме того, А'йнаквыргин рассказал об эскимосах – АЙВАНАЛИТ – они были хорошими воинами.

«Чуванцы и юагиры – ЕЛКЭЛЫТ – были главными врагами чукчей. Чукчи в конце концов их победили, да ещё и обозвали *уккэмъ аляё танныт* («в тарелку ходящие в туалет пришельцы»). Они же первые начали жить в деревянных домах.

Ламутов – КОРАРАМКЫТ – никто в тундре не бил, не убивал. Они могли спокойно ходить между непримиримыми врагами, когда и где хотели. Может быть, потому, что их мало на Чукотке?».

Мнения А'йнаквыргина о своеобразной «характеристике» родов никто не отвергает, так как считается, что если оно и отрицательное, то всё равно справедливое: в каждом роде можно найти достоинства и недостатки.

Что касается тэлькепских чукчей, то это территориальное объединение оленеводов. Тэлькепские также состоят из представителей различных родов, в том числе, вероятно, и тех, которые проживают в Усть-Бельской тундре. Можно предположить, что тэлькепские чукчи исполняли ту же историческую функцию, что и казаки в России: расселяясь в приграничной местности и всё дальше отодвигая границу к югу, они закрепляли территорию за своим народом.

Подобные изменения названий родов происходили и с береговыми чукчами, менявшими становища из-за различных обстоятельств: сокращения численности зверей в промысловом месте, эпидемий, междоусобиц, перенаселения и т. д. Ведь требования устойчивого воспроизводства биологических ресурсов не допускают высокую концентрацию людей на небольших территориях, и чукчи всегда следовали этому правилу. Но все изменения названий родов происходили, в основном, в интересах самих родов и семей. Пример исследования в Усть-Бельской тундре показывает, что огромная территория заселена коренными жителями Чукотки, сохранившими до наших дней свои родовые названия, которые даны не русскими первопроходцами, не царской администрацией, не исполкомами депутатов трудящихся.

В «Топонимическом словаре Северо-Востока» (Леонтьев, Новикова, 1989), созданном при содействии многих информаторов (И. Амалич, В. Вэкэт, С. Гаттэ, Э. Гунченко, Етны, Еттувги-Чокве, С. Келы, И. Кеунут, Р. Рагтытваль, Т. Уркачан, В. Элрика, В. Этлену и др.), можно найти гораздо больше сведений о коренных народах Чукотки, чем во всех исторических изданиях, вместе взятых.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАСПОРТИЗАЦИИ ЧУКЧЕЙ

Советская власть разными способами боролась с родовой общиной как противостоящей ей архаичной, но устойчивой социально-экономической структурой. Так, родовая собственность была превращена в

общественную, т. е. реально принадлежащую государству. Затем последовало разрушение традиционной системы оборота пастбищ и административное закрепление за колхозами, позже совхозами, территорий

вместе с находившимися на ней стойбищами.

Преобразования в оленеводстве резко сократили возможности внутриродового общения чукчей. Прежде многие роды – ЧУТ-ПЭЛЬЫТ, ТЭПКЭЛЬЫТ, ЭПУКЭЛЬЫТ и другие – обладали несколькими стойбищами. В результате насильственной коллективизации их стойбища были отнесены к двум и более разным колхозам и даже разным районам. Стойбища, обычно носящие названия родов или их хозяев, в советское время получили порядковые номера.

Далее последовала советская паспортизация, разрушившая основные принципы определения личности в чукотском традиционном обществе. Старикам, как правило, оставляли их имя в качестве фамилии, и писали «без имени и отчества («б.и.о.»). У представителей среднего поколения собственное имя становилось фамилией, и уже к ней добавлялось русское имя. Например, в паспортном варианте «Вуквун Иван» традиционное имя (Вуквун), всегда имевшее смысловое значение, стало фамилией, к которой «прикрепили» произвольное русское имя Иван.

Соответственно, у каждого члена семьи появилась своя фамилия (бывшее традиционное имя), таким образом, родные братья и сёстры стали иметь разные фамилии. А их детям, к тому же, добавляли русское отчество, зачастую не совпадавшее с русским именем отца. Родовые же названия, описанные выше, никак не вписывались в европейскую систему паспортизации и полностью вышли из официального употребления. В настоящее время они живут только в памяти людей старшего поколения.

Каковы же результаты паспортизации с точки зрения традиционных устоев чукотского общества?

В 1935 г. среди имён около полутысячи взрослых чукчей Усть-Бельской тундры одни и те же пять-шесть имён повторялись у достаточного числа людей. Ещё к пяти-шести одинаковым именам добавлялись имена отцов, родов (Кэлчи-Эттувье, Кэлчи-Тнагыргин, Эпук-Эттувье и т. д.), названия 25–30

стойбищ, определявших происхождение, названия пяти-шести родов, основных держателей оленьих стад. Несколько стойбищ назывались по именам их основных хозяев. В этих стойбищах соединялись различные семьи для совместного выпаса оленей.

В 1985 г. в Усть-Бельской тундре было 10 оленеводческих бригад, включавших 158 человек взрослого населения. Из них 10 мужчин носили свои имена уже в качестве фамилий, и 12 человек (их жены и дети) также носили в качестве фамилий имена мужей и отцов, т.е. мужские имена.

В 1995 г. из 156 имён оленеводов уже 32 фамилии были одинаковыми у 47 тундровиков. Следовательно, по сравнению с 1935 г. в 1985 г. изъято из обращения 7,6 % имён, в 1995 г. – 30,1 %.

Паспортизация закончилась, в основном, в 1960-е гг. Если исходить из средней продолжительности жизни коренных жителей в 40–50 лет, то к 2010 году чукотские имена, ставшие фамилиями, будут уже только повторяться, и, следовательно, исчезнет более 60 % истинных чукотских имён.

Европейские принципы паспортизации, не учитывающие особенности традиционной системы родства, лишили права будущие поколения коренных жителей Крайнего Севера выражать свою личность через национальные имена и окончательно предали забвению их корневые истоки. Таким образом, произошло искусственное уничтожение государством родового «каркаса», который на протяжении веков являлся основой социальной организации чукчей и других коренных народов Севера. Кроме того, не принимается во внимание, например, различие женских и мужских имён, которые для русского уха звучат одинаково. А ведь для мужчины, например, унижительно получить по паспорту женское имя в качестве фамилии.

На Чукотке продолжается урбанизация посёлков. В настоящее время она вызвана бессилием государства наладить жизнь коренных народов, упадком экономики Севера в целом и традиционных видов природопользования, в частности. Произошло резкое со-

кращение (в 3–4 раза) поголовья оленей. Сотни жителей тундры, основные носители языка, традиций, обычаев, опыта предков, вынуждены теперь жить в укрупнённых сёлах, где они оторваны от своей исконной среды обитания.

Сельские коренные жители, прежде всего, интеллигенция, переселяются в крупные села, райцентры и особенно в город Анадырь. Процесс переселения протекает волнами, повторяется проблема разорванных родов и семей. Усиливается ощущение потерянности и внутренней тревоги.

Писатели Чукотки – Т. Ачиргина, М. Вальгиргин, А. Кымытваль, З. Ненлюмкина, В. Тынескин, С. Теркигин, В. Кеулькут, Ю. Анко, Ю. Рыхтэу – не раз затрагивали проблему сохранения родословной памяти. Так, во всех произведениях Валентины Вэкэт отражена история её рода ТЭПКЭРАЛЫТ. Первым напечатал схему своей родословной в окружной газете «Крайний Север» писатель и переводчик Иван Омрувье. Вслед за ним выступила З. Бадмаева.

В 1977–1993 гг. в рамках общесоюзной программы медико-биологических и социально-гигиенических вопросов развития народностей Севера большую фундаментальную работу по составлению генеалогических связей чукчей провели Ю.Б. Симченко, В.В. Лебедев, Г.М. Афанасьева. Но накопленные ими бесценные материалы не изданы до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

• *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л.: «Наука», 1965.

• *Леонтьев В.В., Новикова К.А.* Топоними-

Основываясь на результатах специалистов, занимавшихся проблемами родословных чукчей, коряков и эскимосов (Г. Афанасьева, И. Крупник, В. Лебедев, О. Мурашко, Ю. Симченко и др.), необходимо, пока не поздно, зафиксировать родовой состав коренных народов Чукотки, составить схемы родословных связей, учитывающие роды, брачную ассортативность и территориальные объединения. Нужно также исследовать историческое и вынужденное расселение родов, отдельных семей, ввести в научный оборот новые или «забытые» по идеологическим мотивам записи родовых и семейных преданий, легенд, исторических фактов. Это даст возможность определить степень функционирования рода как социально-экономической, демографической и этнопсихологической структуры, которая является базовой для внутренней организации каждого северного народа. Необходимо восстановить, пока не поздно, историческую и генетическую связь «фамилия–имя–род», что позволит сохранить традиционные основы самоидентификации коренных народов Чукотки.

Знание родového состава коренных жителей обогатит общую культуру Чукотки и подтвердит внутриэтническое (популяционное) разнообразие, и, следовательно, богатство генофонда каждого коренного народа, живущего в центральных тундрах или на морском побережье.

ческий словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Книжное изд-во, 1989.

• *Тан-Богораз В.* Восемь племен. – Магадан: Книжное изд-во, 1979. (См. наст издание, с. 55).

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГРУППА «ВАЕЖСКИЕ ЧУКЧИ»

Изучение культуры коренных народов Чукотки приобретает сейчас особую актуальность. Мы ещё имеем возможность общаться с последними представителями старших поколений, которые живут в глубинных районах, помнят родной язык безо всяких современных грамматических ограничений, помнят культуру, обычаи, родовые корни, свои и своих односельчан. Наша первейшая задача — зафиксировать их знания, опыт, чтобы попытаться сохранить историю своего народа, пути расселения отдельных групп, их культурные связи и, конечно, традиционный образ жизни.

К настоящему времени недостаточно полно изучены отдельные этнотерриториальные

группы чукчей: пути формирования каждой из них, антропологические отличия представителей, особенности материальной культуры, духовной сферы и религиозной практики. В общей форме известны лишь особенности языка некоторых групп (Вдовин, 1962). Ваежские чукчи, о которых идёт речь в данной статье, это сборная группа, имеющая сложный состав. Возникла она сравнительно недавно, в период коллективизации нескольких традиционных оленеводческих объединений южных чукчей и соседствующих с ними представителей других народов. И. С. Вдовин (1962) был первым её исследователем, он же первым дал ей название «ваежские чукчи».

ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЮЖНЫХ ЧУКЧЕЙ

Уже несколько лет я собираю этнографический материал о ваежских чукчах на моей родине, в селе Ваеги и его окрестностях. Это место, уникальное по своим климатическим и географическим условиям, находится на исторической южной границе расселения чукчей (самоназвание — *«лыгъоравет-лъат»*). В конце XIX — начале XX в. к югу от Анадыря сложились несколько локальных групп чукчей, тесно связанных узами родства с кочевыми коряками (см. карту на с. 82).

К 1920-м гг. уже около двух тысяч чукчей освоили территорию южнее Анадыря (Вдовин, 1962) и образовали несколько самостоятельных социально-экономических и культурных структур, которые в современной науке называются этнотерриториальными группами.

В верховьях Апуки и Пахачи, в пределах современного Корякского автономного округа, образовалась кочевая группа чукчей-оленьеводов примерно в 1000 человек. Вдоль реки Большая (Великая) и далее по грани-

це с коряками известно всего 80 стойбищ, включая чукчей, живущих на Парापольском Доле и Камчатке. Повсеместно они встречались здесь с более ранними поселенцами — кочующими коряками и чуванцами.

Вилюнейские чукчи (*вилун'эйрэмкын* — «живущие по хребту Вилюней») обособились в районе верховьев рек Великой, Хатырки и горного хребта Вилюней. Эта группа объединяет более 500 человек.

Тэлькепские чукчи (*тэлк'эпылът*) занимают территорию от низовий реки Анадырь до реки Майныпыльгин. Они кочуют по нижнему и среднему течению реки Великой и в недалёком прошлом насчитывали около 400 человек (примерно 50 стойбищ). Согласно Богоразу (1934), это были самые дикие и неукротимые чукчи — в прежние времена именно они являлись инициаторами войн против коряков. Русские называли их «туманскими чукчами» по названию реки Туманской, которая по-чукотски называется

ся *Талк'аптэргыргын* («переход, переправа к тэлькепским людям»). Люди, жившие до прихода чукчей на побережье от этой реки до мыса Барыкова, звались *тэлк'эпылтыт*. Как полагает В.В. Леонтьев (1976), это были кереки, но, когда их вытеснили и ассимилировали чукчи, то и название перешло к ним.

Ваего-алганские чукчи насчитывали 130 человек. По реке Берёзовой кочевали 65 человек, по реке Красной – 67 человек.

Онмылинские чукчи (*онмылтыт* – «глубинные», «внутренние») кочевали прежде между северным берегом реки Анадырь и зал. Креста и разделялись на 60 стойбищ (Богораз, 1934). В материалах по землеустройству Крайнего Севера (1938) упоминается, что группа канчаланских (онмылинских) чукчей ежегодно кочевала с верховий реки Канчалан в верховья реки Великая. Автору статьи известно, что одна семья из группы онмылинских чукчей, спасаясь от коллективизации, прикочевала на реку Алган. Её потомки от смешанных браков с чукчами других групп, а также эвенками живут в селе Ваеги и по сей день. Некоторые

старые люди села Ваеги говорят, что у них в роду были *онмылтыт* (фото II-2).

Эйгыск'ылтыт («северные») – общее название чукчей, коряков и оленных чуванцев, живущих в районе рек Еропол и Яблон.

Количество этнотерриториальных групп чукчей легко может быть увеличено, так как даже небольшое объединение стойбищ, связанных между собой узами родства, заявляет претензию на особое наименование, производимое обычно от названия реки, по берегам которой эти чукчи кочуют.

В ходе коллективизации вилюнейские, тэлькепские, онмылинские чукчи были объединены в колхоз «Полярная звезда» (с. Берёзово). А в старом селе Ваеги, находившемся в месте слияния рек Майн и Ваеги, был создан колхоз «Светлая жизнь», куда вошли оленеводы – эвены и коряки. Там же находилась школа, которую чукчи звали *танн'ыкалеран* («корякская школа»). В 1951 г. оба колхоза были объединены в колхоз «Путь к коммунизму», его центральная усадьба – село Ваеги – в 1953 г. была перенесена ниже по реке Майн на 50 км.

ТЕРРИТОРИЯ, ОСВОЕННАЯ ВАЕЖСКИМИ ЧУКЧАМИ

Современная территория проживания и хозяйственной деятельности ваежских чукчей расположена в юго-западной части Анадырского района и занимает бассейны рек Майн, Ваеги, Берёзовая, Великая. На северо-западе она граничит с землями жителей села Марково, на северо-востоке – с землями оленеводов тавайваамской тундры (село Тавайваам); на юге и юго-востоке – с землями хатырских чукчей и живших здесь ещё недавно кереков; на юго-западе – с Корякским автономным округом. Протяженность этой территории с севера на юг составляет 220 км, с запада на восток – 192 км. В качестве самостоятельной единицы Анадырского района она была оформлена в начале 1951 г., когда объединили два колхоза и их земли.

Один из важнейших элементов ландшафта ваежских земель – относительно высо-

коствольные густые лиственничные рощи на нижнем ярусе гор. Там же распространены заросли кедрового стланика и кустарниковой ольхи, составляющие подлесок. В пойме рек произрастают чозения, тополь, берёза. Наиболее ценными для нужд оленеводов являются деревья с твёрдой древесиной: берёза (*вылгил*), рябина (*элот*), лиственница (*гээв*), но самое лучшее дерево – берёза каменная (*лоонан*) – растёт на Камчатке. Чукчи выменивали её у коряков (*танн'ыт*) или получали изделия из каменной берёзы в качестве подарков, когда приезжали в гости. Иногда таким подарком были полозья или целая нарта. Ещё в 1980-х гг. ваежские оленеводы при встречах с оленеводами села Слаутное Корякского АО получали от них всевозможные подарки, в том числе и необходимое дерево, и, в свою очередь, одаривали оленеводов-коряков, когда те приез-

Тропою Богораза

жали в гости. К сожалению, сейчас контакты практически прекратились, забывается и обычай обмена подарками.

На лесистых землях ваежских чукчей, сила ветра ослаблена и потому суровость погоды меньше, чем в открытой тундре, снежный покров более рыхлый и равномерный, меньше метелей, снегосборные площади ограничены, снегозаносы менее интенсивны. Пологие склоны с хорошо развитым лишайниковым покровом, защищённые лесом от ветров, представляют собой прекрасные зимние пастбища. Именно они и изобилие строительной древесины для яранг и нарт сделали эту территорию очень привлекательной для разных народов, занимающихся оленеводством – коряков, чукчей, чуванцев, кереков, эвенов.

НАРОДЫ-СОСЕДИ

Чукчи, освоившие эту территорию, различали следующие народы, говорившие на других языках.

Танн'ыт («люди другого языка», или «противоположные»), *лыгэтанн'ыт* («настоящие танн'ыт») – коряки. Среди них ваежские чукчи выделяли две особые группы – *вайкыналъыт* (район посёлка Каменский Корякского АО) и *погтылъыт* (район посёлка Парень Корякского АО). *Погтылъыт* достаточно давно научились кузнечному делу и снабжали чукчей посудой и холодным оружием: *лыгэвалат* (знаменитые пареньские ножи), *пойгыт* (копья), *ръыск'ыт* (большие, тяжёлые, возможно, боевые ножи с длиной клинка до 50 см).

Кэрэгрэмкын – кереки, или чукмари, как их называли в конце XIX в. (Ресин, 1888). Этот маленький палеоазиатский народ сильно отличался по образу жизни от своих соседей и до начала XX в. был изолирован от европейцев. Кереки жили вдоль южного побережья Анадырского залива и южнее мыса Наварин. Посетивший их в начале XX в. В.Г. Богораз (1934. С. 41) писал: «В настоящее время кереки совершенно обнищали и быстро вымирают, но, согласно своим преда-

«Пришел *Чачан лорген* (февраль). Дни длиннее, ездить легче. Одна яранга отделяется от стойбища и направляется в лиственничные леса (листяги) за новыми шестами для яранг, для поделки новых и ремонта старых грузовых саней и ездовых санок. Кочуют чукчи обычно в безлесных местах по сопкам, хребтам, поэтому каждый год или через два года в феврале-марте, каждый лагерь заготавливает необходимую древесину. В это время в листьягах через каждые 5–6 км видны яранги, слышны стуки топора, визг пилы» (Орловский, 1928. С. 64).

В эти места за деревом подкочёвывали и чукчи из глубинных районов Чукотки. Левый приток р. Великой так и называется *Ук-виливеем*, что буквально означает «река, по которой идут за лесом».

ниям, они были раньше сильнее и многочисленнее, имели большие кожаные байдары и жили охотой на моржей». Керекы постоянно притесняли более многочисленные чукчи и коряки, и в конце концов они были ассимилированы этими народами* (фото II-1, II-14, II-27).

Чукчи относились к керекам свысока; возможно, поэтому один из богатейших оленеводов вилюнейской тундры Гемавье, находившийся в родстве со всеми соседними народами, в том числе и с кереками, так наставлял сыновей: «*Кэрэжик ан'автын'ка, энк'эн рынэнкэрэгрэвныт*» – «На керечках не женитесь, а то потомки будут, как кереки» (Нувано, 2003).

К'орарамкыт («оленный народ»), или *к'орэмтэкаарамкын* («люди, едущие верхом на оленях») – эвены. Занимались мелкотабунным транспортным оленеводством и охотой. Жили, в основном, в лесной зоне по рекам Майн и Алган (фото II-5, II-17).

Эйгыск'ылъыт – общее название чукчей и оленных чуванцев, кочевавших по рекам

*Подробнее о кереках см. статью В. Леонтьева в наст. издании. *Прим. ред.*

Яблон, Еропол, Большой и Малый Пиледон. Васильев (1936) специально отмечал, что в бассейне реки Яблон кочевали чукчи-единоличники, а в бассейне реки Еропол – чуванцы. В 1940–1950-х гг. во время проведения паспортизации все оленеводы этих мест были без их согласия записаны чуванцами.

Маркуулъыт («марковчане», т.е. жители села Марково и его окрестностей) – оседлые чуванцы-рыболовы и метисы от браков первопоселенцев и представителей разных народов, в основном, эвенков и юкагиров*.

БАЕЖСКИЕ ЧУКЧИ И КОРЯКИ

Коряки (*танн'ыт*), по словам ваежских стариков, жили в верховьях рек Ваеги (чукотское название – *Варэгынваам*), Мокарэлан (*Мок'аръэлан*) и ещё южнее. В свою очередь, коряки чукчей называют так же – *танн'ыт*, т.е. «противоположные», хотя корякский и чукотский языки родственны и принадлежат к одной языковой группе. Следует отметить, что в настоящее время северные чукчи, не граничащие с коряками, под названием *танн'ыт* подразумевают европейцев, которых ваежские чукчи называют *русилъыт*, или *мэлгытанн'ыт* (см. выше).

К середине XVIII в. река Анадырь была южной границей расселения чукчей и северной границей расселения коряков. Чукчи неоднократно обращались к русской администрации Анадырского острога, жалуясь на тяжёлые зимы и прося разрешения перейти со стадами на южный берег реки Анадырь (Вдовин, 1962). Вскоре после появления русских они стали активно нападать на объявленных юкагиров и коряков. Главной военной добычей были домашние олени. Только в 1725–1773 гг. чукчи совершили более 50 походов против коряков, отбив у них почти 240 тыс. домашних оленей (Сыроечковский, 1986).

О войнах с коряками свидетельствуют и легенды, рассказанные стариками. При этом

Юкагиры – общее чукотское название этому народу *атал* или *атал рэмкын*. Г.И. Ранаврольтын в Билибинском районе слышал, что там юкагиров называли *орвылъыт*, т.е. «санные», возможно, «ездящие на санях» или, наоборот, «везущие сани».

Русилъыт («русские»), или *мэлгытанн'ыт* («люди другого языка с огнем») – европейцы.

Весьма смутное представление ваежские чукчи имели о всех, кто живет на севере морским промыслом, то есть об эскимосах и приморских чукчах. Их называли общим словом *айваналъыт* («северные»).

в основе сюжета лежит не захват оленьих стад, а освобождение сестры, которую коряки увели во время нападения. Я слышал высказывание оленевода, связанного родством и с коряками, и с чукчами: «*Танн'ыт атавын-пэлява гэнтылинэт, ин'к'ун варат ръалон'нытваркын*» («Коряков просто так оставили жить – для того, чтобы разные народы на земле были»). Однако термин *к'орочетык* («отнимать оленей»), оставшийся предположительно со времён чукотско-корякских войн, свидетельствует об основной причине противостояния.

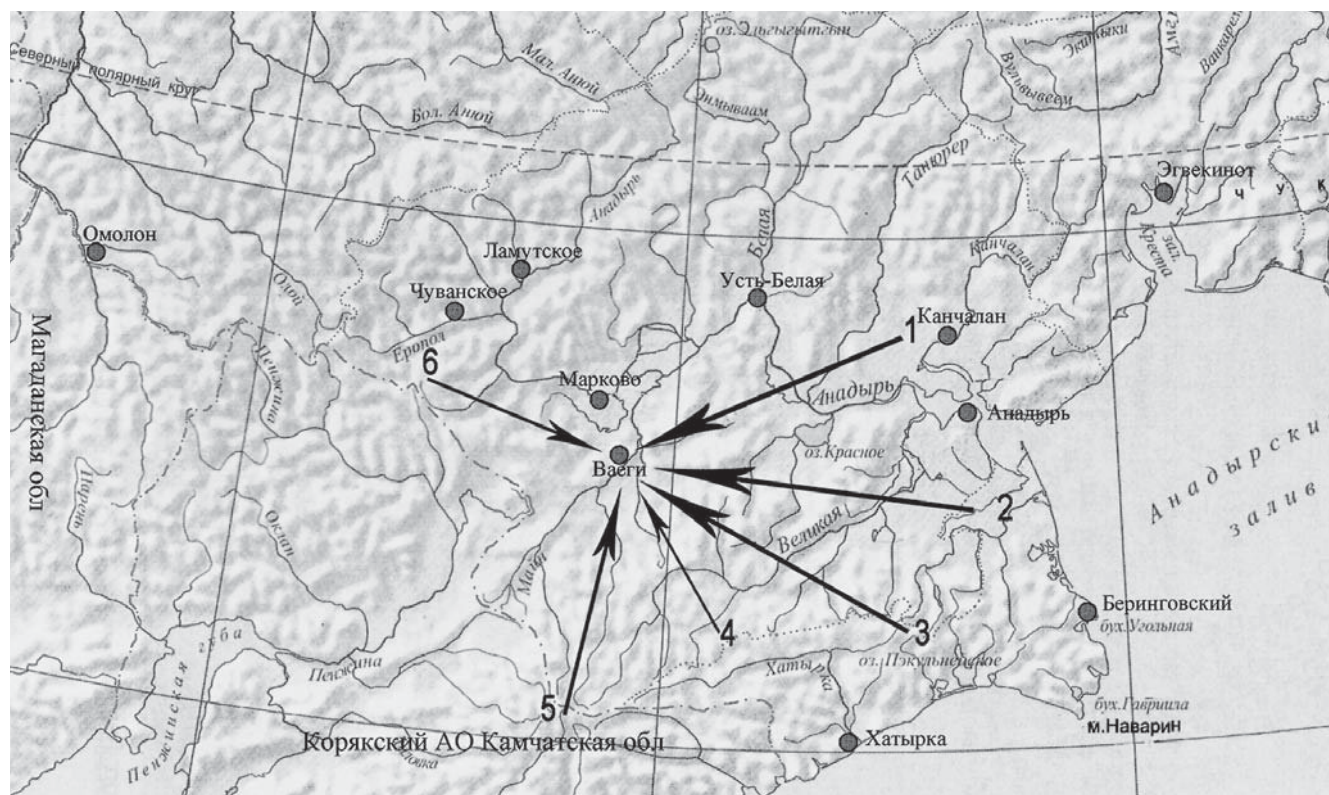
Но не всегда между народами-соседями шли войны. Во второй половине XVIII в. начали завязываться дружественные отношения между отдельными группами оленных коряков и чукчей. С целью закрепления этих связей чукчи, кочевавшие в долине реки Канчалан, и коряки с верховий рек Великая и Хатырка договорились об обмене женщинами (Вдовин, 1962).

Я записал рассказ своего отца, ваежского чукчи-оленевода Н.И. Нувано (фото II-14, II-15, IV-23), о том, как прекратились войны между *лыгораветлът* (чукчами) и *танн'ыт* (коряками). Он услышал этот рассказ в 1954 г. от старика, которому было тогда за 90 лет. Старик говорил, что за четыре–пять поколений до его рождения прекратились эти войны. И рассказал, как это произошло.

«На Пал-Пальской ярмарке, проходившей в месте под названием Парাপольский

* При выдаче паспортов их всех записали чуванцами. *Прим. авт.*

Тропой Богораза

Источники формирования этнотерриториальной группы «ваежские чукчи».

1 – онмылинские чукчи (*онмыльыт*); 2 – тэлькепские чукчи (*тэлк'эпыльыт*); 3 – некоторые группы народа керек (*кэрэг-рэмкын*); 4 – вилюнейские чукчи (*вилун'эйрэмкын*); 5 – северные группы народа коряки (*лыгэтан'ыт*); 6 – чукчи, коряки и оленные чуванцы из района рек Еропол и Яблон (*эйгыск'ыльыт*).

В. Нувано, 2006.

Дол (север современного Корякского АО), старик-чукча рассказывал о своих былых подвигах. Вспомнил о единоборстве с сильнейшим из противников. Длился поединок очень долго и не принёс победы ни тому, ни другому. В изнеможении оба воина замирились и поклялись, что больше никогда не возьмутся за оружие. И так как в своих племенах они были *эрмэчъыт* («сильнейшие»), то и соплеменники прекратили стычки. Среди людей, лежа на нарте, слушал рассказчика глубокий старичок и по окончании рассказа воскликнул по-корякски: «*К'ин'ын гытчи!*» – «Ах, это ты!». Так, по прошествии многих лет встретились два бывших соперника. Люди подняли легендарных воинов на руки, внесли в ярангу и усадили на самые почётные места».

Постоянное соприкосновение с коряками заметно повлияло на бытовую культуру ваежских чукчей. Наиболее ярко заимство-

вания проявляются в одежде и устройстве традиционных жилищ.

Например, зимние шапки *лыгикъэли* особой, «корякской», формы. По бокам их свисают ушки в виде мешочков с гирляндами из бисера; спереди вдоль опушки из меха выдры, скрученной жгутом, идёт узор из белого и черного бисера; выше этого узора – три круглые розетки из бисера разных цветов, и на макушке вышита большая бисерная розетка, из её центра свисает гирлянда (*пинек'ет*) из крашенного в красный цвет меха белька (детёныша нерпы) в сочетании с белым мехом летнего камуса оленя; сзади шапка оторочена собачьим мехом.

Накидка из замши или «дымленины» (продымлённая оленья шкура, обычно кусок шкуры вырезается из покрывки яранги) с капюшоном, закрывающая спину и переднюю часть тела, называется *энныквын* («шею предохраняющий»; фото II-19). Современные

олeneводы канчаланской и усть-бельской тундр такой одежды не знают.

Молодые оленеводы ваежской тундры могут носить пёструю одежду, а у северных чукчей её носят только старики.

Куполообразные яранги корякского типа отличаются большими, чем у северных чукчей, размерами. Это, прежде всего, объясняется тем, что село Ваеги находится в лесотундровой зоне и недостатка в строительном

материале нет — *тевр* (треногу, составляющую остов яранги) и *утъымыт* (боковые жерди) можно сделать больших размеров.

Меховые палатки, отапливаемые зимой печками, появились в Корякии впервые в 1950-е гг. и были быстро переняты ваежскими оленеводами, ведь дрова у них, как и у коряков, всегда под рукой. За форму этого жилища хатырские чукчи называли ваежских «*вычгыралъыт*» («плоскожилищные»).

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ВАЕГИ

В настоящее время большинство коренных жителей села Ваеги — потомки от смешанных браков представителей разных народов и разных групп чукчей. Этот процесс происходил, по крайней мере, на протяжении последних трёхсот лет и запечатлён в рассказах старых людей. Следует особо отметить, что в первой половине XX в. наблюдался непрерывный переход отдельных лиц и семей из одной группы в другую, так что «сидячие чукчи» (*рамаглъат* — «прибрежные жители») в известных условиях оказывались кочевыми оленеводами (*чаучу* — «богатые оленями») и наоборот (Архинчеев, 1936). Эти процессы, а также неграмотно проведённая паспортизация коренных жителей в середине XX в. осложнили понимание родственных связей даже самим жителям села Ваеги. Хорошо знают своё происхождение только старые люди.

Такова М. В. Тынатвааль (1922 г. р.; фото II-18, II-19, II-21), жительница Ваег, двоюродная сестра Пэлягыргына, который относится к *тэлк'эпылъыт* (тэльекепским чукчам). Она — вдова убитого в 1940 г. Ээкэтьэта, младшего сына Гемавье, относившего себя и свою семью к *вилюн'эйрэмкын* (вилюнейским чукчам).

Тынатвааль рассказывала, что предки Гемавье и раньше имели много оленей и кочевали от хребта Пал-Пал до побережья Берингова моря. Однажды они выдали замуж одну из сестер за тэльекепского чукчу и в качестве приданого выделили стадо оленей вместе с *ватомгыт* («товарищи по жизни»), — по-

росту говоря, с работниками. Семья выданной замуж сестры откочевала к *Майн'ыпэльгэты* (район нынешнего села Майныпыльгино, где проживали чукчи и керекы). Позже стада братьев погибли от лишая, и они откочевали к корякам группы *вайкыналъыт* на побережье Пенжинской губы (поэтому старый Тевлявье до сих пор в шутку называет потомков Гемавье *вайкыналъыт*). Сестра узнала об этом, вызвала родственников к себе и наделила каждого оленями. Однако ещё одну сестру они всё же оставили на побережье, послушавшись совета старого человека: «*Нытэтумгын'ыркын н'утку*», что буквально означает «Пусть здесь делает товарищей».

К'ляк'ы, жена которого относилась к керекам, потеряв свое стадо во время эпидемии лишая, был вынужден откочевать на рыбные места реки Хатырка. Затем, следуя призыву богатого родственника Гемавье, ушел в предгорья хребта Вилюней, чтобы помогать Гемавье и его сыновьям выпасать многочисленные стада. Так и Туккэв прикочевал со стадом своей семьи на Вилюней с Парапольского дола, спасаясь от коллективизации. И К'ляк'ы, и Туккэв называли Гемавье дядей — *ындив*.

О сложности межродовых и межнациональных связей говорит и пример Н. И. Навелькай (фото II-17, II-19) из села Чуванское. Её отец Чайвуургин — чукча с юга Чаунского района (его сын Н. И. Тынетэгин называл род отца *чэчанылъ*); мать Кутгеут называли *танн'ын'ав* («женщина корякского рода»), потому что другая жена Чайвуургина имела такое же имя — Кутгеут, но была

Тропою Богораза

лыгъоравэтлан'ав, т.е. «настоящая женщина», или чукчанка. При паспортизации полу-чукчанку-полукорячку Навьелькай записали чуванкой.

Попав в Ваеги, Навьелькай вышла замуж за Н.И. Нувано, внука вилюнейского чукчи Гемавье, а вторым браком за эвена (ламута) Берёзкина.

Етгэвытк'эй, или Етгеут; (фото П-21) — мать Н.И. Нувано — была одной из жён К'отаквургына, среднего сына Гемавье, также убитого в 1940 г. Она вела своё происхождение от коряков и, как все старые люди, хорошо знала свою родословную до пятого—шестого колена. Етгэвытк'эй, побывав у родственников невестки в Чуванском, говорит о свахе и людях её поколения: «*Ымылто танн'ыветгавылъыт*» («Все они противоположного языка», т.е. коряцкого), хотя сама же вспоминает: «*гымнынет ыттзуулъэт лыгзонмытанн'ынк'ачкэнат*» («Мои предки — с глубокой Корякии»). Етгэвытк'эй и её ровесники могли свободно общаться между собой на языке оленных коряков.

Несмотря на многочисленные родственные связи с представителями других народов и этнотерриториальных групп, каждый ваеж-

ский чукча отождествляет себя с совершенно определённой группой, имеющей внутренние родственные связи, что отражено в легендах, наставлениях, поговорках. В легендах о войнах у таких групп был свой *эрмэчъын* («начальник», «сильнейший»), например, у *вилун'ейлыт*, или *вилун'ейрэмкын*, — Эткувье; у *тэлк'эпылъыт* — Петывтычгын и т.п.

В наше время в Ваегах наблюдается сложное переплетение родственных связей между разными народами и разными группами чукчей, однако наиболее обычным является родство с коряками. Практически все старики старше 70 лет, помнящие свое родство с коряками, кереками, тэлькепской и даже онмылинской группами чукчей, владеют диалектом коряков-оленьеводов.

Таким образом, генофонд современных жителей села Ваеги сложился на основе генофондов нескольких этнотерриториальных групп (популяций) чукчей и нескольких групп (популяций) коряков, керек, чуванцев, эвенов. А культура ваежских чукчей является сплавом собственно чукотской и традиционных культур всех народов-соседей с явным доминированием корякской.

ЛИТЕРАТУРА

- *Архинчев И.С.* Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства (1936) // *Сибирский этнографический сборник*. Тр. ИЭ АН СССР. II. М.; Л.: 1957. Т. 35.
- *Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. Л., Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934.
- *Васильев В.Н.* Оленьи пастбища Анадырского края // *Тр. Арктического ин-та*. Л., 1936. Т. 62.
- *Вдовин И.С.* Ваегские чукчи // *Сибирский этнографический сборник*. // Тр. ИЭ АН СССР, М., 1962. Т. 78. IV. С. 153–164.
- *Леонтьев В.В.* По земле древних керек. Магадан, 1976.

- *Материалы по землеустройству Крайнего Севера*. М.: Полиграфкнига, 1938. Т. II.
- *Нувано В.Н.* Межплеменные отношения на юге Чукотки в XVIII–XX веках. Ваежские чукчи // *Chukotka Studies. Reindeer Pastoralism among the Chukchi* (ed. Ikeya K.), Osaka, 2003. № 1. С. 49–56.
- *Орловский П.Н.* Год анадырско-чукотского оленевода // *Северная Азия*. 1928.
- *Ресин А.А.* Очерк инородцев Русского побережья Тихого океана // *Известия Императорск. Русск. Географ. Об-ва*. 1888. Вып. III. С. 121–198.
- *Сыроечковский Е.Е.* Северный олень. М.: Агропромиздат, 1986.

ТРАГЕДИЯ В СЕЛАХ БЕРЁЗОВО И ВАЕГИ. 1940, 1949 гг.

«В ряде мест обобществление начали проводить административным методом. Например, в 1932 г., по настоянию уполномоченного райисполкома, общее собрание Чукотского и Чукотско-Яблонского товариществ Марковского района записало в своих решениях: «Отныне хозяином всех оленей является колхоз, никто больше не имеет своих оленей».

Руководство Корякского национального округа ориентировалось на 100% коллективизацию уже в 1932 г. Тигильский район этого же округа ещё в 1931г. объявил себя районом сплошной коллективизации.

Кулак Гемавье не только отказался платить налог, но и организовал убийство уполномоченных по проведению коллективизации и закупке оленей для совхоза в Марковском районе. Советские работники Майдлин и Екимов, переводчики, камчадалы Дьячков и Павлов, сопровождаемые проводником Айнелькутом, в 1940 г. объезжали стойбища. Во время отдыха, ночью, Айнелькут перестрелял их из винчестера и трупы сбросил в реку.

В марте 1949 г., по сути дела, был развален колхоз «Полярная звезда» Марковского района. В этот колхоз были приняты несколько кулаков. Один из них, Кутынкеу, организовал антисоветскую группу, в которую вошли Ятгиргин, Тыневентын, Мыргымыр, Кена, Келеуги, Коровье, Ипилючин, Татат, Танно Кутынкеу, Айнявка, Келевье. Совершив вооруженное нападение, бандиты ранили председателя совета Улянга, избили многих членов правления, угнали колхозные стада».

И. Гарусов (1981. С. 75)

Приведенная выше цитата из работы известного историка — официальная версия процесса коллективизации южных чукчей. К счастью, ещё живы несколько свидетелей и участников трагических событий 1940 и 1949 гг. Их мнением никогда не интересовались представители властных структур и официальной науки. Но к рассказам этих людей необходимо прислушаться, чтобы понять, как на самом деле проходила коллективизация в селах Берёзово и Ваеги, чтобы

посмотреть на всё происшедшее глазами самих оленеводов, которых силой загоняли в «светлое будущее».

В статье использованы аудиозаписи, собранные автором в селе Ваеги в 1999–2000 гг. Моими собеседниками были пенсионеры Т.В. Кеунеут, Туккев, Выквына, М.В. Тынатвааль, — все старше 70 лет. Автор (далее В.Н.) постарался не менять ход рассказов, лишь перевёл их на русский язык.

I

КЕУНЕУТ РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ СЕМЬЕ (Все рассказы Кеунеут записаны в мае 2000 г.)

В.Н.: Расскажи о своих родителях и откуда ты родом.

Кеунеут (фото II-18): Отец К'ляк'ы, мать Латыльэ и мы, их дети, жили возле моря, на реке Хатырка (*Ватыркаваам*). В стойбище было семь яранг, все из обедневших семей: Потто-Выквына и её муж Эвъэчи, дед Танн'ьо-Коравье и другие*.

Когда-то у отца были олени, но после эпидемии лишая, основная часть стада пала. С оставшимися оленями он присоединился к таким же обедневшим соседям. Моя мать — из народа кереки, они — морские промысловики, испокон века жили на берегах Берингова моря.

Мы жили на реке Хатырка, где было много рыбы. Рядом находились озёра, там было очень много гусей. Весной, когда они прилетали, мы их ловили капканами, когда гусынь снимали с капканов, они, брыкаясь, роняли яйца, а в гнездах яйца редко брали. Сытно было. В это время объединённое стадо наших семей целое лето паслось где-то.

На Вилюнее паслись стада богатого рода Гемавье, у которого были сыновья Трунк'у, К'отаквургин, Экетъэт и дочь Чинкук. У сыновей было по две жены: у Трунк'у — К'ергын'айн'ын и Ытгын'е; у К'отаквургина — Кааквургин и Етгеут (Етгэвытк'эй; фото II-21);

у Экетъэта — Тымн'етвааль и Тын'атвааль. У всех у них были очень большие стада, даже *яран'альвыль* (домашнее стадо при каждом стойбище) было большое, а зимой и основные стада делили надвое, чтобы легче было пасти.

Летом они пригоняли свои стада к морю и забивали для кереков много оленей. А взамен кереки им давали лахтачьи ремни, кожи, жир морского зверя. Так и жили.

Потом мы откочевали к Гемавье. В то время в *аргиш** запрягали даже важенок (*венк'ор***). Сильные и спокойные они. Помню, когда кочевали, их телята вокруг аргиша резвились, или рядом с матерью шли спокойно.

Когда жили у Гемавье, мы, дети, ходили на дежурство, и целыми ночами игрались возле стада, ловили оленей, водили их. Не помню, когда мы спали, весело было.

Помню однажды в *яран'альвыль*, где старшим был Унувье, отец Тевлявье (пенсионер, старше 70 лет, с. Ваеги), стадо почти полностью накрыло снежной лавиной, остались лишь те олени, которые были у яранг, *эвытыльыт* («мочееды»***). Мать Тевлявье и Алель-Кытытваль, жена Рагтувье, вдвоём выкапывали, вывозили и разделявали оленьи туши. Мы просыпались — их уже не было дома, засыпали — их ещё не было дома. Когда они спали?.. Сильные были.

КЕУНЕУТ РАССКАЗЫВАЕТ ПРО СОБЫТИЯ 1940-го ГОДА (Начало коллективизации)

Все началось с того, что приехали люди с Аянки (Корякский АО) в стойбище Ранаквургина по кличке «Рыгльо», брата вшей бабушки Етгеут (Етгэвытк'эй), жены К'отаквургина, потом убитого этими людьми. В стойбище были Рыгльо, *ытьелральын* («переднедомный»), и *ватомгыт*, туда приехали *мельгитаннгит* («огненные люди»¹).

* Впоследствии их потомки жили в сёлах Ваеги, Хатырка и других. *Прим. авт*

Когда они возвращались с просчёта, их проводник Эйн'ельк'ут застрелил их и бросил тела в овраг. Наверное, он с ума сошёл,

* *Аргиш* (ненецк.) — обоз, состоящий из грузовых и ездовых нарт. *Прим. ред.*

** *Венк'ор* — обученная под упряжь важенька. *Прим. авт.*

*** *Эвытыльыт* — олени, восполняющие недостаток солей человеческой мочой. *Прим. авт.*

даже в своих домочадцев стрелял, когда они были в яранге. Его падчерица Нутен' убежала к нам, а Эйн'ельк'ут сразу откочевал на другое место, начал скрываться. Перед пургой снимался, откочёвывал на новое место, а следы заметало. Тогда самолётов не было, поэтому долго его не могли найти. Если он был в каком-то стойбище, то вместе с дежурными ходил в стадо и целыми ночами не спал. С этого всё началось. Эйн'ельк'ут стал *тынентэк'эн'* («начинающий плохое»), да и из-за оленей стали убивать ваших дедов.

В период после весенней отбивки (*печвагъенратыплиткок*), то есть после отделения плодовой части стада от неплодовой, к нам начали приезжать *мельгитанн'гит*. Тогда забрали глубоких стариков, которые сами ничего не могли сделать – Вутыльк'ей из Корякии и вашего прадеда Гемавье. Говорят, в Анадыре они себе яму вырыли и сами легли туда.

А сначала детей Гемавье поубивали. Первым среднего сына, вашего деда К'отаквургина, убили. Узнали, где он живёт, окружили его ярангу и застрелили. Как за дикими зверьми охотились. Ловкий был К'отаквургин, вырезал в верхней части яранги дыру и выпрыгнул наружу, тут его с нескольких ружей застрелили, даже откинуло его далеко. Как только немного поухло, к телу подошли его жена Етгеут с К'ергын'айн'ын, женой его брата Трунк'у. Ет-

геут пыталась его поднять и всё спрашивала: «К'отаквургин, ты спишь?» К'ергын'айн'ын сказала ей: «Давай перенесём его на сухое место и пока оставим. Он уже умер. И пошли домой». Тогда люди, наверное, с ума сошли, как во сне было. Я тогда уже всё понимала, и всё помню.

В Трунк'у, старшего сына Гемавье, стреляли, даже кусочки легких по снегу разлетались. Подъехали на оленях люди и вдалеке остановились, они втроём навстречу пошли. Трунк'у впереди шёл, за ним его двоюродный брат Нутевье, отец Тыккыкая (фото II-20), и ещё один человек. Как обычно, друг за другом шли, и их всех троих одной пулей уложили. Впереди идущие Трунк'у и Нутевье ещё живые остались, а последний сразу умер. Не помню, когда Нутевье умер, только помню, во время кочёвок он очень больной был. Тогда мы думали, гости едут, оказалось – *эк'ельыт* («плохие люди, враги»). А затем и в других стойбищах начали стрелять. Экетъэта, их младшего брата, убили. Тогда даже в детей стреляли. Кулю, Гырголькау и Айгынто, сын Трунк'у и К'ергын'айн'ын, отогнали стадо на пастбище, и, когда возвращались домой, в них стрелял «Иуль Семён» – Высокий Семён (ламут), потом он умер в Марково. Ещё живых засыпал снегом. Айгынто, ещё живой, говорил товарищам: «Братишки у меня даже кишки начали примерзать к земле». Получилось почти так же, как с Трунк'у и его товарищами.

КЕУНЕУТ РАССКАЗЫВАЕТ ПРО СОБЫТИЯ 1949 г. В СЕЛЕ БЕРЁЗОВО

Нас всех собрали в Берёзово. Прошло несколько лет, и снова начали стрелять, *маравык* («драться»). Тогда Етаквыргын и Нувано (фото II-14, II-15), дети убитого в 1940 г. К'отаквургина, убежали от этой стрельбы. Они вели оленя, запряжённого в нарты со скарбом, по сопке. За ними наблюдали с бинокля. Паврунка (Павел Иванович Медучин, переводчик) говорил: «Не трогайте детей». Я не помню, кто тогда был начальником, но слышала, что потом его убили или он сам себя убил. А Паврунка тогда просто с ними ходил, был переводчиком.

Тогда в Берёзово голодно было, река Великая большая была, а мало рыбы ловилось. Ели мы тогда жир в бочках и всякие растения, которые сами собирали; горох был, мы не знали, как его готовить, долбили на камнях и варили, непривычная для нас пища. Многие тогда с голоду умирали. Покупки делали только с пошива или ещё с какой работы. А в колхозе вроде много работали, но трудодни не начисляли. Только уже через много лет, когда контора сгорела, среди обгоревших бумаг обнаружили документы с нашими трудоднями.

II

ТУККЕВ И ВЫКВЫНА, МУЖ И ЖЕНА, РАССКАЗЫВАЮТ О СОБЫТИЯХ 1940 г.

(Записано в селе Ваеги в мае 1999 г.)

Выквына: Я в Берёзово тогда жила вместе с отцом и младшим братом Аретагиным, всё помню... А до этого мы с первым мужем охотились. Потом он отвёз меня с маленьким сыном в стадо, к отцу Эмтынк'уту. Стадо Тымн'енкау, где мы жили, начало кочевать в вашу сторону, к Вилюнею, там мой сын и умер. Тогда на той же стоянке и сам Тымн'енкау умер.

Весной мы переехали в Берёзово. Ярангу поставили не в самом посёлке, а на противоположном берегу реки. Председатель колхоза Санька (А. Алин) говорил нам, чтобы мы поставили ярангу в посёлке, но мы отказались. Этот человек нехороший был к тем, кто не понимал русский язык. Мы с младшим братом до этого уже учились в Старых Ваегах. Так что тогда я хорошо всё понимала и разговаривала на русском языке, а сейчас всё позабыла. Тогда я председателю сказала: «Не буду я на вас работать, вы многих поубивали. Где они теперь?»

Двумя ярангами мы перезимовали. У нас было более-менее неплохо. Хоть отец слабый был, я ему хорошо помогала, сети ставила, рыбу ловила, в любое время года в стадо за мясом ходила. Соседям помогали – много у К'ергитагина, отца Нутевье, детей было.

Плохой председатель колхоза тогда был, да и председатель сельского совета Уляна тоже такой же.

Уляна ещё маленьким, ещё в детском керере, был брошен на оставленной стоянке. Воткнули кол и привязали ребёнка за него. Так раньше ламуты делали. Ваши предки Еканыленте давно на онмылинской стороне женились, наверное, они нашли. А его потомки Антаконте считаются *тэлк'эпылит*. А другие ваши предки, Вальнавтынте, с коряжской стороны. Вообще, сейчас я мало что помню, даже что сейчас происходит, я иногда быстро забываю. Забывчивая стала.

Туккев: Мы вот отсюда в Вилюнейскую сторону *мыткаврамык* (буквально, «вокруг

прошли»). Наш дядя Гемавье сказал: «Давайте объединяться». Мы сделали большой круг с Пальской стороны и, наконец, подошли к стойбищам Гемавье.

Потом нас испортили, начали приезжать непрощенные гости*. А до того хорошо жили.

Весело было. Всегда при стаде были, друг другу помогали и летом, и зимой.

В.Н.: В книжках пишут, что чавчу-ват – «владельцы оленей» – не работали.

Туккев: Все работали. Просто, кто постарше, поумнее, руководили, советовали, говорили, куда стадо подогнать, где корма для оленей побольше. Об оленях думали, всё для них делали – это главное.

В.Н.: Некоторые, кто победнее, наверное, зарабатывали на еду или живых оленей получали?

Туккев: Конечно, кто работал, у всех олени были.

Выквына: И богатые и те, кто победней, вместе работали, как один человек (как единый организм). Но кто не работал, тот ничего и не имел. Вот как сейчас, не работают, ругаются и только попрошайничают: «Дай сигарету, дай чай, дай хлеб....» Только дай, дай, а мы же пенсионеры... Они молодые – почему бы не работать? На выпивку у них всегда средства есть. Даже страшно становится – думаешь, вдруг побьют.

В.Н.: А как вы жили во время войны?

Выквына: В то время ещё хуже было. Тогда и чая не было, всего мало было. Тогда чёрный хлеб по кусочку давали, если в семье три человека, то буханку хлеба давали, чай – по половине плитки, но мы тогда мало чай пили. Зайчиков ловили, а куропаток тогда почему-то мало стало.

В.Н.: Для вас Гемавье кто будет?

Туккев: Дядей мне приходится, моей матери Папку младший брат. Ранъаквыргын

* *Рек'е найовын'омык* буквально означает «что-то нас стало посещать». *Прим авт.*

(Рыгльо), Мыргымыр (фото II-21) – братья твоей бабушки Етгеут, тоже отсюда, ближе к Корякии. Мы вместе со стадами в сторону Вилюнея кочевали. У всех у нас, в общем-то, по отдельности хорошие стада были. Когда мы вместе собрались, посоветовались, и после этого каждый со своим стадом кочевал на кормовые места. На месте никогда не стояли.

В.Н.: *Сколько стад получилось вместе?*

Туккев: У Трунк'у два основных стада и *яран'ельвыль* вдобавок, так же у остальных его братьев, К'отаквургина и Экетъэт; их сестра Чинкук была замужем за Мыргымыр. У нас довольно большое стадо. У Рыгльо большое стадо, унаследованное от отца, и у его брата Мыргымыр стадо поменьше, но жил *яранымным* («отдельным хозяйством», отдельным поселением»).

Потом все эти стада отобрали, часть в Берёзово осталась, часть в Анадырь погна-ли, другое стадо – в Хатырку а часть – на Опуку.

В.Н.: *Кеунеут говорила, что во время перегона ослабленным оленям просто выкалывали глаза?*

Туккев: Просто стреляли. Важенок кото-рые только родили, просто оставляли. Тогда ламуты оказались *тыненъйэн'ыт* – «уско-рителями»*. Даже некоторые *ораветлят* («соплеменники») очень старались отнимать стада, даже, наверное, радовались.

В.Н.: *А с Эйнелькутом что случилось?*

Туккев: Это отдельный *ремкын* («род»), наверное, с Корякии. У них ещё раньше начали отнимать оленей. Наверное, он рас-сердился. Да и что он без оленей делал бы голодный? У него только ездовые были. Охо-той жил. Мы тогда возле озера Ак'агытгын были.

Выквына: А мы с младшим братом тог-да учились в Старых Ваегах (*Петы-Варен'*). Много детей (*танн'ынк'аскена*) с Коря-кии было.

* Имеется в виду, что они провоцировали реп-рессивные меры против собственников оленей.
Прим. авт.

Убитых Эйн'елькутом двух ламутов и дво-их русских в посёлок привезли перед 1 мая. Одного звали Ефимов, другого – Килича, остальных не помню. В Старых Ваегах дво-их похоронили, а двоих в Марково увезли.

Раньше детям запрещалось быть возле покойников, даже отводили в другую яран-гу. А в этот раз мы, ученики школы, участ-вовали в процессе похорон. Страшно было. Лица у покойников были завернуты в белое полотно, потому что почернели. Мы первый раз видели, как русские хоронят. Сначала прошли кругом вокруг покойных, потом на-чали стрелять вверх из ружей.

В.Н.: *Люди рассказывают, что Эйн'елькут хорошо стрелял.*

Туккев: Да, хорошо стрелял тот человек, потому что охотником был, только охотой занимался. Мало у него оленей было, навер-ное, поэтому, когда стали их забирать, он рассердился.

В.Н.: *А из каких мест был Эйн'елькут?*

Туккев: *Танн'ыремкикин* – «противопо-ложного» рода. Здесь, в верховьях реки Ва-еги (*Варенваам гыргоча*) они кочевали. С тех мест много людей просто так убивали.

А потом и у нас стали убивать. Пошли встречать подъехавших ездоков, а в них вы-стрелили. Тогда взрослых убили, Нутевье, отца Ф.Т. Тыккык'ая (фото II-20), Трунк'у (старшего сына Гемавье) ранили, потом он от ран умер, третий побежал в стадо, и его убили.

В.Н.: *Все рассказывают, что тогда и детей убивали?*

Туккев: Да. Тех убили, когда они со стада возвращались, ещё живых в снег закопали.

Выквына: Айгынто, сына Трунк'у, у Етынкева сына, и ещё одного подростка тог-да убили.

Туккев: Экетъэта, младшего сына Гема-вье, убили возле яранги Кутыкева. Только когда стемнело, Айнау перенёс окоченевшее тело домой. Тогда у нас лучшие ездовые и грузовые нарты забрали, некоторые даже ломали, постромки и лямки для нарт пореза-ли. Потом нам пришлось постромки из жил плести, лямки – из оленьих шкур вырезать. Ничего не оставили.

Выквына: Копья и ружья забрали.

Туккев: Даже всех ездовых забрали. Только потом мы за ними поехали. Тогда дети с нами поехали, ваш дядя Етаквургин и Гиункеу. Часть ездовых оленей мы забрали.

Плохие времена были, даже *ораветлят* («соплеменники») в плохом участвовали, наверное, даже радовались. Своих оленей не было, так они для себя наших забрали. Даже *насгаймакыт*² порубили, мясо, что пожирнее, забрали, а что похуже бросили. Народ с ума сошёл, некоторые наши же, чукчи, между ярангами ходили до позднего вечера, наверное, радовались. А нас в одну ярангу согнали и держали там.

Выквына: Там их с оружием охраняли. Наверное, сейчас такие же времена насту-

пают. Молодёжь по домам ходит, попрошайничают, то сигареты или даже продукты. Им бы работать, а не по пенсионерам ходить. Страшные времена настали.

Туккев: Только потом я, Аккыль, Теркынто и двое подростков часть наших ездовых оленей забрали. В колхозе, в Старых Ваегах, их держали, не хотели отдавать, потому что в Марково на оленях за продуктами ездили. Но нам же тоже нужны были ездовые олени. Долго тяжело было, только когда Кенька³ (И.Ф. Павлов) в Берёзово стал председателем колхоза, легче стало. Колхозники продукты стали получать, а до этого мало выдавали продуктов, даже некоторые голодали. Мы в стаде были, не часто, но забивали на питание оленей.

III

ТЫН'АТВААЛЬ О СОБЫТИЯХ 1940 г. (Записано в селе Ваеги в мае 2000 г.)

В.Н.: Ты не знаешь, где умер Гемавье?

Тын'атвааль (вдова Экетъэта, младшего сына Гемавье; фото II-18, II-19, II-21): Когда он собирался умереть, своему товарищу сказал: «Сначала я в колодец прыгну, а потом ты ведро вытащишь и вслед за мной пойдёшь».

В.Н.: Я сейчас в Анадыре живу и всегда думаю, что где-то здесь похоронен Гемавье.

Тын'атвааль: Раньше кладбище было на берегу, где сейчас больница. Потом пере-

несли куда-то выше, в тундру. Многие наши там умерли.

У Гемавье и его сыновей много было оленей, восемь стад, и всё забрали. Хозяев убили, а их детей и женщин в пустом стойбище оставили. Даже *ораветлят* («соплеменники») сильно старались пособничать. Сейчас я вспоминаю и думаю, что те, кто хоть немного мог говорить по-русски, могли многое неправильно переводить. Вот они больше всего навредили.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Южные чукчи называют белых людей *мелгытанн'гит* («огненные противоположные»), или *русылыт*, а проживающих по соседству коряков — *танн'гит* («противоположные, с другим языком») или *лыгетанн'гит* («настоящие тангит»), коряки также называют своих северных соседей, т.е. южных чукчей, — *танн'ыт*. *Прим. авт.*

²Грузовая нарта с мясом оленя-производителя, забитого осенью для предстоящего весеннего праздника Кильвей. *Прим. авт.*

³Ваежские, омонские и другие чукчи старшего поколения, контактирующие с эвенами, до сих пор употребляют изменённые характерным образом русские имена, например: Кенька — Иннокентий; Микулай — Николай; Секекай, Семёнка — Семён; Паврунка — Павел и т. п. *Прим. авт.*

ЭХО БЕРЁЗОВСКОГО ВОССТАНИЯ. ОЧЕВИДЦЫ О СОБЫТИЯХ 1940 И 1949 гг.

Зинаида Григорьевна Омрытхэут (в девичестве Ивалько; 1945–2000) родилась и выросла в селе Берёзово Марковского района Чукотского национального округа. Окончила Анадырское педагогическое училище, в 1979 году – Магаданский педагогический институт.

С 1971 г. Омрытхэут работала преподавателем средней школы в селе Урелики. В 1976 г. переехала в Анадырь, где стала вести кружок по изучению истории и этнографии Чукотки в Окружном дворце пионеров. С 1988 г. – корректор газеты «Советкэн Чукотка», в 1993 г. – ответственный секретарь газеты «Мургин нутэнут». С 1994 г. работала в редакции газеты «Крайний Север». В совершенстве владела чукотским языком, занималась изучением истории и культуры чукчей, собирала материалы по этнографии Чукотки.

В. Нувано

В Анадырском районе в 1940 г. три товарищества по совместному выпасу оленей объединились в колхоз «Полярная звезда» с центральной усадьбой в селе Берёзово*. В том же 1940 г., затем в 1949 г. в Берёзово произошли события, о которых рассказывают их участники и очевидцы – ныне люди старшего поколения.

Записи сделаны мною, Зинаидой Омрытхэут (далее З.О.), на чукотском языке в селе Ваеги Анадырского района летом 1996 г.

I

Мой собеседник **Николай Петрович Ятгыргин (Ятгыргикай)**, житель села Ваеги.

З.О.: *Пожалуйста, расскажи о трагических событиях 1940 г. в Берёзово. Что послужило их причиной?*

Ятгыргин: Да, это были трагические события. В то время многие умерли, потому что такой жизнью не могли жить, какую навязывали нам. Сначала повсюду давили силой власти, абсолютно всё отбирали. И нарты тоже, верёвки, мешковины – всю тару забирали.

З.О.: *И куда все это увозилось?*

Ятгыргин: Себе забирали, вероятно, куда-то ещё.

* Это село, не существующее ныне, находилось в верховье реки Великой, где выпасаются стада совхоза «Путь к коммунизму». *Прим. В. Нувано.*

З.О.: *Кто? Приезжие?*

Ятгыргин: Да. Вероятно, поэтому потом я слышал говорящих: «Нет, так жить мы не сможем». Ничего собственного не оставалось, не могли без нарт кочевать на новые пастбища, ибо всё забирали. И людей беспричинно увозили.

Стариков тоже забирали, например, Гемавье. В то время ему было, наверное, 90 лет. Взяли и старика Вутына. Я помню тех стариков. Их взяли в Берёзово, заперли в школе. Очень древние старики были. Уж очень древние.

З.О.: *Их взяли, потому что они всё делали по-своему?*

Ятгыргин: Не знаю, должно быть, нет. Я думал: «Зачем же их взяли?» Другие, которых забрали, потом без вести пропали. Это – Ранаквургикай, старший брат Етгеукея,

Тропою Богораза

Какы... Беспричинно взяли, и – пропали.

З.О.: *Даже не судили?*

Ятгыргин: Не знаю, никому ничего не сообщали, куда делись. А некоторых убили прямо там, это братьев К'отаквургина.

З.О.: *Каких братьев?*

Ятгыргин: Это сыновья Гемавье – сам К'отаквургин, Ээкэтьэт, Трунк'у был ранен, потом скончался от ран. Словом, всех троих братьев убили. И дети, раненные, умирали... Снег выкопали, там закопали детей... Один из них – Ваальгыргин, Кергинайнына сын. И ещё сын Етынкеу. Маленькие детишки были.

И после всего этого решили, стали говорить: «Лучше будем жить отдельно».

И вот прибыло много людей с ружьями за плечами, и нас начали хватать. Во время отдыха, в выходные дни, они все находились в ярангах. Разводили огонь из жердей от яранги и даже нарты использовали как дрова. Нарты, жерди рубили на дрова... Хозяев сгоняли в одну какую-нибудь ярангу, а сами устраивались там, где понравится.

З.О.: *А каркас яранг сжигали?*

Ятгыргин: До единого. Скарб, груз на нартах резали ножом, всё ими забиралось. Нечем стало кочевать.

З.О.: *Сжигалось домашнее имущество?*

Ятгыргин: Всё лучшее из мешковины брали себе, не говоря о ружьях и ножах. Всё отбирали. Наши соседи – хатырчане – говорили: «Невозможно кочевать. Ничего не осталось – ни нарт, ни яранг. Сжигались амулеты...».

З.О.: *То есть уничтожались?*

Ятгыргин: Да.

З.О.: *Таким образом «сплачивали» людей в колхозах?*

Ятгыргин: Вероятно. И поэтому люди, отчаявшись, говорили: «Лучше самим жить, а так не будет хорошо».

З.О.: *Возможно, начальство, власти уж слишком силой давили или же переводчики с одного языка на другой не так переводили, что-то упускали?*

Ятгыргин: Не совсем я в курсе. Возможно, судьбой были предрежены трагические события.

З.О.: *Сколько же лет в то время было тебе?*

Ятгыргин: Тогда уже я всё сам осмысливал, не знаю, сколько было мне лет.

З.О.: *А сейчас сколько тебе лет?*

Ятгыргин: 72 года*.

З.О.: *В то время, конечно же, и не думали, что будете жить оседло, иметь лодки, моторы?*

Ятгыргин: Тогда об этом не думали.

II

Ятгыргина арестовали весной 1949 года, а после суда отправили в г. Новосибирск.

Ятгыргин: Взяли нас в Берёзово в марте 1949 года. Один год провели в Марково (в то время Берёзово входило в Марковский район). Осенью отправили нас в Анадырь, где четверо из 15 арестантов умерли: Татит, И'ра, Ивтэгрэт, Танно. В Анадыре прозимовали, в марте месяце нас отправили в Хабаровск. Остальных заключённых по одному в разные места отправили. Потом ещё год пролежал я в Хабаровской больнице. А Онэнэ я оставил в тюрьме. После больницы вновь вернулся на прежнее место – в тюрьму, а земляка уже куда-то перевели. Через год меня этапировали в Новосибирск. Кажется, шесть лет я провел в Новосибирске. Потом

ещё четыре года я находился во Владивостоке (уже, когда возвращался домой). Должно быть, всего одиннадцать лет я провел на материке вдаль от родины.

З.О.: *В тюрьме как содержали вас?*

Ятгыргин: В Марково, Анадыре очень плохо, из-за этого и умерли несколько человек.

З.О.: *А в Хабаровске?*

Ятгыргин: Лучшее отношение было к нам. В Новосибирске, Владивостоке нормально содержали.

З.О.: *Год ты лежал в больнице, чем заболел?*

* Следовательно, Ятгыргин родился в 1924 г., в 1940 г. ему было 16 лет, а во время событий 1949 г. исполнилось 25 лет. *Прим. ред.*

Ятгыргин: Глаза болели.

З.О.: В зоне какую работу выполнял?

Ятгыргин: Строил дома, рыл траншеи под канализацию. Очень много домов построили...

З.О.: Кто был с тобой в заключении? Что за люди?

Ятгыргин: Разной национальности, с разных мест.

З.О.: Чем занимались в часы отдыха? Были ли развлечения?

Ятгыргин: Нет, не было.

З.О.: А как с питанием было?

Ятгыргин: Когда работали, кормили почти нормально.

З.О.: Ты был один чукча?

Ятгыргин: Да, я был один чукча, не с кем было поговорить по-своему, на чукотском языке.

З.О.: В зоне были женщины?

Ятгыргин: Их было очень много, но они находились отдельно. Только проходивших на работу, их видели мы.

З.О.: Как же вы жили в тюрьме, не понимая русский язык? Было, наверное, очень тяжело?

Ятгыргин: Как будто где-то вне реальной жизни находились, ничего будто не слышали, потому что не понимали по-русски. Некоторые даже с тоски и мучений умерли в Анадыре.

З.О.: А потом понемногу начали понимать русский язык?

Ятгыргин: Да, постепенно стали понимать слова, но не было радости и потому не было желания понять всё. Все, как один, были, как без языка.

З.О.: В тюрьме с кем дружил?

Ятгыргин: Надзиратели все дружили со мной, ко мне хорошо относились.

З.О.: По-своему, по-чукотски, разговаривал сам с собой?

Ятгыргин: Нет. А, не зная русский язык, всегда молчал.

З.О.: Нигде не учился? Вижу, сейчас читаешь?

Ятгыргин: Только в Берёзово два года учился в вечерней школе. Это до того, как забрали меня.

З.О.: В тюрьме научился говорить по-русски?

Ятгыргин: Да, там начал понимать и говорить по-русски. На наших стариков жалко было смотреть в тюрьме. Потеряв надежду, они говорили: «Не вернемся на родину никогда».

З.О.: Из Владивостока, когда уже освободился, сколько ехал до Анадыря?

Ятгыргин: Быстро доехали.

З.О.: Потом из Анадыря до Ваег?

Ятгыргин: Но сначала приезжие отпускники попросили меня с ними ехать опять во Владивосток. Я с ними поехал. А на Марково «аннушкой» полетел. Оттуда на моторке добрался до Ваег.

З.О.: Один в тот год?

Ятгыргин: Да. Один я.

З.О.: А кто раньше тебя вернулся в родные края?

Ятгыргин: Никто. Я первым прибыл домой.

З.О.: В каком году?

Ятгыргин: Кажется, в 1960 г., точно не знаю.

З.О.: А после тебя кто вернулся?

Ятгыргин: Тыневентын (фото II-28) и Кэныр, после – Калявьеиных и Кутыкеу, позже их – Айнаукай. Кажется, только нас пятеро вернулись в Ваеги.

З.О.: Точно не помнишь?

Ятгыргин: Не помню. Товарищи, кто вернулся, быстро умерли.

З.О.: Вернувшись домой, застал в живых родственников?

Ятгыргин: К счастью, отец был жив, а младшего брата в моё отсутствие не стало.

З.О.: Отца как звали?

Ятгыргин: Акаколё.

З.О.: А мать?

Ятгыргин: Мама давным-давно ушла* где-то в районе Хатырки.

З.О.: Ещё до того, как забрали тебя?

Ятгыргин: Ещё до ареста. Младший братишка умер в Ваегах.

* Здесь «ушла» означает «умерла». Прим. ред.

III

О событиях весны 1949 г. в селе Берёзово рассказали пенсионеры-чукчи из села Ваеги Мария Васильевна **Тын'атвааль** (1922 г.р.; фото II-18, II-19, II-21), Григорий Александрович **Тевлявье** (1928 г.р.) и Алексей Александрович **Коравье** (1931 г.р). Все они говорили по очереди и дополняли друг друга.

Тын'атвааль, Тевлявье, Коравье: В то время начальником колхоза был очень плохой человек. И начальник сельсовета такой же был, однако, руководитель колхоза был намного хуже. Трудодни рыбаков и оленеводов он начислял себе, словом, отбирал. Голодал очень народ. Поэтому и возмущался. Поэтому и люди потом выбрали другого руководителя колхоза – Иннокентия Филипповича Павлова. Лучше стало жить людям при нём. Другими словами, бывший руководитель колхоза виноват в трагедии людей. Если бы колхозом руководил нормальный человек, никого бы не арестовали, не посадили бы людей.

Весной 1949 г. забрали пятнадцать человек. Помню: Кутыкеу, Кэлевги (87-летним вернулся из тюрьмы), Кольгин (после тюрьмы остался жить у старшего брата в Марково), Танно (в Анадыре в тюрьме умер), Татит (в Анадыре в тюрьме умер), Кэлевги (в Хабаровске в тюрьме умер), Ятгыргин, Мэргымыр (Мыргымыр; фото II-20), И'ра (в Анадыре в тюрьме умер), Онэнэ (в тюрьме умер), Кэныр, Ивтегрет (старший брат И'ра, в Анадыре в тюрьме умер), Коравье.

В весну 1949 г. застрелили Кэргынто, Гиункеу, Айнау. Были ранены: Нотай, Ивтек, Кенут, Коравье. Покончили жизнь самоубийством из-за безысходности вся семья Нотая (семь человек, из них трое детей), Тенкылины (трое), Айваны (трое).

Здесь, в Ваегах, позже умер в мучениях бывший начальник колхоза – виновник тех событий. Сегодня бы его судили. А в то время наших людей посчитали за тех, кто не желает вступать в колхоз. Но это было не так, виноват был начальник колхоза. Ведь тогда у нас уже все вступили в колхоз. Всё взрослое население занималось совместным выпасом оленей, совместным ловом рыбы. Но только очень нищенствовали. Есть было нечего, поскольку запретили забивать даже личных оленей. Вся продукция сдавалась в колхоз, все излишки – в общий котёл, ничего людям не оставляли. Вот в таких условиях старики и не захотели жить – в то время много людей вымерло с голоду.

В то время руководители сами повели вредительскую политику. Чтобы выгородить самих себя, переложили вину на отдельных людей...

Арестованным сначала дали по 25 лет каждому. После смерти Сталина стали выпускать на свободу. Дольше всех в заключении были Кутынкеу и Акон-Коравье – по 9 лет, остальные по восемь, Ятгыргин шесть лет был в тюрьме.

Перевод с чукотского И. Омрувье

ШАМАН БЫЛ ПРОТИВ

Поиск политических врагов советской власти в 1930–1950 гг. не ограничивался средой партийно-государственной элиты. В их число попадали рядовые граждане, участники социалистического строительства, искренно верящие, что создают самое справедливое общество, в том числе и те, кого считали тогда наиболее неразвитой частью населения нашей страны, то есть представители народов Севера.

Как царская администрация уверяла коренных северян в том, что несёт им опыт европейской цивилизации, лучшей, чем их собственная, традиционная, так и большевистские идеологи утверждали, что малочисленные народы Севера будут счастливы при социализме и коммунизме. Только для этого надо отказаться от традиционного образа жизни и пойти по дороге, указанной Лениным и Сталиным. Несогласных с этим мнением отправляли на перевоспитание в исправительно-трудовые лагеря на Колыме и Чукотке.

В 1989 г. полковник В. Д. Власенко, заместитель начальника Магаданского областного управления КГБ, сообщил, что из коренных народов Севера репрессиям подверглось немногим более сотни человек и все, как правило, по обвинению в «шпионаже в пользу Японии».

Несколько позже в список репрессированных по необоснованным обвинениям, которых реабилитировала прокуратура Магаданской области на основании Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», были внесены биографические данные ряда коренных жителей, опубликованные в газете «Ма-

гаданская правда» в 1993 г. Среди них были:

Тынель (без имени и отчества), чукча, 45 лет, уроженец села Чикаево Анадырского района. Осуждён за высказывание против строительства колхозов, совхозов, школ и против медработников. Реабилитирован 30.03.1992 г.

Караувье (без имени и отчества), год рождения не известен, уроженец стойбища Мильчивим Чаунского района, проживал на мысе Шелагский Чаунского района, охотник-единоличник. Осуждён 16 февраля 1936 г. окружным судом Чукотского национального округа по ст. 58–10, ч. 1. УК РСФСР на 10 лет лишения свободы за то, что занимался шаманством, запрещал детям учиться в школе, ходить на комсомольские собрания, проводил контрреволюционную агитацию против парработников. Реабилитирован 10.03.1992 г.

Бабцев Сергей Николаевич, 1926 г. р., уроженец посёлка Ола Ольского района Магаданской области. Проживал в этом посёлке, работал учеником бухгалтера совхоза «Путь Севера». Осуждён 23 октября 1943 г. Военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое по ст. 58–10, ч. 2. УК РСФСР за антисоветскую агитацию на 8 лет лишения свободы. Реабилитирован 18.02.1992 г.

Слепцов Семён Дмитриевич, 1878 г. р., уроженец пос. Туманы Ольского района Магаданской области. Проживал и работал проводником в совхозе «Челбанья» Магаданской области. Осуждён 25 ноября 1941 г. Военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое по ст. 58–10, ч. 1. УК РСФСР за антисоветскую агитацию на 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 18.02.1992 г.

Григорьев Николай Григорьевич, 1884 г.р., уроженец посёлка Талая Ольского района Магаданской области. Проживал и работал оленеводом-охотником в совхозе «Талая». Осуждён 12 августа 1940 г. Военным трибуналом войск НКВД при Дальстрое по ст. 58–10, ч.1. УК РСФСР за антисоветскую агитацию на 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 18.02.1992 г.

Наконец, список реабилитированных лиц, в отношении которых смертные приговоры приведены на территории Магаданской области, был опубликован в книге «За нами придут корабли» (Магадан, 1999), где рассказано о судьбах 75 коренных северян, из них девяти женщин. Это были орочи, камчадалы, тунгусы (эвенки), коряки, чукчи. В мартиролог почему-то не попали юкагиры, эскимосы, эвены.

Думается, список этот далеко не полный, возвращения честного имени ждут ещё немало представителей коренных народов Севера. Ведь в среде охотников, оленеводов, рыбаков, морских зверобоев, безусловно, возникали протесты против революционной ломки их традиционного образа жизни. Я познакомился в архиве УФСБ по Магаданской области с десятком таких дел на представителей народов Севера, обвинённых в политических преступлениях. Возраст осуждённых – от 21 до 53 лет, из них одна женщина. До ареста это были два председателя сельсовета, оленевод-рыбак, бывший торговец, учитель, пекарь, председатель колхоза, два крупных оленевода, оленевод-единоличник. По национальному составу – один коряк, два ороча, пять камчадалов, русская, чукча. Девять из них были расстреляны в 1938 г. и реабилитированы в 1989 г.

Среди коренных жителей Северо-Востока, обвинённых в политических преступлениях против советской власти в 1930–1950-х гг., судьба чукчи Вапыска из Чаунского района одна из наиболее ярких. Прежде всего, потому, что, по материалам архивного дела в УФСБ по Магаданской области, известно, за что его осудили в 1941 г. Мотивы его поведения, его характер представил хорошо

знавший оленевода-шамана учитель кочевой школы в Чаунском районе в 1930-х гг. Н.Е. Шундик, ставший позже известным советским писателем. Образ Вапыска он воплотил в своем романе «Олень у порога» (1989). Наконец, я встретился в Хабаровске с людьми, помнившими Вапыска по работе в Рыркайпийском сельсовете – это супруги В.П. и Л.И. Гончаровы.

Так кто же он, этот Вапыска, ставший героем уголовного следствия, литературным прообразом и оставивший след в истории Чукотки?

Познакомимся с обстановкой, характеризующей социально-экономическое развитие Чаунского района Чукотского национального округа конца 1930-х гг. В целом, картину предвоенной Чукотки, особенно национальных районов, дают материалы государственных архивов Магадана, Петропавловска-Камчатского, Хабаровска и исследования историка И. Гарусова.

Чаунский район Чукотки к январю 1940 г. занимал территорию более 138 тыс. кв. км, на которой проживали 2592 человека, в том числе 1944 коренных жителя, из них 70 % вели кочевой образ жизни. Приезжие – их было около 600 человек – в большинстве своём жили в районном центре Певек. К этому времени, помимо традиционного хозяйства, оленеводства, охоты на пушного зверя и морского промысла, на побережье Ледовитого океана развивалась горнодобывающая промышленность, связанная с добычей олова на прииске «Пыркакай» и руднике «Валькумей». В связи с этим изменилась хозяйственная структура района – в промышленности была занята бо́льшая часть приезжего населения, как правило, заключённые УСВИТЛАГа* и договорники-дальстроевцы. Одновременно рос и социально-культурный сектор. В тот предвоенный год функционировали 6 стационарных, 8 кочевых школ, где работали 25 учителей и 4 воспитателя.

Район обживался неравномерно. Его территория простиралась от мыса Северного

* Один из лагерей Дальстроя. *Прим. ред.*

(м. Шмидта) на востоке до реки Большая Бараниха (Раучуа) на западе — более 600 км, и от побережья Восточно-Сибирского моря на севере до Анадырского плоскогорья на юге — около 400 км. Двадцать стойбищ оленеводов, от 1 до 5 яранг в каждом, из которых самым крупным было тогда Рыркайпийское стойбище, состоящее из 20 яранг.

Хозяйство богатого оленевода в среднем насчитывало более 2 тысяч голов оленей, тогда как в «бедняцко-батрацком» имелось не более 35 голов. Чаунская культбаза оказалась в окружении крупных оленеводческих хозяйств, имевших до 4–5 тысяч оленей каждое. И только вблизи Певека шли разработки касситерита — оловянной руды, там были задействованы тысячи подневольных горняков. К августу 1941 г. на базе районного геологоразведочного управления создали Чаун-Чукотское горнопромышленное управление Дальстроя.

Первые разногласия новой власти с оленеводами Чаунского региона произошли в связи с введением школьной системы образования.

Комплектование школ в этом районе Чукотки началось с организации стационарных школ, затем школ-интернатов и кочующих школ. Первую кочевую школу создали в 1933 г. для десяти учеников Эльвунейского национального сельсовета, но не без трудностей. Учителям мешала антисоветская агитация зажиточных оленеводов, незнание языка, обычаев и традиций чукчей, а также отсутствие учебно-методических материалов. В местах кочёвок бумагу заменяли ровдугой — замшей из оленьих шкур, чернила — соком ягод, в основном, брусники, прокипячённой с порохом.

Школы-интернаты формировались, главным образом, за счет детей оседлого берегового населения. Кочевники выступали против обучения детей в школах потому, что дети, выросшие не в кочевых условиях, после стационарной школы совершенно отвыкали от работы в стаде и до некоторой степени теряли физическую выносливость и необходимый оленеводу высокий уровень

развития органов чувств. Вследствие этого семья лишалась полноценного работника, столь важного в жизни хозяйства. А традиционно детский труд широко использовался в оленеводстве, — мальчики с 8 лет дежурили по ночам в стадах крупных оленеводов, и потому, когда приходила пора сезонных работ, родители забирали из школы детей в свое хозяйство.

Действительно, после окончания школы дети оленеводов, как правило, не возвращались обратно в места кочёвок, а оставались работать на культбазе и факториях. Вот родители и увозили детей в тундру, так как считали, что придёт время, когда некому будет выпасать оленей. Детей школьного возраста приходилось собирать на занятия усилиями не только педагогов, но и специальных отрядов из числа работников райисполкома. В беседах с родителями ликвидаторы безграмотности часто слышали: «Зачем учиться, оленей можно пасти и без науки».

Убеждали родителей и детей по-разному: 14-летнего мальчика Рольтынвата уговорили тем, что ему пообещали показать школу, напоить хорошим чаем, подарить новые брюки и рубашку, дать хлеб и сахар. А потом он сможет вернуться домой в тундру, пасти оленей.

Рольтынват согласился. Не убоявшись злого взгляда богатого оленевода Омруги, на которого батрачил, мальчик сел в байдару к учителям. После шести дней плавания, он прибыл в школу, где впервые увидел огромное для него количество ребят. Новизна обстановки захватила мальчика, он стал школьником и воспитанником интерната. Через несколько лет Рольтынват уже сам организовывал школы для кочевников, создавал первые общественные молодёжные организации — пионерские отряды и комсомольские ячейки из числа молодёжи Севера.

Не знали они тогда, в начале 1930-х гг., русского языка, не были знакомы с правилами гигиены и быта, удивляясь ежедневному туалету своих русских знакомых, ибо считали, что, умываясь, те «смыывают своё счастье», вредят здоровью. Интересно, что в

отчетах работы комсомола Чаунского района отмечалось: «в 1932 году умывалось 4 человека, год спустя – восемь, в следующем – уже тридцать восемь человек».

Традиционный образ жизни кочевников пытались изменить работники райисполкома, райкома ВКП(б) и комсомольцы, особенно в 1933 г., когда в районный центр Певек прибыл энергичный Наум Филиппович Пугачёв, первый секретарь РК ВКП(б)*. Его помощниками выступили сотрудники полярной станции с мыса Северный. Актив составили 14 партийцев, 14 комсомольцев, 11 пионеров, но ударной силой можно было считать учителей, которые через молодёжь влияли на взрослых. Такова была тактика властей того времени. В том же 1933 г. с помощью полярников были созданы первые школы в Рыркайпийи и Пильхине, в 90 километрах к западу от мыса Северный (м. Шмидта).

Гидрометеоролог Н.И. Толстикова и учитель Н.М. Мех организовали из школьников Рыркайпия хор и оркестр. Спектакли и танцы, общественная активность детей коренных северян, обучение их русской культуре, казалось, отвечали всем требованиям идеологической жизни предвоенной Чукотки.

Учитель Пильхинской школы Николай Шундик на заседании Шмидтовского сельского исполкома докладывал о своей работе в стойбище оленевода Тэнэнькау. Узнав от кочевника Нотана о том, что в этом стойбище 7 детей школьного возраста, Шундик попытался их найти. Несмотря на то, что Тэнэнькау разогнал родителей вместе с детьми по дальним пастбищам, всё же педагог сумел организовать кочевую школу для пяти из них. Причём помогли ему бедные оленеводы – Укрыльтын и Тнатлин.

В условиях скрытого и явного сопротивления к 1937 г. удалось обучить 39 человек. А в 1939–1940 учебном году в Чаунском районе действовали 14 школ, в которых из 189 учащихся было 100 детей кочевников.

Но партия требовала ускорения социаль-

но-экономического развития региона, интенсивного социалистического строительства, и в районы кочёвок направляются специальные бригады, состоящие из партийно-комсомольского актива, работников райисполкома, педагогов для организации культурно-просветительской деятельности.

Полярники мыса Северный провели ещё в 1936 г. перепись населения, выяснив, что в Рыркайпийской тундре было два крупных оленеводческих хозяйства с общим поголовьем в 4,5 тысячи, а в Пильхинской тундре – три хозяйства с поголовьем в 7,5 тысяч оленей и одно хозяйство в 12 тысяч голов. На шесть кулаков, сообщали зимовщики, батрачило более 40 семей. По Рыркайпийской и Пильхинской тундрам кочевало 15 хозяйств середняков. Бедняки, составлявшие большинство жителей тундры, в лучшем случае имели по 20 оленей, но воспроизводство такого стада не обеспечивало сытой жизни. Поэтому они шли в кабалу к кулакам и отдавали в их стада своих оленей.

В 1940 г., накануне введения сельхозналога, на Чукотке проходила инвентаризация оленеводческих хозяйств. Кулаки Пильхинского и Рыркайпийского сельсоветов, 15 хозяйств, откочевали в Анадырский и Марковский районы. Среди них были, как сообщают архивные документы, оленеводы Гелю, Геманькау, Кероль, Метенаургин, Митивтегин, Натаквун, Пытто, Тынакыргын, Тынерультын, Тынет, Тырко, Укваутагин, Ульвене, Ятыргин.

Зажиточный оленевод Гыргольтынау из Пильхинской тундры в марте 1941 г. заявлял: «Я платить налог не буду. Скорей уезжайте, а если кто-нибудь приедет из русских, то я буду убивать. У меня есть три винчестера новых, американских, два лука и копё. Я жён вооружу винчестерами, а мы с сыном будем стрелять из луков. У меня три жены, и они могут хорошо стрелять».

В 1938 г. крупные оленеводы, убеждённые противники советской власти, избежавшие коллективизации, сгруппировались в системе Чаунского водораздела и были недосыгаемы для органов советской власти.

* Районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). *Прим. ред.*

Настроения богатых оленеводов выражали шаманы.

В селении Пильхино шаман Эткано призывал земляков: «Не отдавайте детей в школу, так как русские скоро перестанут нам надоедать. С нами их скоро не будет».

Н.Е. Шундик в 1941 г. из Пильхино общал в Чаунский райком партии: «...ко мне приехали Мех, Кагле, Тнатлин. Рассказывали о постоянной контрреволюционной агитации шамана Ваннакат, кулаков Кукену, Тэнэнькау, Тнэт, которые всюду агитировали не признавать Советскую власть, требовали уходить дальше в тундру, чтобы избавиться от русских...».

Это были далеко не единичные случаи сопротивления власти и социалистическому образу жизни. Как выяснил историк И. Гарусов, кулаки Усть-Чаунского сельсовета, узнав о том, что к ним едут представители райисполкома, заранее провели своё совещание, на котором были Метеоургин, Ольшеургин, Етукелен, Кергуйе, Сешан-Рольтыргин. Договорились временно распустить пастухов, разделить крупные стада по хозяйствам малооленных бедняков, сыновей и родственников, чтобы не платить больших налогов.

А Сешан-Рольтыргин вовсе откочевал в Анадырский район. Вслед за ним откочевали несколько семей из колхоза «Теркыпхат» («Восход»). Часть семей колхоза «Энмитагин» вышли из него и вновь обосновались в кулацких стойбищах. Демонстративный выход не согласных с коллективизацией сопровождался открытым вооружённым выступлением оленеводов.

В совхозе «Певек» стада №1 и №2 были плотно окружены кольцом кулацких хозяйств: с юга и востока паслись 2000 оленей Гемавге, с севера впритык кочевали Аттыкай и Вальгыргин со стадами в 6000 и 2000 оленей, с запада подошли Эхтыкай и Пелельтагин, общая численность их оленей составляла 600 голов.

Все они не только боролись за лучшие пастбища, но и умышленно перемешивали стада, а затем угоняли колхозных оленей. Тенелькут, например, присвоил себе 1000

колхозных оленей и отправил их в верховья реки Анадырь с надёжными пастухами. Сам же продолжал кочевать в Чаунском районе. Колхозные пастухи обнаруживали своих оленей у зажиточных оленеводов даже в тех случаях, когда последние умудрялись менять тавро, как это сделал, например, некто Вальгыргин.

В июле 1941 г. Чаунскому райкому партии стало известно, что кулаки Ранавтагин, Тыпельхин, Пелягыргин втянули в заговор бедняков Вельвырультына, Тымнэ, Вельвута и договорились убить русских. Были застрелены уполномоченные райкома и райисполкома Братышкин, Шоломов, Лилигодин. Деньги, находившиеся при них в сумме довольно большой – 132 тысячи рублей, убийцы разделили между собой, одежду сожгли, а трупы заложили камнями.

В этих условиях рос авторитет шамана Вапыска. Родился он в 1899 г. в тундре. К моменту ареста это был зрелый человек, уважаемый кочевниками Рыркайпия. К его мнению прислушивались, хотя был Вапыска небогатым оленеводом – всего 22 личных оленя имел, а для содержания семьи чукотскому оленеводу требуется около 200 голов. Вапыска обвинялся в серьёзных преступлениях, в частности, «среди кочевого населения Рыркайпийского сельсовета он систематически проводил антисоветскую агитацию, направленную на срыв партийно-советских мероприятий, проводимых в тундре».

В результате кочевники района отказывались от уплаты сельхозналога, проведения инвентаризации своего хозяйства, вступления в товарищества и направления своих детей в кочевые школы. Этого было достаточно для ареста Вапыска в мае 1941 г. по пресловутой 58-й статье УК СССР.

Этому предшествовало постановление Рыркайпийского сельсовета о принятии мер «к изъятию» Вапыска и свидетельские показания уполномоченного Чаунского райисполкома В.В. Овтина, в которых он подтверждал его антисоветскую деятельность:

«Вапыска заявил, что он своих детей в школу посылать не будет, так как им нужно

учиться пасти и сохранять оленей, а в школе им делать нечего, и пусть учатся дети членов товарищества по совместному выпасу оленей. В своей яранге в присутствии меня и Рынтыргина Вапыска заявил: «В товарищество вступать не буду. Советскую власть я не признаю, я сам хозяин в тундре, в своём стойбище организовать школу не разрешу, в тундре много болеет народу в связи с тем, что сюда ездят русские, будет время, когда будет много умирать народу».

В следственном деле, с которым я знакомился в архиве УФСБ по Магаданской области, были и другие свидетельские показания. Да и сам Вапыска не скрывал на следствии своих взглядов.

Чукотский окружной суд в июле 1941 г. осудил его на 10 лет заключения и по отбытии наказания к лишению избирательных прав на два года. Однако в том же месяце Вапыска ушёл в побег, хотя прокурор в ордере на его арест 3 мая 1941 г. предупреждал: «Он может скрыться от органов следствия и помешать ходу расследования по его преступлениям и, учитывая <это, считать> его социально опасным».

Небольшого роста, коренастый и лысоватый Вапыска с именем, означающим «чесотка, болячка», не располагал к общению. Рябое лицо пережившего оспу человека с бельмом на правом глазу внушало кочевникам мысль о том, что он — оленевод необычный, преодолевший смерть. И когда Вапыска предупреждал земляков, чтобы они не давали считать оленей, иначе будет падёж животных, то это звучало и как угроза наказания. Даже своему брату Нотату он обещал оторвать голову за сотрудничество с властями. В стойбищах Топынкэу, Гето, Кукэну, Темергина люди готовились откочевать далеко в тундру, туда, куда русские не доедут.

В Рыркайпии проживало всего 45 взрослых, 18 детей школьного возраста и около 20 школьников, но привлечь их всех в школу не удавалось. Особенно сложно было учителям и советским работникам трудиться в глубинных тундровых стойбищах, и они решили организовать для юных северян коче-

вые школы. Учителя Н. Шундик и Н. Мех выехали в тундру, однако, несмотря на разъяснительную работу сотрудников райисполкома из числа местных жителей, В. Овтина, И. Рынтыргина, Укрольтына, в 1940 г. привлечь детей к учебным занятиям не смогли. Беседы в стойбищах Гемо, Топенкэу, Кукэну, Гаймалькова положительных результатов не дали. Слишком сильным было влияние шамана Вапыска.

Он заявлял: «Детям нужно учиться выпасать оленей, охранять стадо, поэтому нельзя их послать в школу. Там могут учиться дети лишь тех, кто согласился вступить в «совместное товарищество по выпасу оленей». Сам Вапыска сельхозналоги уплатил, инвентаризацию личного хозяйства провёл, а другим запрещал это делать.

Вапыска обладал сильным характером и шаманским авторитетом, хотя сам батрачил на Топенкэу, владельца крупного 12-тысячного стада оленей. Он добился того, что во всех 15 стойбищах советскую власть воспринимали формально, а фактически сопротивлялись её мероприятиям. Как поступить оленеводу, если Вапыска предупреждает: «Кто вступит в товарищество, тот пропащий человек. Русские заберут оленей!».

Н.Е. Шундик в романе «Олень у порога» (1989) дал свою характеристику шамана: «Ятто пытался объяснить силу Вапыската. Он мог целыми сутками возиться с оленями наравне с пастухами, особенно в пору оленьего гона, в месяц отёла. Любил Вапыскат мастерить нарты, обучать ездовых оленей, и тут ему не было равных. Умел он выбирать выгодный кочевой путь».

Может быть, природный ум подсказал шаману, что нужно вести независимый образ жизни, чтобы сохранить культуру народа, не забыть навыки, семейные традиции и язык в русском обществе? Однако его инакомыслие было наказано десятью годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях.

В камеру предварительного заключения в Певек его доставили 10 мая 1941 г., а через месяц Вапыска бежал, да не один, а с большой группой заключённых, в состав ко-

торой входили большесрочники, уголовники и политические заключённые. Беглецы уходили вдоль морского побережья, поставив своей целью добраться до Берингова пролива. Встречая на пути небольшие стойбища, посылали разведчиком шамана, а затем всех свидетелей убивали.

Беглецы шли через селения Шелагский, Шалаурова Изба, Валькарай, Пильхин.

В. Гончаров, бывший учитель Шмидтовской школы, вспоминал, как в составе оперативной группы вместе с коллегами, педагогами Н. Лаптевым, Ятгыргиним, Зориным, Бойко, он участвовал в преследовании беглецов. Увидев тела женщин, детей в разорённых стойбищах, они не могли сдержать свой гнев, однажды даже самосуд устроили. Л.И. Крылова (Гончарова) в 1941–1942 гг. работала секретарем сельсовета. Она рассказала, что от рук заключённых-беглецов тогда по Пильхинскому сельсовету погибло более 20 человек.

Почти всех беглецов вернули в Певек, хотя они уже дошли до Колючинской губы, но шамана так и не нашли.

З.И. Етувгье вспоминала, что лагеря были в Певеке и на мысе Шмидта. Школьницей во время войны она наблюдала, как лагерникам из Шелагского привозили мясо нерпы, а с Усть-Чауна доставляли рыбу, как правило, в обмен на товары, необходимые коренным жителям. Её мать на куче угля всегда оставляла мясо для лагерников, которые позже, тайком забирая съестное, тоже оставляли какие-то вещи. В 1941 г. она часто слышала стрельбу в районе лагерей, знала о большом побеге заключённых, об их упорном сопротивлении, о том, что они отстреливались до последнего патрона.

Любопытен один факт, о котором она писала в анадырской газете «Мургин нутенут» в 1995 году: «Так, в 1947 г. один убежавший уничтожал пастухов и их детей. И даже собак уничтожал, только одну собаку оставил, взял полог, мясо и оделся по-чукотски. С собакой он скрылся на берегу речки. Преследователи услышали лай собачки, и это навело на след спрятавшегося беглеца.

Попытались его взять живьём, отстреливался долго, пришлось застрелить». Етувгье не говорила о национальной принадлежности беглеца. А, может, это был Вапыска?

Только в 1989 г. областная прокуратура приняла решение о том, что приговор суда 1941 г. был не обоснован: «Все его действия и высказывания объясняются отсутствием должной идеологической и воспитательно-просветительской работы среди неграмотных, отсталых народностей Крайнего Севера, в том числе – среди чукчей».

Но так ли это? Прокурор области Н. Рамзин отмечал: «Вапыска высказывал свои суждения по отношению к проводимым мероприятиям советской власти, как он их понимал и слышал о них от других без всякой контрреволюционной цели и направленности. Правильно установив фактические обстоятельства дела, органы правосудия и следствия дали неверную юридическую оценку, необоснованно расценив их как контрреволюционное преступление».

А если оценить поступки шаманов как людей, формирующих мировоззрение соплеменников? Что защищал Вапыска? Наверное, он оказался прав, отстаивая свою культуру, свою цивилизацию от европейского влияния.

Чем закончилась для оленеводов Чукотки всеобщая ликвидация неграмотности и коллективизация, нам известно, как и насильственная кампания по внедрению школ-интернатов для коренного населения. Дети, лишённые семьи, теряли связь со старшими поколениями, приобретали пороки европейской цивилизации, выраженные в чудовищной форме, и эти пороки до сих пор – социальная боль северян. А ведь этнографы предупреждали власть: нельзя перекраивать образ жизни революционным путем! Метод социалистической атаки на устои чукотской семьи, против которого выступал Вапыска, подтвердил правоту шамана Рыркайпийской тундры.

Понимала ли это его жена Выквына? Понимали ли это его сын и дочь, которым в 1941 г. было 3–4 года? Понимают ли это сегодня современные представители молодёжи народов Севера?

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ПО-ЧУКОТСКИ

Борис Михайлович Андронов (1924–2004) в 1951–1958 гг. был старшим оперуполномоченным окружного отдела МГБ СССР и участвовал в коллективизации оленеводов-единоличников Осиновской, Мухоморненской, Амгуэмской и Канчаланской тундр. Это была последняя крупномасштабная акция такого рода, проведённая органами советской власти на северо-западе Чукотки в 1951–1952 гг., после разгрома оленеводов южной Чукотки в 1940 г. и 1949 г. Свои воспоминания Б.М. Андронов написал в середине 1980-х гг.; они издавались выборочно, под его именем или в изложении других авторов. Данная публикация – часть рукописи, присланной Андроновым в Чукотский окружком КПСС, которую сохранил и предоставил для настоящего издания И.Г. Рига.*

Ценность публикуемых материалов несомненна. В них точно отражены трагические события, которые вместе с аналогичными мероприятиями в других регионах Чукотки привели в дальнейшем к упадку всего чукотского оленеводства.

Автор, ничего не понимающий в оленеводстве, но искренне уверенный в необходимости коллективизации, невольно показал всю её изнанку. Так, стада оленей, отнятые его оперативной группой у богатых оленеводов, нищие колхозы должны были выкупать у государства за очень большие деньги – один олень стоил тогда 300 руб. Советское государство, как настоящий спекулянт, продавало беднякам то, во что не было вложено ни копейки государственных денег, а только труд этих же бедняков, ещё недавно работавших на так называемых кулаков. Потому-то автор, передав колхозам многотысячные стада без всякой расписки, действительно сделал доброе дело и был жестоко наказан за него советской властью, которой служил верой и правдой.

При редактировании мы не правили стиль и язык автора – они очень точно отражают время событий и психологию их участников.

Л. Богословская

Время неумолимо отсчитывает месяцы, годы, десятилетия. Минуло уже более тридцати лет с тех пор, когда была завершена коллективизация на Чукотке.

По решению партийных и советских органов округа и области, это мероприятие должно было завершиться в 1951–1952 гг. И вот, в феврале 1952 г. из тундры был выдворен последний крупный кулак Итаукай, и на всей территории обширной Чукотки ис-

тинными хозяевами пастбищ и оленей стали пастухи-олeneводы, ранее бесправные люди.

Время идёт...

Всё меньше остается в живых участников этих событий, людей, которые ставили последнюю точку в деле коллективизации.

Погиб в сентябре 1951 г. в верховьях реки Амгуэмы сотрудник МГБ, лейтенант Молдованов Карп Павлович, умер наш мужественный товарищ Тумгекай Александр Иванович, инструктор окружного исполкома. Позже в авиационной катастрофе трагически погиб Рутьтеггин Иван Иванович, ездивший с

* Министерство государственной безопасности. *Прим. ред.*

нами в качестве представителя окружкома партии и переводчика, впоследствии депутат Верховного Совета СССР и председатель окрисполкома. Погиб при исполнении служебных обязанностей в 1967 г. Борисов Борис Петрович. От руки предателя пал наш верный товарищ Рультилькут, сын арестованного кулака Нотанвата.

Наверное, нет в живых и многих участников этих событий из числа коренных жителей тундры, которые сыграли немалую роль в успешном завершении коллективизации на Чукотке.

Эти воспоминания я пишу ради памяти товарищей, которые самоотверженно, не считаясь с большими трудностями и лишениями, а порой и опасностями, шли в тундру, чтобы нести туда правду о Советской власти, о гуманных законах, охраняющих благополучие тружеников.

События, даты, имена здесь все истинные и основываются на документах. Но времени прошло уже много, а человеческая память не всегда может долго держать мелкие подробности того или иного события, поэтому повествование может показаться суховатым.

К началу пятидесятых годов на Чукотке сложилась весьма своеобразная обстановка. В ту пору округ практически ещё не имел органов управления на обширнейшей внутренней территории.

В предвоенные годы в основном осваивались самые доступные прибрежные и восточные районы и места, расположенные по долине реки Анадырь. Здесь строились и расширялись административные центры, школы, фактории, радиостанции, а добираться до более глубинных районов округа пока не было сил и возможностей. И в глубинных местах, в горах и тундрах, в сотнях километров от берега моря и населённых пунктов, по-прежнему хозяйничали единоличники и кулаки. Они, собравшись в стойбища порой по 15–20 яранг, кочевали в труднодоступных, но пригодных для выпаса оленей местах.

В конце сороковых и начале пятидесятых годов были известны такие группы кочевни-

ков: Осиновско-Мухоморненская (с районом кочёвок в верховьях реки Танюрер и предгорьях Пикульнея) и Амгуэмская (кочующая по всей долине Амгуэмы, особенно в её верховьях). Обе к лету старались откочевать на восток, ближе к морю, в Чукотский район.

Самыми состоятельными хозяевами были кулаки Олель – в Мухоморненской тундре, Итаукай – в верховьях реки Танюрер, и Нотанват – в Амгуэмской тундре. Кроме них, в тех же местах скрывались кулаки меньшего размаха и достатка, имеющие в своих хозяйствах оленей по пятьсот-восемьсот голов, иногда более тысячи. Все без исключения имели батраков, иногда состоя с ними в родстве, что не мешало их беспощадно эксплуатировать. К таким кулакам относились Ныкват, Омрыквот, Айвэргин, Тымненкау, Омруге, Рультинтыгреу, Кергиятыргин, Георагтын, Ыттытегин, Кергинто-Экелейвын.

Около этих состоятельных тундровиков лепились мелкие хозяева, иногда влачащие жалкое существование. Наконец, были там и обездоленные батраки, целиком и полностью зависящие от своих хозяев, которые ими помыкали и распоряжались безраздельно и беспощадно. О каких-либо законных нормах отношений не могло быть и речи.

Мало того, кулаки и их приспешники систематически запугивали окружающих тем, что Советская власть отберёт у них оленей, одежду, детей, настраивая при этом всех уходить как можно дальше в горы и скрываться от русских...

21 марта 1951 г. в 14 часов в кабинете первого секретаря окружкома партии Петрова было совещание. Иван Петрович заявил, что пора устанавливать советскую власть на всей территории Чукотки. Мы ведь остались единственным районом в стране, где сохранились кулаки. Затем выступил Иван Иванович Дубинский, начальник окружного отдела МГБ.

Он проинформировал присутствующих об обстановке в округе, рассказал о местах скопления единоличников.

Тропою Богораза

Здесь же, на совещании, было принято решение о посылке в глубинные места Чукотки нескольких комплексных, если так можно выразиться, оперативных групп для проведения коллективизации и нейтрализации влияния кулаков.

МУХОМОРНЕНСКАЯ ГРУППА

Одним из самых больших скоплений единоличников оказались районы Мухоморненской и Осиновской тундр. Там, по данным Мухоморненского сельсовета, кочевали большие стада крупных кулаков – Олеля, Омрычайвына, Тнаургина, Рагтувье, Кеутегина. Из них самым крупным считался Олель. В его собственности было около семи тысяч оленей, а выпасали их более тридцати работников-батраков. Его влияние на кочевников было огромно. Не меньшей властью обладала и его жена. Например, когда она пускалась в путешествие по некоторым стойбищам, об этом заранее становилось известно. Ещё издали увидев приближающиеся упряжки с «царицей», жители выбегали навстречу, раболепствуя, выпрягали оленей и на себе ввозили её в стойбище, доказывая таким образом свою преданность её мужу, хозяину всей тундры.

Поэтому неудивительно, что одним из первых решено было раскулачить и развенчать как самозванного властелина его, Олеля.

В Мухоморненскую тундру в начале апреля 1951 г. и выехала первая бригада партийных и советских работников. В её состав вошли: председатель Мухоморненского сельсовета Рультынкеу Иван Иванович, переводчик и инструктор окружкома партии Рультытегин Иван Иванович, член окружного суда Рыбачук Павел, адвокат Егоров, председатель колхоза имени Первого ревкома Чукотки Годлевский, работник милиции Дьячков, налоговый инспектор Мищенко Михаил Николаевич, зав. райфо* Григорьев Александр Иванович, помощник прокурора округа Романов Сергей Павлович, работ-

Сидя на этом совещании, мы ещё мало представляли себе, какая огромная и невероятно трудная задача досталась нам, сколько придется поработать в сложнейших условиях, пережить, встретить настоящие человеческие трагедии и радости.

ник окротдела МГБ Никишин Сергей Леонтьевич.

Выездная группа на месте установила, что Олель систематически уклоняется от уплаты налогов. Финансовые работники подсчитали, что он задолжал государству около 800 000 руб.

Здесь же, на месте, суд под председательством Рыбачука рассмотрел дело о злостном уклонении Олеля от уплаты налога и вынес решение взыскать с него указанную сумму, а самого, согласно соответствующим статьям Уголовного кодекса, подвергнуть лишению свободы. Свидетелями на суде выступили бывшие его батраки – Котыргин, Гымкот, Гуворольтын, Тымнелькот, Кены, Роктыргын, Вуквукай.

В этой группе по проведению коллективизации произошел трагический случай, как отзыв слепой веры в могущество шаманов.

Когда в стойбище Олеля велась работа по коллективизации, стада, принадлежавшие ранее ему, выпасались неподалеку. Вдруг в стойбище, погоняя оленей врывается пастух одного из стад и заявляет:

– Приехал шаман Етаургин, отбил полстада оленей и погнал их в сторону гор!

Председатель сельсовета Рультынкеу быстро сел на упряжку этого гонца, взял винтовку и помчался в стадо.

Часа через два он догнал беглеца и потребовал от шамана повернуть стадо. Етаургин категорически отказался это сделать, заявляя, что стадо подарил ему Олель и он оленей не отдаст. Представитель власти, видя, что уговоры на строптивного шамана не действуют, и не найдя иного выхода, пригрозил ему оружием. На это шаман ответил:

* Районный финансовый отдел. *Прим. ред.*

— А я твоей винтовки не боюсь, меня пуля не пробьёт!

Рультынкеу сначала растерялся. А вдруг и, правда, его пуля не берёт? Недолго думая, решил проверить шамана на пробиваемость. Передёрнул затвор, прицелился и выстрелил. Шаман рухнул на снег. Испугавшись содеянного, незадачливый атеист сел на нарту и помчался в стойбище.

Узнав о случившемся, судья, прокурор, фельдшер и другие члены бригады поспешили на место происшествия. Стрелявший показал место брани, но... шамана там не оказалось. Действительно, может быть, он непробиваемый? Нет, конечно, чудес не бывает. Метрах в двухстах, в стороне, он лежал в кустарнике без сознания. Ему оказали помощь и доставили в стойбище.

Работа выездной группы оказалась успешной и результативной: конфискованные у Олеля олени весомо пополнили стадо колхоза, а батраки, работавшие на него, всту-

пили в колхоз и стали свободными людьми. Участь всех кочевников Мухоморненской тундры таким образом была решена.

Как выяснилось впоследствии, Олель и его приспешники — кулаки Тнаургин, Рагтувье, Тнанто, Кеутегин — были крайне злобно настроены в отношении Советской власти, вели организованную антисоветскую деятельность, направленную на срыв мероприятий, проводимых партией и Советским правительством. Они систематически встречались, обсуждали планы неподчинения Советской власти, проводили злобную антисоветскую агитацию, запугивали кочевников, используя незнание ими законов государства.

Окружные власти, прокуратура действия этой группы кулаков оценили как крайне опасные и нежелательные, и вынесли решение об изъятии этих людей из тундры.

За враждебную деятельность против Советской власти все они впоследствии были осуждены.

АМГУЭМСКАЯ ГРУППА

В среднем течении реки Амгуэма кочевала ещё одна группа единоличников, которые не желали подчиняться законам Советской власти.

В этом районе зимой 1951 г. и оказался со своими стадами крупный кулак Нотанват (у него было более семи тысяч оленей) и ещё ряд зажиточных хозяев — Рультынтыгреу, Кергиятыргин, Экелейвын, Георагтын, Ыттытегин, Кергинто, каждый из них имел более тысячи оленей. Их стада выпасали батраки, и некоторые богатые оленеводы бесчеловечно относились к своим работникам.

Батрак Омрувье, например, 28 декабря 1951 г. рассказывал:

— Я работал на кулака Ыттытегина, который ни мне, ни другим батракам не платил ничего, а давал только оленей на кочёвку и кормил. Кормил очень плохо, давая отбросы, которые остаются от забоя оленей. Кроме этого, он часто бил своих батраков и издевался над ними. Так, в ноябре 1950 г. он из-

бил батрака Нетаургина за то, что его щенок напугал оленей Ыттытегина. Однажды избил меня за то, что я пришёл из стада голодный и съел, по его мнению, много мяса. А в марте 1950 г. он в сильную пургу заставил меня и Этерультына раздетыми бороться на улице, при этом Этерультын обморозил руки.

Большое скопление стад единоличников в долине реки Амгуэмы стало наносить ощутимый ущерб угодьям колхоза «Тундровик». Единоличники попросту стравливали лучшие пастбища, принадлежащие колхозу. В сельсовет стали поступать жалобы на погромы.

Для проведения работы среди этих кочевников в апреле 1951 г. отбыла на самолете группа во главе с Молдовановым Карпом Павловичем, старшим оперуполномоченным Чукотского отдела МГБ. В эту же группу вошли инструктор окрисполкома Тумгекай Александр Иванович, представитель финотдела Григорьев. На месте назначения к ним присоединились председатель Конергинско-

Тропою Богораза

го сельсовета Анкай, охоторганизатор Крестовского торгово-заготовительного пункта Сергеев Максим Григорьевич. Им не составило особого труда найти большую группу кочевников, располагавшихся недалеко от Дальстроевского населенного пункта «87 километр».

Кулак Нотанват, приглашённый для беседы в посёлок, был предупреждён, чтобы без разрешения руководителя бригады никуда не уходил. Видимо, испугавшись запрета и зная свои «грехи» перед Советской властью, он смалодушничал и покончил жизнь самоубийством – удавился на шнурке от брюк.

Вот ведь как может получиться в жизни: сын Нотанвата, Рультылькут, парень лет двадцати, пошёл по иному пути, чем отец. Он стал очень активно помогать работникам бригады в разоблачении преступной деятельности отца и его приспешников. Парень он оказался очень любознательный, энергичный, сообразительный. Ему хотелось побывать в Анадыре, посмотреть на этот очень большой, в его понимании, посёлок. У руководителей группы такая возможность была, и мечта Рультылькута сбылась. Более месяца он прожил в окружном центре, не переставая удивляться увиденным там чудесам.

Вернувшись в колхоз, стал активным его членом, добросовестно работал, выпасая оленей. Но он не знал, что его ждет беда. Однажды нам в Анадыре стало известно, что Рультылькут при переправе через реку погиб. Расследовать этот факт и внести ясность в причины гибели было поручено мне. Проверка показала, что он погиб действительно в районе переправы через реку. Но он не утонул, а его убил, используя удобный случай, бывший батрак Нотанвата Герголькау, фанатично преданный своему хозяину.

Оказывается, Нотанват завещал Герголькау убить Рультылькута, если тот пойдёт работать в колхоз. Завещание было выполнено. Мы нашли на берегу реки только разложившиеся останки трупа Рультылькута. Преступник за совершённое убийство понёс

суровое наказание, но мы потеряли отличного товарища. Вот вам и выкрутасы классовой борьбы!

На базе оленьих стад Нотанвата и других единоличных хозяйств был образован колхоз «Полярник». Судьба его была весьма странной: хозяйство создали на территории Чукотского района очень далеко от райцентра – километров четыреста-пятьсот. Руководители района в этот вновь созданный колхоз и не показывались. Кадров для руководства хозяйством взять было негде. Дело дошло до того, что председателем колхоза был поставлен киномеханик Красной яранги, кочевавшей в тех краях. Это молодой парень по фамилии Кулиш, лет двадцати двух от роду, совершенно неопытный в жизни человек. Конечно, работу должным образом он организовать не мог.

Позже, когда была создана Магаданская область, организовали и Иультинский район с центром в Эгвекиноте, тогда колхоз зажил полнокровной жизнью.

К лету 1951 г. в распоряжении руководящих органов округа были уже довольно достоверные и полные сведения о местах расположения единоличных хозяйств в тундре. Оказалось, что не тронутыми коллективизацией районами остаются верховья рек Амгуэма и Танюрер. Там скрываются от Советской власти единоличники во главе с крупным кулаком Итаукаем.

Были получены данные о том, что там кулаки ждут бригаду советских работников с наступлением зимы – по санному пути – и готовят засаду в удобном для этого месте (а в горах их было много!). По их расчётам, бригада должна двигаться с юга, от Анадыря, по долине реки Канчалан, с переходом далее в верховья реки Танюрер.

Взвесив все обстоятельства, мы решили не ждать наступления зимы, а снарядить очередную оперативную группу с задачей достичь стойбищ единоличников ранней осенью, когда нас ещё не ждут. Самым лучшим вариантом был признан поход через Эгвекино́т, далее через посёлок «87 километр»,

вверх по течению реки Амгуэмы, заходя, если выразаться военным языком, с тыла — оттуда, откуда не ждут.

Бригада была сформирована в составе:

секретарь Анадырского райкома партии Черепанов Геннадий Терентьевич;

инструктор окрисполкома Тумгекай Александр Иванович;

заведующий Анадырским райфинотделом Образцов;

сотрудник окружного отдела МГБ Молдованов Карп Павлович;

сотрудник окружного отдела МГБ Андронов Борис Михайлович.

В Эгвекиноте к нам присоединились торговый работник Ванкаремской торгово-заготовительной конторы Шишканов Фёдор Васильевич и фельдшер Красной яранги Алексеев.

В конце августа наша группа появилась на фактории в посёлке «87 километр». Началась подготовка к походу. Работа, надо сказать, кропотливая и трудоёмкая, не терпящая поспешности, ведь идём на отрыв от жилья. В один из подготовительных дней и появился на фактории Нотаткин. Мы обратили внимание на энергичного и уверенного в себе парня, который сравнительно хорошо изъяснялся по-русски. Его обстоятельные рассказы об обстановке в тундре помогли нам в работе, в подборе людей и маршрута движения.

Очень интересна и характерна его судьба. В верховьях реки Амгуэмы обособленно от других располагался со своим стойбищем хитрый и жадный кулак Уаыргин. Его двухтысячное стадо выпасали более десяти батраков, среди них молодой пастух Нотаткин. У хозяина была красавица дочка, которую полюбил этот парень. Конечно, Уаыргину не хотелось отдавать дочь за неимущего пастуха, однако его жадность проявилась и здесь. Он поставил жениху условие: отработай у меня три года, тогда получишь дочь в жёны. Нотаткин отработал добросовестно условленный срок, но отец невесты и не думал выполнить своё обещание. Он долго беседовал с Нотаткином, считал, подсчитывал, выдвигал

какие-то доводы, и получалось, что жених ещё должен работать по меньшей мере года три. Куда же денешься? Начал трудиться в счёт второго срока.

Сам Уаыргин побаивался появляться в населённых пунктах, где можно было продать пушнину и купить необходимые товары. В таких случаях он посылал туда Нотаткина, который выполнял его поручения.

Встретив нас, Нотаткин рассказал о своём горе. Мы разъяснили ему, что, по законам Советской власти, отрабатывать за невесту не положено и он может на ней жениться, если оба они этого желают. Если же он поможет нам как проводник, то дело с женитьбой у него ускорится. В дальнейшем он нам очень много и добросовестно помогал.

Через некоторое время на факторию пришли ещё два кочевника, два брата. Их звали Восхыргин и Келевье. Эти ребята тоже дополнили наши сведения о группе кочевников, скрывавшихся в верховьях Амгуэмы.

Сборы наши подходили к концу. Запаслись почти всем, что необходимо будет в дальнем и длительном пути. Перед самым отходом в тундру руководство «Чукотстроя» попросило включить в нашу группу Светлова Ивана Васильевича — военнослужащего внутренних войск для поиска беглого заключённого.

До водораздела рек Амгуэмы и Танюрера, где находились стойбища единоличников, по нашим расчетам и по карте, — около трёхсот километров, да ещё столько же, если не более, до Анадыря. И всё время нахождения в пути в глубинной тундре мы не будем иметь никакой связи с внешним миром. Для транспортировки снаряжения приобрели в недавно созданном колхозе «Полярник» оленей, которых поведут несколько человек из этого же колхоза. Снега ещё нет, поэтому на оленях придётся везти только поклажу, а самим идти пешком.

Наконец, 21 сентября вышли из посёлка Амгуэма и двинулись вдоль правого берега реки. Сначала, как всегда, то и дело возникали неполадки, мы останавливались, устраняли их, двигались дальше, опять ос-

Тропою Богораза

танавливались, и так до бесконечности. За день прошли километров 15–20, но устали изрядно. Первая ночь под открытым небом, у костра – палатки у нас не было, а найти подходящую в Эгвекиноте мы не смогли.

Утром, не выспавшиеся, но бодрые от холода, тронулись в путь. Снега всё нет, но морозы начали уже сковывать землю и стоячие водоёмы.

Наш отряд всё ещё двигался по правому берегу реки. В середине третьего дня пути мы увидели на другом берегу две яранги и людей около них. Пройти мимо и не побеседовать с хозяевами стойбища было бы непростительно, тем более там можно получить новые данные о местах расположения кулацких хозяйств.

Чтобы не переправлять через реку весь караван, решили, что все остаются на этом берегу, разбивают лагерь, отдыхают, кормят оленей, а Молдованов, Тумгекай, Светлов и я переправляются на другой берег за пределами видимости из стойбища. Мы уверены, что за нами очень внимательно оттуда следят.

Река в месте намеченной переправы имела ширину метров 150–200 и очень быстрое течение. На воде уже появились шуга и тонкий мелкобитый ледок. Условия трудные, но переправиться нужно во что бы то ни стало. Но как переправиться? В данных условиях только один способ – переправа вброд.

Раздеваемся до нательного белья, надеваем сапоги без портянок, сворачиваем одежду в узел, складываем в него документы, спички, в руки винтовку для опоры на дно. И вот, жонглируя над головой узелком с вещами, опираясь на винтовку, тихо начали двигаться. Вода обжигает, как кипятки, течение рвёт и вот-вот опрокинет, дальше к середине всё глубже, вернуться теперь невозможно, при развороте обязательно опрокинет. Но вот дно пошло на подъём, пройдена самая быстрина, и наконец благополучно добрались до берега.

Немедленно снять бельё, выжать его, вылить из сапог воду – дело двух-трёх минут. Снова одеваем поневоле «выстиранное» бельё, амуницию, километра два бегом, толь-

ко бегом, чтобы согреться. Таким способом мы переправлялись несколько раз.

Подошли к ярангам, где нас встретили две женщины, а вскоре появились двое мужчин, хозяева этих яранг. В разговоре чувствовалось, что они пытаются «прощупать» нас, узнать о цели нашего движения. О местах кочевков единоличников они отвечали уклончиво, ссылаясь на то, что давно не были у соседей. Как выяснилось впоследствии, эти люди были как бы передовым дозором, выдвинутым кулаками для наблюдения за возможным появлением советских работников в тундре, для оповещения их об этом. Для зашифровки наших целей мы сказали им, что разыскиваем группу топографов, с которой потеряна связь.

Наш путь продолжается. Все почти втянулись в походную жизнь. Тяготы её уже не казались нам такими мучительными и непреодолимыми. Впереди, на одной из господствующих высот, с которой местность просматривалась на много километров вокруг, мы ещё издали в бинокль увидели одинокую ярангу. Оказалось, что и это один из сторожевых постов, выдвинутых вперёд. Наши сведения о расположении стойбищ хозяева яранги Тымненкау и Аре не пополнили. Не теряя времени, на второй день мы тронулись в дальнейший путь.

Прошли километров двести. Похудели, обросли щетиной, немного оборвались, но настроение бодрое и боевое, народ собрался молодой и весёлый.

Нам, кажется, удаётся обеспечить скрытность движения. Это делается очень просто: всех встречных приглашаем следовать по нашему маршруту, не обращая внимания, нравится им это или нет. Обгонять себя тоже никому не позволяли, и во всех случаях строго следили, чтобы никто от нас не улизнул. Поэтому группа постепенно росла, а так как наши новые спутники с собой продуктов не имели, то приходилось брать их на полное продовольственное обеспечение. Запасы, рассчитанные на значительно меньшее количество людей, таяли быстрее, чем нам этого хотелось.

Наконец всё кончилось, и однажды утром тронулись в путь на пустой желудок, у нас осталась только одна соль. Мы полагали в этот день к вечеру попасть в стойбище кулака Уаыргина, по расчётам проводников, находящегося где-то в этом районе.

А голод не тётка, как говорят в народе, идти, а иногда бежать на голодный желудок скучновато, и настроение не из весёлых. Выход только один: найти стойбище, дойти до него любой ценой.

И вот, оказывается, правду говорят, что безвыходных положений не бывает.

В тундре по пути нам попадалось несчётное количество больших и малых озёр. Морозов больших ещё не было, поэтому они целиком не замерзли, а их прихватило только на мелких местах у берегов. Проходя мимо одного из таких озёр, огибая его по мелкому месту, я вышел на лёд, который потрескивал, но держал. Взглянув под ноги, я вдруг увидел через прозрачный лёд какой-то веретенообразный предмет под ним, сантиметров 20–30 длиной. Осмотрел лёд вокруг внимательнее и увидел ещё несколько подобных предметов. Что бы это могло быть? Подозвал товарищей. Да это целая уха отдыхает и греется на солнышке! Оказывается, семейка налимчиков выплыла на мелководе погреться и подремать на солнышке.

Это хорошо, но как их взять? Лихорадочно стали искать выход. Рыба спит. Разбить лёд ножом и взять? Проснется и уйдет. Нет, упускать эту добычу нельзя, особенно в нашем положении. Как же быть? А если оглушить рыбу пулей через лёд? Попробуем! Выстрел из малокалиберной винтовки и... рыба остается недвижима вверх брюшком. Быстро окалываем лёд ножом, и добыча у нас в руках. Таким способом набили мы целое ведро рыбы, немедленно почистили её, сварили, и, право, я не ел в жизни более вкусной ухи.

После еды собрали быстро свой скарб и двинулись вперёд, а то и без того короткий осенний день уже клонился к концу. Пересекли очень широкую долину какой-то речушки, поднялись на крутой противополож-

ный берег и вдруг... вот оно, километрах в пяти, стойбище Уаыргина. По поведению людей там можно предполагать, что нас они не заметили. У нас же выработалась тактика подхода к жилью в тундре — целесообразней прибыть туда рано-рано утром, или ночью. Так меньше раздумий по поводу нас у хозяев стойбища, да и нам спокойнее.

Как только стемнело, двинулись дальше и успели как раз к ужину, который заканчивал в своей яранге Уаыргин, для него появление такой большой бригады было полной неожиданностью. Он встретил нас очень любезно, но настороженно. За ним мы установили постоянное наблюдение, так как с санкции прокурора он должен быть доставлен в Анадырь.

На следующий день собрали всех жителей стойбища, разъяснили им, что Уаыргин больше не хозяин, а хозяевами всего имущества и оленей отныне будут они, бывшие его батраки. Заверили всех, что это окончательно и никакого поворота к старому не будет. Об этом мы заявили от имени Советской власти. Все люди в стойбище, кроме Уаыргина, имели измождённый, жалкий вид, на них сильно изношенная одежда, много раз отремонтированная, облезлая.

Предложили Уаыргину развернуть все запасы одежды, которых оказалось очень много, и тут же велели раздать её беднякам. Те не заставили долго себя упрашивать, и вскоре всё стойбище щеголяло в новых одеждах. Лица людей сияли счастьем.

Попросили батраков выбрать в стаде пару хороших оленей, забить их, потом устроили сытный обед. В обеде принимали участие все, а Уаыргина при этом велели кормить тем, чем он кормил до этого своих батраков, — отходами забоя оленя. Это была великолепная наглядная агитация за советскую власть и ещё одно доказательство того, что Уаыргин теперь не хозяин стойбища.

Мы выполнили обещание, данное Нотаткину о том, что с нашим приходом в стойбище Уаыргина он может беспрепятственно жениться на его дочери. Всему стойбищу объяснили, что если они, Нотаткин и Тыгы-

Тропою Богораза

не, желают жениться, то никто больше препятствовать им в этом не имеет права.

Огромную работу в стойбище вёл Александр Иванович Тумгекай, который много лет уже работает с тундровым населением, имеет жизненный опыт, знает все нужды и запросы местного населения. С таким товарищем мы чувствовали себя уверенно, зная, что его беседы с людьми доходят до самого сердца, ему верят. А это самое главное в нашей работе, ведь основная цель — убедить людей в наших добрых намерениях к ним.

Кратковременный отдых и работа в стойбище подошли к концу, завтра выступаем дальше. Чтобы не вызвать у Уаыргина подозрений, мы попросили его сопровождать нас в качестве проводника.

4 октября мы покинули место стоянки и двинулись дальше. Оленеводы Чукотки имеют огнестрельное оружие, причём предпочитают нарезное, оно им нужно для борьбы с хищниками, а также для самообороны на случай нападения недобрых людей (к сожалению, были и такие случаи). Забегая вперёд, скажу, что только за одну осеннюю операцию 1951 г. в верховьях Амгуэмы изъяли более шестидесяти стволов нарезного оружия разных калибров, преимущественно винчестеров американского производства.

Входя в стойбище, мы немедленно изымали всё огнестрельное оружие, исключая таким образом его возможное применение против нас. Но что делать с ним дальше? Раздать после ухода прежним владельцам? Но кто гарантирует, что мы не получим пулю в спину? Тащить всё отобранное оружие с собой физически невозможно, ведь мы идём пешком. Остаётся одно — уничтожение изъятого оружия.

Обычно эта процедура проходила просто: берёшь винчестер за ствол и сильными ударами о камень или скалу разбиваешь и бросаешь его в глубокое озеро или реку. Много уничтожили таким способом оружия, вроде шло всё хорошо, пока не свалилась на нас страшная, непоправимая беда.

Утром 5 октября наш отряд собрался в дальнейший путь. Упаковали все свои пожитки, позавтракали и тронулись. К этому времени у нас накопилось около десятка реквизированных стволов. Когда колонна тронулась, мы втроём — Молдованов, Светлов и я — решили уничтожить это оружие и утопить в ближайшем озере. Взяв за ствол один из винчестеров, Молдованов ударил им несколько раз о камень. Ложе разлетелось вдребезги, ещё удар и... вдруг выстрел! Я, стоя рядом с ним, не понял сначала, что произошло, а Молдованов охнул и присел, а затем повалился навзничь, тихо застонал, и на лице его появилась страшная бледность.

Выскочив на пригорок, я криками и выстрелами из пистолета привлек к себе внимание уходящей колонны и стал звать фельдшера. Через несколько минут Алексеев был у пострадавшего, шприцем ввёл какое-то лекарство, но всё было безрезультатно. Не приходя в сознание, Карп Павлович Молдованов скончался.

Что же случилось? Почему произошёл этот роковой выстрел, оборвавший так нелепо и трагически его жизнь? А, вот что. Накануне ему попался почти новый винчестер, к которому были патроны. Полюбовавшись хорошей вещью, Молдованов решил его пока не уничтожать, поохотиться с ним до окончания патронов. Он зарядил и загнал патрон в патронник, о чём тут же забыл.

Когда мы начали разбивать оружие, подлежащее уничтожению, он, имея на плечах три винчестера, перепутал их и начал разбивать заряженный. Удар пришёлся по курку, который разбил капсулю патрона, и произошёл выстрел. Пуля попала в область паха и, наверное, перебила артерию. Видимо, от большой и быстрой потери крови, не выходя из шокового состояния, Молдованов умер.

Смерть унесла от нас доброго, отзывчивого человека, опытного товарища, отлично знающего условия работы в тундре.

Убитые горем, уставшие, полуголодные, мы решили обсудить создавшееся положение и определить, что делать: возвратиться в исходный пункт, на 87-й километр Иультинской

трассы или идти дальше и выполнять задачу.

Связи с внешним миром у нас никакой нет, и нужное решение принять можем только мы сами, никто на помощь не придёт, никто не подскажет. После раздумий, взвешиваний «за» и «против» решили идти вперёд и выполнять задачу, а тело погибшего отправить назад, на 87-й километр трассы. Для этого снарядили двух местных товарищей, сопровождавших нас. Завернули тело в кусок брезента, погрузили на нарту и распрощались с Карпом Павловичем навсегда. Потом, по возвращении, мы узнали, что он был похоронен с воинскими почестями на кладбище посёлка Эгвекинот Иультинского района.

Смерть товарища очень угнетающе подействовала на весь личный состав группы. Понять это можно, лишь пережив такое несчастье. Куда девались весёлость, бодрость, задор ребят, которые не унывали до этого ни при каких обстоятельствах?!

Надвигалась ночь, но надо покинуть это страшное место – район, значащийся на карте как высота с отметкой «766». Отслютовали из своего оружия и молча двинулись в путь.

Шли ещё три дня, и, вот, наконец мы, кажется, у цели – впереди виднеется большое скопление яранг, примерно 20–30. День клонился к концу, но было ещё светло, да к тому же ясная погода.

Здесь мы вынуждены были изменить своей тактике – являться в стойбище тогда, когда нас не видят. Дело в том, что вчера, примерно в полдень, будучи на марше, мы вдруг увидели слева на сопке, примерно в километре, двух человек. Когда попытались сблизиться, они начали быстро удаляться, и догнать их было невозможно. Поэтому мы и решили войти в стойбище немедленно, где, вероятно, о нас уже знают.

Почти бегом приближаемся к стойбищу. Весь «обоз» оставили в ложине, а сами построились в затылок друг другу и скорым маршем стали двигаться вперёд. Войдя в стойбище, выставили на удобном месте часового, который свободно обзирал всю стоянку, а сами быстро начали осмотр каждой яранги,

узнавая, кто в ней живёт и есть ли оружие. Первое беглое изучение обстановки позволило сделать вывод, что мы наконец добрались до стоянки самых закоренелых единомышленников. Эти люди дольше и упорнее всех скрывались от Советской власти.

Видимо, нам здесь придется довольно долго поработать по разъяснению политики Советской власти, объяснить, зачем мы прибыли. Но никто не мог уверенно сказать, насколько успешно мы это сделаем. Во взглядах некоторых обитателей стойбища мы видели вражду и ненависть, которые могли вылиться в открытые действия, в вооружённое нападение.

Учесть всех жителей стойбища не составило труда, но постепенно мы начали узнавать, что в этой обширной долине на некотором удалении есть ещё несколько стойбищ, таким образом, объём работы вырос. Чтобы иметь полное представление об этой группе кочевников, нам предстояло сделать многое: учесть население, оленей, имущество, наконец создать на базе всех хозяйств бригады, найти подходящие кандидатуры на должности бригадиров, дать определённые маршруты кочёвок этих бригад с генеральным направлением в район Канчаланской фактории.

Имея санкцию прокурора, мы изолировали кулаков Уаыргина, Итаукая, Геулькута, которые могли оказывать нежелательное для нас влияние на окружающих. Разместили их в нашей «штабной» яранге под круглосуточной охраной одного из дежурных членов группы.

С одной стороны, это облегчало нам работу, потому что они уже не могли лично вмешиваться в ход событий, а с другой – осложняло, ибо не исключалась попытка единомышленников освободить их. Связи мы, конечно, не имели, и начальство в Анадыре совсем не знало, где мы находимся и где нас или наши останки в случае чего искать.

Но дело надо делать, несмотря на всю сложность нашего положения, ведь не зря мы прошли сотни километров и хлебнули столько лишений.

Тропою Богораза

Тумгекай Александр Иванович с заведующим райфо Образцовым и Фёдором Шишкановым занялись учётом оленей в стадах Итаукая и Геулькута, секретарь Анадырского райкома партии Черепанов Геннадий Терентьевич неторопливо беседовал с людьми, изучал обстановку, подбирая тех, кому можно будет доверить стада. Мне надлежало беспокоиться о безопасности всей группы и проводить документацию преступной деятельности кулаков. Светлову поручено охранять арестованных кулаков, готовить еду и т.д. В целях безопасности члены группы должны постоянно при себе иметь оружие.

Однажды в стойбище появился чукча лет тридцати пяти, одетый не по-тундровому, отлично владеющий русским языком. Проверили у него документы, и оказалось, что это Тевлянто Григорий Александрович, в свое время учившийся в Анадыре в школе колхозных кадров. Работал на разных должностях в колхозах округа, а сейчас пробирается в Анадырь после окончания работы по договору с одной из геологических партий. Нам повезло: ведь практически чукотским языком среди нас владел в совершенстве только один Тумгекай, и вся работа с местным населением велась через него. Мы быстро договорились с Тевлянто, и он активно включился в работу.

В тундре главенствовали крупные кулаки, Олель, Нотанват, Итаукай. Но было довольно много и середняцких хозяйств, в которых насчитывалось по 500–800, а иногда и больше голов оленей. Такие хозяева от крупных кулаков не зависели, кочевали обычно отдельно, и, хотя побаивались советской власти, многие из них охотно шли на общение с её учреждениями, особенно торговыми. Хозяичики подобного рода, однако, не брезговали трудом батраков, которые и выпасали их оленей.

Некоторые встали на путь прямого неповиновения законам советской власти, вместе с крупными кулаками вынашивали планы борьбы с её представителями. Среди них были Эккургин, Гырголькау, Нутэрультын, Таёугыргын, Эйневье, Етынкеукай, Лейву-

лен. Другая часть середняков предпочитала в борьбу не ввязываться и ждать, что покажет жизнь, а некоторые прямо симпатизировали новшествам, вводимым советской властью в тундре. Они были уверены, что такую мощную власть им не перебороть и нужно с ней сотрудничать.

Вот один из таких хозяев, Кергин, примерно в полдень 17 октября пришёл ко мне под каким-то предлогом и начал длинную и путаную беседу, которую переводил Григорий Тевлянто. Я, в свою очередь, был не прочь с ним поговорить, узнать побольше сведений об окружающей обстановке. Беседа текла неспешно, с обильным чаепитием, обговорили уже, кажется, всё, но у меня сложилось впечатление, что он хочет ещё что-то сказать, но никак не решится. Он, бедняга, вспотел, как будто очень тяжело работал физически, да и вёл себя очень беспокойно. Такое его состояние ещё больше укрепило во мне убеждение, что он всё-таки хочет сказать мне очень серьёзное и важное, но не может пересилить себя.

Наконец вытер пот со лба и тихо сказал:

— Вас всех сегодня вечером должны убить.

— Кто это должен сделать? — спрашиваю его.

— Лейвулен, Етынкеукай и ещё несколько человек собирались около одного стада и уговорились, как это сделать, — ответил Кергин.

— Когда это было?

— Два дня назад.

Далее Кергин начал рассказывать, что на это сборище сошлись, кроме Лейвулена и Етынкеукай, ещё Тнэтэгин, Геутваль, Тнаургин, Тнагыргын, Омрычайвин, Омрын. Руководителями заговора являются Етынкеукай и Лейвулен.

Времени оставалось в обрез, и, если всё это соответствует действительности, нужно немедленно принимать меры защиты. Собрались все и коротко обсудили сложившуюся чрезвычайную обстановку. Моя неотложная задача — любой ценой проверить достоверность полученных данных. А пока самое

главное для всех нас — собранность и бдительность.

Оказалось, что Етынкеукай с утра из стойбища ушёл, тогда разыскали Лейвулена, оказавшегося здесь, и пригласили к себе. Рассчитывать на то, что он всё расскажет, было нечего, так как уж очень великое зло они задумали совершить. Нам же необходимо срочное подтверждение полученного сообщения — здесь промедление смерти подобно. Как же заставить его признаться?

По внешнему виду нетрудно было понять, что это злобный и ненавидящий нас человек. От роду ему лет 30–35, кряжист, силен, на нас смотрит исподлобья. Изучая его, расспросил о семье, сколько имеет оленей, где выпасает стада, и т. д. Он из середняков, женат, двое детей, стойбище его километрах в тридцати отсюда, пришёл затем, чтобы узнать, что делают русские. Кстати, кочевники всегда отождествляют русских и советскую власть. Поэтому, слыша от него слово «русский», понимай — «советская власть» и наоборот.

Но как же заставить его говорить правду? Ведь время идёт и работает не на нас. Беседуя с Лейвуленом, я делал некоторые пометки на листе бумаги, который лежал на чемодане с лекарствами фельдшера Алексева. И вот этому чемодану пришлось сыграть решающую роль в допросе. Мне пришла мысль попробовать использовать техническую неграмотность Лейвулена. Кочевникам, конечно, известно, что русские могут переговариваться на большие расстояния (имеется в виду радио), а как конкретно это делается, наверняка не знают. Показываю на чемодан и спрашиваю:

— Знаешь, что это за ящик?

— Нет, — отвечает Лейвулен, с любопытством рассматривая чемодан.

— Ты знаешь, что русские могут разговаривать между собой на больших расстояниях с помощью особых устройств?

— Слышал, — тихо отвечает он.

— Так вот, — продолжаю я, показывая на чемодан, — это прибор, с помощью которого я могу слышать очень далеко.

Не дав ему опомниться, продолжаю:

— Я позавчера слышал, как вы договаривались нас убить, слышал голоса всех присутствовавших там.

Ошеломленный такими моими «возможностями», он подтвердил, что действительно собирались это совершить. Я настойчиво потребовал подробно рассказать, как они намеревались осуществить эту акцию.

Рассказ Лейвулена полностью подтвердил уже имеющиеся в моем распоряжении сведения и внёс ясность в некоторые другие обстоятельства. Добившись признания Лейвулена, я отошел посоветоваться с Черепановым, оставив преступника под наблюдением Тевлянто. Вернувшись вскоре, в яранге не нашёл ни того, ни другого. Оказывается, Тевлянто отошел на минуту по своим делам и оставил Лейвулена без наблюдения, который не мог не воспользоваться столь благоприятным случаем и сбежал. Увидев удаляющуюся бегущую фигуру и поняв, в чем дело, я бросился догонять его. Бежал за ним километров десять, но настичь не мог. Убедившись, что мне его не догнать, поплелся назад. Именно поплелся — очень уж много было вложено сил в погоню. Вернувшись в стойбище, нашёл там обстановку спокойной, но настороженной.

Вдруг появился Етынкеукай, который, оказывается, ходил в соседние стойбища, искал единомышленников. Вечером 17 октября и в последующие дни был проведён тщательный опрос всех причастных к этому делу.

Тнаургин, присутствовавший на сборище, давший согласие участвовать в убийстве, рассказал всё чистосердечно, а Етынкеукай категорически отказался даже разговаривать с нами. Для тщательного выяснения обстоятельств готовившегося покушения решили Етынкеукаю и Тнаургина доставить в Анадырь для передачи их в следственные органы. Документы на этот случай я, насколько мог, оформил здесь, на месте.

В ходе следствия в дальнейшем было установлено, что Итаукай, Лейвулен, Етынкеукай и другие давно вынашивали планы нападения на Канчаланскую факторию, где

Тропою Богораза

намерены были перебить всех русских, забрать оружие и боеприпасы и уйти глубоко в горы.

Намеченная работа подходила к концу, и можно было собираться в дальнейший путь в сторону Анадыря, который был от нас, исчисляя по карте, в трёхстах километрах. Наши товарищи, Тумгекай, Шишканов, Образцов, Тевлянто, закончили подсчёт кулацких оленей.

Сформировали несколько бригад, из числа бывших батраков выбрали бригадиров и дали маршруты кочёвок в сторону Канчанской фактории, где должен базироваться вновь созданный колхоз «Заря». В том же районе до этого существовало товарищество оленеводов под тем же названием. Но оно было условным, так как совсем не имело основной базы — оленей. В товарищество входили пять-шесть хозяйств кочевников почти без оленей, они питались только выловленной в реках и озерах рыбой. В общем, владели полуголодное существование. Поэтому решено было влить к ним свежие силы и сделать колхоз полнокровным и сильным хозяйством на базе конфискованных кулацких хозяйств.

Ранее уже говорилось о батраках, которые по много лет гнули спины на своих хозяев. Откровенно говоря, мы, наверное, и не решились бы забраться так далеко в тундру, если бы не рассчитывали на помощь этих обездоленных людей.

Тут следовало показать им силу и авторитет советской власти, которая целиком на их стороне. А как это сделать быстро и убедительно, завоевать сразу расположение и доверие? Этого можно достичь только уважительным отношением к ним, правдивым рассказом о законах советской власти, правах трудящихся и, наконец, практическими делами по развенчанию власти кулаков. Последнее, конечно, — самое главное в нашем положении. Арестовывая кулака, мы лишали тем самым его власти над людьми. У него на глазах назначали ответственным за его бывшее стадо батрака, которым он до этого помыкал. Наконец, приказывали кор-

мить этого кулака тем, чем он кормил своих работников. А еда эта уж очень мало привлекательна! Состоит она из смеси содержимого желудка, кишечника и крови убитого оленя, кореньев, толчёных костей и других отбросов.

Тут уж не нужно никакой агитации: группа бывших работников на глазах своего недавнего повелителя уписывает за обе щеки жирные, вкусные куски оленины, запивает отличным чаем, а он вынужден довольствоваться миской описанной ранее еды.

Мало того, батракам было разрешено потрясти «гардероб» кулака и одеться, как положено истинному оленеводу, ведь все они были в обносках с плеча хозяина или его приближенных.

И ещё великая радость обездоленным — личные олени.

Спрашиваем одного из бывших батраков:

— Сколько лет батрачил на этого кулака?

— Пятнадцать, — отвечает он.

— Отсчитывай из стада сто пятьдесят оленей, какие тебе нравятся, ты их заработал, и они навсегда будут твои.

Иметь своих собственных оленей — до этого несбыточная мечта каждого батрака. И вот тебе, как в сказке, пришла советская власть, и он стал хозяином своего положения, владельцем собственных оленей, одет, обут.

Нужно было своими глазами видеть этих парней. Нет, их уже не заставишь отдать назад свалившееся на них счастье! Каждый из них увидел свет впереди, отныне он стал человеком, с которым считаются, советуются, нуждаются в его помощи.

Но... не одни дружелюбно настроенные люди окружали нас, и поэтому бдительность терять не стоило, ибо ставка во всём этом — наша жизнь, как показал описанный ранее случай, когда нашлись недобрые люди, намеревавшиеся всех нас перебить.

Всего прожили в стойбище две недели, которые были тяжёлыми как в моральном, так и в физическом отношении. Слишком много у нас было вопросов, которые необходимо было решить обязательно справедли-

во, по закону, не оскорбляя при этом достоинство человека, который не по своей вине отстал в культурном отношении, для которого мир узок и заключён только в его окружении.

Занятые своими суетными чиновничьи-ми делами, тяжбами с врагами и заботами о друзьях, мы перестали обращать внимание на окружающую природу. А ведь кругом такая красотища! Стояла золотая поздняя чукотская осень, днём — тепло и солнечно, хоть раздевайся и загорай. Долина, где расположилось стойбище, окружена живописными горами, закрывающими её от холодных ветров и покрытыми кустарниками. Зверьё и птицы, пользуясь обильным урожаем ягод, трав и других даров природы, нагуливают жирок про запас, одни — для дальнего странствия, другие для спокойной зимовки. Эх! Пожить бы в этом благодатном уголке Чукотки беззаботно, не беспокоясь о своей и товарищей грешной душе, оберегая, чтобы её наружу кто ненароком не выпустил!

Но... всё это придется оставить до будущих времён. Пока же надо завершить дела, а они совсем не настраивают на лирический лад.

Учитывая сложившуюся обстановку, приняли решение через два дня двинуться в путь. Наметили состав колонны, пересмотрели снаряжение, установили порядок движения и охраны, рассчитали и сделали запасы питания. Опять всё это в ограниченном количестве, ведь грузоподъёмность наших транспортных средств очень мала.

Наконец наступил момент ухода дальше на юг, к местам обетованным. Под конвоем берём с собой Итаукая, Геулькута, Уаыргина, Етынкеукая, Тнаургина. Провожает всё стойбище, преимущественно женщины. Ни слез, никаких охов и ахов, обязательных у русских при проводах, не слышно. А казалось бы, есть кому всплакнуть хотя бы по Итаукаю, — у него здесь оставались пять жён, да и отправлялись арестованные не на прогулку, а, судя по всему, в чужие края и на немалый срок. Расставание прошло с

суровым достоинством. Вообще я никогда не видел плачущую чукотскую женщину, улыбаются они тоже очень и очень редко. Видимо, суровая природа и тяжёлая жизнь в таких условиях наложили свой отпечаток на облик и поведение людей.

Много километров осталось позади. Измотались, устали от постоянного движения, напряжения нервов, систематического недоедания. Давно кончились у нас запасы продовольствия, и живём только на «подножном корму» — то рыбой питаемся, то иногда кусочек мяса, по мере возможности, промышлен охотой.

Все исхудали, обросли щетиной, оборвались, обувь истрепалась, и мы больше стали похожи на бродяг, чем на нормальных людей. Слава богу, что нас не видят цивилизованные люди, а то стали бы нами пугать детей!

К вечеру 28 октября вдруг наткнулись на землянку, настоящую землянку, да к тому же с жильцами в ней!

Оказывается, здесь располагается Красная яранга, что-то наподобие знаменитой избы-читальни, которые были в свое время в русской деревне во время становления советской власти. Красная яранга здесь тоже проводник культуры в тундре, в её состав входят учитель, киномеханик, фельдшер. Они кочуют вместе с оленеводами, деля с ними все радости и невзгоды.

Радости нашей не было конца, мы приблизились к постоянному человеческому жилью, где есть связь, еда и такой долгожданный отдых. Ребята, а их двое, встретили нас очень радушно. Тот, кто бывал длительное время в тундре, может в полную меру оценить появление людей в столь заброшенном уголке, где рады каждому человеку.

Очень захотелось привести себя хоть немножко в человеческий вид: побриться, пришить оторвавшиеся пуговицы, умыться тёплой водой. Воспользовавшись гостеприимством хозяев, расположились в землянке и около неё, потому что для всей нашей бригады одного этого помещения было мало.

Тропою Богораза

Зима начала подступать вплотную: морозец в ночное время стал настолько силён, что озёра и тихие заводы на реках покрылись льдом, который свободно выдерживает человека, а иногда и упряжку оленей. Неподалеку от входа в землянку развели костёр, около него усадили наших спутников поневоле: Итаукая, Геулькута, Тнаургина, Уаыргина, Етынкеукая. На посту по их охране встал «доктор», как мы его в шутку звали, Алексеев с автоматом на шее. Здесь текла тихая беседа, ждали ужина, и ничто не предвещало беду.

Я зашёл в землянку, разделся и стал намыливать щёки, вот, наконец избавлюсь от многодневной щетины! Светлов и Черепанов начали тоже приводить себя в порядок, Образцов и Шишканов ушли заготавливать дрова.

Вдруг как гром среди ясного неба — очередь из автомата снаружи у входа в землянку. Мы со Светловым мгновенно схватили оружие и выскочили наружу.

— Что произошло? — спрашиваю Алексева.

— Сбежал Итаукай!

— В каком направлении?

Алексеев махнул рукой в сторону кустов вдоль берегов реки. Не теряя времени, бросились туда, вдали слышался только хруст тонкого льда под ногами убежавшего. Вдруг раздалась автоматная очередь, и над нашими головами засвистели пули.

— Ложись! — крикнул я.

Легли на землю и начали разбираться в обстановке. Кто стреляет? Стрельба со стороны землянки.

Оказывается, Черепанов, выскочив из землянки немного позже нас, не разобравшись в обстановке, начал поливать очередями из автомата кусты, за которыми мы находились. Чего не бывает в возбуждении?

Около костра сидят, притаившись, оставшиеся арестованные кулаки, около них сильно возбужденный бегаёт туда-сюда Образцов с автоматом в одной руке и... страшно ругает Алексеева, который упустил Итаукая. Держа автомат дулом вниз, он в возбужде-

нии нечаянно нажал на спусковой крючок, раздалась очередь, и он запрыгал на одной ноге — прострелил себе ступню.

Действительно, в народе говорят, что беда в одиночку не ходит — смерть Молдованова, побег Итаукая, а теперь ещё ранение Образцова. Первое волнение улеглось, все немного успокоились, Алексеев обработал рану на ноге Образцова. Теперь самое время подвести столь горестные итоги несчастий, свалившихся кучей на нас. Конечно, мы страшно устали, казалось длительное нервное напряжение, и вот, стоило только чуть-чуть расслабиться, как сразу были за это наказаны. Ведь всегда у нас до этого на посту около арестованных стояли два человека, а здесь проявили беспечность, и остался только один Алексеев, человек сугубо штатский, чем не преминул воспользоваться Итаукай.

Подбежавший к нему первым Образцов, сорвал с шеи незадачливого постового автомат, который после стрельбы остался на боевом взводе, и в результате — случайная очередь и ранение в ногу.

Вот и побрились, вот и привели себя в порядок! После выхода из землянки идём третий день, раненого везём на нарте, самочувствие его вроде нормальное для больного. Наконец вдали на горизонте чуть видимые в бинокль две ажурные мачты и сопка над аэродромом. Однако в этот день оставшееся расстояние не осилили, и пришлось заночевать.

Наутро с трудом преодолели плохо замёрзшую реку Великую и поднялись на сопку, где оставили проводников с оленями, а сами, впрягшись в нарты, спустились в посёлок Комбинат. Видимо, печальное зрелище представляли мы — даже знакомые люди не могли узнать нас.

Дорого нам встала вся эта операция, но мы сделали большое дело — разобрались с самой крупной группировкой единокличников, скрывавшихся на водоразделе рек Танюрер, Канчалан и Амгуэма. А самое главное — создан колхоз «Полярник» и заложена солидная основа для колхоза «Заря».

ПОИСКИ ИТАУКАЯ

Закончилась летняя операция по проведению коллективизации, но пока ещё оставалось неясным, все ли единоличники выявлены и взяты на учёт соответствующими сельсоветами. Ведь Чукотка велика, гор, долин и укромных мест очень много, там могут быть целые стойбища, скрывающиеся от Советской власти.

Для работы среди кочевников во вновь созданных колхозах, а также для выявления других не охваченных коллективизацией хозяйств в ноябре 1951 г. была сформирована вновь комплексная оперативная группа во главе с секретарем Анадырского райкома партии Бойко Максимом Петровичем, человеком энергичным и знающим условия работы в тундре. В состав группы входили: прокурор Анадырского района Дамрин Петр Андреевич, член окружного суда Рыбачук Павел, представители «Чукотторга» и райфинотдела, работники милиции для проведения паспортизации, сотрудник окружного отдела госбезопасности Борисов Борис Петрович и с ним прикомандированный радист, прибывший из Хабаровска. В общем, группа получилась по своему составу авторитетная, но малоподвижная, прожорливая и трудноуправляемая. Снарядили её с большим трудом, так как всего требовалось очень много, и сразу всё это найти было трудно.

Но всяким сборам приходит конец, и группа тронулась в путь. Одна из главных задач этой группы — поимка сбежавшего от нас кулака Итаукая. Сначала от группы получали радиogramмы, где сообщалось, что они медленно двигаются на север, к горам Анадырского хребта, имеют данные, что Итаукай скрывается в горах севернее истоков реки Танюрер. Затем рация замолчала и больше в эфире не появилась.

Через кочевников стало известно, что группа где-то в горах севернее истоков реки Танюрер. Итаукая они не нашли и очень сильно бедствуют: кончаются продукты (если уже не кончились), некоторые товарищи болеют, рация вышла из строя.

Немедленно принято решение выслать ещё одну группу с задачей найти группу Бойко, оказать ей помощь продуктами и связью. Эту группу сформировать поручили мне, причём дали очень сжатый срок — три-четыре дня.

Учитывая печальный опыт большой группы Бойко, решил, что наша группа должна состоять из четырех-пяти человек, тогда она будет очень подвижной, легко снаряжаемой и энергичной.

Быстро началось формирование группы, которая должна, выражаясь военной терминологией, форсированным маршем двинуться по Канчаланской тундре на север, на сближение с группой Бойко, оказать ей помощь и двинуться дальше, на розыск Итаукая.

Сборы были недолгими, но, как всегда очень хлопотливыми: всё нужно взять, ничего не забыть, ведь в тундре недостающего нигде не приобретёшь, в магазин не забежишь. Перед самым отъездом, например, не было у нас простых обычных верёвок для увязки нарт. Не оказалось их и в магазинах, пробовали искать на складах, и всё безрезультатно. Смешно, но тут, как говорят, хоть плачь, хоть откладывай экспедицию.

Да простят меня домохозяйки посёлка Комбинат, где мы собирались в дорогу, но мы пошли на преступную акцию: ночью, пользуясь темнотой, вооружившись острым ножом, пошли в посёлок и... срезали необходимое количество бельевых верёвок. Рассуждали мы в этом случае умно и очень мудро: домохозяйки без верёвок обойдутся, а вот мы в тундре — нет. Конечно, нас мучили угрызения совести, но что ни сделаешь для выполнения задачи. Шутки шутками, а мы хорошо понимали, что для бедствующих товарищей каждый день дорог и мы должны спешить.

Как уже говорилось, группа у нас должна быть небольшая, подвижная и, конечно, душевная. Большой удачей можно считать, что в качестве переводчика идет с нами Алимбек Добриев — отличный товарищ, на которого можно положиться в любой ситуации.

Тропою Богораза

Небольшого роста, подвижный, энергичный, не унывающий ни при каких обстоятельствах. Родившись на Чукотке, он владеет чукотским и эскимосским языками, пользуется огромным авторитетом среди местных жителей. Отец его — уроженец Северного Кавказа, мать — чукчанка*.

Вторым спутником стал старшина милиции Аристов Василий Ерофеевич, человек, которому уже далеко за тридцать, степенный, осмотрительный, отец пятерых детей. С нами же пошёл уже испытанный в предыдущем походе солдат войск МВД Светлов. Для поддержания связи в пути прикомандировали радиста из Хабаровска по фамилии Свинин с портативной радиостанцией.

На третий день были на Канчаланской фактории. Кстати, она располагалась севернее нынешнего посёлка, километрах в двадцати.

На фактории, которая, как и везде на Чукотке, является центром стечения всех сведений и новостей из прилегающих тундр и кочевий, узнали, что стада, отправленные из района прежней стоянки Итаукая в горах, сейчас находятся недалеко, на расстоянии однодневного перехода.

Дозаправившись материалами и продуктами, недостаток которых обнаружился в результате трёхдневного перехода, мы покинули надолго тёплое и уютное человеческое жильё. Теперь, в лучшем случае, будем довольствоваться прокопчённой ярангой, а то и просто снежной постелью.

Всё уложив, проверив и подогнав на нартах, тронулись в путь. Выехали рано, а к обеду нас прихватила мощная, страшная пурга, основательно потрепав наш караван. Решили, несмотря на пургу, двигаться дальше, чтобы добраться до первых яранг колхоза, где можно будет отогреться и, самое главное, обсушиться, ведь пурга была сырая. Все в группе народ бывалый, пурги не испугались, просто воспринимали её как досадную помеху, а вот на нашего радиста жалко

было смотреть: съёжился, пугливо оглядывается кругом, в общем, в его понимании, наверное, наступил «конец света». Все, как могли, подбадривали его, подшучивали, пытаясь поднять настроение.

Не знаю, какими ориентирами и приметами пользовались проводники в такой круговерти, но часам к десяти из мглы показались вдруг несколько яранг. Оставив распрягать оленей встретившим нас людям, поспешили в ярангу. Выбив в чоттагыне** одежду, сняли её и быстро нырнули в полог. Вот где рай! Тепло, тихо, уютно. Здесь и понимаешь: как немного нужно человеку!

Нам необходимо собрать самые последние данные об Итаукае, месте и маршруте движения группы Бойко.

Итаукай после побега вернулся в одно из стад, принадлежавших ранее ему и теперь превращенном в бригаду, беспрепятственно отбил более тысячи оленей, забрал одну ярангу, пять жён и стал уходить в горы.

О группе Бойко удалось узнать очень мало: она на обратном пути, Итаукай им найти не удалось, маршрут движения их не известен.

Наутро начали собираться в дальнейший путь. Проводниками с нами пошли оленетехник Аренкау, молодой, энергичный парень, окончивший в Анадыре школу руководящих кадров, и пастух-оленовод Геулькут, хорошо знающий места, где будем вести поиск. Погода стояла ясная, морозная, оленей нам подобрали упитанных и хорошо обьеженных. Предполагая, что путь будет длинный и долгий, мы взяли про запас пару оленей, которые могут пригодиться в трудную минуту, да к тому же у нас собралось много груза, в том числе продукты для бедствующей группы.

Все это так, но как практически найти эту одинокую группу в необозримых просторах тундры? Этого никто из нас не представлял, а проводники, когда им задавали такой вопрос, попросту пожимали плечами.

Хорошо начальству поставить задачу: встретить группу и передать им продукты.

* Мать Алимбека Добриева принадлежала к эскимосам-инуитам о. Крузенштерна (о. Малый Диомид, США, Аляска) *Прим. ред.*

** Чоттагын (чукот.) — холодная часть яранги. *Прим. ред.*

Что, мы едем по шоссейной дороге, встретили и передали? Ведь тундра — не Ленинградское шоссе. У нас тысяча путей, и у встречной группы не меньше. Попробуй тут встретиться! Здесь может оказать нам услугу только его величество случай.

К концу подходит уже второй день пути. Слово «день» я употребил весьма условно: идёт январь, светлого времени почти нет, сплошная полярная ночь. Спутником в дороге нам уже становится не дневное светило, а луна, которая недавно народилась, и ночь от ночи всё дольше остается на небосклоне. Сегодня луна ещё не взошла, и движемся в темноте. Сажу на нарте, с трудом управляясь с оленями: вот ведь какие своенравные животные, и к тому же умные — чувствуют, что сидит наездник неопытный, и вытворяют надо мной что хотят.

Едем, поглядываю по сторонам, когда позволяют это делать олени, и... вдруг вижу справа вроде бы мелькнувший огонёк. Нет, это, наверное, показалось. Едем дальше, а я теперь внимательнее посматриваю в ту сторону. Вдруг снова увидел! Но пока молчу и жду: может быть, кто-нибудь из моих спутников тоже увидит, и тогда сомнений не будет.

Вдруг Алимбек закричал:

— Вижу огонёк справа!

Сомнений теперь нет в том, что я действительно видел огонёк. Остановились, и теперь все увидели слабо мерцающий огонёк справа и чуть-чуть впереди, примерно в километре от нас.

Бесшумно приблизились метров на сто и увидели костер и около него каких-то людей. Вся группа залегла в кустах наготове, а мы с Алимбеком пошли к костру. Подошли и сразу узнали — она, группа Бойко, которую мы так хотели встретить.

Здесь действительно сыграл огромную роль случай — мы очень легко могли разойтись, пройдя километр левее или проложив свой маршрут в какой-нибудь ложине. Повезло!

Радости нашей, а ещё больше встреченных, не было конца. Оборвавшиеся, голодные, усталые, измотанные люди прыгали вокруг большого костра, а недалеко горели

ещё два костерка, около которых сидели по два-три человека. Это обособившиеся, которые считали, что остальные их не понимают, и поэтому предпочитали держаться отдельно. Такое отношение друг к другу — печальное порождение перенесённых трудностей, голода, лишений.

При первом же сеансе связи немедленно сообщили в Анадырь, что встретили группу Бойко, и кратко описали её состояние.

Бойко, Борисов и Дамрин рассказали, что после многодневного марша зашли далеко в горы, двигаясь по следам кочующего Итаукая. Затем след стал пропадать, и они, не зная, куда дальше двигаться, потоптавшись несколько дней на месте и не видя никакой надежды на поимку Итаукая, решили возвращаться. К тому же, почти не оставалось продуктов, люди стали высказывать недовольство организацией экспедиции. Появились больные, а заведующий Канчаланской факторией (к сожалению, фамилии его не помню) начал проявлять явные признаки психического расстройства. Он, человек, и так жестоко пострадавший в годы войны, матросом морской пехоты получивший непоправимое ранение, очень остро переживал неудачу в поиске, начал принимать на свой счёт недостаток продуктов. Некоторые члены группы, не проявив должного такта, видели все беды в его нерасторопности в снабжении и стали открыто его в этом упрекать. (Заканчивая об этом товарище, его трагедии, могу сообщить, что через несколько месяцев после возвращения он, больной, раздетый, зимой вышел в тундру и погиб.)

Из всего увиденного и услышанного вывод был только один: группе Бойко немедленно надо следовать в Анадырь на отдых.

Составили телеграмму руководству с изложением обстановки и одновременно предлагали продолжить поиск силами нашей группы. Такое предложение было продиктовано тем, что дальше терять время уже нельзя: имеющиеся следы, оставляемые аргишем (обозом) Итаукая, все больше со временем будут стираться, и поиск будет крайне затруднён.

Тропою Богораза

Вдруг, как это бывает на Чукотке, неожиданно разразилась пурга. К утру она не прекратилась, но несколько ослабла. Ответа из Анадыря пока не было, оставаться же на месте и пережить пургу при таком состоянии людей «отступающей группы» невозможно. Решили двигаться вместе назад, к стойбищам колхоза, откуда им будет легко добраться до Анадыря.

Путь был тяжёл вдвойне: пурга и потрепанные наши ряды. Если посмотреть со стороны, то в этом походе мы, наверное, выглядели, как разбитая отступающая армия.

Подходит время выхода в эфир, нас ждёт радист в Анадыре, а нам нужны указания о дальнейших действиях. Пурга не утихает, продолжает свирепствовать. Решили, что в 14.00 остановимся только я, радист и два проводника, быстро проведём сеанс связи, а остальные будут двигаться дальше, не останавливаясь. Мы догоним их по свежим следам.

Пришло назначенное время, мы остановились и быстро развернули рацию, остальные товарищи мгновенно скрылись в пурге. Анадырь ответил быстро, новостей для нас не было, начальство всё ещё решало. Что ему спешить – пурга у них воет только в печной трубе, в кабинете тепло. Но шутки шутками, а нам нужно, как выражаются рыболовы, быстрее сматывать удочки, вернее рацию, и догонять своих товарищей. Все реже и реже мы встречали следы от нарт, пока совсем не потеряли их. Все – мы остались одни. И здесь только вспомнили, вернее, подумали: а что же, кроме рации, у нас есть? Только палатка, и совсем нет продуктов.

Да, трудновато нам придётся, если пурга не затихнет и продлится несколько дней. Радист наш совсем раскис, сиднем сидит на нарте и скорей всего прощается с белым светом. Конечно, нельзя его строго судить: человек за эти дни столько пережил и страдался, что другому на Большой земле и за целую жизнь увидеть не придётся. Догнать, а тем более найти ушедших вперёд в таких условиях невозможно, поэтому, проехав ещё два часа в одном направлении, решили искать подходящее место для остановки на ночлег и

ожидать конца пурги. По приметам, только им известным, проводники куда-то свернули, и мы начали спускаться вниз.

Появились кустарники, пурга вроде стала тише, и вдруг из белой пелены вынырнули несколько оленей, привязанных к нартам. Оглядевшись кругом, увидели растянутую палатку.

И опять счастливый случай оказал неоценимую услугу: когда шанс найти в тундре несколько упряжек, да ещё в пургу, один из миллиона, этот миллионный выигрышный билет и попался нам. Ничего не скажешь, – везёт!

К утру пурга утихомирилась, и начал крепчать мороз, видимость улучшилась. Тронулись мы, подгоняемые холодом и пронизывающим ветерком, прошедшая пурга была мокрая, а сейчас всё на людях стало замерзать. Теперь нужно во что бы то ни стало добраться до яранг, иначе люди ещё одну ночёвку в снегу не выдержат. К вечеру благополучно добрались до стойбища.

К нашему удовольствию, там оказались вновь назначенный председатель созданного колхоза Нестеров Николай Николаевич, опытный и знающий руководитель, прошедший до этого путь от рядового торгового работника до председателя райисполкома. Теперь с его помощью легче будет решать те или иные вопросы.

Связались по радио с Анадырем, и, наконец, я получил разрешение на продолжение поиска Итакая силами своей группы.

Начались сборы. Отобрали хороших ездовых оленей, снаряжение, пересмотрели одежду, оружие, запаслись продуктами и прочей мелочью, без которой невозможно обходиться в походе.

Теперь нужно решить вопрос: кто должен входить в эту группу. Состав напрашивался сам собой: Алимбек Добриев, Аристов, Светлов, радист Свинин. После серьёзных размышлений и обсуждений все члены опергруппы согласились взять проводниками Тнэскина и Тымнелкота, которые уже были проводниками в группе Бойко. Здесь предполагалось, что они помогут нам быстро и без повторных блужданий разыскать следы

Итаукая, прибыть сразу на место, где следы видели последний раз. Оба они парни молодые, но достаточно опытные, энергичные. Особенно мне нравился Тнэскин, умный и любознательный парень, который с самого детства батрачил на Итаукая, своих оленей, конечно, никогда не имел. По всему чувствовалось, что всей душой тянется к знаниям, жадно их впитывает.

На завтра намечено выступление в поход. Кажется, всё собрано, всё обговорено и предусмотрено.

Вечером ко мне приходит радист Свинин и говорит:

— У меня вышла из строя рация. Наверное, я не смогу обеспечить вам связь.

— Когда это произошло? — спрашиваю его.

— Примерно в полдень, а что произошло с ней, не знаю.

— Покажи мне рацию.

Сама радиостанция по внешнему виду повреждений не имела, а вот батареи питания выведены из строя основательно: вырваны все проволочные выводы, восстановить которые в этих условиях невозможно. Рация без питания превращается в мёртвый груз. Сомнений нет — здесь явно умышленный вывод рации из строя. Такое заключение я сделал потому, что сам был когда-то радиолюбителем, окончил до войны курсы радистов и неплохо знал радиоаппаратуру.

— Как могло это произойти? — спрашиваю его.

— Стал переключать батареи и увидел, что концы у них вырваны, — отвечает он, — а кто их вырвал, не знаю.

Конечно, кроме его самого, никто не мог этого сделать. Просто парень трусил и не нашёл другого способа отказаться от этого трудного похода и пошёл на прямое преступление.

— Свинин, рацию ты вывел из строя сам, умышленно, из трусости, — говорю ему, — за это тебе придется отвечать перед военным трибуналом.

Я вынужден был взять с этого труса подписку о том, что он не в состоянии обеспечить

связь оперативной группе, и отправить его в Анадырь. Впоследствии, уже в походе, пришлось очень горько пожалеть об отсутствии связи, когда попали в критическое положение.

Так в нашей группе стало на одного человека меньше. Страх перед суровой природой Чукотки, боязнь трудностей, лишений, которые ждали нас впереди, толкнули этого парня на преступление. Его дух был надломлен пургами, которые пришлось перенести, видом возвращавшихся людей группы Бойко.

Утром нас вышли провожать многие жители стойбища. Печально покидать товарищей, уходить из мест обжитых. Теперь для нас крышей будет небо, а постелью — глубокий сугроб.

Олени бегут резво, погода стоит ясная и очень морозная, дует лёгкий ветерок из глубины гор. Идём пока по предгорьям Анадырского хребта, встречая иногда следы предыдущей группы. Прошло четверо суток, втянулись в горы, продвигаемся по распадкам и ущельям. Иногда Тнэскин останавливает караван, зовет нас с собой и показывает: вот здесь Итаукай останавливался, кипятил чай или ночевал. Действительно, мы видели следы костра или сломанные ветки кустарника.

Так, идя от стоянки до стоянки, которые делал несколько месяцев назад Итаукай, мы дошли до последней, которую видели наши проводники и группа Бойко.

Растянули палатку, обосновались, натаскали сухих сучьев, развели костёр, в общем, организовали базовый лагерь. Обсудили, каким же способом вести поиск в дальнейшем. Ведь до этого мы шли как бы по проторённой дорожке, а теперь нужно искать след самим. Трудно, тем более, здесь, в горах. Посоветовались с проводниками: на какое расстояние может откочевать стойбище за один день? Вот на таком расстоянии, в этом радиусе и нужно искать след очередной стоянки.

Наутро разъехались по двое «веером» в направлении вероятного его движения. В первую очередь, тщательно осматривали кустарники — надломы на них хорошо видны. Постоянно следили за поверхностью снега — ползья нарт оставляют местами неизгладимый

Тропою Богораза

след, какие бы пурги ни дули. В этот раз нам повезло — Светлов с Тнэскиным на третий день обнаружили очередную стоянку. Передвинули свой лагерь дальше. Медленно, но наша работа сдвинулась с места. Другого ничего не придумаешь.

Целыми днями, — а дни очень короткие, два-три часа светлого времени, — мы рыщем в окрестностях нашего лагеря. Найдя след очередной стоянки, продвигаемся дальше. А конца пока не видно, на исходе уже третья неделя.

Нас постигла большая беда: тяжело заболел Аристов. По всем признакам у него началось воспаление легких. Сначала он почувствовал сильное недомогание, слёг, начался бред, потеря сознания. Собрали все имеющиеся у нас олени шкуры, запасную одежду, соорудили ему постель на снегу (а где же ещё!). Сами продолжали поиск, оставляя у больного дежурного. А ему всё хуже и хуже. Что делать? Человек погибает, а мы не можем ничего поделать. Медицинских знаний из нас никто не имеет, лекарств нет. Вот здесь и поминали мы, на чём свет стоит, труса-радииста, на совести которого лежит этот тяжкий случай.

Больной уже целый день не приходит в себя, бредит, мечется в забытьи. Как же быть? Как его спасти?

До Анадыря километров четыреста, до Танюрера немного меньше, Эгвекинт не ближе. Остается только Мухоморненская метеостанция, до которой по карте около 120 километров. Решили: завтра утром укутываем больного в шкуры, укладываем на нарту и форсированным маршем, насколько позволят олени, идём на Мухоморное. Там радиостанция, и можно вызвать помощь.

Да, тяжёлую ответственность я взял на себя, уходя в поход без радииста. А что можно было придумать другое?

Ближе к полуночи Аристов пришёл в себя и попросил пить. Напоили его чаем, и вскоре он уснул спокойным сном, а утром чувствовал себя значительно лучше. Видимо, спала температура, сознание он уже не терял, поэтому решили пока отложить поход

на Мухоморное. На второй день ему стало значительно лучше.

Практически поиск мы не прекращали, но только не могли передвигать свой базовый лагерь из-за больного, поэтому стали уходить в более дальние рейды. На одном месте мы вынуждены были стоять полторы недели, прежде, чем двинуться дальше.

В последнее время при поисках я стал замечать какую-то нервозность в поведении проводников. В одном из малых походов, когда остановились отдохнуть, покормить оленей, мы сидели у костра с Тнэскиным. Он встал, закурил, отошел в сторону и долго-долго смотрел изучающе на склоны одной горы. Я проследил его взгляд, но ничего заслуживающего внимания не увидел.

— Что ты там рассматриваешь? — спрашиваю его.

— Да нет, ничего, просто интересные горы, — отвечает он.

Меня, конечно, насторожил такой ответ, ведь просто так коренной житель Чукотки не будет столь внимательно изучать гору, для него это не ново. Что-то он хотел там увидеть или увидел.

На следующий день мы всем лагерем продвинулись ближе к горе, которая так интересовала Тнэскина.

Светлого времени почти не стало, сказывалось время года, январь, и близость Полярного круга, ведь мы идём на север. Странно, но мы потеряли счёт дням, и никто не может утверждать точно, какое сегодня число. Время у нас теперь исчисляется так: поход—отдых, поход—отдых. А когда это, ночью или днем, не имеет теперь значения.

Потеплело. Идет тихий, мягкий снежок. Кругом, куда ни посмотришь, бело, и как-то теряешь в такой обстановке ориентацию в пространстве: ничего не видишь дальше метров 20–30, только спину впереди едущего товарища. Не знаю, как в такой обстановке ориентируются наши проводники, ведь глазу не за что зацепиться.

На руке у меня пристегнут компас, и время от времени я на него поглядывал. Сначала мы ехали на север, затем постепенно

начали отклоняться на запад, а часа через полтора-два ехали уже на юг. Меня это заинтересовало, и я попросил остановиться. Подхожу к проводникам и спрашиваю:

— Мы едем прямо?

— Прямо, — отвечает Тнэскин.

— Никуда не сворачивали и не объезжаем никакую гору?

— Нет, мы никуда не сворачивали, — заметно смущаясь, заявил он.

— Тогда, друзья, давайте сделаем привал, остановимся здесь на отдых, даю команду.

Быстро развернули палатку, вскипятили чай. Собирая дрова, мы с Алимбеком обменялись мнениями о возможном умышленном обмане нас проводниками. Решили не дать им возможности опомниться и серьезно, твёрдо с ними поговорить.

Забрались в палатку, зажгли свечу, налили по кружке чая.

— Так куда мы едем, Тнэскин? — спрашиваю его.

— Прямо.

— А вот эта штука, — я показал на компас, — говорит, что ты обманул.

Тнэскин молча и долго закуривал, потом взялся пить чай, причем всё это делал суетливо и как-то неестественно. Хотя в палатке было нежарко, с него пот лил ручьями.

— Может быть, ты кого боишься и не хочешь сказать правду?

Он засопел, поёрзал на месте и сказал:

— Я знаю, Итаукай здесь недалеко, но я его боюсь, поэтому мы не хотим вести вас к нему. Он очень злой и сильный человек, может даже убить.

Теперь стала понятной вся картина предыдущих поисков: проводники, боясь гнева Итаукая, провели группу Бойко недалеко от его стойбища и увели в сторону. Я попросил рассказать всю правду, как это было.

Они, действительно, прекрасно знали, в каком месте скрывается сбежавший кулак, но страх оказался выше их сознания. Винить этих прекрасных в конечном итоге парней было не за что, виноваты мы сами. Надо быть наблюдательнее, осмотрительнее, и не давать себя провести.

Видя доброжелательное отношение к себе, повеселели и наши проводники, которые, наверное, ждали упрёков за содеянное. А мы от души были рады случившемуся с нами: и неудавшемуся обману, и тому, что ребята «исповедовались» перед нами, сами довольные тем, что «очистили» душу.

Чтобы проводники не испытывали страха перед «хозяином», решено оставить их на этой стоянке, а самим двигаться на захват беглеца.

Чуть начало рассветать; попив чаю, начали собираться в дорогу. Алимбек, отойдя в сторону на возвышенность, долго беседовал с проводниками. Видно было, как они размахивали руками, что-то чертили на снегу, наконец, видимо, достигнув взаимопонимания, спустились к нам. Оставили им чаю, продуктов на всякий случай и тронулись в путь. Ехали часа два и вот выезжаем из распадка на взгорок. Впереди гора по подошве в обхват, эдак километров двадцать, объехать которую можно и с той, и с другой стороны. С какой лучше? Вернее, с какой стороны обходил её Итаукай? Следов никаких не видно. Почему-то решили проехать с правой стороны, видимо, местность приглянулась.

Вдруг впереди едущий Алимбек закричал:

— Впереди кочуют люди!

Здесь мы все увидели, что примерно в полтора-двух километрах навстречу нам движется аргиш, растянувшийся длинной цепочкой. Времени на размышления и советы уже не было.

— Быстро вперёд, на сближение!

Нахлестывая оленей, помчались вперёд, чтобы едущие навстречу не успели предпринять каких-либо действий против нас. Подъезжаем и видим перед собой знакомую личность — Итаукай!

Радости не было конца: если мы раньше слали ему всяческие проклятия за то, что он заставил столько людей мучиться, то здесь готовы были обнимать. Встреча явно обозначала половину пути, и теперь будем жить надеждой на благополучное возвращение в Анадырь.

Тропою Богораза

Оказывается, Итаукай знал, что его ищут, идут по его следу. Он рассказал, что с месяца назад недалеко была группа русских, которые пошумели в тундре несколько дней и ушли на юг. Совсем неожиданно для него появилась ещё одна группа (имеется в виду наша), которая тоже стала его преследовать. Видя, что мы его настигаем, он решил обойти эту гору кругом, выйти на наш след и таким образом скрыться.

Развернувшись вместе с караваном, стали двигаться назад, туда, где ждут нас проводники. Теперь можно немного отдохнуть, привести себя в порядок. После многих дней пребывания под открытым небом на морозе, в пургу, мы сильно измотались, устали. Здесь в яранге можно обсушиться, попросить жён Итаукая подремонтировать порвавшуюся одежду.

Итаукай внешне настроен дружелюбно, жены его очень гостеприимно отнеслись к нам, было видно, что им надоело кочевать в одиночестве, в отрыве от людей. Мне показалось, что эти хорошие хозяйки и симпатичные женщины рады такому исходу дела, им хочется вернуться ближе к своим родным.

Решили в ближайшие дни тронуться в путь, оставив здесь за старшего нашего второго проводника Тнаургина, который должен кочевать к центральной усадьбе колхоза. При перегоне ему будут помогать жены Итаукая, которые с этого времени станут пастухами, так как мужчин для этого пока нет.

Собравшись, упаковались, проверили последний раз всё снаряжение. Дорога предстояла дальняя и сложная: надо было второй раз перевалить через Анадырский хребет, теперь уже в другом месте, ибо путь сюда был зигзагообразным и длинным. Проводники обещали провести нас по укороченному варианту.

Какие мощные горы! Пробираемся по ущельям, где-то поднимаемся несколько часов вверх, затем ищем спуск в очередное ущелье. Спускаясь, иногда не можешь сдержать нарту и оленей, и тогда всё идет вразнос — олени всё убыстряют и убыстряют бег, нар-

ты, хотя их и тормозишь, верно, не всегда успешно, уже трудноуправляемые, догоняют оленей, бьют их по ногам, те, в свою очередь, пугаются, и... пошла «цепная реакция». В общем, результаты такого спуска подсчитываются где-то внизу: где олени, где нарты, иногда поломанные, скудный скарб, сам седок — всё свалено в кучу. Синяки тут не в счёт.

Когда же кончатся проклятые горы?

Заберёшься на перевал, посмотришь кругом, и, сколько глаз хватает, всё горы и горы. В ясную погоду хребты горных кражей ослепительно блестят, а кругом такая безжизненная пустота.

Однажды мы попали в страшное положение — забрались в ущелье, а там оказалось очень много сухого сыпучего снега, который пересыпается, как сухой песок в пустыне. По грудь в этом снегу, не имея возможности куда-нибудь свернуть, — зажали скалы, — мы более двух суток бились, продвигаясь вперед буквально сантиметрами, таща почти на себе оленей. Этот кошмар мог кончиться для нас трагически, если бы мы немного смалодушничали. Могли погибнуть олени. Ну, а без оленей и мы ничего не стояли. Но мы победили. До сих пор вспоминается это событие, как тяжёлый кошмар.

Шли долго, но упорно, в любую погоду, ибо силы и жизненные возможности были у нас уже на исходе. Кончалось всё: и терпение, и продукты.

Наш многотрудный путь подходил к концу. Мы вышли из тундры со стороны Ближнего Канчалана на Анадырский лиман, где в последний раз попали в страшную пургу. Обидно быть рядом с домом и не дойти туда! Но мы, битые уже путешественники, решили, несмотря ни на что, по компасу дойти до цели.

Наше появление для начальства было неожиданным: такая пурга, и вдруг мы здесь, да ещё с Итаукаем вместе. Оказывается, длительное, около двух месяцев, наше отсутствие не на шутку стало беспокоить руководство окружных органов, и на днях хотели высылать на поиски самолёт.

ДОБРАЯ ОШИБКА

Выполняя поручение партийных и советских органов по быстрейшему завершению коллективизации, обременённые заботами и тяготами походной тундровой жизни, мы порой забывали о некоторых, на первый взгляд, ничего не значащих формальностях. В дальнейшем жизнь и закон жестоко за это наказывали.

Ранее неоднократно говорилось, что кулаки вынашивали жестокие и безрассудные планы борьбы с представителями Советской власти в тундре. Например, готовили в горах засаду. Или отдельная группа особо ненавидящих советскую власть националистов совершенно серьёзно обсуждала план нападения на один из небольших населённых пунктов, чтобы вырезать там русских, всех до единого, в том числе женщин и детей.

Все эти намерения и планы работниками следственных органов документировались и представлялись для окончательного решения прокурору. Он, тщательно рассмотрев эти материалы, счёл необходимым дать санкцию на арест преступников.

Кроме всего, не выдворив этих мироедов из тундры, невозможно было освободить трудовое население от вечной кабалы, в которой люди находились из поколения в поколение, наконец, нельзя завершить коллективизацию.

Сейчас, спустя много лет, некоторые начинают рассуждать: может быть, и не стоило так жестоко поступать с ними, они Советской власти не свергли бы. Конечно, Советскую власть им не одолеть, но тогда это был единственно правильный ход, иначе возня вокруг этого вопроса затянулась бы на многие годы. Да и нельзя было допускать случаи, которые могли бы привести к напрасным жертвам.

Забегая вперёд, хочется отметить, что жизнь подтвердила правильность принятого решения.

В общем, всех кулаков и их приспешников, которые не хотели подчиняться законам Советской власти и, мало того, объявили ей

войну, необходимо было из тундры изъять и поставить перед советским судом. Такая операция была успешно проведена.

Наконец, справедливость восторжествовала, преступники приговорены к различным срокам лишения свободы с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества. Я не зря подчеркнул эти слова из приговора военного трибунала, который их судил.

Создавая колхозы, в основном, на базе оленьих стад, конфискованных у кулаков, я, например, забыл, а вернее, преследовал только одну цель: колхозы, и более ничего. А согласно закону, я как должностное лицо органов следствия должен был всех оленей, конфискованных у преступников, сдать колхозу под сохранную расписку до решения суда. Когда состоялся суд, который приговорил преступников к лишению свободы с конфискацией в пользу государства всех оленей, то конфисковать было нечего, — все олени оказались в колхозных стадах, и колхозы считали их своей собственностью.

Возник крупный конфликт, а виновным во всем этом оказался я. Видите ли, я нарушил нормы закона.

После решения суда колхоз должен был выкупить этих оленей у государства. А на что он, не имеющий за душой ни гроша, выкупит? Ведь на старые деньги в среднем олень стоил триста рублей. Кулацких же оленей получил тысяч пятнадцать—двадцать только один колхоз «Заря». Это выливается в очень уж крупную сумму.

И встал вопрос: если колхозы отдадут оленей, они пойдут в торговую сеть, где их забьют, даже маточное поголовье, и колхозы, оставшись без оленей, будут влачить нищенское существование. Мало того, воспроизвести эти потери в поголовье будет очень трудно в течение многих лет.

Поэтому, какие бы громы и молнии ни метали судебные исполнители и финансовые органы, колхозы наотрез отказались отдать оленей.

Тропою Богораза

И вот тогда-то весь мощный огонь властей был сосредоточен на мне. Куда только меня ни вызывали, чем только ни грозили, вплоть до разжалования и суда за нарушение социалистической законности.

Самое главное, все они формально были правы: я действительно нарушил букву закона — не оформил сохранную записку. Это было, отчасти, от моей неопытности и от логического желания как можно быстрее создать колхозы. Ведь установку на это давал нам окружком партии.

Старшие товарищи помнят, наверное, то время, когда было можно всё, что им неугодно, называть «бериевщиной». Тогда этим словом жонглировал каждый — понимал он что-либо в законности или нет, — самое главное было кричать об этом. И я попал под эти колёса, которые меня мяли и терзали. Хоть к стенке ставь и расстреливай такого подлеца и врага советских законов и власти! От меня поборники законности не отставали. А что я мог поделать? Если бы олени у меня были дома, я бы их отдал, а то у меня ни оленей, ни документов на них.

Друзья смеялись, показывая на меня: вот идет бескопеечный миллионер. Шутки-то шутками, а дела у меня складывались как

нельзя худо. Все, кто давал нам напутствия на скорейшее создание колхозов, встали в сторону, заявляя: мы ведь посылали тебя не нарушать закон, а создавать колхозы и выдворять кулаков из тундры.

На этой почве пришлось перенести много неприятного и порой незаслуженно оскорбительного. Что поделаешь, век живи — век учись. Наши препирательства зашли в тупик, и, видимо, кому-то пришла единственно правильная мысль: с меня взять нечего, а выгнать со службы, наверное, поленились, и от меня отстали.

Вывод из рассказанной мной истории об оленях: до сих пор считаю, что я сделал очень добрую ошибку, которая помогла колхозам быстро встать на ноги, и они вскоре стали очень зажиточными хозяйствами.

Этот случай, вероятно, мало кто помнит на Чукотке, но я горжусь тем, что и моя частица труда вложена в их благополучие.

Всё, рассказанное мной, — только часть проводимой в те годы работы, большой и трудной, когда чукотская экономика набирала силу, основываясь на огромных богатствах этого края. Очень радостно сознавать, что Чукотка сейчас живет полноценной жизнью, идёт в ногу со всей страной.

ИЗ ИСТОРИИ ПОХОДА ЧУКЧЕЙ В КОММУНИЗМ И ОБРАТНО

Сорок лет назад я прибыл на Чукотку и, работая здесь специалистом по оленеводству, застал ещё тот уровень общественных отношений среди коренных народов, который тогда было принято называть патриархально-общинным строем, и который, по действующей советской доктрине, необходимо было быстро и решительно превратить в коммунизм.

К концу 1950-х гг. завершилась сплошная коллективизация в северных регионах России, в ходе которой частное поголовье домашних оленей коренных народов вместе с пастбищными угодьями было экспроприровано и бесплатно обращено в ранг коллективной, а, по существу, государственной собственности. И всё же эти новшества вначале не оказывали существенного влияния на национальное самосознание коренных народов. Чукчи продолжали считать колхозные стада своими личными, бригадирами становились бывшие владельцы оленьих стад, и весь уклад жизни оставался таким, каким был сотни лет до этого.

Многое воспринималось тогда положительно и даже восторженно. Но с улучшением обеспечения продовольствием в жизнь коренных народов вторгнулся алкоголь (до середины 1950-х гг. в районах проживания коренных народов Севера действовал сухой закон). Активно ликвидировали неграмотность, но при этом дети, насильно вывезенные из стойбищ, фактически становились детьми государства. В системе закрытого воспитания в школах-интернатах из них лепили «нового человека». Так разрушалась крепкая семья, на которой держалось традиционное хозяйство.

Начавшийся своеобразный культурный подъём (появились писатели из аборигенов, специалисты-гуманитарии, издавались кни-

ги на языках коренных народов) основан на срастании традиционной и русской культур. Обрусение коренных народов Севера (а это вполне вписывалось в концепцию формирования «нового советского человека») в первую очередь коснулось национальных языков. По негласному указанию ЦК КПСС, уже с середины 1960-х гг. перестают выпускаться школьные учебники на родных языках народов Севера, преподавание национальных языков в школах прекращается.

Таким образом, в следующем десятилетии большинство коренной молодёжи Севера становится, по образному выражению чукотской поэтессы Антонины Кымытваль, «люмпенами духовной культуры», ведь потеря своих национальных традиций и языка не даёт возможности в полной мере освоить и общероссийскую культуру. Оленеводы не видели своих детей годами. Родители и дети иногда просто не понимали друг друга, разговаривая на разных языках. У детей терялось родственное чувство к родителям. Не счесть трагедий на этой почве.

Уже в 1970-е гг. на Чукотке, как и по всему Крайнему Северу, началась мощная деградация всех демографических процессов. При довольно высоком уровне рождаемости (22–24 промилле) смертность возросла настолько, что в большинстве северных регионов произошло снижение общей численности коренного населения. Этого не могла скрыть даже официальная советская статистика, основанная на результатах переписи населения 1979 г.

1960-е гг. — последний социально-демографический всплеск в истории коренных народов Севера России, когда государство направило немалые средства на осуществление своей благой доктрины — ускоренного массового перевода коренных малочислен-

ных народов с кочевого образа жизни на оседлый. Многим тогда казалось, что с помощью новых поселений можно сконцентрировать кочевое население, более экономно создать достойную социальную инфраструктуру и освободить людей от тяжкой борьбы с природой за своё существование.

Так виделось решение проблем кочевого населения через призму официоза советского государства, и многие искренне поверили в этот путь. Ибо не знали, в силу закрытости советского общества, других вариантов. Не знали о том, как уже обожглись государственные власти и в Канаде, и в США, и в африканских странах, выбрав путь ускоренной цивилизации коренных народов. Единичные голоса здравомыслящих, тех, кто знал принципы и заветы первых преобразователей жизни коренных народов, — осторожность и ещё раз осторожность в реформировании традиционного образа жизни! — были решительно пресечены. И как показало время, новые национальные посёлки стали ухудшенным вариантом американских резерваций, также зарекомендовавших себя не с лучшей стороны.

Сначала в национальных посёлках концентрировалось преимущественно аборигенное население с небольшим числом приезжих специалистов (учителя, врачи, строители). На ответственных руководящих постах стояли представители коренных народов. Но на рубеже 1960–1970-х гг. сюда хлынул мощный поток мигрантов, которых местные называли «русскими», хотя это были и украинцы, и молдаване, и татары, и др.

В начале 1980-х гг. подавляющее большинство национальных посёлков Севера с населением 300–1500 человек было заселено «русскими» более чем наполовину. Естественно, что приезжие в силу своей большей численности, инициативности стали, по существу, полновластными хозяевами. Именно в этот период мы провели углублённые социально-демографические и социологические исследования в национальных посёлках и выявили следующую картину.

За редким исключением, все «командные высоты» (директора совхозов, партийные руководители, председатели сельских советов, главные и ведущие специалисты сельского хозяйства и социальной инфраструктуры, учителя, работники коммунальной службы, престижные рядовые рабочие места) были заняты представителями приезжего населения с соответственно более высокой оплатой труда. При этом многие из них занимали по два–три рабочих места.

Уровень жилищных условий у «русских» мигрантов был достаточно высоким, в то время как в отношении оленеводов можно говорить о настоящей жилищной трагедии. В шестидесятые годы в соответствии с доктриной массового перевода коренного населения с кочевого образа жизни на оседлый, каждой семье оленевода на льготных ссудных условиях государство построило маленький деревянный домик площадью 20 м². Зачастую в нём приходилось ютиться семье в 8–10 человек. Но поскольку пастух-оленеvod с женой проводил в тундре до одиннадцати месяцев в году, домики эти как бы сдавались в аренду приезжим, а на самом деле отторгались у законных владельцев. К середине 1970-х гг. на территории Магаданской области, куда тогда входила и Чукотка, две трети оленеводов — это более 700 семей (3500 человек) — вновь очутились в кочевом состоянии, т.е. не имели своего жилья. Для них были снова построены сотни более благоустроенных квартир, но и их постигла та же участь: они оказались либо заселёнными родственниками из посёлков, либо насильно арендованы приезжим населением.

В ходе наших научных исследований были выделены три чётко консолидированные социальные группы населения в национальных посёлках Чукотки: приезжее население («русские»), представители коренной общины, постоянно проживающие в посёлке, оленеводы и их семьи. Все они значительно различались по социально-демографическим показателям, и, прежде всего, по характеру семейного положения.

У мигрантов коэффициент семейности приближался к 90 %. В то же время, среди мужчин-олeneводoв каждый второй был холостяком, а в группе до 30 лет – трое из четырёх. С одной стороны, это психологическая и физиологическая трагедия для здоровых крепких мужчин, годами находящихсЯ в изолированных условиях олeneводческой бригады. С другой стороны, и хозяйственная: государство, построив национальные посёлки, вывело женщин и детей из олeneводства, разрушив олeneводческую семью, на которой держалась традиционная хозяйственная отрасль.

Исторически стойбище олeneводoв как трудовое и родственное содружество трёх–пяти семей, где каждый участник имел чётко очерченные границы трудового участия, могло успешно выпасать стадо численностью до двух тысяч голов, что, в свою очередь, позволяло обеспечить всем необходимым всех членoв стойбища, включая продажу части мяса, шкур для приобретения других товаров.

Государство, разрушив семью олeneвода, подточило и устои стойбища, где соотношение мужчин и женщин к началу 1980-х гг. составляло 3:1. Семейная неудовлетворённость, прежде всего, молодых олeneводoв, приводила к нервным срывам во время редких зимних посещений посёлков – длительным запоям, смертельным отравлениям алкоголем, бытовой преступности на почве личных трагедий и пьянства. Продолжительность жизни у олeneводoв в середине 1980-х годов составляла 46 лет.

Поразительно, но оказалось, что в посёлках, в относительно комфортных условиях, где соотношение мужчин и женщин значительно превалировало в пользу вторых, коэффициент семейности представителей коренной общины оказался ещё ниже, чем у олeneводoв. Спившиеся мужчины в мужья не годились. Да и заработок у них, как правило, занятых на низкооплачиваемых подённых работах, был невысок, и они его пропивали.

Сложился следующий стереотип женщины коренной общины из посёлка. У неё

трое или четверо детей от разных мужчин, часто приезжих. Семейный бюджет состоял из небольшого заработка на основной работе, пособий на детей от государства как матери-одиночке, страховых пособий по болезни или уходу за больными детьми. Кроме того, дети-дошкольники находились на полном государственном обеспечении в детском садике (при желании – круглосуточном), а ученики – в школах-интернатах с бесплатным трёхразовым питанием. То есть, в целом слагался достаточный материальный достаток, но традиционная семья и тут была разрушена. На почве пьянства рождалось много детей с различными психическими отклонениями.

Если в 1960–1970-е гг. достаточно большое число коренных северян получало среднее общее, специальное и высшее образование, то к концу 1980-х это были единицы. Продолжительность жизни представителей коренной общины, постоянно проживающих в посёлках, в середине 1980-х гг. была в пределах 42–44 лет из-за высокой смертности по неестественным причинам, то есть ещё ниже, чем у олeneводoв.

Совершенно очевидно, что проводимый советским государством курс по преобразованию жизни коренных народов Севера при внешней привлекательности оказался губительным. Об этом стало возможным говорить лишь в годы перестройки во второй половине 1980-х гг., когда вся российская пресса была буквально заполонена сведениями о бедственном положении коренных народов Севера, считавшихся тогда самой обездоленной социальной группой в СССР. По разработкам научно-исследовательского института, в котором я работал*, при некоторой поддержке местных органов, началось жилищно-коммунальное обустройство семей олeneводoв непосредственно на маршрутах оленьих стад, то есть там, где пастухи и их семьи находятся постоянно. Прорабатывался вариант малокомплектной школы в олe-

* Магаданский зональный НИИ сельского хозяйства. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

неводческом жилищно-бытовом комплексе. Все это предпринималось для того, чтобы создать условия для возрождения оленеводческой семьи, возвращения женщин и детей в оленеводство. В начале 1990-х создавались ассоциации малочисленных народов Севера на местном, региональном и федеральном уровнях.

Но события 1990-х гг., связанные с переходом России на рыночные отношения, хаос во всех отраслях хозяйственной и общественной жизни, запущенность законодательной базы не позволили реализовать потенциал, заложенный в Российской Конституции в части защиты прав и интересов коренных народов Севера.

В начале 1990-х гг. были расформированы национальные оленеводческие госхозы — основной канал государственной поддержки коренного населения, и, главным образом, национальных посёлков. Распад госхозов послужил сигналом к миграции приезжего населения. Образованные вместо госхозов муниципальные предприятия на местном бюджете влачат жалкое существование. Естественно, что в таких условиях численность оленьих стад за последнее десятилетие сократилась втрое.

В связи с массовой обратной миграцией приезжего населения, развалилась социальная инфраструктура национальных посёлков, в которых теперь не хватает учителей, медицинского персонала, работников культуры и коммунальных предприятий, ликвидированы ремонтно-строительные подразделения.

Местные власти озабочены сегодня только двумя проблемами: как обеспечить минимальный уровень теплоэнергообеспечения национальных посёлков и не допустить массовых голодовок. Из-за разрушенной транспортной схемы продовольствие в национальные посёлки поступает нерегулярно, порой с магазин-

ных полок исчезает самое необходимое, цены на продовольствие в 3–5 раз выше среднероссийских. О рабочих местах для коренного населения не идет и речи, без работы осталось около двух с половиной тысяч оленеводов и их жён. Каждый второй представитель коренного населения в трудоспособном возрасте — безработный. Основу рациона коренных жителей составляют хлеб, рыба, продукты охотничьего и морского промыслов.

Российская пресса обо всем этом молчит: у неё хватает других забот (освещение политических распрей, забастовок, невыплат зарплаты бюджетникам и т.п.), да и добраться журналистам до отдалённых посёлков сложно. Научные программы по проблемам коренного населения на Северо-Востоке России свернуты из-за отсутствия средств. Поэтому об истинном положении унижения и нищенского существования коренного населения предстоит ещё узнать. Возможно — безвозвратно поздно.

Центральным органам власти России сегодня не до коренных народов Севера. За многие годы у Государственной Думы не нашлось времени для принятия пакета законов, реально защищающих права и интересы коренных народов Севера. Региональные органы, ссылаясь на отсутствие нормативных актов из центра и бюджетное голодание, также не в состоянии кардинально помочь коренному населению.

Вот как заканчивается для коренных малочисленных народов Севера России история похода в коммунизм. Вырванные из своих сложившихся вековых устоев, уложенные в прокрустово ложе коммунистической доктрины, а затем выброшенные на свалку рыночной стихии, коренные народы Севера России за короткий срок утратили всё, что нажито веками. В том числе историческую память и свои традиционные знания.

Фото II-1. Петр Яковлевич Потто, из группы *кэрэгрэмкын* (народ кереки), знаменитый бригадир оленеводческой бригады № 5 совхоза «Путь к коммунизму», на весенней корализации стада. Ваеги, 1970-е гг. Л. Паутов. © Архив А. Кудели

*Фото II-2**. Кулъумычи, жительница села Ваеги, с внучкой Мирой во время перекочёвки.
Ваеги, 1980-е гг. Л. Паутов. © Архив А. Кудели

*Фото II-3**. Фёдор Иванович Айняургин,
бригадир одной из оленеводческих бригад совхоза «Путь к коммунизму».
Ваеги, 1989 г. Л. Паутов. © Архив А. Кудели

*Фото II-4**. Сцена в селе Марково. Зима 1900–1901 гг.
В. Богораз. © АМЕИ, № 4104

Фото II-5. Ламуты (эвены), молодая женщина и её дочь,
возле своих верховых оленей во время приезда в село Ваги.
1980-е гг. Л. Паутов. © Архив А. Кудели

Фото II-6. (Слева).

Чукча-оленьевод Кеккын и его сын Александр
Етынкеу. Ваеги, конец 1970-х гг.
Л. Паутов. © Архив В. Нувано

Фото II-7. (Внизу).*

Кеккын собирается на охоту за снежными баранами.
Ваеги, конец 1970-х гг.
Л. Паутов. © Архив В. Нувано

*Фото II-8**. Алексей Максимович Куделя, зооспециалист совхоза «Путь к коммунизму». Баеги, середина 1980-х гг. Л. Паутов. © Архив А. Кудели

Фото II-9. Весенняя корализация стада. Место и дата съёмки не установлены. Автор не установлен. © Архив Е. Рультынеут

Фото II-10

Мальчик в Анадыре. Трубка европейского типа во рту мальчика и стоящая рядом с ним собака явно принадлежат приезжим, скорее всего американцам. 1900–1901гг. В. Богораз. © АМЕИ, № 1339

Фото II-11.*

Анатолий Тевлягиргин вместе с сыновьями и младшим братом забивает жертвенного оленя на годовых поминках своего отца Ратвыргыгына. Янракыннот, 1979 г. Н. Перов. © Архив Л. Богословской

Фото II-12.
Чукотский мальчик Тимур Омрынто возле родной яранги.
Ваеги, 1980-е гг. Л. Паутов. © Архив А. Кудели

Фото II-13.
Подросток-чуванец Фёдор Куркутский помогает родным
разделывать забитого оленя. Ваеги, начало 1980-х гг.
Л. Паутов. © Архив А. Кудели

Фото II-14.*
Жители села Ваеги
Николай Иванович Нувано (1935–2007)
и его жена, Нина Петровна Эутваль.
Ваеги, 1984 г.
Л. Паутов. © Архив В. Нувано

Фото II-15.
Жители села Ваеги
Вячеслав Николаевич Вальгиргин,
Николай Иванович Нувано и его сын Александр.
Ваеги, начало 1980-х гг.
М. Гермашов. © Архив В. Нувано

Фото II-16.

Жители села Ваеги
Микулай (Николай) Качар, ламут,
имеющий родство с коряками, и его жена.
Рядом с супружеской парой две ненецкие
оленегонные лайки (оленегонки).
Эту породу аборигенных собак завезли
на Чукотку из Ненецкого АО в середине XX в.
В настоящее время оленеводы многих регионов
Чукотки активно используют оленегонок
для выпаса оленей.
Ваеги, 24 октября 1974 г.
Л. Паутов. © Архив В. Нувано

Фото II-17.

Жители села Ваеги
Семён Федотович Берёзкин, ламут,
имеющий родство с коряками,
и его жена, Нина Ивановна Навелькай (Нувано),
по паспорту чуванка, на самом деле –
чукчанка с корякской кровью.
Ваеги, 1977 г.
Л. Паутов. © Архив В. Нувано

Фото II-18. Ваежские женщины из ансамбля «Тополинка» на празднике *Эргав* в Анадыре.
 Слева направо: Кеунеут, Тын'атвааль, Момак, Пчик, Тынен, Тевлян (Ирина).
 Дата съёмки и автор не установлены. © Архив Е. Рультынеут

Фото II-19*. Жители села Ваеги в тундре. Слева направо: Эйненкевкей, Н.И. Навелькай (Нувано),
 Ольга Каннына (с бубном), Тын'атвааль, Пчик, их дети и внуки.
 Ваеги, начало 1980-х гг. Л. Паутов. © Архив В. Нувано

*Фото II-20**. Жертвы коллективизации 1940 г. Ваежские чукчи:
Ф.Т. Тыккыкай (слева) и Мыргымыр. Снимок сделан после их возвращения из ссылки.
Ваеги, 1960-е гг. Автор не установлен. © Архив В. Нувано

*Фото II-21**. Вдовы сыновей Гемавье, убитых во время коллективизации
1940 г. Слева – Етеут, справа – Тын'атвааль.
Ваеги, конец 1970-х гг. Л. Паутов. © Архив В. Нувано

Фото II-22. Чукотский обряд с «четырьмя птицами». Анадырь, зима 1901 г. В. Богораз. © АМЕИ, № 1322

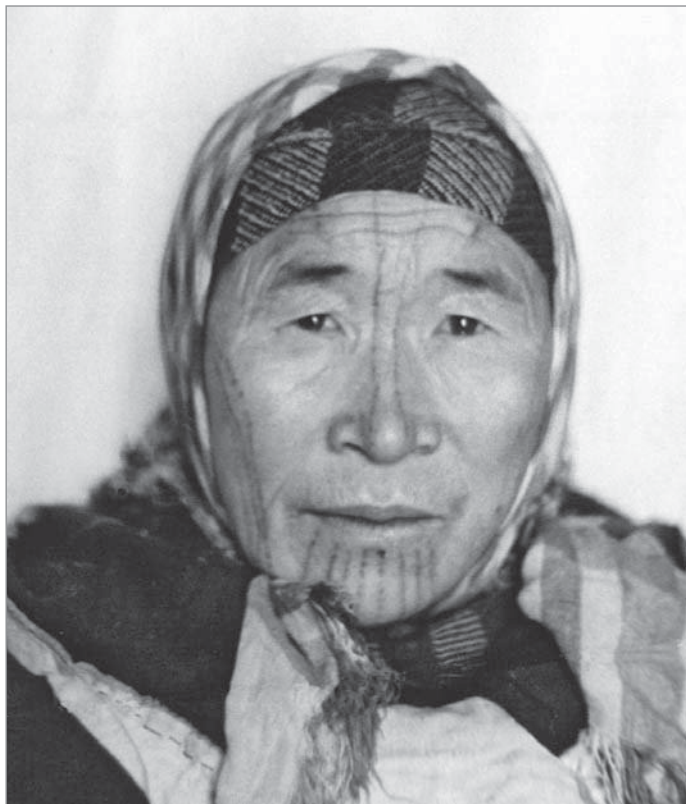
Фото II-23. Совершение обряда в стойбище оленеводов. Слева направо: Вууна, Валентина Вальгиргина и её дочь Мира, Игорь Нувано, Алена Рультытегина. Ваеги, начало 1980-х гг. Л. Паутов. © Архив В. Нувано.

*Фото II-24**. Священные предметы (*гыргырт*) на забойной площадке.
Ваги, 1980-е гг. Л. Паутов. © Архив В. Нувано

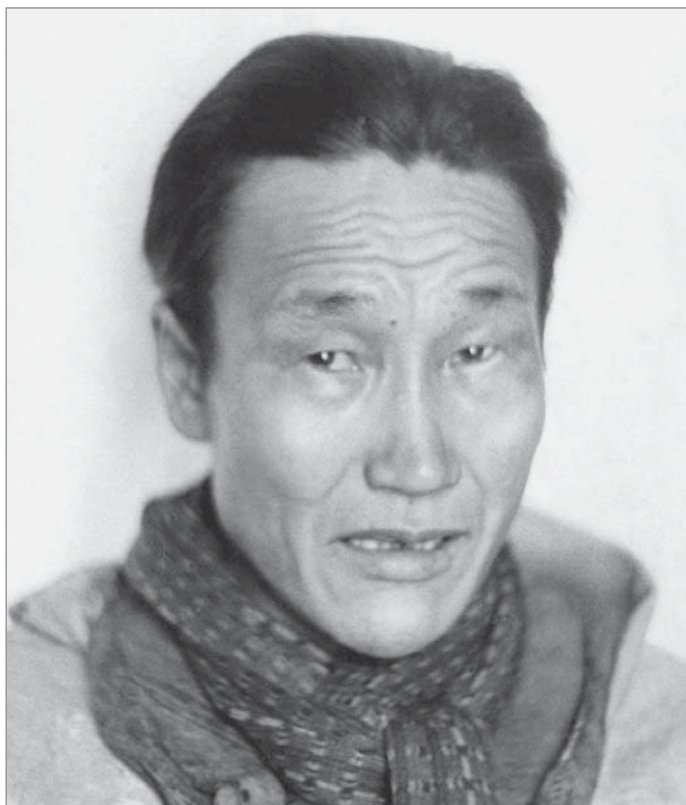
Фото II-25. Летняя стоянка оленеводческой бригады №1 совхоза «Путь к коммунизму».
В центре – хозяйственный помост, где на вешалах вялится оленина.
Ваги, 1980-е гг. И. Дылев. © Архив Л. Богословской

*Фото II-26**. Тəгретгеут, жительница села Ваеги. 1960-е гг. Автор не установлен. © Архив В. Нувано.

*Фото II-27**. Н.П. Эутваль, жительница села Ваеги (см также фото II-14). 1960-е гг. Автор не установлен. © Архив В. Нувано.

*Фото II-28**. И.И. Тыневентын, житель села Ваеги. 1960-е гг. Автор не установлен. © Архив В. Нувано

*Фото II-29**. Энен, житель села Ваеги. 1960-е гг. Автор не установлен. © Архив В. Нувано

Фото II-30. Молодая чуванка Федосья Никулина.
Марково. зима 1900–1901 гг.
В. Богораз. © АМЕИ, №1409

Фото II-31. Молодой чуванец. Марково, зима 1901 г.
В. Богораз. © АМЕИ, №2731

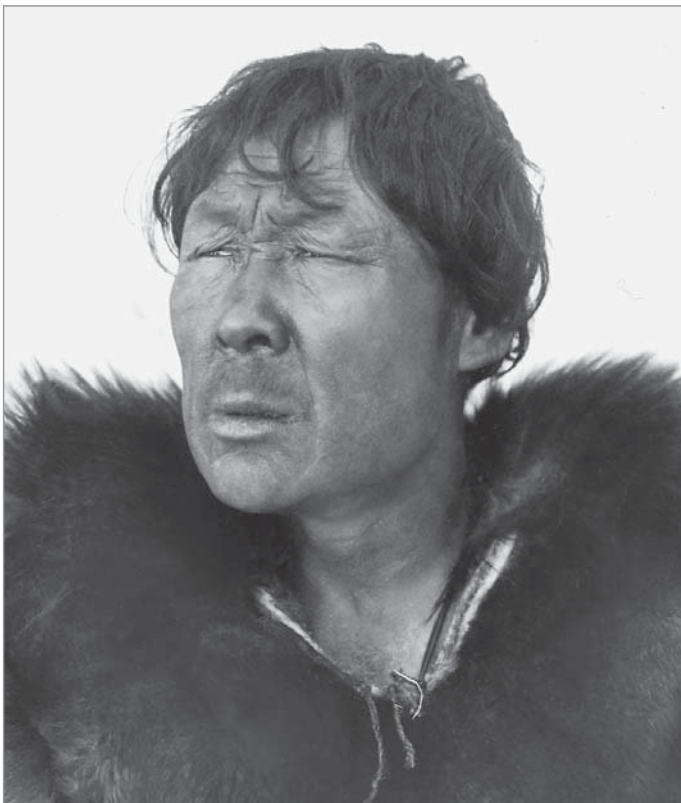

Фото II-32. Олений чукча. Зима 1901 г.
В. Богораз. © АМЕИ, №2607

Фото II-33. Женщина-чукчанка в зимней одежде.
1900–1901 гг. В. Богораз. © АМЕИ, №2385

*Фото И-34**. Владислав Николаевич Нувано,
оленовод бригады № 6 совхоза «Путь к коммунизму».
Ваеги. 1984 г. Л. Паутов. © Архив В. Нувано

КОММЕНТАРИИ К ФОТОГРАФИЯМ РАЗДЕЛА II

Фото II-2. Кулзумычи считает, что её предки принадлежали к онмылинской группе чукчей.

Фото II-3. В 1970–1980-х гг. оленеводческие бригады южных чукчей успешно применяли лошадей для перекочёвок и выпаса домашних оленей.

Фото II-4. На снимке – мужчина возле грузовой четырёхкопильной собачьей нарты. Под его правой рукой – вертикальная дуга-баран, в левой – остол для торможения нарты.

Фото II-7. Кеккын вооружён винтовкой Мосина (трёхлинейкой), рядом с нартами – местная охотничья собака (*кытэпъытъын* – «баранья собака»), которую можно отнести к породе «восточно-сибирская лайка». Нарты Кеккына подбиты металлическими подполозками.

Фото II-8. Такие зоо- и ветспециалисты, как А. М. Куделя, вместе с опытными оленеводами в 1970–1980 гг. сохранили чукотское оленеводство, несмотря на перевыпас и эпизоотии, которые стали неизбежными после разрушения традиционной системы оборота пастбищ и маршрутов перекочёвок оленьих стад.

Фото II-11. Тевлягиргин (Анатолий), бригадир 2-ой оленеводческой бригады совхоза «Заря коммунизма», – один из немногих оленеводов Восточной Чукотки, кому удалось сохранить оленей во время голода 1990-х гг. Вместе со своей семьёй и родными (11 человек в 1999 г.) он выпасал стадо, главным образом, на острове Аракамчечен.

Фото II-14. Нувано Николай Иванович, бригадир 6-ой оленеводческой бригады совхоза «Путь к коммунизму». Его отец

К'отаквургын и дед Гемавье были убиты во время насильственной коллективизации 1940 г. в сёлах Берёзово и Ваеги. Нувано принадлежал к вилюнейской группе чукчей, его жена Эутваль – из группы *кэрэгрэмкын* (народ кереки).

На голове у Нувано летняя шапка южных чукчей: опушка из выдры, сверху – тонкая нить бисера.

Фото II-19. Тын'атвааль и Пчик набросили на головы традиционные капюшоны, которые носят южные чукчи. Северные чукчи-олeneводы таких капюшонов не знают, вероятно, они были заимствованы ваежскими чукчами у коряков.

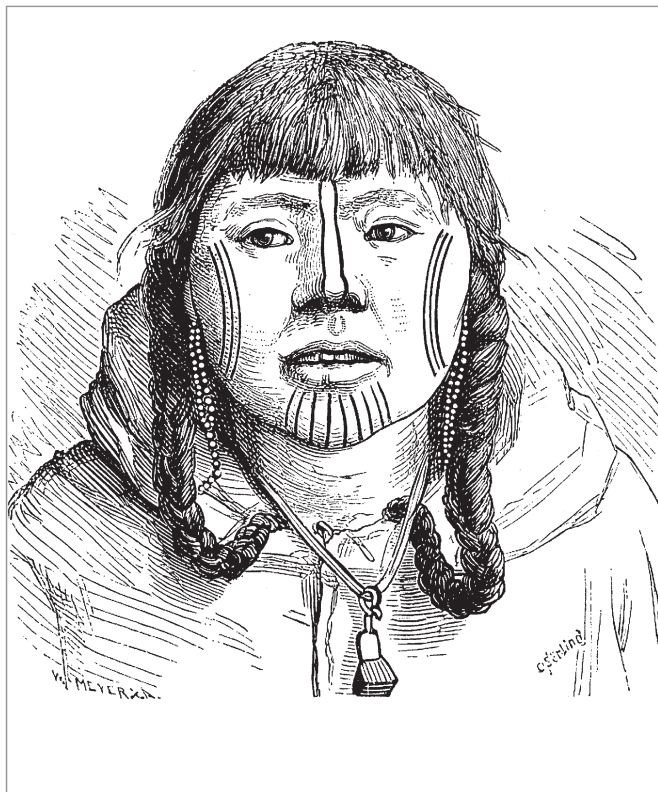
Фото II-20. Тыккыкай (Федор Тимофеевич), очень грамотный вилюнейский чукча, сидел в тюрьме за события 1940 г. Его отец Нутевье был убит вместе с Гемавье.

Мыргымыр, младший брат Етгеут, жены К'отаквургына, был посажен в тюрьму за родственные связи с богатыми оленеводами и сопротивление коллективизации.

Фото II-21. Етгеут – вдова К'отаквургына, сестра Мыргымыра, мать Н. И. Нувано; Тын'атвааль – вдова Ээкетъэта.

Фото II-24. Слева направо: «копье», «змея», «посох» с привязанным камнем, палочка с привязанными камнями-амулетами. Оленеводы кормят *гыргырты* кровью забитых оленей. Переплетённые ветки с положенными на них рогами посвящены небу.

Фото II-26 и II-27. Лица женщин на этих фотографиях татуированы по схеме, традиционной для чукотской оленеводческой культуры. Впервые подобная татуировка была зарисована в 1878 г., во время экспедиции знаменитого исследователя Арктики Н. Норденшельда на судне «Вега» вокруг се-

Татуировка чукотской женщины (Nordenskiöld, 1882)

веро-восточной Чукотки. Береговые чукчанки и азиатские эскимоски также татуировали свои лица, но схемы их татуировок были намного сложнее и разнообразней (Bogoras, 1904. С. 255).

Фото II-28. Тыневентын (Иван Иванович) посажен в тюрьму, затем сослан за участие в Берёзовском бунте 1949 г. Был одним из немногих сосланных оленеводов, кто вернулся на родину. Вспоминал: «Я строил Комсомольск-на-Амуре, только ни одного комсомольца там не видел».

Фото II-29. Энен, принадлежавший к онмылинским чукчам, бежал от коллективи-

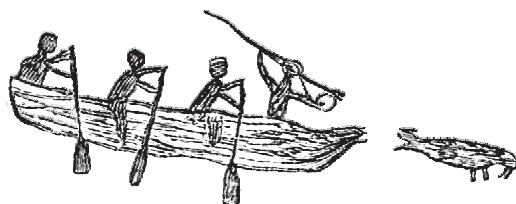
зации из села Канчалан в Ваеги, но именно там она его и настигла.

Фото II-34. Владислав Нувано принадлежит к вилюнейской группе (*вилюн'эйрэмкын*) чукчей-олeneводо-в села Ваеги. Он – сын опытного бригадира 6-ой оленеводческой бригады Николая Нувано (фото II-14, II-15, IV-23), внук К'отаквургина и Етгеут (фото II-21), правнук знаменитого оленевода Гемавье.

В. Нувано написал несколько замечательных статей о жизни и культурных традициях чукчей-олeneводо-в, четыре из них (одна в соавторстве с А.И. Вальгиргиным) опубликованы в этой книге.

III

ЖИЗНЬ НАРОДОВ ЧУКОТКИ В XX–XXI вв. МОРСКИЕ ОХОТНИКИ

РАМКЫТ – СТАРЫЕ ПЛЕМЕНА И ОБЩИНЫ

Конечно, я знаю, что такое «племя». Это – как небольшая народность. Наверное, можно сказать, что у нас [азиатских эскимосов-юпик] тоже так было. Знаю, чаплинские – всегда отдельно, кивакские – отдельно, аваньские – отдельно, сирениковские – отдельно. А науканцы – те совсем от нас отдельно. Наверное, пять получается у нас народностей.

Но спросить так по-нашему нельзя. Нет по-эскимосски слова «племя». У нас только по сёлам говорят, откуда ты родом. Наверное, по отцу надо спрашивать, у нас всегда по отцу. Но так ведь не спрашивают: у нас вообще редко, если совсем незнакомые люди встречаются. Обычно мы знаем друг друга или имя слышали. Не надо спрашивать.

Но если совсем незнакомого человека встретишь, у нас обычно спрашивают: «*Накумин'узин?*» – «Откуда ты?», «Где ты родился?» Из какого он посёлка, выясняют. Тогда отвечает человек: *ун'азиг'ми, сик'лтюг'ми, тыфлзыг'ми* – где он живёт, так и говорит.

Потом спрашивают: «*Китумпикатын?*» – «Чей сын?» Я, например, отвечу: «Сын *К'уйн'ик'а*». Тогда спрашивают: «*Накумин'уяхта атан?*» – «Откуда отец?» Я отвечаю: «*Ун'азиг'ми нуяхтук'*» – «Бывший *ун'азиг'ми*» («урожденный *ун'азиг'ми*»). Прямо сказать: «Мой отец из чаплинского племени» нельзя одним словом, такого слова у нас нет.

Если *Юхак'а* здесь [в Сирениках] спросить: «*Накумин'узин?*» – он тоже скажет: «*Сиг'иниг'ми*» («сирениковский»). А про отца

скажет: «*Аватми нуяхтук'*». Потому что его отец в Аване родился. А если *Напаг'уна*, например, спросить, он тоже скажет про отца своего: «*Аватми нуяхтук'*». Хотя отец его в Уреликах родился или на Пloverе. У нас так не говорят. Если по родителям спрашивают, только по старым сёлам говорят. Думаю, пять ответов можно дать: *ун'азиг'ми, к'иг'уаг'ми, аватми, сиг'иниг'ми и нывук'а'гми* («чаплинские, кивакские, аваньские, сирениковские и науканские»). Наверное, ещё можно сказать *йылъкелег'ми* («уэлькальский»), если из Уэлькаля человек. Но вообще-то уэлькальские отдельными не считались – они все чаплинские. И *имтуг'ми* тоже, наверное, нельзя сказать – в Имтуке все пришлые были, из разных мест. Как я помню, всегда по старым сёлам называли.

А те пять, что я назвал, считались совсем отдельными. У них всех разговор отдельный: у чаплинских – отдельный, у кивакских – отдельный, у *аватмит* – отдельный, у *сиг'иниг'мит* – тоже совсем отдельный. А науканский – совсем непохожий.

Сивук'ак'мит [эскимосы американского о. Св. Лаврентия] вообще-то ближе к чаплинским, разговор у них чисто чаплинский. Но они особыми тоже считаются, отдельно от чаплинских. Наверное, тогда всех племён у нас шесть было (считает, загигая пальцы): *ун'азиг'мит, сивук'ак'мит, аватмит, к'иг'уаг'мит, сиг'иниг'мит и нывук'а'гмит*.

А спросить, какого «рода» (*рамкы*) человек, наверное, у нас нельзя. Не спрашивают обычно, я таких слов не знаю.

Записал И. Крупник. Сиреники, 1975 г.

ПОТОМСТВЕННЫЙ МОРСКОЙ ОХОТНИК НИКОЛАЙ ГАЛЬГАУГЬЕ

Я ходила к герою моего рассказа Николаю Гальгаугье по вечерам, когда он возвращался с Имтука. Эта красивая лагуна, обрамленная высокими горами, расположена недалеко от села Сиреники. В летнее время берег Имтука, где стоят палатки и домики, оживает — сюда целыми семьями устремляются сиреникцы. Здесь основная рыбалка и место отдыха жителей села. И в зимнее время здесь рыбачат — ловят треску, одна рыба иной раз тянет до четырёх килограммов.

Николай Гальгаугье (фото III-1) — потомственный охотник, никогда без дела не сидит дома, хотя по возрасту уже пенсионер. Я знала, что он отличный рассказчик, может часами рассказывать об истории села, о прошлой жизни и обычаях своих предков, до седьмого колена знает свою родословную.

В первый день своего приезда в Сиреники решила побывать у морзверобоев. В тот день выхода в море не было, и каждый занимался своим делом: вот два парня ремонтируют мотор, молодой человек строгаёт весло к байдаре. А вот стоит почти готовый каркас байдары. Это работа Николая Гальгаугье. Каждая деталь закреплена только кожаным ремнём, без единого гвоздя. Необычной формы делает байдару Гальгаугье.

— Раньше, вроде бы, таких не встречала, — говорю ему.

— Да, — отвечает, — чтоб удобнее было ставить мотор и не прорубать колодец в середине байдары, да и её грузоподъёмность повысить. Жизнь подсказывает, — объясняет мне мастер.

Шесть десятков лет уже прожил он на земле. Всякое бывало в жизни, но одно оставил неизменным — следовать традициям

своего отца, деда, своих предков. Может быть, это много раз и спасало его, помогало в труднейших ситуациях. Он пешком, можно сказать, обошёл всю свою землю, всю Чукотку. Даже на острове Врангеля бывал.

— Знаешь, — говорит, — как-то прочитал, что требуются охотники на остров, поехал. Тогда на острове был жив знаменитый охотник Нанаун. С ним прошёл остров вдоль и поперёк. Сколько было там канадских гусей! Тысячи и тысячи! Мы с Нанауном заготавливали на зиму в бочки, подсаживали.

Я многое узнавала за вечер от моего собеседника — сидела рядом с ним, включив магнитофон, слушала и записывала. Последний раз встретила Гальгаугье возле его дома.

Он только что вернулся с Имтука. На нартах лежала свежемороженая рыба, недавно пойманная.

— Как добыча сегодня? — спрашиваю.

— Не густо, — отвечает.

Вот она, довольно большого размера рыба, — треска, *укак'* по-эскимосски. Сразу же предлагает мне: «Возьмёшь, попробуешь?»

Собаки около дома привязаны, накормлены, добыча сложена в кладовке.

— А ещё сдаю в совхоз, — говорит Гальгаугье, — всё-таки заплатят, может быть, когда-нибудь...

Записываю его рассказы на магнитофон после чая.

Гальгаугье говорит по-эскимосски:

— *Хуана'а ан'аюк'анка киях'тыкагут. Атх'алъх'аг'милъю, Аватмилъю, ынкам Имтугми. Амани к'антаг'ани. Ынкам таукна туман'а унугун'г'ан, пих'туг'ун'г'ан лисимакн'уак'ыхкыка.*

Уточняю:

— *Лъпык тагани киях'тыкагутын ама?*

Он отвечает:

— *Хуан'алъю к'унпын тагавык пинь-ми уныхтак'ылг'ин'а тамавык. Сяма та-зин'ани Атх'алъх'аг'ми илян'ани ных'-сяг'ниг'ак'ылг'ин'а, кувраг'ниг'ак'ун'а ма-гун ан'люкун'...*

Вот как звучит наша беседа по-русски:

— Мои родители жили в селениях Атх'алъх'аг'ми, Аване, Имтуке¹. И я в любую погоду, ночью, в пургу, без труда могу пройти по этим дорогам.

Я всегда посещаю эти места. В Лесовском² иногда на нерпу охочусь, сетку там ставлю на морского зверя. Меня хорошо научили мой дед, отец, другие охотники. Для меня коротким бывает день, когда я охочусь, за работой не замечаю, как заканчивается световой день. Я обучаю молодёжь, всё, что знаю сам, передаю им. Они быстро всё усваивают.

Переходим на русский:

— Я зимой иногда хожу в Синг'ак³. Это тоже охотничьи угодья. Туда на собачках еду ставить капканы, иной раз за нерпой. А иной раз встречаю зверя и покрупнее, белого медведя, к примеру. Эти медведи, бывает, корм для моих собак поедают, что на улице оставляю. Был запрет охоты на белых медведей, нельзя было их убивать. Ну, а тогда, в 1972 году, мне пришлось-таки проучить одного. Повадился к моей избушке, корм поедать каждый раз. А однажды и на меня кинулся, но выстрел остановил его. Мне пришлось убить медведя, хотя это запрещено.

На Синг'аке я бью нерп, однажды пятнистую убил*. На озёрах летом рыбу ловлю.

Там есть Итхылгытхын-озеро, там я гольца ловил. По берегу прохожу, начиная от Лесовского, до Пlovera⁴ дохожу, нерпу промышляю. А однажды лёд, по которому я проходил, растрескался, еле спасся. Одна моя собака поскользнулась, упала в воду.

*Пятнистой нерпой местные охотники называют тюленя ларгу. *Прим. ред.*

Закидушкой её поймал, вытащил. Был один, конечно, собаки ещё мне очень помогли. Вовремя на берег поднялся. А со мной — две нерпы, одну пришлось выпустить, отрезал верёвку, чтоб легче было сойти на берег. Я всегда помню наказ своего отца: «В таких случаях не жалею добычу — в следующий раз удача улыбнется». В первую очередь надо себя спасать. С двумя нерпами, правда, я не смог бы вовремя прыгнуть на берег. А так выпустил свою добычу и сам быстро сошёл на берег. На берегу отдохнул, а затем направился в свою избушку. Вот такие случаи тоже бывали. А избушка в Лесовском есть. Там иногда приходится ночевать.

— А ты мне рассказывал про удивительные случаи, когда бывал в этом старинном эскимосском поселении. Ведь там жили твои предки? — спрашиваю собеседника.

Николай отвечает:

— Это старинное эскимосское селение, очень давнее. Там и предки мои жили. Там много бывших землянок — *нынлю*. Иной раз вечером ложусь спать, а в коридоре где-то шумят, возятся. А мне совершенно не страшно, разговариваю с ними, с духами, значит, подкармливаю. Засыпаю, как дома у себя. А один раз проснулся утром, даже чайник не остывший, вот какую заботу обо мне проявляют духи.

А сам смеется.

— Говорю им, спасибо за заботу. Чай попью и иду на охоту или проверять капканы еду.

— Не страшно бывает — спрашиваю.

— А чего мне страшиться? — Дед мой, отец говорили, — никогда не бойся в таких случаях. Они друзья, вреда не будет от них. Это наши, только добра желают нам. Просто, как будто не обращаю внимания. Иной раз даже громко смеюсь, мол, мне не страшно. Сам с собой разговариваю. Но никогда не забываю про них. Я, когда что-нибудь добуду, нерпу, там, когда сеткой поймаю, обязательно покормлю духов. И так делали наши предки. В сказках ведь об этом тоже рассказывают. Никогда не бойся, будь с ними, как с людьми. И они помогут тебе.

Тропою Богораза

Я слушаю собеседника и вспоминаю сказы своего деда. Да, это наша жизнь, ведь мы с природой были единым целым. Мы друг другу помогали и выживали. Хотя это было нелегко.

Вот какую легенду я однажды услышала от стариков:

Однажды Илян'а — отличный сочинитель эскимосских песен, считали его добрым шаманом, — ехал на собачках к себе домой. Вдруг два незнакомых человека преградили ему дорогу. Говорят:

— Наш хозяин убедительно просит пожаловать к нам в гости.

— А мои собаки? — спросил Илян'а.

— Ничего с ними не случится, — ответили те двое.

Привели они Илян'а в большую землянку. Около жирника лежал молодой парень и стонал. А родители вокруг него сидели, не в силах помочь чем-либо.

Илян'а зашёл, посмотрел на парня. У него в боку воткнут обломок нарты. Он увидел и вытащил его. Парень сразу перестал стонать. Хозяева поблагодарили Илян'а и отпустили. Когда он оказался возле своей упряжки, рядом увидел гору. И ничего больше. Вот так.

Вернемся к нашему герою.

— Вот ты бывал везде, всю нашу землю обошёл, даже на Врангеле бывал. Расскажи о нём.

— Остров большой. Много зверей там всяких: песцы, белые медведи, моржи, летом дичи всякой. Белых гусей видимо-невидимо, вкусное мясо у них. В мае месяце начинали охотиться на них, до 9 июня. Они такие жирные, а мясо светлое. На острове очень много белых медведей. Поэтому чукчи его называют Умкилир — «Остров белого медведя». Там я и встретился со знаменитым охотником Нанауном. Он мой дальний родственник. На Врангель ведь ушли эскимосы из Авана в 1926 г. Говорят, что они пришли туда на остров, ничего там не было, я имею в виду жильё. Сами построили яранги из плавника, дёрна, — из того, что находили под рукой.

Тогда, в 1970 г., я охотился на острове. Мы с Нанауном заготавливали на зиму в бочках гусей. Первый раз меня послали в северную часть острова вместе с Чайвыгыргиним. Там мы осенью много моржей добыли. На байдарках охотились. На зиму себя и своих собак пропитанием обеспечили. Много песцов там, а лис нет, и волков нет. И олени там хорошо себя чувствуют. Говорят, их на самолетах завозили на остров. Численность увеличилась, и упитанность хорошая. Олени крупные, корм там для них хороший. Во все времена года не худеют олени.

А в земле мы находили бивни мамонтов. Я один раз сопровождал учёных на Мамонтову реку. По берегу реки мы шли, собирали бивни. Бивни мамонта одному мне не в силах было поднять, такие большие. Много костей животных мы обнаружили. Наверно, когда-то было в этих местах жарко.

Однажды мы с Нанауном направились к охотничьей избушке. Дело было весной. «Ты разожги примус, поставь чайник, — говорит он мне, — а я за кормом пойду, собак надо кормить».

Я разжёл примус, поставил чайник. Чай уже вскипел, а его всё нет и нет. Не дождавшись возвращения своего напарника, я решил пойти посмотреть, что же его так долго задерживает. Смотрю в ту сторону, куда он ушёл. А там что-то то белеет, то чернеет. А уже темнело. Плохо было видно. Повнимательнее посмотрел, а там небольшой белый медведь. Нанаун схватил его за шею и держит. Недолго думая, я побежал к избушке за винтовкой.

Приблизился к ним, думаю, если выстрелю, попаду в Нанауна. Говорю ему громко: «Наклони в сторону свою голову, стрелять буду в медведя». Немного наклонился Нанаун, я выстрелил в медведя. Убил наповал.

Весь вечер Гальгаугье может рассказывать случаи, которые происходили с ним лично на охоте. До мелочей помнит он и рассказы отца и деда. Вот фрагмент одного из них:

— Этот случай я услышал от своего отца. Одного уэлькальского охотника, имени не помню, на льдине оторвало от берега. Ко-

нечно же, с ним было ружьё. Не растерялся охотник, добывал нерпу, лахтака, пока не кончились боеприпасы.

Вот уже начал таять лёд, на котором он находился, а дело было к весне. Уже и не стало видно гор вдали. Он начал искать торосистые места, где можно было ещё удержаться. Вот нашёл такое место и стал строить жилище из снега. Построил, постелил внутри шкуру убитой нерпы и завесил вход такой же шкурой. В этом жилище стал жить. Никуда не стал ходить, потому что везде уже лёд оттаивать стал. Только остался целым тот кусок торосистого льда, на котором он находился. Патронов уже не было, и он начал понемногу отрезать куски шкуры, на которой спал, и питаться ею. Но вот съедена и эта шкура. Он начал есть кожаные ремни из охотничьего снаряжения.

Однажды утром открыл он свою дверь-шкуру, закрывающую вход, и увидел рядом с жилищем *тамунык* [мясо моллюска трубача]. Моржи питаются обычно им. Осмотрелся вокруг и увидел у края льдины, на которой находился, следы от когтей моржа. Он догадался, что ему тамунык морж подкинул, срыгнув из своего желудка содержимое. Вслух поблагодарил спасителя-моржа, что пожалел человека и подарил ему еду.

На второй день, когда уже кончалась еда, рано утром разбудило чьё-то громкое дыхание. Приоткрыл шкуру и увидел уже нырнувшего в воду огромного моржа. Зверь опять оставил охотнику содержимое желудка — мясо трубача. Несколько раз приносил к жилищу пищу человеку морж. Вот уже стал совсем маленьким лёд, на котором находился охотник.

Однажды во сне он почувствовал, что его укачивает. Проснувшись, снял шапку, прислушался и услышал крики морских птиц. Про себя подумал: «А ведь я у берега нахожусь...». Приоткрыл «дверь» свою и увидел поблизости высокую гору. Оказывается, прибило льдину к берегу около какой-то горы. Он догадался, что всю ночь морж вёл льдину к берегу. Тот морж, который подкармливал его в течение нескольких дней. Ступил на

долгожданный берег и сел. Не поверил, что оказался на спасительном берегу. Сел и заплакал.

Его прибило к берегу днём. Стал на берегу ждать наступления темноты. А его яранга, как он догадался, за этой высокой горой должна быть. Надо ещё порядком пройти пешком до яранги. Про себя подумал: «Надо дожидаться вечера, ночи, а то я напугаю домашних». Наступила ночь, и он отправился к родной яранге. «Как бы не напугать жену и ребёнка», — подумал охотник.

Подошёл он к яранге, с улицы к «внутренним» обращается: «Это я пришёл, не пугайтесь». Потому что с того времени, как его оторвало от берега в море, прошло три или четыре месяца. Соседи заинтересовались, как же он жив-то остался, где пропадал так долго. «Дайте мне хоть немного поспать, я столько времени нормально не спал, будучи на льду. Я вам завтра всё расскажу...».

Редко сейчас встретишь вот такого замечательного рассказчика. Я верю каждому его слову, потому что подобные случаи на самом деле происходили в жизни моих сородичей. Рассказывая, он называет те места, где происходили такие случаи.

Вот ещё одна история:

— Это происходило около селения Лорино. Мечигмен — так называется то место. В Мечигмене жил охотник. Это было зимнее время. У берега был большой припай. На краю припая торосы. Поднялся он на торосы и в бинокль увидел лежащего на льду лахтака*.

Приготовил своё ружьё и стал приближаться к зверю. Поднялся на следующий торос и оттуда посмотрел вниз и услышал что-то вроде рыка лахтака. Посмотрел в ту сторону, откуда раздавался крик, и увидел на кромке у воды лежащего голого человека. Голову вверх поднимает время от времени и кричит по-звериному. А ведёт себя человек этот так, как на ледовой залёжке ведут себя лахтаки. Ещё раз посмотрел в бинокль:

* Лахтак, или морской заяц, — крупный северный тюлень. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

лежит голый человек у кромки. Подумал охотник, подумал, назад стал пятиться, к дому, значит, надо бежать. Бегом побежал к берегу. А берег-то далековато от кромки припая был. Бежал, бежал, оглянулся назад и увидел — тот за ним бежит. Ускорил свой бег охотник, но тот вот уже скоро догонит. Уже за спиной слышит тяжелое дыхание догоняющего. Назад не смотря, выхватил своё ружьё, направил назад дуло, на ходу нажал курок и выстрелил. Подошёл охотник к убитому человеку и вслух сказал ему: «Завтра приду, положу в землю». И ушёл. Придя домой, пошёл в ярангу старшего брата и рассказал. Назавтра вместе они подошли к тому месту, где лежал убитый. И оказалось, что лёд с убитым существом оторвало и унесло в море.

Вот так человек-лахтак не захотел быть похороненным в земле, ушёл в свою стихию...

Говорят, что год спустя умер старший брат охотника.

— Вот эти рассказы, — говорил мне в тот вечер мой собеседник, — слышал я от деда, матери, от стариков, которые раньше собирались в какой-нибудь яранге. Этим рассказам не было конца. Они удержались в памяти. Если бы у меня было время, я мог бы написать целую книгу. А так нужно ведь думать, как прокормить себя и свою семью.

Действительно, только непогоду Гальгаугье переживает в домике, где обычно готовятся к промыслу морского зверя сиреникские охотники.

Всё охотничье снаряжение, — от кожаных ремней до байдары, — делает он своими руками. И делает основательно. Этому же обучает молодых охотников — своих племянников. Один из них, Анатолий Канихин, теперь и сам звеньевой. Молодые охотники уже сами и кожаные ремни могут сделать, и ту же байдару. Со знанием дела могут «расколоть» шкуру моржа на покрывало для байдары. Об этом с гордостью рассказывает мне Николай Гальгаугье.

Как-то возил он целый ящик копчёной рыбы в Провидения. Он сам сделал личную

коптильню за посёлком. Говорит, что друзьям очень по вкусу его копчёная рыба.

— Знаешь, как я копчу рыбу? — спрашивает у меня. — Я в опилки кладу старый ягодный кустарник, и копчёная рыба получается удивительно вкусная. Люблю угощать своих родственников, друзей. В Провидения я продавал копчёную рыбу по тысяче за штуку. Все-таки прибавка к пенсии.

Гальгаугье всю жизнь питался традиционной пищей. Отец у него был отличным охотником. У них была своя байдара. У отца и братья все охотниками были. И сегодня Гальгаугье больше всего волнует то, что с каждым годом морского зверя становится всё меньше и меньше.

— С каждым годом сокращается численность морского зверя. Мы убеждаемся в этом, выходя в море, — иной раз целыми днями мы ходим в поисках его. Во многом это зависит от человека. Мы теперь не следуем законам предков. И ещё. Выбивают морского зверя, в частности, моржа, лахтака, нерпу, кибу, кита, — браконьеры. Тут, наверно, назвать можно ещё много причин. На лежбище Рэткын, когда туда устремляются моржи, их пугают косатки.

Было время, когда мы за один день могли добыть по сорок моржей. Сейчас моржа почти нет. Так же, как и птичек-каменушек*. Их сколько было в наших краях! Много истребляют. Вот наши соседи — островное население Сивук'ак⁵. Они добывают в достаточном количестве моржей, сами регулируют их численность. Во-первых, у них нет звероферм, которым нужно много корма. Во-вторых, сивукакские наши сородичи сами являются хозяевами своего острова. Если со стороны кто-то приходит на промысел рыбы или заинтересуется полезными ископаемыми, они не могут производить работы без их ведома или разрешения. За всё надо платить.

* Каменушка — местное название большой конюги (один из видов чистиковых птиц), её гнездовые колонии расположены рядом с Сирениками. Весной эту птицу добывают в море охотники, летом — дети с помощью сетей на гнездовьях. *Прим. ред.*

Николай Гальгаугье на вельботе ездил к своим родственникам на остров Св. Лаврентия. Его родной дядя там живёт.

— Остров богатый живностью, — рассказывает он. — Рыбы много, на берег выбрасывается разная морская растительность, которую употребляют в пищу. В июле, августе они добывают палтуса. По размеру он бывает даже больше нерпы. А мясо этой рыбы белое, вкусное. Один раз мои родственники взяли меня на ловлю палтуса. На толстую леску его ловят.

И подробно мой собеседник рассказывает, как проходит промысел этой крупной рыбы.

— Мои родственники в Сивук'ак' живут хорошо. Питаются своей национальной едой. У них есть большие морозильные камеры в каждой семье. На всю долгую зимнюю жизнь они заготавливают различную еду. Они ни от кого не ждут указаний, сами себя обеспечивают пропитанием. Для промысла морских зверей у них имеется всё: оружие, боеприпасы, гарпунные пушки. Там же добывают традиционным способом гренландского кита.

А в свободное время меня пригласили на представление эскимосских танцев. На нашем берегу я никогда не участвую в таких мероприятиях. А там меня попросили родственники: «Ты нам обещал спеть песню деда Валян'а», — сказали мне. А мой дед Валян'а до закрытия границы оказался на американском берегу, на острове. Хочешь, спою тебе мою личную песню, — говорит Гальгаугье, — там, у родственников, я спел им свою песню.

Мой дед Ан'к'алын пел, танцевал на танцевальных состязаниях. Сейчас ведь национальные танцы и песни остались только на сцене. А раньше для наших отцов и дедов это было проявлением их душевного состояния. Они не могли без этого жить. Вот и устраивали танцевальные состязания.

Кыпылгу, мой дядя, живущий на острове, говорил мне: «Ты обещал спеть песню нашего деда Валян'а». И когда запели эту песню там, у них, я вышел и начал танцевать. Мне кажется, я танцевал от души, потому что просили несколько раз повторить...

— И всё-таки, ты говоришь, — опять я обращаюсь к своему собеседнику, — что тебе по душе та жизнь, которую прожили твои деды, отец, твои старшие братья. А ведь они сами обеспечивали свою жизнь: была тёплая меховая одежда, обувь кожаная из нерпы, лахтака, камусов* и шкур оленя. Мужчины были физически крепкими. Вот ты пешком исходил всю сиреникскую тундру, да и не только её, работая в Красной яранге. Ты застал эту жизнь, ты был воспитан родителями настоящим добытчиком. И можно сказать, что коренная ломка всего уклада жизни произошла в твоём поколении. Бывшие крепкие родовые хозяйства распались, изменились даже нравственные отношения между людьми, изменилась сама психология людей. ... Ведь, то, некогда хорошее, что было у вас в вашей семье, хотелось бы возродить. Сейчас, правда, это сделать очень трудно, но всё-таки у тебя это получается, хоть частично. А как было?

Николай помолчал, вздохнул и ответил:

— Ты знаешь, я помню ещё те времена, когда наши отцы ездили по осени в тундру к «своим» оленеводам. Тогда у каждого рода на побережье были свои друзья среди оленных людей. Происходил натуральный обмен. Я всё это помню. Наши отцы возили оленным людям кожу морского зверя, шкуры, жир, ремни кожаные, всё то, что нужно было в их хозяйственной деятельности. А от них привозили оленьё мясо тушами, шкуры, камус. Вот и одевались наши охотники таким образом. Все довольны оставались.

— Хочешь, я расскажу ещё одну историю? Наши сирениковцы на байдарках ходили на реку Курупку в сентябре. А оттуда нужно было идти пешком в глубь тундры около двадцати с лишним километров. Оставляли байдары на берегу и уходили к своим друзьям, оленным людям. Туда уносили *атымнат* — то, что подлежало обмену с хозяевами оленей. А оттуда нужно было тоже идти пеш-

* Камус — особо прочная шкура с ног оленей, использовалась для шитья зимних торбасов.
Прим. ред.

Тропою Богораза

ком, и тоже с тяжёлым грузом — тушами оленей и всем остальным на берег, к байдарам.

Тагругьи и Кымугьи однажды с недоумением высказали такую мысль: почему К'уарын (их соплеменник) всегда позже всех отправляется к берегу, а к нашему приходу туда, на место, — уже нас ожидает. Давай, после забоя оленей спрячемся и посмотрим, каким же образом это происходит?

Вот Тагругьи и Кымугьи отправились вместе и остановку сделали на пути к берегу, спрятавшись возле высохшего озера. В летнее время иногда высыхают небольшие озёра. Смотрят те двое на К'уарына и видят: распахивает руки в стороны человек и при этом по-птичьи кричит: «а-алик!». Наклонит голову к земле, по-птичьи произносит «а-алик». «Что же я не могу взлететь?» — произносит К'уарын. И ещё раз пытается взлететь, произнеся «а-алик». Опять не удаётся. Тагругьи говорит своему другу Кымугьи: «Он не может взлететь, мы помешали ему. Давай убежим!».

— Как же объяснить это и многие другие действия людей, которые обладали всякими магическими приёмами и навыками? — спрашиваю я, — ведь много было таких?

— Да, были, — продолжает Гальгаугье. — Я знаю, могли и волны, и ветер утишать. Отец мне рассказывал такие истории. Даже могли добытых китов без усилий людей к берегу доставить. Слушай, я тебе расскажу ещё одну историю...

Сидели на берегу две старушки. Одна другой говорит:

— Ну-ка, попробую кита добыть, а то состарилась, никогда не попробовав, как действует слово наговорное, попробуем-ка.

— Давай, попробуй, — отвечает вторая.

— Я убью кита, а ты доставишь его к берегу.

— Да, да.

Вот одна старушка взяла острый камень. Вот появился огромный кит, довольно далеко. Повернулась в сторону зверя и бросила камень. Второй раз появился кит на поверхности, весь в крови. Ещё раз вынырнул и тут

же перевернулся. Оказалось, что старушка убила кита.

— Теперь ты к берегу его должна пригнать, — повернулась старушка к сидящей рядом, а той уже на месте не оказалось.

И вдруг возле морского прибоя увидела косатку. Косатка подплыла к киту и привела его к берегу. А рядом с китом на берег вышла старушка.

Стали вдвоём кричать: «Идите сюда на берег, добычу надо разделять!».

Вот так они испытали силу своего слова. И погоду могли некоторые утишать. Те, которые обладали хорошим языком, хорошим словом.

А сколько обрядовых родовых праздников знает мой собеседник! Обряды благодарения совершались в каждой семье. Добыча первой дичи, первой рыбы, — эти обряды были и в его семье. Тем более, что деды, прадеды, отец, дядя его считались отличными добытчиками морского зверя.

Сейчас весенняя пора. Скоро прилетят водоплавающие. У кого ружья, боеприпасы, — у тех появится возможность охотиться и приносить семье не только рыбу, но и птицу.

Рассказывает Гальгаугье:

— Весной, когда открываются речки, впадающие в лагуну Имтук, появляется голец. Мы с Петей К'оой отправились ловить гольца. А с собой я взял дробовик на пролетающих уток поохотиться. Вот уже семь гольцов я поймал, а разводья большие уже появились на озере. Прилетела стая уток, я приготовился выстрелить, но нечаянно поскользнулся и упал в воду. Держу ружьё своё, не выпускаю, а вся добытая рыба упала в воду и сразу утонула. Меня же сильным течением тянет под лёд в глубину. Поодаль К'оой, отвернувшись в другую сторону, ловит гольца и не видит, что случилось со мной. Я кричу, а он не слышит. Барахтаюсь в воде, уже устал, а выйти на лёд не могу. Но вот мой напарник повернулся ко мне, ничего не увидел, и стал смотреть в мою сторону. Увидел мою голову и побежал в мою сторону, хотя у него на ноге протез.

Я ему кричу: «Снимай свою телогрейку, брось одним концом ко мне, а сам не подходи близко».

Снял он куртку, бросил, а один конец держит в руках. Еле-еле вытащил меня на лёд. Побежал я к избушке на берегу озера. Высушил свою одежду, говорю К'ою: «Ты иди домой, а я пойду на берег, может, ещё что поймаю. Да и постерегу уток». А самому спать хочется. За мной увязалась моя собака. Придя на место, стал варить чай. И пока чай варился, уснул возле костра, ведь почти не спал два дня. Вдруг собака стала меня тянуть за камлейку⁶. Еле пробудился. А собака тянет за камлейку, не переставая. Повернулся в сторону косы, смотрю, большой медведь в мою сторону идёт. Вскочил на ноги, схватил дробовик, зарядил его, жду. Приблизил-

ся медведь, я выстрелил. От испуга медведь быстро повернулся обратно, стал убежать. Я вылил из чайника воду в костёр и пошёл в Сиреники домой.

Рассказывает Гальгаугье, а сам смеётся. В каких только переделках он ни был. Но наступает следующий день, и опять выходит на охотничью тропу потомственный морской охотник.

Скоро оживёт природа Сиреников. Даст ли она добычу Гальгаугье? С каждым годом всё тревожнее становится у него на душе: зверя мало в море и на охотничьих тропах. Чем будут питаться он, его сородичи, его сыновья, внуки, да и все люди, выросшие на традиционной пище? Ведь сегодня они могут рассчитывать только на природные ресурсы, на добычу тундрового и морского зверя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Старые эскимосские посёлки восточнее села Сиреники: Атх'алх'аг' (Аткальхак) — небольшое поселение на мысе Лесовского, покинуто жителями между 1877 и 1881 гг.; Аван (Авань) закрыт в 1942; Имтук оставлен жителями в 1934 г., часть из них перешла жить в Сиреники. *Прим. ред.*

²Имеется в виду мыс Лесовского на западном берегу бухты Провидения, возле него охотники Сиреников часто промышляют морского зверя. *Прим. ред.*

³Синг'ак (Сингак, Синрак) — большой старый эскимосский посёлок западнее Сиреников; покинут жителями, вероятно, в конце XVIII — начале XIX в. *Прим. ред.*

⁴Одноименные коса и гавань на восточном берегу бухты Провидения, названные английским капитаном

Муром в честь своего корабля «Пlover». Он зимовал здесь в 1848–1849 гг. *Прим. ред.*

⁵Гальгаугье говорит об эскимосах американского острова Св. Лаврентия (Сивук'ак'). Во время голодовок конца XIX—начала XX в. многие эскимосы из Чаплино (Ун'азик') и Авана перебрались на этот остров, поэтому в наши дни большинство островитян состоят в родственных связях с эскимосами Чукотки и говорят на языке «сибирский юпик». *Прим. ред.*

⁶Глухая длинная и легкая куртка, которую надевают поверх меховой одежды (кухлянки) для защиты от дождя и снега. Прежде камлейку шили из кишок моржа и лахтака, теперь — из ситца, плащевой ткани, лёгкого брезента. *Прим. ред.*

РАССКАЗЫ УН'ИПАМСЮГЫТ

Настоящая публикация – это часть уникальной русско-эскимосской рукописи о жизни эскимосов в период становления советской власти на Чукотке. Её автор – Айвангу (1926–1963; фото III-29), принадлежал к первому поколению коренных народов Севера, которые получили возможность не только устно, но и письменно излагать свои мысли на родном языке.

Рукопись создана необычным способом. Айвангу сначала обдумывает и пишет текст по-русски на левой странице, затем по-эскимосски на правой странице. Оба текста идентичны друг другу, однако автор, создавая русские тексты, невольно конструирует их по законам родного языка. В результате он выявляет особую ценность порядка слов. Так, с помощью деепричастных оборотов, поставленных друг за другом, точно передает в русских текстах последовательность действий и пространственные отношения, что крайне важно для эскимосов. Вот, американские китобои, промышлявшие в наших водах: «Все лето проходив, осенью людей выгрузив, они, нагрузившись усом, жиром, на свою землю отплывали».

Своеобразен и синтаксис рассказов – он полностью определяется связью явлений и действий: «Эти жилища тоже землянки. Вырытые в земле большие ямы по бокам обставленные китовыми черепами, костями. Каркасом являлись челюсти гренландского кита и землянки были довольно внушительного размера. В этих землянках жило несколько семей, видимо почти род».

Прикованный к постели, безнадежно больной Айвангу начинает писать свои маленькие истории в 1961 г., сначала по просьбе аспирантки Института языкознания АН СССР Нины Емельяновой, а потом и для себя, чтобы вспомнить и вновь, хотя бы мысленно, пережить самые яркие события своей жизни. Умер Айвангу в 37 лет. Односельчане говорили, что писал он до самого конца. Ушла из жизни Нина Михайловна Емельянова, а шесть тетрадей Айвангу, которые она берегла долгие годы, теперь хранятся у меня.

Один из последних рассказов в этих тетрадях, «Наш птичий остров», написанный только на русском языке, показывает всю тяжесть физического состояния автора, его тоску о прежней свободной жизни. Её образом для Айвангу стал крохотный островок-скала Нунан'иг'ак', сплошь покрытый гнёздами морских птиц, чьи крики и суета лучше, чем что-либо другое, символизируют напор и быстротечность северного лета. Неслучайно он посвятил этому клочку суши два рассказа. Более ранний, «Птичий остров Нунанигак», написан, как и другие, на двух языках.

Эскимосы, говорящие на родном языке, понимают – вряд ли кто-нибудь ещё сможет написать так, как Айвангу. Его творчество представляет огромную литературную ценность и важную часть духовного наследия не только эскимосов-чаплинцев, но и всех коренных народов Севера.

Произведения Айвангу издавались на русском языке в литературной обработке Г.А. Меновищикова (1961–1962 гг.) и В.В. Леонтьева (1985 г.); шесть рассказов по оригиналам автора опубликованы в журнале «Северные просторы» (№ 1–2, 2004 г.).

Благодаря бережной редакторской правке И. Борисовой, наиболее точно все русские тексты Айвангу, кроме рассказа «Про наш родной Уназик», представлены в антологии «Современная литература народов России» (2005, М.: Пик, 2005. Т. 4. Кн. 2. С. 28–54). На эскимосском языке рассказы Айвангу публиковались только один раз под редакцией Л. Айнана в 1985 г. В настоящем издании шесть рассказов печатаются по русским оригиналам автора с соблюдением всех особенностей его орфографии и пунктуации; редакторы позволили себе добавить только самые необходимые слова-пояснения, поставив их в квадратные скобки.

Л. Богословская

ПРО НАШ РОДНОЙ УНАЗИК НАТЫТА ХУАН'КУТА НУНАН'ИХ'АХ'ПУТ УН'АЗИК'

Уназик. В детстве казалось, что нет на свете милее и краше нашего родного, древнего села. Слышал про другие селения, большие красивые города, но милее своего села не представлял. И жилище у нас выглядело по-особому яранги не яранги, домики и не домики. А сколько радости приносило изменение времен года. Особенно радостным бывала долгожданная весна. Морской берег. Казалось бы на первый взгляд галька да море, но для нас детей тогда он был необычайным. Бывало рано утром поднимаешься возьмешь пращу кусок шпагату и бежишь со всех ног. Прибежишь первым делом привяжешь камень к шпагату и вылавливаешь морскую капусту. Первая капуста после зимы имеет какой-то особый запах, а вкус кажется неимоверным. Наешься досыта этой капусты и берешься за пращу и бросаешь на уток до того, что домой приходишь совершенно разбитым но зато исключительно отдохнувшим, получившим большое удовольствие. В другой раз идешь на промысел мышей. Придешь с восходом солнца в старинные развалины землянок; солнце только поднимается, птички чирикают, сам зеваешь ко сну клонит, но охотничий азарт берет верх и идешь. Что интересно никакого орудия мы неприменяем. Просто наберешь целую шапку мелких камушек, сидишь и караулишь когда выглянет мышь. Высунет головку ты в него и камушек кидаешь и если терпелив и ловок, то обязательно убьешь. В другой раз берешь болу или ту же пращу и идешь на ночь бить кайр. В наше детство множество кайр вечером на

ночь перелетало через косу с птичьего острова на южное море кормиться. И вот целую ночь бросаешь убьешь иногда одну, две зато какая радость, что сам убил утку. И так время за временем.

Наше село по рассказам стариков односельчан является древнейшем поселением эскимосов. Даже коса сама выглядела не так, она была длиннее нынешней метров на 600–800. Говорят даже из земли не было видно моря. Для того чтобы увидеть море надо было подниматься на высокую ярангу. Причем на конце косы были большие камни. Между прочим в каком году Гидробаза обнаружила кажется банку как раз в этом предполагаемом месте. Эта коса в свое время даже залегалась моржами. Поэтому там, где сейчас старое Чаплино тогда никакого жилья не было. Жилище – землянки наших предков находились там, где озеро Найвак только с восточной стороны и это местечко именовалось Сявлитыт. В то время видать жителей было не так много так как в этом Сявлит жилья мало и места мало занималось. Однако, совершенно правильно это место являлось поселением так как оно очень похоже на бывшее жилье, но из-за давности покрылось землей, обросло травами. Затем в какой-то определённый промежуток времени все таки перекочевали в само Чаплино и устроили свое жилище там, где сейчас находится мясохранилище. Эти жилища тоже землянки. Вырытые в земле большие ямы по бокам обставленные китовыми черепами, костями. Каркасом являлись челюсти

Тропою Богораза

гренландского кита и землянки были довольно внушительного размера. В этих землянках жило несколько семей, видимо почти род. Эти землянки сейчас видать остались их развалины. Моя мамаша рождения 1897 года рассказывает, что и она застала одни развалины. Уназикские уже жили в круглых ярангах и уже по отдельным семьям. Далее.

В какой-то определённый период времени в нашем селе произошли интересные подразделения.

1) *Саниг'мыльн'ут* – в переводе означающие «поперечные». Предание гласит, что они исконные Уназикские – хозяева земли. Их жилища находились в юго-восточной части села.

2) *Акульг'аг'вигыт* – «панцырные». Во время схваток, войн они одевали под кушанки панцырь из моржовых костей и делались неуязвимыми. Тоже, видать, исконные Уназикцы. Однако, к ним примыкают Аракамчеченские как подгруппа, их жилища на северной стороне села.

3) *Сиг'унпагыт* – «большерогие». Их предки Мечигменские в свое время перекочевывавшие в Уназик. Эти два рода – «панцырные» и «большерогие» именуются ещё «северными» из-за положения их жилищ на селе.

4) *Лякаг'мит* – «ямские». Их предки жили на северной оконечности косы в местечке Униирамкыт и на южной – Укигьягак. В средней части села.

5) *Армарамкыт* – «сильнохозяйные» или «южные». Предки их – «северяне» жили в каком-то месте, именуемом Кайк'ак'. Их жилища располагались на южной стороне села.

6) *Нын'лювагыт* – «большеземляночные».

7) *Пакагмит* – «подскальные».

Эти два рода тоже, видимо, Уназикские.

8) *Угалит* – «восточные», их жилища находились на востоке села. Таковы были подразделения в старину в нашем селе. Что интересно, каждый род имел свой причал на берегу коим другой род не имел право пользоваться. Эти старые подразделения сразу ликвидировались с появлением советской власти. Сейчас и следов не стало от этого.

Затем в каком-то году в нашем селе в осеннее время при сильных юго-восточных ветрах поднялся сильный шторм, даже залило наше селение. Это время моя мамаша уже хорошо знает и она была очевидцем этого события. Южная часть села вся была залита водой, вода дошла в низменной части почти до сопок. До возвышенных мест вынуждены были выезжать на вельботах, южные яранги на половину были в воде. Жилища яранги были разобраны и вывезены в безопасное место. В Уназике осталось только 8 яранг. Однако, когда более не стало заливать жители снова возвратились в Уназик так как оно место в промысловом отношении расположено на удобном месте.

В промежутке 1920–28 годы на селе разразился голод. Население стало есть собак, сухие шнуры, ремни и все, что могло пригодиться как пища. Этот период конечно не обошелся без человеческих жертв. В это время, значит в 1927–28 годах часть жителей перекочевали в [поселок] Уэлькаль, несколько семей переехало через пролив на остров св. Лаврентия. В 1928 году жизнь нормализовалась. В этот период создаются на селе партиячейка, комсомольская ячейка. Первыми коммунистами на селе были т.т. Матлю, Майна, Уики, Тынгу, Итаю, ныне живущий Аныния. Они с помощью комсомольцев повели решительную борьбу за коллективизацию. Особенно сильным организатором в этот период является коммунист Матлю первый председатель колхоза. В 1929–30 годах переводиться из местечка Тыфлык' школа в Уназик. Коллективизация произошла в 1931 году. В этом году создается северное простое смешанное товарищество по коллективному ведению хозяйства с наименованием «К новой Жизни». Председателем избирается тов. Матлю. Первыми активными ее членами были из мужчин: Утатаун, Атата, Яма, Аныния, Тынгу, Итаю, Аг'а, Ангу, мой покойный отец Кайнинан и другие. Из женщин: Ягта, Яяк, Асса, Тнана, моя мамаша Айна-нанаун, Туку и другие. Эти женщины стали изготавливать изящные ковры, всевозможные меховые изделия, тапочки, портфели, дива-

ны, стулья мягкие и т.д. Конечно первые шаги коллективизации были не без помех, нашлись многие маловеры, просто кулацкие, шаманские элементы высмеивающие колхоз. Но долго не продержались сами вынуждены были впоследствии проситься в колхоз так как воочию убедились в больших преимуществах ведения коллективного хозяйства.

Мой отец Кайнинан и Яма как плотники и столяры были поставлены на реставрацию старых вельботов. За короткий срок они полностью удовлетворили потребность товарищества в вельботах.

В 1931 году взялись за восстановление старой парусной шхунки, заброшенной американцами. За короткое чукотское лето шхуна была капитально отремонтирована, поставлен мотор и спущена на воду. Она была закреплена за нашим колхозом. В 1932 г. по решению правительства создается Пloverская СМПС. Первые энтузиасты, нынешние его работники Аныния, Ангу переселяются туда. Скоро к ним отправляются Атата, Утатаун, Нанухтак и ряд других товарищей. В тяжелых условиях зимой в палатках порою в голоде, холоде они берутся за ремонт опять таки шхуны. Весной она тоже была готова, летом спущена на воду и закреплена за [поселком] Сирениками. Названа она была «Октябрина». Наша шхуна была «Чукотка». Эти две небольшие шхуны и особенно «Чукотка» сыграли огромную роль в подъёме экономики Чукотки. Начиная от Уэллена, а порою и дальше и кончая Анадырем ежегодно перевозилось ими множество различных грузов стройматериалы, промышленные и продовольственные товары, вплоть до пассажиров ими перевозиться.

Из нашей среды, вернее из нашего села также выходит несколько торговых работников. Такие работники как Плахтикак, Всяка, бухгалтер Каялик, Акикак вплоть до самой смерти работали в торговле. Очень длительное время на торговле работал Алитку, впоследствии перешедший на почтовую работу. Из нашего села вышли неплохие работники как т.т. Каля — секретарь райкома партии, Ашкамакин — председатель колхоза. Много

молодежи учится в средних, высших учебных заведениях. Ряд из них уже успешно работают. Преподаватель Айнана Людмила, учительницы Аяка Елена, Нутанаун Галина, Мимлина Марина. Медсестра-акушерка Всяка Элла. Эти девушки и женщины неплохо применяют свои знания на практической работе.

Наше товарищество хотя оно было примитивным и носило натуральный характер, показало большие преимущества ведения коллективного хозяйства и просуществовало оно до 1939 г. В 1939 году перешли на устав рыболовецкой артели, на более высокую форму организации колхозного производства. Здесь ещё более выявляются преимущества колхоза и к этому времени нет ни одного человека не вступившего в колхоз.

Только лишь в 1951 году колхозники полностью принимают устав сельхозартели и переходят на оплату труда по трудодням. Это дело приходилось как раз проводить мне так как одновременно принимаю колхозную бухгалтерию. Безусловно на первых порах приходится не легко, многие не понимают принцип распределения доходов по трудодням, некоторые из них высмеивают или принимают за обман. Только лишь окончательное распределение доходов за 1951 год утверждает, что оплата выглядит более прогрессивно согласно количества и качества затраченного труда. В последующие годы уже сами колхозники стараются и только лишь приходится бороться за лучшую постановку учета в звеньях, бригадах. В эти годы из года в год поднимаются доходы колхоза все лучше и лучше выглядит материальное благосостояние колхозников.

В 1958 году из-за наличия больших прибоев и неудобства нашего поселения, колхозники принимают решение произвести переселение. И вот в 1958 году в местечке бухты Ткачен на живописном месте начинается строительство новой центральной усадьбы колхоза. В 1959 году уже в основном осуществляется переселение, а в 1960 году оно окончательно заканчивается. И сейчас наше село именуется по новому Но-

Тропою Богораза

вое Чаплино. Действительно оно новое так как старого в ней ничего не осталось. Все эскимосы теперь живут в красивых, благоустроенных рубленых домиках. Село выглядит нарядно. Построена большая школа. Дети-школьники живут теперь в интернате на полном государственном обеспечении. Дети дошкольники посещают детские ясли и живут опять таки за счет государства. На селе хороший магазин, почтовое отделение. Скоро будет больница. Колхоз завез и построил звероферму, разводит голубых песцов. Уже в этом году план успешно выполняется. Построен большой клуб. Строится большая механизированная разделочная площадка.

Примечание. Между прочим мне кажется, что не мешало бы основательно покопаться нашим археологам на этих самых Савлитыт и в землянках старого Чаплино, возможно нашли бы много интересного для нашей науки. Во-время войны когда мы строили бомбоубежища в Чаплино, при выемке китовых костей из старых землянок находили всевозможные предметы обихода старины. А в местечке Савлитыт возможно ещё интересней, но нам тогда старики не позволяли копать. Они же народ, имеющий много поверий и говорили – не ройтесь – туман будет. Конечно мы дети их слушались.

ЧАПЛИНСКАЯ ВЕСНА УН'АЗИМ УПЫНГ'А

Ранней весной наша земля тоже становится интересной. Раньше даже в начале апреля начиналась вельботная охота. Рульмоторов когда не было на парусах, на веслах жители промыслили зверя. Когда ещё не было коллективизации одни братья, родственники составляли бригадную байдару. Во время отсутствия моторов вельботный промысел был очень тяжелым. Очень рано, ещё в 2 часа ночи даже, выходят на вельботный промысел. Кормчие ещё раньше просыпаются, так как определяют можно ли охотиться, а также объявляют своим охотникам. При попутном ветерке на парусах выходят в море, к пловучим льдам. Там во льдах ищут лежащих на льду моржей. Найдя лежащих моржей, добывают их на льду. Убив 2 или 3 моржа заканчивают охоту, потому что более грузить уже невозможно. Убив моржей, там их освежевают и грузят, причем, если крупный морж кости вырезают, чтобы сильно не осесть.

Теперь морзверь обрабатывается самым механизированным способом.

Все это дала нам наша родная Коммунистическая партия и Советское Правительство. Нет слов, нехватает их чтобы выразить благодарность за ту огромную заботу о нас, о малых народностях Чукотки. И сейчас когда вся страна готовится к XXII съезду КПСС взоры наши вновь обращаются к ней к нашей Партии не только поставивший наши народы на ноги, но и указавшей светлый и ясный путь к сияющим вершинам Коммунизма.

Конец.

Айвангу Июнь 1961 г.

Грузить кончив в сторону суши поворачивают. Если стоит тихая погода на веслах идут домой. Вот тут люди сильно изнемогают, так как только на дальнем расстоянии обычно находят лежащих моржей, добывают моржей. Если стоят долгие тихие дни, недосыпая, люди промысливают на вельботе, даже в другой раз походка их делается неровной от сильных недосыпаний и большой усталости. Однако ещё причалив на спине носят полученную долю. Те которые имеют помощников и собак тем хорошо. Не имеющим собак, помощников эти испытывают сильную нагрузку. Только лишь при ветре, когда неохотные дни [дни без охоты], вот тогда тут во всю отдыхают, хорошо отсыпятся. Тогда заготавливали моржовые шкуры для покрытия яранг.

Шкуры для покрытия сначала окисляют, чтобы шерстинка сползла. Когда шерсть вылезет, приготовив специальную раму натягивают на раме. Когда натянут специалисты

резчики раму поставив стоймя режут на две части (раскалывают). Раскалывать кончив сняв с рамы, расправив теперь натягивают на раму в два раза большую для просушки. Молодой моржихи, моржонка шкуры обесшерстив этим же способом разрезают для ремней.

Ремень из шкуры молодой моржихи у нас являются самыми прочными ремнями. Эти шкуры нерпы, лахтака также растягивают теперь для торбаз, подошв. Также часть для продажи. Эту работу закончив, разные игры, соревнования проводят. Днем устраивают бега; бегать кончив, затем борются. Другие прыгают. Различные соревнования происходят. Вечером затем устраивают большие игры в мяч. Другие, прихватив болы на птиц, пращи идут в сторону берега за кайрами перелетающими через косу охотиться. Действительно одни из пращи убивают уток или из болы.

Летом, когда остается берег без льда охотники начинают охоту на моржа путем их догоняния. Лодки спустив на южной стороне держатся на плаву без движения, следят за идущими на восток моржами. Сильно наблюдатели следят. Увидевдвигающееся

стадо моржей начинают гонку за ними. Сократив расстояние до плывущих моржей из пластины ударяют по воде создают хлесткий удар, подражающий удару плавника касатки, чтобы моржи не уходили вглубь. Действительно, если в стаде много молодых моржей, быстро нагоняют и начинают их гарпунить и стрелять. Моржи очень быстро тонут, когда их убьют моментально тонут. Поэтому летом при гоночном убое моржей много моржей утопляются. Добыв много моржей летом делают мешки с мясом, чтобы зимою их есть, делают шкуры для покрытия жилищ.

Старухи за озеро, к концу косы выезжают собирать съедобные травы называемые *нунивагыт, кувыхсит, к'ук'ун'ат*.

К'ук'ун'ат — листья ивняка в бывшие потребления поплава из нерпичьих шкур закладываются. В большинстве в бочонках закладывают траву нунивак. Траву — цветок *к'увыхси* сильно прокипятив в воде, затем слив воду также в бывшие поплава закладывают. Вся эта зелень зимою для питания заготавливаются. Действительно зимою употребляем в пищу их с мясом (мороженым) с жиром.

Конец.

КАК Я ЕЗДИЛ ДЕЛЕГАТОМ В ЛАВРЕНТИЯ¹ НАТЫН К'ЫРН'УГ'ЬЯМАЗИН'А К'ЫТШЫМУН

Дело было так. Когда работал в колхозе счетоводом, однажды приносят осенью 1941 года телеграмму. Когда я прочитал, из райкома комсомола оказалась. Предлагали ехать к ним на работу. Ответил, что желаю работать в колхозе на прежней работе.

Однако, в скором времени на комсомольском собрании избрали меня делегатом. Как раз в это время что-то долго задержалась зима, море долго не покрывалось льдом. Когда подошел срок выезда, предложили ехать, ещё северный берег свободен ото льда. Секлюкские* как раз собираются ехать домой,

* Жители села Секлюк [Сиклюк] на острове Секлюк (Ыттыгран на современных картах). *Прим. ред.*

Майна меня определил Ахсяхтикаку везти. Тагитуткак везет Анахуткак.

Действительно выехали. Даже северный берег имеет большой прибой, поэтому стали ехать через бухту Кан'ыграк. Перевалив через перевал далее бухта покрылась льдом.

Спустившись на лед стали ехать, вскоре стало темнеть. Мы ехали впереди. Пока ехали кажется стали в лед проваливаться, под нами будто яма делается. Действительно не прошло много времени нарта наша провалилась, однако за что-то зацепившись задержалась, собаки тоже стали. Ахсяхтикак мне крикнул:

— Нука, на льду расстянись.

Я расстянулся на животе. Товарищам крикнул:

— Мы провалились, вылезайте к припаю.

Действительно, вылезли. Вылезши дойдя до нас бросили веревку, но она оказалась короткой. Ахсяхтикак взяв палку и остол пополз навстречу. Взяв конец веревки предложил завязку грузов перерезать. Действительно кое-как до нарты доползши, вытащив нож груз высвободил. Затем каждый груз по отдельности по веревки вытащили. Когда груз кончился, привязал я нарту, и собак они вытянули. Вытащив их теперь мне предложили привязаться. Когда привязался хоть и проваливался и меня вытащили. Когда вылез весь низ был в сырости. Сказали мне в снегу поваляться. Действительно валявшись, повывалявшись когда отряхнулся высох. Оказывается кухлянки, брюк кончики волос вымокли. Здесь поев, даже уснул. От холода когда я проснулся наступает рассвет. Сильно Анахуткак легко одетый от холода страдает. Я тоже вскочив тут стал разминаться, греться.

Когда рассвело когда посмотрели оказывается в снеговик наскочили и когда она оказалась короче нарты нарта просто задержалась. Затем немного поев выехали. Поэтому обогнув Секлюк сзади стали подъезжать. Теперь засветло в полдень мы приехали. Я остановился у Нантак. Этот день хорошенько стал сушиться, затем у меня не стало каюра. Это потому что только до Секлюка меня везли.

На второй день из Провидения приезжает Пуни-Рагтугье в [поселок] Янракыннот едет причем пустой. Я попросился, чтобы меня прихватил, он согласился. Действительно на завтра мы уехали. Однако приехав в Янракыннот на завтра когда проснулись поднялась сильная пурга.

Тут из Лаврентия приехал Утатаун бывший каюр Каля от сильного ветра остался с несколькими собаками. Только лишь из-за того, что он ехал по ветру стал ехать дальше, я здесь остался пурговать. Ох, и сильно же я здесь поскучал, я ведь даже не владел тогда Чукотским языком. Целый день торчал в школе, сидел. Однако в яранги шёл ночевать, есть. Кажется полмесяца я так провел там.

Теперь, однажды когда я сидел в школе, кажется на дворе раздался собачий лай. Ког-

да я выскочил нарта подъезжает. Мальковым оказался, он вез Авербах — секретаря Чукотского райкома партии. Затем множество нарт понаехало. Бывшие делегаты из Анадыря возвращались. Здесь тоже был мой дядька Укыльре.

Назавтра когда проснулись уже наконец не стало пурги. Одни нарты даже выехали. Меня Тынет решил везти кстати и он оказался делегатом конференции. Он мне говорит пешком пока идти вперед, я тебя догоню. Действительно я пошел. Тут нарты стали проезжать мимо меня. Только солнце стало заходить в Янракыннотские пастухи*, я подошел к пастуху Аксау. Так и нет моего каюра. Только лишь с заходом солнца, наконец, он появляется. Затем от Аксау он просит самых лучших собак. Действительно он ему дал. Запрягав он предложил мне сесть. Говорит:

— Вот теперь мы за теми погонимся.

Когда отъехали действительно почуяли большую скорость. Только стемнело задние нарты мы нагнали, даже стали перегонять. В Раупелянскую охотизбушку, придя остановились, здесь решили переночевать. В поллог когда вошли многие из нас остались, мы решили в холодной части вместе с собаками ночь провести. К рассвету снова поднялась сильная пурга. Однако, хоть пурга мы решили ехать. Однако мыс Нехчигак имеет большой перевал. В преодолении подъёма снова мы помучились, временами рядом с нартой на четвереньках приходилось двигаться помогать собакам. Наконец, поднявшись стали спускаться, спустившись когда отъехали немного дошли до менее пуржистого места. Даже далее совершенно было тихо. Теперь в тишине стали ехать вплоть до самого Лорина и все тишина.

От Лорина далее снова ветер усиливается но уже не такой как вчера. В Лорино переночевавши на завтра теперь в полдень в Лаврентия приехали. Когда собрались делегаты, открылась комсомольская конференция, два дня мы прозаседали.

Конец.

* Название группы сопков недалеко от села Янракыннот. *Прим. ред.*

ПОЕЗДКА С ГОДОВЫМ ОТЧЕТОМ В ЛАВРЕНТИЯ ОТЧЕСАХ'ТУЛЬЫХ'ПУТ К'ЫТШЫМУН

После окончания года отчет когда колхозники утвердили лучше сами в Лаврентия решили ехать. Поэтому после утверждения ускорим выдачу окончательного расчета. Нанухтак мне говорит:

— С удовольствием поеду — я отвечаю. Даже стал ускорять работу поэтому дайте помощников.

Действительно помощников переписчиков дал. Поэтому быстро даже 25 января отчет полностью закончили. Закончив собрали собрание, здесь отчет утвердив, на завтра выехали на нартах. Притом на северном берегу на льду ловят сайку.

Приехав в [поселок] Секлюк в охотизбушке попили чаю. Чай пить кончив собак накормив, охотники когда вернулись здесь переночевали. Здесь мужикам рассказал как живут в колхозе, на завтра выехали дальше теперь в [остров] Аракамчечен. Только стали подъезжать в Аракамчечен собаки отрываются только лишь две остаются. Попытался за теми, зовя их Нанухтак погнался за ними, а я с двумя собаками нарту потащил. Однако, неважно выглядел, напарник уже довольно далеко удалился. Собаки эти безумные не останавливаются. Только стали к берегу подходить однако там показалось, что остановились. Теперь лучше стал я выглядеть, со всей силой зашагал помогая своим двум собакам. Притом каюр мой стал потарапливать. Когда подошел к нему он, однако сильно вспотел от бега. Собаки эти вредные дойдя до торосистого места зацепились. Если бы не зацепились так бы они нас оставили, собаки безумные. Затем тут потяг присоединив, причем крепко зацепив хорошенько отдохнув выехали. Почему-то мы своих собак не приучаем к разговору, если бы они понимали хоть немного зачем бы мы мучились. Причем потяг наш из цепей рассоединился в соединении. Вот тут мы покоряем себя, что оба не каюры, были бы каюрами этого не допустили бы. Аракамчеченской охотизбушке когда подъехали Альгалик, Анукин собирались чай пить. И мы присоединились к ним. Мясо у них

оказалось замечательным, оказывается осенью 35 моржей они забили. Здесь поев копальгина мерзлого свежего стали чай пить. Я бумаги свои вытащив когда собрались провел беседу. На завтра когда проснулись поднялся ветер, так и не пришлось выехать, даже в продолжении дня сходили за дровами, нарубили много дров так как у них совершенно не было угля. Здесь вместе всего провели 8 дней (ночей).

С улучшением погоды эти охотники выбыли в [поселок] Чаплино, а мы в [поселок] Янра-кыннот выехали здесь проголосовав в местные советы на север поехали. Почтовые каюры с нами ехали в [поселок] Лорино. В Лорино подъехали только лишь в 12 часов ночи. Однако когда пришли, все [лоринские] были пьяные. Кое-как ночь проведя, на завтра опять тут день провели от ветра. Только лишь напоследок завтра хотя и дуло выехали. Даже тут в дороге порывы ветра уносило нас. Однако передовая наша собака одна удерживала нас. Даже наши напарники, где-то запропастились, мы хоть немного потерялись но вскоре пришли, так как я эту дорогу знал неплохо. Другие с отчетом уже понаехали. Одни только стали подъезжать. Другие счетоводы мешки документами набив приезжали, только лишь здесь собирались делать отчеты, так сильно были запущены дела. У меня отчет был готовенький поэтому попросился чтобы скорее освободили, утвердив наш отчет. Действительно собравшись на исполкоме приняли, закончив подготовились назад, однако, другие председатели колхозов сильно завидовали, что мы быстро закончили.

Очень быстро в хорошую погоду возвратились. Недолго ехав приехали. Приехав затем поехали в [поселок] Провидение, тут фонды деньгами заполнив, взяв для окончательного расчета, поехал домой. Действительно прибыв колхозникам выдал деньги по окончательному расчету, у кого он имелся. Весна эта ещё выглядела лучше колхозники работали в колхозе, увидев выгоду трудодней.

Конец.

Попытка охоты на уток весной.

Вспомню свой первый балласт коса, изредка коса
оры длинной. Как только парней дуло слабый север-
ный ветерок начинался свой уток. Однако когда ветер
поднялся северный ветерок и коса на уток оканчивался.
Вспомню когда я вышел на берег, утки сидят лебедь.
До берега дойдя, только кричали сюда летели иду.
Как тогда сильно нагнута сидят тудай. Когда пошел
из деревни когда ветерок тремя их ели. Две
скрижали и уби невола катая их выкинуло на берег
третей поворота катая утка к северу. Их звук
был уток поворота, сев оный сидят тудай. Когда
оний иду, когда пошел, выскриж. Я оный уби
уток. Трицы две северный ветерок, способствующий выки
дальше дойдя катая их выкинуло. Летели когда
кричали выскриж и так и убиваю уток. Их ветер
оканчиваю всего двенадцать уток много убивали.
Лето поготовил косу, взвалив на оный носел дров.
Трицы дали проголосавшие сидят сев, с аттешиди
скам тиль рай. Рай ниль конев, когда её мож-
тажемо усну и. Сильно уйдяи хорошо сидит.

Конец.

Ум... а... н... с... ю... б... в...
а... с... к... а... з... б...
а... с... к... а... з... б...

с. Пашин Провиденского р-на
Магаданской области.

Записи Айвану и. о. ниль
Земное, уротинез с. Пашин,
родился 6 1926 году, обучавшие
у нас. Айвану на пенсии.
март 1961 года.

КАК МЫ СТРОИЛИ АЭРОДРОМ² НАЛЮГВИН'ЛЪЯЛЪХПУТ

— Айвангу ну-ка вставай.

Только дошел до самого сладкого сна, вдруг меня будят. Говорю:

— Да, зачем?

— Майна тебя вызывает, быстренько в колхозную контору иди.

— Ага, сейчас пойду. Зачем же зовет так рано утром?

Причем в волейбол играть недавно мы кончили. Наигравшись, войдя только стал спать меня разбудили. Поэтому кое-как проснувшись поднялся, поднявшись вышел. Когда вышел небо прояснилось, солнце уже стало пригревать. Затем к Майне пошел, причем как раз там в их доме, колхозная контора помещается, а его не так давно избрали председателем колхоза. И я тоже недавно стал счетоводом колхоза. Когда я вошел он пригласил сесть. Когда сел говорит:

— Теперь в скором времени аэродромные строители должны приехать, на западе ещё идет отечественная война. Заранее составь списки, наши колхозники тоже будут помогать в строительстве. Притом ранней весной побывал самолет «Дуглас», ведомый т. Томилиным, они привозили съемочную партию по этому делу.

Затем сначала пошёл чаю пить, чаю попив сон окончательно разогнал, даже пошёл списки составлять. Закончив испросил разрешения на вельботе поохотиться. Разрешил.

Когда разрешил пошёл к т. Накухтак предупредить и пошёл одеваться. Кончив одеваться пошёл на берег. Только начинают отчаливать. Стал помогать. Мы тоже отчалили. Отчалив на веслах из-за экономии горючего обогнули косу, караулить моржей. К сожалению, целый день не шли моржи. Только стало вечереть, что-то под вид мачты показывается на юге, причем одна и толстая. Когда приблизился оказался шхуной «Чукоткой». Когда подъехал действительно был нагружен людьми стройматериалом. Самоходную баржу ведет на буксире. Мы тоже выехали все равно свечерело. Всю ночь стали выгружать и к утру полностью закончили выгрузку.

Еще в то время у нас было мало домостроений. Часть людей в школе обосновались, другие в красном уголке. Днем Майна мне говорит, что и я буду у них работать. Мужчины только в неохотные дни [дни, когда нет охоты] будут работать. Действительно, на-завтра пошли мы работать. К счастью, Уна-зикская земл я ровная, поэтому не так много разравнивать. Причем аэродром как раз располагался на песчаной части косы. Однако, нашей бригаде выдали бугорок довольно утрамбованный. Этот бугор надо было в низкую часть перенести. Надо было нести на тачках, а мы только лишь первый раз видим тачки. Составив дорожку из досок когда стали таскать с первого разу ничего не стало получаться. То из досок колесико выскочит, а то просто опрокинется вывалив песок. Ух в этот день крепко же нам пришлось помучиться. Мы то ещё выглядим неплохо, ещё женщинам, старухам крепче досталось. Кончив, когда отправились домой оказались совершенно разбитыми. И вот я дойдя кое-как поев завалился спать.

Назавтра проснувшись почувствовал в руках, ногах невероятные боли. Здесь, попив чаю, пошёл снова на работу, в продолжение дня когда стал работать не стал ощущать боли. Причем скоро мы научились обращаться с тачками, даже бегать с ними стали, а грузить стали с верхом. Затем с Аккани, Яндогая, Лорино, Янракыннота, Кивака* мужчины, женщины стали в помощь приезжать. Затем между собой развернули социалистическое соревнование, поэтому дневную норму стали выполнять даже перекрывать. Поэтому быстро разравнивать площадку мы закончили.

Затем с местечка *Тыфлык'* стали глину возить на тракторах, автомашинах. Причем *Тыфлык'* имеет внушительную дистанцию в 6 км, причем имеет плохую дорогу. Поэтому вперед колею автомашин стали забивать глиной. Закончив это только лишь при-

* Береговые посёлки, расположенные между бухтой Провидения и заливом Лаврентия. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

ступили к засыпке полосы глиной. Причем глину в *Тыфлык'* режут большими кусками поэтому выгрузив нам затем приходится ещё размельчивать. А размешивание уже легче выглядело.

Многолемешным тракторным плугом стали размешивать. Причем мне пришлось здесь работать. Кореньев от трав когда наберет плуг приходится освобождать. Причем это лето было сухое без дождей и нам пришлось вдоль полосы рыть колодцы. Действительно когда кончили из пожарных помп стали поливать полосу. Мы пятеро, Каля, Селяка, Анка, Тыгляляун и я стали поливать в ночную смену. Четверо мы качаем, пятый из шланга поливает. Когда сильно устали Анкаю повелев покараулить, четверо стали отдыхать. Однако, раздающийся крик нас разбудил. Когда мы повыскакивали, оказывается прораб Пальмов пришел и ругает нас во-всю. Причем, когда он крикнул глаза раскрыв мы были крайне удивлены, земля была белая, оказывается пока мы спали снежок выпал.

Поругавшись Пальмов когда ушел, мы напали на Анкаю и стали его ругать, зачем же он уснул. Здесь посоветовавшись что все равно когда снег растает земля вымокнет мы пошли домой. Пальмов этот прораб вредноватый, женщины его зовут Пальман.

— Работайте, идет Пальман снова будет вас ругать — они обычно говорили.

Затем, когда стали укатывать часть женщин и мужчин перестали работать. Мы, молодежь, далее стали работать на разных аэродромных работах.

Однажды сообщили, что идет их угольщик. Создали у нас новую бригаду. Гаймисина бригадиром назначили. Наша бригада на пароходе в ночную смену стала работать. Северяне* на куче тоже ночью стали работать. Однажды, сменившись к берегу выехав когда на берег вылезли нам сказали, что одного Акканийского, по имени Айильгын, трактором задавило. Думали даже, что он

раздавлен, оказывается был жив. Трактор с прицепом обычно поднимался на кучу, и вот когда борта прицепа раскрывали, уголь рассыпался и оставалось мало лопатить. На этот раз выгрузку закончив сказали Айильгynu закрепить прицеп, думая, что закрепил тракторист дал задний ход и человек без единого крика оказался под гусеницей. Когда посмотрели все тело было вдавлено в уголь и только лишь одна нога была наверху. Тут же сразу побежали за аэродромным начальством сообщить, что человека раздавило. Только лишь придя когда вырыли все-таки самостоятельно он сел. Севши говорит, что:

— Ой, руку и ухо мне больно!

Здесь погрузив на носилку отнесли в медицинский пункт. Проведя некоторое время даже стал выходить и только лишь глаза были сильно красные. Наверное мягкий только, что сбитый уголь и спас его.

Только закончили выгрузку угля, затем с горючим пароход подходит. Теперь тот стал выгружать. Мы колхозники выгружаем, а ихние люди укатывают готовую полосу. Поэтому в скором времени заканчивают укатку и мы кончаем выгрузку авиационного бензина. Затем однажды сообщили, что в скором времени прибудет комиссия принимать готовый аэродром. В день приезда комиссии мы отправились на аэродром и стали ждать. Действительно скоро появляется самолет, дав круг успешно приземляется. Хорошо когда приземлился и мы немало радовались, да как не радоваться когда частица нашего труда вложена в это дело. Здесь обследовав целый день признали пригодным. Даже северян на самолете в Лаврентия вывезли. Нас несколько человек продолжали попрежнему работать на этом аэродроме. Когда снег выпал сделав из бревен раму после каждой пурги стали обкатывать полосу. Однако скоро примерно в декабре из-за отсутствия самолетов и мы прекратили работу. Только теперь и я кончил работать на аэродроме.

Так мы строили аэродром.

Конец.

Июнь 1961 г. с. Н. Чаплино.

* Имеются в виду те, кто приехал на работы из северных поселков: Лорино, Аккани, Яндагая. *Прим. ред.*

НАШ ПТИЧИЙ ОСТРОВ

По-своему, по-северному красив наш седой, серый древний птичий остров «*Нунанигак*». Видимо в свое время это было единое целое соединение с теперешним островом *Секлюк* или на картах, именуемом островом *Иттыгран*. Когда на вельботе подъезжаешь с западной стороны, т. е. со стороны *Секлюк*, то внизу на дне тянется коса-банка неширокая, идущая на соединение с островом и остров в предполагаемом соединительном месте кончается скалами обрывом и *Нунанигак* такими же обрывами не высокими с обеих сторон. Галька или битый камушек на этом самом месте ещё имеет острые края, стало быть время отсоединения или обрыв произошли в сравнительно недалеком прошлом и время ещё не сумело поработать над ним. Другое дело с нашей Чаплинской косой там галька выглядит совершенно иначе она очень кругла отполирована круглая. Значит она более раннего происхождения.

Как начнешь подъезжать птицы шумят. Исключительно шумлива тут кайра, которой здесь неисчерпаемое большинство. Как будто птицы наговариваются на своем птичьем языке. Причем кайры, повернутые к скалам, уже имеют яйца, сидящие спиной ещё не вынесли яиц, что интересно их яйца не имеют под собой никаких гнезд, лежат просто на голых скалах и имеют очень большой размер. Другое дело бакланы, те имеют хорошо оборудованные гнезда, но их там немного и яйца их очень маленькие, напоминают они куриные но более продолговатые. Следующим большим числом

отличается чайка, небольшая, но очень голо-систая птица³. Как заведет она свою звонкую песню так с невероятным эхом их шум отражается от древних скал. Не даром в нашем эскимосском народе поется песенка:

*Нунанигак касук' к'а́яхисин
Акузикаюхаг'мын' к'а́яхисин,
Натынми х́уан'а акузик'син'а,
Натынми х́уан'а акузик'син'а.*

Что в переводе означает:

*Нунанигак тот не имеешь ли утку
Говорящую утку
Как же я разговариваю,
Как же я разговариваю.*

Еще веселей кажется пение нашей пташечки снегурочки⁴. Если у ней на земле голосок во время пения переливается в разнообразные отголоски, то там она кажется просто невероятным. Она звучит как-то по-особенному мощным эхом отражается от седых скал и звучит так, что трудно передать словами, а ещё труднее описать её пером. Сейчас с удовольствием ездил бы на этот остров но тяжелый недуг лишил и этой возможности даже кино посетить и то не могу. Приходится музыку слушать в грамзаписях в довольно искаженном виде. Или передачи радио с большими радиопомехами. Тут бы лучше выглядела радиолоа она мало искажает запись чем мембрана, да тембр голоса совершенно иной у звукоснимателя. Мембрана та дребезжит, а этот нет.

Конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Село Лаврентия, возникшее на основе Чукотской культбазы, в 1930–1940-х гг. стало центром большого района, куда входила территория современного Провиденского района. Поэтому жителям сёл Янракинот, Чаплино, Кивак, Сиреники и др. приходилось ездить по всем вопросам в Лаврентия. Провиденский район был образован только в 1957 г. в связи с развитием морского торгового порта в бухте Провидения. *Прим. ред.*

²В этом рассказе Айвангу описывает строительство одного из аэродромов, которые были созданы на Чукотке для перегона по лендлизу американских самолетов в СССР, на фронты Великой Отечественной

войны. Самолеты летели с Аляски и должны были на длинном пути заправляться горючим, проходить техосмотр и, при необходимости, небольшой ремонт. Аэродром на мысе Чаплина оказался ненужным – дозаправку самолетов проводили на таком же аэродроме в заливе Креста. *Прим. ред.*

³Речь идёт о трёхпалой чайке, или моевке, самой маленькой из чаек, гнездящихся на птичьих базарах Чукотского полуострова. *Прим. ред.*

⁴Это самец пуночки, в его окраске доминирует белый цвет. Он издает звонкую мелодичную трель, которая приятно контрастирует с резкими отрывистыми криками морских птиц. *Прим. ред.*

ПАМЯТЬ О НАУКАНЕ

Валентина Григорьевна Леонова (фото III-27) родилась в 1961 г. в селе Нунямо. Туда в 1958 г. из посёлка Наукан были переселены науканцы – маленький эскимосский народ, живший на самом краешке Чукотского полуострова, возле мыса Дежнёва. К этому народу, известному своей стойкостью и жизнелюбием, и принадлежит В.Г. Леонова. В 1978 г. она окончила среднюю школу, а в 1987 г. заочно – Магаданский государственный педагогический институт по специальности «русский язык и литература». В настоящее время В.Г. Леонова заведует центром этнопедагогических технологий Чукотского института развития образования и повышения квалификации.

Следуя заветам своей матери, Ирины Леоновой, знаменитой хранительницы языка и культуры науканских эскимосов, В.Г. Леонова многие годы собирает и записывает фольклор, предания, ритуалы и обычаи своего народа. В 1997 г. её творческая работа «Память о Наукане» заняла первое место на конкурсе Совета этнокультурного общества «Чычеткин вэтгав». Ниже публикуются главы 2 и 4 этой рукописи. Автор записывала рассказы науканцев на родном языке, а затем, при участии и большой помощи Е.А. Добриевой, перевела их на русский.

Л. Богословская

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Самый восточный посёлок Чукотского полуострова, Наукан, располагался между мысами Пээк и Дежнёва, на трёх возвышенностях, разделённых оврагами и горными речками (фото III-32, III-33). В конце XIX в. посёлок состоял из 62 яранг, 21 деревянного дома и 14 землянок. В 1940–1950 гг. здесь жили 337 человек.

В отличие от приморских чукчей, у которых основной социальной единицей была патриархальная семья, эскимосы Наукана делились на родовые группы (кланы), не связанные общностью происхождения, как приморские чукчи. По мнению В.В. Леонтьева, мотивом объединения родовых групп науканцев, различающихся по происхождению, была защита своей территории от захвата приморскими чукчами, а также коллективная охота на китов и моржей, требовавшая общих усилий представителей одного рода или даже всей общины.

Вот названия тринадцати родов, на которые делились жители Наукана:

- 1) *Имтугмит* – «хозяева земли»;
- 2) *Ситк'унагмит* – «танцующие сидя с перьями на голове»;
- 3) *Нунагмит* – «вырастившие в бассейне кита»;
- 4) *Мамрох'пагмит* – «погубившие этого кита»;
- 5) *Уныхкогмит* – «уходившие (уходящие) на Аляску»;
- 6) *Ахкугмит* – «дальние»;
- 7) *Куйгагмит* – «поречане» (живущие вдоль реки);
- 8) *Алих'пагмит* – «виднеющиеся»;
- 9) *Акилагмит* – «обменивающиеся» (с кем-то);
- 10) *Кыхкогмит* – «на противоположной стороне живущие»;
- 11) *Маяг'егмит* – «поднявшиеся»;
- 12) *Саграгмит* – «жильё хорошо строящие»;
- 13) *Уягагмит* – «ремни на шее носящие».

Науканцы поддерживали деловые, хозяйственные и брачные связи с приморскими

чукчами Уэлена, были с ними в очень хороших, дружественных отношениях и многое делали совместно: ездили к чукчам-оленьводам для натурального обмена, до 1948 г. совершали общие поездки в эскимосские посёлки Аляски.

Совершенно иные отношения сложились у жителей Наукана и Уэлена, с одной стороны, и жителей Инчоуна и Чегитуна, с другой. Обе группы открыто выражали неприязнь друг к другу, не заключали между собой браки.

В советский период в Наукане произошли следующие важные события:

1924 — начинает работать школа;

1931 — организован колхоз «Ленинский путь», первым председателем которого был Аёюк. Создание колхоза произошло быстро и организованно. В дальнейшем науканцы всегда отличались высокой активностью в мероприятиях, проводимых советской властью, сохраняли чувство коллективизма и дружбы между собой;

1943–1947 — эпидемии гриппа и кори снизили численность науканцев на одну треть;

1954 — власти поднимают вопрос о переселении жителей Наукана в другой посёлок, более пригодный для улучшения условий труда и быта; говорится также и о том, что укрупнённое хозяйство улучшит материальное положение науканцев;

1958 — науканцев переселяют в посёлок приморских чукчей Нунямо.

Посёлок Нунямо оказался не подготовленным к расселению и трудоустройству такого большого количества людей. Науканцы попали в затруднительное положение, и тогда одни из них стали переезжать в районный центр Лаврентия, другие же стремились перебраться в Уэлен, с жителями которого они имели давние и крепкие связи. Ещё одна часть науканцев нашла работу в Мечигменском морзверобойном комбинате. Там они работали капитанами и штурманами катеров (Кергин, Линеун, Напаун, Тулюкак), освоили профессии токарей и слесарей (Тынануфан), радистов и строителей. К сожалению, этот комбинат был закрыт как нерентабельный в 1964 г.

В наше время науканцы рассеяны по всей Чукотке. Многие из нас, родившихся после 1958 г., никогда не видели своей родной земли, но память о Наукане передали нам в своих рассказах наши родители, бабушки и дедушки, дальние и близкие родственники, словом, все односельчане.

Жизнь в Наукане, была насыщенной большими и малыми событиями. Я слышала много рассказов о нём. Вместе с Валентиной Михайловной Хухын, моей коллегой по работе, мы начали записывать воспоминания наших сородичей на русском и науканском языках.

АГИХ'ЛЪЫГ'Э К'ЫЛЪАК'АК'

В образе Добриевой Елизаветы Алихановны (фото III-26) вернулась её двоюродная тетья — К'ылъак'ак'. Мне Елизавета Алихановна тоже приходится двоюродной тётёй.*

Родилась она 6 июля 1942 г. в Наукане. Мать — Атук, отец — Як'ын. Воспитывал её и дал свою фамилию Алихан Магометович Добриев. С самого рождения и до семи лет она жила у бабушки К'ых'сук' и деда Синан'ик'а.

Подтверждением тому, что Наукан — место загадочное, служат увлекательные рассказы моей тётёй, от которых невозможно оторваться, настолько они интересны и полны тайн. Этим рассказам можно было бы посвятить целую книгу. Я уверена, все мы, потомки науканцев, очень благодарны Елизавете Алихановне за то, что она хранит историю, традиции и обычаи нашего маленького народа и передает эти знания нам.

* Агих'лъыг'э К'ылъак'ак' — «вернувшаяся в эту жизнь К'ылъак'ак'». Прим. авт.

Тропою Богораза

Благодаря воспитанию бабушки и деда, я хорошо знаю язык, традиции и обычаи науканских эскимосов. Когда умерла бабушка К'ых'сук' (фото III-36), меня забрала в Лаврентия моя мама Атук' (фото III-36). В Лаврентия я закончила 8 классов, а в первом классе я училась ещё в Наукане. Моим первым учителем был Ёмрон Василий Иванович. В 1959 г. я поступила в Анадырское педагогическое училище и, закончив его в 1963 г., начала работать в селе Нешкан, затем в Энурмино, Нунямо, Усть-Белой. С 1969 г. по настоящее время работаю в школе-интернате районного центра Лаврентия.

По деду Синан'ик'у (фото III-36, III-38) я отношусь к роду *Маюг'егмит*. Это веселые, музыкальные люди, прекрасные танцоры, хорошо чувствующие юмор, и, как все науканцы, отличные охотники. Но лучшие хорошие охотники были из рода *Ситк'унаг'мит*: Тлюаун, К'ергытагин (фото III-41), Нутететин, Пытугак'.

Первые русские учителя вели уроки в большой яранге. Занимались дети в любом положении, так, как им было удобно: кто лежал на животе, кто сидел на коленях. Позднее построили деревянную школу. Наукан находился на наклонном месте, и очень трудно было выбрать место для постройки. Тогда решили строить на том месте, где раньше стояла большая яранга. Когда-то в ней жила большая семья, но в результате эпидемии все её члены умерли, а похоронить их было некому, так как все жители посёлка сильно болели. Поэтому эта яранга вместе с останками людей со временем разрушилась.

Итак, была построена школа. При школе жили русские учителя. По ночам они слышали, как в классах кто-то двигает парты, гремит стульями. Но в классах никого не было, форточки закрыты и дверь заперта. Старики объясняли, что жители той большой яранги хозяйничают, потому что не были как следует похоронены.

В Наукане также была изба-читальня. Когда в ней был выходной день, праздники устраивали в школе. А по вечерам взрослые играли там допоздна в домино.

Рассказывают, что моя мама Атук' девочкой часто теряла свои вещи. Ей их было не жалко. Однажды осенью у неё пропала тесёмка от капюшона камлейки. Эта тесьма ей очень нравилась. Вечером она пошла в школу её искать. Поднялась по ступеням, вошла в коридор. Было слышно, как мужчины играют в домино. Вдруг ею овладел безотчетный страх, стало просто жутко. Она тихонько остановилась между дверьми и замерла. До неё донёсся звук из одной приоткрытой двери – из темноты слышалось, будто кому-то закрыли рот и тот никак не может крикнуть. Она не помнила, как выбежала, очнувшись на полдороге к дому. После этого моя мама сильно заболела. Болела всю зиму, выздоровела только к весне. Когда она заболела, позвали шамана. Шаман спрашивал духов и рассказал родителям, что если бы Атук' оглянулась в сторону приоткрытой двери, то увидела бы страшное лохматое существо – *алих'туг'ак'ук'*. Человек, увидевший это существо, заболевает и может умереть. Шаман, вылечивший Атук', объяснил, что пока не может сказать, кто воровал вещи девочки, так как сам может умереть, но это будет известно весной.

С приходом весны науканцы начинают рыбачить на льду недалеко от берега. Однажды за Атук' пришла её лучшая подруга Гальган'а и позвала её на рыбалку. Гальган'а была очень красивой, с длинными черными косами. Старшая сестра Атук', Имак'лик' (фото III-36) не пустила её на рыбалку, оставила нянчить племянницу. Гальган'а одна пошла на лёд. Через некоторое время слышались шаги бегущих людей и плачущие голоса. Когда Атук' выбежала из яранги, она увидела, как несли на руках Гальган'у уже мёртвую, только длинные косы волочились по земле. Оказывается, Гальган'а пришла на припай и не успела опустить удочку в трещину между льдинами, как сразу упала в неё, будто кто-то притянул её к себе. И хотя её быстро вытащили, она захлебнулась. Вскоре после этого выяснилось, что именно Гальган'а воровала вещи у своей лучшей подруги Атук'.

А теперь я хочу рассказать о своём де-душке – Синан'ик'е. Я его очень любила, да и все внуки его любили. Он был удачливым охотником. Мы всегда с нетерпением ждали его возвращения с охоты. Обычно он приносил с собой одну нерпу, а остальных добытых нерп оставлял, чтобы принести потом. У всех нерп он вытаскивал глаза и приносил внукам. Для нас это было большое лакомство. Дед очень любил петь и танцевать, сочинял мелодии и танцы. Может быть, мы все пошли в него – мой брат Василий Добриев, мои племянницы, Юлия Зомер и Валентина Леонова, входим в состав ансамбля «Белый парус».

История женитьбы Синан'ик'а и К'ых'сук' тоже очень интересная. Раньше жену, не родившую детей, муж имел право вернуть в её семью. У К'ых'сук' тоже долго не было детей. Но Синан'ик' не бросил её, а обратился к своей матери Кыльтын. Мать посоветовала ему взять находящееся за ярангой гнёздышко пуночки и, не дотрагиваясь до яиц, занести внутрь. Когда Синан'ик' занёс гнездо, Кыльтын пошептала над ним и отравила Синан'ик'а отнести гнездо на место. Синан'ик' очень осторожно положил гнёздышко туда, где взял. Вскоре у Синан'ик'а и К'ых'сук' стали рождаться дети. Всего их было четверо, как и яиц в том гнёздышке, но в живых остались самая старшая, Имак'лик', и самая младшая, Атук'. От них пошли наши семьи.

Имак'лик' с самого рождения была слабой девочкой, и всё время проводила рядом с матерью, помогала ей, училась шить, варить, быть хозяйкой яранги. Её первый муж был учитель Головин Евгений Александрович. У них родилась дочь Татьяна. Головин хотел увезти дочь и жену на материк, но дед с бабушкой не разрешили, и он уехал один. Через два года Имак'лик' вышла замуж за Тыплъылыка. У них родилось десять детей, а выросли только четверо – Эн'эрын, Напак', Спартак и Майя.

Поскольку у Синан'ик'а не было сына, свою младшую дочь Атук' он воспитывал, как мальчика. Она ходила с ним на охоту,

помогала ему во всём. Он заставлял дочку выполнять различные физические упражнения, например, завязав ей руки и ноги, он укладывал её на пол, и она должна была сесть и развязаться сама. Поэтому Атук' была очень гибкой и ловкой, даже могла, взявшись рукой за одну ногу, перепрыгивать через неё другой ногой. А когда ей было уже сорок, она, широко расставив ноги, губами доставала с пола рассыпанные спички.

Атук' вышла замуж за Якына – моего отца. Во время войны отец работал продавцом. Его начальник проворовался и всю вину взвалил на восемнадцатилетнего Якына. Его посадили в тюрьму. А когда мне было четыре года, мать вторично вышла замуж за Добриева Алихана Магометовича. У Атук' родились дети: Василий, Андрей, Евгения, Олег, Любовь.

Мы – потомки Синан'инк'а.

У братьев Синан'ик'а тоже есть потомки: у Атан'ик'а из внуков осталась одна Асыкон'аун, она живет в Сирениках; у Ияйи-на (фото III-34) – Добриева Елена Сергеевна (Ан'к'аухуло), Энмынкау (Номехун) Нина Сергеевна, Глухих (Млаткын) Маргарита Сергеевна, Иванова Зоя Сергеевна, Тлюауна Людмила Сергеевна.

Синан'ик'а и его братьев воспитывала одна мать Кыльтын, потому что их отца убили в результате кровной мести, которая, оказывается, существовала раньше в Наукане. Известно, что это было летом, когда он отмечал день рождения третьего сына. Он надел новые нижние штаны и кухлянку и пошёл к кому-то, в это время в него стреляли. Когда его жена услышала крики мужа о помощи, она, захватив шестизарядный пистолет, который был у них, поспешила к нему. Кыльтын увидела человека, стрелявшего в её мужа, хотела застрелить, но все шесть пуль дали осечку. В это время Гемагырын, её муж, вернулся весь израненный, вся одежда была в крови.

Кыльтын одна воспитывала сыновей. Воспитывала их очень строго, по-спартански. Выросли они закалёнными, сильными и удачливыми охотниками.

Тропою Богораза

В конце своего повествования Елизавета Алихановна говорила о том, насколько интересна была жизнь в Наукане, и как безгранично её желание рассказывать о нём. Прожив у бабушки и деда до 7 лет, она сохранила в памяти яркую и подробную картину той жизни. Её рассказы впечатляют бесконечным восхищением и любовью к землякам и Наукану. Все родственники очень благодарны Елизавете Алихановне за то, что она рассказывает нам о нашей большой семье.

Записано в мае 1997 г.

АН'К'АУН (1937–2000)

Несмотря на суровый уклад и тяжёлый быт, науканцы – большие жизнелюбы и оптимисты. Примером тому является Михаил Ан'к'аун. Вот его рассказ.

Я родился 9 января 1937 г. Мать – Хухын, отец – Уйг'ак' (впоследствии с семьёй не жил), дед – Нувелын, бабушка – Калъая. Мою маму Хухын вырастили её дед с бабушкой, дед до глубокой старости ходил на охоту.

Когда я подрос, у нас с мамой были на двоих одни торбаса. Поэтому я ждал, когда мама придёт, чтобы обуться в торбаса и спуститься к охотникам на берег. На берегу давали кусочки мяса и жира. Жили очень бедно.

Когда родилась сестрёнка Валя (Валентина Михайловна Хухын), мне исполнилось 13 лет, и я начал сам проситься на охоту. Никто меня не хотел брать, один Тлюаун соглашался, и я с ним ездил. Он был рулевым на вельботе и сажал меня около себя, иногда давал подержаться за руль, учил рулить.

В 1953 г. мне исполнилось 16 лет. Многие приглашали меня к себе на вельботы, но я говорил, что буду охотиться только с Тлюауном.

Мы жили на бугорке *Ситк'унак'*, и Тлюаун давал мне поручение обойти всех охотников рано утром в хорошую погоду и созвать бригаду. Так мы ездили на охоту, добывали морзверя.

Дома тоже не сидели сложа руки. Мама шила тапочки на обмен или продажу, а я ей помогал. Она выкраивала лицевые части, основную часть мы вместе быстро сшивали [с подошвой]. Мама учила меня выделывать шкуры. Она говорила: «Если женишься, жена беременная будет, кто вам будет помогать?» Поэтому я сейчас всё умею делать.

В Наукане у меня был свой спортивный снаряд – камень округлой формы, очень тяжёлый. Ияйин (фото III-34) заставлял меня заниматься спортом. Ночью меня отправляли с камнем на плече в тундру. Говорили: «Иди. Если наступит просветление – станешь шаманом, будет темнота – станешь силачом». С этой ношей я шёл в тундру, но когда скрывался за пригорком, ложился и немного спал, потом опять брал камень и возвращался обратно.

Нам раньше запрещали спать с вытянутыми ногами, мама ударяла меня по ногам, чтобы я согнул их. Говорили: «Это надо, чтобы не растянуть сухожилия».

Будили рано, отправляли узнать, какая погода. Босиком в любое время года я обегал ярангу. Вообще, меня гоняли, чтобы я стал сильным. И действительно, в 1956 г. я стал заниматься национальной борьбой. Всегда занимал первые места. Хорошо помню, как в 1961 г. 1 мая в Нунямо поборол Эйневчейвуна и Рыквата, занял первое место. А когда моя первая жена умерла, тёща Пелък'он'а запретила мне бороться.

За время моего пребывания в Наукане было добыто 5 гренландских китов. За мясом приезжали со всех сёл: с Провидения, Уэлена, Нешкана, Инчоуна. Тогда женщины спускали на берег самые лучшие заготовки, различные угощения, взамен этого они получали мясо.

В Наукане ещё можно было добывать крабов. Для этого изготавливали специальные ловушки-*аг'нелгыт*. Такая ловушка пред-

ставляла собой камень, обвязанный верёвками с наживкой из хвостиков сайки и кусочков рыбы. Делали во льду по 10–15 лунок, в них опускали *аг'нелгыт*, потихоньку дёргали и осторожно начинали вытаскивать. Краб хватывал камень клешнями, иногда он срывался, и тогда рыбак руками подхватывал добычу. Однажды бабушка Тнауна Бориса, а она любила порыбачить, хотела схватить сорвавшегося краба, и он прикусил ей палец.

Теин и его семья, наши соседи, тоже часто ходили за крабами. Они были очень удачливыми охотниками. Говорят, что когда они добывали нерп, то заполняли ямы вертикально поставленными тушами.

Многие охотники сдавали нерпичий жир в магазин, взамен получали деньги или продукты.

Чтобы получить жир нерпы, оказывается, не обязательно её разделявать. Существует другой способ: сначала нерпу обезглавливали, затем подвешивали за задние лапы и отбивали тушу, не снимая шкуру, до тех пор, пока весь жир не стечёт в подставленный сосуд. Потом разделявали нерпу без жира.

Существовало поверье в Наукане о том, что речка, разделяющая село на две части, может сыграть шутку с поздними прохожими. Говорили, что ночью берега становятся круче и по ним невозможно подняться в посёлок. Многие, так и не поднявшись за ночь, оказывались в устье речки. Рассказывают, как-то Умка пришел к Утоюку на другую сторону реки, засиделся в гостях и ночью решил возвращаться домой. Когда он стал переходить речку, берега, будто стены, встали. Он вспомнил, что за пазухой у него спирт, покормил духов, после этого у него как бы что-то в ушах хлопнуло, и берега стали нормальные.

Ин'г'эг'рук – тоже необычное место в Наукане. За этой горой есть пещера, которая открывается и заманивает. Очень давно брат с сестрой пошли за морской капустой, пришли к этой скале, вошли в неё, и она закрылась. Внутри были слышны их голоса. Люди пришли на помощь, что только ни делали, чтобы их вызволить, даже шаманов позвали. Но голоса удалялись, пока совсем не пропали. Так и не нашли их.

Напоследок Ан'к'аун рассказал, что в сентябре науканцы ездили к оленеводам на обмен в Нешкан, Лорино. Для обмена готовили «атымпат» – шкуры нерп, лахтаков, жир морзверя, сушёное мясо, белужьи жилы для ниток, лахтачью кожу для подошв, лахтачьи ремни для арканов, торбаса, сшитые из нерпичьих шкур. Взамен брали оленьё мясо, сало, оленьи жилы, камус, готовые чижы, штаны, торбаса из оленьего меха.

Веселые искорки глаз Ан'к'ауна горят теперь огоньками в глазах его сыновей и внуков. Ан'к'аун ходил в море на моржа и кита с членами бригады морзверобоев в селе Лаврентия. Его эстафету подхватили сыновья – Эдуард и Максим.

Записано в сентябре 1997 г.

ЧУКОТСКИЕ ЛОДКИ

Большие кожаные байдары у чукоч и азиатских эскимосов по своему внешнему виду и устройству весьма схожи с байдарками американских эскимосов. Корякские байдары с их сужающимися к корме бортами и полукруглыми носом и кормой, наоборот, представляют совершенно особый тип. Камчадалы же не имеют кожаных лодок.

Трудность приобретения дерева является, пожалуй, достаточным основанием, объясняющим употребление кожаных лодок. Но на корякских берегах достаточно наносного дерева, годного для сооружения деревянных лодок. С другой стороны, берега Камчатки, вероятно, богаче морскими млекопитающими, чем берега Чукотского полуострова, так что камчадалы могли бы иметь достаточно материала для постройки кожаных лодок. Между тем камчадалы предпочитают оставаться со своими грубо сделанными деревянными лодками (ботами). Камчадалы не столь искусны в морском промысле, как их северные соседи, хотя они такие же страстные охотники до жира и кож.

Чукчи и эскимосы покрывают свои байдары моржовой кожей, которая расщепляется по толщине соответствующим образом, причём остаются нетронутыми тонкие полоски по краям, служащие для связи частей. Моржовая шкура так велика, что полутора шкур вполне достаточно для покрытия большой байдары. Байдара, имеющая в длину 35 футов [10,5 м], может быть покрыта менее чем двумя шкурами. Лахтакья кожа хотя вполне подходит для покрытия байдар, однако никогда не употребляется для этой цели ввиду её большой ценности для ремней и подошв. Коряки, наоборот, покрывают свои байдары кожами охотского лахтака ввиду отсутствия

другого подходящего материала. Однако такие байдары слабы и легко прорываются при высадке на берег в дурную погоду.

Кроме байдар большого размера, употребляются, в особенности на Тихоокеанском берегу, лодки меньшей величины — с тремя, двумя и даже иногда с одним приспособлением для вёсел, т. е. в последнем случае для одного гребца. Такие лодки употребляются для поездок вблизи селения, например, для ловли мёртвых тюленей, плавающих на поверхности или погрузившихся на дно, для охоты на птиц вдоль берега, для осмотра рыболовных и тюленьих сетей и проч.

Большие байдары, как мы уже указывали, могут быть до 35 футов длины и более двух с половиной футов [80 см] высоты; ширина дна их посередине доходит до двух с половиной футов [80 см], ширина между бортами посередине до четырёх с половиной футов [140 см]. Такая байдара требует команды от шести до восьми человек и может поднять до двух тонн груза.

Кожа, покрывающая байдару, снимается на зиму и тщательно оберегается от собак. В весеннее время кожу достают и вымачивают в течение нескольких дней в каком-нибудь пруде или в море, хотя в последнем случае необходимо иметь тщательный надзор за тем, чтобы кожу не унесло или не попортило льдом.

Покрытие байдары кожей требует участия нескольких человек, так что байдарной артели [команде] часто приходится приглашать на помощь соседей и родственников. Кожу необходимо натянуть как можно туже и как можно лучше закрепить. Все малейшие дырки на коже необходимо тщательно заделать. Когда кожа натянута, байдару переворачи-

вают вверх дном и оставляют сохнуть на сутки. В это время кожа раза два или три смазывается жиром. Особенно тщательно промазываются, по возможности толстым слоем жира, продырявленные и заплатаемые места. Иногда кожаная лодка покрывается краской, приобретённой на китобойных судах. Подражая американским ботам, туземцы начинают употреблять длинные тонкие весла. Равным образом входит в употребление примитивный навесной руль и заимствуются способы гребли.

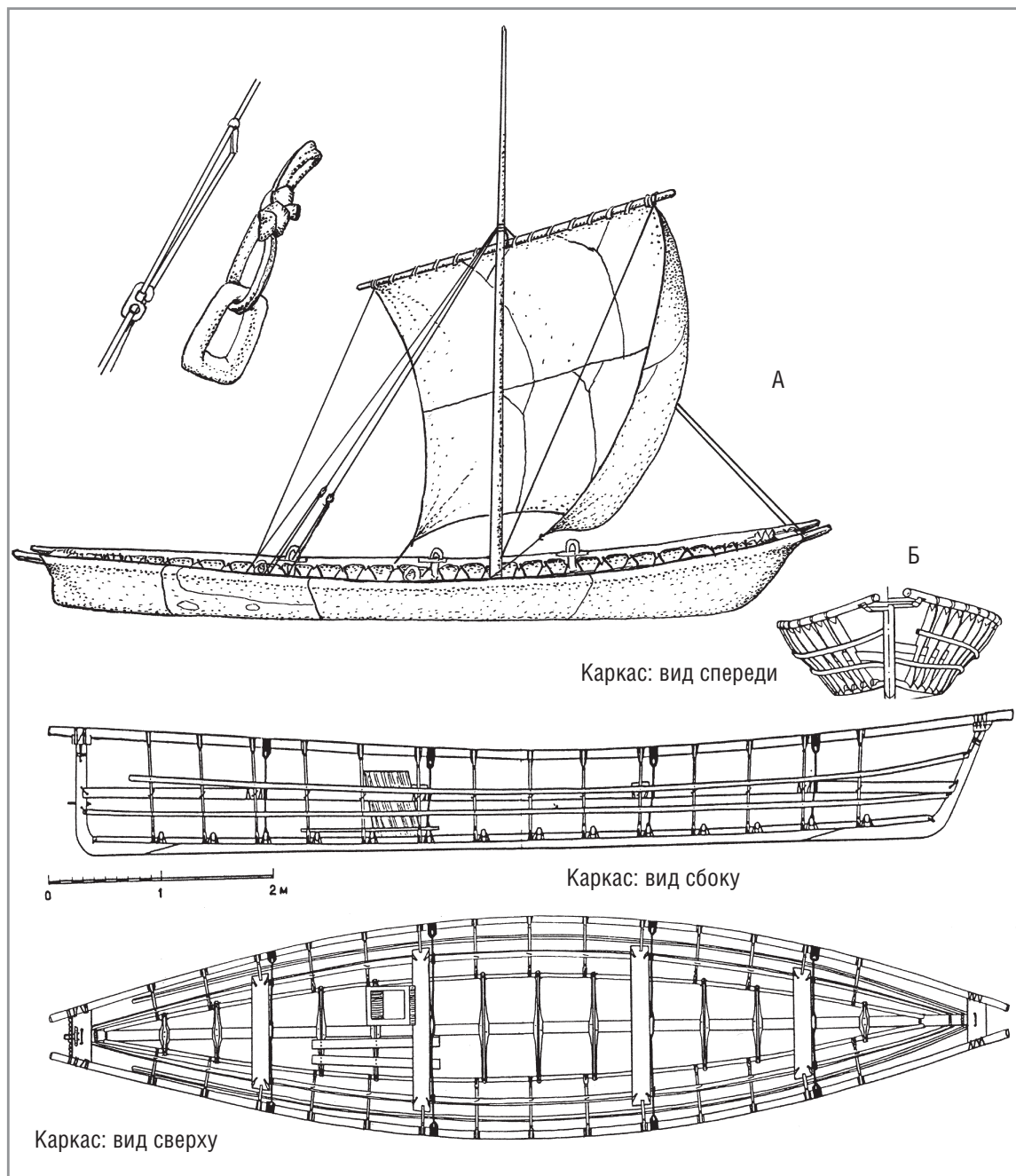
Если позволяет берег, лодки тянут бурлацким способом — длинной бечевой. Для этой цели употребляются также и собаки. С хорошо тренированным вожакон они могут идти одни, если берег благоприятствует этому и на нём нет острых выступающих камней, за которые задевает бечева. При благоприятных условиях хорошие собаки в такой упряжке могут сделать до 100 км в сутки.

Кожаная лодка обычно имеет мачту, утверждённую посередине и поддерживаемую ремнями, протянутыми к носовой и кормовой части. В дурную погоду оттягивающие ремни прикрепляются к верхней части мачты и протягиваются к бокам лодки. Парус обычно представляет большой четырёхугольник. К мачте он приспособляется с помощью прямой рейки, которая поднимается на блоке. От всех четырёх углов паруса идут ремни к корме лодки, с помощью которых управляют парусом. Бывают и два паруса, один выше другого. В подражание американским китоловам прямой парус начинает вытесняться трёхугольным, который более приспособлен для лавирования под ветром. Но при прямом ветре более удобен четырёхугольный парус, и даже при боковом ветре лодка с четырёхугольным парусом движется быстрее, чем с трёхугольным. В прежнее время паруса шились из выделанных оленьих шкур. В настоящее время в торговых селениях на паруса употребляется покупная материя, преимущественно брезент, холст. В отдаленных посёлках паруса шьют из множества кусков сукна и кожи. В неблагоприятную погоду при прямом ветре по бокам лодки привя-

зываются два поплавка. Борты лодок часто наращиваются полосами кожи или материи. При хорошей погоде эти полосы находятся в свёрнутом состоянии, а в дурную погоду развёртываются и растягиваются вдоль бортов, крепятся с помощью шестиков или просто вёсел. Такое приспособление [фальшборт] очень удобно. Оно спасает лодку от захлёстывания волной и не даёт ей опрокинуться даже в самый жестокий шторм.

Кожаная лодка в известном смысле имеет много преимуществ по сравнению с деревянным вельботом. Она много легче и в то же время может поднять больше груза. Она легка на ходу, и её без труда можно тянуть бечевой вдоль берега, зато она менее удобна при лавировании, потому что слишком легка и не имеет необходимого для этого кия. Но главное преимущество кожаной лодки — удобство высадки во время сильного прилива. Как на Ледовитом, так и на Тихоокеанском берегу море довольно бурно, особенно в осеннее время. Неожиданные шквалы очень часты. Кожаная лодка, застигнутая непогодой, не требует розысков гавани. Для неё годится любой песчаный берег, свободный от камней, и даже береговые скалы могут дать защиту от бури. При высадке в таких случаях требуется известная сноровка. Байдара, идя на вёслах, смело приближается к берегу. Затем в удобный момент на берег выбрасывается верёвка, если там есть кому схватить её, или же один из экипажа байдары высаживается с верёвкой на берег. Конец другой верёвки бросают с кормы, или другой человек выскакивает с нею. Стоящие на берегу натягивают верёвки так, чтобы борт, обращённый к морю, оказался выше борта прибрежного. Затем первая нашедшая волна прилива подхватывает байдару и выносит её на берег вместе с экипажем и грузом. Плоскодонная скользящая лодка в данном случае подобна живой рыбе. Чем сильнее волна, тем дальше она будет выброшена на берег. Экипаж тотчас же выскакивает и начинает разгружать лодку, а два человека продолжают тянуть за верёвки. Лодка, становясь легче и легче по мере разгрузки, вытаскивается всё дальше и

Тропою Богораза

Традиционная промысловая байдара.

А – Общий вид байдары длиной 11,85 м под парусом из ровдуги. Вверху слева показаны соединения деталей. (В.Г. Богораз, 1991. Рис. 44 и 46);

Б – Каркас байдары А. Анкалина длиной 9,8 м. Сиреники. (А. Анкалин, С. Богословский, 1985)

дальше на берег. Чтобы предохранить дно от прорыва, под лодку подкладывают вёсла, и затем она устанавливается так, чтобы волны не могли унести её. Если лодка легко нагружена и на берегу много людей, например, в прибрежном посёлке, то с берега просто

подхватывают верёвки и вытаскивают лодку. Этот метод высадки, совершенно неприменимый для обычного деревянного вельбота, кажется странным на цивилизованный взгляд, но когда наша экспедиция попала в первый сильный прибой и попыталась высадиться на

берег носом вперёд, обычным способом, байдара наполнилась водой и чуть не перевернулась, и она бы затонула, если бы не чрезвычайная упругость и эластичность её остова.

Некоторое сходство с чукотскими кожаными лодками имеют так называемые «сампан» — лодки северных японских рыболовов. Эти плоскодонные суда также могут приставать там, где обычным европейским морским лодкам угрожает крушение при малейшей попытке высадиться. При спуске в море байдара придвигается близко к воде носом вперёд так, чтобы её не достигали большие волны. Под неё подкладывают два или три надутых поплавка [из шкуры кольчатой нерпы]. Затем байдару нагружают и сталкивают в воду, причём гребцы изо всех сил работают вёслами, чтобы байдара не была выкинута волной на берег. На узких косах байдара разгружается и перетаскивается. Шесть человек легко могут снести её на плечах, даже смоченную водой. Иногда снимается только часть груза, и байдара перетаскивается по подложенным под неё поплавкам, заменяющим валики и предохраняющим дно байдары от соприкосновения с землёй.

Одним из существенных недочётов кожаной лодки является непрочность её покрытия. Каждый острый камень может прорвать дно байдары, особенно если кожа размякла от воды. Поэтому на каждой остановке приходится тщательно осматривать всё покры-

тие байдары, вычищать из-под деревянных частей мельчайшие камешки и тщательно зашивать малейшие дырки. Иначе байдара может дать неожиданную течь на воде и потребуются экстренная высадка. Байдарам необходима также просушка через определённое время. Если байдара долго не просушивается, то она коробится и изменяет свой вид. Для предотвращения этого используются ременные крепления, подтягивая или ослабляя которые можно регулировать состояние обтяжки байдары.

Оленные чукчи, живущие вблизи морского берега, также употребляют кожанные лодки. Байдары тэлькэпских чукоч даже больше по размеру, чем у жителей приморских селений. Оленные чукчи, живущие внутри страны, не имеют кожанных лодок, так как они им не нужны. Некоторые покупают у юкагиров или якутов маленькие деревянные лодочки, которыми и пользуются для своих нужд на озёрах и небольших речках.

Оленеводы во время кочёвок, происходящих поздней весной, и особенно *кавралит*¹ часто встречаются затруднения на пути при вскрытии рек. Чтобы переправиться через горные реки, внезапно разливающиеся, они устраивают особого рода плоты, делая их из нескольких нарт связанных вместе, под которые они подводят кожанные покрытия яранг. Такое сооружение употребляется как паром для перевозки людей и клади.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Кавралит — буквально «поворотчики», чукотские торговцы. С Тихоокеанского побережья караванами на оленьих упряжках они доходили

до Анюйской ярмарки. По дороге туда и обратно вели меновую торговлю. *Прим. И.С. Вдовина в кн.: Богораз В.Г. Материальная культура чукчей М.: Наука, 1991. С. 208.*

ЛИТЕРАТУРА

• Анкалин А., Богословский С. Ан'япик — эскимосская промысловая байдара // *Северные просторы*. 1985. №1. С. 42.

• Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.

ТРАДИЦИОННЫЙ МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ ЧУКОТКИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ. СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

*Посвящается
морским охотникам Чукотки*

Коренные жители и специалисты считают, что к началу третьего тысячелетия национальные береговые посёлки Восточной Чукотки оказались явно «отброшенными в прошлое». Хотя сейчас положение некоторых общин меняется к лучшему, всё же сельское население Чукотки в значительной степени вернулось к полупотребительской экономике 1940–1950-х гг. Как и в те годы, основу питания составляют продукты морского промысла и другие местные ресурсы. Разница состоит в том, что тогда это являлось «естественным» состоянием — жизнь самой сельской общины была организована лучше, а использование местных ресурсов и распределение продукции основывалось на более прочных культурных традициях.

Возврат к прошлому неизбежно вывел на первый план ценности национального наследия, в том числе и традиционное природопользование, ибо система управления Чукотским АО в 1990-е гг. не оставила коренным народам Севера ничего другого, как выживать своими силами и средствами. Выжить, к удивлению многих, удалось, только опираясь на приверженность традициям собственного культурного наследия. Впервые с 1950–1960-х гг. жители береговых посёлков Восточной Чукотки начали питаться в основном, а нередко почти исключительно, продуктами морского промысла — мясом и жиром морского зверя, рыбой, различными видами морских птиц, беспозвоночными и водорослями.

«Переломные» 1990-е гг. оказались временем высокой смертности коренного на-

селения и связанной с ней быстрой смены поколений, а также временем изменения внутриобщинных отношений в береговых посёлках. Столь ускоренная трансформация основных демографических и социокультурных процессов всегда является характерной чертой переходных периодов. В данном случае важным фактором стала повышенная смертность взрослого населения, особенно у эскимосов, из-за роста онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, ухудшения медицинского обслуживания, участвовавших случаев гибели в море и тундре во время промысла, морских и пеших переходов и т. д.

Слишком быстро ушли из жизни носители традиционных знаний — старики и основной костяк старших охотников 1970–1980-х гг. Это во многом определило возникновение так называемого культурного разрыва между старшими и младшими поколениями, который является серьёзной угрозой самому существованию и сохранению этнической самобытности небольших по численности народов.

За долгое время работы на Чукотке (1975–2005 гг.) нам довелось взаимодействовать с представителями шести поколений охотников (новое поколение приходит на промысел примерно раз в десять лет). Теперь, оглядываясь назад и вспоминая замечательные годы совместной работы с ними, мы хотели бы изложить свои впечатления от людей каждого из этих поколений.

Наши суждения основаны на многочисленных беседах, интервью и совместных

экспедиционных работах с морскими охотниками, в основном, из посёлков Сиреники, Новое Чаплино, Янракыннот, Нунлигран, Уэлен, Инчоун, а также переписке и личном общении со многими наблюдателями из других посёлков, которые участвовали в нескольких проектах мониторинга морских млекопита-

ющих 1980–1990-х гг. Основная часть собранных материалов опубликована в наших книгах и статьях (Богословская, 2003, 2005; Богословская и др., 2007; Крупник, 1989, 2000 и др.; Bogoslovskaya, 1996, 2003; Freeman et al., 1998; Krupnik, Bogoslovskaya, 1999; Krupnik, Vakhtin, 1997; и др.).

ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ОХОТНИКИ, РОДИВШИЕСЯ В 1900–1925-е гг.

Наибольшую помощь в изучении проблем, связанных со сменой поколений у морзвербоев Чукотки, нам оказали старейшины 1970–1980-х гг., в том числе А. Ратхугье (1905–1977), Ятылин (1905–1979), П. Напаун (1912–1983), И. Ашкамакин (1913–1995), Утыхтыкак (1914–1976), Ранав (1915–?; фото III-2), П. Пенеуги (1920–1999; фото III-8, IV-1), В. Тагитуткак (1922–1999), В. Тиято (1922–1985), В. Акка (1922–1990), А. Кукильгин (1923–1985; фото III-31), В. Анкатагин (1924–1979), В. И. Нанок (1924–1995) и другие.

Исключительно ценную информацию об обучении, социальном статусе и прежнем образе жизни охотников сообщили женщины-старейшины: Кыльпа (1913–1989), Иппи (1914–1993), У.И. Ухсима (1915–1989; фото III-48, IV-23), А. Анкана (1916–2000), Пиврана (1916–1991), В. Выйе (1917–1997), Умрына (1920–1999) и другие.

Все перечисленные старейшины выросли в общинах, которые с полным правом можно назвать «традиционными». Ко времени наших встреч большинство мужчин уже не ходили в море, но все они стали для нас главным источником традиционных знаний:

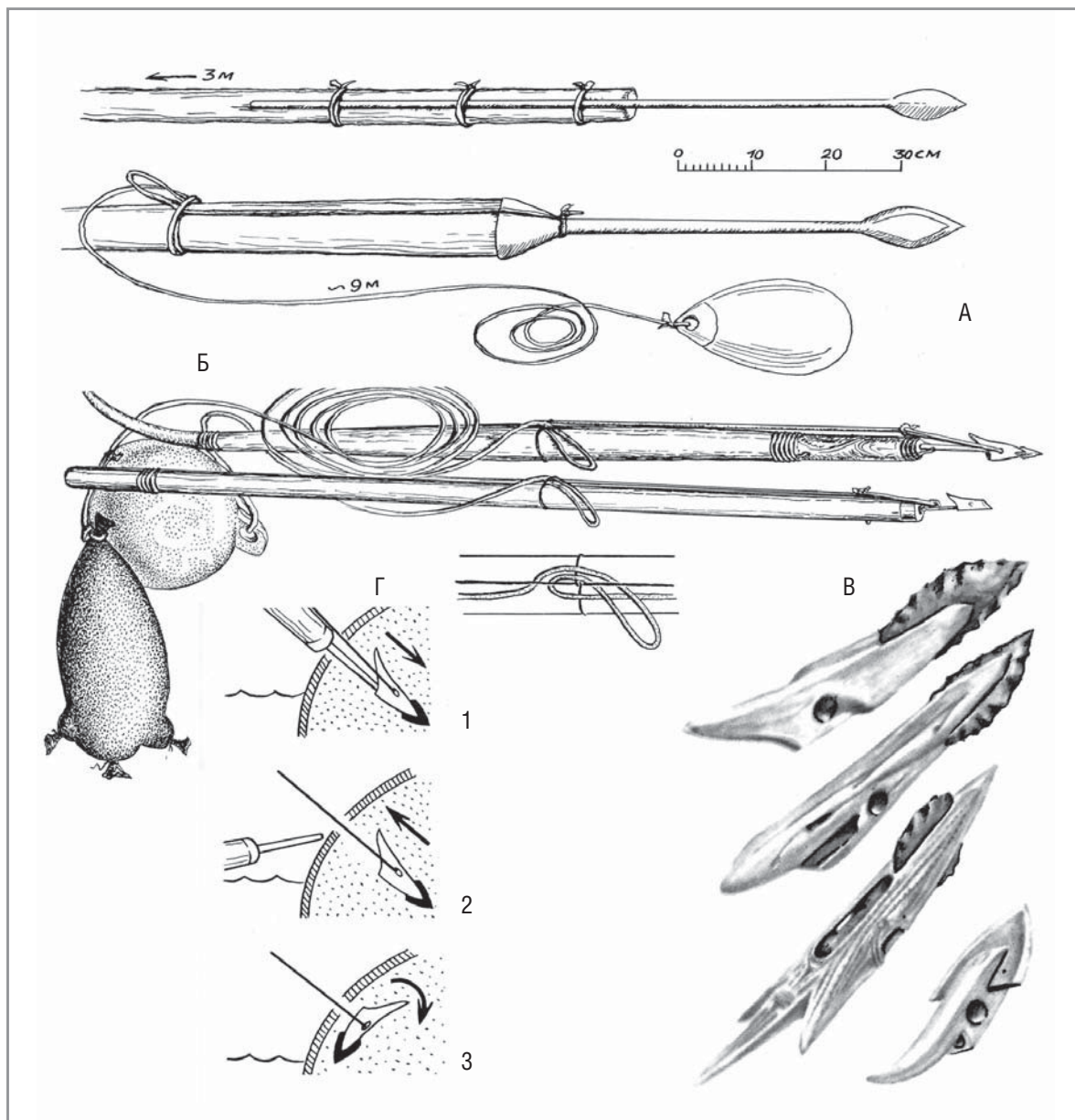
рассказчиками, экспертами, советчиками в самых тонких и малоизвестных вопросах. Как правило, охотники этого поколения прекрасно владели родным языком, отличались огромным жизненным кругозором, исчерпывающими знаниями побережья, людей в других общинах, превосходной памятью о старых посёлках. Их рассказы составили основу наших записей 1970–1980-х гг. Эти люди с удовольствием делились со всеми своими знаниями, с ними всегда советовались бригадиры перед выходом в море, но главной их задачей являлась передача традиционных знаний молодым охотникам. Так, несмотря на свой преклонный возраст, Петр Пенеуги даже в конце 1980-х гг. постоянно выходил в море с мальчишками и подростками Инчоуна, чтобы обучить их всем тонкостям зверобойного промысла (фото III-8). Такие охотники испытывали настоящую физическую потребность наблюдать за морем и промыслом, и те из них, кому позволяло здоровье, могли день за днём сидеть на берегу со своими старенькими биноклями и следить за жизнью моря (фото III-31).

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ОХОТНИКИ, РОДИВШИЕСЯ В 1925–1935-х гг.

Это поколение получило традиционное воспитание в семьях и начальное школьное образование в первых советских школах 1930-х годов: М. Юхак (1926–1979), А. Утыхтыкак (1927–1981), Н. Асыколян (1927–1989; фото III-31), С. Каваквыргин (1930–1987; фото III-31), В. Ятта (1933–1997), П. Тыпыхкак (1933–2000), Г. Каяк (1934–1994), Н. Гальгаугье

(1935–1995; фото III-1), Н. Каваугье (1935–1995) и многие другие. Большинство охотников этого поколения свободно говорили по-русски; некоторые учились в первых советских школах-интернатах и затем продолжили образование в средних и высших учебных заведениях других регионов страны. По существу, это было первое поколение береговых жителей Чукотки, кото-

Тропою Богораза

Основное традиционное промысловое вооружение морских охотников Чукотки.

А - Копьё для поколки моржей на лежбище и на воде. Энмелен, 1985 г. (вверху); добойное копье для охоты на серого кита. По рис. Л. Кутылина, Янракиннот, 1994 г.

Б - Полностью собранные гарпуны для охоты на морского зверя. Древний гарпун (вверху): поворотный наконечник из моржовой кости с каменным лезвием-вставкой, поплавков из цельной шкуры кольчатой нерпы. Современный гарпун (внизу): поворотный наконечник из бронзы или латуни со стальным лезвием-вставкой, поплавков от дрейфтерных рыболовных сетей заводского производства. Внизу показана петля линия, которую гарпунер сдёргивает, когда наконечник входит в тушу зверя.

В - Гарпунные наконечники. Вверху – три древние с каменными лезвиями-вставками; внизу – современный наконечник из бронзы со стальным лезвием-вставкой.

Г - Схема работы поворотного гарпунного наконечника: 1. наконечник входит в тушу зверя; 2. гарпунер сдёргивает петлю линия, и наконечник отделяется от древка гарпуна; 3. под натяжением линия наконечник поворачивается поперёк раны и уже не может выскочить из туши зверя.

Рис. С. Богословского, 1980-е гг.

рое выросло в условиях системы советской администрации на Севере 1930–1940-х гг.

Тем не менее, все эти люди росли в семьях, которые в целом оставались достаточно «традиционными». Разговорным языком был исключительно национальный язык — эскимосский или чукотский, потому дети приходили в школу, не зная русского языка. С малых лет мальчики помогали охотникам и сами участвовали в промысле с 6–8-летнего возраста. Всё обучение тонкостям промысловой культуры шло на родном языке и в рамках традиционной системы знаний. Поэтому уровень промысловых навыков, пользование терминами и понятиями на родном языке у охотников этого поколения были в целом не меньшими, чем у стариков. Все они прекрасно ориентировались в море в любую погоду, знали прибрежные течения, розу ветров своего посёлка и прилегающих территорий, традиционные географические названия на родном языке, расположение старых посёлков, особенности промыслового снаряжения и способы его изготовления, включая умение строить байдары. При этом

многие были ещё и носителями исторических, фольклорных и ритуальных традиций своих общин, хотя рассказывали о них обычно хуже, чем старшие охотники. К людям этого поколения по своей сути принадлежали и более молодые охотники, родившиеся в конце 1930-х гг., которые всю свою взрослую жизнь провели на промысле: С. Иена (1939–1978), Т. Панаугье (1939–1995; фото III-10, III-12), А. Тальпугье (1938–1990) и некоторые другие.

Уникальным представителем этого поколения был Николай Гальгаугье* (фото III-1). Он обладал поистине неисчерпаемыми традиционными знаниями, свободно говорил на родном для него языке чаплинских эскимосов, понимал язык сиренинских эскимосов и хорошо владел чукотским языком. К тому же он, как никто другой из этого поколения, знал культурные традиции и религиозные обряды и умел совершать последние. Гальгаугье был настоящим натуралистом, страстным любителем всего живого и потому незаменимым членом нашей совместной этнобиологической экспедиции 1981 г.

ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ.

ОХОТНИКИ, РОДИВШИЕСЯ В КОНЦЕ 1930-х–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.

К. Кымычгин (1939–?), Л. Кутылин (1939 г.р.), А. Анкалин (1941–1994), В. Татыга (1943 г.р.) и другие.

Это поколение выросло уже в «смешанной культуре» и было в большинстве своём русскоязычным. Оно имело более отрывочные воспоминания о традиционных поселках, закрытых к середине XX в. Как правило, эти охотники хуже знали давнюю историю своих общин, родственные связи в предыдущих поколениях, общинные традиции и фольклор. Но в отношении искусства навигации, знания морских животных они ни в чём не уступали охотникам старшего возраста. Многие зависело от природных способностей: наблюдательности, таланта анализировать в считанные секунды множество разнородных факторов и принимать правильные решения, а также от личной удачливости — всё, как

было в традиционном обществе. Так, выдающимся навигатором был Андрей Анкалин из пос. Сиреники (фото III-10) — лучше него никто не водил байдару в шторм или среди льдов. Его замечательные способности в этой области признавали даже старшие и более опытные морзверобой.

Охотники этого поколения обычно свободно владели промысловой терминологией, даже те, кто в быту предпочитал говорить по-русски. Однако уже явным становилось деление на «традиционных» людей, кто ещё помнил и исполнял старые обряды и ритуалы, и тех, кто сам признавался в их слабом или фрагментарном знании.

* См. в этом же разделе книги очерк Н. Энмынкау «Потомственный морской охотник Николай Гальгаугье». *Прим. ред.*

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ОХОТНИКИ, РОДИВШИЕСЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

Эти охотники считались «молодыми промысловиками» в 1970-е гг. Сейчас они официально числятся старейшими охотниками в каждом посёлке. Многие из них уже умерли (В. Миенков, Н. Прохоров, Т. Гаймиссин, И. Нумынкау, Н. Панагиргин и др.), оставшиеся стали пенсионерами. В настоящее время именно на них возложена роль носителей традиций, передача знаний и наставничество молодых охотников.

Среди людей этого поколения культурная дифференциация ещё более углубилась – по степени тяготения к морю и зверобойному промыслу, пониманию животных, а также по объёму традиционных знаний и уважению к обычаям предков. Те из охотников, кто жил морем, ощущали свою культурную близость со зверобоями старших поколений. Родным языком в детстве в семейной обстановке у них был эскимосский или чукотский, и огромную часть культурного наследия они получили от родителей и непосредственного общения со стариками в море и на берегу. Отсюда их характерные высказывания:

«У нас вся жизнь в море, а у молодых – на берегу»*.

Виктор Миенков (1946–2000), Сиреники

«Очень трудно на охоте с молодыми, выросшими не в семье, а в интернате, и не знающими наш язык. У нас вся охота по-эскимосски идет. Я, как только в байдару прыгаю, сразу думаю по-эскимосски. По-русски трудно думать о нашей охоте».

*Николай Прохоров (1946–1996),
Сиреники*

«Традиционные знания очень важны для нас самих. Сейчас только обрывки остались. Прежде старики наблюдали животных вообще, а молодые сейчас – только практически, чтобы зверя добыть».

*Альберт Ашкамакин (1953–2006),
Янракиннот*

«Мы уже не те, что наши отцы, которые море, как себя, чувствовали».

Алексей Агранаут (1952 г.р.), Инчоун

ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ОХОТНИКИ, РОДИВШИЕСЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х И В 1960-е гг.

Это многочисленное поколение пришло на промысел в 1980-е гг. Сейчас они – зрелые и опытные промысловики среднего возраста, бригадиры, первые стрелки, наиболее активные и удачливые охотники. Именно они за последнее десятилетие возродили охоту на серого и гренландского китов с байдар и вельботов, начали развивать индивидуальный промысел, восстанавливать собачьи упряжки и строить кожаные байдары.

В трудные 1990-е гг. на их плечи легла ответственность по обеспечению мясом и жиром своих семей и целых общин, включая потерявших стада оленеводов. Жизнь заставила освоить прежние методы охоты, казалось, уже угасшие к концу 1980-х гг. – промысел нерпы с кромки льда (с собачьими

упряжками и одноместными байдарочками), лов нерпы сетями, покол моржей на лежбищах, охоту на серых китов с ручными гарпунами и добойными копьями и др.

По целому ряду причин возрождение национальных традиций в гораздо большей степени произошло в посёлках Чукотского района, особенно ярко проявили себя в этом охотники Лорино, Энурмино, Нутепельмена – лоринские морзверобой по праву занимают сейчас лидирующее положение в аборигенном морском зверобойном промысле

*Эти и последующие высказывания охотников записаны Л. Богословской в 1980–1990-х гг. в сёлах Провиденского и Чукотского районов Чукотского АО. *Прим. ред.*

Чукотки. Этот процесс отчасти наблюдается и в более южных селах, таких, как Янракинот, Новое Чаплино, Уэлькаль.

Большинство охотников этого поколения выросли в смешанных семьях и многонациональных посёлках, воспитаны в школах-интернатах, почти все прошли армию. Поэтому знание ими своего культурного наследия очень неоднородно и зависит, в первую очередь, от того, как поддерживалась национальная традиция семьями в их детские и юношеские годы. В большинстве своём охотники в море (и особенно на берегу) сейчас говорят между собой по-русски, употребляя лишь отдельные термины и короткие фразы на родном языке.

Культурная дифференциация в этом поколении стала ещё заметнее. Встречаются исключительно одарённые, преданные морю и природе наблюдатели. Это Юрий Ятта (1961 г.р., Новое Чаплино), Анатолий Каннин (1963–1996, Сиреники), Геннадий Гыргольнаут (1960 г.р., Энмелен), Николай Кычи (1955 г.р., Нунлигран) и другие столь же замечательные личности. Многие из них – прирожденные натуралисты, проявляющие неподдельный интерес к природе, особенно жизни морских зверей и птиц. Именно они составляли основные кадры наблюдате-

лей в российских и российско-американских проектах по мониторингу морских млекопитающих 1985–1996 гг.

К сожалению, охотники, похожие на тех промысловиков, кого в 1970-е гг. считали «крепкими, вписанными в традицию», среди этого поколения стали выглядеть одиночками, чудаками. Зато люди, более разбитные, «модернизированные», которые в 1970-е гг. смотрелись чужаками в охотничьих бригадах, теперь становятся массовым типом.

Большинство современных охотников этого возраста весьма профессиональны. Но уровень знаний о море, умение ориентироваться в тумане, во время шторма с помощью традиционных методов, способность не растеряться в трудной ситуации у них явно ниже, чем у предыдущих поколений. Это показал печальный опыт перехода пятнадцати маломерных судов с острова Св. Лаврентия в Новое Чаплино в начале августа 1999 г.

Все это хорошо осознают и сами охотники:

«Молодые ходят на охоту, чтобы добыть, старики – чтобы добыть и знать».

*Геннадий Гыргольнаут (1960 г.р.),
Энмелен*

ШЕСТОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ОХОТНИКИ, РОДИВШИЕСЯ В 1970-80-х гг.

Это поколение – дети японских и американских руль-моторов и дюралевых лодок. Они начали ходить в море в годы упадка и затем распада советской экономической системы в целом и совхозов в частности. После возобновления контактов с Аляской в 1988 г. многие уже не раз побывали на американском берегу и выбрали для себя жизненный стиль эскимосов Аляски с характерным для него прагматичным, даже коммерческим, подходом к природе и промысловым ресурсам, в том числе, и к морскому зверю.

Как правило, сейчас на промысел выходят люди примерно одного возраста и с одинаковым уровнем знаний, особенно, когда речь идет о небольших дюралевых лодках с командой всего из 3–4 человек. Соответствен-

но, учиться в море им приходится друг у друга, и нет возможности в трудную минуту прибегнуть к опыту старших. В настоящее время среди молодежи велика безработица, и потому многие ходят в море нерегулярно, по выходным дням или от случая к случаю, тогда как в советский период большинство молодых мужчин были профессиональными морскими охотниками, занимавшимися своим делом полную рабочую неделю. Тогда даже в маленьких посёлках было до трёх морзверобойных бригад, или звеньев, а в больших (Сиреники, Лорино, Уэлен и др.) – не менее пяти-шести бригад, каждая численностью до 8–9 человек.

Сегодня старшие жители посёлков отмечают, что, в отличие от морских охотников

Тропою Богораза

более ранних поколений, многие молодые промысловики не видят пользы в опыте и рассказах стариков, а больше надеются на мощные руль-моторы, радиотелефоны и другое современное снаряжение. Судя по отзывам, у этого поколения выше степень неоправданного риска, нередко отсутствует взаимовыручка, ответственность друг за друга, забота о товарищах, соседних бригадах, других людях на море. Старые промысловые традиции получены ими отрывочно, многие вообще пошли в море только потому, что в национальных посёлках нет других сфер деятельности. Понятно, что отдельные наблюдения и критические замечания односельчан не стоит распространять на целое поколение, но надо заметить, что в 1970–1980-х гг. мы никогда не слышали таких отзывов об охотниках.

Прежде на многоместной байдаре или вельботе работал сложно организованный

коллектив из 6–8 человек, где существовало распределение ролей и последовательность роста каждого члена команды в зависимости от его опытности и возраста. Молодой охотник сразу попадал в «систему правильных действий» всей команды и учился достойным отношениям со своими товарищами. Традиционная культура поведения на море постигалась на примерах старших, при постоянном общении с ними, путём индивидуального наставничества. На нашей памяти и по рассказам охотников, во всех бригадах обязательно был «старик» – старший и опытный охотник или даже пенсионер, который играл в команде роль «носителя традиций».

То, как быстро и от кого конкретно молодёжь, приходящая сейчас на берег, освоит и поддержит своим поведением традиции коллективной морской охоты, напрямую зависит сохранение морской зверобойной культуры Чукотки в XXI в.

ОТНОШЕНИЕ К ЖИВОТНЫМ У РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ ОХОТНИКОВ

Эта важнейшая часть морской зверобойной культуры также менялась со сменой поколений и техническим совершенствованием промыслового снаряжения.

При старых марках тихоходных моторов скорость передвижения была соизмерима со скоростью передвижения зверей. Именно таковы были первые на Чукотке руль-моторы, «Пента» и «Архимед», неторопливые, но исключительно надёжные. Они устанавливали между охотниками и добычей своего рода отношения равенства возможностей. Такие отношения были, очевидно, ещё естественнее у более ранних поколений, когда охота традиционно велась на вёслах и под парусом. Соответственно, гораздо лучше было знание берега, на море и суше замечалось больше деталей, наблюдение за зверем было более продолжительным и внимательным – охотники стремились предвидеть его поведение, чтобы напрасно не тратить усилия.

При современных мощных руль-моторах и скорострельных карабинах задача охоты на чистой воде теперь нередко сводится, в ос-

новном, к трём действиям: увидеть зверя, убить или тяжело ранить его «в нагон» и успеть «подцепить» поворотным гарпуном или даже багром. Не надо понимать поведение зверя, рассчитывать поправки на течения и ветер, совсем необязательно сначала загарпунить животное и только потом его стрелять. Легкая дюралевая лодка с руль-мотором мощностью от 60 л.с. и выше успеет по чистой воде добежать до убитого наповал и тонущего зверя, а если не успеет, и добыча утонет, то можно будет погнаться за другим зверем. Однако зимний промысел моржей в полыньях и ледовых трещинах по-прежнему требует больших знаний и умения, и сейчас не все молодые охотники могут вести его.

У молодых охотников произошло как бы упрощение промысловой и культурно-значимой картины окружающего мира, а взамен появилась уверенность в своем превосходстве над животными за счёт техники. По данным опросов, это характерно сейчас для всего коренного населения Чукотки. Мы склонны рассматривать такое явление как

следствие утраты родных языков, раннего ухода из жизни старейшин, интернатского воспитания нынешнего поколения родителей (Krupnik, Vakhtin, 1997; Freeman et al., 1998; и др.). Отношение к зверю стало более потребительским – животные рассматриваются в качестве источника пропитания или ценной продукции для обмена. Они интересны и известны лишь постольку, поскольку их надо добыть, и не более того.

Старшие охотники думали и говорили об этом совершенно иначе:

«Знания охотника – это не только как зверя убить, но и как его сохранить, уважать, чтобы и на следующий год к берегу пришёл. Ещё, когда много знаешь, большое чувство к морю, ко всему живому открывается, потому что понимаешь – ты такой же, как они».

*Пётр Тыныхкак (1933–2000),
Сиреники*

А вот слова охотников о китах:

«Киты не принадлежат никому, но думать о них должны все».

«Мы не хотим плохого китам, мы хотим, чтобы они были всегда».

*Тимофей Панаугье (1939–1995),
Сиреники*

«Много есть замечательных зверей, но киты лучше всех. Когда они идут в море мимо байдары, великие и спокойные, сразу понимаешь своё место на Земле, и внутри тебя тепло становится...

На китов глядеть очень интересно, но, главное, полезно и необходимо, чтобы полноценным человеком и охотником стать. Киты дают нам спокойствие и красоту жизни».

*Николай Гальгаугье (1935–1995),
Сиреники*

«В море всё время думаю о гренландском ките, надеюсь увидеть, услышать дыхание. Бью моржа, лахтака, а думаю о нём. Это для нас самый великий зверь. Наверное, в Африке – слон, а у нас – гренландский кит...

Когда в Анитикок охочусь на песца, всегда смотрю, как играют гренландцы. Сам станов-

люсь китом, верчусь в воде вместе с ними. <...> один раз с берега свалился – забыл, что человек, и пошёл к ним».

*Андрей Анкалин (1941–1994),
Сиреники*

«Когда идёт охота на кита – все вместе. В посёлке люди на берегу, смотрят в море, ждут, ласково говорят друг с другом. Никто не ругается – киты не любят, чтобы ругались или были жадными и злыми. Они тогда идут далеко от берега, не хотят встречаться с такими людьми.

Вот ты меня спрашиваешь про промысел китов, я рассказываю, и как будто в море вышел, смотрю кругом, зверя ищу. Если даже поговорить о китах приятно, то уж поохотиться на них – главная радость у нас. Время такой охоты – самое лучшее время жизни, ты уважаешь себя и уважаешь природу. Мясо, мантак этого кита – самая вкусная, самая полезная для нас пища».

*Пётр Тыныхкак (1933–2000),
Сиреники*

«Охота на китов больше, чем другая охота, помогает сохранять традиции и стать настоящим мужчиной. Опять же, она объединяет людей как большое общее дело, важное для всего посёлка».

*Геннадий Гыргольнаут (1995 г.р.),
Энмелен*

«Когда добудут кита, радуется весь посёлок, все с мясом, все очень дружные. От кита используют всё, даже кости...

Прежде там, где добыли кита, ставили челюсти и голову, потом, говоря особые слова, втыкали в них косточки с мясом, кормили то есть, – чтобы предки наши видели, как мы помним о них, как охотимся и соблюдаем традиции.

Кит – это всё в нашей жизни. Когда его вытащат на берег, больше ничего не надо – все спокойные сразу, уверенные в завтрашнем дне».

*Леонид Кутылин (1939 г.р.),
Янракыннот*

Тропою Богораза

В заключение необходимо сказать ещё об одной важной традиции. Прежде существовала особая связь между людьми в море (охотниками) и теми, кто остался на берегу (семьи охотников, остальные жители посёлка).

«Ушедшие в море, как нитями, связаны с теми, кто на берегу. Поэтому береговым нужно правильно себя вести и, главное, ждать. Мы не садились ужинать, пока охотники с моря не вернутся. Старики наши сидели на специальных местах и смотрели, смотрели в

море, чтобы дать знак о возвращении. Весь посёлок спешил на берег помочь пристать, вельботы вытащить, добычу встретить. Раньше жена добывшего встречала убитого зверя, как гостя. Специальный обряд был. Потом добычу делили, одиноких стариков, сирот, бедных людей никогда не забывали. Хороший охотник кормил не только семью, но и многих, даже неродных».

Людмила Айнана (1935 г.р.),
Провидения

Авторы статьи ещё застали времена, когда во всех посёлках старики целыми днями находились на берегу, поддерживая связь жителей с ушедшими в море охотниками. В 1970–1980-е гг. всегда можно было увидеть кого-либо из стариков-пенсионеров, сидящих на возвышенном месте и следящих за всеми действиями охотников, если промысел шёл вблизи посёлка (фото III-31). Жители посёлка, идущие по своим делам, обязательно спрашивали у них, как идёт охота, не случилось ли что-нибудь со зверобоями. Старики знали, что нельзя уйти с берега и оставить охотников без поддержки, и смотрели на море с раннего утра и до позднего вечера.

Они считали своим неперенным долгом передать все свои знания молодёжи и рассматривали себя как хранителей коллективного опыта многих предшествующих поколений. В посёлках современной Чукотки ещё немало людей старшего возраста, преданных национальной культуре и способных на такое же самозабвенное служение традиции. Молодёжь должна услышать стариков, запомнить сказанные ими слова и передать эти слова своим детям.

ЛИТЕРАТУРА

• Богословская Л.С. Киты Чукотки. М.: Институт Наследия, 2003.

• Богословская Л.С. Традиционные знания охотников Берингова пролива // *Охрана дикой природы*. 2005. № 1. С. 18–20.

• Богословская Л., Слугин И., Загребин И., Крупник И. Основы морского зверобойного промысла. М.–Анадырь: Институт Наследия, 2007.

• Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.

Крупник И.И. Пусть говорят наши старики. М.: Институт Наследия, 2000.

• Bogoslovskaya L.S. Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka. Report to Inuit Circumpolar Conference (ICC). 1996. Preprint. 145 pp.

• Bogoslovskaya L.S. The Bowhead Whale off Chukotka: Integration of scientific and Traditional Knowledge // *Indigenous Ways to the Present. Native Whaling in the Western Arctic* / A.P. McCartney ed. CCI Press, Edmonton, 2003. Pp. 209–254.

• Freeman M.M.R., Bogoslovskaya L.S., Caulfield R.A., Egede I., Krupnik I.I., Stevenson M.G. Inuit, Whaling, and Sustainability. AltaMira Press, Walnut Creek, London, 1998.

• Krupnik I.I., Bogoslovskaya L.S. Old Records, New Stories. Ecosystem Variability and Subsistence Hunting in the Bering Strait Area // *Arctic Research of U.S.* 1999. V. 13. Pp. 15–24.

• Krupnik I., Vakhtin N. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition // *Arctic Anthropology*. 1997. 34(1). Pp. 236–252.

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ И ПРИМОРСКИХ ЧУКЧЕЙ

Рецепты традиционных блюд морских охотников Чукотки я стала собирать с 1985 г., когда началась подготовка первого и до сих пор наиболее фундаментально обоснования квоты на серого кита для аборигенного промысла коренных народов Чукотки. Руководил всей работой А.Г. Вольфсон, врач по профессии. В те годы он заведовал Чукотским стационаром Института проблем биологии Севера (ИБПС ДВО СССР) и, как никто другой, понимал важность традиционной системы питания для физического состояния коренных жителей. Первые записи, сделанные мной совместно с этнографом и писателем В.В. Леонтьевым (фото III-24), выросшим в Уэлене, и эскимосом из Наукана, археологом Тасяном Теиным, вошли в обоснование, выполненное группой А.Г. Вольфсона.

Позже мы начали работать с Л. Айнана (фото III-30), великолепно знающей традиции питания морских охотников-эскимосов из посёлков Чаплино и Сиреники. Наша работа ещё не закончена, и мы будем рады, если к ней присоединятся старые и молодые жители Чукотки, морские охотники и оленеводы. Только совместными усилиями можно сохранить традиции питания, которые определяют здоровье коренных народов Чукотки и поддерживают многие пласты культуры и языков эскимосов и береговых чукчей.

Л. Богословская

Л. Айнана
Л. С. Богословская

ЧАПЛИНСКИЕ ЭСКИМОСЫ

Блюда из рыбы

Агах'тáк ыслывак – вяленая икра лососёвых рыб.

Таг'йáля – юкола (вяленая рыба).

Тын'ыштáк' – особое блюдо из сайки с жиром морзверя. Сайку отваривают, отделяют филе, измельчают его, добавляют полученный бульон, а также свежий жир тюленей. При правильно подобранных соотношениях компонентов рыхлая масса поднимается вверх, напоминая взбитые яичные белки.

Ун'íх'сикат – сайка, заквашенная с кишками нерки.

Уй'лягтыт – заквашенные головы рыб. Их закапывают в гальку на несколько дней, потом вынимают, споласкивают и обсасывают.

Ысл'ывагáк' – кашлица из икры лососёвых рыб и шикши. Икру растирают и взбивают, затем добавляют шикшу.

Юри – кашлица из внутренностей трески. Печень и кишки рыбы варят, растирают и в эту массу добавляют полученный бульон и жир морских зверей, обычно кольчатой нерпы.

Блюда и заготовки на зиму из продукции домашнего северного оленя

Ал'ягына (ал'яг'ина) – паштет из оленьего сала и мяса.

Ай'ан'л'як'ак' – поджаренные на костре оленьи губы, кожа с оленьих копыт, варёные почки и печень, заготовленные на зиму в квашеной оленьей крови.

Ай'к – квашеная оленья кровь.

Тропою Богораза

Аякак' – общее название всего мясного, поджаренного, испечённого на костре (мясо, печень, лёгкие, оленье губы и т. п.).

Киўлятак' – оленье кишки, сваренные с кровью и оленим салом.

Кымкы́ма – оленье сало и куски мяса, заготовленные на зиму в брюшине оленя, которого забили осенью.

Пугны́к' – застывшее топлёное оленье сало. В праздники *пугнык'* подают на варёной оленье грудинке.

Блюда и заготовки на зиму из продукции морзверобойного промысла

Айы́мкаг'ак' – жвачка, сваренная из остатков жира морских зверей в жирнике.

Йк'у́ак' – кислое (заквашенное в земляной яме) мороженое мясо.

Йк'у́ак' – кусок моржовой шкуры с жиром, отрезанный от *тұхтак'* (см. ниже).

Кайыкы́рыгак' – шкварки из свежего моржового сала. С сала снимают кожу, режут его на маленькие кубики, оставляя их соединёнными в единый пласт со стороны тонкой мясной полоски, и вытапливают.

Капылэк'ик'ак' – измельчённые свежие трахея, бронхи, рёберные хрящи, межпозвоночные диски моржа, толчёные со свежим моржовым жиром.

К'алъя́так' – молочный моржонок, которого варят очень долго.

К'аны́к – нутряной жир моржа.

К'аю́к' – 1) мясной отвар; 2) чай.

К'аю́к'сяк' – замороженный мясной отвар.

Ку́лиг'ьяк – белок моржовой крови. В ведро моржовой крови добавляют морскую воду или соль. Всплывшие хлопья собирают и долго варят до состояния творожистой массы.

К'ылъы́пыгак' – аорта моржа и других зверей, которую дети жуют, как жвачку.

К'ы́сни – молочная железа моржихи, которую сушат, вялят и потом долго варят.

Ман'та́грыгак' – китовая кожа без жира.

Ман'та́к' – китовая кожа с верхним слоем жира. Любимая пища всех береговых жителей Чукотки.

Мык'ы́сик' – квашеные (кислые) ласты и кожа моржа.

Мып́ик – пресная вода для питья и приготовления пищи.

Мыс́ик' – топлёный жир.

На́н'г'ак' – моржовый жир.

Нан'зы́г'а́к' – тюлений жир.

Ныфкы́рак' – мясо тюленей (предпочтительнее лахтака), нарезанное тонкими полосками и провяленное на воздухе так, что снаружи оно становится твёрдым и чёрным, а внутри остаётся свежим и красным. Пища, удобная во время долгих поездок.

Папáг'нак – высушенное варёное мясо с жиром любого морского зверя, но лучше лахтачьим. Прежде этой смесью набивали нерпичьи мешки и хранили их до холодов в мясных ямах.

Сик'лъя́огы́к'ак' – толчёное мороженое мясо.

Сиргу – традиционный омлет из яиц морских птиц (кайры, баклана, чаек). Готовился на воде с небольшим добавлением муки.

Тұхтак' – моржовый окорок (большой кусок моржового мяса с жиром, зашитый в шкуру этой же части туши).

У́али – квашеный моржовый жир.

Блюда и заготовки на зиму из наземных растений

Акү́г'ак' – верхний слой корней некоторых видов ив (с продолговатыми листочками), отбитый и размягчённый. Употребляется как самостоятельное блюдо, а также с жиром и мороженым мясом морского зверя. На зиму запасают и необработанные корни ив.

А́слзик' – сок растений, заквашенных с кровью морского зверя, обычно нерпы или моржа.

Кувы́хси – верхние части стеблей с листьями горца трёхкрылоплодного. Их собирают до цветения и употребляют летом, а также заготавливают на осень и зиму – варят и в отваре хранят до холодов. Затем листья отжимают и замораживают в ёмкостях. Эту массу берут по мере надобности для приготовления различных блюд. Чаще всего дела-

ют из неё кашу, добавляя топленый жир и кровь морского зверя.

К'ук'ун'ат — молодые листочки ивы клинолистной, ивы красивой, ивы Шамиссо, заквашенные в воде под гнётом. С наступлением заморозков гнёт снимают, избыток воды сливают, а растительную массу замораживают. Едят зимой с тюленьим жиром, толчёным мороженым мясом и печенью морского зверя.

К'ул'укак' — толстые корневища новосиверсии ледяной. Их собирают осенью и хранят на холоде. Зимой едят с мясом и жиром морского зверя.

К'усма — корень горца трёхкрылоплодного, который едят с вяленой рыбьей икрой, мясом, кровью и обязательно с жиром морского зверя.

Нунивак — квашенные листья родиолы темно-пурпуровой. Их собирают летом, закладывают в большие ёмкости, доливают воду и кладут гнёт. В процессе квашения листья

выделяют много сока, и объём массы уменьшается. Тогда добавляют свежие листья до заполнения ёмкости. Обычно *нунивак* квасят с добавлением следующих растений: мертензии морской (*мытх'аг'рак*), додекатеона холодного (*сюг'рахтак'*), белокопытника холодного (*камг'уак'*), кисличника двустолбчатого (*к'угылн'ик'*), морянки бутерладной (*мытх'аг'рак*). С наступлением холодов жидкость сливают, а заквашенную массу замораживают и по мере надобности используют с мороженым мясом и жиром акибы (кольчатой нерпы), лахтака (морского зайца), с толчёным мороженым мясом, печенью, почками и жиром другого морского зверя.

Ныпсихтак' — различные съедобные травы с кровью и жиром морского зверя.

Пызих'так' — варёная морская капуста.

Пыл'юмых'так' — квашенная зелень (*нунивак*) родиолы темно-пурпуровой с жиром морского зверя или оленьим салом.

Т. Теин
В. В. Леонтьев
Л. С. Богословская

НАУКАНСКИЕ ЭСКИМОСЫ И ЧУКЧИ УЭЛЕНА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОДУКЦИИ КИТОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА

Способы приготовления и заготовки мяса кита, кожи с салом, внутренностей и языка эскимосы и приморские чукчи передавали из поколения в поколение.

Блюда из мяса и субпродуктов гренландского и серого китов готовят почти одинаково, но, по вкусу они значительно различаются. Например, сало с кожей и мясо гренландского кита, в отличие от серого, имеет приятный сладковатый вкус, особенно у молодых китов. В 1985 г. Л. Богословская записала от Т. С. Теина и В. В. Леонтьева рецепты блюд, названия которых даны на языке науканских эскимосов.

Китовую кожу с салом (*ман'так'*) традиционно едят сырой и варёной. Впрок её заготавливают, плотно переложив в бочке листьями иван-чая (*вевегтыт*) и залив водой, тогда она имеет приятный запах иван-чая и долгое время сохраняет свежесть. Такую кожу едят только зимой. Осенью, с началом крепких заморозков, *ман'так'* гренландского кита большими пластинами кладут в

мясную яму, где он сохраняется до весны. Это хороший подарок при поездках в гости в соседние сёла или к оленеводам. Зимой сырой *ман'так'* едят перед сном, а варёный часто употребляют с кашеобразной массой из листьев горца трёхкрылоплодного (*кыйугак*). Охотники, выходя на промысел в море, в качестве запаса продуктов берут с собой *ман'так'*.

Тропою Богораза

Свежее сало серого кита летом едят с перетёртыми листьями горца трёхкрылоплодного.

Зимой охотники перед выходом на промысел едят на завтрак сало «с душком». Из замерзшего сала «с душком» выжимают «сок» — *кыра*.

Свежее мясо варят с луком и лавровым листом, слегка подсаливая; бульон пьют с перцем. Мясо, печень, почки жарят на животном и растительном масле или же чаще используют вытопленный жир морского зверя (лучше китовый). В качестве гарнира широко используют картофель, мучные изделия и крупы.

Топлёный жир прежде употребляли для жирников, чтобы обогреть и освещать *ярангу* или *нынлю*. В пищу он используется как соус: в него макают мороженое мясо кита, белухи, нерпы, лахтака, моржа, почки и печень тюленей. Детское лакомство — хлеб с китовым жиром.

Мясо кита вялят так, чтобы, затвердев сверху, внутри оно оставалось сырым, называется такое блюдо *нувкурак'*. В прежние времена его, проварив в больших котлах, помещали в бочки и заливали топлёным тюленьим жиром. В таком виде *нувкурак'* долго сохранялся. Едят его только зимой.

Вяленое китовое мясо с плесенью едят с салом кита, считая это очень полезным для здоровья.

Квашеную печень кита едят со свежей варёной кожей и салом моржа (*каху*). Сок квашеной печени пьют вместе с бульоном (*к'аюк'*) из нерпичьего мяса.

Свежие почки (*тахтук*) перед едой отваривают, а почки «с душком» едят сырыми, обмакивая в топлёный тюлений жир (*мысек'*).

Свежие кишки и желудок отваривают.

Язык кита (*улуйик*) хранят в мясной яме. Осенью и зимой, уже «с душком», его употребляют варёным.

Лёгкие (*кымыгнат*) вялят и едят в сыром и вареном виде с тюленьим жиром.

Сердце (*ихсак'ук'*) едят только свежим, сырым или варёным.

С китовых усов (*сук'ат*) снимают хрящевидную белую массу (*напа*) сладковатого вкуса и едят сырой с салом кита. Раньше после снятия напы усы серого кита использовали как метлы.

Передние лапы (*тал'тик'ук'*) и задний плавник (*сакник*) кладут в мясную яму хозяина байдары, добывшей кита. Зимой, когда погода не позволяла вести морской промысел, хозяин байдары приглашал на обед свою байдарную команду и пожилых людей селения и угощал их лапами и задним плавником кита уже «с душком» (*пилегакут*).

Ребра кита с мясом вялят и едят зимой с приправой из растений — камнеломки Нельсона (*сик'нак'*) и лаготиса сизого (*нырн'ак'*). Эти растения имеют собирательное название *сивуг'ак'*; для изготовления приправы их смешивают с топлёным тюленьим жиром.

Большим легочными заболеваниями дают пить свежую кровь только что добытого кита.

Деликатесом считается *акутак'* — паштет из тёртых сладких корней растений, смешанных с кровью кита и жиром морского зверя. Паштет имеет красноватый цвет и очень питателен.

Кусочки кожи кита (*агвыгогыт*), снятые с передних лап и заднего плавника, дают детям, оказавшимся на берегу во время разделки, как будущим удачливым охотникам на китов.

Кости гренландского кита в прошлом использовались при строительстве мясных ям, жилищ. Сравнительно недавно, когда действовали небольшие жиротопки на открытом воздухе, кости гренландского и серого китов использовали как топливо. В настоящее время жиротопки механизированы и в таком топливе не нуждаются.

Из сухожилий серого кита плели нитки для шитья верхней одежды, рукавиц, летних и зимних торбасов. Нитки были прочными и, размокая, набухали, не пропуская в обувь и дождевики воду. Более толстыми и крепкими нитями из крупных сухожилий сшивали байдарные покрывки из моржовой кожи.

ОСНОВНЫЕ РАСТЕНИЯ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В ПИЩУ
ЭСКИМОСАМИ И БЕРЕГОВЫМИ ЧУКЧАМИ

Русское название	Латинское название	Эскимосское название	Чукотское название
Агарум продырявленный	<i>Agarum cribrosum</i>	Агату	Авчемырго (<i>К'ок'омырго</i>)
Алария (различные виды)	<i>Alaria sp.</i>	Льк'уа:к'	Мыргомыр
Белокопытник холодный	<i>Petasites frigidum</i>	Камг'уак'	Лямк'олгын (Лемк'ут)
Брусника обыкновенная малая	<i>Vaccinium vitis-idea minus</i>	Китмик	Вэривычын
Голубика болотная мелкоплодная	<i>Vaccinium uliginosum microphyllum</i>	Сюг'ак'	Линьыл (Линлин)
Горец живородящий	<i>Poligonum viviparum</i>	Сюк'ल्याг'уак'	не установлено
Горец трёхкрылоплодный	<i>Poligonum tripterocarpum</i>	К'увыхси	Рымавтын
Горец эллиптический	<i>Poligonum bistorta ellipticum</i>	Сюк'ляк	Иикит (Иикилгын)
Додекатеон холодный	<i>Dodecatheon frigidum</i>	Сюг'ра'ухтак' (Суг'рахтак')	не установлено
Дождевик (различные виды)	<i>Lycoperdon sp.</i>	Ах'тык'ырыгак'	не установлено
Ива (различные виды)	<i>Salix sp.</i>	К'ук'ун'ак'	К'ук'ун'эн
Иван-чай широколистный	<i>Chamaenerion latifolium</i>	Ан'уак'	Вэвэгтыт
Камнеломка Нельсона	<i>Saxifraga nelsoniana</i>	Амлюк'ирак'	Сылк'ын'ат
Кисличник двустолбчатый	<i>Oxyria digyna</i>	К'угылн'ик'	Вэчогтыт (Вэчочтылгын)
Копеечник копеечниковый	<i>Hedysarum hedysaroides</i>	Унатак'	Миймий
Клайтония клубневидная	<i>Claytonia tuberosa</i>	Ульк'ик'	Кымчек
Клайтония остролистная	<i>Klaytonia acutifolia</i>	Пух'пук'а	Пьопок'ылгын
Лаготис сизый	<i>Lagotis glauka</i>	Н'ырн'ак'	Н'ыргот
Ламинария (различные виды)	<i>Laminaria sp.</i>	Льк'уа:к'	Рьарк'амыргот
Мертензия морская	<i>Mertensia maritima</i>	Мытх'аг'рак	Мытьэт
Морошка	<i>Rubus chamaemorus</i>	Ак'авзик	Рытылгын (<i>Рыттыт</i>)
Морянка бутерлаковидная	<i>Honckenia peploides</i>	Мытх'аг'рак	Вилюлгыт (?)
Мытник шерстистый	<i>Pedicularis lanata</i>	К'акык'ак'	не установлено
Новосиверсия ледяная	<i>Novosieversia glacialis</i>	К'ульик'ак'	К'уликкэн (К'уликкэлгы)
Порховка (различные виды)	<i>Bovista sp.</i>	Ах'тык'ырыгак'	не установлено
Родиола тёмно-пурпуровая	<i>Rhodiola atropurpurea</i>	Нунивак	Юн'эв
Шикша субголарктическая	<i>Empetrum subholarticum</i>	Пагун'г'ак'	Лыгооньылгын
Щавель арктический	<i>Rumex arcticus</i>	Альк'ыхк'ак'	Вэчовтыт
Щавель берингийский	<i>Rumex beringensis</i>	Пан'г'утн'уаг'ыт	Вэчовтыт

Примечание: варианты чукотских и эскимосских названий приведены в скобках.

ПИТАНИЕ МОРСКИХ ЗВЕРОБОЕВ ЧУКОТКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиции питания – область, в которой биология, медицина и культура соприкасаются ближе, чем где бы то ни было. Потребности организма в питательных веществах в сочетании со специфическими природными ресурсами ведут к формированию привычек и традиций, которые закрепляются на столетия. В ходе многовековой адаптации организм человека приобретает определённые свойства, которым не всегда отвечает новая пища, поступающая из других регионов.

Насколько существенны национальные традиции питания для современных арктических морских зверобоев, чей мир стремительно меняется под давлением всеобщей унификации? Что значит для их здоровья традиционная кухня, и чем грозит быстрый, на протяжении жизни двух-трёх поколений, отказ от её основ? Каковы перспективы «арктического типа питания» – сохранится ли он в ближайшие десятилетия, или сведения о нём уже совсем скоро станут достоянием только этнографов и антропологов?

Эти вопросы крайне актуальны для сотен тысяч человек, чьи предки освоили одну из самых сложных для обитания областей планеты – Арктику, и научились жить в гармонии с ней.

В результате адаптации береговых чукчей и эскимосов к использованию сходных, а в ряде случаев – одних и тех же природных ресурсов, у них сформировались почти идентичные системы традиционного природопользования и питания (Крупник, 1989; Семенов, 2000). Процессы «модернизации» образа жизни в целом и питания в частности в советский и постсоветский периоды у береговых чукчей и азиатских эскимосов также протекали по единой схеме.

Исходя из этого, далее мы рассматриваем ситуацию в посёлках морских зверобоев Чукотки в целом, не подразделяя их население на чукчей и эскимосов. Для сравнения привлечён обширный материал, полученный медиками и антропологами при изучении особенностей питания эскимосов прибрежных районов США, Канады и Гренландии.

АРКТИКА И ПОТРЕБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ЭНЕРГИИ И ВЕЩЕСТВЕ

Особенности питания человека в высокоширотных регионах во многом определяются требованиями среды обитания. В ответ на охлаждение возрастает основной обмен.

Основной обмен – это уровень затрат энергии, необходимых для поддержания минимальных жизненно важных функций организма, без затрат на выполнение какой-либо работы.

У коренных жителей Арктики основной обмен на 8–20 % выше по сравнению с вели-

чинами, характерными для жителей умеренного климата (Shephard, Rode, 1996). Кроме того, у обитателей высоких широт выше затраты энергии и в повседневной жизни: например, выполнение физической работы в тёплой одежде требует увеличения энергозатрат ещё на 7–25 % (Волович, 1983). Чтобы возместить эти потери, количество энергии, поступающей в организм северянина, должно быть повышено по сравнению с таковым жителя умеренного климатического пояса.

Возместить потерю энергии человек может только пищей. Однако на её усвоение также влияют климатические и другие природные факторы. В частности, специфический кислородный режим высокоширотных регионов (возникающая вследствие функционального недостатка кислорода «полярная одышка») может приводить к снижению эффективности усвоения пищи в кишечнике. Значит, в Арктике человек должен получать либо большее количество пищи, либо она должна быть легко усваиваемой (оптимально, если выполняются оба эти требования).

Сравнительно бедный видовой состав флоры и фауны, непригодность или малая пригодность почв для земледелия (то есть получения углеводной пищи), своеобразие микроэлементного состава почв влияли на ход хозяйственно-культурной адаптации аборигенного населения высоких широт. В Арктике сформировалось несколько вариантов традиционного природопользования, которые во многом определили и специфику типов питания.

Уникальность традиционного жизнеобеспечения обитателей Чукотского побережья заключается в эксплуатации территорий и акваторий, небольших по площади и сравнительно бедных по видовому разнообразию животных и растений, но при этом отличающихся максимальной биологической продуктивностью и высокой концентрацией

используемых видов. Этот вариант традиционного природопользования характеризуется наиболее полным использованием всех доступных пищевых ресурсов. Согласно Крупнику (1989), Богословской (2003) и другим авторам, эскимосская община получает пищу одновременно с четырёх–пяти уровней пищевой, или трофической, цепи: растения (первый уровень, или первичная продукция любой экосистемы), рыба и киты (второй–четвёртый уровни) и ластоногие (четвёртый–пятый уровни).

Легко усваиваемая углеводная пища в Арктике малодоступна. Однако белковая (протеиновая) пища имеется в достаточном количестве; кроме того, северная фауна даёт возможность получения большого количества жиров (липидов) — наиболее энергоемких пищевых продуктов. Действительно, при усвоении одного грамма жиров организм получает 9,3 ккал энергии, тогда как углеводы и белки обеспечивают поступление в среднем 4,1 ккал/г. Соответственно, физиологическая эволюция у северных народов шла по пути адаптации к белково-жировой (протеиново-липидной) диете. В результате сложился специфический вариант «полярного обмена веществ» («полярного метаболизма»), для которого характерно усиление энергетической роли липидов и белков при сниженной энергетической роли углеводов.

РАЗНООБРАЗИЕ ПИТАНИЯ МОРСКИХ ОХОТНИКОВ

Охотники на морского зверя используют для своего жизнеобеспечения морские, прибрежные и наземные сообщества растений и животных. Это обеспечивает заметное расширение спектра пищевых продуктов по сравнению, например, с тундровыми оленеводами. Но разнообразие диеты оказывается всё же относительно небольшим.

В традиционную кухню эскимосов Восточной Гренландии входили (и входят до сих пор) блюда, приготовленные всего лишь из 64 видов растений и животных. Очень близки и характеристики традиционных диет

инуитов Юго-Западной Гренландии (Robert-Lamblin, 1986; Larsen, Oldenburg, 2000). Традиционную пищу эскимосов следует считать недостаточно разнообразной по сравнению с пищей охотников и собирателей других регионов планеты — рационы последних включают продукцию нескольких сотен видов (Козлов, 2002). Но даже из этого ограниченного набора доступных ресурсов морские зверобой должны извлечь все питательные вещества, необходимые организму человека. В результате каждый из компонентов традиционной пищи приобретает чрезвычайную значимость.

Изъятие из «арктического рациона» даже небольшой части традиционно потребляемых продуктов может нанести серьёзный ущерб здоровью человека — заменить их нечем.

Какие же группы продуктов входят в традиционную диету морских зверобоев?

Долгое время считалось, что продукты растительного происхождения не играют существенной роли в традиционных диетах коренных северян. Однако, как показывают тщательные исследования, недооценка значения растений в традиционной кухне аборигенов Севера — грубая ошибка (Козлов, Вершубская, 1999; Beregovikova, Mamleeva, 2001). При этом роль растительной пищи в Арктике очень специфична. Для обитателей умеренной климатической зоны растения являются основными поставщиками углеводов, а значит, и энергии. В питании северян растительная пища, в первую очередь, служит источником клетчатки и витаминов. Использование тундровых растений и различных видов водорослей стало необходимым элементом пищевой культуры северян. Недаром у азиатских эскимосов и береговых чукчей сбор и заготовление дикоросов уважительно называются «женской охотой».

Хотя собирательство, охота на птиц и наземных животных являются лишь дополнительными источниками пищи, но, по мнению коренных жителей Чукотки, их роль в традиционном питании очень велика — они вносят большой вклад в разнообразие «северной кухни». Гренландские же эскимосы полагают, что эти продукты недостаточно питательны: птица, яйца, рыба, растения и морепродукты — «все они не дают ощущения сытости» (Robert-Lamblin, 1986). Морские

охотники всех регионов Арктики единодушно считают «настоящей» пищей только мясо и жир морских млекопитающих. Продукты морского промысла приобретают у них значение «культурной суперпищи», она воспринимается как «дар свыше» и становится одним из символов национальной самобытности (Garine, 1994; Freeman et al., 1998).

Основными источниками вещества и энергии для арктических морских зверобоев являются мясо, жир и внутренние органы морских млекопитающих.

Азиатские эскимосы употребляют в пищу мясо различных морских млекопитающих: моржа, лахтака, кольчатой нерпы, крылатки, ларги. Однако «культурной суперпищей» у них являются продукты китобойного промысла.

Традиционная кухня морских зверобоев Чукотки включает около 20 различных блюд из мяса, жира, кожи, ластов, языка и внутренностей китообразных (Bogoslovskaya, 1996), при этом они чётко подразделяют продукты, полученные в результате добычи различных китообразных. Мясо серого кита доступно, в основном, в период промысла, летом. Но хранить его можно только в замороженном виде, а это не всегда удаётся сделать в тёплое время года. В результате мясо серого кита традиционно считается «летней» пищей. Мясо гренландского кита, напротив, может храниться долгое время, особенно в заквашенном состоянии, и потому не рассматривается как продукт со столь явно выраженной сезонностью потребления. В целом же китовое мясо расценивается как очень ценная, но «тяжёлая» пища, которая не рекомендуется больным людям (Богословская, 2001, личное сообщение).

ТРАДИЦИОННЫЕ НОРМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ

В начале XX в. взрослый эскимос при традиционной диете съедал в день 1,8–2,2 кг мяса морских млекопитающих (Foote, 1970). Распространение привозных продуктов и всё большая ориентация на «покупную пищу» привели к снижению доли мяса в рационе се-

верян. В начале 1960-х гг. эскимосы региона Анактувук (Аляска) покрывали за счёт протеинов до 65% потребностей в энергии (Rennie et al., 1962). В 1970-х гг. потребление мяса китов и тюленей эскимосами Гренландии составляло в среднем 0,387 кг/сутки (Bang,

Dyerberg, 1981). Эскимосы дельты реки Маккензи употребляют в пищу мясо млекопитающих (прежде всего, оленей карибу и белух) в среднем 310 раз в год и ещё 210 раз – различные виды рыб (Wein, Freeman, 1992).

Но мясо, каким бы важным продуктом оно ни было, – не единственный компонент животной пищи, необходимый при «северной диете». Второй обязательный компонент традиционной арктической кухни – животные жиры. Об этом напоминает поговорка индейцев Канадской Арктики: «Умер от голода, питаюсь кроликами». Недостаток жиров в диете аборигенов высокоширотных регионов может оказаться губительным. Поэтому многие элементы пищевой культуры арктических народов ориентированы на включение в рацион возможно большего количества животных жиров (липидов).

Разумеется, потребление жиров различается в зависимости от их доступности, что во многом определяется особенностями хозяйственно-культурного уклада. Наибольшее потребление жиров характерно для морских зверобоев. При оценке эскимосами Канады достоинств различных видов традиционной пищи они постоянно подчеркивают содержание в них жиров (Wein, Freeman, 1992): «не могу жить без её сала» (о белухе); «дают нам жир» (о нарвале и гренландском ките). Взрослый мужчина-эскимос или приморский чукча при традиционной диете съедал в день в среднем около 100 г животных жиров, входящих в состав мяса, и дополнительно ещё около 60 г натурального жира (сала) морских животных (Крупник, 1989). При таком

питании одни только животные жиры могли обеспечить ежедневное поступление до 1280 ккал энергии, то есть покрывать 35–50 % энергетических потребностей человеческого организма.

Неверно преуменьшать и значение мучных блюд в питании аборигенов Севера. Хлеб и различные виды лепёшек (часто выпекаемых с добавлением крови или рыбьей икры) употребляются ими в больших количествах. Безусловно, мука – привозной продукт, однако вряд ли следует считать хлеб и лепёшки не традиционной пищей для северян: они уже более двух–трёх столетий входят в их рацион. Замечу для сравнения, что мука вошла в рацион коренных северян раньше, чем картофель появился у русских и белорусов, – а уж что может быть «традиционнее» картошки в восточнославянской кухне?

Вопрос в балансе – в том, какая доля пищи должна приходиться на углеводную вообще и мучную в частности. Согласно подсчётам И.И. Крупника (1989), в конце XIX в. у эскимосов Чукотки за счёт муки покрывалось 17–20 % годовых потребностей в энергии. Суммарное суточное потребление хлеба и муки современными кочевыми ненцами обеспечивает 33–41 % общего поступления калорий. Для северян, ведущих традиционный или близкий к традиционному образ жизни, за норму можно принять потребление мучного в объёме, обеспечивающем около 30 % суточных потребностей в энергии. Это количество соответствует примерно 300–400 г пшеничного хлеба в сутки (соответственно для женщин и мужчин).

АДАПТАЦИЯ К ПРОТЕИНОВО-ЛИПИДНОЙ ДИЕТЕ

Итак, основу питания морских зверобоев составляют животные белки (протеины) и жиры (липиды). Но исходно человек – существо всеядное. Переход к «арктическому типу питания» мог быть осуществлён только путем длительного адаптивного (приспособительного) процесса.

Адаптации к питанию в условиях Арктики формировались на различных уровнях: фи-

зиологическом (желудочное пищеварение), биохимическом (формирование «полярного метаболизма») и культурном (способы кулинарной обработки продуктов).

У высших млекопитающих существуют различные варианты желудочного пищеварения. С разной частотой они встречаются и у человека. Для большинства людей характерно пищеварение по так называемому

Тропою Богораза

«типу медведя». В наиболее ярком виде этот вариант выражен у всеядных млекопитающих (бурый медведь, кабан), потребляющих наряду с растительной пищей и мясо. Переваривание пищи в желудке происходит у них преимущественно вблизи стенок этого органа, в тесном контакте с пищеварительными железами. Кислотность желудочного сока сравнительно невысока. Возрастание кислотности приводит к раздражению стенок органа, что грозит развитием гастрита и язвы желудка.

Для коренных жителей Арктики, чей рацион включает исключительно большое количество белков и жиров, характерно желудочное пищеварение по «типу волка». В этом случае химическая обработка пищи происходит в центральной части желудка при высокой кислотности пищеварительного сока. Это создает оптимальные условия для активности расщепляющего белки желудочного фермента пепсина. Предохраняя стенки желудка от воздействия кислоты, обкладочные клетки этого органа выделяют много слизи, которая служит прослойкой между желудочным соком и стенками. В результате даже очень высокая кислотность желудочного содержимого у эскимосов и чукчей редко приводит к развитию язвенной болезни желудка.

Облегчить усвоение белков можно двумя путями: либо дополнительно повысив концентрацию соляной кислоты в желудочном соке, либо путем предварительной кулинарной обработки продуктов. Первый вариант у аборигенов Арктики реализован, по-видимому, до предела биологических возможностей организма человека. К тому же, поступающая в желудок пища сама по себе препятствует повышению кислотности желудочного содержимого.

Что касается кулинарии, то для жителя средних широт наиболее привычна терми-

ческая обработка продуктов, содержащих животные белки (обжаривание, варка). Эти приёмы позволяют ослабить связи, скрепляющие прочную молекулу белка, и облегчить её усвоение. Однако возможен и другой путь. Если увеличить кислотность самого продукта и подвергнуть его воздействию ферментов-протеаз, то белок будет подготовлен к усвоению организмом человека даже полнее, чем после варки. Именно процессы ферментации и составляют биохимическую основу приготовления «кислой», или «квашеной» пищи, широко распространённой в национальных кухнях арктических морских зверобоев. Потребление больших количеств «кислой» (ферментированной) пищи — характерный для коренного населения Арктики способ адаптации к условиям окружающей среды. Наиболее очевидна выгода ферментации как кулинарного приема, существенно экономящего дефицитное в высоких широтах топливо.

Потребление большого количества жиров и использование их в качестве основного источника энергии привело к соответствующей перестройке биохимического аппарата коренных северян. Для них характерна повышенная (по сравнению с жителями умеренного климата) активность ферментов, расщепляющих липиды. В результате снижается риск накопления жировых веществ в стенках сосудов, а значит, уменьшается опасность развития атеросклеротических поражений. Однако основное следствие — возможность быстрого использования жиров, то есть переключение энергетического обмена с углеводного варианта на липидный. После расщепления в кишечнике и всасывания липиды соединяются со специфическими белками. Образуются липопроотеиды — белково-жировые комплексы, обеспечивающие транспортировку жиров в организме.

ЛИПИДЫ (ЖИРЫ) В ТРАДИЦИОННОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ДИЕТЕ

Итак, в ходе многовековой адаптации арктических охотников на морского зверя у них сформировался специфический вариант об-

мена веществ — «полярный метаболизм». Он характеризуется усилением энергетической роли жиров и белков при снижении роли

поступающих из внешней среды углеводов. Соответственно, медики определяют этот тип питания как белково-жировой (протеиново-липидный).

Недостаток поступающих с пищей углеводов у коренного населения Арктики частично компенсируется биохимическим путем. При потреблении значительного количества белков из кишечника в кровь всасывается большое количество аминокислот – «кирпичиков», из которых и построены белки. Это стимулирует продукцию гормонов поджелудочной железы, под действием которых углеводы начинают интенсивно образовываться из неуглеводных продуктов. За счёт самостоятельного синтеза углеводов организм покрывает часть своих потребностей в «быстрой» энергии (у жителей умеренного климата «сиюминутные» потребности в энергии удовлетворяют преимущественно углеводы, поступающие из внешней среды с пищей).

Но доля энергии, получаемой в результате окисления углеводов, остаётся сравнительно небольшой: основной энергетический баланс человека в высоких широтах обеспечивается метаболизмом липидов (Крылов, 1980; Кушнерова и др., 1990).

Казалось бы, поступление в организм громадных количеств жиров, характерных для традиционной «арктической кухни», должно приводить к возрастанию концентрации жировых веществ и в крови человека. Особенно опасно повышенное содержание холестерина: он откладывается на внутренней поверхности кровеносных сосудов, сужает их просвет, а вокруг скоплений этого вещества разрастаются бляшки из грубой соединительной ткани. Недостаточно эластичные артерии малого диаметра не в состоянии доставить нужное количество крови к работающим органам, мало кислорода получает мозг человека и само сердце. Развиваются такие опасные болезни, как стенокардия, инфаркт, инсульт.

Почти у всех народов мира прослеживается определённая закономерность: чем больше жирной пищи включает диета чело-

века, тем выше концентрация холестерина в крови. Однако у арктических морских зверобоев, потребляющих наибольшее количество липидов животного происхождения, уровень холестерина в крови не выше, а часто даже ниже, чем у таёжных охотников и оленеводов Арктики, и существенно ниже, чем у горожан (Bang, Dyerberg, 1981). Соответственно, распространённость атеросклероза у ведущих традиционный образ жизни северян оказывается значительно меньшей, чем среди ориентированного на «европейский» образ жизни населения городов.

Исследования, проведённые в последней трети XX в., позволили объяснить факт удивительно низкого содержания липидов в сыворотке крови у северных аборигенов с традиционно богатой жирами диетой.

Жиры (липиды) состоят из молекулы глицерола, к которой присоединены две (обычно в растительных маслах) или три (в животных жирах) молекулы жирных кислот. Насыщенность жирных кислот зависит от содержания в них водорода и углерода. Чем больше углерода в жирной кислоте, тем выше температура плавления жира. При температуре тела человека насыщенные жиры размягчаются, но не плавятся, и потому могут скапливаться на внутренней стенке сосудов. Мы уже знаем, что это приводит к образованию атеросклеротических бляшек. Баланс содержащихся в пище насыщенных и полиненасыщенных жирных кислот (далее – НЖК и ПНЖК) определяет питательные свойства жира и его усвояемость организмом.

Один из важнейших факторов, предотвращающих чрезмерное повышение концентрации липидов в крови, – поступление в организм достаточного количества полиненасыщенных жирных кислот. Продукты животноводства содержат в 3–11 раз меньше ненасыщенных кислот, чем продукты китобойного промысла (табл. № 1). В результате потребление больших количеств мяса и жира домашних животных повышает риск развития атеросклероза, тогда как продукты морского зверобойного промысла, напротив, эту опасность снижают.

Соотношение полиненасыщенных и насыщенных жирных кислот в продуктах животноводства и китобойного промысла (источник: Bogoslovskaya et al., 1997)

Вид продукта	Отношение полиненасыщенных к насыщенным жирным кислотам (ПНЖК/НЖК)	
	Домашние животные	Серый кит
Жир	0,41 (свиной)	1,14
Язык	0,27 (свиной)	1,11
Мясо	0,08 (говядина)	0,86

Организм человека, как и любого животного, не в состоянии синтезировать полиненасыщенные жирные кислоты и вынужден получать их извне. Жизненно необходимы для функционирования биологических систем два вида кислот, получивших наименование омега-6- и омега-3-полиненасыщенные жирные кислоты (омега-6-ПНЖК и омега-3-ПНЖК). Нормальная деятельность организма обеспечивается при сбалансированном поступлении этих двух кислот.

Омега-6-ПНЖК содержатся в большинстве пищевых растительных масел (подсолнечном, кукурузном, виноградном), в мясе и жире животных, особенно домашних. Омега-3-ПНЖК (их основной источник — морские водоросли) входят в состав «жиров морского типа». Их содержание велико в рыбьем жире, мышечной ткани рыб и, в особенности, в мясе морских млекопитающих (китов, тюленей, моржей). Наземные растения, масло которых содержит омега-3-ПНЖК, — это соя, грецкий орех и травы, которыми питаются копытные животные. Животные жиры в пище современного горожанина представлены преимущественно жиром домашних, а не диких животных. Соответственно, при употреблении покупной пищи человек получает слишком много омега-6 и мало омега-3-ПНЖК. Отношение омега-6- к омега-3-ПНЖК в диете горожанина варьирует от 10:1 до 15:1, тогда как у людей, живущих охотой и собирательством, оно колеблется от 4:1 до 2:1.

В результате содержание омега-6-кислот и отношение омега-6- к омега-3-ПНЖК в сыворотке крови морских зверобоев существен-

но ниже, чем у жителей тех же населённых пунктов, предпочитающих по разным причинам «европейский» тип питания (Young et al., 1999). А грудное молоко эскимосских женщин, придерживающихся традиционного типа питания, также содержит большое количество омега-3-ПНЖК (Innis, Kuhnlein, 1988). Таким образом, сразу после рождения организм ребенка начинает получать полиненасыщенные жирные кислоты, «подготавливаясь» к переходу на «взрослый» рацион.

Потребление жиров «морского типа» ведёт к поддержанию благоприятного баланса липидов в крови человека. Низкий уровень холестерина сыворотки крови у эскимосов, алеутов, приморских чукчей исследователи связывают именно с преобладанием в их рационе омега-3-ПНЖК (Dyerberg et al., 1977; Young et al., 1995; Young et al., 1999).

Нельзя забывать, что жиры морских млекопитающих, рыб и водоплавающих птиц для коренных жителей высоких широт важны не только как источник энергии. Они выполняют и другие важные функции, в частности, служат основными поставщиками жирорастворимых витаминов: А, D, Е, К. По данным биохимических и медицинских исследований, организму коренных северян требуется большее количество жирорастворимых витаминов, чем жителям умеренного климата. Для арктических обитателей, придерживающихся традиционного питания, жиры «морского типа» служат основным источником витаминов этой группы, в том числе витамина D, обеспечивающего защиту детей от рахита, а взрослых — от снижения прочности костей.

Таблица № 2

Потребление белков, жиров и углеводов (% в калориях) эскимосами Северо-Западной Гренландии в 1908 и 1974 гг. в сравнении с азиатскими эскимосами (1989) и датчанами (1972)

Этническая группа и год исследования	Белки	Жиры	Углеводы
Эскимосы С-З Гренландии, 1908 ¹	44	47	8
Эскимосы С-З Гренландии, 1974 ²	26	37	37
Эскимосы Чукотки, 1989 ³	32	42	26
Датчане (Дания), 1972 ⁴	11	42	47

Источники: ¹Krogh, Krogh, 1913; ²Bang, Dyerberg, 1981; ³Клочкова и др., 1990; ⁴Helms, 1972

ОТКАЗ ОТ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Распространение «европейского» стиля жизни естественным образом ведёт к изменению питания. На первых порах включение элементов «европейской» диеты в традиционную кухню морских зверобоев зависело от интенсивности контактов с представителями «европейской» культуры. По мере расширения транспортной сети и всё большей «модернизации» образа жизни коренных северян доля покупной пищи в диете морских зверобоев неуклонно возрастала. Так, у эскимосов Северо-Западной Гренландии продукты местных промыслов в 1952 г. обеспечивали 54 % суточного поступления энергии, а к 1991 г. этот показатель снизился до 25 % (Pars et al., 2001).

Соответственно изменялся и компонентный состав пищи. В таблице № 2 представлены результаты исследований потребления основных питательных веществ морскими зверобоями Северо-Западной Гренландии в 1908 и 1972 гг. Среднее потребление белков, жиров и углеводов в диете эскимосов в 1908 г. можно рассматривать как исходный вариант питания, характерный для традиционной диеты морских зверобоев Арктики.

Приведённые в таблице № 2 данные по эскимосам Гренландии отражают результаты исследований в посёлке с населением 140 человек, удалённом на 100 км от ближайшего крупного поселения. Видно, что даже здесь структура питания коренных жителей

претерпела существенные изменения. Потребление жиров сократилось на 10 %, белков – на 18 %, а доля углеводов возросла при этом в 4,6 раза. В целом, соотношение основных питательных веществ приблизилось к характерному для городского населения Северной Европы (датчан).

В силу ряда причин «модернизация» образа жизни и изменения питания у коренного населения Чукотки происходят медленнее, чем у жителей зарубежной Арктики. Хотя к концу 1980-х годов соотношение белков, жиров и углеводов в диете морских зверобоев России уже существенно отличалось от характерного для традиционного рациона, изменения были менее выражены по сравнению с жителями Гренландии (табл. № 2).

Важно, что меняется не только соотношение основных питательных веществ, но и структура потребляемых жиров. В целом потребление жиров и протеинов в диете живущих в крупных населённых пунктах коренных северян остается по «европейским» нормам высоким (влияют традиции приготовления пищи). Однако содержащие омега-3-ПНЖК жиры «морского типа» в покупных продуктах заменены жирами с преимущественным содержанием омега-6-ПНЖК. В 1997–1998 гг. женщины-эскимоски Баффиновой Земли (Канада) ежедневно использовали в пищу примерно 86 г жиров, причем 56 г из этого количества приходилось на покупные жиры,

**Разница в потреблении мяса морского зверя
между 2000 и 1985 годами (г/чел/сут.)**

Мясо		Разница в потреблении (2000 г. к 1985 г.)
Серый кит		-86
Морж		+9
Тюлени	нерпа	+95
	лахтак	+97

в основном, растительное масло и маргарин (Kuhnlein, 1991). В результате соотношение насыщенных и ненасыщенных жирных кислот в пище резко меняется в сторону насыщенных, а омега-6-ПНЖК начинают преобладать над омега-3-ПНЖК.

Это ведёт к повышению концентрации холестерина в крови и последующему развитию атеросклероза. Среди населения современных арктических посёлков атеросклеротическим поражениям сосудов наиболее подвержены представители пришлого населения, достоверно реже – коренные жители Аляски и ещё реже – эскимосы Гренландии

(Boudreau et al., 1993). У жителей относительно крупных населённых пунктов Аляски и Чукотки содержание холестерина и наиболее «опасных» липопротеидов высокой плотности выше, чем у коренных северян, проживающих в удалённых, изолированных северных посёлках (Maynard, 1976; Воевода и др., 1987). Более «модернизированные» эскимосы Канады также имеют повышенное содержание холестерина в крови по сравнению с коренным населением Чукотки (Young et al., 1995). Такое распределение соответствует уровням потребления продуктов морского зверобойного промысла.

ДОСТУПНОСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ НА ЧУКОТКЕ

Сегодня характер питания коренного населения российского Севера определяется двумя основными факторами. Первый – естественная в современном мире эволюция традиционной кухни, ведущая к сближению с «европейским» вариантом питания. Второй фактор – экономический, вынуждающий значительную часть коренных северян возвращаться к «исконной» традиционной диете из-за малой доступности покупных продуктов. Эти факторы разнонаправлены, и различия в типах питания нарастают даже в пределах одной общины.

Северяне, более обеспеченные в финансовом отношении, особенно живущие в городах, всё полнее ориентируются на «европейский» тип диеты (в его российском варианте). Традиционная пища всё больше становится символом национальной принадлежности, эле-

ментом, позволяющим подчеркнуть связь с культурными традициями своего народа. Это чрезвычайно важная роль традиционной кухни, позволяющая сохранять многие её черты на протяжении десятков и сотен лет даже после изменения условий существования этнической группы. Но в повседневном питании доля блюд эскимосской или чукотской кухни заметно сокращается. Набор потребляемых питательных веществ превращается в несбалансированную смесь элементов, характерных и для традиционной, и для покупной (магазинной) пищи, со всё большим смещением в сторону «европейского» варианта питания.

Как правило, потребление животных белков остаётся, по «европейским нормам», очень высоким, но мясо морских млекопитающих замещается говядиной, свининой, ку-

рятиной. Поскольку содержание витамина А, например, в говядине в 5,5 раза меньше, чем в мясе белухи (Freeman et al., 1998), возникает опасность развития гиповитаминоза. Только 14,5 % обследованных эскимосских женщин Канады, находящиеся на частично «европеизированной» диете, получают с пищей рекомендованное количество витамина А (Kuhnlein, 1989). При снижении поступления жиров «морского типа» в организм поступает недостаточное количество жирорастворимого витамина D. Этот недостаток не всегда удается компенсировать повышением доз приема синтетических витаминов, что оказывает неблагоприятное влияние на физическое развитие детей чукчей и эскимосов (Прахин, 1982). Так же резко меняется баланс между поступлением в организм других витаминов, насыщенных и ненасыщенных жиров (омега-3- и омега-6-ПНЖК). О тяжёлых последствиях такого дисбаланса мы уже говорили.

Для малоимущих представителей аборигенных общин (а именно они составляют подавляющее большинство коренного населения Севера России) охота, рыболовство и сбор растений-дикоросов вновь превращаются в важнейшие элементы жизнеобеспечения.

При этом морские зверобойи оказываются едва ли не в самой критической ситуации. Коллективный характер промысла и специ-

фические традиции распределения добычи внутри общины и между различными группами приводят к тому, что всё население посёлка зависит от результатов промысла ограниченного числа видов животных.

Соответственно, разнообразие питания в пределах общины морских зверобоев оказывается меньшим, чем у таежных охотников-рыболовов. Это значит, что сокращение промысла морского зверя, вызванное административными ограничениями или другими причинами, нанесёт удар не только по семьям охотников, но и по жителям, на первый взгляд, напрямую не связанным с морским промыслом (Kozlov, 2002).

Сегодня квоты на промысел морских млекопитающих в Чукотском автономном округе осваиваются далеко не полностью, если судить по количеству добытых тюленей, моржей и китообразных (37,5 % в 1998, 60,9 % в 2000 г. – Подгайный, Здор, 2001). Учёт суммарной массы добытого морского зверя показывает, что объём морского зверобойного промысла у коренного населения ЧАО за последние годы растёт незначительно, преимущественно за счёт увеличения добычи серых китов. Таким образом, сегодня приморские чукчи и эскимосы нуждаются в почти двукратном повышении объёма заготовок мяса и жира морского зверя в пределах установленных квот.

«НЕВИДИМАЯ» СМЕНА РАЦИОНА

До конца 1980-х гг. изменения питания коренного населения российского Севера с некоторым отставанием повторяли процессы, происходившие в общинах аборигенов зарубежной Арктики. Ситуацию в нашей стране изменил общий экономический и политический кризис, тяжело отразившийся на жителях российского Севера. Экономическая депрессия отразилась на питании чукчей и эскимосов. Потребление покупной пищи резко сократилось, вместо неё людям пришлось ориентироваться на более доступные местные продукты.

Продовольственный кризис стал одной из причин увеличения роли морского зверобой-

ного промысла на Чукотке. Если в 1985 г. морские млекопитающие обеспечивали примерно половину потребляемого мяса (55 %), а 45 % приходилось на покупную говядину, свинину и мясные консервы, то к 2000 г. доля мяса морских млекопитающих возросла до 89 %. Вместо покупных жиров также стал использоваться жир морских млекопитающих.

Может сложиться впечатление, что коренное население возвращается к традиционным продуктам питания и традиционной пище в целом. Однако это не совсем верно: за последние 15 лет XX в. на Чукотке произошли существенные сдвиги в соотношениях потреб-

Калорийность и содержание основных питательных веществ (на 100 г съедобной части в продуктах морского зверобойного промысла (Nutrient Data Laboratory, 2004).

Продукт	Источник	Калорийность	Белки	Жиры	Углеводы
Кожа с подкожным жиром (у кита – мантак)	серый кит	470,0	12,60	46,10	1,20
Мясо сырое	морж	282,0	16,3	24,1	0
	белуха	111,0	26,5	0,5	0
	морж	199,0	19,2	13,6	0
	нерпа	142,0	28,4	3,2	0
	лахтак	110,0	26,7	0,4	0

ляемого мяса и жира различных видов морского зверя (табл. № 3). Это нарушило разнообразие состава традиционной пищи. Дело в том, что продукция от разных видов морских млекопитающих существенно различается и по составу, и по калорийности. В качестве примера сравним некоторые характеристики «одних и тех же» продуктов, полученных при охоте на серого кита, моржа и нерпу (табл. № 4).

Видно, что калорийность и содержание белков и жиров в продуктах морского зверобойного промысла может различаться в полтора–два раза, а то и больше. Но белки, жиры и углеводы далеко не определяют полный состав продукта: эти виды морских млекопитающих отличаются друг от друга по содержанию микроэлементов, витаминов, на-

сыщенных и ненасыщенных жирных кислот и многим другим составляющим.

Следует заключить, что экономические события последних 20 лет привели не только к нарушению баланса различных видов добываемых морских млекопитающих, но и к заметным отклонениям в составе пищи морских зверобоев. Снижение разнообразия местной пищи может оказать отрицательное воздействие на здоровье зверобоев и членов их общин.

Увеличение продуктивности морского зверобойного промысла необходимо организовать таким образом, чтобы обеспечить не только количественный прирост, но и максимальное видовое разнообразие промысловых животных, а следовательно, и разнообразие мяса и жира.

ПРОБЛЕМЫ ЗАГРЯЗНЕНИЯ ПРОДУКЦИИ МОРЗВЕРОБОЙНОГО ПРОМЫСЛА

В возрастании потребления «традиционной пищи» таится скрытая опасность, связанная с глобальными проблемами загрязнения окружающей природной среды.

Ветровой и гидрологический режимы Арктического бассейна неблагоприятны в экологическом отношении. Воздушные массы, проходя над индустриальными центрами Европы, Азии и Америки, подхватывают огромное количество химических выбросов и переносят стойкие органические загрязнители (СОЗ) в

Арктику. В зимнее время ветры несут СОЗ к арктическим побережьям преимущественно из Европы и Азии, летом – из Америки. Арктические регионы России в отношении заноса стойких органических загрязнителей и тяжёлых металлов оказываются в самом угрожающем положении по сравнению с остальными высокоширотными территориями мира.

Особую сложность представляет проблема биологического накопления загрязнителей в

Таблица № 5

**Концентрация стойких органических загрязнителей (СОЗ)
в последовательных звеньях пищевой цепи (источник: Born, Bocher, 2001)**

Стойкие органические загрязнители	Концентрация в звеньях пищевой цепи (мг/г массы)			
	Моллюск (мышцы)	Рыба (печень)	Чайка (печень)	Нерпа (жир)
Полихлорбифенилы	0,0006	0,007	0,26	0,27
ДДТ	0,0002	0,005	0,23	0,41

последовательных звеньях арктических пищевых цепей (табл. № 5). Это характерно и для тяжёлых металлов, и для СОЗ, причём речь идёт о возрастании концентраций в десятки и тысячи раз! Так, содержание ртути в печени нерпы в 115–2800 раз выше, чем у трески, которой она питается, а в печени поедателя нерпы белого медведя концентрация дополнительно возрастает ещё в 2–9 раз.

Подобные процессы наблюдаются в экосистемах всего мира. Но в Арктике последовательное нарастание концентраций загрязнителей в организмах происходит особенно быстро из-за характерной для этих регионов сравнительно малой длины пищевых цепей. Человек выступает как конечный потребитель, использующий продукцию «последних звеньев» пищевых цепей. Одна из особенностей питания коренных народов Арктики состоит в том, что их пища включает самую высокую на планете долю мяса, жира и внутренних органов хищных животных, таких, как тюлени и киты, уже «собравших» загрязнители с предыдущих звеньев пищевых цепей. Соответственно, опасность поражения морских зверобоев и членов их семей токсичными веществами особенно велика.

В частности, с употребляемым в пищу жиром китообразных и моржей в организм северян поступают полихлорбифенилы (ПХБ), которые могут стать причиной бесплодия, врождённых пороков развития, злокачественных новообразований и ряда других серьёзных заболеваний. Даже при современной, частично «европеизированной» диете примерно 10 % женщин и 15 % мужчин-эскимо-

сов Канады, ведущих морской зверобойный промысел, получают с пищей ПХБ в количествах, превышающих допустимый уровень (1 микрограмм вещества на килограмм собственной массы тела в сутки). В ряде случаев поступление с пищей ПХБ у них выше допустимого в четыре раза (Kuhnlein, 1989). Содержание ПХБ в образцах крови морских охотников Чукотки (чукчей и азиатских эскимосов) – самое высокое по сравнению с аборигенами других арктических регионов: оно в 4,2 раза выше, чем у канадских эскимосов (Материалы Рабочей группы АМАР, 2003).

Полихлорбифенилы упомянуты здесь лишь в качестве примера: не меньшую опасность для коренного населения Арктики представляют другие химические соединения, например, ДДТ.

Традиционная пища морских зверобоев, включающая большое количество блюд из различных частей туши морского зверя и из рыбы, представляет также особую опасность в отношении тяжёлых металлов, в частности, ртути (Hansen, Gilman, 2005).

Учитывая это, правительство Фарерских островов, например, внесло в официальные рекомендации следующие положения: «Женщины, планирующие наступление беременности в ближайшие три месяца, а также беременные и кормящие женщины не должны потреблять в пищу китовое мясо. Печень и почки кита вообще не следует употреблять в пищу» (Weihe et al., 2003).

Морские зверобой Чукотки в последние годы всё чаще отмечают появление худых моржей и тюленей с различными болезнями

кожи (язвы, облысение, кожные паразиты), внутренних органов (в основном – печень, почки, лёгкие) и серых китов с неприятным «медицинским» запахом, изменённой структурой мяса и жира (Bogoslovskaya, 1996, Богословская, 2003; и др.). У некоторых китов кожа сплошь покрыта эктопаразитами и не пригодна для нарезки мантака (кусков кожи со слоем подкожного жира толщиной в 5–10 см), который является любимейшей пищей всех коренных жителей, от мала до велика (Bogoslovskaya, 1996). Число больных животных установить трудно. Судя по опросам зверобоев и результатам проверки добытых у побережья Чукотки китов, оно может достигать 6–10 % общего поголовья. Подобные отклонения многие коренные жители связывают с возможным воздействием

загрязнителей. По оценкам датских исследователей, всего 1 % гренландских зверобоев считают, что химически загрязнённые продукты морского промысла могут быть опасными и для человека (Pars et al., 2001).

Увеличение объёмов промысла морских млекопитающих необходимо сочетать с мерами по санитарному контролю качества добываемых продуктов в пределах каждой общины.

Эти санитарные мероприятия должны сопровождаться серьёзной информационной поддержкой.

Следует как можно полнее и доступнее оповещать коренных северян о рисках, связанных с возможным промышленным загрязнением продуктов морского промысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В наши дни традиционные типы питания коренного населения Севера подвергаются существенной трансформации. Причиной является комплекс изменений, объединяемых понятием «модернизация», – загрязнение природной среды, сокращение территорий традиционного природопользования, истощение биологических ресурсов. Среди модернизационных влияний следует особо подчеркнуть социальное, экономическое и этническое расслоение традиционных обществ. Их последствия – формирование профессиональных, возрастных, половых различий питания в общинах аборигенов Севера.

Специфические последствия модернизации – ослабление и даже разрушение складывавшихся веками медико-биологических и культурных адаптаций. Подобные негативные процессы затрагивают самые разные аспекты жизни коренных северян, но в питании они проявляются наиболее ярко.

Экономический крах инфраструктуры северных регионов России привёл к тому, что многие коренные северяне вновь обращаются к традиционным способам обеспечения продовольствием. Но на протяжении жизни последних 3–4 поколений традиционные сообщества адаптировались к европейскому типу питания и утратили многие традиции, знания и навыки, да и природные ресурсы. Полный возврат к традиционному образу жизни сегодня вряд ли возможен, но искать баланс между ним и европеизированным стилем жизни необходимо.

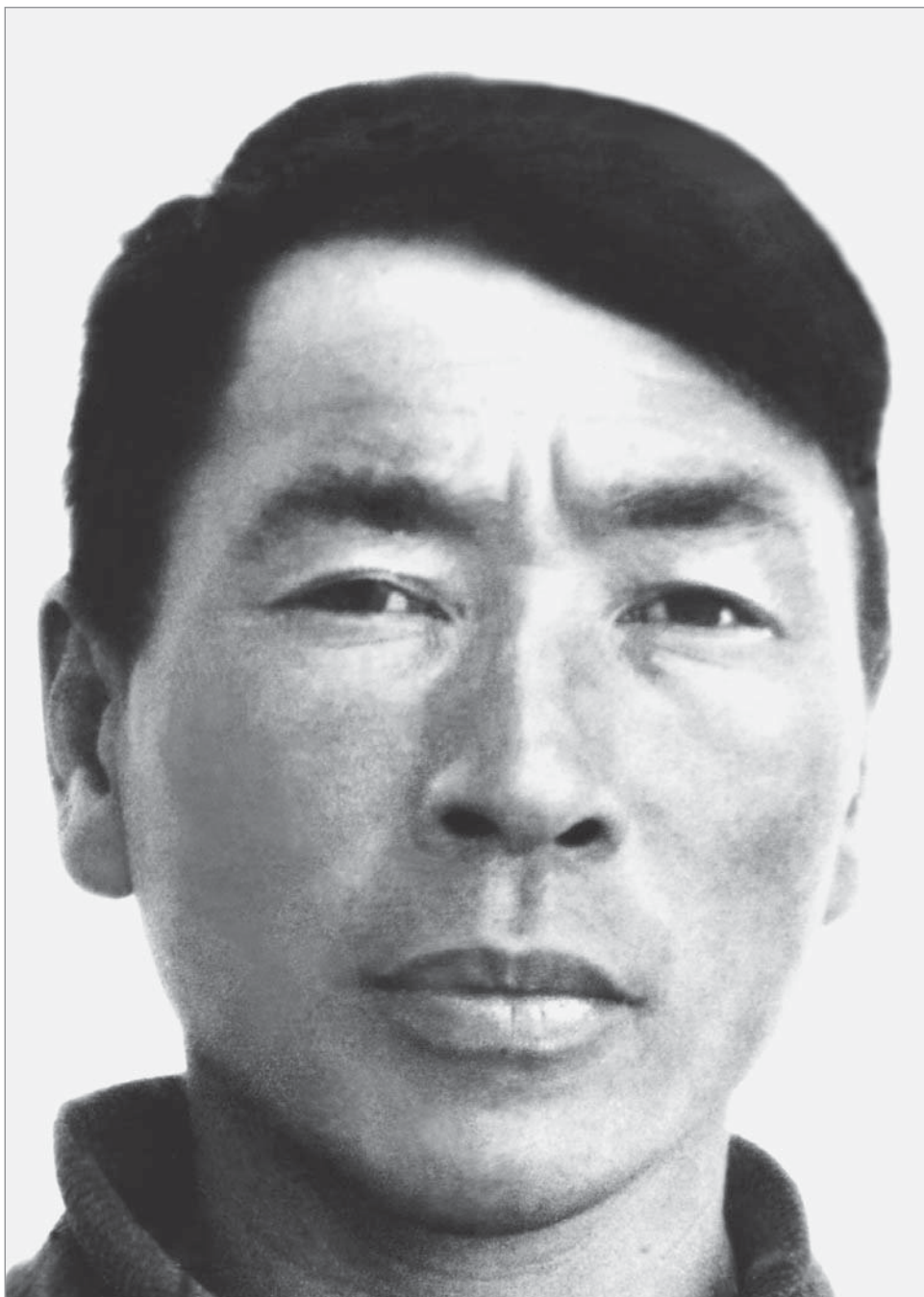
ЛИТЕРАТУРА

• Богословская Л.С. Киты Чукотки. М.; Провидения; Анадырь: Институт Наследия, 2003.
• Воевода М.И., Астахова Т.И., Филимонова Т.А. Внутрипопуляционные различия по уровням липидов крови у коренных жителей Чукотки // Эпидемиология и профилактика заболеваний терапевтического профиля. 1987. С. 59–60.

• Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М.: Мир, 1983.
• Клочкова Е.В., Ядрышников Е.К., Филимонова Т.А., Мамлеева Ф.Р. Особенности питания и липиды у коренных жителей Чукотки и Бурятии. // Особенности заболеваний терапевтического профиля и их профилактика у жителей Чукотки. Анадырь, 1990. С. 22–23.
• Козлов А.И. Экология питания. М.: МНЭПУ, 2002.

- Козлов А.И., Вершубская Г.Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. М.: МНЭПУ, 1999.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
- Крылов В.И. Особенности изменения углеводно-липидного обмена в условиях Севера // Физиология человека, 1980. С. 274–279.
- Кушнерова Н.Ф., Буланов А.Е., Фоменко С.Е. Сравнительная характеристика биохимических параметров крови здоровых людей в зависимости от этнической принадлежности. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990.
- Подгайный В., Здор Э. Морской зверобойный промысел Чукотского автономного округа в 2000 году: Некоторые итоги традиционного промысла морских млекопитающих. Анадырь: Деп-т сел. х-ва, продов. и торговли ЧАО, 2001.
- Прахин Е.И. Питание и здоровье детей в условиях Сибири и Севера. // Актуальные вопросы развития здоровья и профилактика заболеваний в детском возрасте в условиях Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока. / Ред. К.Р. Седов. Красноярск: Ин-т мед. проблем Севера, 1987. С. 6–8.
- Традиционная нормативная культура, организация власти и экономика народов Северной Евразии и Дальнего Востока. / под ред. Ю.И. Семенова М.: Старый сад, 2000.
- Юфим С.С. Яды вокруг нас. М.: Джеймс, 2001.
- Bang H.O., Dyerberg J. The lipid metabolism in Greenlanders. *Meddelelser on Gronland, Man & Society*. 1981. 2.
- Berezovikova I.P., Mamleeva F.R. Traditional foods in the diet of Chukotka natives. *Intern. J. Circumpolar Health*. 2001. 60 (2). Pp. 138–142.
- Bogoslovskaya L. Role of Whaling in the modern Life of Eskimos and Chukchi in Eastern Chukotka: Report to Inuit Circumpolar Conference (ICC). 1996. Preprint.
- Bogoslovskaya L., Aleinikov P., Safronov S. Nutritive value of Gray Whaling products // Role of Gray Whaling in the formation of the modern lifestyle of the indigenous population of Chukotka: Scientific Report of the USSR for the International Whaling Commission, 1997. Suppl. 3. Pp. 53–69.
- Born E.W., Bocher J. The ecology of Greenland. Nuuk, Ilinniuisiorfik, 2001.
- Boudreau D.A., Middaugh J.P. et al. Meeting report of Arctic native atherosclerosis and omega-3 fatty acids // *Arct. Med. Res.*, 1993. 52. Pp. 73–75.
- Dyerberg J., Bang H.O., Hjerne N. Plasma cholesterol concentration in Caucasian Danes and Greenland west coast Eskimos // *Dan. Med. Bull.*, 1997. 24. Pp. 52–55.
- Foote D.C. An Eskimo sea-mammal and caribou-hunting economy: human ecology in terms of energy. VIII ICAES, 1970. Vol. III.
- Freeman M.M.R., Bogoslovskaya L., Caulfield A., Egede I., Krupnik I.I., Stevenson M.G. Inuit, whaling and sustainability. AltaMira Press, Walnut Creek-London-New Delhi, 1998.
- Garine, I. de. The diet and nutrition of human populations. // T. Ingold (ed.), *Companion encyclopedia of anthropology*. London: Routledge, 1994: 226–264.
- Hansen J.C., Gilman A.P. Exposure of Arctic populations to methylmercury from consumption of marine food: an updated risk-benefit assessment. *Intern. J. Circumpol. Health*. 2005. 64 (2). Pp. 121–136.
- Helms P. Kosten i Danmark // *Ugeskr. Laeg.* 1975. 137. Pp. 2145–2151.
- Innis S.M., Kuhnlein H.V. Long-chain n-3 fatty acids in breast milk of Inuit women consuming traditional food // *Early Hum. Dev.* 1988. 18. Pp. 185–189.
- Kozlov A.I. Whaling products as an essential element of indigenous diet in Chukotka. // Paper SC/54/023 of International Whaling Commission, Scientific Committee meeting. Cambridge, UK, April 2002.
- Krogh A., Krogh M. A study of the diet and metabolism of Eskimos undertaken in 1908 on an expedition to Greenland // *Medd. om Gronland*. 1913. 51 (1). Pp. 1–52.
- Kuhnlein H.V. Nutritional and toxicological components of Inuit diets in Broughton Island, Northwest Territories: Contract report to Department of Health, NWT, Yellowknife. McGill Univ., 1989.
- Kuhnlein H.V. Nutrition of the Inuit: a brief overview // *Intern. J. Circumpol. Health*. 1991. 50. Pp. 728–730.
- Kuhnlein H.V., Receveur O., Chan H.M., Loring E. Assessment of dietary benefit/risk in Inuit communities. CINE, McGill Univ., 2000.

- *Larsen F., Oldenburg R.* Food in Southern Greenland for 1000 years. Forlaget Hovedland, 2000.
- *Maynard J.E.* Coronary heart disease risk factors in relation to urbanization in Alaskan Eskimo men // *Circumpolar Health.* / R.J. Shephard, S. Itoh (eds.). Toronto: Univ. of Toronto Press, 1976.
- Nutrient Data Laboratory. USDA National Nutrient Database for Standard Reference, Release 17. U.S. Department of Agriculture, Agricultural Research Service. 2004.
- *Pars T., Osler M., Bjerregaard P.* Contemporary use of traditional and imported food among Greenlandic Inuit // *Arctic.* 2001. 54 (1). Pp. 22–31.
- *Rennie D.W., Covino B.G., Blair M.R., Rodahl K.* Physical regulation of temperature in Eskimos // *J. Appl. Physiol.* 1962. 17. Pp. 326–332.
- *Robert-Lamblin J.* Ammassalik, East Greenland – end or persistence of an isolate? Anthropological and demographical study on change // *Meddelelser om Gronland. Man & Society.* 1986. 10. 168 pp.
- *Shephard R.J., Rode A.* The health consequences of “modernization”: Evidence from circumpolar peoples. Cambridge University Press, 1996.
- *Weihe P., Steuerwald U., Taheri S., Fr O., Veyhe A.S., Nicolaisen D.* The human health programme in the Faroe Islands 1985–2001. Chapt 6 // *AMAP Greenland and the Faroe Islands 1997–2001. Vol.1. Human health.* B. Deutch and J.C. Hansen (eds.). DANCEA (Danish Cooperation for Environment in the Arctic), Ministry of Environment, Copenhagen, 2003.
- *Wein E.E., Freeman M.M.R.* Inuvialuit food use and food preferences in Aklavik, NWT, Canada // *Arct. Med. Res.* 1992. 51 (4) Pp. 159–172.
- *Young T.K., Gerrard J.M., O’Neil J.D.* Plasma phospholipid fatty acids in the Central Canadian Arctic: biocultural explanations for ethnic differences // *Amer. J. Phys. Anthropol.* 1999. 109 (1). Pp. 9–18.
- *Young T.K., Nikitin Y.P., Shubnikov E.V., Astakhova T.I., Moffatt M.E.K., O’Neil J.D.* Plasma lipids in two indigenous Arctic populations with low risk for cardiovascular diseases // *Am. J. Hum. Biol.* 1995. 7. Pp. 223–236.

*Фото III-1**. Николай Гальгаугье (1935–1995), эскимос-аванец, морской охотник, основную часть жизни прожил в селе Сиреники. 1971 г.
© Архив антропологической экспедиции В.П. и Т.И. Алексеевых.

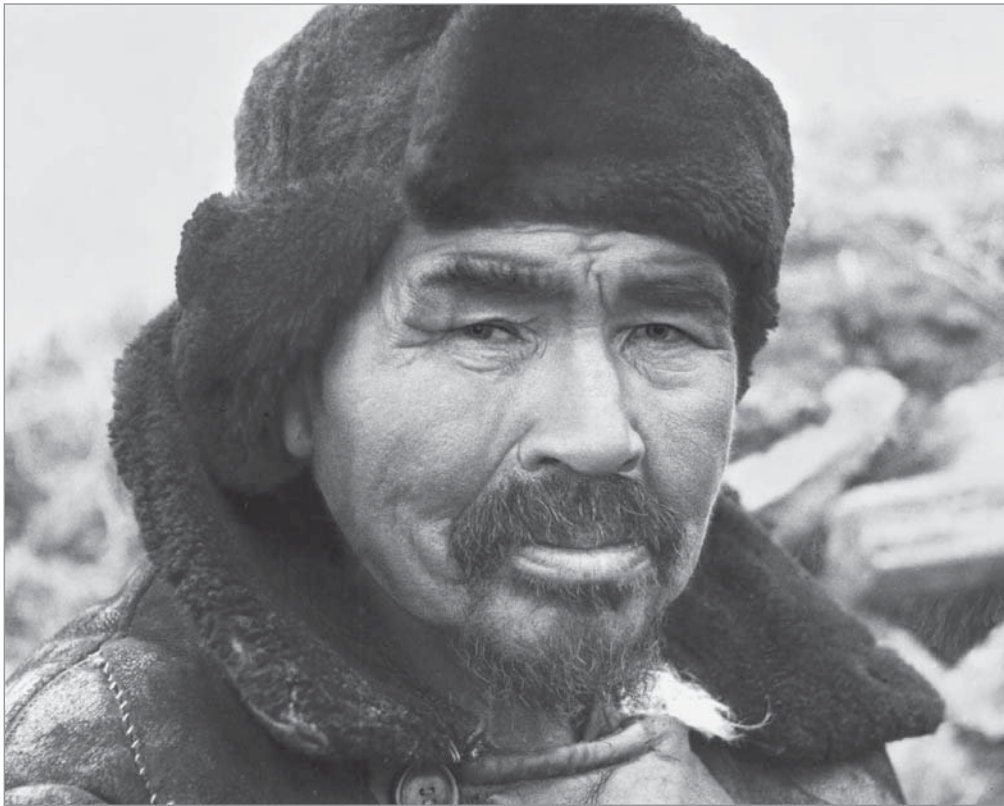

Фото III-2. Ранав (1915–?), чукча, морской охотник; родился и вырос в селении Мечигмен, в 1950-е гг. переехал в Лорино. Лично добыл 14 серых китов. Мечигмен, 1981 г. © С. Богословский

Фото III-3. Старое селение Мечигмен (Масик). На первом плане – священный череп гренландского кита, за ним – столбы из нижних челюстей гренландских китов. 1981 г. © С. Богословский

Фото III-4. Лейвитеу (годы жизни не установлены). Рассказал о способах хранения мяса и жира морского зверя в мясных ямах. Нешкан, 1988 г.
Н. Носов. © Архив Л. Богословской.

Фото III-5. Зброшенная мясная яма перекрыта рёбрами и нижними челюстями детёнышей серых китов. Старое селение Мечигмен (Масик), 1981 г. © С. Богословский

Фото III-6. Юрий Виренеут (годы жизни не установлены), житель села Янракыннот, смотритель лежбища моржей на о. Аракамчечен в 1970–1980-е гг. Остров Аракамчечен, 1981 г. © С. Богословский

Фото III-7. Разделка серого кита в Лорино. На ките стоит Кемлиль; длину грудного плавника измеряет биолог С. Блохин. 1980 г. Д. Штайнер. © Архив Л. Богословской.

Фото III-8. Петр Пенеуги (1920–1999)
обучает подростков морскому делу.
Инчоун, 1980 г. © С. Богословский

Фото III-9. Рабочий берег в селе Инчоун.
Команды вельботов наполовину состоят из детей
и подростков, которых учат азам морской охоты.
1980 г. © С. Богословский

Фото III-10. Разделка добытого лахтакa на льду. Слева направо: Андрей Анкалин (1941–1994), Виктор Миенков (1946–2000), Тимофей Панаугье (1939–1995). Сиреники, 1984 г. Н. Конюхов. © Архив Л. Богословской.

Фото III-11. Команда байдары и экипаж самолета АН-2 приветствуют друг друга. Крайний справа – Н. Гальгаугье. Сиреники, 1979 г. Н. Перов. © Архив Л. Богословской.

Фото III-12.* Тимофей Панаугье, один из лучших морских охотников Чукотки.
Сиреники, 1980 г. © С. Богословский

Фото III-13. Байдару несут на берег после того, как всё снаряжение
подготовлено к морской охоте.
Сиреники, июль 1979 г. Н. Перов. © Архив Л. Богословской.

Фото III-14. Бригада молодых охотников начинает разделку серого кита.
Новое Чаплино, октябрь 2004 г. © А. Боровик

Фото III-15. Охотники в бухте Ткачен вытаскивают свой вельбот перед непогодой.
Новое Чаплино, июнь 2003 г. © И. Загребин

Фото III-16. Молодой гарпунёр из чукотского села Янракыннот.
Пролив Сенявина, 2004 г. © А. Апалю

Фото III-17. Когда людей мало, туши моржей вытаскивают на берег «перекатом».
Остров Колючин, Чукотское море, 2003 г. © А. Кочнев

*Фото III-18**. Снаряжение охотника зимой. Унгазик [Чаплино], 1928 г.
А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-68
(Здесь и далее приведены подписи, сделанные Форштейном в 1936 г.
к своим негативам 1928–1929 гг. – *Прим. ред.*)

*Фото III-19**. Осенняя охота с берега.
Унгазик [Чаплино], 1928 г. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-67

Фото III-20. Для охоты на кольчатую нерпу с припая охотники используют вездеходы и собачьи упряжки. Новое Чаплино, 2004 г. © А. Боровик

Фото III-21. Современные охотники-чаплинцы стреляют нерпу из нарезного оружия без сошек, с колена. Новое Чаплино, 2004 г. © А. Боровик

Фото III-22*. Старый охотник несёт *кымгыт* в мясную яму.
Инчоун, 2000 г. © А. Кочнев

Фото III-23. Надежда Вуквукай, знаток технологий изготовления традиционной меховой одежды чукчей. Уэлен, середина 1990-х гг. © Р. Мясогутов

Фото III-24.* Яков Вуквутагин (1898–1968) и Владилен Леонтьев (1928–1988).
Уэлен, предположительно 1950-е гг.
Автор не установлен. © Архив Н. Вуквукай.

Фото III-25.* Рильхин
(годы жизни не установлены), один из
опытнейших чукотских каюров. Уэлен, 1988 г.
Н. Носов. © Архив Л. Богословской.

Фото III-26. Елизавета Алихановна Добриева, лучший знаток языка и культуры эскимосов-науканцев. Лаврентия, 2004 г. Автор не установлен. © Архив В. Леоновой

Фото III-27. Валентина Григорьевна Леонова, собиратель фольклора и рассказов о жизни эскимосов-науканцев. Анадырь, 2004 г. Автор не установлен. © Архив В. Леоновой

Фото III-28.* Чаепитие в сенях (холодная часть яранги).
Аван, 1928 г. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-149

Фото III-29. Айвангу (1926–1963), автор рассказов о жизни эскимосов-чаплинцев в Уназике [Чаплино]. Предположительно 1950-е гг. Автор не установлен. © Архив Л. Айнана

Фото III-30. Людмила Айнана, президент Общества эскимосов Чукотки «Юпик», знаток языка и культуры эскимосов-чаплинцев. Провидения, 1984 г. Н. Конюхов. © Архив Л. Богословской

Фото III-31.* Старейшины-эскимосы пос. Сиреники наблюдают за морской охотой. Слева направо: Степан Каваквыргын (1930–1987), Николай Асыколян (1927–1989), Андрей Кукильгин (1923–1985). Сиреники, 1984 г. Н. Конюхов. © Архив Л. Богословской

Фото III-32. Вид с моря на руины Наукана. Справа, на холме, стоит маяк-памятник С. Дежнёву, под ним — белые домики полярной станции. 1980 г. © С. Богословский

Фото III-33.* Посёлок Наукан (общий вид с горы).
1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-11

*Фото III-34**. Семья эскимоса Ияина.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-25

Фото III-35. Развалины Наукана.
1981 г. © С. Богословский

*Фото III-36**. Семья эскимоса Синянгека.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-23

Фото III-37. Вешало из китовых рёбер с остовом байдары.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-87

Фото III-38. Эскимос Синянгек.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-22

*Фото III-39**. Сушка мяса и шкур.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-78

*Фото III-40**. Постройка зимнего жилища в Наукане — обкладывают досками.
1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-39

*Фото III-41**. Эскимосы Тлюваунь и Кергытагын.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-26

*Фото III-42**. Сушка мяса.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-77

Фото III-43. Эскимос Ангая и его жена.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-24

Фото III-44.* Группа шатров и хозяйственных сооружений.
Наукан, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-32

*Фото III-45**. Яма для мяса в пос. Имаклик.
Остров Ратманова, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-82

*Фото III-46**. Вход в землянку в пос. Имаклик.
Остров Ратманова, 1928–1929 гг. А. Форштейн. © МАЭ, № И-115-56

*Фото III-47**. Ученица Тлингеунь.
Наукан, 1928–1929 гг.
А. Форштейн. МАЭ, № И-115-28.

*Фото III-48**. Ученица Ухсима.
Уназик [Чаплино] 1928 г.
А. Форштейн. МАЭ, № И-115-19.

Фото III-49. Ученица Альпырах. Наукан, 1928–1929 гг.
А. Форштейн. МАЭ, № И-115-20.

КОММЕНТАРИИ К ФОТОГРАФИЯМ РАЗДЕЛА III

Фото III-1. Знаток традиционной эскимосской культуры и замечательный натуралист, Гальгаугье внёс большой вклад в работу Чукотской зоологической экспедиции ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова АН СССР в 1979–1992 гг. Он был участником первого морского маршрута экспедиции на байдаре в 1981 г. Трагически погиб в море.

Фото III-12. Тимофей Панаугье – эскимос, коренной житель пос. Сиреники. Его отец Панаугье известен как охотник, добывший много гренландских китов. В 1985 г. Тимофей был капитаном байдары во втором морском маршруте Чукотской зоологической экспедиции: Сиреники–Энурмино–Нунлигран–Сиреники. На протяжении ряда лет он принимал активное участие в картировании колоний морских птиц, моржовых лежбищ, залёжек тюленей и наблюдениях за миграциями китов и ластоногих. Трагически погиб в море.

Фото III-18. Эскимосский охотник, полностью одет в традиционную меховую одежду, на ногах – высокие зимние торбаса, на спине – кожаная сумка с охотничьими припасами и винчестер. Охотник опирается на пешню-багор, – одним её концом (с наконечником из моржовой кости) он определяет крепость льда, другим (с железным крюком) – подтягивает к себе добычу. В той же руке он держит лыжи-ракетки, или снегоступы (*йалвыяг'ык*). В левой руке охотника – кольцеобразно уложенный ремень (*а'наль'катасик'*) от кошки-закидушки (*а'нальк'атак'*) и ремень от санок с полозьями из моржового клыка (*к'анрак*) для перевозки убитых тюленей.

На берегу среди снега хорошо видны вкопанные столбы из нижних челюстей гренландских китов, о которых любили вспоминать чаплинские старейшины.

Фото III-19. Прежде в Уназике (Старом Чаплино) охотники для повышения точности стрельбы и, соответственно, экономии патронов стреляли нерпу и лахтака из винчестеров, установленных на сошках. Перед одним из охотников лежит кошка-закидушка (*а'нальк'атак'*) с бухточкой ремня (*а'наль'катасик'*), с помощью которого забрасывают кошку на 10–20 м, чтобы вытянуть из воды добычу.

Фото III-22. *Кымгыт* – особым образом приготовленная задняя часть моржа, из которой вынуты кости и часть мяса, а образовавшееся пространство заполнено внутренностями зверя.

Фото III-24. Яков Вуквутагин – первый руководитель Уэленской косторезной мастерской, заслуженный художник РСФСР, резчик и гравер. Владилен Леонтьев – известный этнограф и писатель Чукотки, вырос в Уэлене и считал его своей «малой родиной», о которой написал много рассказов и книг. В. Леонтьев в совершенстве владел чукотским языком, активно боролся за сохранение истории и культуры коренных народов Чукотки, морских охотников и оленеводов.

Фото III-25. Рядом с Рильхиным сидит 14-летний вожак его упряжки Компас. Несмотря на свой возраст, пёс продолжал работать, полностью оправдывая свою кличку. В дальних поездках Рильхин возил его на нарте и ставил во главе упряжки только в самых сложных ситуациях. Во время пурги и бездорожья Компас всегда находил дорогу домой. Не было случая, чтобы он ошибся.

Фото III-28. Прежде охотники собирались вместе у кого-нибудь в холодной части яранги, чтобы попить чаю и обсудить свои охотничьи успехи и неудачи. Обычно так коротали время в ожидании хорошей погоды для охоты.

Чукотский посёлок Инчоун на фоне одноимённого мыса, заканчивающегося отдельно стоящей скалой. Эта скала и дала название селению: *Инчувин* по-чукотски означает «отрезанный кончик носа». 1980 г. Рис. С. Богословского

Фото III-31. Степан Каваквыргын (*Каѳакѳыргын*, 1930–1987) — коренной житель пос. Сиреники, возглавлял одну из бригад морских охотников совхоза «Ударник». Принадлежал к роду «хозяев земли». Николай Асыколян (*Асыколян*, 1927–1989) — науканский эскимос, переехал в Сиреники после закрытия Наукана. Андрей Кукильгин (*Кукильгин*, 1923–1985) — один из лучших строителей традиционных охотничьих байдар. Родился и вырос в селении Имтук, расположенном в 8 км к юго-востоку от пос. Сиреники, на косе, отделяющей рыбную лагуну Имтук от моря. В 1934 г. семья Кукильгина вместе с большинством односельчан переехала в Сиреники, поскольку там условия жизни стали намного лучше, чем в Имтуке. Кукильгин всегда гордился своим родным посёлком, действительно, одним из красивейших на Чукотке.

Фото III-33. Вид на Наукан со стороны Аки (склон сопки над южной частью села). Скалистый береговой обрыв в левой верхней части снимка называется *К'иг'мик'тум Сайн'а*, что означает «грудь (перёд) горы *К'иг'мик'тук*».

Там, на птичьем базаре, жители Наукана собирали яйца. В центре снимка видна длинная рукотворная запруда (*Ымыш'сакуак'*), где дети обычно играли в морскую охоту. У правого нижнего края снимка на самом берегу — смотровая площадка «*Талувик*» для скрытого наблюдения за нерпой и другими морскими животными. Часто охотники стреляли зверя прямо с площадки и потом доставали убитых тюленей кошкой-закидушкой (см. фото III-19) или с помощью маленькой байдарки.

Фото III-34. Ияин (*Ийайын*), науканский охотник, изображён со своими двумя дочерьми: *Атутуйи* (слева) и *Атан'ик'* (справа). На снимке нет двух других его дочерей — *Ситн'еун* и *Рул'тытын*. Атутуйи (Цуканова Ирина Николаевна) — самая младшая дочь Ияина, сейчас проживает в Providения. Всю свою взрослую жизнь она проработала санитаркой в районной больнице. В 2004 г. Атутуйи осталась единственной из числа тех, кто изображён на снимках Форштейна 1927–1929 гг. и кто видел его на Чукотке почти 80 лет тому назад.

От старого эскимосского селения Ярга на острове Аракамчечен остались небольшие холмики землянок-нынлю и два столба из челюстей гренландских китов, которые хорошо видны издали. 1981 г. Рис. С. Богословского

Фото III-36. *Синан'ик'*, науканский эскимос, оставивший о себе самую добрую память. Синан'ик' — младший брат Ияина, потомственный охотник на морского зверя. Родился, женился, состарился и умер в Наукане в июле 1955 г. Был первым, кто вступил в рыболовецкую артель (так в то время назывались колхозы). Был первым продавцом фактории кооператива, делегатом 1-го Туземного съезда народных депутатов в Анадыре в 1932 г.

Слева его жена *К'ых'сук'*; рядом с ней старшая дочь *Имак'л'тик'* — известная мастерица и старейшина науканских эскимосов, она дожила до глубокой старости в пос. Лаврентия. Крайняя справа — самая младшая дочь Синан'ик'а — *Атук'* — впоследствии Добриева Зинаида Ивановна, мать Елизаветы Алихановны Добриевой.

Фото III-39. В кадр попал один из стандартных деревянных домиков, которые представляли на Чукотку американские торговцы. Эти домики так и назывались «американскими». Один из них хорошо виден также на фото III-33.

Фото III-40. Жилища Наукана по своей форме и строительным материалам сильно отличались от эскимосских и чукотских жилищ в других береговых селениях. Основным элементом этих овальных сооружений были камни, уложенные вокруг деревянного каркаса; крыша делалась традиционно — из моржовых шкур или полотен брезента, перетянутых сыромятными ремнями с камнями, привязанными к ним для устойчивости против сильных ветров. На снимке хорошо виден свободный конец продольного шеста крыши следующего дома, на котором обычно сушили мясо.

Фото III-41. Науканские охотники, братья *К'ергытагын* (справа), отец В.А. Сериковой (*К'агак'*), и *Л'угагун*. Один из них в традиционной одежде, хотя и в кепке, другой одет полностью по-европейски.

Фото III-42. Снимок, очевидно, сделан в мае—июне, когда охотники добывали много молодых крылаток, лахтаков и моржей, чье мясо сушили на рёбрах, вырезанных попарно — такую заготовку было удобно надевать «верхом» на верёвку или шест.

Эскимосский посёлок Сиреники существует более двух тысячелетий.

На рисунке изображён самый старый квартал посёлка в 1980 г. Рис. С. Богословского

Фото III-44. Вид на жилища Наукана и снизу на гору *Насик'*. Крайняя слева яранга (эск. — *мантыг'ак'*) принадлежала семье *К'ылгак'ак'* и *Кымлин'*. Фотография этой яранги с большой группой детей помещена на обложке недавно изданного «Науканско-русско-английского словаря» (2004, Центр изучения языков коренного населения Аляски, Университет Аляски в Фэрбенксе). В яранге в самом центре снимка жила семья Ияина; крайняя справа яранга принадлежала семье *Синан'ик'*. На переднем плане видна *н'иг'вик* — рама для растягивания и сушки тюленьих шкур

Фото III-45, III-46. Безлюдность посёлка Имаклик на обоих снимках позволяет думать, что Форштейн попал на остров Ратманова в то время, когда эскимосы-имакликцы (коренные жители острова) навсегда покинули свой посёлок и переехали на Аляску, а эскимосы-наукапцы ещё не заселили пустующее место.

Домик, изображённый в левом верхнем углу снимка III-46, за пятнадцать лет до Форштей-

на фотографировал Л. Старокадомский, врач Гидрографической экспедиции 1910–1915 гг. Очевидно, посёлок в то время был ещё заселён — на крыльце фотографу позируют дети эскимосов-инуитов (см. Л.М. Старокадомский. Экспедиция Северного Ледовитого океана 1910–1915. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1946. С. 208–209).

Фото III-47. Науканская эскимоска *Лъин'егун*, дочь *Анайи* и *К'утхеун*. После окончания семилетки в Наукане *Лъин'егун* и другая эскимосская девушка *Ситн'егун*, дочь Ияина, уехали учиться в Хабаровск в медучилище. Они там заболели и умерли, там и похоронены.

Фото III-48. Девочка на фотографии — известная многим жителям Чукотки эскимосская активистка и национальная мастерица *Ухсима Ивановна Ухсима* (1915–1989; см. фото IV-23). Родом из Чаплино, она многие годы прожила на Пловере, какое-то время была на острове Св. Лаврентия, а потом до конца своих дней жила в пос. Провидения.

IV

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЧУКОТКИ

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧУКЧЕЙ

Прежде вся бытовая обстановка и культурные традиции оседлых и, особенно, кочевых чукчей носили столь же замкнутый характер, как и их экономика; они были сосредоточены внутри стойбища, селения, стада оленей и заботы о нём. Знания о реальном мире тесно переплетались с фантастическими представлениями, наивными объяснениями причинно-следственных связей в явлениях природы и зависимости от них человека в его повседневной трудовой деятельности.

Картина сотворения мира, животных и человека в чукотских мифах рисуется предельно просто и лаконично. Нет целого связного повествования. Есть как бы отдельные отрывки, в которых сообщается о создании Творцом особых видов жизни на Земле. Однако Творец не создал должной гармонии в природе, не всё сделал для удобства жизни человека.

Дальнейшими усовершенствованиями в природе и жизни на Земле, во Вселенной стал заниматься Ворон. По просьбе людей он создал реки, потом горы. Затем Ворон создал рыбу, тюленя, моржа, кита, лахтакка. Потом создал медведя, волка, лису и сказал: «Теперь довольно даров! Стану незримым, буду летать над землёй, шумя, пугать». И стал громом. Уже с первых шагов благой деятельности Ворон сталкивается с носителями зла (*кэльэт*). Выступая в роли защитника и покровителя людей, он всегда успешно справляется с их кознями. Нередко Ворон действует, как человек. То он возвращает к жизни умершего единственного сына, то становится весьма сильным шама-

ном, то просто человеком. В конце концов, он заболевает и умирает.

Помимо жизни людей, животных и растений на поверхности Земли, а также явлений природы, видимых светил, по представлениям чукчей, существовала жизнь и над небесной твердью, и под Землей. На Верхней вселенной живут предки («верхние люди»). Они ведут тот же образ жизни, что и на Земле. У них есть стойбища и олени. Эта Вселенная пополняется людьми после смерти на Земле. Но туда попадают лишь те, кто умирал достойной смертью, как воин, погибший во время сражения, или как человек, выразивший желание испросить у близких насильственного умерщвления («добровольной смерти») во время болезни или трудной старости. Люди, умершие от болезни сами, попадали в Нижний (подземный) мир, обиталище вредоносных существ (*кэльэт*).

Из всего многообразия представлений о предметах и явлениях природы первостепенное значение принадлежит *Наргынэн*. Это «Вся окружающая Землю среда», «Наружное пространство», «Вселенная», «Дух вселенной», «Природа». Наргынэн ведаёт тем, от чего зависят промыслы, оленеводство, благополучие людей, а также всеми явлениями погоды, которые, однако, рассматриваются и как особые самостоятельные живые существа. Наргынэн поддерживает жизнь людей на Земле. Просьбы людей к Наргынэн обычно удовлетворяются положительно.

Представления о всех явлениях и предметах природы олицетворялись, на них переносились свойства человека и человеческого общежития на уровне тех социальных

Тропою Богораза

особенностей, которые прочно закрепились в быту и сознании чукчей. Олицетворялось всё то в окружающей природе, чему свойственно было состояние видимого или осязаемого движения, перемещения, как бы сознательной деятельностью человека. В мифах чётко прослеживаются представления о народе белых медведей, мышинном, волчьем, паучьем, но нет упоминаний о народе диких оленей, водоплавающих птиц и т. п.

Живыми существами, обладающими человеческими (чукотскими) качествами, были Земля (*Нутэнут*), Солнце, Луна, Вершина неба (зенит), Полярная звезда, Рассвет, Полдень, Тьма (запад), «Наружное пространство» и вообще всё, что проявляет видимое движение, изменение качественных или количественных состояний.

Олицетворение светил и явлений природы носило настолько реалистические черты, что все они представлялись существами с вполне человеческими потребностями и желаниями. По представлениям чукчей, Солнце и Луна, юго-восток и северо-запад, тепло и стужа, надземный и подземный миры, день, ночь и многое другое — всё, что существовало в естественном противополжении, рассматривалось как противоборство двух начал в природе — благожелательных к человеку и всему живому (Солнце, тепло, свет и т. п.) и отрицательных к ним (Луна, стужа, тьма и т. п.).

У чукчей есть понятия о существах, ведающих промысловыми животными, угодьями, отдельными местами. Соответственно, леса, реки, озёра, различные виды зверей и растений имеют своих хозяев.

Особую категорию благодетельных существ составляют предки семьи, патриархальной общины, селения. Каждая семья искала поддержки у своего ближайшего умершего родственника (отца, деда). Представления о них как о старших наставниках, смело и самоотверженно боровшихся за благополучие своих семей, находивших правильный выход во всех испытаниях,

сохранялись и после их смерти. Внешним выражением связи семьи с предками были стилизованные деревянные или вырезанные из кожи фигурки, предназначение которых — изображать этих предков, быть их заместителями.

В окружающей среде, помимо всяких доброжелательных к человеку существ, были носители всех видов зла и неприятностей. Кознями кэльэт объяснялись скоропостижная смерть, болезнь, неожиданный плач ребенка. Кэльэт всегда подкарауливали зазевавшихся пастухов, путников, людей беспечных. При затмении Солнца или Луны нужно было мобилизовать все бубны, скороходы, тазы, имевшиеся в селении, чтобы звуки отпугнули кэльэт — похитителей светил.

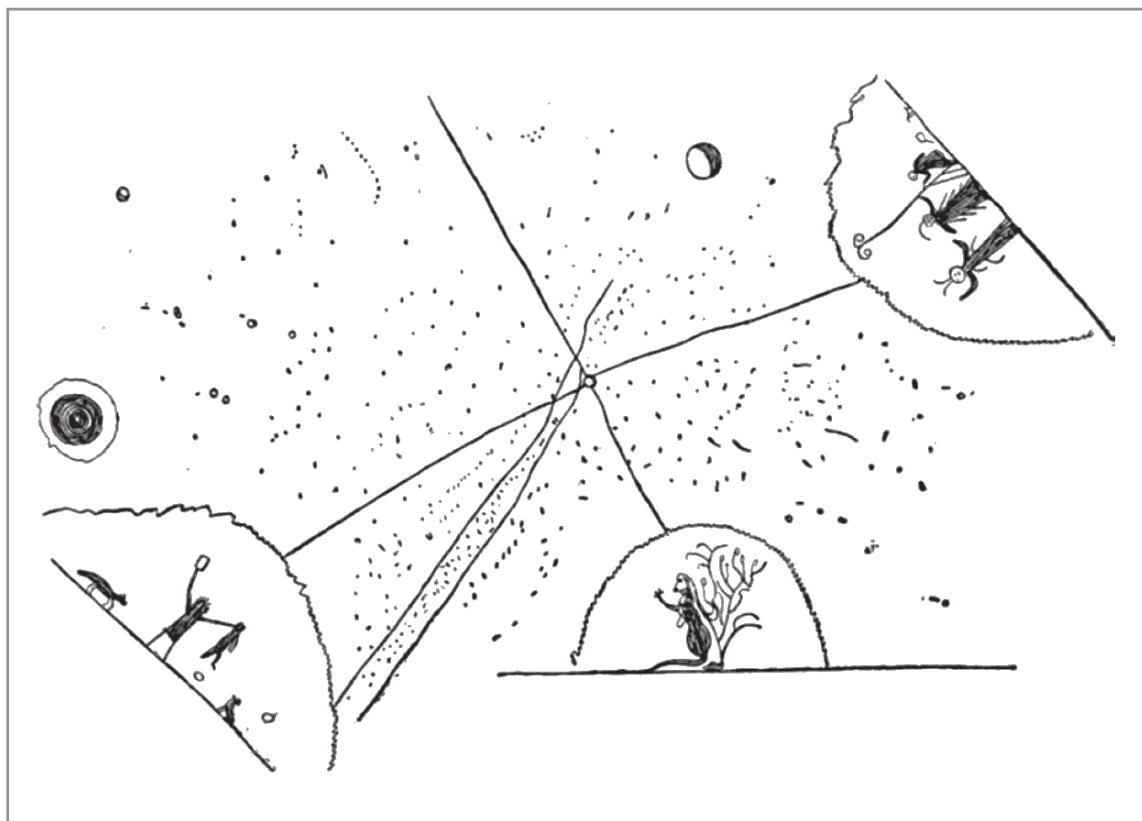
Главными формами выражения культов были жертвоприношения, ритуальные кормления, сопровождающиеся словесными просьбами.

У оленеводов и морских охотников существуют некоторые отличия в религиозных культах. Так, если у оленных чукчей основные культы связаны с оленеводством и соответствующими культурными традициями, то морские охотники поклоняются морю — их главному источнику существования. Вместе с тем, у тех и других существовали общие представления и общие культы.

Каждая семья чукчей имела домашних охранителей (*тайныкват*). Это связки различных предметов. Обязательными в них были изображения предков, так называемые огнивные доски и традиционные в данной семье предметы. Все они были охранителями семьи, жилища от кэльэт, а стад — от нападений волков и т. п.

По праздникам огонь очага обязательно получал угощение наравне с домашними охранителями. Через огонь угощали всевозможными продуктами предков. Культ предков тесно связан с домашним очагом.

Жертвоприношения чукчей носили общинный, семейный и индивидуальный характер. Частыми были семейные жертвоприношения, что вполне согласовывалось с

Чукотский рисунок Верхнего (Небесного) и Нижнего (Подземного) миров. (Bogoras, 1904. Fig. 218)

общественной самостоятельностью чукотской семьи. Все обрядовые служения, всё, что связано с «божествами», исполнялось внутри семьи и патриархально-семейной общины их главами.

Необходимо подчеркнуть, что в чукотской семейно-патриархальной общине религиозные функции выполняла община, в первую очередь, её старейшина.

Шаманы, в отличие от рядовых чукчей, имели каждый своих духов-покровителей. Кроме того, они владели злыми духами (*кэльэт*), что составляло одну из главных черт шаманского дара.

Через шаманов осуществлялась связь с предками. Шаманы чукчей не были блюсти-

телями порядка или руководителями религиозной обрядности. Они были врачевателями, гадателями.

Всегда главным достоинством шамана было врачевание — изгнание из тела больного *лычикэли* («духа болезни»), разгадывание коварных замыслов других шаманов. Шаманы принимали участие в благодарственных служениях (праздники моржовых голов, зимнего солнцестояния, осенний праздник кита и др.). Но руководили праздниками главы патриархальных семейных общин. Шаманы присутствовали здесь как рядовые члены охотничьего коллектива. Никаких собственно шаманских действий от них не требовали, да и не допускали этого.

О ВЕРОВАНИЯХ ЭСКИМОСОВ

Несколько небольших текстов, имеющих отношение к религиозным представлениям эскимосов-чаплинцев (ун'азиг'мит), были написаны Е.С. Рубцовой в качестве примечаний к собственным записям фольклора. Эти тексты, безусловно, имеют самостоятельную ценность, но, к сожалению, их смысл мало понятен современным поколениям. Да и сама уникальная книга, созданная одним из лучших знатоков языка и культуры эскимосов, сегодня практически не известна на Чукотке.

Тексты публикуются по изданию: Е.С. Рубцова «Материалы по языку и фольклору эскимосов». М.; Л.: АН СССР, 1954 с сохранением пунктуации автора. В квадратных скобках указаны страницы оригинала.

В длинные зимние вечера, особенно, когда погода не позволяет охотиться, эскимосы нередко собираются в какую-либо ярангу, где и рассказывают друг другу сказки. Окончивший сказку или предание обычно плюёт, чем показывает, что он кончил и как бы выплюнул сказку или предание. После слова *тфай* (плевка)¹ он иногда произносит слова: «Попади в рот такому-то». Названный должен начинать новый рассказ или сказку.

У эскимосов существовало поверье, что недосказанной сказку или рассказ оставлять нельзя. Если не в этот день, то в ближайшее время, сказка или рассказ непременно должны быть досказаны, в противном случае недосказавшего постигнет смерть. Поэтому, если рассказчик не помнил всю сказку, он её не рассказывал вовсе. [С. 37].

Эскимосы считали, что зимой касатка² превращается в волка, а летом снова одевает шкуру касатки. Эскимосы полагали, что волк и касатка — одно и то же, что это, собственно, человек в другом одеянии. Волков эскимосы тоже не убивали. Убивали волка лишь тогда, когда он нападал на человека.

Не убивали эскимосы также ворона и паука, которые считались существами священными, их называли представителями глубокой древности. Кроме того, эскимосы полагали, что паук наделен высоким умом:

он плетёт паутину (сети), в которую ловит добычу так же, как и охотники. В фольклоре паук всегда выступает другом угнетённых, обиженных. [С. 156].

Эскимосы верили, что если продолжительное время охота происходит неудачно, то это означает, что охотник чем-то не угодил духам. В таких случаях охотник приносил жертву: духу моря, если не удалась морская охота, и духу тундры, если не удалась охота в тундре. Принося жертву, эскимос просил духа войти в его положение и разрешить ему убить несколько зверей. В жертву приносили обычно маленькие кусочки, отрезанные от носа мелкого зверя и от носа, ушей* и глаз кита, тем самым как бы возвращая духу всего зверя. Иногда в жертву приносились небольшие кусочки внутренностей зверя (печени, сердца, лёгких и т.д.). [С. 195].

По представлениям эскимосов, медведь приходит к тому в гости, кто его первый увидел. Медведь, как и кит, считался великим гостем. [С. 62].

Кит у эскимосов является самым важным промысловым зверем³. Кита, по религиозным представлениям эскимосов, могли убивать

* Вероятно, имеется в виду кожа вокруг ушных отверстий — у китов отсутствуют ушные раковины. *Прим. ред.*

только избранные духом моря. Добытый кит — великий гость. Кит идёт погостить не к каждому, а только к тому, кто ему угодил. Охотник, часто убивающий китов, пользовался большой известностью и авторитетом не только в своём селении, но и далеко за его пределами. Поскольку убитый кит является самым дорогим гостем, охотник, убивший кита, старался его принять как можно лучше. Несколько дней он никуда не уходил из дома. На мой вопрос: «Почему это?» эскимосы отвечали: «Если к вам приедет хороший гость, вы не уйдёте от него. Кит же самый хороший гость, а поэтому его оставить без внимания нельзя, иначе он обидится».

Если кит добыт весной (когда киты идут с юга на север), то осенью (когда они пойдут в обратный путь с севера на юг) добытому киту устраивают торжественные проводы. Если же кит добыт осенью, то проводы ему устраивают весной. Проводить кита в море необходимо, в противном случае, он будет тосковать, глядя на своих уходящих товарищей. До тех пор, пока не отпраздновали проводы, киту всячески стараются угодить: человек, убивший кита, никому не должен досаждать, он ни с кем не должен спорить, ссориться, никому не должен отказывать в просьбе. Кита, пребывающего в гостях, необходимо всячески развлекать. Поэтому хозяин яранги, убивший кита, стараясь развлечь дорогого гостя, постоянно играл в бубен. Не угодишь киту — он больше не придёт, понравится встреча — он опять придёт.

Обряды встречи и проводов кита у разных семей могут быть различны, причём они передаются из поколения в поколение. Во время праздника кита стараются угостить самой разнообразной пищей. После всех обрядов семья празднующих, выстроившись по старшинству, несла в «священном» сосуде (обычно в маленьком деревянном корытце) кусочки засушенного китового мяса и бросала их в море. Предполагалось, что кит уходит опять в море. [С. 218–219].

По представлениям эскимосов, веривших в силу заговоров, прежде чем произнести заговор, необходимо было сменить свой «гряз-

ный» рот на чистый, который по просьбе заговаривающего даёт ему небесная старуха. Ниже приводим два заговора. Первый — для смены рта и второй — от болезни.

(1) Заговор

Мой рот этот, который принимает разную пищу, выплюнул я туда на середину фарватера. На свой плевок когда я посмотрел, несёт его течение, как пену морскую. Может быть, у меня ещё осталось, опять выплевываю я туда на середину тундры (тундры на середину). На свой плевок когда я посмотрел, вихрем несёт его. Там у старухи верхнего неба попросил я на время её чистый рот (туда неба верхнего к старухе на время попросил я у неё её рот чистый). С удовольствием на время дала. Всё, что исходит от моего рта [взятого у старухи], все выполняют⁴.

(2) Заговор

К старику этому, не поднимающему головы, из каждого селения придя к нему, когда с ним разговаривают, голову не поднимает он. Его двух дочерей вызываю я к нему. Его две дочери, как только вызвал я, сразу же спустились. Младшая в рукавицах из шкурки евражки. Старшая в рукавицах из заячьей шкурки. К их отцу этому, не поднимающему головы, младшая подошла против лица его, старшая с затылка, с макушки (головы) стала гладить его. Давно (давнешний) не поднимающего головы, наконец, дочери его заставили поднять голову. Его внутреннее настроение поправили. Теперь он от малейшей причины стал смеяться.

Под стариком понимают дух жизни, которого они называют главным духом. Обращаются к нему с просьбой через посредство его дочерей. [С. 290–291].

Считалось, что духи выходят за добычей по ночам, поэтому шум ночью может привлечь их внимание, вследствие чего во время еды вечером или ночью, эскимосы тщательно закрывали отдушины внутри полога. Во время массового заболевания иногда всё село выходило отгонять «духов». У каждой яранги охотник с ружьём стрелял в невиди-

Тропою Богораза

мых духов. Если же семья состояла из одних женщин, т.е. если в семье охотника не было, то выходила женщина с огнём в руках и становилась у входа в ярангу, тем самым как бы препятствуя духу, спасающемуся от выстрелов, ворваться в жилище. [С. 481].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Плевок, который эскимосы обозначают словом «*тфай*», — ритуал окончания любого действия. Поэтому не полагалось плевать в море во время перехода на байдаре (можно утонуть, не дойдя до берега), во время охоты или разделки кита — все эти процессы тогда как бы «завершались», на самом деле оставаясь неоконченными. В русском языке смысловым и фонетическим аналогом эскимосского «*тфай*» является слово «тьфу».

²Косатка, или кит-убийца, — самый крупный из дельфинов, единственный вид китообразных, способный питаться мясом теплокровных животных. Название «косатка» дано за длинный спинной плавник, похожий на лезвие косы. Е.С. Рубцова и многие авторы употребляют название «касатка», которое на самом деле принадлежит деревенской ласточке с красиво удлинёнными краевыми перьями хвоста. Русское слово «касатка» означает «красивая, милая» (ср. название дикого ириса — «касатик», т.е. красивый).

Способы охоты группы косаток такие же, как у стаи волков, что и послужило основанием легенды, записанной Е.С. Рубцовой. Эскимосы и береговые чукчи считают косатку священным животным и никогда на неё не охотятся.

В 1980-е годы эскимосы села Сиреники, выходя на промысел моржей, крошили в море сигареты, угощая табачком косаток как равных себе охотников-мужчин. Их чтили за помощь во время промысла — удары хвостовых плавников косаток пугают моржей, и они становятся лёгкой добычей морзверобоев.

Эскимосский фольклор повествует о том, что небо представляет собой огромный свод, за которым находится необычайно светлое пространство. И будто бы солнце, луна и звезды представляют собой отверстия в этом своде. [С. 196].

Косатки почитаются как священные животные эскимосами и прибрежными племенами индейцев Северной Америки. Многие из них также связывают в своих верованиях косаток и волков. Например, индейцы-квакиютли признают за волками способность регулировать силу морского прибоя.

³В данном случае имеется в виду только гренландский кит. Эскимосы охотились также на серых китов, белух, горбачей, но добыча их не сопровождалась столь сложными и торжественными церемониями, как добыча гренландских китов. Правда, черепа серых китов и горбачей складывали в ритуальные кольца и кучи, но, как правило, их сооружали вокруг уже вкопанных в землю черепов и нижних челюстей гренландских китов.

⁴Подобный заговор для смены «грязного» рта на чистый мне приходилось неоднократно слышать в 1980-х гг. от сиреникских охотников старшего поколения. «Сменив рот», они обычно выпрашивали у духов нужное направление ветра или уменьшение силы прибоя. Удалось записать от Т. Панаугье короткий охотничий заговор (без плевка и смены рта), который произносился в море непосредственно во время промысла моржей: «К этим [моржам] близко когда подойду, гарпун чтобы правильно летящим стал, чтобы пошёл к этим быстро, попал. Птицы, ветер, другие разные, которые рядом, не смеют нарушить [его] путь». По словам Т. Панаугье, этот заговор одновременно обращён к Небесной и Морской старухам и ещё к одной природной силе, о которой он не хотел говорить.

Прим. Л. Богословской

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ БЕРИНГИИ

На протяжении последнего миллиона лет Северо-Восточная Азия и Северная Америка неоднократно соединялись сухопутным мостом. Эта территория, сейчас наполовину скрытая морем, получила в науке название Берингия. Последнее потепление климата, сопровождаемое таянием ледников и подъёмом уровня океана, началось около 14 тыс. лет назад, и постепенно середина сухопутного моста исчезла, оставив после себя лишь острова в Беринговом проливе и Беринговом море.

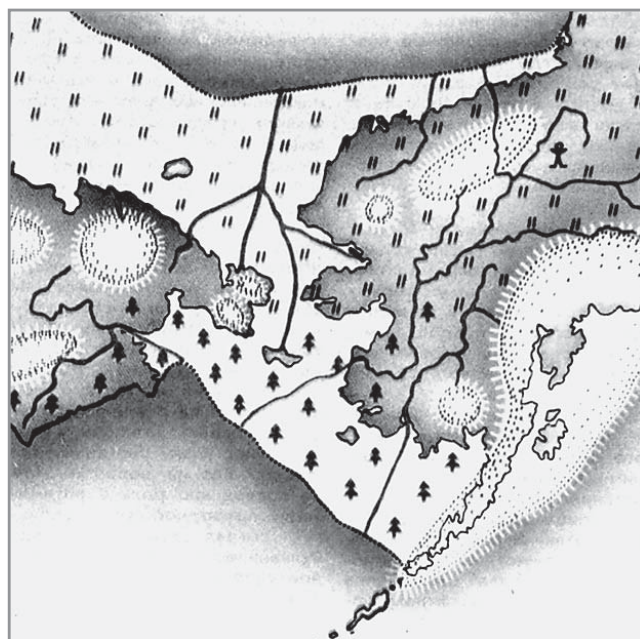
Богатство природы и удобные для промысла места концентрации китов, моржей, тюленей, птиц и рыб с давних времён привлекали в этот регион племена охотников. По Берингийскому мосту, а затем через Берингов пролив проходили многократные переселения древних людей. Принято считать, что именно этим путем около 15 тыс. лет назад пришли из Азии предки народов Северной Америки. Благодаря своему уникальному географическому положению Чукотка и Западная Аляска в течение более 10 тыс. лет играли выдающуюся роль в истории азиатско-американских контактов (Фицхью, 1996). Древние и ныне существующие народы оставили на этой территории гигантский комплекс археологических памятников – от палеолитических стоянок до более поздних жилых и ритуальных сооружений.

Берингов пролив является центром возникновения и развития морской зверобойной культуры эскимосов и приморских чукчей. Эти народы сберегли до наших дней уникальные ландшафты, редчайшие виды растений и животных, высокую продуктивность наземных и морских экосистем, а также главное наследие своих предков – развитую традицию охоты на морских животных и практи-

ку комплексного использования природных ресурсов морских пространств и побережий.

Более 100 стран мира признали особый статус региона Берингова пролива как сокровищницы мирового значения, в которой скрыты ответы на многие вопросы истории Земли. Это положение закреплено в резолюции Генеральной ассамблеи Международного союза охраны природы и природных ресурсов (февраль 1988 г.).

В июне 1990 г. президенты СССР и США подписали совместное заявление о создании

Реконструкция Берингии в период последнего оледенения, около 18 тыс. лет назад.

На схеме обозначены современные контуры Азии и Северной Америки, что позволяет оценить масштаб последующих геологических изменений, в результате которых возник Берингов пролив. Показаны ледники, древние русла рек, области Берингии, занятые тайгой и тундростепями.

(Горшков, Свиточ. Природа. 1986. № 3. С. 56)

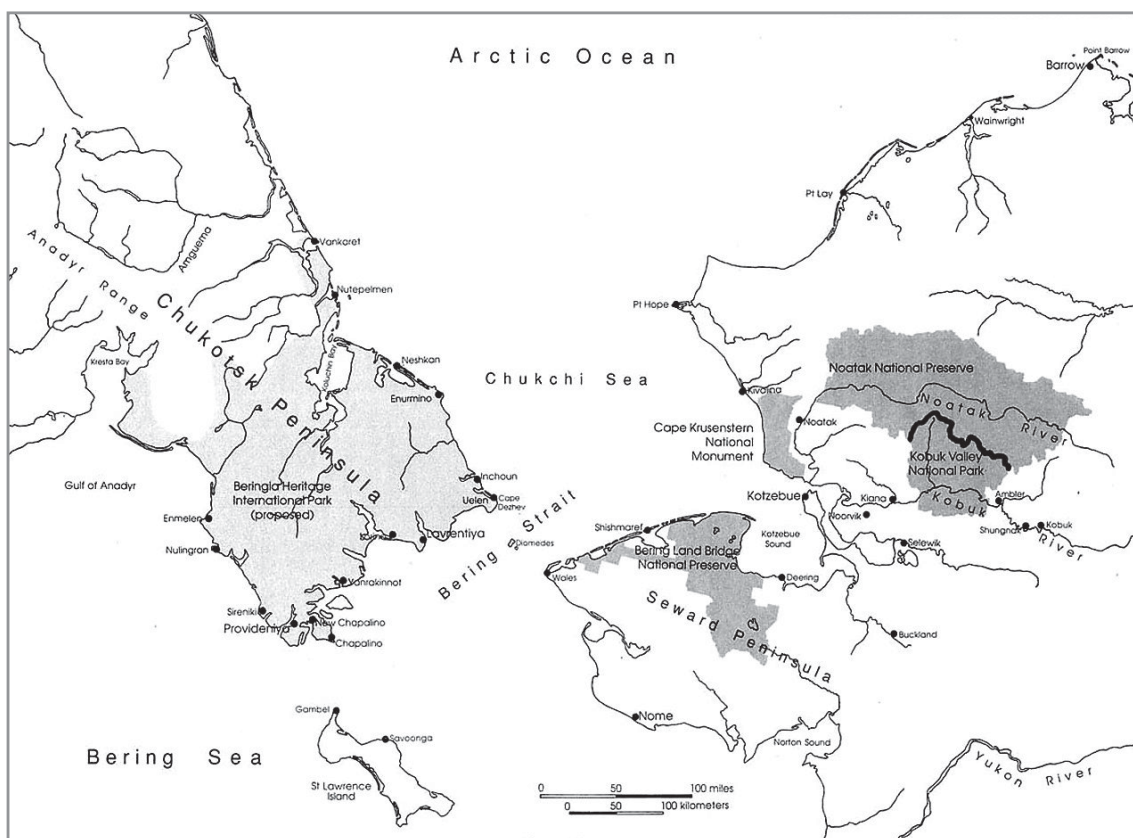
Тропой Богораза

международного парка в районе Берингова пролива, который получил название «Берингия». В 1992 г. президенты России и США подписали новое совместное заявление, подтверждающее желание двух государств создать такой международный парк, который отвечал бы геополитическим интересам России и США в Тихоокеанском регионе и прилегающих районах Арктики, а также обеспечивал полноценное существование коренных народов и гарантировал сохранение культурного и природного наследия, имеющего всемирное значение.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Около 3–4 тысячелетий назад на обоих берегах и островах Берингова пролива родилась, а затем распространилась по арктическим побережьям Азии, Америки и Гренландии морская зверобойная культура эскимосов, самая северная культура нашей планеты. Эскимосы – такое же собирательное название для нескольких народов, имеющих общее происхождение и говорящих на разных, хотя и родственных, языках, как, например, славяне.

На российской стороне Берингова пролива живут азиатские эскимосы-*юпик*. Несмотря на свою малочисленность (менее 1700 человек), до конца XX в. они ещё говорили на трёх языках, принадлежащих к языковой группе *сибирский юпик*, – чаплинском, науканском, сиренинском (или старосиренинском). Кроме того, у эскимосов-инуитов острова Ратманова был свой язык, относящийся к группе аляскинских языков – *инуитиак*.

Карта планируемого международного парка «Берингия».

Американская часть представлена четырьмя особо охраняемыми территориями разного статуса. На Чукотке в 1993 г. создан региональный природно-этнический парк «Берингия», занимающий гораздо меньшую площадь, чем показано на карте и предлагалось в обосновании проекта. (Национальное общество Одюбон. Берингия. Естественно-исторические очерки. Анкоридж, 1994)

Существование нескольких языков, диалектов и говоров (Рубцова, 1954, 1971; Меновщиков, 1964) свидетельствует о сложной истории региона, давних миграциях, большом социальном и культурном разнообразии коренных обитателей Берингова пролива.

Чукчи исторически появились в регионе Берингова пролива, очевидно, позже эскимосов. Часть народа освоила внутренние тундры, создав впоследствии оригинальный вариант северного оленеводства с особой популяцией чукотского домашнего оленя. Другая часть расселилась вдоль побережья Чукотского полуострова и восприняла морскую зверобойную культуру эскимосов. Прибрежные люди стали называться *ан'к'алъыт* – «приморские», или «береговые», чукчи. Ранние исследователи Чукотки XVIII–XIX вв. не различали береговых чукчей и азиатских эскимосов и употребляли для них единое название – «сидячие чукчи», что свидетельствует о культурной близости этих народов (Богораз, 1991; и др.).

Особо следует отметить уникальные для Арктики взаимоотношения оленеводов и морских охотников. Помимо того, что чукчи-олeneводы и чукчи-морские охотники связаны родственными узами, между оленеводческими и береговыми общинами, как чукотскими, так и эскимосскими, существовали и до сих пор существуют традиционно

крепкие отношения взаимопомощи. Чукотский полуостров всегда был зоной рискованного оленеводства: близость моря с открытой «зимней водой» нередко оборачивалась гололёдом на зимних пастбищах, особенно страдали участки, вытянутые вдоль морского побережья. В такие трудные годы морские охотники всегда приходили на помощь оленеводам. В свою очередь, оленеводы буквально спасали от голодной смерти общины морских охотников в тяжёлые зимы, когда по разным причинам был невозможен промысел морского зверя.

Но, кроме помощи в экстренных ситуациях, бытует традиция регулярных ежегодных взаимных обменов морских охотников и оленеводов своей продукцией. Эти обмены приурочены, главным образом, к летнему (августовскому) забою оленей. Для обмена готовили шкуры нерп, лахтаков, жир морзверя, сушеное мясо, белужьи жилы для ниток, лахтачью кожу для подошв, лахтачьи ремни для арканов, торбаза, сшитые из нерпичьих шкур. Взамен брали оленьё мясо, сало, оленьи жилы, камус, готовые чижи, штаны, торбаза из оленьего меха. У эскимосов-чаплинцев есть даже специальные слова для таких поездок: *ак'и*: – «едущий в южную сторону для обмена с чукчами-олeneводами»; *ак'и:гак'ук'* – «едет в южную сторону для обмена с чукчами-олeneводами».

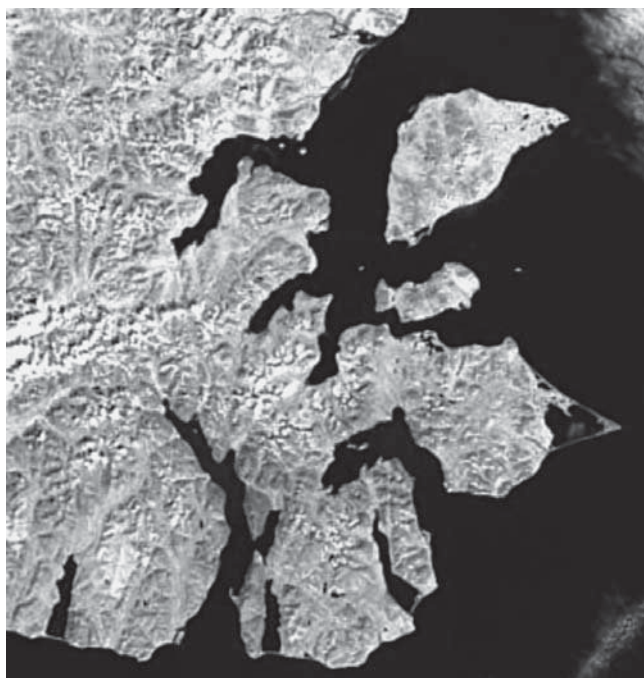
ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В конце XIX–начале XX вв. азиатские эскимосы были организованы в несколько общин численностью от 100–150 до 350–500 человек (Членов, Крупник, 1979, 1983). Каждая община имела свою определённую территорию природопользования, свой язык или диалект и состояла из нескольких семейно-родственных подразделений (кланов, или «родов»), имеющих свои исторические названия*. По всей вероятности, эти общины начала XX в. вели своё происхождение

от более ранних традиционных племён. Ещё 20–30 лет назад старейшины-эскимосы хорошо помнили основы традиционной социальной организации. В те годы удалось записать множество рассказов о прежней жизни в древних посёлках, расселении эскимосских племён и кланов (Крупник, 1977, 1981, 2000).

Описанная упомянутыми выше авторами система прежней социальной жизни азиатских эскимосов показывает, что общинно-языковое разнообразие лежало в основе традиционного устройства берегового населения Чукотки. На примере эскимосов хоро-

* См. рассказ Айвангу «Наш родной Уназик» и статью В. Леоновой в наст. издании. *Прим. ред.*

Юго-восточная оконечность Чукотского полуострова – район фиордов, родина большинства азиатских эскимосов (чаплинцев, аванцев, сиреникцев и др.). Снимок со спутника.

шо видно, как этот принцип систематически подрывался в годы советской модернизации, укрупнения посёлков и насильственных переселений коренных жителей. В начале XX в. на Чукотке существовало шесть крупных и несколько более мелких эскимосских общностей; каждая из них испытала свою долю переселений, закрытий и «слияний».

Нывук'аг'мит (науканцы) – около 350 человек, жители посёлка Наукан, расположенного в самом горле Берингова пролива, возле мыса Дежнёва; говорят на исчезающем науканском языке. Наукан закрыли в 1958 г., его жители были переселены в Нунямо, а после ликвидации и этого посёлка они рассеялись по Восточной Чукотке. В наше время две самые большие группы науканцев живут в районном центре Лаврентия и Анадыре.

Имак'льиг'мит (имакликцы) – около 100 эскимосов-инуитов, живших на острове Ратманова, или Имаклик (Большой Диомид). С установлением на Чукотке советской власти имакликцы в первой трети XX в. пе-

ребрались в США, на остров Крузенштерна (Малый Диомид) и Аляску. Говорят на имакликском диалекте языка эскимосов-инуитов Аляски.

Ун'азиг'мит (чаплинцы) – около 550 человек, говорят на чаплинском языке. Главный посёлок Уназик на мысе Чаплина был закрыт в 1958–1959 гг.; жители переселены в посёлок Новое Чаплино, специально построенный для них в бухте Ткачен. Значительно раньше некоторые семьи уехали на остров Св. Лаврентия (Аляска), где их потомки по-прежнему разговаривают на чаплинском языке. Ещё одна часть *ун'азиг'мит* заселила в начале XX в. когда-то покинутый эскимосский посёлок Уэлькаль у входа в залив Креста.

Аватмит (аванцы) – 120 человек, жители посёлков в районе бухты Провидения: Аван (закрыт в 1942 г., аванцы расселились по окрестным посёлкам), Аслик, или Пловер (закрыт в 1958 г.), Урелики (как национальный посёлок закрыт в 1946 г.). Люди старшего поколения в 1980-х гг. помнили, что прежде аванцы имели свой диалект, несколько отличный от чаплинского языка.

Сыг'иныг'мит (сиреникцы) – около 150 коренных жителей посёлка Сиреники говорили на сиренинском языке, исчезнувшем к концу XX в. вместе с уходом из жизни стариков. В этот посёлок, который существует на одном месте уже более двух тысячелетий, переселились эскимосы многих окрестных селений. В настоящее время старшее поколение жителей говорит на чаплинском языке, молодёжь – на русском.

Более мелкие племена и этнотерриториальные группы эскимосов в начале XX в.:

К'иг'ваг'мит (кивакцы) – 50–60 человек, говоривших на диалекте чаплинского языка. Посёлок Кивак закрыт в 1952 г., жители переселены в Чаплино (Уназик) и за прошедшие десятилетия смешались с чаплинцами, хотя ещё помнят о своем происхождении.

Имтуг'мит (имтукцы) – 20–40 жителей посёлка Имтук на морском берегу одноимённой лагуны. В 1930-е гг. постепенно переселились в Сиреники.

Атк'алх'аг'мит (аткальхакцы) – около 30 человек жили в старом посёлке Аткальхак на мысе Лесовского. Примерно в 1880 г. жители переселились в Имтук, сохранившись там в качестве самостоятельной группы вплоть до 1930-х гг.

Напакутаг'мит (напакутакцы) – 50 жителей старого селения Напакутак на острове Ыттыгран. Около 1934 г. жители этого посёлка ушли в Чаплино.

Традиционное социальное устройство приморских (береговых) чукчей, к сожалению, почти не изучалось со времен В.Г. Богораза; хуже известно и языковое (диалектное) разнообразие языка этого народа. По всей вероятности, береговые чукчи в конце XIX–начале XX в. тоже были организованы в территориально-соседские общины численностью 150–400 человек, каждая со своей территорией природопользования. Особенностью чукотских береговых общин была их «открытость» для брачных и производственных связей с тундровыми чукчами-оленоводами.

Наиболее древние общины береговых чукчей – вроде уэленцев, инчоунцев, энурминцев, яндагайцев и др., – подобно эскимосским племенам, состояли из нескольких патриархально-родственных групп со своими особыми названиями. В Уэлене, например, известны названия трёх таких семейных общин – *Тапкаральыт*, *Гынонральыт*, *Кэунэльыт*, и каждая имела свою традиционную территорию расселения внутри посёлка. В Яндагае в прошлом были две семейные общины, в Лорино – четыре и т.п. (Леонтьев, 1972; Вдовин, 1987).

Таким образом, побережье Чукотского полуострова ещё совсем недавно, менее века назад, представляло собой непрерывную цепочку племенных и общинных территорий, чукотских и эскимосских, с хорошо известными границами, правилами природопользования и тесными родственными и обменными связями между соседними поселениями.

ТРАДИЦИИ РАССЕЛЕНИЯ

Образно говоря, побережье Чукотского полуострова является гигантским «месторождением» археологических памятников мирового значения.

В центральных районах полуострова и на юго-восточном побережье вблизи мыса Чаплина, бухты Ткачен и вдоль реки Курупки обнаружены самые ранние в этом регионе палеолитические стоянки древних охотников и рыболовов, возраст которых насчитывает 8–9 тыс. лет (Диков, 1980, 1993; Диков, Казинская, 1980; Gusev, 2002). Изучение стоянок необходимо для того, чтобы понять процессы первоначального заселения древними племенами азиатской и американской частей Берингии, а также выяснить особенности ранних миграций из Азии в Америку (Диков, 1993; American Beginnings, 1996).

Первый сводный перечень береговых посёлков от залива Креста до мыса Ванкарем с сопутствующими культовыми сооружениями и могильниками был сделан Б.И. Вдови-

ным (1991) для периода с конца XVII в. до середины XX в. Только на участке от бухты Руддера до мыса Ванкарем выявлено около 200 поселений разных эпох, где жилища были построены из костей гренландских и серых китов (Крупник, 1983; Головкин и др., 2004; Bogoslovskaya, 1993). Возраст некоторых селений, судя по найденным артефактам и данным радиоуглеродного анализа, насчитывает более 2500 лет (Руденко, 1947; Диков 1977; Динесман и др., 1996).

«Морские охотники никогда не прятались от моря, они селились не в глубине заливов и бухт, где спокойней, а у открытого моря, на поворотных мысах, – там, где ветры, течения и зимой разгоняют лёд, там, где киты и моржи подходят близко к берегу. Охотник всегда в ожидании зверя. Даже если по берегу просто идёт, на море смотрит, всё замечает. Всегда к морю лицом старается быть». Это слова Людмилы Айнан (фото III-30), президента Общества эскимосов Чукотки «Юпик».

Карта-схема посёлков, созданных морскими охотниками в течение последних 2–2,5 тыс. лет на побережье Чукотского полуострова, от бухты Руддера до Колючинской губы. (Bogoslovskaya, 1993)

Система размещения береговых селений показывает способность древних охотников экологически грамотно распределять промысловую нагрузку на популяции промысловых животных, а также снижать антропогенные воздействия на хрупкие, малоустойчивые природные комплексы Арктики, прежде всего на почвенно-растительный покров. Чтобы достичь этого, при создании стационарных поселений охотники Чукотки соблюдали три условия. (Богословская, Веденин, 2004).

Во-первых, селения располагались на стыках экосистем, где биологическое разнообразие и продуктивность природных ком-

плексов наиболее высоки (Богословская и др., 1979; Крупник, 1989).

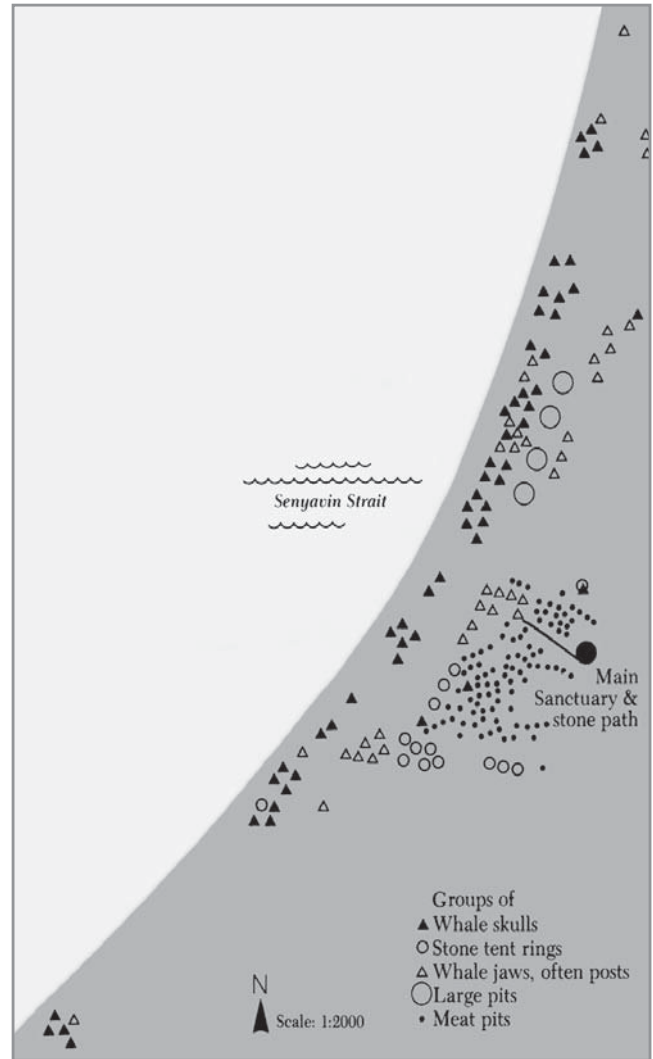
Во-вторых, древние и традиционные поселения охотников на китов и ластоногих всегда основывались возле «зимней открытой воды», то есть у стационарных полыней, ледовых трещин и участков моря с подвижным ледовым покровом (Богословская, Вотрогов, 1981; Богословская, Веденин, 2004). Это позволяло коренным жителям Чукотского полуострова вести круглогодичный промысел морского зверя. Можно сказать, что «зимняя открытая вода» — необходимая естественная основа возникновения морской

зверобойной культуры в регионе Берингова пролива.

В-третьих, даже в местах с богатыми природными ресурсами обычно создавался не один крупный посёлок, а несколько самостоятельных селений на некотором удалении друг от друга. Численность жителей стационарных посёлков в доконтактный период всегда была небольшой, обычно 40–60 человек, редко свыше 100–120 (Крупник, 1989). Например, в нижнем течении реки Чегитун была группа из пяти посёлков; в районе мысов Пээк и Дежнёва — из четырёх; возле горы Тунытлен — четыре селения, в окрестностях мыса Чаплина — шесть–восемь селений (Крупник, 1983; Головкин и др., 2004; Bogoslovskaya, 1993). Именно благодаря равномерному распределению вдоль побережья небольших по численности селений морским охотникам удавалось на протяжении тысячелетий минимизировать антропогенную нагрузку на окружающую среду и популяции промысловых животных.

На азиатской стороне Берингова пролива известно несколько вариантов технологии сооружения традиционных жилищ, которые определялись геологическими характеристиками места поселения и доступными строительными материалами. В основном, жилища строились из костей гренландских и серых китов, в сочетании с плавником, камнями и дёрном. Модулем всей конструкции были нижние челюсти гренландских китов длиной 3,5–5 м, выполняющие роль опорных балок. Дерево в постройках использовалось только там, куда морские течения приносили плавник, — в поселениях Имаклик на острове Ратманова, Эквен у мыса Верблюжий, Пайпельгак в устье реки Чегитун и некоторых других. (Богословская, 1988; Бронштейн, 2004; Днепровский, 2004).

Остатки жилищ и селений морских охотников, к сожалению, сейчас подвергаются разрушению не только под воздействием эрозионных процессов и опускания берегов, но также из-за агрессивной деятельности людей. Руины жилищ и культурные слои уничтожаются при строительстве практи-

Общий план «Китовой аллеи» на острове Ыттыгран (Chlenov, Krupnik. Expedition. 1984. V. 26. # 2. P. 7.)

чески во всех современных посёлках (Лорино, Инчоун, Уэлен, Сиреники и др.), их грабят «черные археологи», по ним ездят на вездеходах (в недавнем прошлом — и на танках по жилищам Уназика) и т.д. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что древние поселения Чукотского полуострова подчеркивают единство и преемственность традиций многих поколений морских охотников и составляют важную и неотъемлемую часть культурного наследия не только нашей страны, но и всего Арктического региона Земли. Они требуют скорейшей паспортизации и специальной охраны.

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Каждое традиционное селение обладало системой культовых сооружений, построенных из китовых костей, черепов моржей и белых медведей, а также камней.

Внутри селения и на его окраинах вертикально вкапывали в землю черепа и нижние челюсти гренландских китов; их обкладывали черепами молодых серых китов в местах активного промысла этого вида (фото III-3; фото IV-2, IV-5). Из черепов серых китов со скуловой шириной 75–90 см древние жители сооружали ритуальные кольца и жертвенные кучи, нередко добавляя туда сходные по размеру камни. Такие объекты можно увидеть на мысе Кыгынин острова Аракамчечен и далее к северу, в развалинах крупных посёлков Ныхсирак, Мечигмен (Масик), Поутен, Инчоун и др. (Богословская и др., 1979; Арутюнов и др. 1982; Членов, Крупник, 1984).

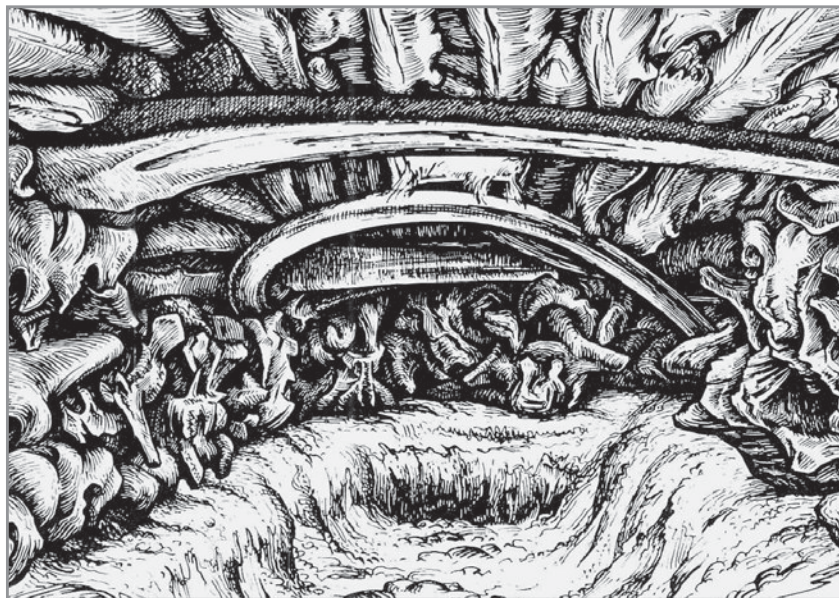
В селениях и неподалеку от них воздвигались также жертвенники из черепов моржей и белых медведей. Так, жертвенник из 21 черепа белого медведя обнаружен Л. Бого-

словской в 1977 г. на мысе Кыгынин: черепа выложены в ряд, чуть южнее лежат три камня, на которых разжигали священный огонь. Жертвенник из двух черепов белых медведей найден в районе селения Наукан (Кочнев, 2004).

Особо почитались черепа и нижние челюсти гренландских китов. По словам Л. Кутылина (Янракыннот), их ставили, «чтобы предки видели, как мы помним о них, как соблюдаем традиции». Жители «кормили» черепа и столбы-челюсти после каждой удачной охоты и по праздникам. Старики любили сидеть рядом с ними, – по традиционным представлениям, гренландский кит более, чем любой другой зверь, помогал обдумывать прошлое и одновременно давал духовные силы, чтобы заглянуть в будущее.

В 1985 г. Л. Богословская и охотники из села Сиреники В. Миенков и Т. Панатугье обследовали несколько таких черепов гренландских китов в заброшенном селении бухты Поутен. В их костную ткань были воткнуты и даже ввёрнуты небольшие фраг-

менты ребёр молодых лахтак и оленей с остатками высохшего мяса. Подобный череп был обнаружен в 1986 г. Л. Богословской среди руин северного посёлка острова Ратманова – он был «инкрустирован» бедренными костями морских птиц, в изобилии гнездящихся на острове (большая конюга, белобрюшка, кайра). Непременными атрибутами всех обследованных посёлков являются поля вертикально поставленных священных камней, или менгиров, высотой от 30 см до 1 м и более (фото IV-8, IV-9). Их воздвигали за чертой посёлка, недалеко от него. Но если в непосредственной близости не было подходящих камней, то жители могли соорудить поле менгиров

Единственная сохранившаяся в селении Мечигмен (Масик) землянка из китовых костей. Нижние челюсти и рёбра гренландских китов служат опорными балками для крыши; черепа и позвонки молодых серых китов – «кирпичи», из которых сложены стены.

Рис. С. Богословского, 1981 г.

и на значительном удалении. Именно так поступили те, кто когда-то населял посёлок Мечигмен (Масик) на южной косе Мечигменской губы, низменной и песчаной, — они поставили менгиры в ближайшем удобном месте, неподалеку от мыса Халюскина, на расстоянии 20 км от своего посёлка. Самые большие, иногда выше человеческого роста, многотонные менгиры обнаружены на о. Ратманова в окрестностях южного селения Имаклик (Богословская, 1988; фото IV-9). По словам Н. Гальгаугье и Т. Панаугье, к менгирам не полагалось ходить «просто так» — их посещали только для проведения обрядов, которые не сохранились до наших дней.

Известны два самых крупных культовых сооружения, которые могли быть воздвигнуты лишь усилиями жителей нескольких посёлков. Это «Китовая аллея» на острове Ыттыгран (Арутюнов и др., 1982) и упоминавшееся выше поле менгиров острова Ратманова. Ритуалы, связанные с этими памятниками, вряд ли удастся восстановить — уже в 1980-х гг. коренные жители мало что могли сказать о них.

Одно из самых загадочных ритуальных мест на востоке Чукотского полуострова — обширное поле сложных выкладок из небольших камней, огороженное невысокой, до 30–40 см высоты, однорядной каменной «стенкой». Оно обнаружено в 1987 г. неподалеку от села Сиреники, рядом с заброшенным селением Сингак (Bogoslovskaya, 1993). При содействии охотника Т. Панаугье удалось определить среди этих сооружений лишь несколько так называемых «поминальных» каменных куч — к ним в то время ещё приходили старшие мужчины из семей эскимосов-сиреникцев, чтобы положить камень после смерти члена своей семьи. Большинство опрошенных жителей села Сиреники

Посёлок Янракинот расположен на стыке экосистем «тундра–река–море». Передний план — устье реки Марич, отделённое от пролива Сенявина намывной косой. Слева от посёлка и за ним — пролив Сенявина с островком Кынкай и входом в бухту Пенкигнэй, туда от Янракинота тянется коса Взнэткин. Рис. С. Богословского, 1980 г.

даже не подозревали о существовании этого ритуального комплекса.

Коренные жители почитали также естественные камни-«скульптуры» и скалы необычной формы, например, каменных «человечков» (*юпигыт*) на мысе Чукотском (фото-IV-6) или удивительные по форме кекуры на вершине мыса Кригуйгун. Каждая каменная фигура, напоминающая живое существо, имела своё название, а возле некоторых обнаружены следы кормления (фото-IV-7).

К сожалению, записан только один термин чаплинских эскимосов, связанный с культом камней — *сяглыг'ак'* («камень, под которым есть щель, ведущая в подземный мир»). Эскимос Н. Гальгаугье пояснил, что камень, поставленный после смерти человека, «пускает» его душу в подземный мир, а потом «отдохнувшая душа» через этот камень снова приходит к людям, чтобы появиться на земле в ком-либо из вновь рождённых. Прежде нельзя было не поставить камень после смер-

Тропою Богораза

ти человека — это означало закрыть «путь» душе, т. е. прервать процесс реинкарнации (возрождения) души. Если представления о священных черепах и костях гренландского кита, моржа, белого медведя ещё живы, то религиозные церемонии, связанные с камнями, вероятно, утеряны навсегда.

Развалины старых поселений и, в ещё большей степени, древние могильники — настоящие коллекции бытовых и ритуальных предметов удивительной красоты, сделан-

ных из моржового клыка, китовой кости, редко из дерева (фото IV-13, IV-14). В своё время такие вещи не просто использовались для различных нужд, но, как полагали их создатели и владельцы, магическим образом влияли на происходящее вокруг. В наши дни эти артефакты, имеющие огромную историческую и художественную ценность, позволяют прикоснуться к жизни и духовному миру древних охотников Берингова пролива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чукотский полуостров является уникальным регионом всего Евразийского континента — нигде больше морская зверобойная культура не получила такого мощного развития. До наших дней эскимосы и береговые чукчи сохранили основные элементы древнего зверобойного комплекса — кожаную лодку-*аньяник* с деревянным каркасом на ременных связях, поворотный гарпун с поплавком из надутой нерпичьей шкуры и упряжки ездовых собак (фото III-25; фото IV-15, IV-18). Активно используя биологические ресурсы, эти народы создали эффективные способы поддержания высокого качества окружающей среды, благодаря чему смогли не только обеспечить своё устойчивое существование в течение тысячелетий, но и передать нам в первозданности самые богатые биоценозы мировой Арктики.

Языки эскимосов и чукчей, их духовный мир, религиозные, охотничьи, природоохранные, бытовые традиции, фольклор и народные

знания представляют не меньшую ценность, чем природные комплексы и археологические памятники, и требуют не меньших усилий для своей охраны. К сожалению, именно живая культура коренных народов «Берингии» — самый уязвимый и быстро разрушающийся компонент общего наследия Чукотки и Аляски.

Сегодня наш долг — помочь жителям Берингова пролива сохранить свою культурную самобытность в рамках общих усилий по охране этого удивительного региона Земли. Для выполнения таких целей необходимо разработать и применить специальную систему законодательных мер и практических действий. Многие из них хорошо известны и с успехом используются в тех особо охраняемых территориях мира, где задачи охраны природы невозможно отделить от сохранения коренных народов, их традиционного образа жизни и культурного наследия, оставленного многими поколениями предков.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
- Богословская Л.С. Байдарочка и летящая птица // *Вокруг света*. 1988. № 6. С. 34–36.
- Богословская Л.С., Веденин Ю.А. Российская «Берингия»: национальные и международные аспекты // Межд. конф. «Дни Бе-

рингии» — 2003. М.: Советский спорт. 2004. С. 10–22.

- Богословская Л.С., Вотрогов Л.М. Массовые зимовки птиц и китов в полыньях Берингова моря // *Природа*. 1981. № 1. С. 42–43.

- Богословская Л.С., Членов М.А., Юрцев Б.А. Острова пролива Сенявина — уникальный природно-культурный комплекс // *Природа*. 1979. № 9. С. 91–97.

- Бронштейн М. У входа в каменный век // *Северные просторы*. 2004. № 1–2. С. 155–156.

- *Вдовин Б.И.* Памятники морского побережья и островов от мыса Ванкарем до залива Креста. Памятники внутренних территорий Чукотского полуострова // Технико-экономическое обоснование создания комплекса ООПТ и акваторий в районе Берингова пролива. СПб., Ленгипрогор Госкомархстроя РСФСР. Препринт. 1991. С. 90–105.
- *Вдовин И.С.* История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1987.
- *Головкин Е.В., Добриева Е.А., Джейкобсон С., Краусс М.* Словарь языка науканских эскимосов. // Под ред. С. Джейкобсона. Фэрбенкс: Центр изучения языков коренного населения Аляски, 2004.
- *Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1977.
- *Диков Н.Н.* Первые палеолитические памятники на Чукотском полуострове (стоянки на р. Челькун и Курупке) // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан: Книжн. изд-во, 1980. С. 5–23.
- *Диков Н.Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.: Наука, 1993.
- *Диков Н.Н., Казинская Г.И.* Следы каменного века на р. Курупке (Чукотский полуостров) // Новейшие данные по археологии севера Дальнего Востока. Магадан: Книжн. изд-во, 1980. С. 24–29.
- *Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф.* Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. М.: Аргус, 1996.
- *Днепровский К.А.* Что скрывает мерзлота // *Северные просторы*. 2004. №1–2. С. 157–159.
- *Кочнев А.А.* Не все медведи отвечают на вопросы // *Северные просторы*. 2004. №1–2. С. 125–127.
- *Крупник И.И.* Освоение среды и использование промысловых угодий у азиатских эскимосов // Некоторые аспекты изучения этнических аспектов культуры. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1977. С. 4–17.
- *Крупник И.И.* Древние посёлки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки (включая о. Святого Лаврентия) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 97–118.
- *Крупник И.И.* Древние и традиционные поселения эскимосов на юго-востоке Чукотского полуострова // На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983. С. 65–95.
- *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
- *Крупник И.И.* Пусть говорят наши старики. М.: Институт Наследия, 2000.
- *Крупник И.И., Членов М.А.* Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в.–1970-е гг.) // *СЭ*. 1979. № 2. С. 19–29.
- *Леонтьев В.В.* Этническая история посёлка Уэлен // *Краеведческие записки*. Магадан, 1972. Вып. 9.
- *Меновицков Г.А.* Язык сиренинских эскимосов. М.; Л.: 1964.
- *Рубцова Е.С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). М.; Л.: АН СССР, 1954.
- *Рубцова Е.С.* Эскимосско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1971.
- *Руденко С.И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947.
- *Фицхью В.* Времена предков // Перекрестки континентов. Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски / Сост. В. Шоссоннэ, ред. И. Крупник. Вашингтон; М.: Арктический научный центр Смитсоновского института – Институт Наследия, 1996. С. 37–47.
- *Членов М.А., Крупник И.И.* Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л.: Наука, 1983. С. 129–139.
- *Членов М.А., Крупник И.И.* В поисках древних культур Чукотки // *Природа*. 1984. № 6. С. 86–97.
- *Bogoslovskaya L.S.* List of the villages of the Chukotka Peninsula (2000 B.P. to present) // *Beringian Notes*, NPS, Alaska. 1993. V. 2. № 2. Pp.2–11.
- *Gusev S.* The Early Holocene Site of Naivan: The Earliest Dated Site in Chukotka // *Archaeology in the Bering Strait Region. Research on Two Continents*. D. Dumond and R. Bland, eds. *University of Oregon Anthropological Papers*. 2002. № 59. Pp. 111–126.
- *West F.Y., ed.* American Beginnings: The Prehistory and Palaeoecology of Beringia. Chicago, University of Chicago Press, 1996.

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ ХАТЫРСКИХ И ВАЕЖСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ

Основной материал статьи записан мной от А. И. Вальгиргина в июле 2004 г. Александр Иванович Вальгиргин родился в семье, принадлежащей к хатырско-ваежской группе оленеводов Чукотки, и долгое время работал оленеводом в селе Хатырка Беринговского района. Будучи уже зрелым человеком, поступил в Ольский сельскохозяйственный техникум, после его окончания стал зооветспециалистом в родном селе. Затем его направили в Чукотский район, где он проработал двадцать два года. С 2001 г. Александр Иванович является заместителем директора по производству МУП СХП «Совхоз им. Первого Ревкома Чукотки» в селе Усть-Белая Анадырского района.

В детстве А. И. Вальгиргин внимательно слушал рассказы стариков о традициях чукотских оленеводов. Позднее, работая в разных районах Чукотки, он изучал локальные культуры чукчей, языковые особенности этнотерриториальных групп, традиционную профессиональную лексику оленеводов и морских охотников. Всё это помогло ему обрести собственное видение многогранной культуры чукотского народа. Так, название праздника оленеводов «вылгык'аанмат» в научной литературе принято переводить как «забой оленя тонкой шерсти» (от «вылгы» – «тонкий, утонченный»). Однако вполне обоснованным является предположение Александра Ивановича о том, что название праздника означает «встретиться после долгой разлуки» (от «л'увылгык» – «встретиться лицом к лицу»). Я же в детстве думал, что это название происходит от слова «вылгыток» (кидаться, стрелять) – во время этого праздника стреляют и пускают стрелы из луков, кидают ритуальный огонь в сторону приближающегося стада.

Столь же интересно мнение Александр Ивановича о том, что название амулета пеликен произошло от «пэлк'ылтын» («мудрый снисходительный старец»), а не от имени мифического американца Билли Кена, как принято думать. По этому поводу он справедливо говорил: «Зачем искать корни по ту сторону Берингова пролива?».

В. Нувано

Январь. И'рэй'ылгын – «Начало гонок на оленьих упряжках»

Месяц открытия сезона гонок на оленьих упряжках.

Праздники в стойбищах продолжаются с новолуния до полной луны. На рассвете начинается убой жертвенных животных. Обычно выбирают *илгыл'у* – «беломордого оленя». Голову забитого животного нанизы-

вают на кол, который втыкают в плотный снег.

Иногда в жертву приносят знаменитых в прошлом гоночных оленей (*рытэлгэв*). Такой олень до забоя обязательно прогоняется на короткой дистанции для разогрева перед «последними гонками». Заключительный стелющийся прыжок *рытэлгэв* – неповторимое зрелище для настоящего ценителя оленьих гонок.

Женщины ещё до рассвета добывают «священный огонь» при помощи деревянного лучка, редко от каменного огнива. Амулеты располагают вокруг тоже «священного костра». После разделки туш готовят и выносят жертвенные угощения для амулетов и людей.

Наступает волнующее время для участников гонок на оленьих упряжках.

Слава сильнейших гонщиков передаётся от поколения к поколению. Например, часто вспоминают выдающегося гонщика Эчэтку и произносят его имя с добавлением приставки *'ирэЭчэтку* – от *'ирэк* (участвовать в гонках).

Соревнования людей в беге в этот период запрещены, поскольку вдыхание холодного воздуха может повлечь лёгочные заболевания. Из-за сильных морозов разрешается борьба лишь до первого касания снега любой части тела одного из борцов.

Февраль. Чьачанльоргын – «Мороз на бороде (старца)»

Легкая изморозь на лицах молодых и мохнатая изморозь на бородах стариков.

Оленеводы стремятся в это время держать свои стада на ягельниках и в «тёплых» (подветренных) местах. В сильный мороз или снежную пургу ночной дежурный иногда специально шевелит залежавшихся животных, чтобы они паслись, согревались.

В это время вытапливают воду из зернистого снега (самый нижний слой снежного покрова, находящийся ближе к земле). Возможно, так делают потому, что большинство рек и ручьёв промерзают до дна. Постепенно это стало обязательным правилом, поэтому пользоваться естественной водой не рекомендуется.

Март. Нивлевй'ылгын – «Месяц наступления признаков весны»

Время разделения стада на плодовую и неплодовую части. В этот месяц старшие

разрешают молодёжи собираться вместе в каком-либо стойбище. После активной, физически насыщенной работы устраиваются вечеринки. Эти праздники, пожалуй, самые любимые во время кочёвок. Молодёжь соревновалась в разных национальных спортивных состязаниях, например, в забытых теперь прыжках из положения лёжа (с упором на руки, согнутые в локтях, и на носки ног), прыжках согнувшись (держась руками за пальцы ног) и т.д.

В просторной яранге прежде выступали лучшие танцоры округи. Правильно считая праздничная одежда отлично передавала красоту телодвижений. Поэтому танцующий старался больше времени находиться спиной к самым уважаемым зрителям. У чукчей высоко ценилась грация девушки, танцующей спиной к зрителям. Раньше такой танец вызывал восторг публики, теперь это стало неприемлемым для новой культуры, где не принято поворачиваться спиной к зрителям.

Но приходит время *печвагъенратык* (дословно – «отделять телят прошлого года»). Если в стаде 3500 оленей, то из них примерно 1900 важенков (более 54 %). Такое стадо делят на две и более части для того, чтобы обработать его за один световой день и при этом не травмировать стельных важенков, не подавить ослабевших телят прошлого года и успеть кастрировать выбракованных самцов. Для разделения нужно сделать специальный загон – кораль.

Разделение стада сопровождается обрядом. Готовят особую пищу, в том числе щавельную кашу (*вытрилк'ырыль*), используют колбасу осеннего приготовления (*нанувь*)* и вяленое жирное оленьё мясо. Всю жертвенную пищу ставят перед входом в кораль. Мужчины, хозяева стада, разбирают по земле небольшую долю от каждого принесённого блюда. Приносят жертву и внутри коралья.

* Прямая кишка оленя, вывернутая наизнанку, жиром внутрь, и сделанная в виде колбасы. *Прим. авт.*

Тропою Богораза

С раннего утра идёт подготовка к разделению. Один ночной дежурный к рассвету уже подогнал сколько-то оленей к загородке короля, а другой наблюдает, что происходит в основном стаде. И если он убедился, что охраняемые им олени находятся в хороших условиях и не присоединятся к другому стаду, то оставляет их и сам спешит к коралю.

Хотя работа по отбивке физически очень тяжела, для молодого оленевода это время и место проявления своей удали и возможность показать себя перед невестой с самой лучшей стороны.

Итак, всё подготовлено для проведения отбивки, и в кораль открыт проход шириной 3 м. В него устремляются старые опытные важенки, подтягивая за собой более молодых. У прохода ловцы с *чаатами* (арканами) вылавливают случайно просочившихся самцов. Старший участник отбивки может сказать, чтобы оставили упитанного кастрата, который потом сыграет важную роль – накормит *рэквытылгыт*, тех, кто будет охранять маточное стадо.

Когда к проходу в кораль уже бегут, в основном, самцы, это сигнал, чтобы его закрыть. Начинается ловля молодых или не успевших выйти важенков.

Заранее *мыллъавлгыт* («легко одетые люди», в основном, молодёжь) ждут, когда ловцы поймают первую важенку в корале. Начинается соревнование, кто выведет за рога по рыхлому снегу больше всех важенков. Иногда закапризничавшую важенку, которая не хочет идти, приходится тащить волоком. Поэтому более хитрые оленеводы стремятся быть ближе к выходу. Но вечером, когда все соберутся вместе, над молодым хитрецом обязательно пошутят, придумают о нём что-нибудь смешное.

Апрель. Гройъэлгын – «Месяц отёла важенков, или Месяц отёла»

Подбор отёльных пастбищ, – бесспорно, дело самых опытных оленеводов. Ошибки здесь могут обернуться потерей новорож-

дённых телят. Перемещения плодовой части стада сведены к минимуму из-за глубокой стельности важенков и слабости ещё неокрепшего молодняка.

Хорошо откормленный материнским молоком недельный теленок, выделяющий немыслимые коленца или несущийся во всю прыть, как распластанная в полете диковинная птица, – самая отрадная картина для оленевода. Сброшенные после отёла рога важенков собирают, складывают в кучи и вывозят к стойбищу. Здесь преследуются две цели: сакральная – уважение к важенке как основе жизни и труда оленевода, и практическая – забота о том, чтобы олени не разбегались в поисках этих рогов, которые они с жадностью обгладывают, восполняя таким способом недостаток в своём организме кальция и других минеральных веществ.

Май. Имлыръылин – «Месяц проталкивания вод, или Месяц вод»

Весёлый месяц проснувшегося ручейка и распутившейся пушицы, выглядывающей из-под снежного одеяла.

В этом месяце проводят *Килвэй* – праздник новорождённого теленка и особого поклонения оленеводов родительнице-важенке. Тысячи сброшенных рогов важенков складывают друг на друга у задней стенки яранги. Название праздника *Килвэй*, возможно, произошло от слова *вэйвэт*, что означает «делиться мясом» или тем, что имеешь. *Килвэй* – это праздник души, праздник гостеприимства чукотских оленеводов. Съезжаются многочисленные гости. С раннего утра начинаются хлопоты. Женщины разбивают олени кости, чтобы вытопить из них жир. Для этого ещё с январского забоя кости начинают собирать и возят их с собой. Варится мясо январского убоя, вытапливается костный жир. В этот день едят как можно больше вытопленного жира, а для этого его особым способом разбавляют снегом.

Ближе к вечеру проходят последние в сезоне гонки на оленьих упряжках. Устраиваются

всевозможные игры, в том числе популярная прежде игра в ручной мяч. Играют все желающие. Обычно команды делятся на мужскую и женскую. Во время игры девушке разрешалось, прижимая мяч, как бы невзначай уронить его внутрь *керкера* (женского мехового комбинезона), и тогда можно было одновременно вести любовную и спортивную игру.

Вечером начинается торжественный обряд, посвящённый родительнице новорождённого телёнка — важенке. Все тысячи собранных рогов важенок смазываются у основания костным жиром. Это дань уважения важенке, её удостаиваются только высшие существа, представленные амулетами (*тайныквыт*), их тоже мажут жиром во время главных праздников оленеводов.

Кульминация праздника — угощение доотвала всех гостей, богатых и бедных, всевозможными лакомствами. Гости разъезжаются со съестными припасами — жирным мясом, ещё намазанным толстым слоем костного жира.

Окончание праздника — сигнал к немедленной перекочёвке на летнюю стоянку (*анолъат*). Если позволяет погода, кочуют каждую ночь, когда подмерзает снег.

Июнь. Вытатйъэлгын — «Месяц появления листьев, или Месяц листвы»

Время, когда природа окрашивается в зелёный цвет. Начало цветения ивы — сигнал к соединению плодовой и неплодовой частей стада. Объединённое стадо движется к новому летнему стойбищу.

На новом месте устанавливают ярангу (*ранн'ат*). Обычно это действие приурочено к *Ваамк'аанмат* — празднику воды как основы всего живого. Проводят праздничный забой оленей, чтобы олени всегда были с водой, чтобы на всём протяжении маршрутов были хорошие водопои.

В этот праздник, как правило, забивают самых больших быков, сохранивших толстый слой жира. Для мужчин есть возможность показать богатырскую удаль.

На плечи юноше кладут тушу оленя, вес которой может намного превышать вес носильщика, и юноша несёт её до разделочного места. Это любимый праздник детей. Самые лакомые угощения несут на восток от стойбища до ближайшего водоёма, проводят соответствующий обряд и раздают их детям.

После праздника *Ваамк'аанмат* объединённое стадо уходит на малый весенний маршрут, который по-чукотски называется *кыткытк'аальат*.

Июль. Анойъэлгын — «Месяц раннего лета»

Анной — жаркое дыхание лета. Оленеводы уводят свои стада на летние пастбища, богатые зелёным кормом и желательнее более прохладные. В недалёком прошлом рачительный хозяин стремился угнать своё стадо на побережье моря. Это самый длинный маршрут, самая напряжённая пора.

Долгие два месяца оленеводы кочуют вдали от основного летнего стойбища (*анолъат*), а оставшиеся в нём женщины без усталости выделывают олени шкуры для шитья одежды, починки яранги.

Для заготовки на зиму сушёной и вяленой рыбы в стойбище остаются *анотвалъыт* — пожилые мужчины и те, которые могут не пройти весь самый длинный и, пожалуй, самый тяжёлый и ответственный летний маршрут.

Август. Сэйпыйъэлгын — «Месяц желтых листьев»

Месяц, когда природа окрашивается в жёлтый цвет. С середины августа и до конца месяца быки-производители очищают рога. Сам процесс окостенения и очищения рогов от шкурки-«бархата» носит название *н'эрык*, поэтому август иногда называют *Н'ерйилгын*. Женщины в стойбищах заготавливают зелень для жертвенных обрядов. Когда стадо под-

Тропою Богораза

ходит к стойбищу после долгого маршрута, проводят праздник *Вылгык'аанмат* (название праздника могло произойти от слова *вылгык* – «встретиться после долгой разлуки»). Вереницы людей с соседних стойбищ спешат пешком на праздник. Мужчины могут нести детей, жён и даже престарелых родителей на плечах, юноши – своих невест. Не желая показывать всю свою силу, бегут бегом, только если никто не наблюдает со стороны.

В этот праздник второй раз за лето яранга переносится на новое место. Очаг на старом месте яранги обкладывается ровным кругом небольших камней.

Праздник начинается на рассвете с выноса жертвенного огня. Прежде в сторону приближающего стада мужчины пускали стрелы из боевых, а мальчики – из детских луков; в наше время стреляют из огнестрельного оружия. Выстрелы сопровождаются воинственными возгласами старейшин.

К востоку от яранги раскладываются небольшие модели того, что окружает оленевод с рождения: слепленная из глины яранга, торчащие жерди которой обозначены зелёной веточкой; олень, слепленный из зелёной массы варёного щавеля, его рога – те же зелёные веточки. К этим предметам подтаскивается детская кибитка (*кааран*).

Перед тем как забить оленя в жертву тому или иному Создателю (например, Восходу солнца, Земле-кормилице, другим божествам и в последнюю очередь – Закату), хозяин яранги, обращаясь к каждому Создателю, произносит шёпотом или даже в душе заклинания, просьбы, пожелания. Затем взрослого быка-производителя забивают с помощью копья. Фонтанирующую кровь из раны жертвенного животного берут пятернёй и разбрасывают в разные стороны света.

Вечером в каждой яранге танцуют, поют собственные песни. Если выполняется прыжковый танец, то, в зависимости от ритма, может быть выбрана песня любого родственника. Нагретый бубен-*ярар* радует слух зрителей. В это время молодёжь на улице развлекается игрой на губном музыкальном

инструменте *ванныярар* (варгане) или же играет в мяч.

Поздно вечером с наступлением темноты не видно ни единого огонька – входы и другие щели всех яранг тщательно закрыты. Только слышны мягкий, рокочущий на низкой ноте звук *ярара* с перезвоном бубенцов и негромкая песня шамана, успокаивающая, усыпляющая и исцеляющая уставших обитателей стойбища. Это проводят обряд *Мн'ин* – праздник шаманов и проба сил молодых предсказателей людских судеб. Обитатели стойбища в танце идут вокруг очага под одобрительные возгласы (*ооу-эй*) мудрых старейшин (*пэлкылъын*). Обычная картина обряда – закрытый вход яранги, суженный дымоход, тлеющий костерок, в который подкладывают предварительно смоченный мох, чтобы сильнее дымился, и склонившийся к оленьей лопатке предсказатель. Сквозь густой дым в яранге проступают неясные очертания собравшихся и такие же неясные судьбы людские в будущем. Слезающиеся глаза и тела, склонившиеся от приступов кашля, вызванных дымом, создают впечатление покорности собравшихся.

Ровный негромкий, но мощный рокот бубна слышен далеко, за много километров, словно кукование кукушки. Этот звук бубна шамана распрямляет спины согбённых, успокаивает души слабых.

Мн'ин проводится обычно с конца октября до начала января. Ещё В.Г. Богораз отмечал, что время праздника *Мн'ин* (*Мн'эыргын*) не определено, но, следуя традиции, каждая семья справляла его, по крайней мере, один-два раза в год. Всякая неожиданная добыча ценного зверя, удача в каком-либо деле, на охоте, в торговле, даже рубка берёзы для нарт или древков копий могут служить поводом к проведению этого праздника. Праздники благодарения и все виды состязаний называются, согласно Богоразу, «сонные отклики», потому что указания относительно времени и деталей проведения праздника люди часто получают во сне.

Сентябрь. Э'йн'эйылгын — «Месяц гона быков-производителей»

Название месяца произошло от слова *э'йн'эк*, что буквально означает «кричать, издавать звуки», так говорят о времени гона. Олени-самцы старше одного года — молчаливые животные, лишь раз в год во время гона быки-производители «хоркают», т.е. издают особые звуки, отличные от звуков важенок, подзывающих телят, а также телят, ищущих важенок. В исключительных случаях уже взрослый бык-производитель или кастрат грубым, но телячьим звуком подзывает свою мать и, найдя её, вместе со своим младшим братом или сестрой послушно следует за матерью. Такого оленя чукчи называют *левмылев*.

Великолепно сложенный красавец бык-производитель на фоне меркнувших красок осенней природы радует глаз оленевода. Стадо уходит на малый осенний маршрут, *н'аргарк'аальат*, название которого происходит от слова *н'эрык* (см. раздел «Август»).

Для оленевода это очень ответственный период. Во-первых, надо хорошо провести гон, во-вторых, нужно обеспечить регулярный водопой оленей, выбрав правильный маршрут, ведь уже начинают замерзать озёра и лужи.

В это время женщины могут похвастать вновь сшитым покрытием для яранги (*рэтэм*), пологом (*налгырон*), а старики — новыми нартами. Конечно же, это подготовка к предстоящей долгой зиме, когда будут очень кстати новые тёплые жилища и новые нарты, на которых без всяких проблем можно везти скарб оленевода туда, куда движется стадо: на более доступные и ещё не тронутые пастбища. Ведь все мысли и действия оленевода направлены на то, чтобы накормить и сохранить оленей.

Октябрь. Гытгай'элгын — «Месяц поздней осени, или осенний месяц»

Появляются забереги на речках, выпадает первый устойчивый снег. Высшим существ-

вам приносят в жертву оленя для того, чтобы зимовка прошла благополучно.

Начинается массовое передвижение стад к предполагаемым местам зимовки.

Ноябрь. Вэлкытэплё — «Месяц гнилого снежного барана»

Вэлкытэп переводится как «гнилой снежный баран», *лё* — от слова *лёлё* (пенис), которое наши предки деликатно не договаривали. В этот месяц неустойчивой погоды (то жестокий мороз, то внезапная оттепель), начинается гон снежных баранов, потому название месяца — ёмкое понятие, которое означает и биологический цикл животного, и погодные условия.

Старые оленеводы — очень наблюдательные люди, хорошо понимающие поведение животных. Изучив рисунок на лопатке оленя во время гадания, они могут предсказать погоду, и, соответственно, дают возможность заранее наметить маршрут, по которому пойдёт стадо. Однако долгосрочный прогноз погоды, как и врачевание, — дело шамана (*эн'эн'ылъын*). Чукчи верили, что слова и действия *эн'эн'ылъын* приносят здоровье роду и благополучие оленям, от этих слов зависят количество и качество стад. Поэтому, на основе рекомендаций *эн'эн'ылъын*, после предварительной разведки стадо немедленно перегоняют в места зимовки. Длинные вереницы караванов (*муурил*) движутся вслед за стадом.

Декабрь. Атгылэкэ — «Сутки без дневного света»

Олень, который в течение лета и осени правильно кормился и обильно пил воду, к декабрю достигает наивысшей упитанности. Тому оленеводу, который «составил» и осуществил «сбалансированное» кормление животных в течение многих лет, народ присваивает звание *инэнрэн'ув*, и его слава передается от поколения к поколению.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЫЧАЕ «ДОБРОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ»

После установления на Крайнем Северо-Востоке советской власти государственным работникам, общественным и партийным организациям, органам прокуратуры и суда пришлось столкнуться с рядом положений обычного права народов Чукотки, исполнение которых местным населением, с точки зрения советского уголовного права, относилось к уголовно наказуемым деяниям.

Особенно сложным и общественно значимым был обычай «добровольной смерти» (*ченэтым илвену инэлгин* – «диким оленем считай меня»), который применялся к больным или престарелым, не желающим обременять собой своих близких, и совершался по их просьбе.

Прежде чем перейти к рассмотрению методов правовой борьбы советской власти с обычаем «добровольной смерти», который советское уголовное законодательство отождествляет с убийством без отягчающих обстоятельств (ст. 137 УК РСФСР 1926 г. и ст. 103 УК РСФСР 1960 г.), рассмотрим ряд исторических документов и случаев, в которых раскрывается природа данного обычая.

Упоминания о нём встречаются уже у первых исследователей Крайнего Северо-Востока Азии. Так, в дневниках капитана Биллингса говорится, что чукотскую женщину, пожелавшую умереть, закололи ножом¹. Спустя сто с лишним лет Н. Ф. Калинин (1912. С. 86–87) отмечал у чукчей обычай убивать тех, кому жизнь становится в тягость. Исследователь подчеркивает добровольный характер этой смерти:

«Никогда предложение умереть не исходит от остальных членов семьи. Всегда решивший покончить свои земные счета просит смерти у сыновей или ближайших родственников сам, по собственному убеж-

дению. Я знаю три таких случая. В каждом из них родственники уговаривали самоубийцу, упрашивали продолжать жить с ними, доходили до ссоры, и только после того, как убеждались, что это бесповоротное решение, убивали его. В двух случаях смерть была через удушение ремнём, причем жена держала голову на коленях, а сыновья тянули за концы петли.

Третий случай, <...> убийство своей больной жены, которую муж застрелил из ружья. Она была больна несколько лет и постоянно просила мужа прекратить её страдания. Тот долго крепился, наконец сдался, застрелил её из новоприобретенного ружья, отвез труп в поле, оставил там вместе с орудием смерти, и долго потом тосковал по погибшей».

Как свидетельствует Ф. Матюшкин, во время эпидемии 1814 г. в селе Островное по указанию шаманов был принесён в жертву разгневанным духам старшина Кочен, который добровольно согласился умереть ради спасения остальных (Врангель, 1848. С. 182). Но к этому следует отнестись с некоторой долей сомнения, ибо незнание Матюшкиным чукотского языка могло привести к искажению существа данного факта. Возможно, над Коченом был исполнен обычай «добровольной смерти» согласно просьбе последнего. Тем более, других указаний на характер самопожертвования во имя определённых целей при исполнении обычая «добровольной смерти» в литературе не обнаружено.

Там же Матюшкин сообщает: «...Сохранилось у них... обыкновение... убивать стариков, которые не в состоянии переносить трудность кочевой жизни. Два года назад отец старшины Валетки, наскуча жизнью и чувствуя себя слабым, по собственному настоятельному требованию был зарезан сво-

ими ближайшими родственниками, которые при сём действии исполнили, по их мнению, священную обязанность. Сей ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый шаманами...».

Последнее замечание соответствовало действительности и в период советизации Чукотки, когда представителям советской власти пришлось столкнуться с сильным противодействием шаманов.

Интересный случай приводит писатель Т. Сёмушкин (1955. С. 215–227). Уполномоченный Ревкома Лось узнаёт о том, что старик Умкатаген будет удушён собственным сыном. У старика долго болела нога и, чтобы не быть семье в тягость, он решил «отправиться к верхним людям». Чукчи сильно удивились тому, что Лось запретил душить Умкатагена, и никак не могли понять, почему надо отказывать старику в последней просьбе, тем более что Умкатаген был хорошим человеком. Энергичное, буквально физическое вмешательство уполномоченного Ревкома спасло старика. Но в этом вмешательстве было так много необычного, что даже шаман, руководивший приведением в исполнение обряда «добровольной смерти», растерялся. Он пошёл на компромисс и предложил сменить старику имя, чтобы Келе (злой дух) не узнал Умкатагена.

Весьма подробно описывает обычай «добровольной смерти» В.Г. Богораз, который отводит этому обычаю отдельную главу. «Добровольная смерть – обычное явление среди чукоч. Человек, желающий умереть, заявляет об этом другу или родственнику, и тот должен исполнить его просьбу» (Богораз, 1934. С. 106).

Богораз утверждает, что в некоторых чукотских семьях склонность к добровольной смерти является в какой-то степени наследственной (Там же. С. 108). Он приводит термин, выражающий понятие «добровольной смерти», – *веретгыргын* (поединок). «Человек, желающий умереть добровольной смертью, иногда говорит: «Давайте биться» или «Теперь я стал для тебя диким оленем». Обе эти формулы выражают желание быть

убитым» (Там же. С. 108). После произнесения вслух такой фразы уже невозможно отказаться от намерения умереть, ибо услышавшие об этом духи будут рассержены и станут мстить.

Обычай «добровольной смерти» приводился в исполнение тремя способами: ударом ножа или копья, о чем сообщают Биллингс (1952) и Богораз (1934); удушением ремнём (Калинников, 1912; Богораз, 1934), выстрелом из ружья (Калинников, 1912). Наиболее распространённым способом, по крайней мере, по материалам судебной практики советского времени, являлось удушение ремнём, при котором два человека тянут концы петли в разные стороны.

Зачастую желание умереть от руки друга или родственника было продиктовано убеждением чукчей в том, что насильственная смерть лучше, чем смерть от болезни или старости, так как последняя считается смертью, вызванной злыми духами. По чукотским верованиям, тем, кто умер добровольной смертью, предоставляются лучшие места для обитания на том свете. В своей работе Богораз отмечает, что поводом к исполнению этого обычая служит не плохое отношение родственников к старикам и больным, а тяжёлые условия их жизни.

Именно это следует признать основной причиной существования жестокого обычая, ибо с установлением на Чукотке советской власти, с развертыванием в округе сети больниц и домов для инвалидов и престарелых, число случаев «добровольной смерти» стало резко сокращаться, и в настоящее время не имеет места, поскольку исчезла социальная почва для существования этого обычая².

Правовой анализ обычая «добровольной смерти» свидетельствует о том, что существование его было определено крайне тяжёлыми экономическими условиями жизни чукотского народа. Постоянные кочёвки в поисках корма для оленей, полуголодное ожидание береговых чукчей подхода моржей, ведение натурального хозяйства, способного обеспечить людей лишь самым необходимым, всё это укрепляло существование

ряда институтов обычного права. С позиций советского уголовного права, многие традиционные обычаи считались преступлениями: обычай «добровольной смерти» – убийством без отягощающих обстоятельств, «пастушество за жену» – разновидностью выплаты калыма и т. п.

При изучении практики борьбы с такого вида преступлениями следует иметь в виду, что советизация Чукотки в силу географических и ряда других условий шла медленнее, нежели в других районах Крайнего Севера. По свидетельству председателя Чукотского окрисполкома³ Тевлянто, во многих тундровых советах засели богатые оленеводы, шаманы, которые препятствовали проникновению советских уполномоченных в глубь тундры, срывали выборы Советов, протаскивали в них антисоветские решения (Работа кочевых советов..., 1932). И если на побережье создавались культбазы, росли посёлки, то в глубине тундры, в горах, советская власть многие годы существовала номинально, а коллективизация на Чукотке была закончена лишь в 1952 г.

Рассмотрим несколько конкретных случаев следственной и судебной практики, связанных с обычаем «добровольной смерти».

В 1940 г. оленевод Эттувье из стойбища Энурмино задушил своего отца. Как явствует из обвинительного заключения (Наблюдательное производство по уголовному делу № 1383), отец Эттувье обратился к сыну с просьбой отправить его к «верхним людям», так как чувствовал себя слабым и немощным. Выполняя волю отца, Эттувье набросил старику на шею *чаат* (ременный аркан). За один конец тянул сам Эттувье, а за второй его младший брат (листы дела 7, 12, 14). На предварительном следствии обвиняемый показал, что не хотел убивать отца, но тот очень просил его. Кроме того, Эттувье утверждал, что шаман Кытльлен санкционировал смерть старика и весь обряд совершался в соответствии с принятым у них обычаем (листы дела 9, 21).

Преступление, совершённое Эттувье, было квалифицировано следственными органами

и судом по ст. 137 УК РСФСР 1926 г. как убийство без отягощающих обстоятельств. Вместе с Эттувье к уголовной ответственности привлекался его младший брат Келекут как пособник и шаман Кытльлен как подстрекатель.

Народный суд Чукотского района рассмотрел уголовное дело по обвинению вышеуказанных лиц в убийстве старика Кутылина и признал Эттувье и Келекута виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 137 УК РСФСР 1926 г. Суд приговорил Эттувье к трём годам, а Келекута к одному году лишения свободы. Но, учитывая особый характер совершенного ими преступления, являющегося одним из пережитков родового строя, суд признал, что степень социальной опасности осуждённых не требует их обязательной изоляции, и постановил применить к Эттувье и Келекуту условное осуждение в соответствии со ст. 53 УК РСФСР 1926 г.

Что касается шамана Кытльлена, то суд не усмотрел подстрекательства в его поведении, выразившимся в простом согласии с принятым решением Эттувье, и поэтому не нашёл в его действиях состава преступления.

Народный суд в частном определении обратил внимание органов прокуратуры, милиции и местных советов на недостаточную разъяснительную работу среди местного населения, которую они обязаны проводить, и, ориентируя их на недопущение подобных случаев, подчеркнул необходимость борьбы с влиянием шаманов и разъяснения чукчам того, что советские законы запрещают обычай «добровольной смерти».

В августе 1951 г. в прокуратуру Анадырского района поступило сообщение о том, что Сергей Лятыргин, член сельхозартели «Знамя Победы», в мае задушил свою больную жену с помощью соседа по стойбищу Пепеу.

На место происшествия для проведения следствия выехал прокурор района. Но эксгумация трупа ничего существенного для предварительного следствия не дала, так как от трупа осталось всего несколько костей.

Сами преступники совершенно не скрывали содеянного, и показания их позволяют восстановить картину совершения данного акта.

Тынеут, жена Лятыргина, страдала тяжёлым недугом и явно тяготилась своим положением. В больницу лечь она не хотела, поскольку не верила в возможность выздоровления. Как следует из свидетельских показаний и допроса обвиняемого, в конце мая, после проведения отёла стаду надо было кочевать на летние пастбища. Тынеут потребовала исполнить над ней обряд «добровольной смерти», ведь во время кочёвки она будет лишь мешать пастухам.

Лятыргин уговаривал жену не уходить из жизни, предлагал вызвать из села Мухоморное фельдшера. Тынеут отвергла его предложение: «Сейчас реки разлились. Ты не пройдёшь. Да уж кочевать вам надо. И фельдшер мне не поможет» (Листы дела 16, 19, 23⁴).

Наконец, Лятыргин сдался на её уговоры. Вечером поужинал с женой, выпил чаю и пригласил в качестве помощника соседа по стойбищу Пепеу. Вдвоем с ним задушили Тынеут ременной петлей. На нарте, запряжённой двумя оленями, отвезли труп на вершину сопки, закололи оленей, их мясом обложили мертвую Тынеут. Затем завалили все камнями. Нарту разрубили на мелкие части и оставили здесь же. После таких почётных похорон стойбище стало кочевать к летним пастбищам.

На предварительном следствии и в суде ни Лятыргин, ни Пепеу, привлечённый к уголовной ответственности за соучастие в форме пособничества, не скрывали содеянного и подробно рассказали о совершённом ими преступлении, заявляя, что «они знали, что у них так всегда поступали», что «человек ведь сам просит о смерти».

Во всех подобных случаях суд, рассматривая дело и вынося по нему решение, исходил из того, что незнание советских законов не освобождает от ответственности за совершённое преступление. Однако при определении меры наказания судьи учитывали существование сложившихся обычаев у жи-

телей тундры, их юридическое невежество и применяли к ним санкции ниже низшего предела или условные меры наказания, т.е. ст. 51 и ст. 53 УК РСФСР 1926 г.

Как правило, суд разбирал подобные дела непосредственно в тундре, разъясняя одновременно оленеводам правовую политику советского государства. Это имело большое положительное значение.

В частности, преступление, совершённое Лятыргиним и Пепеу, рассматривалось Чукотским окружным судом непосредственно в местах кочевья оленеводческих бригад, как и дело пастуха Коровье из того же колхоза «Знамя Победы», задушившего в Мухоморенской тундре своего престарелого отца в феврале 1951 г.

Все эти деяния квалифицировались как убийство без отягчающих обстоятельств, в соответствии со ст. 137 УК РСФСР 1926 г., и виновные приговаривались к различным срокам лишения свободы в пределах санкции статьи. Мера наказания определялась судом условно.

В последующий период суд, принимая во внимание возросшую сознательность местного населения, перешёл от практики условного осуждения к назначению меры наказания, связанной с содержанием в исправительно-трудовых учреждениях. Но при квалификации преступления по-прежнему учитывалось существование обычая «добровольной смерти», случаи которого довольно редки, но всё же имеют место.

Так, в 1961 г. в селе Аккани Чукотского района колхозник Чантытагин убил выстрелом из винтовки своего отца Чульхе. Прокуратура Чукотского района квалифицировала деяние Чантытагина по ст. 102, п. «б» УК РСФСР 1960 г. (убийство из хулиганских побуждений). Выездная сессия судебной коллегии по уголовным делам Магаданского облсуда установила, что Чантытагин убил отца по просьбе последнего, и пере-квалифицировала преступление по ст. 103 УК РСФСР как убийство без отягчающих обстоятельств. Чантытагин был приговорен к пяти годам лишения свободы (Архив Ма-

гаданского областного суда, дело № 4464, архивный № 2-59).

Таким образом, советское уголовное право дифференцировано решало вопросы борьбы с обычаем «добровольной смерти» — суды обычно ограничивались условным наказанием в период становления советской государственности. По мере формирования у местного населения социалистического правосознания наказание за подобные деяния усиливалось, хотя разъяснительная и воспитательная работа по-прежнему, и даже в большей степени составляла неотъемлемую функцию органов правосудия.

Необходимо показать, как менялось отношение местного населения к запрещению исполнять обычай «добровольной смерти». Если в 1920–1930-е гг. вмешательство властей вызывало у чукчей недоумение, граничащее с возмущением, то в последующие годы в сознании местного населения укрепляется понимание противоправности указанного деяния, его социальная нетерпимость и уголовная наказуемость.

Пятидесятилетний оленевод Чуванского отделения совхоза «Марковский» Анадырского района Нотто рассказал мне в сентябре 1961 г.:

«В 1935 году отец моего отца, Кеутувги, попросил отправить его к «верхним людям». Мой отец приказал мне помогать душить старика. В стойбище тогда находился учитель. Он не дал нам душить Кеутувги. Учитель долго рассказывал о том, что «верхних людей» нет, что убивать стариков нельзя, что советская власть запрещает их убивать. Потом я два года учился на курсах. Понял,

что никакие лучшие пастбища не ждут тех, кто принимает смерть добровольно...»

Большое воспитательное значение приобретали выездные сессии народных судов, разбиравшие конкретные дела непосредственно в стойбищах. Как правило, при рассмотрении преступления оба народных заседателя в состав суда назначались из местного населения. Строго соблюдался принцип ведения судопроизводства на языке, понятном обвиняемым. Председательствующий вел судебное следствие в простой, доступной присутствующим, форме.

Тымнелкот, пастух колхоза им. Первого ревкома Чукотки Анадырского района, рассказал мне в 1962 г. свою историю:

«Приехали в стойбище люди, стали судить Гырголькау. Зачем он отправил к «верхним людям» больного отца? Мы были недовольны. Зачем нам не дают исполнить обычай? Начали судить. Три человека. Судья и два чукчи. Одного хорошо знаю, Рольтыргин звали. Говорю: «Как судить своих можешь? Все предки наши такой обычай знали». Рольтыргин говорит мне: «Глупый ты человек. Никаких «верхних людей» нет. Не слушать надо шамана, а гнать надо бездельника. Отца Гырголькау лечить было надо. У нас в районе врачи есть, умные люди, лечить умеют. А вы шамана слушали. Глупые вы люди».

А потом я сам заболел. Ходить не мог. Просил меня к «верхним людям» отправить. Приехал доктор русский, в больнице я долго лежал. Сейчас бегаю, как молодой олень. Вот уже двадцать зим прошло, как бегаю. К «верхним людям» совсем не хочу. Правильно говорил Рольтыргин...».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «25 [ноября]. Поутру услышали, что поблизости их стана в одной чукотской палатке случилось странное происшествие: одна старуха, будучи больна, и в последние два дни не могла уже действовать руками, которые отнялись у ней по самые плеча. Тогда она, не почитая себя к чему-нибудь полезною и боясь быть в тягость своим родным, решила лучше умереть, почему и просила лишить её жизни. Желание больной было исполне-

но, и в то же время закололи её ножом против самого сердца, потом связали ремнями, оставя в том же платье, в каком была; положили на санки, подостлав под головы сухих ивовых ветвей; привязали к ней ножик, кроильную дощечку и иголки с нитками; повезли её на верх ближней горы, где и сожгли её со всем при ней бывшим». (Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога // Г.А. Сарычев. Путешествие по Севе-

ро-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Географгиз, 1952. С. 254–255.

²Обычай добровольной смерти у коренных народов Севера гораздо шире, чем практика убийства близкими своих больных родственников по их же просьбе. К добровольной смерти в виде самоубийства нередко прибегают совершенно здоровые люди, попавшие в сложные жизненные ситуации и не могущие их преодолеть. Обычно они стреляются или вешаются. В основе добровольного ухода из жизни лежит вера в реинкарнацию. «Правильно ушедший» обязательно вернётся в ком-либо из вновь родившихся, родным нужно только угадать, кто «пришёл» с новорождённым. Поэтому коренные жители не говорят «он умер», а сообщают: «он ушёл» или «он уснул».

Самоубийство как способ решения трудных проблем до сих пор практикуется народами не только Чукотки, но и других полярных регионов; особенно много самоубийств отмечено среди молодых мужчин, принадлежащих к коренному населению Чукотки, Аляски, Канады. Исследователи связывают это явление с социальной дезадаптацией молодых людей, не умеющих или не желающих приспосабливаться к требованиям доминирующего общества и не находящих своего места в современной жизни.

³Окрисполком – Окружной исполнительный комитет Совета народных депутатов Чукотского автономного (до 1980 г. – национального) округа – высший орган исполнительной власти Чукотки в советское время.

⁴Автор не указал архивный источник по данному уголовному делу.

Прим. Л. Богословской

ЛИТЕРАТУРА

• Архив Магаданского областного суда. Дело № 4464. Архивный № 2-59.

• Архив Магаданского областного суда. Наблюдательное производство по уголовному делу № 1383.

• *Богораз В.Г.* Чукчи. Часть 1. Социальная организация. / Авт. пер. с англ. Л.: Научно-исследовательская ассоциация Ин-та народов Севера, 1934. С. 106–112.

• *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. СПб, 1848. С. 82.

• *Калинников Н.Ф.* Наш Крайний Северо-Восток. 1912. С. 86–87.

• Работа кочевых советов в Чукотском национальном округе // *Тайга и тундра*. Л. 1932. №1.

• *Сёмушкин Т.* Алитет уходит в горы. М.: Госхудлит, 1955. С. 215–221.

ОБРЯД ПОГРЕБАЛЬНОГО СОЖЖЕНИЯ У ВАЕЖСКИХ ЧУКЧЕЙ

Древний обряд погребального сожжения сохранился у ваежских чукчей до наших дней. Этот обряд мне удалось наблюдать и описать в мае 2001 г. и 2003 г.

Анализ археологических материалов Усть-бельского могильника позволил Н.Н. Дикову (1979) предположить, что около двух–трёх тысяч лет назад обычай частичного или полного сожжения умерших существовал и в более северных районах.

Легенда о смерти

В давние времена, когда *Тынантомгын* (Создатель, Творец) жил среди людей, смерти не существовало. Живущие в этом мире по пришествию старости (*нытэрк'инет*) меняли свою оболочку на новую и вновь становились молодыми. Но однажды люди убили сына *Тынантомгына*. Отец безуспешно искал сына. Как-то раз он сидел на краю оврага, и с головы его спустился паук (по-чукотски паук женского рода – *эпэпэк'эй*, т.е. бабушка или прапрабабушка). *Тынантомгын*, выругавшись, стряхнул её. Паучок сказала:

– Я думала, что я тебе принесла весть, но ты отгоняешь меня.

– А что ты знаешь? – спросил *Тынантомгын*.

– Знаю, что твой сын находится в «верхнем мире».

– А что такое «верхний мир»?

– Там, ты увидишь мою паутину, я спустилась с неё, там, где Полярная звезда¹.

– Как мне туда попасть?

– Поднимись по моей паутинке.

Тынантомгын поднялся и увидел своего сына, спросил:

– Что ты здесь делаешь? Я тебя уже долго ищу.

– Меня же убили (*нанмыгым*)*

* От слова *тымык* – «убить»; см. далее восклицание *Тынантомгына* от этого же корня «*Тым... Тым... Тым...*» Прим. авт.

– А что такое убили?

– Так, просто убили.

– Собирайся, пойдём обратно.

– Не могу, меня же убили.

– Ты так и будешь здесь существовать?

– Да. Я же не могу вернуться обратно.

– Тогда я приду к тебе, в твой мир, только заберу твоих братьев и сестер.

Тынантомгын спустился в «нижний мир» за своей семьёй и прежде, чем подняться наверх, сказал людям: «Вы хотели этого, теперь получите то, что хотели. *Тым... Тым... Тым...*»

С этой поры на земле есть смерть от старости, от болезней и убийств.

Одежда и утварь для перехода в иной мир

Обычно ещё задолго до смерти шьётся красивая погребальная одежда. Она должна быть сделана только из шкуры оленя. По поверью, например, если кухлянка сшита из шкуры снежного барана, обитающего в скалистых местах, то в «другом мире» покойному предстоят бесконечные странствия среди скал, о которые его будет бить. *Этъычк'ын* (подол) должен быть оторочен белым мехом собаки-суки. Для женщины на капюшон *кемллиюн* (праздничной женской камлейки, крашенной ольховой корой в кирпичный цвет) нашивают густую опушку из того же меха. Мужчину обряжают в мужскую кух-

лянку, на голову надевают шапку задом наперёд так, чтобы густая собачья опушка, которая в обычной жизни защищает шею от холода, закрывала лицо.

Некоторые молодые люди, коренные жители села, иногда говорят: «Когда разучимся шить одежду, наверное, нас будут хоронить (сжигать) в европейской одежде».

На солнечное сплетение покойного кладут камень, на живот — вещи, необходимые в «другом мире», маленькие, как бы модели, — *тэвр* (тренога, символизирующая жилище), *пойгын* (копье: специально сделанное маленькое копье или настоящее, но с отпиленным древком), нож, чашку, иголку, напёрсток и другие мелкие вещи.

Между этим миром и миром умерших живет «собачий народ», который может не пропустить переходящего в «другой мир». Если человек при жизни был добр к собакам, то его собаки сообщают об этом «собачьему народу», и умершего беспрепятственно пропускают. Если же человек при жизни относился к собакам плохо, то, переходя в «другой мир», он отбивается от собак или задабривает их едой. Поэтому в мешочек размером не больше напёрстка кладут крохотные кусочки еды, необходимые в пути для задабривания «собачьего народа». Но если это не получилось, то для того, чтобы умерший мог отбиться от «собачьего народа», изготавливают маленькую собакоотгонялку (*этъынтавельгын*) — деревянный предмет в виде креста, напоминающий детский бумеранг.

Ритуалы перед сожжением

Умирая, человек переходит в «другой мир»; даже молодые ваежские чукчи твердо верят в это. Умершего кладут головой к выходу на расстеленную на полу мездрой вверх невыделанную оленью шкуру, от которой ещё не отрезали камус*. Покойника

* Шкура с ног копытных (олени, лося и др.) отличающаяся большой прочностью. *Прим. ред.*

раздевают. Если это женщина — ей расплетают косы. Руки кладут вдоль туловища и покойного с головой накрывают тканью.

У изголовья ставят пустую банку, чайник с водой, чуть дальше — столик с едой. Входящие подходят к столику, отламывают небольшие кусочки еды и кладут в банку. Туда же отливают немного воды из чайника и отпивают глоток воды. Возможно, это означает последнюю совместную трапезу с покойным. При желании вошедший после этого обряда приступает к трапезе. Еды готовят много. Женщины заняты стряпнёй, в обязанности мужчин входит заготовка дров, поднос воды. Грустить нельзя, и поэтому свободные от хозяйственных дел играют в шашки, шахматы, карты, беседуют.

Старики сидят по обе стороны покойного и тихо говорят между собой. Если погребальная одежда не была приготовлена заранее, то её шьют тут же. Также плетут длинный жгут из травы, которую используют для стелек торбасов. Всё это кладут в ноги покойного.

Родственники покойного не должны оставаться в одиночестве, и, куда бы они ни отлучались, их сопровождают.

В день похорон недалеко от жилья складывают охапку ольховых веток. Женщины одевают покойника в одежды таким образом, чтобы при этом полностью не раскрывать части тела. Фактически, покойник всё время скрыт от взора людей. Лицо его закрыто густой опушкой капюшона или шапки, одетой задом наперёд, и стянуто завязками, пришитыми к капюшону или к шапке по бокам клапанов.

Мужчины тонким сыромятным ремешком (*нелгилгын*) длиной около 7 м обвязывают тело покойного. Петлю одевают на шею, затем последовательно обвязывают плечи, локти, кисти, колени, голеностопные суставы. Оставшийся конец ремня вяжут в узелки: первый означает самого покойного, второй — оленей, далее — по числу ближайших родственников. Затем ремень с «оленьями» и «ближайшими родственниками» срезается, и при покойнике остается лишь узелок, озна-

Тропою Богораза

чающий его самого. Срезанный конец сохраняют, возможно, как амулет-оберег.

Перед выносом покойного все садятся за трапезу. Мужчины выносят тело на той же шкуре, где оно лежало. Одна из старушек несёт вслед баночку с кусочками еды, которая стояла у изголовья покойного. Одновременно с выносом тела в жилище заводят собаку, желательно, суку, которая с этого момента является «охранителем» семьи покойного.

Сожжение

Для сожжения покойника обычно выбирают открытое место – холм или какую-нибудь возвышенность. Чукчи, которые уже не кочуют и живут в посёлке, везут покойного родственника на родовое место, захватив с собой заранее заготовленные ветки ольхи. На вопрос «Почему именно ольха служит для этой цели?», старые люди отвечают, что при сотворении мира *Тынантомгын* сделал людей из ольхи.

На месте мужчины заготавливают дрова для кострища (около 3 м³), в это время женщины разжигают костер и кипятят воду для чаепития.

Прежде чем ставить кострище, кладут два хлыста (лиственницы или кедрового стланика) длиной около 3 м параллельно друг другу на расстоянии 2 м, ориентируя их по направлению восток–запад. Подходит *Гыттэпычъын* («Старейший», «Умнейший») и проводит обряд *нытаралк'ан'ынвык'ен* («делание места для жилища»).

Из бревен выкладывают условный периметр кострища. *Рорат** разрезается вдоль на две части, и каждую половину кладут под разные бревна с внутренней стороны. В центре, головой на запад, выкладывают фигуру из пяти камней, размером с куриное яйцо, их заранее собирают возле жилища, отку-

да выносят покойного. Первый камень обозначает голову и, соответственно, указывает на запад, на некотором расстоянии кладут к востоку два камня, которые обозначают плечи, далее к востоку – один камень, обозначающий позвоночник, и затем крайними с восточной стороны кладут два камня, обозначающие тазобедренные суставы. В центр помещают маленькую треногу (*тэвр*) которая лежала у покойного на груди².

Затем пространство, огороженное бревнами, закладывается дровами, и кострище-помост приобретает вид сильно усечённой пирамиды. Внизу – сырые более толстые бревна, затем сырые более тонкие бревна вперемежку с сушняком.

Усопшего снимают со шкуры и кладут на кострище головой на запад, лицом вверх (фото IV-10). На кострище-помост поднимается *Рыратколъын* («Вспарывающая», «Разрезающая») – женщина, одетая в камлейку, обвязанная заранее приготовленным жгутом из травы в форме длинной косы (см. выше) так, чтобы лицо и передняя часть тела *Рыратколъын* были закрыты, как у врача в маске и халате. Взяв с груди покойного нож, предназначенный ему для «жизни в другом мире», она разрезает ремень, которым было обвязано тело покойного, потом его одежду, затем – сухожилия конечностей, вскрывает внутренности (согласно обычаю, нужно узнать причину смерти, если человек умер от болезни, иначе эта болезнь будет преследовать и потомков). Крикнув вороном «кукх-кукх!», она заканчивает процедуру, после чего с неё срывают камлейку-«халат», травяной жгут-«маску» и бросают эти вещи на кострище.

Затем все участники церемонии с заранее приготовленными сухими ветками со всех сторон подходят к кострищу и поджигают его спичками из новой, ни разу не использованной, коробки. Эту коробку с оставшимися спичками бросают в кострище и, крикнув вороном «кукх-кукх!», отходят. Кострище быстро разгорается, и тогда в него кладут шкуру, на которой лежал усопший.

За кремацией тщательно следят (фото IV-11). Для активного горения кострище

*Рорат – колбаса из слепой кишки оленя, набитой нутряным жиром, традиционно используется для обрядов жертвоприношения и олицетворяет оленя. *Прим. авт.*

ворошат специальными длинными жердями (*иненвиненет*), их сжигают в конце церемонии.

У чукчей не положено грустить, когда умирает человек (если грустят, то и усопший грустит о «покинутом» мире и долго не может обрести покой), поэтому на месте захоронения все, кто хочет, принимают участие в играх. Желающие играть в мяч разбиваются на две команды, мужскую и женскую, отнимают мяч друг у друга, как это происходит в регби, с элементами борьбы и перебрасывания мяча членам своей команды. Зрители смеются, поддерживают каждый свою команду, хвалят ловкость участников игры и, независимо от количества участников, могут включаться в игру. Уставшие игроки подходят к отдельному костру, где они могут попить чаю и поесть. Игру в мяч могут сменить другой (чехарда, борьба и т.п.).

Часто можно видеть, как загрузившие родственники, глядя на играющих и смеющихся людей, включаются в игру и искренне веселятся. Старики в это время сидят у костра, где готовилась пища, пьют чай, беседуют.

Когда кремация подходит к концу, вокруг кострища кладут ольховые ветки, которые привезли с собой, как бы отгораживая «мир умершего» от «мира живых». Все присутствующие на церемонии, не переступая через импровизированную ограду из ольховых веток, идут вокруг кострища по ходу солнца. Пройдя круг и вскрикнув вороном «кукх-кукх!», идут к *Ръэтыннматылин* («Закрывающему путь»). Это обычно один из стариков, он обмахивает проходящих ольховой веткой и пропускает между двумя ольховыми ветками, лежащими на земле на некотором расстоянии друг от друга. Когда все пройдут, лежащие на земле ветки смыкаются, образуя *Отреннываамийнын* («Большая непроходимая река среди густого леса»), она разграничивает «миры» живых и мёртвых.

Некоторые старики рассказывают, что раньше, когда проходили вокруг покойного, подражали стае волков (*эгъё*). Так же шли друг за другом, по ходу солнца, но, подходя к *Ръэтыннматылын*, падали на землю

и крутились на снегу, словно сытые волки. А далее обряд проходил, как и описано выше, — создавалась «Большая непроходимая река». Возможно, этот обряд отличается некоторыми элементами у представителей разных чукотских родов.

Когда участники церемонии возвращаются в жилище, откуда выносили усопшего, их встречают люди, которые оставались там и готовили трапезу для поминок. Двое у входа обмахивают входящих ветками ольхи; ещё один, пронося ковш с водой над головой входящего, сливает некоторое количество воды за его спиной. Таким образом, люди проходили двойной обряд очищения — на месте погребения и возле жилища.

Все садятся за общий стол. Если не хватает места, едят по очереди.

Ръэтыннматылын был в почете. После церемонии ему на кисть привязывают браслетик из двух бусин, нанизанных на оленью жилу. Две бусины означают мужское и женское начала. Браслет *Ръэтыннматылын*, не снимая, носит постоянно, пока он сам собой не теряется.

Ритуалы после сожжения

Ещё несколько дней родственников покойного не оставляют одних. На ночь у них всегда остаются люди, желательно старики.

В.Г. Богораз (1939. С.181) писал: «Все возможные предосторожности и предохранительные заклинания во время похорон происходят от воззрения чукоч на мертвых... Они говорят мне: «Умерший, пока лежит в шатре, совсем не опасен. Он становится злым только после того, как его вынесут в тундру. Оттуда он может вернуться уже духом...»

Защитой от духов служит и *элгыквын* (крупный округлый камень, которым дробят кости оленя, когда готовят костный жир), он всегда лежит у входа в жилище. По поверью, об этот камень разбиваются *келъэт* (злые духи). Там же стоит *тывичгын* (снеговывивалка — изогнутая палка для выбивания

снега из одежды). В первые дни после похорон эту палку на ночь ставят вертикально, а утром, когда просыпаются, кладут в горизонтальное положение. Этот предмет отождествляют с ночным охранником, ночью он дежурит, а днем спит.

Спустя два–три дня *Ръэтынныматылъын* собирает родственников усопшего, и они идут на место захоронения, где проводят обряд *Инелвет* («Задабривание»). За оградой из ольховых веток изнутри на определенное место, под куст или траву, кладут кусочки еды, ломают спичку и сигарету из непечатых коробок, патрон или пулю и прочие предметы, какие считают нужными³. Осматривают кострище, всё ли сгорело. Собирают в кучу угли, остатки дров.

Только через год на месте погребения совершают обряд *Нытарыннынкэнат* («Дела-

ние рогов») — забивают ездовых оленей с надетыми уздечками. Двух животных бьют одновременно, но не в сердце. Лёжа на земле, в агонии подергивая уздечками и двигая конечностями, олени как бы убегают в потусторонний мир.

У чукчей поминок как таковых не устраивали. Даже сейчас это не поощряется. Говорят, что не следует часто вспоминать покойного, тревожить его.

Проведение обряда сожжения не представляет технических трудностей для ваежских чукчей — они живут в лесотундре, и дров для кострища здесь всегда достаточно⁴. Известны случаи исполнения этого обряда и севернее, в анадырской тундре, например, в селе Снежном, однако, проводившие там обряд сожжения, были связаны родственными узами с ваежскими чукчами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹В чукотских мифах «*Тоттоммгаткен пын'ылтэ*» («Известия о начале творения») фигурирует *Тынантомгын* («Творец»). Живет он в Зените — *Гынонканоургын*. По представлениям чукчей, небесный свод имеет сферическую форму, подобно яранге, в самой высшей точке которой есть отверстие — *рыноургин*, через него видно небо с его светилами. Высшая точка небосвода — Полярная звезда — считается местом пребывания Творца» (Вдовин, 1976). Ваежские чукчи называют Полярную звезду *Илукиэн'ер* («Неподвижная звезда»), северные чукчи — *Унпэн'ер-Кол* («Гвоздь-звезда»). *Прим. авт.*

²Треноги являются основными деталями яранги: составляющая остов яранги, стоящая посередине, тренога, *тэвр* (длина ножки до 7 м), и вокруг этой треноги в зависимости от размеров яранги ставят нечётное число, до 11, треног меньших размеров — *варэт*. На них крепятся жерди — *утъымыт*. *Прим. авт.*

ЛИТЕРАТУРА

• Богданович К.И. Очерки Чукотского полуострова. СПб.: Типография Суворина, 1901.

• Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Л.: Главсевморпуть. 1939. Т. II.

• Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек

³«Со всеми культовыми объектами у чукчей, а равно и коряков, существовали определённые формы связей и расчетов. Они были просты, взяты из жизненной практики. И олицетворяемые объекты природы, и предки никаких услуг, никакой помощи безвозмездно не оказывали людям. За всё нужно платить кровавыми или бескровными жертвоприношениями, либо угощать пищей» (Вдовин, 1977, с. 117). *Прим. авт.*

⁴В 1979 г. на Чукотском полуострове был совершен традиционный обряд погребения утонувшего чукчи Андрея Аксау (село Янракыннот Провиденского района). После выполнения ритуалов, вскрытия грудной клетки и живота труп был оставлен в тундре на родовом месте; роль «костра» выполнили дикие животные. К.И. Богданович (1901. Табл. XIX) сфотографировал женский труп, оставленный невоскрытым после погребальных ритуалов в тундре Чукотского полуострова. *Прим. Л. Богословской.*

в религиозных представлениях народов Сибири и Севера / ред. И.С. Вдовин. Л., 1976. С. 217–253.

• Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Сб. Музея антропологии и этнографии, Л. 1977. XXXIII. С. 117–171.

• Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Востока Азии. М.: Наука, 1979.

26 МАСТЕЙ ОЛЕНЯ

Все чукотские названия мастей домашнего оленя даны В. Г. Богоразом по-английски. В авторизованном переводе этой книги на русский язык в 1991 г. была сохранена латинская транскрипция. Для удобства современного читателя Г. С. Дьячкова транскрибировала названия на кириллице с учётом особенностей фонетики и орфографии чукотского языка.

Г. Ранаврольтын

Домашний олень разнообразен по окраске. Он бывает от снежно-белого без пятен до тёмно-серого и орехово-коричневого (последняя окраска у туземцев называется чёрной). Наиболее тёмная окраска бывает после линьки, а наиболее светлая — весной, перед линькой. Оленьи телята темнее, чем взрослые олени, поэтому белые телята весьма ценятся. Чукчи различают следующие цвета оленьей шкуры, всего их 26:

Тэ'нувъэлы — «совершенно чёрный» (тёмно-коричневый).

Уургылыын — «чёрные кончики волоса шкуры».

Чеваро — «серый».

Элгычеваро — «серый с белым» или *илгылыу* — «луноликий» (поскольку белого цвета обычно морда).

Ы'пыргын — «желтоватые кончики волоса шкуры» (на коричневом фоне).

Уэ'леплылы — «чёрно-желтоватый» (несколько более светлый, чем предыдущий).

Ыплылы — «желтоватый» (на сером фоне).

Илгыплылы — «белесовато-жёлтый».

Чечгэ'нъя'кылгын — «под ногами сероватый» (светло-жёлтые пятна под ногами и в пахах, само тело коричневое).

Увъя'кылгын — «чёрный, под ногами сероватый» (такой же, как предыдущий, живот светло-серый, белое пятно на лбу).

Я'кылгын — «под ногами сероватый» (такой же, как предыдущий, коричневые части менее выражены).

Йигылгын — «белёсый» (с коричневой полосой по хребту).

Элгар — «песец».

Илгылылы — «белоглазый» (альбинос).*

Элвээк — «одна задняя нога в белом чулке» (туловище серое или коричневое).

Кэмгэкэм — «обе задние ноги в белых чулках».

И'ныт'кэ'ну — «кончик носа бело-коричневый».

Арэ'ка'но — «пах бело-коричневый».

Риччит'кэ'ну — «полоса бело-коричневая».

Кэ'ну — «бело-коричневый».

Май'ны'кэ'ну — «очень'кэ'ну» (т. е. больше белого, чем коричневого).

Кэлилыын — «пятнистый» (белые пятна на коричневом или сером фоне).

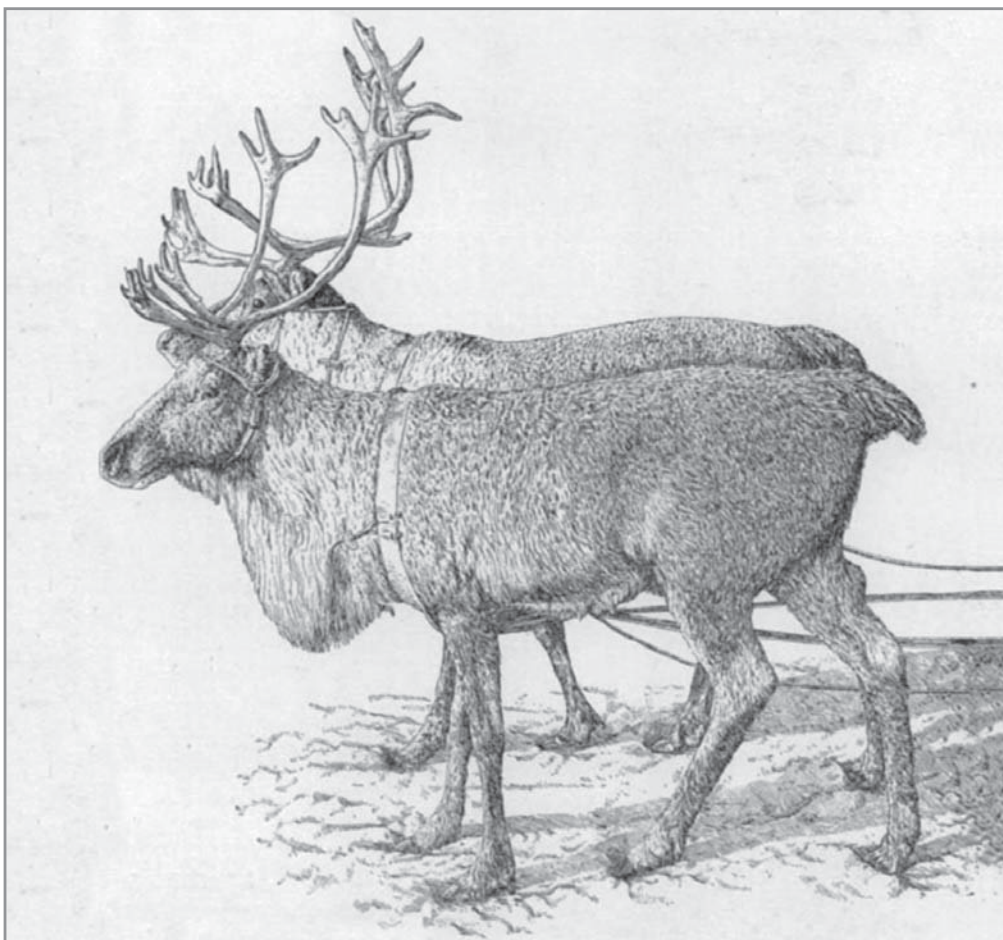
Рэв'титын — «шея белой куропатки» (белое туловище с чёрной головой, как белая куропатка в весеннем оперении).

Ыплылы'кэ'ну — «желтовато-серый, смешанный с белым».

Ыплылыкэлилыын — «желтовато-серый с белыми крапинами».

* У альбиносов розовые глаза. Их кожа розового цвета из-за прозрачности. Они слабые и сонливые, хотя великолепно приручаются. Чукчи обычно убивают их в раннем возрасте, поскольку в целом они не любят никакой ненормальности у оленей. *Прим. авт.*

* Публикуется по изданию: Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. С. 11–12.

Оленья упряжь (по фотографии. Bogoras, 1904. Fig. 10)

Кэргыпытку'кэ'ну — «в белую крапину» (на желтовато-сером фоне).

Вообще, названия оленям даются и по окраске, и по некоторым специальным признакам их рогов. Некоторые оленеводы дают отдельным оленям в своём стаде особые имена, например, есть название «молодой ламутский олень» (*tor-wa'waq*). Оно дано чукотскому оленю для того, чтобы создать в нём быстроту ламутского оленя; существуют и другие подобные названия.

Время жизни оленей от 12 до 15 лет. Некоторые олени живут значительно дольше.

Чукотские олени имеют особое название применительно к возрасту, как-то:

К'эюу — молодой олень до одного года, одинаково самка или самец.

К'ликин — молодой олень до одного года, самец и *ычвэк* — молодой олень до одного года, самка.

Пээчвак — самец и самка, менее одного года.

Пэнвэл — самец и *ван'к'аск'ор* — самка от одного до двух лет.

Крымынты — самец и *крымк'ор* — самка от двух до трёх лет.

Таачымынты — самец и *н'эраныгрымк'ор* — самка от трёх до четырёх лет.

Н'ирэк'эвыльын — самец и *туррэквытэ-тыльын* — самка от четырёх до пяти лет.

Н'ырок'авыльын — самец и *рэквыт* — ва-женка, самка от пяти до шести лет.

Н'ырак'авыльын — самец от шести до семи лет.

Чымн'ы — самец более семи лет, «бык».

КАК ЧУКЧИ НАЗЫВАЮТ СВОИХ ОЛЕНЕЙ

В.Г. Богораз описывает два типа домашних оленей, существующих на Чукотке. В современном оленеводстве они называются чукотской и эвенской (ламутской) породами. Чукотский олень по своему экстерьеру относится к животным мясного направления. Ламутский олень – транспортное животное; он более высок на ногах, его костяк грубее, чем у чукотского. Породы эти отличаются и по масти. Если у чукотского оленя окрас (масть) шерстного покрова очень разнообразен, то ламутский олень чаще однотонный. Некоторые авторы пишут о масти чукотского оленя, что она «в основном, тёмно-бурая». В действительности это не совсем так. Вот что писал о разнообразии окрасов оленей В.И. Задорин (1979. С. 19):

«По масти оленей можно разделить на три основные группы: 1) без светлых остевых волос, 2) с максимальным развитием светлых остевых волос и 3) с различным развитием этих волос на отдельных частях тела. <...> Особую группу составляют белые и пегие олени. У пегих оленей по туловищу разбросаны белые пятна различной формы и размера, у белых оленей кроющий остовой волос белый. <...> Окраска оленей значительно изменяется по сезонам года...»

Большое внимание окрасу чукотских оленей уделял и В.Г. Богораз (1991), который описал двадцать шесть мастей домашнего оленя, а также дал названия оленей применительно к возрасту.

Одним из существенных отличий северных оленей является форма рогов, их имеют и самцы, и самки, даже телята. Рога образуются на специальных костных выростах лобных костей – роговых пеньках, ежегодно спадают и вновь отрастают. Рога северных оленей состоят из трёх основных отростков:

нижнего – носового, среднего – надглазничного и третьего, самого большого отростка, который называют основным стволом рога. У телят рога в большинстве случаев не имеют отростков и называются шпильками.

Самцы (быки) сбрасывают рога после гона, в октябре, самки (важенки) – на пятый–седьмой день после отёла, в мае. Рост рогов начинается сразу после сбрасывания старых, он наиболее интенсивен весной и летом, когда животные переходят на полноценные корма. В период своего формирования рога оленя покрыты мягкой толстой кожей с коротким густым волосом. После окостенения рогов кожа на них начинает лопаться и затем спадает.

Помимо названий оленей, описанных Богоразом, оленеводы используют для более точной характеристики каждого животного и специфические признаки рогов. Например:

Аврыкэгыткакалетаачымынты – бык от трёх до четырёх лет, основной ствол рога которого не имеет ответвлений, и задняя нога (или обе) с полосой выше скакательного сустава.

Анныкэк'ан'очымн'ы – безрогий (комоль) бело-коричневый бык-кастрат.

Павэлк'оа'наргы раквытчин'ын – крупная, с рогами, похожими на лосиные, важенька от пяти до шести лет, у которой на боках осветлённые кончики остевых волос.

Пагъяннычеварораквыт – серая важенька от пяти до шести лет, с раскидистыми рогами, которые растут, расходясь в стороны.

Тыллын'кояк'ылгыкрымк'ор – однорогая, сероватая в подмышках и паху важенька от двух до трёх лет.

Эрынк'уыплылячымн'ы – серый с желтоватым отливом бык-кастрат, рога которого растут близко друг к другу.

Тропою Богораза

Существуют и другие названия, например, и по масти, и по возрасту:

А'н'аргыкрымк'ор – двух-трёхлетняя важенька, у которой на боках белёсые кончики остевого волоса.

Гыткакалепанвал – бык от одного до двух лет, у которого задняя нога (или обе) с белой полосой ниже скакательного сустава.

Ельальогыткакалеван'к'аск'ор – однодвухлетняя «лунолика» важенька, у которой задняя нога (или обе) с белой полосой ниже скакательного сустава.

Илгыплылек'ликин – белесовато-жёлтый молодой бык до одного года.

Йильэльуккрымынты – «луноликий» двух-трёхлетний бык.

Калельытаачымынты – пятнистый (белые пятна на коричневом или сером фоне) бык трёх–четырёх лет.

К'эн'урэквыт – бело-коричневая важенька пяти–шести лет.

Рэв'иннык'эюу – молодой олень до года, с белым туловищем и чёрной головой (бык или важенька).

Тан'ув'алял'авпээчвак – совершенно чёрная молодая важенька до одного года.

Чеваропээчвак – серый олень менее одного года (бык или важенька).

Ыплыл'ачымн'ы – желтоватый (на сером фоне) бык старше семи лет.

Як'ылыван'к'аск'ор – сероватая под ногами одно-двухлетняя важенька.

И так далее.

Многосложные слова – названия оленей – иногда очень трудно перевести на русский язык. «...То, что в чукотском языке выражается одним сложным словом, в русском языке может быть передано развёрнутым оборотом или даже целым предложением. Это отчасти объясняется тем, что необходимость названия оленей в чукотском языке

предполагает объединение признаков номинации в различные сочетания названий, например, – масть + пол и возраст» (Куликова, 1980, с. 70–71).

Используя основосложение (инкорпорацию), можно давать самые разнообразные названия домашним оленям. Выше приведены лишь некоторые примеры, дополняющие названия оленей, собранные в свое время Богоразом. Их нет ни в «Луораветланско-русском словаре» (В.Г. Богораз, 1937), ни в «Чукотско-русском словаре» (Т.А. Молл, П.И. Инэнликей, 1957), и тем более, в чукотско-русском и русско-чукотском словарях для учащихся (П.И. Инэнликей, 1982).

Автор попытался восполнить некоторые пробелы как в описаниях оленей в научной литературе, так и в существующих словарях чукотского языка. Столь же богат и обширен словарный состав чукотского языка, связанный с некоторыми другими аспектами быта и трудовой деятельности, легендами и особенно с конкретными местами проживания. Чем древнее место жительства, тем, как правило, шире спектр названий и слов, связанных с ним.

Отсюда следует однозначный вывод: сбережение родного языка и неразрывно связанной с ним национальной культуры зависит не только от его преподавания в школе и активной разговорной речи в семье и между соплеменниками, но, и это следует подчеркнуть особо, от сохранения традиционных видов деятельности, в нашем случае оленеводства, а также поддержания жизни старинных поселений. И пока ещё живы и традиции, и носители живого слова, необходимо с возможной полнотой внести хотя бы в словари богатую лексику чукотского языка. Если не сделать этого сейчас, через несколько лет потери могут стать необратимыми.

изд-во. 1979.

ЛИТЕРАТУРА

• Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.

• Задорин В.И. Северное оленеводство. Учебное пособие для средней школы. Магадан.: Книж.

• Куликова И.В. Словосложение как основной способ образования названий оленей в чукотском языке // Лексико-грамматическое исследование языков народов Севера СССР. Л., 1980.

ЧУКОТСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Чукотский язык издавна привлекал внимание лингвистов. Первое серьёзное описание чукотского языка принадлежит перу талантливого этнографа и лингвиста Владимира Богораза. Его работа о чукотском языке была опубликована в знаменитой книге под названием «The Handbook of American Indian Languages» (1922). На протяжении последних ста лет изучение чукотского языка продолжалось, несмотря на многие политические неурядицы. Но к концу XX столетия стало очевидно, что чукотский язык находится в опасности и в недалёком будущем от него останутся только лингвистические труды.

Причин тому немало. Постепенное исчезновение, вымирание чукотского языка — это всего лишь одно из проявлений культурного упадка всех малочисленных народов Сибири на примере одного народа — чукчей. Чукчи бросают традиционные ремёсла, перестают рыбачить и разводить оленей, уходят жить в сёла и города; многие становятся жертвами «благ цивилизации» — алкоголизма, насилия, отчаяния, нищеты. И нельзя сказать, что всё перечисленное — всего лишь «временные трудности» на пути в светлое будущее. Нет, ничего, кроме сохранения традиционной чукотской культуры, не предотвратит уничтожения, вымирания чукотского народа.

Чукотская культура непрестанно развивается; и то, что ушло, — ушло; сейчас мы уже не в силах вернуть время её расцвета. Сохранение культуры невозможно без приспособления, адаптации, к окружающему миру, но всё это должно делаться руками самих носителей этой культуры, а не навязываться извне. Однако не только чукчи могут помочь в деле сохранения культуры. Помощь им в этом может быть пассивной — можно ста-

раться приостановить действие сил, разрушительных для чукотской культуры. Можно помогать и активно — особенно в том, что касается здравоохранения и образования. Тут-то и оказывается важной роль лингвиста.

Язык — это ключ к культуре народа. Без языка культуре не выжить. Лингвист — вместе с представителями других общественных наук — является послом, посредником между нациями и культурами, помогая людям, говорящим на разных языках, понять друг друга и перестать по невежеству своему друг друга презирать или ненавидеть.

В настоящей статье я постараюсь рассказать о языковых проблемах одной группы чукчей в постсоветском обществе Российской Федерации. Статья состоит из трёх частей. Первая часть посвящена социальным проблемам, неразрывно связанным с теоретическим анализом чукотского языка. Во второй части я остановлюсь на преподавании чукотского языка и постараюсь показать, какой чукотский язык преподаётся в школе, и как образовался «разрыв» между его теоретическим изучением и описанием, как ему учат детей? Последняя, третья, часть посвящена сопоставлению чукотского языка с русским; в чём чукотский язык похож на русский, и что русскоязычные люди должны знать о чукотском языке, чтобы оценить его по-настоящему.

Столица и самый большой город Чукотского автономного округа — город Анадырь с населением около 10000 человек. В Анадыре, как в округе в целом, чукчи составляют меньшинство, примерно 10 % населения. На краю Анадыря находится село Тавайваам, бывшее раньше центральной усадьбой совхоза и самостоятельным населённым пунктом, а сейчас считающееся составной частью го-

Тропою Богораза

рода. Хотя некоторые чукчи живут в центре Анадыря, всё же наиболее значительное число чукчей-горожан живет в Тавайвааме, особенно те, кто считается родом из Анадырского района (они принадлежат к группе *тэлкэпъыллыт*, или тэлькепских чукчей). Тэлькепские чукчи традиционно кочевали с оленями, и большинство взрослых в Тавайвааме – это первое оседлое поколение. Почти все взрослые чукчи в этом посёлке умеют говорить по-чукотски, но дома говорят по-русски, и их дети очень редко знают

свой родной язык. Число чукчей, говорящих по-чукотски, резко уменьшилось за последние 20–30 лет. Многие чукчи понимают, что это трагедия. Умелые рассказчицы, хорошие исполнительницы традиционного фольклора, которые ещё плохо говорят по-русски, едва могут разговаривать со своими русскоязычными внуками и внучками. Современные молодые люди оказались в отрыве от своей культуры как раз тогда, когда они поняли, что их происхождение – это то, чем надо гордиться.

ЧУКОТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Чукотский язык делится на разные диалекты. В чукотском языке есть ещё добавочное деление форм языка в зависимости от пола говорящего. Однако первые лингвисты, занимавшиеся этим языком, не уделяли этим различиям должного внимания. В большинстве языковедческих работ по чукотскому языку не принят во внимание женский вариант чукотского языка – а это 50 % от объёма функционирования языка и от численности говорящих на языке. Вообще говоря, труд «Чукотский язык» В.Г. Богораза (Bogoras, 1922) – замечательная работа, которая до сих пор не устарела, в отличие от многих ранних языковедческих работ, но кажется невероятным, как он мог упустить из виду женский вариант и оставить его без внимания. Из двухсот семидесяти страниц книги только одна страница посвящена женскому варианту; в ней приводится всего четыре примера (Bogoras, 1922. С. 665)¹. Академическая грамматика чукотского языка П.Я. Скорика (1961), опубликованная намного позже труда В.Г. Богораза, в этом

отношении ещё беднее. В ней приведены лишь два слова из женского диалекта². Гипотеза автора ясна: единственный «настоящий» чукотский язык – мужской вариант, а женский язык – это какое-то «отклонение» от нормы.

Непредвзятое исследование показывает, что это не так.

На первый взгляд, звуковая система чукотского языка состоит из 14 смысло-различительных согласных фонем.

Звук [s] встречается только в мужском варианте чукотского языка, а [c] – только в женском варианте. Если бы в мужском диалекте [s] всюду соответствовал женскому [c], это было бы лишь незначительное различие в произношении. Но, хотя в одних словах женский [c] и соответствует мужскому [s], в других он соответствует мужскому [r]³. Если бы все примеры мужского [r] соответствовали женскому c, это был бы необычный пример того, как две фонемы превратились в одну. Но, опять-таки, это не так. Одни примеры мужского [r] соответствуют женскому

Фонемы Тэлькепского диалекта чукотского языка

	Билабиальные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные	Глотальные
Взрывные	<i>p</i>	<i>t</i>		<i>k</i>	<i>q</i>	<i>ʔ</i>
Носовые	<i>m</i>	<i>n</i>		<i>ŋ</i>		
Фрикативные		<i>s</i> или <i>c</i>	<i>l</i>			
Полугласные	<i>w</i>	<i>r</i>	<i>j</i>	<i>ɣ</i>		

[c], а другие соответствуют женскому [r]. Ниже приводятся примеры этой ассиметричной системы соответствий:

Фонологические соответствия между s, r и c

	Мужской диалект	Женский диалект	Значение слова
[r] : [r]	[qoraŋə]	[qoraŋə]	«олень»
[r] : [c]	[panrat]	[pancat]	«карус»
[s] : [c]	[sajok]	[cajok]	«пить чай»

Какое будет соответствие — нельзя предсказать исходя из фонологической формы слова, а поэтому нельзя сказать, что один вариант языка происходит из другого. Также нельзя сказать, что один вариант — упрощённая форма другого, или, что один вариант правильный, а другой неправильный. Часто встречаются в литературе такие термины, как «мужской язык» и «женский говор», но и это не обосновано. Чукотский язык складывается из мужского и женско-

го вариантов. Нет никаких научных оснований считать мужской вариант первичной или более значимой формой языка. Все эти соображения — лишь повторение предрассудков собственной культуры исследователей⁴.

Разделение на диалекты и половые варианты — естественное состояние языков. Отрицание женского варианта языка относит чукотский язык ещё на один шаг дальше от носителей, потому что язык половины говорящих объявлен нестандартным. Такая же проблема возникает из-за незнания географических диалектов. Нет свидетельства, что так называемый «стандартный» диалект, выбранный ранними исследователями чукотского языка, считается в чём-нибудь лучше других диалектов, или когда-либо считался лучше самими чукчами. Свой собственный географический диалект — предмет гордости местного населения, и попытки его подавить приведут к утрате языка его носителями.

ЧУКОТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Чукотский язык преподаётся в разных учебных заведениях по-разному. Ему учат людей, которые чаще всего не являются носителями чукотского языка, — например, в Анадырском педучилище. Иногда он используется для обучения чукотских детей в младших классах. Многие носители чукотского языка грамотны на своём языке, хотя некоторым все-таки оказывается труднее писать по-чукотски, чем по-русски. Педагоги и журналисты рассказывают о том, как не владеющие чукотским языком студенты нередко получают лучшие отметки на экзаменах, чем те, которые владеют чукотским как родным. Как это может быть? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим взаимоотношение между чукотским и русским языками.

Письменность

Чукотский и русский языки не имеют никаких общих предков, но они связаны общей системой письма. Эта связь выражается не только в том, что оба языка пользуются кириллицей. Многие языки имеют один и тот же алфавит (такие несходные языки, как английский, финский, вьетнамский и самоанский, тоже пишутся латинскими буквами), но из этого никак не следует, что эти языки похожи друг на друга. Многие другие языки

России и сопредельных с ней стран также пользуются кириллицей.

Проблема заключается, на мой взгляд, в том, что кириллица была введена для чукотского языка с соблюдением всех правил русской орфографии. Русская орфография приспособлена для русского языка; она передаёт звуки этого языка, особенно с учётом звуковых изменений за последние 1000 лет. Но нет никаких оснований переносить эти правила на чукотский язык. Если для русского языка русская орфография логична, то для

Тропою Богораза

чукотского она становится просто препятствием. Хуже того, грамотность на русском языке стала своего рода непременным условием грамотности на чукотском. Моноязычная грамотность на чукотском языке почти невозможна. Подчеркиваю, что недостатков в самой кириллице нет, и легко было бы её адаптировать для чукотского языка.

В следующих примерах я проиллюстрирую недостатки нынешней системы правописания. Для сравнения чукотские слова будут написаны и в стандартной орфографии, и в латинской (точнее – в Международном Фонетическом Алфавите, составленном на латинской основе). Алфавит на латинской основе выбран потому, что он нейтрален и знаком многим россиянам через английский, французский или немецкий языки, с тем же успехом можно было бы использовать греческий или арабский алфавит.

Чукотские слова состоят из слогов. Самый длинный слог записывается формулой *cʔuc* (где *c* один из согласных звуков (*[p]*, *[t]*, *[k]*, *[q]*, *[m]*, *[n]*, *[ŋ]*, *[s]*, *[l]*, *[w]*, *[r]*, *[j]*, *[ɕ]*), *ʔ* = гортанная смычка, *v* = гласный (*[i]*, *[e]*, *[a]*, *[o]*, *[u]*, *[ə]*). Количество звуков в слогe может быть меньше этого, но не больше. Авторы стандартной орфографии чукотского языка намного усложнили этот принцип. В системе звуков русского языка существует ряд палатализованных согласных (так называемые «мягкие» согласные), противопоставленных ряду непалатализованных («твёрдых» согласных, например, сад – сядь). В кириллице для этого противопоставления нет специальных букв (оно возникло в результате языковых изменений, происшедших после того, как алфавит сложился). Вместо этого мягкость или твёрдость согласной передаётся формой последующей гласной: например *[t] + [a]* пишется *та*, а *[tʲ] + [a]* пишется *тя*.

Чукотский язык, как многие другие языки, не имеет противопоставления мягких и твёрдых согласных. Но чукотская орфография передаёт смягчения, не имея на то оснований. Фрикативные согласные *[l]* и *[ç]* были объявлены «мягкими», потому что они

кажутся таковыми русскому уху. Остальные согласные чукотского языка были объявлены «твёрдыми». Так, стечение согласного и гласного пишутся с разными гласными знаками не потому, что надо различить предшествующие согласные, а чтобы показать, как эти согласные соответствуют согласным русского языка. Простая пара согласного с гласной может писаться следующими способами:

Фонемы (смыслоразличительные звуки):	Передача в орфографии:
<i>[t] + [a]</i>	<i>Та</i>
<i>[l] + [a]</i>	<i>Ля</i>
<i>[j] + [a]</i>	<i>Я</i>

Это не соответствует логике языка. В чукотском есть только одно противопоставление между *та* и *ля*. Почему же надо настаивать на двух в системе письма? В чукотском языке нет «мягкого» *t* или «твёрдого» *l*, и поэтому написание *тя* или *ла* просто не имеет смысла.

В чукотском языке допускается стечение двух согласных между слогами. Здесь согласные и гласные также пишутся по-разному в зависимости от русскоязычной интерпретации их произношения, например:

Фонемы:	Передача в орфографии:
<i>[t] + [l] + [a]</i>	<i>Тла</i>
<i>[l] + [j] + [a]</i>	<i>Тья</i>
<i>[l] + [j] + [a]</i>	<i>Лья</i>
<i>[t] + [j] + [i]</i>	<i>Тйи</i>

Кроме других согласных, слог может ещё содержать гортанную смычку перед гласным. В стандартной орфографии эта гортанная смычка передаётся тремя разными знаками (два из них встречаются ещё и в другой функции; они передают смягчение согласной), например:

Фонемы:	Передача в орфографии:
<i>[ʔ] + [a]</i>	<i>А'</i>
<i>[t] + [ʔ] + [a]</i>	<i>Тъа</i>
<i>[l] + [ʔ] + [a]</i>	<i>Лъа</i>

Чукотский литературный язык

Преподавание языка в школе обычно основывается на нормативной грамматике. Для языков с длительной письменной традицией выбор стандартного варианта — задача нетрудная. Для таких языков, как чукотский, этот выбор труднее. Чукотская литературная норма была выработана русскоязычными лингвистами и их чукотскими студентами. Первые, по-видимому, не очень хорошо знали чукотский язык, а последние сначала научились читать и писать по-русски и перенесли эти свои знания на родной язык. В их работах чувствуется недостаток лингвистической подготовки.

Академическая двухтомная «Грамматика чукотского языка» (Скорик, 1961, 1977) на самом деле является сравнительной грамматикой, в которой чукотский язык описан с позиций того, чем и как он отличается от русского. Помимо методологии, многие из примеров, включённых автором в грамматику, подозрительны. Большинство предложений, приводимых в грамматике, — это или перевод предложений с русского языка, сделанный носителем чукотского языка, или образцы, которые просто придуманы самим автором. Лингвисты знают, что примеры, взятые не из живого языка, не обладают надёжностью. Когда я предлагал носителям чукотского языка те примеры из грамматики П.Я. Скорика, которые мне казались сомнительными, никто не принимал все предложения как грамматически правильные. В следующем разделе я проиллюстрирую одну из таких проблем, связанных с грамматической интерпретацией.

На всех языках можно выразить понятие «притяжательности»; естественно, авторы учебника чукотского учебника стремились включить в свою работу упражнения на эту грамматическую тему. К несчастью, они необоснованно предположили, что притяжательность в чукотском языке оформляется так же, как по-русски, и почему они так решили, сразу не поймёшь.

Притяжательная конструкция типа русской «у меня есть...» довольно редка среди европейских языков. Более привычен тип «я имею...»; он часто встречается в романских, германских, других славянских языках. В учебниках чукотского языка эта фраза передаётся так: «*гымык варкын ...*» (*гатэк варкэн ...*). Вот грамматическая структура этой фразы:

гат + эк ва + ркэн

1-ое лицо единственного числа + местный падеж БЫТЬ + настоящее время, т. е. буквально «у меня есть ...». Но, хотя эта конструкция существует в учебниках, и даже носители чукотского языка могут дать её как перевод «у меня есть ...», она никогда не встречается в речи. Она используется только в одном значении (оно есть и в русском языке) — «при мне находится...». Многие из носителей чукотского языка не могут перевести фразу «у меня есть...» на чукотский язык. Сделаем ли мы вывод, что чукотский язык какой-то ненормальный, и на нём нельзя выразить притяжательность? Конечно, нет. Просто мы задаем не тот вопрос. Фраза «у меня есть...» — только половина предложения, и неудивительно, что неполное предложение нельзя точно перевести. Притяжательность в чукотском языке выражается суффиксом:

wala +ʔl+ egət (валялʔэгым)
нож + ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ + 1-ое
лицо единственного числа
«У меня есть нож».

Нелепость ясна; перевод предложения «у меня есть ...» должен быть бессмысленным полусловом ‘.. *ʔlegət*. На основании таких примеров напрашивается вывод о том, что чукотских учеников учат такой грамматике родного языка, которая является плодом фантазии, не связанным с тем, что есть в языке старших. Подрывает ли это авторитет родителей (несправедливо), или авторитет процесса образования (жалко, а может быть, более справедливо), результат в любом случае один — страдает чукотский язык.

Чукотский язык и русский язык

В предыдущих разделах статьи показано, как чукотский язык был неоднократно поставлен в невыгодное положение из-за безосновательного переноса в него категорий русского языка. Я подчеркиваю, что каждый язык следует анализировать только с точки зрения внутренней логики этого же языка. Люди, изучающие чукотский язык (безразлично, будут ли это сами чукчи или заинтересованные русские), не могут почувствовать, какова разница между русским и чукотским языками. Здесь я рассмотрю грамматическое явление, которое само по себе логически просто и элегантно, если его описывать как независимую систему. Если же его описывать, исходя из того, что русский и другие европейские языки являются «образцами» нормального языка, ситуация оказывается до крайности запутанной.

Эргативный и абсолютный падежи

И по-русски, и по-чукотски существительные изменяются по падежам. Давайте, сравним, как некоторые чукотские и русские падежи выполняют одну и ту же роль. Сначала о русском языке. Именительный и винительный падежи знакомы многим со школьных лет. Эти падежи указывают роль существительного в предложении. Посмотрим, какие это главные роли на примере самых простых предложений. Первый тип – одноместный, или «непереходный» глагол. Такой глагол требует одного существительного в именительном падеже, чтобы образовать предложение. Например: *Максим пришёл* (слово «Максим» стоит в именительном падеже).

Ещё бывает двухместный, или «переходный» тип глаголов. Эти глаголы требуют двух существительных, одного в именительном и другого в винительном падеже, чтобы образовать предложение. Например: *Кирилл увидел Максима* (слово «Кирилл» стоит в именительном падеже, а «Максима» – в винительном падеже).

Большинство глаголов считаются переходными или непереходными (есть ещё другие

типы глаголов, например, «безличные» глаголы типа «вечереть», но эти два – основные). Хотя в этих простых предложениях используются только две падежные формы, на самом деле они соответствуют трём ролям. Языковеды называют их S, A и O (см. Кибрик, 1992).

Максим (S) пришёл

Максим (A) увидел Кирилла

Кирилл (O) увидел Максима

Итак, именительный падеж оформляет существительное в роли S или A. Винительный падеж показывает, что существительное выполняет роль O. Теперь, для сравнения посмотрим на примеры из чукотского языка:

1. *ətləgən jetəʒi*

Отец (S) пришёл.

2. *keje lʒunin ətləgən*

Медведь (O) увидел отца (A).

3. *ətləgə lʒunin kejeŋen*

Отец (A) увидел медведя (O).

У чукотского слова «отец» также есть две формы, соответствующие трём ролям, но система отлична от русской. Это различие показано в следующей схеме:

Роль	Русское сущ.	Чукотское сущ.
(S)	<i>Максим</i>	<i>ətləgən</i>
(A)	<i>Максим</i>	<i>ətləgə</i>
(O)	<i>Максима</i>	<i>ətləgən</i>

В чукотском языке есть два падежа: эргативный падеж, который оформляет роль (A), и абсолютный падеж, который оформляет роли (O) или (S). Итак, эти два языка по-разному распределяют роли существительных между падежами:

Чукотский	Эргативный падеж	A	
	Абсолютный падеж	S	O
Русский	Именительный падеж	A	S
	Винительный падеж:	O	

В европейских языках нет ничего похожего на эргативный или абсолютный падежи. Но нельзя сказать, что чукотская система падежей проще или сложнее русской. Только с точки зрения именительно-винительного, то есть номинативного строя, эргативный падеж кажется экзотикой.

ЕЩЁ О СОХРАНЕНИИ И ВОЗРОЖДЕНИИ ЧУКОТСКОГО ЯЗЫКА

В наши дни можно признать, что чуть ли не целое поколение чукчей утратило родной язык. Необходимы срочные меры, чтобы чукотский язык смог пережить XXI столетие. Жестокая правда о возрождении языков заключена в том, что человек не может сменить один родной язык на другой. Для изучения незнакомого языка взрослому человеку требуется несколько лет трудных занятий. Надежда на возрождение языка возлагается не на «потерянное поколение», которое уже не знает чукотского языка, а на предыдущее поколение и поколение последующее.

Нужны два условия, чтобы это удалось. Во-первых, чукотский язык должны усваивать дети, и, во-вторых, должны существовать сферы жизни, в которых чукотский — это основной язык. На первом этапе работы по возрождению языка необходимо сосредоточить внимание на том, как строить и поддерживать языковые отношения между бабушками и дедушками, внуками и внучками, чтобы обеспечить освоение родного языка детьми. Но не только дети нуждаются в образовании. Бабушки и дедушки должны осознать, что отрицательное отношение к чукотскому языку — это неправильно, и что есть основания считать, что знание чукотского языка — хорошо и полезно⁵.

Для достижения успеха в развитии и сохранении культуры, в которой чукотский язык — основной язык общения, необходимо активное содействие чукотского общества. Может быть, школа и есть подходящее место для общения на чукотском, но язык, на котором говорят только в школе, никогда не будет живым языком. Другая естественная область для общения на чукотском языке — это охота, сбор растений, кочевое оленеводство, народные промыслы. Чукотским детям из города часто удаётся бывать в тундре в летние месяцы. Это время нравится и детям, и взрослым; с небольшой помощью оно могло бы стать самым важным инструментом сохранения культуры и языка.

Возрождению чукотского языка серьёзно мешает нынешнее положение системы образования. Учёба в школах ведётся только на русском языке. В редких случаях, когда чукотский язык включается в школьную программу, ему учат как мёртвому языку, имеющему мало общего с живой речью. Мне неизвестно, чтобы в настоящий момент чукотский язык где-нибудь был бы языком обучения, а не просто одним из предметов. Приведённые выше примеры категории притяжательности и эргативного падежа показывают, что нужна немалая лингвистическая подготовка, чтобы суметь объяснить особенности структуры чукотского языка в иноязычной среде. И, как уже было сказано, чтобы язык по-настоящему жил, он нужен не только в школе, но и в жизни.

Можно было бы возразить, что в школах Чукотки не хватает учителей, чтобы преподавать все предметы на чукотском языке, и что даже если бы их хватало, преподавание на одном чукотском языке нежелательно. В этом есть доля правды. В настоящий момент в чукотском языке нет разработанной терминологии для некоторых наук в школьной программе. Хотя такое положение можно изменить, но грубое вмешательство в структуру языка было бы скорее отрицательным, чем положительным. Русский язык как язык государственный тоже играет свою роль в чукотских школах. Раньше, когда преподавание велось на чукотском языке, программа начального обучения занимала первые три года, прежде всего как способ овладения русским языком, а после третьего класса обучение велось по-русски. Такая программа служит ассимиляции языкового меньшинства большинством. Образовательная программа, составленная с целью защиты языкового меньшинства, должна быть составлена иначе. Идеалом в этом отношении была бы школьная программа на чукотском и русском языках. Чукотский язык можно использовать как язык общения в гуманитарных и естественных науках. Он — самое

лучшее средство изучения чукотской устной литературы и местной истории. Чукотская лексика в области биологии, географии и метеорологии богаче соответствующих областей русского языка. Чукотские старики имеют обширный опыт обучения молодежи; им нужно дать право учить своих потомков⁶.

Есть своя образовательная задача и для населения, не знающего чукотский язык. У самих чукчей мало политической или экономической власти, и представителям подавляющего большинства легко почувствовать, что они в чём-то превосходят чукчей. Пока эти предрассудки существуют, примирение

обеих культур невозможно. Члены бессильного меньшинства впитывают пренебрежительное отношение к себе. Их поощряют повернуться спиной к своей культуре и ассимилироваться с русской культурой. Часто бывает так, что чукча, отрезанный от чукотской культуры, находится в невыгодном положении и в русской культуре. Потеря родной культуры усиливает его низкий социальный статус (невыгодное положение в обществе). Хотя чукчи могут пытаться создать синтез чукотской культуры с современным миром, вероятность успеха в этом намного увеличилась бы при поддержке извне.

В данной статье рассмотрена роль лингвиста в сохранении чукотского языка и культуры. На примере пяти явлений чукотского языка показано, как неправильное толкование лингвистических явлений отрицательно воздействует на понимание исследуемого языка. В заключение предложены пути, следуя которым этих проблем можно было бы избежать, а также предложены некоторые общие стратегии для сохранения чукотского языка. Чукотский язык нельзя рассматривать в изоляции от чукотской культуры, но, может быть, его можно считать макетом проблем чукотского общества в миниатюре.

Анализ языка следует проводить, следуя логике этого же языка. Модель языка, основанная на русскоязычной норме, создает неправильное впечатление, что чукотский язык — это язык нелепый и сложный до бессмысленности. Лингвистический анализ должен быть описанием языка, а не предписанием о нём, и должен учитывать изменчивость его форм. Навязывание языковому меньшинству искусственной языковой формы родного языка и сопутствующее замалчивание «нестандартных» вариантов этого языка, приводят к отказу носителей от своего языка в пользу языка большинства — в данном случае русского языка. Для достижения этих целей исключительно важно лингвистическое знание. Следовательно, лингвисты, занимающиеся чукотским языком, несут ответственность за обеспечение выживания чукотского языка в XXI столетии.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я благодарен друзьям и коллегам за помощь и поддержку во время моей работы по этой теме. На Чукотке особенно помогали мне Валентина Ринтувйи и Тамара К'оравье, а в Австралии я благодарен профессору Александре Айхенвальд за комментарий и помощь с русским языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Примечание в тексте этой публикации отсылает читателя к двум целым текстам, которые переданы в женском варианте.

²Привожу цитату целиком:

«Помимо перечисленных согласных, в чукотском языке имеется ещё аффриката типа рус-

ской *ц* ([c]), но немного смягчённая, которая свойственна только женскому произношению. Эта аффриката обычно соответствует согласным [r] и [s] мужского произношения, причём она обычно ассимилирует последующий согласный [k], например: в мужском произношении — [rəqərkan?] «что делает?», [rərka] «морж»; в

женском – [сəqəссəп?], [сəссə]». (Скорик, 1961, с. 33).

³Примеры в квадратных скобках нормализованы в соответствии с системой настоящей статьи. Вывод об ассимиляции во втором предложении правилен, но заявление что «эта аффриката обычно соответствует согласным [r] и [s] мужского произношения», – слишком большое упрощение.

⁴Полярник-метеоролог В.Г. Канаки, автор интересных книг «Северные рассказы» (М., 1960) и «Любимая Арктика» (М., 1974), с юмором описывает в одной из них, как он попросил молодую женщину-чукчанку учить его чукотскому языку, и потом она стала смеяться над ним – он начал усваивать от неё тот самый женский вариант язы-

ка, который считается крайне непрестижным для мужчин. Из этого свидетельства ясно, что женский вариант чукотского языка давно и неплохо известен даже неспециалистам.

⁵Польза здесь заключается не только в области сохранении культуры. Современные психолингвистические исследования показывают, что когнитивное развитие детей, выросших в двуязычной среде, оказывается благоприятнее, чем развитие детей-монолингвов.

⁶См. программы по сохранению языка Гренландии и Северной Америки. Хорошо описана такая программа в статье Recapturing the Mohawk language («Вернуть язык могаvk») // Mithun and Chafe, in Shopen [ed.] 1979. Pp. 2–33.

Прим. А. Бурькина

ЛИТЕРАТУРА

- Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка. М.; Л.: АН СССР, 1961. Т.1; 1977. Т.2.
- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: МГУ, 1992.
- Boas, Franz (ed.). Handbook of American Indian Languages. Washington: Government

Printing Office, 1922. Part 2.

- Bogoras, Waldemar [Владимир Богораз]. Chukchee // Franz Boas (ed.) Handbook of American Indian Languages. Washington: Govern. Printing Office, 1922. Part 2.
- Shopen, Timothy (ed.) Languages and their status. Cambridge, Mass.: Winthrop Publishers, 1979.

О СКОРИКЕ БЕДНОМ...

(Комментарий к статье М. Данна)

Положение с изучением чукотского языка, которое сложилось в наши дни, нельзя не назвать странным. Чукотский язык — язык достаточно многочисленного народа, уровень его сохранности много выше, чем сохранность языков даже более многочисленных народов, и степень изученности чукотского языка и количество учебников и литературы много лет определяли лицо отечественного «североведения». В наши дни чукотский язык активнее изучается за рубежом, нежели в России, — им занимаются, кроме коллеги М. Данна, английский лингвист Э. Спенсер, француз Ш. Венстен, японец Т. Куребито и представители других стран. В чём дело?

Как кажется, истоки многих современных проблем лежат в нашем давнем и недавнем прошлом, и об этом должны знать наши зарубежные коллеги. В.Г. Богораз, Л.Я. Штернберг и другие основоположники изучения культур и языков народов Сибири были скорее этнографами, чем лингвистами, хотя хорошо владели языками изучаемых народов. Многие из их непосредственных учеников получили этнографическое образование — к ним относятся Г.М. Василевич, В.И. Цинциус, В.А. Аврорин, Е.А. Крейнович, которые переключились на описание языков с этнографических занятий. Кому-то это удалось в большей степени, кому-то в меньшей.

Другая группа отечественных специалистов по языкам и культурам народов Севера России — среди них И.С. Вдовин, Г.А. Меновщиков и П.Я. Скорик — пришла в науку непосредственно из северных школ, через преподавательскую работу в Институте народов Севера и других учебных заведениях. Здесь должно стать понятным, что «школьный» уровень описания грамматики языков народов Севера просто отражает тогдашний

уровень лингвистической науки о языках этих народов. Мало кто вспоминает о том, что ведущие специалисты по чукотско-камчатским языкам, в частности, С.Н. Стебницкий, Г.М. Корсаков, Г.И. Мельников, написавшие ценные труды ещё в 1930-е гг., погибли во время Второй мировой войны.

И совсем мало кто знает о том, что В.Г. Богораз в своем последнем романе «Воскресшее племя», где он дал положительные характеристики многим своим молодым последователям, не самым лучшим образом отозвался только об одном из них — о П.Я. Скорике, который выведен там под фамилией Федак. О том, как П.Я. Скорик, ставший в 1950–1970-е гг. признанным авторитетом в области чукотского языка, собирал материалы для своей грамматики, вспоминал свидетель этих событий Владилен Вячеславович Леонтьев, замечательный писатель и прекрасный знаток чукотского языка, выросший в Уэлене и ходивший в одну школу с Юрием Рытхэу. В автобиографической повести «Мальчишка из Увэлена» В.В. Леонтьев приводит такой эпизод: П.Я. Скорик, услышав чукотскую скороговорку, просит помощников: «Запишите, запишите её мне, запишите!» Трудно сказать, вина или беда многих из специалистов по языкам народов Севера, что они собирали свои материалы не самостоятельно, а с помощью знатоков этих языков.

В 1970–1980-е гг., когда в науке о языках народов Севера России происходила смена поколений, кто-то сверху решил, что изучение, описание и преподавание языков народов Севера должно быть делом самих этих народов. В результате первое поколение русскоговорящих лингвистов-североведов не вырастило себе учеников, а второе поколение оказалось не только не востребованным

в профессиональном отношении (кстати, такое положение дел не изменилось до сих пор), но и чувствует на себе определённую дискриминацию со стороны представителей этих народов. Между тем, как раз наличие группы русскоговорящих исследователей или местных жителей, в совершенстве владеющих языками народов Севера (таких немного, но они есть и до сих пор), качественно меняет статус родных языков коренных народов Севера, превращая их в языки межкультурного общения. Увы, как ни печально, но пока этого не видят или не хотят видеть ни западные учёные, ни отечественные лингвисты...

Как можно понять из статьи, Майкл Данн искренне переживает за судьбу чукотского языка. Он хорошо знаком и с историей письменности, и с проблемами чукотского литературного языка. Тем не менее, в его изложении есть некоторые нюансы, требующие объяснений.

То, что у чукчей, в отличие от многих народов Севера России, есть мужской и женский варианты языка (М. Данн назвал их диалектами, что неверно), знают многие. Но важно представлять себе, что женский язык у чукчей занимал подчинённое положение даже в традиционном обществе — многие женщины-чукчанки говорили на мужском варианте языка, а современные чукчанки, работающие на радио, ТВ, в национальной прессе и в школах, в совершенстве владеют мужским вариантом, то есть являются билингвами в отношении своего родного языка. Кстати, все чукотские поэтессы и писательницы — Антонина Кымытваль, Клавдия Геутваль, Валентина Вэкэт и другие, — писали и пишут стихи и прозу на мужском варианте языка и ничуть не смущаются этим.

Исследователи считают, что женский язык чукчей сохраняет в себе черты какого-то исчезнувшего диалекта или даже самостоятельного языка, близкого чукотскому. Многие явления чукотского женского языка, в том числе те, о которых пишет М. Данн, становятся ясными и понятными при сравнении некоторых особенностей чукотского

языка с диалектами корякского языка. Что же касается собственно диалектов, то есть территориальных вариантов языка, то их в чукотском языке по-существу нет. Незначительные фонетические отличия характерны для языка чукчей Билибинского района; специалисты находили также мелкие отличия в языке чукчей Providenskogo района, отмечали особенности спряжения глаголов у хатырских чукчей. В языке приморских чукчей до сих пор сохраняются английские слова типа слова *вляуа* — от англ. flour («мука»), но эти факты никак не делают территориальные варианты чукотского языка непонятными друг для друга или превращают литературный язык, действительно ориентирующийся на узус приморских чукчей, непонятным для чукчей-оленьеводов.

То, что пишет в своей статье М. Данн о преподавании чукотского языка, и, в первую очередь, об организации этого процесса, справедливо и, в общем, знакомо по наблюдениям и публикациям лингвистов и социологов. Тут надо прислушаться и к его голосу. Но уместно задать вопрос: что важно для обучения языку — русско-чукотские соответствия, которые грамотно и квалифицированно показывает автор, или простое преподнесение ученикам правильных образцов чукотских конструкций, будь то притяжательная конструкция или эргативная конструкция с переходным глаголом? Разумеется, важнее дать ученикам правильные образцы чукотских фраз. Если их нет в грамматике П.Я. Скорика, то для чего же мы учили три поколения педагогов, которые приходили в пединституты и училища с прекрасным знанием родного чукотского языка? Почему никто из них за 50 лет не написал учебник чукотского языка для педучилищ, учебники для старших классов, грамматику специально для учителей? Кстати, в использовании переходных глаголов чукотского языка есть более важная проблема, чем эргативный падеж, это проблема безобъектного употребления таких глаголов, как в примерах типа «она шьёт», «она что-то шьёт», «она занимается шитьём».

За рубежом бытует мнение, что русская графика и орфография, нормы которых введены в письменность народов Севера, якобы создают трудности в освоении письменности на родном языке. Увы, это во многом является или спекуляцией на том, что-де русские учёные создали северянам плохую письменность, или безосновательным поводом для утверждения, что они хотят русифицировать эти народы. В 1930-е гг. кириллица для народов Севера была введена по просьбе представителей самих этих народов, которые учились писать и на родном, и на русском языках.

Нелогичности в графике и, особенно, в орфографии языков есть повсюду, но когда М. Данн пишет свою статью по-русски или по-английски, он не жалуется на несовершенство русской и, тем более, английской орфографии. Чукотская графика существует для того, чтобы письменно выражать мысли на чукотском языке, а не для того, чтобы транскрибировать чукотские слова — сколько можно объяснять эту простую вещь лингвистам? Печально, но при редактировании статьи М. Данна нам пришлось снять примеры, где использовались буквы с апострофами, вышедшие из употребления в начале 1990-х годов, и исправить ряд неточностей, выставляющих чукотскую графику в невыгодном свете. Вспоминаются те требования реформ письменности языков народов Севера, которые в 1980-е гг. выдвигались рядом представителей этих народов, — на проверку оказывалось, что горе-реформаторы неграмотно пишут даже на изобретённой ими самими письменности. Это тоже надо знать. Кстати, в учебники чукотского языка в

1990-е гг. была введена особая буква «л с хвостом» — только М. Данн, кажется, не знает о ней, потому что эта буква нигде, кроме учебников, не используется по одной причине — за ненужностью.

М. Данн совершенно прав — грамматика чукотского языка, написанная П.Я. Скориком, много лет является «пугалом» для тех, кто желает познакомиться с чукотским языком и изучать его, потому что описание языка в ней осложнено, запутано повторами, не вполне системно с точки зрения самой чукотской грамматики. Автор этих заметок сам убедился в этом на личном опыте. Но другой грамматики чукотского языка пока нет ни у учёных, ни у учителей, ни у зарубежных исследователей. А у чукчей, к сожалению, есть своя система образования, но пока ещё нет ни одного профессионального филолога с университетским педагогическим дипломом, который имел бы должный уровень лингвистической подготовки и мог бы в совершенстве выучить родной язык. Это тоже проблема наших дней.

Безусловно, подрастающее поколение должно поддерживать свою этническую и языковую идентичность за счёт жизни в тундре, контактов со старшим поколением, а преподавание чукотского языка должно быть эффективным. Если кто-то из русскоговорящих школьников или студентов овладевает чукотским языком лучше студентов-чукчей, — а такие примеры есть, и тут нечему удивляться: у русскоязычных учащихся больше мотивации к изучению неродного языка! — это значит, что в обучении чукотскому языку всё-таки наметились сдвиги и достигнутые успехи нужно развивать.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЧЫЧЕТКИН ВЭТГАВ» («РОДНОЕ СЛОВО»)

Общественное объединение «Чычеткин вэтгав» было создано в сентябре 1994 г. по инициативе Шарля Венстена, французского лингвиста и учителя русского языка. Именно он дал нам возможность по-другому посмотреть на наш родной язык. Многие мои земляки помогали ему переводить чукотские сказки.

До встречи с этим учёным родное слово казалось мне чем-то обыкновенным, привычным, потому что оно вошло в меня с детства, с тёплым и родным запахом отчего дома, с простором тундры и моря, с криками птиц, со щебетом пуночек и утробным урчаньем моржей на восходе солнца, с восхищением красотой земли родной, с трудолюбием, жизнестойкостью моих родителей и их огромной любовью к нам, детям. Оно для меня – что-то очень близкое, родное: это мамины рассказы о старине и льющиеся неторопливо бабушкины сказки, это нежные, проникающие в душу и вызывающие слёзы песни моей любимой тетушки.

Шарль Венстен помог нам узнать наш родной язык как бы со стороны. Работая над сложными чукотскими словами, я была поражена: одно длинное слово несёт в себе целую человеческую мысль, какое оно ёмкое! Оказывается, наш язык очень богатый, чудный, прекрасный! И сразу появилось сожаление, что мы можем его потерять – ведь нынешние поколения чукчей почти не говорят по-чукотски.

Этнокультурное объединение «Чычеткин вэтгав» было создано именно с целью сохранения, пропаганды и развития чукотского языка. В сентябре 2004 г. мы отметили десятилетие. «Чычеткин вэтгав» живёт и работает благодаря добрым идеям и энергичной деятельности членов его Совета. Это

любители чукотской словесности, приверженцы возрождения национальной культуры, традиций: Е. В. Тевлявье (преподаватель Чукотского многопрофильного колледжа), И. Ю. Вулькыне (депутат Думы Чукотского автономного округа), Г. И. Ранаврольтын (заведующий лабораторией традиционного природопользования и этносоциальных проблем Чукотского филиала СВКНИИ ДВО РАН), З. А. Кевев (старший редактор ГТРК «Чукотка»), Л. С. Выквырагтыгыргына (заведующая редакционно-издательским центром Чукотского института развития образования и повышения квалификации), В. А. Грачёва (пенсионерка, учитель чукотского языка), Е. И. Тынеру (методист окружного Дома народного творчества), Е. П. Гнилорыбова (воспитатель детского сада «Оленёнок» села Тавайваам), Б. М. Ыттыгыргын. (секретарь-референт Чукотской ассоциации зверобоев традиционной охоты).

Общественное объединение «Чычеткин вэтгав» в своей деятельности старается тесно взаимодействовать с другими общественными организациями малочисленных народов Чукотки, органами государственной власти. Например, по предложению нашего объединения, в 1999 г. был проведен первый конкурс учителей родных языков при Чукотском институте развития образования и повышения квалификации учителей, а также учреждена специальная стипендия им. П. Я. Скорика для студентов Анадырского педагогического училища, которая присуждается за успешное изучение родного языка. Наши вечера-встречи с учителями национальных языков, с делегатами различных форумов, вечера чукотской и турецкой, чукотской и французской, чукотской и японской культур транслировались по радио и по телевидению.

«Наша Родина – Чукотка», «Жизнь и творчество чукотского поэта М. Вальгыргина», «Мой родной язык», «Мы, рождённые в яранге», «В кругу семьи», «Наши предки и их заветы», «Религия чукчей» – это темы вечеров, на которые мы приглашали не только старейшин, знатоков чукотского языка, но и молодёжь, и детей. Мы участвуем также в заседаниях «круглых столов», презентациях книг, литературном конкурсе им. Ю.С. Рытхэу, в проведении окружного конкурса сочинений школьников на родном языке, – одним словом, во всех мероприятиях, касающихся жизни и культуры коренных народов Чукотки. И мы действительно озабочены тем, что в скором времени мир может потерять своеобразную, богатую чукотскую культуру, и думаем, как сохранить наш язык и весь наш народ.

Изучение родного языка нельзя перекладывать только на плечи преподавателей. Конечно, нужны грамотные учителя, но этого недостаточно. Необходимо поднимать престиж семьи как естественной языковой среды, окружающей ребёнка с момента его рождения, и всячески пробуждать самосознание, поощрять, не жалея средств и добрых слов,

те семьи, где достойно воспитываются дети, прививаются любовь к родному языку и уважение к традициям и обычаям своего народа.

Проблема сохранения языка должна стать первостепенной задачей всех общественных организаций коренных народов Чукотки – Ассоциации КМНЧ, Советов старейшин, Главного управления по делам коренных малочисленных народов Чукотки при губернаторе и Правительстве Чукотского АО.

В торжественном гимне нашего объединения «Чычеткин вэтгав» есть такие строки:

Родное слово – наше богатство.

Родное слово – бодрость духа.

Родное слово – голос предков наших.

Прославим же его громкими голосами.

Наши предки были сильными духом и телом, трудолюбивыми, гордыми, умеющими любить детей, беречь природу, – значит, нам есть с кого брать пример. Ради памяти о наших предках и будущего наших детей стоит изучать и знать родной язык, ибо без него ни один из народов не может считать себя полноценным и по-настоящему самостоятельным.

СПОСОБНА ЛИ ОЦЕНИТЬ СОВРЕМЕННАЯ ЧУКОТКА ТВОРЧЕСКИЙ ДАР ПРЕДКОВ

— Мы с сестрой однажды так хорошо выделали оленью шкуру, что её можно было пропустить через кольцо, — рассказывала мне Зина Кымытваль из Амгуэмы. И я верю её словам, потому что раньше мастерство изготовления одежды ценилось очень высоко, автора узнавали по его работам. Старик всегда говорили, что любому делу надо учиться с детских лет.

По тому, как одет мужчина, судили о швейном мастерстве его жены. Мужчина постоянно находился вне дома — охотник добывал пищу, оленевод пас оленей. И одежду он мог оценить, в первую очередь, с точки зрения удобства: правильно сшитая одежда, словно, не имела веса, сидела, как влитая, и была красива. А любящая женщина умела хорошо сшитой одеждой подчеркнуть все достоинства мужа, сына.

Язык орнаментов, ныне утерянный, много рассказывал о хозяине одежды. Особенно старались при изготовлении одежды для ребёнка. Знаниями о том, как оградить человека от беды, обменивались друг с другом. Ведь в каждом народе живёт убеждение, что мысль материальна. По орнаменту на одежде можно было узнать, к какому роду человек относится, его родовой тотем. Береговые жители рассказывали, что одежда говорила о человеке всё: сколько детей в его семье и какой ребёнок он сам по счёту, сколько умерло детей в этой семье, какой социальный статус занимает хозяин одежды.

Квалификация мастерицы определяется по многим признакам: ладность кроя, выбор меха, красота подбора шкур разных цветов и, главное, искусность шва. Чувство цвета и ритма вырабатывалось годами. Упрёк в лени и неряшливости был самым тяжёлым оскорблением для девушки. Родители жениха в первую очередь смотрели на мастерство

невесты. И бывали случаи, когда молодую женщину возвращали в дом родителей, потому что она не умела шить одежду.

Не имея письменности, народы Севера выражали себя и обменивались информацией посредством рисунка, танца, песенного творчества. Не зря у северян отмечаются такие качества, как наблюдательность и терпение, доведённые до совершенства.

Самыми древними носителями информации являются каменные и костяные изделия. Высоко было развито косторезное искусство. И в наше время работы чукотских косторезов и гравёров уникальны, их не спутаешь с изделиями мастеров Якутии и тем более Холмогор.

Удивительна культура морских арктических зверобоев. Свидетельством этому являются мифы и легенды, которые до настоящего времени передают из уст в уста наши родители, а древние орнаменты наши мастера и сегодня переносят с археологических памятников на современные вещи, продолжая таким образом культурные традиции прошлого в наше время. Глубокая память подсказывает, что именно этот узор помогал сохранять семейные традиции — и выживать.

Сегодня на Чукотке живут немало представителей других, несеверных, культур нашей страны. Это сильно сказывается на языке общения, манере одеваться, традициях питания (в основном, в больших посёлках и городах), а также и на мастерстве изготовления бытовых предметов. Вполне закономерно приобрела популярность сувенирная продукция, и как следствие стал востребованным труд мастеров прикладного характера.

В содержании народного творчества многое идёт от природы — от земли, леса и трав, воды и солнца, от всего живого, что любит

Тропою Богораза

и ценит человек. Многогранная, сложная связь природного материала и конечного результата деятельности человека по-своему проявляется в каждом виде народного творчества. Эта связь наиболее типична для искусства орнаментов. Приверженность в орнаменте определённым элементам и мотивам удерживается в рамках наиболее общих представлений о красоте и гармонии.

К раскрытию того или иного образа мастер идёт через наблюдение жизни и размышления над её проявлениями. Он не рисует с натуры. Поэтому в узорах, в сюжетных композициях есть аллегории, придающие значимость даже самому маленькому предмету. Мотив солнца, звезд, моря становится как бы олицетворением самой природы, её красоты и вечной жизнотворной силы.

В процессе развития народного декоративно-прикладного искусства появляются отдельные новые мотивы, но идёт и постоянное творческое осмысление наследия.

Вплоть до 1990-х гг. Управление сельского хозяйства Чукотского округа поддерживало деятельность Уэленской косторезной мастерской и Провиденского кожевенного завода. Продукция этих предприятий не появлялась на местных торговых прилавках и, может быть, поэтому не была популярной среди жителей округа. В период экономических преобразований сельское население было вынуждено искать новые возможности выжить, в том числе и в прикладном искусстве. У истоков этого процесса стоит фонд «Эйн'эв», под руководством Екатерины Александровны Рультынэут. Это с её лёгкой руки начала работать лаборатория прикладного искусства при Научно-методическом центре Окружного отдела культуры, где готовили руководителей-преподавателей для организации кружковой работы при школах и клубах округа. Было сделано два выпуска преподавателей, которые и сейчас работают в сёлах.

Под эгидой фонда «Эйн'эв» были организованы выставка и первый аукцион изделий прикладного искусства. Мастера впервые почувствовали возможность за своё творчество получать вознаграждение. Тогда, в кон-

це 1980-х гг., больше всех продали изделий Елены Теплилек — она сделала много простых, недорогих и красивых вещей.

Вот что говорит Екатерина Рультынэут: «Раньше в изделиях чувствовалась древняя основа искусства, она развивалась самопроизвольно, постепенно. Не видно было постоянного влияния. Мастера ведь академий не заканчивали. Если человек был от природы одарён, то это проявлялось во всём, что он делает, от детских игрушек и бытовых принадлежностей до свободного творчества. И, с этой стороны, хорошо, что Чукотка оторвана от России — мы не получили какого-то влияния извне, поэтому до сих пор наше искусство является оригинальным и самобытным.

Вначале мы привлекали всех, кто хотел приобщиться к прикладному искусству. Уровень участников был разный. Хочется отметить женщин из села Ваеги Анадырского района. Они всегда очень тщательно готовились к праздникам. Шили настоящую чукотскую одежду. Шкуры выделывали до удивительной мягкости. Когда проводили Дни культуры Чукотки в Москве, ваежские приехали туда в новых *керкерах* (женских меховых комбинезонах), новых *келиплекыт* (праздничных торбасах), поверх керкеро́в — *кемллиют* (камлейки). На каждой камлейке сзади декоративный пояс висит; докрасна окрашен ольхой кемлилюн, и висюльки настоящие, плетёные из ровдуги с бисером. По низу *кемлилюн* идёт собачья оторочка, а у кого и из росوماхи тонкая полоска. На голове — *левтыцъын* (повязка из красной материи, которая считалась самым красивым нарядом), в ушах или надеты на уши — серьги из толстой тесьмы с бисером, в длинные косы вплетена белая тесьма тоже с бисером или бусинами. И все смотрели на них, на эту красоту.

...Мы ведь провели настоящую атаку по открытию национальных отделений в детских школах искусств. Неизвестно было, когда кончится эта разруха, и решили хоть так сохранить крохи чукотского искусства. Наши мероприятия финансировались районами, закладывались в бюджет округа. Мы как специалисты старались поддержать культуру

коренных жителей. И вот тогда собрала нас М. К. Такакава, и было решено организовать национальный колледж, куда планировалось набирать на конкурсной основе детей из национальных сел округа. «Юные дарования Чукотки» был нашим первым конкурсом в России».

Целью деятельности фонда «Эйн'эв» стало возрождение традиционного искусства, стимулирование деятельности народных мастеров. Именно тогда начали поднимать вопрос об утрате мастерства изготовления традиционной чукотской одежды, которую теперь шьют только в поселковых мастерских и оленеводческих бригадах.

Е. А. Рультынеут: «Всё это мы видели и на выставках. Мы увидели, что женщины потеряли искусный, мелкий и ровный, жильный шов, через который вода в шерсть не просачивается, и одежда не намокает. Шов стал грубым, капроновая нитка пропускает воду, иголки очень широкие, советские. Некоторые мастерицы вытачивали их до нужных размеров, а молодые шили теми, что продаются. Подошва не из лахтачьей шкуры, а из другой кожи. Эскимосы редко стали делать жёваную подошву. Чукчи теперь ходят в тундре в резиновой обуви даже зимой. А ведь резиновая обувь — это проблемы со здоровьем. Мы как-то заказали для «Эргырона» меховую одежду в Усть-Бельском совхозе. То, что они прислали, в пору было ставить на пол — одежда не сгибалась! Позор мастерицам, которые выделывали шкуры. Раньше бы за такую работу женщину ославили. Тогда мы стали бить тревогу».

В результате угнетённого состояния чукотской культуры сами коренные жители начали забывать свои традиции и язык. Старики-морзверобои говорят, что ходить с молодыми в море стало страшно, так как они плохо знают родной язык. Ведь в критических ситуациях именно старики выручают всю бригаду, а они подают команды на своём языке — пока будут подбирать русские слова, можно упустить время.

Директор Музейного центра «Наследие Чукотки» О. Б. Расторгуева: «Сейчас традиционные чукотские изделия шьют только

пожилые женщины. Молодёжь совсем этим не заинтересована. Мы, конечно, можем продать кухлянку, сшитую по-современному, но она такая никому не нужна ни здесь, ни тем более на Западе. А, вот, если она будет сшита нитками из сухожилий с применением всех технологических приёмов, то мы на неё сможем и цену хорошую поставить».

Организация производства художественных изделий в традициях народного декоративно-прикладного искусства стала своеобразной модой, она создаётся на новом месте, чаще всего путём подражания людьми, не имеющими опыта подобной работы. Рост количества изделий, выпускаемых этими мастерами, к сожалению, не всегда переходит в качество.

Художник по костюму Л. И. Чубарова: «Приёмы шитья зафиксированы только с конца XIX века. Ведь меховые вещи долго не хранятся — истлевают. Какие орнаменты были в XVII–XVIII вв., приходится только догадываться. Скорее всего, это были обычные канты, вставленные в швы оленьи волосы — первые декоративные приёмы оформления одежды. Меховая мозаика контрастных цветов тоже служила декоративным целям, это просто белая и тёмная кожа. И весь смысл орнамента заключается в том, как они располагаются: полоска тонкой кожи, рядом — зигзагообразная, фигурный орнамент. Всё очень просто и красиво. К сожалению, эти приёмы шитья уже ушли. Мы сейчас наблюдаем лишь отголоски прошлого. За последние десять лет орнамент очень изменился. В колледже вещи настолько перенасыщены орнаментом, продёржкой, что это вызывает большую тревогу, и об этом только остается сожалеть».

Искусствовед И. Л. Карахан: «Сейчас можно говорить о сильной орнаментальной, изобразительной перегрузке предмета произведения искусства. Художник старается как можно больше там чего-то сделать. Но, например, кость — первозданное произведение природы. Её надо отполировать, и тогда работает сам материал — белая, трепещущая светящаяся кость, которая сама по себе уже Север и образ. А наполнять изобразительными, орна-

Тропою Богораза

ментальными элементами её надо очень тактично, чтобы показать красоту внутреннюю.

Так и в одежде. Ведь классические вещи — это всегда замечательной красоты мех. Оторочка была там, где это имело определённый смысл — низ рукава, воротник, подол. Всё поле никогда раньше рисунком не закрывалось».

Процесс развития художественных промыслов народов Чукотки требует углубления исследований, поисков подлинно народных традиций, создания оптимальных условий творчества. Для этого используются самые разные формы работы: экспедиции в национальные посёлки, выявление мастеров, владеющих традиционными приёмами ремесла, определение запасов природных материалов, на основе которых может быть возрождён или способен развиваться промысел конкретного региона.

На Чукотке обмен опытом у мастериц происходил на ярмарках. В наше время эту функцию выполняют выставки прикладного мастерства и фестивали культур. При изменении экономических позиций государства изменилась и форма реализации творчества.

В прежние времена прикладное искусство не считалось товаром, предметом дохода, оно было только фактором эстетического развития. Но в 1990-х гг. с притоком туристов появился спрос на сувенирные изделия, и с этих лет на Чукотке начинает развиваться художественное, в основном кустарное, ремесло.

Директор художественной галереи Н.П. Мосолова: «Я знаю многих мастеров, у кого одна и та же проблема — реализация своей продукции. Первоначально у нашей галереи не было цели продавать изделия, хотелось показать, на что способны мастера, объединить художников.

Сейчас через галерею мы пытаемся помочь мастерам реализовывать свои работы. Некоторые могут и сами продавать, но порой это отдаётся за такой бесценник, что становится обидно за их труд. Право оценки изделий у нас за мастером. Но если мы видим, что цена занижена или завышена, то мы об этом говорим. У нас уже есть некоторый опыт продаж. Мы даже предлагаем ас-

сортимент популярных образов и мотивов, и мастера уже направленно работают».

О.Б. Расторгуева: «На ярмарках есть спрос на кожу, мех, сувенирные мелочи: таблечки, брелочки, колечки, — то, что можно сразу на себя одеть и недорого стоит. Мы должны ориентироваться на среднего покупателя. Встречаются, конечно, такие москвичи, которые могут купить изделие за две тысячи, но их мало».

Н.П. Мосолова: «К нам приходят много желающих выставить свои работы на наших площадях, и график выставок довольно плотный. Начиная работу галереи, мы не ожидали такой популярности. Результат работы четырёх лет подсказывает, что необходим своеобразный творческий Центр, в основе деятельности которого ознакомление с уже имеющимся опытом в других местах, снабжение мастеров сопутствующим материалом для работы. Наша цель — экономическая поддержка творчества.

Можно, например, создать филиал Уэленской косторезной мастерской с её традициями. Долгоаршинных, Никитин, Овечкин, Печетегина, Эйнес могут работать в этой мастерской, готовить новых мастеров и зарабатывать. В этой мастерской сможет подработать хоть человек с улицы, наклеивая кусочки кожи за 50 рублей или делая бороздки на неприятных брелочках из кости. Таким образом, мы даём и студентам заработать, и мастерам творить».

Для развития промыслов всегда была характерна передача опыта, мастерства от поколения к поколению. В современной практике сложилась новая, достаточно эффективная система профессиональной подготовки кадров, её основа — освоение приёмов традиционного ремесла в общеобразовательной школе и затем их совершенствование в специальных учебных заведениях.

Художественные ремёсла народов Чукотки не только создают рабочие места и приносят доход, но имеют слишком большое значение для национальной культуры, чтобы их можно было оставить на произвол судьбы или подвергать капризам рынка.

О ТОПОНИМИКЕ БЕРЕГОВЫХ ЛЕЖБИЩ МОРЖЕЙ ЧУКОТКИ (НА ПРИМЕРЕ КОСЫ РЭТКЫН)

В современной географической номенклатуре до сих пор не существует единой упорядоченной системы названий. В особенности это касается Чукотки, где большинство топонимов имеют чукотские, эскимосские, юкагирские или эвенские языковые корни. Для привязки к местности того или иного объекта специалисты из разных областей, в том числе биологи, пользуются разными источниками: картами, лоциями, топонимическими справочниками. В советское время все крупномасштабные карты были засекречены или носили гриф «для служебного пользования», поэтому каждое заинтересованное ведомство имело собственные пакеты карт. Мне приходилось сталкиваться, как минимум, с тремя типами карт Чукотки:

1. Генерального Штаба Советской Армии,
2. Главного управления навигации и океанографии,
3. Главного управления геодезии и картографии.

На всех этих картах большинство топонимов отличаются по написанию, а многие географические пункты и местности имеют разные наименования. Из-за режима секретности многие специалисты не имели прежде доступа к картам и в своей работе часто опирались на местные названия. В связи с этим в источниках, посвящённых Чукотке, одно и то же место называется по-разному, что затрудняет определение его истинного местоположения.

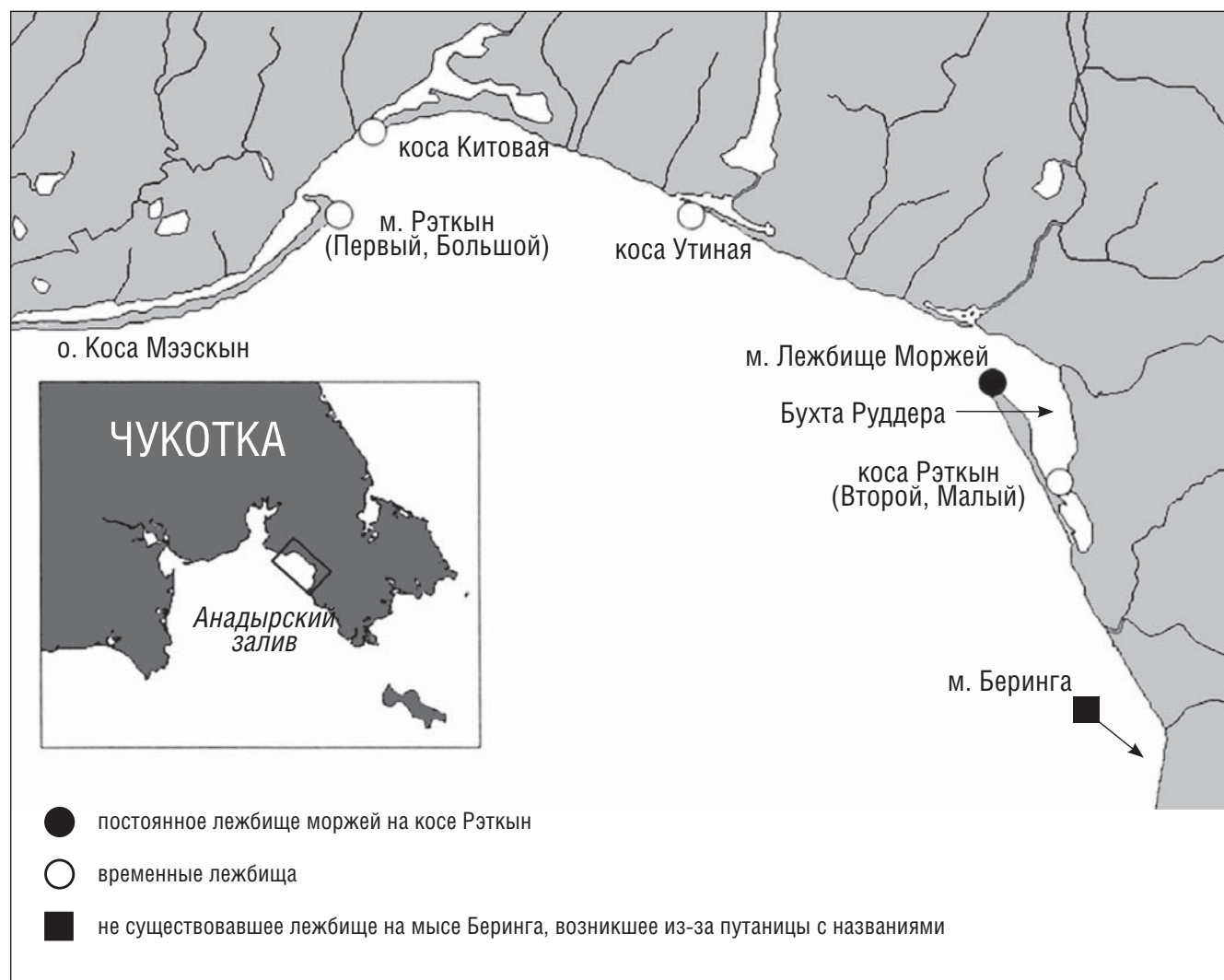
Настоящее сообщение подготовлено в 1999 г. в процессе изучения 42 источников по биологии тихоокеанского моржа

(*Odobenus rosmarus divergens* Ill.). В первую очередь, меня интересовала информация о береговом лежбище на косе Рэткын, расположенном на южном побережье Чукотского полуострова, поскольку оно тогда было объектом моих полевых исследований. Топонимика этого лежбища была прослежена наиболее детально по сравнению с названиями других лежбищ моржей.

Береговое лежбище на косе Рэткын — одно из наиболее изученных на Чукотском полуострове. Первые сведения о нём приводит Е. К. Суворов (1914), в дальнейшем оно фигурирует во всех сводках по биологии тихоокеанского моржа. Это лежбище принято считать постоянным — оно формируется ежегодно и является местом длительного обитания определённой группы моржей (Арсеньев, 1927; Гольцев, 1968; и др.). Так, о нём пишут все авторы, за исключением М. П. Розанова (1931), который сообщал, что это лежбище перестало посещаться моржами. Его вывод был признан ошибочным (Яблоков, Белькович, 1962; Клейненберг и др., 1964), хотя, возможно, Розанов отразил реальную ситуацию летнего распределения моржей в Анадырском заливе в конце 1920-х годов.

На протяжении XX в. по мере упорядочивания географических названий менялось и название лежбища. В разных источниках я насчитал 11 вариантов названия. В первые десятилетия XX в. оно именовалось: Маленький Рэтькан (Суворов, 1914), Малый Ретикан (Арсеньев, 1927), на мысе Второго Рэткена или 2-й Редкэн (Белопольский, 1931, 1939), Рэдкенское 2-е (Огнёв, 1935). Этимология этого названия сводится

Тропой Богораза

Размещение береговых лежбищ моржей в районе бухты Руддера
(с указанием официальных топонимов по карте Главного управления геодезии и картографии).

к чукотскому слову *к'ытрыткын* («оконечность косы, мыса»). На восточном конце о. Коса Мээскын (Меечкен), который носил такое же чукотское название, регулярно формировалось ещё одно лежбище. Чтобы различать эти два «Рэткына», были введены определения «малый», «второй» и «большой», «первый».

Позже определения исчезли, и П.Г. Никулин (1941) называет лежбище просто Реткенским, а для географической привязки приводит мыс Беринга, отстоящий от него на 60 км к востоку. Б.А. Зенкович (1938) и К.К. Чапский (1941) привнесли дополнительную путаницу, поместив «Редкин-

ское лежбище» на мысе Чаплина и упоминая также некое лежбище у мыса Беринга. Позже это заставило В.Н. Гольцева (1968) привести в своем списке «угасшее» лежбище у мыса Беринга, вероятно, никогда не существовавшее.

В 1947 году П.Г. Никулин неожиданно определяет местонахождение лежбища как коса Рудера и называет его Рудерским. Вслед за ним А.В. Яблоков и В.М. Белькович (1961, 1962), впервые подробно рассмотрев варианты этого названия, предлагают новое название – «лежбище на косе Руддера» или «Руддерское лежбище». С незначительными вариациями оба эти на-

звания стали использоваться разными авторами (Федосеев, 1962, 1966, 1981, 1982, 1984; Клейненберг и др., 1964; Крылов и др., 1964; Крылов, 1965, 1966, 1967, 1968, 1971; Федосеев, Гольцев, 1969; Гольцев, 1972; Кибальчич, 1979, 1984; Федосеев, Разливалов, 1986; Мырнин, Грачёв, 1986; Грачёв, 1988; Кибальчич, Грачёв, 1990). Под этим именем лежбище стало известно и американским ученым (Ray, 1982; Estes, Gol'tsev, 1984; Gilbert et al., 1992). Трудно сказать, почему это название стало наиболее популярным, так как ни на одной из известных мне карт нет косы Руддера. Существует бухта Руддера (Руддер), ограниченная косой Рэткын (Редькин). Лишь очень немногие из авторов придерживались этих официальных наименований и называли лежбище: у бухты Руддера (Гольцев, Засыпкин, 1978), на косе Редькина (Мырнин и др., 1988), на косе Редькина или Руддерское лежбище (Гольцев, 1968; Мырнин и др., 1990; Грачёв, Мырнин, 1991).

Хотя топонимы косы и бухты на современных картах принципиально сходны, тем не менее, варианты написания этих названий весьма разнообразны. Например, на карте Генерального Штаба Советской Армии, по которой я обычно ориентируюсь из-за её доступности, район моих исследований обозначен как «коса Редькин» и «бухта Руддер», в то время как на карте Главного управления навигации и океанографии – «коса Рэткын» и «бухта Руддера». Последний вариант мне кажется наиболее правильным, так как он повторяется и на карте Главного управления геодезии и картографии, и в лоции Берингова моря (1981). Кроме того, именно такое написание топонима *Рэткын* меньше всего искажает изначальное чукотское слово.

Неясно, какую карту использовали в своей работе авторы топонимических справочников, где, как и в большинстве упомянутых биологических публикаций, коса Рэткын называется «косой Руддер» (Меновщиков, 1972; Леонтьев, Новикова, 1989). Более того, Г. А. Меновщиков (1972) даже для со-

седней косы Меечкен (на других картах – остров Коса Мээскын) приводит название «коса Руддер II». Подобного топонима я не нашёл ни в одном из других источников.

В первой половине XX в. береговые лежбища моржей именовались по названиям близлежащих стойбищ береговых чукчей и эскимосов (Караев, 1926; Арсеньев, 1927). В более поздней традиции, возникшей после ликвидации ряда мелких национальных сёл, местонахождение лежбищ определяли, используя названия островов, мысов или кос, на которых они расположены. Хотя окончательность косы Рэткын на картах именуется «мыс Лежбище Моржей», это название не стоит использовать, поскольку оно явно вторично. Наиболее часто употреблявшееся разными биологами «Руддерское лежбище» имеет в основе англоязычное название бухты, что выходит за рамки традиции. Этот топоним неудобно применять также потому, что известны случаи формирования моржами лежбищ на других участках побережья бухты Руддера (см. карту). Поэтому я считаю правильным придерживаться следующего наименования: *лежбище на косе Рэткын*, тем более, что именно этот топоним был использован в первых литературных источниках, где упоминалось лежбище.

Будучи биологом, я посчитал нужным сделать столь подробный экскурс в эволюцию географических названий по той причине, что разногласия при их использовании в биологической литературе с течением времени может привести к путанице и, соответственно, неверному осмыслению многолетней динамики ареала и участков обитания тех или иных животных. Это хорошо видно на примере возникшего ниоткуда «угасшего» лежбища моржей на мысе Беринга. Во избежание этого позволю себе рекомендовать как биологам, так и другим специалистам, при публикации своих материалов указывать, какие картографические источники были использованы при упоминании названий тех или иных пунктов Чукотского полуострова.

ЛИТЕРАТУРА

- *Арсеньев В.К.* Тихоокеанский морж. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 1–35.
- *Белопольский Л.О.* Краткий предварительный отчёт о работе по изучению морских млекопитающих Анадырского района. Архив ТИНРО, 1931. С. 1–25.
- *Белопольский Л.О.* О миграциях и экологии размножения тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens* Illiger) // *Зоол. журн.* 1939. Т. 18, Вып. 5. С. 762–776.
- *Белькович В.М., Яблоков А.В.* Среди моржей // *Природа.* 1961. № 3. С. 50–56.
- *Гольцев В.Н.* Динамика береговых лежбищ моржа в связи с его распределением и численностью // *Изв. ТИНРО.* Т. 62; *Тр. ВНИРО.* 1968. Т. 68. С. 205–215.
- *Гольцев В.Н.* Распределение и учёт численности тихоокеанского моржа осенью 1970 года // Тез. докл. V Всес. совещ. по изучению мор. млекопитающих. Махачкала, 1972. Ч. 1. С. 25–28.
- *Гольцев В.Н., Засыпкин М.Ю.* Аэроучет тихоокеанского моржа в советском секторе Арктики // *Морские млекопитающие* (Тез. докл. VII Всес. совещ.). М., 1978. С. 91–92.
- *Грачёв А.И.* Летнее распределение моржа в Анадырском заливе // Науч.-исслед. работы по мор. млекопитающим сев. части Тихого океана в 1986–1987 гг. М.: ВНИРО, 1988. С. 118–123.
- *Грачёв А.И., Мырнин Н.И.* Численность и возрастно-половой состав моржей на лежбищах Чукотского полуострова // Науч.-исслед. работы по мор. млекопитающим сев. части Тихого океана в 1989–1990 гг. М.: ВНИРО, 1991. С. 48–51.
- *Зенкович Б.А.* Развитие промысла морских млекопитающих на Чукотке // *Природа.* 1938. № 11–12. С. 59–63.
- *Караев А.И.* Чукотско-Анадырский край // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* 1926. № 4. С. 136–154.
- *Кибальчич А.А.* Материалы по исследованию ластоногих в период рейса ЗРС «Зубарево» в моря Берингово и Чукотское (июль-август 1978 года) // Науч.-исслед. работы по мор. млекопитающим сев. части Тихого океана в 1978/79 гг. М.: ВНИРО, 1979. С. 7–16.
- *Кибальчич А.А.* Биология размножения и естественные запасы тихоокеанского моржа. Автореф. дис. канд. биол. наук. М.: ВНИРО, 1984. 25 с.
- *Кибальчич А.А., Грачёв А.И.* Опыт радиомечения моржей // Изучение, охрана и рациональное использование морских млекопитающих (Тез. докл. X Всес. совещ.). М., 1990. С. 135–137.
- *Клейненберг С.Е., Белькович В.М., Яблоков А.В.* Материалы к изучению распространения и состояния популяций моржей Советской Арктики // Определение возраста промысловых ластоногих и рациональное использование морских млекопитающих. М.: Наука, 1964. С. 43–58.
- *Крылов В.И.* Первое мечение тихоокеанского моржа // *Рыбное хозяйство.* 1965. № 10. С. 24–25.
- *Крылов В.И.* Возрастной и половой состав, плотность залегания тихоокеанского моржа на льдах и береговых лежбищах // *Изв. ТИНРО.* 1966. Т. 58. С. 97–103.
- *Крылов В.И.* О современном состоянии запасов тихоокеанского моржа и перспективах их рационального использования // *Изв. ТИНРО.* 1968. Т. 62; *Тр. ВНИРО.* Т. 68. С. 189–204.
- *Крылов В.И.* О питании тихоокеанского моржа (*Odobenus rosmarus divergens* Ill.) // *Тр. АтлантНИРО.* 1971. Вып. 39. С. 110–116.
- *Крылов В.И., Федосеев Г.А., Шустов А.П.* Ластоногие Дальнего Востока. М.: Пищевая промышленность, 1964. С. 1–60.
- *Леонтьев В.В., Новикова К.А.* Топонимический словарь Ссеверо-Востока СССР. Магадан: Книж. изд-во, 1989.
- *Лочия Берингова моря.* Ч. 1. Западная часть моря. Л.: Минобороны СССР, Главное управление навигации и океанографии, 1981.
- *Меновицков Г.А.* Местные названия на карте Чукотки. Магадан: Книж. изд-во, 1972.
- *Мырнин Н.И., Грачёв А.И.* Численность и половой состав моржей на лежбищах Анадырского залива и острова Аракамччен в 1984 году // Изучение, охрана и рациональное использование морских млекопитающих (Тез. докл. IX Всес. совещ.). Архангельск, 1986. С. 286–287.
- *Мырнин Н.И., Смирнов Г.П., Гаевский А.С., Грачёв А.И., Клименко Ю.В.* Миграции тихоокеанского моржа и динамика его численности на лежбищах // Науч.-исслед. работы по мор. млекопитающим сев. части Ти-

хого океана в 1986–1987 гг. М.: ВНИРО, 1988. С. 109–115.

- Мымрин Н.И., Смирнов Г.П., Гаевский А.С., Коваленко В.Е. Сезонное распределение и численность моржей в Анадырском заливе Берингова моря // *Зоол. журн.*, 1990. Т. 69, Вып. 3. С. 105–113.

- Никулин П.Г. Чукотский морж // *Изв. ТИНРО*. 1941. Т. 20. С. 21–59.

- Никулин П.Г. Биологическая характеристика береговых лежбищ моржа на Чукотском полуострове // *Изв. ТИНРО*. 1947. Т. 25. С. 226–228.

- Огнёв С.И. Звери СССР и прилежащих стран. Т. III. М.: Биомедгиз, 1935.

- Розанов М.П. Промысел морского зверя на Чукотском полуострове // *Советский Север*. 1931. № 6, С. 44–59.

- Суворов Е.К. О промысле моржа и кита на Чукотской земле // *Материалы к познанию русского рыболовства*. 1914. Т. 3. Вып. 5. С. 189–198.

- Федосеев Г.А. О состоянии запасов и распределении тихоокеанского моржа // *Зоол. журн.* 1962. Т. 41. Вып. 7. С. 1083–1089.

- Федосеев Г.А. Аэровизуальные наблюдения за морскими млекопитающими в Беринговом и Чукотском морях // *Изв. ТИНРО*. 1966. Т. 58. С. 173–177.

- Федосеев Г.А. Аэровизуальный учёт моржей и гринландских китов в Восточной Арктике и Беринговом море // Науч.-исслед. работы по мор. млекопитающим сев. части Тихого океана в 1980/81 г. М.: ВНИРО, 1981. С. 25–37.

- Федосеев Г.А., Динамика ареала и экологическая дифференциация популяции тихоокеанского моржа // *Экология*. 1982. № 1. С. 45–51.

- Федосеев Г.А. Современное состояние популяции моржей в Восточной Арктике и Беринговом море // *Морские млекопитающие Дальнего Востока*. Владивосток: ТИНРО, 1984. С. 73–85.

- Федосеев Г.А., Гольцев В.Н. Возрастно-половая структура и воспроизводительная способность популяции тихоокеанского моржа // *Зоол. журн.* 1969. Т. 48. Вып. 3. С. 407–413.

- Федосеев Г.А., Разливалов Е.В. Распределение и численность моржей в Восточной Арктике и Беринговом море осенью 1985 г. // Науч.-исслед. работы по мор. млекопитающим сев. части Тихого океана в 1984/85 г. М.: ВНИРО, 1986. С. 93–98.

- Чапский К.К. Морские звери Советской Арктики. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1941.

- Яблоков А.В., Белькович В.М. Наблюдение моржей на лежбищах в Анадырском заливе и Чукотском море // *Краеведческие записки*. Магадан: Управление Магаданского облисполкома, 1962. Вып. 4. С. 156–174.

- Estes J.A., Gol'tsev V.N., Abundance and distribution of the Pacific walrus, *Odobenus rosmarus divergens*: results of the first Soviet-American joint aerial survey, autumn 1975 // *Soviet-American Cooperative Research on Marine Mammals*, 1984. Vol. 1. Pinnipeds. NOAA Tech. Rep. NMFS 12. P. 67–76.

- Fay F.H., Ecology and biology of the Pacific walrus, *Odobenus rosmarus divergens* Illiger // *North Amer. fauna*. – Washington, D.C.: US Fish Wildl. Service. 1982. № 74. P. 1–279.

- Gilbert J., Fedoseev G., Seagars D., Razlivalov E., Lachugin A. Aerial census of Pacific walrus, 1990 // *USFWS Administrative Report*. Anchorage, 1992. P. 1–33.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИПОСТАСИ МАЙОРА ПАВЛУЦКОГО (Новые факты по материалам Северо-Тихоокеанской экспедиции)

Летом 2000 г. исполнилось 100 лет с начала деятельности на северо-востоке Сибири экспедиции, организованной Американским музеем естественной истории (США) и субсидированной президентом Музея, банкиром Моррисом Джесупом. По его имени экспедиция получила своё название – The Jesup North Pacific Expedition. Как известно, для работы в Сибири были приглашены русские учёные В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз. Закалённые многолетней северной жизнью во время своей ссылки, которую отбывали в 1890-е годы за активное участие в движении «Народная воля», имеющие опыт полевой работы в Якутской экспедиции Сибирикова (1895–1897), оба учёных были известны западному научному миру как исследователи, готовые самоотверженно служить делу изучения народностей «первобытных, полуцивилизованных и почти совершенно неизвестных», рассматривающие это дело как «социальное задание эпохи» (Богораз, 1934. С. 13).

Результат их труда – этнографические, археологические, зоологические коллекции, сотни фотографий, антропологические и лингвистические исследования, записи фольклора, обобщающие монографии (о юкагирах и коряках – В. Иохельсон, о чукчах и эскимосах – В. Богораз). Всё это уже многие десятилетия является базовым источником в изучении народов Северной Азии.

В наименьшей степени оказались востребованы их фонографические записи. Это фольклор, в том числе музыкальный, как аборигенов, так и русскоязычных старожилов Колымы и Анадыря. Лишь недавно автор настоящей статьи, получив из Архива традиционной музыки Индианского университета

(г. Блумингтон, США) копии записей русского фольклора, начал работу по идентификации и расшифровке этих фонограмм.

Работа сопряжена с целым рядом трудностей: плохое, за редким исключением, звучание старых фонограмм, часто вызванное повреждениями восковых цилиндров, отсутствие в большинстве случаев «паспортизации» записанных образцов, разбросанность материалов, сопутствующих фонограммам, по разным архивам. В Американском музее естественной истории (г. Нью-Йорк) хранятся отчёты и переписка, в основном, на английском и частично немецком языках. В Архиве традиционной музыки (г. Блумингтон) – сами восковые цилиндры, на которые производилась запись на фонографе, и картонные футляры из-под них с беглыми пометами, сделанными в ходе сеанса записи и, очевидно, во время упаковки коллекции. Наконец, в петербургских архивах хранятся некоторые полевые тетради и дневники участников экспедиции.

В первую очередь были подготовлены к публикации фольклорные раритеты, эпические жанры – былины и исторические песни (Шенталинская, 1999), тем более, что до сих пор не был известен ни один образец былинных напевов из Анадыря. Трудно переоценить значение уникальных звукозаписей столетней давности из этих окраинных районов России. И как это часто бывает, даже, казалось бы, незначительный фольклорный факт, добытый в «поле», может привести к интересным наблюдениям и выводам.

Среди фонограмм – фрагментарная запись песни (архивный номер: 432.12а-с.58.4584), всего шесть мелодико-стиховых строк (первая не прослушивается):

♩ = 115 < 1. ... >

2. А, про_е_зжал тут ма_йор, уда по _ лко _ вни _ чок.

3. А, про_е_зжал-от по_лко_вник, так на ра _ до _ стнай,
 4. А, он на радостнай да он немилост<ив>*.
 5. А, у богатова крастьяна стали стол столовать,
 6. А, одного-то <солдатца> во солдаты взять,
 7. А, во солдаты взять да в казаки писать.

Запись была сделана в селе Марково и, как большинство других фонографических записей, отнесена в архивной описи к коллекции Богораза. Богораз возглавлял Анадырский отдел экспедиции, однако автором записи, скорее всего, была его жена Софья Константиновна, сопровождавшая мужа в этом труднейшем полевом исследовании. В течение нескольких месяцев 1900–1901 гг. Богораз работал на Камчатке и затем по побережью двигался в сторону устья Анадыря, в Мариинский Пост. В это же время Софья Константиновна оставалась на реке Анадырь и собрала здесь большую часть материалов для музея г. Нью-Йорка, передвигаясь между с. Марково и Мариинским Постом** (The Jesup North Pacific Expedition, 1903. С. 110).

Удалось выяснить имя исполнительницы, отсутствующее в архивной описи. Песня записана на том же цилиндре, что и историческая песня о смерти Лопухина, перед началом которой исполнительница называет

себя: «Ульяна, вот по прозванию Никитевна...». На картонном футляре из-под цилиндра (№ 58), который был осмотрен автором в Архиве традиционной музыки, имеется следующая надпись чернилами: «Марково – № 3 – 1) Лопухин – 2) Крестьянский сын и Маерь». Затем приписано карандашом: «Лопухинъ – Маерь Павутски – Сазычиха – Митинка Данильевичъ».* **

Прозвище Сазычиха, очевидно, происходит от старожильческой марковской фамилии Созыкины, из чего можно сделать вывод, что песню пела Созыкина Ульяна Никитична.

Марковская песня о крестьянском сыне и майоре была известна автору ещё с конца 1960-х гг. по магнитофонной записи уроженца Марково Э.В. Гунченко, в то время сотрудника СВКНИИ ДВО РАН. Он записал песню в 1965 г. от Ксении Андриановны Созыкиной (!), которой было тогда, по словам собирателя, более шестидесяти лет:

* В угловые скобки помещены фрагменты текста, неясные при прослушивании звукозаписи или прочтении рукописи, в фигурные скобки – фрагменты текста, восстановленные автором. *Прим. авт.*

** См. также наши аргументы в пользу авторства фонозаписей С.К. Богораз (Шенталинская, 1999. С. 32). *Прим. авт.*

*** Тире проставлены автором, чтобы отделить надписи, бессистемно расположенные по картонной поверхности футляра. Звукозапись былины «Митинка (Мишенька – Т.Ш.). Данильевич» сильно искажена механическими повреждениями, практически не поддаётся расшифровке. *Прим. авт.*

Тропою Богораза

Распевно

При_ез _ жал - то нам ма_йор-по_лко_ вни _ чек,
 При_во_ зил он нам,
 При_во_ зил он нам да не ра_ до_ сти,
 А не ра_ до_ сти, слёз.
 У кре_стья_ну_шки бы_ло три сы_ на,
 Все ро_ди_ мы_ е.*

Текст также фрагментарен, очевидно, исполнительница больше не помнила. По словам Гунченко, в Маркове считают, что это песня о майоре Павлуцком. В приведённой надписи на футляре из-под цилиндра, как мы уже видели, песня наряду с литературным обозначением «Крестьянский сын и маерь» помечена явно местным названием с местным же произношением — «маер Павутский», что говорит о закреплённой в сознании марковцев связи её содержания с личностью Павлуцкого. Эта связь подтверждается и ещё одним документом, относящимся к Джесуповской экспедиции. В Петербурге, в Архиве Академии наук, хранится полевая тетрадь с текстами, записанными дополнительно к

фонограммам. Тетрадь так и названа автором записей: «Фонограф. Тексты к записям в Марково 1901 г.»** В ней приводится полный текст песни с вынесенным заглавием: «Маер Павлутской».

Майор Павлуцкий — последний «конкистадор» Сибири, которому в 1730–1740-е годы было поручено довести до конца подчинение российской короне всех местных племен. Он возглавлял казаков в последних

* Песня вошла в дипломную работу автора по окончании Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных — «Песни села Марково», 1969 г. № 27. С. 80. *Прим. авт.*

** Богораз В. Г. Ф. 250. Оп. 1, № 118а. *Прим. авт.*

русско-чукотских битвах, его союзниками были юкагиры, чуванцы, коряки, сами страдавшие от набегов чукчей. От Колымы до Камчатки простиралось поле сражений Павлуцкого, от Колымы до Камчатки пронеслась и закрепились в памяти людей слава его: для одних кровавая слава «худо убивающего», для других — слава всесильного начальника, бесстрашного воина, надёжного защитника. Ф. Врангель, возглавлявший экспедицию к северным берегам Сибири в 1820–1824 гг., с удивлением констатирует: «Совершенное неведение жителей об открытиях Андреева, помещённых даже на новейших картах, показалось нам тем страннее, что о походах Павлуцкого, бывших гораздо ранее (т. е. в 1731 г.), ещё многие подробности были им известны» (Врангель, 1948. С. 155).

Имя майора сохранили несколько топонимов на якутско-чукотской «землице», оно стало легендарным. О Павлуцком передаются предания, складываются песни.

«Смотри, как чёрный медведь там по бору идет; смотри, как все лесины пред ним гнутся, валятся; земля дрожит; волки и росوماхи падают мертвы от дыхания его: это Павлутский! Это русак!..» — так пел старик юкагир на Колыме, его песню записал Федор Матюшкин, участник экспедиции Ф. Врангеля (Врангель, 1948. С. 385–386).

По-видимому, самая ранняя запись песни с упоминанием Павлуцкого была сделана его современником С.П. Крашенинниковым. Их связывали и совместная служба на Камчатке, и семейное родство. С.П. Крашенинников был женат на племяннице жены майора Павлуцкого (Крашенинников, 1949. С. 640). В «Описании земли Камчатки» приведена ительменская песня, сочинённая в дар подполковнику Мерлину, майору Павлуцкому и студенту Крашенинникову:

*Ежели бы я был маеорский повар,
то б снял с огня котёл
с кушаньем.*

*Ежели бы я был прапорщиков повар,
то бы всегда снимал котёл
в перчатках.*

*Ежели бы я был Павлуцкой,
то бы повязался белым галстуком.
Ежели бы я был Павлуцкого Иван,
то бы носил чулки красные.
Ежели бы я был студент,
то б описал всех девок.
Ежели бы я был студент,
то бы описал быка рыбу.
Ежели бы я был студент,
то бы описал всех морских чаек... **

(Крашенинников, 1949, с. 431)

Песня вполне мирного содержания, относящаяся к тому периоду жизни Павлуцкого, когда он в течение нескольких лет вёл на Камчатке следствие по делу о Камчатском бунте 1731 г., а заодно занимался и вполне мирными делами — заботился, например, о разведении рогатого скота и злаковых культур.

Но юкагирская песня и чукотские предания — о битвах. Вот продолжение песни, слышанной Федором Матюшкиным:

«Смотри, как за ним его славная дружина, его ясные соколы летают и увиваются!

Но там что под камнем чернеет, там, в ущелине той крутой скалы? — То берлога медведя Чукотского, славного Шамана и Витязя, сильного Кочина юрта! Всё чукотское разбитое воинство в нём только видит спасение.

Ой ты славный Русский герой! Не в юрте ты меня убьешь; не баба я: выду тотчас в бой! Дай надену я свой куяк, вооружусь тяжёлым копьем, повяжусь большим ножом. Успех решит: кто сильней, мои ли духи, твой ли бог?

И нечистый спускается на своё достояние, на Кочина. Кровь и огонь брызжут из глаз его, и рука его уже поднимается, адом подкреплённая!

Павлутский видит дерзость адову против всесильного бога, противу воинства христианского. Вдруг наморщилось чело его, глаза

* Здесь приведен только фрагмент песни, в котором упоминается Павлуцкий. Прим. авт.

засверкали так, что солнце потеряло свет; он бросается на Кочина, вырывает копьё сильного, хочет поразить его тяжёлым пала-шом; Кочин уклоняется, исторгает листовень с корнем, взмахивает, да поразит его Русско-го, — но тут пуля роковая просвистала слав-ному прямо в грудь. «Кто из вас осмелился отнять славу мою и честь мою? Пусть орлы вас Чукотски всех убьют».

Зашумело стадо орлино; свистом броси-лось на Русских. Долго дрались ясны соколы с орлами мощными; много пало ясных со-колов — и Русскому стало жаль своих! Он взревел зычным голосом, и всё стадо разле-телось в разны стороны».

Начиналось же повествование, по словам Матюшкина, с повеления «дщери солнца» — императрицы Елизаветы — идти Павлуцко-му против чукчей, «далее: прощание его с женою и детьми. Проезд в Нижне-Колымск. Набор команды. Потом его поход, сражения, смерть» (Врангель, 1948. С. 385).

Погиб Павлуцкий в марте 1747 года. Па-мять анадырцев хранила подробности похо-дов Павлуцкого и его смерти. Почти через полтора века житель села Марково Афана-сий Ермилович Дьячков рассказывает об этих событиях как современник: «Павлуцкий повстречался с чукчами у озера, ныне на-зываемого Майорским. Как только началась битва, изменники [коряки] пустились в бег-ство. Между тем чуванцы, вероятно, не ско-ро после ухода майора из острога, пришли в оный и, не заставши русских, поспешили за ним, потому что знали неверность коряков. Дорогой они повстречали беглецов ещё неда-леко от острога, которые сказали чуванцам, что никого в живых в битве не осталось, и майор убит... Между тем майор с нескольки-ми верными казаками долго сопротивлялся несметному множеству чукчей, и, если бы чуванцы, не послушавши изменников, пое-хали вперёд, то застали бы майора ещё в живых. Так мученически кончил жизнь свою сей доблестный полководец вследствие из-мены. Чукча, попавшийся в плен чуванцам, следующим образом описывал кончину майо-ра. После побега изменников чукчи долго не

могли убить Павлуцкого, потому что он но-сил панцирь. Чукчи долгое время стреляли в него из луков и кололи копьями, а всё-таки не могли его ранить; наконец, обступили его, как волки оленя, запутали ремнями, урони-ли на землю и нашли место заколоть, под самым подбородком. По такому событию и озеро то прозвалось «Майорским» (Анадыр-ский край..., 1893. С. 38–39).

Марковские жители приписывают про-исхождение и некоторых других топонимов событиям времен походов Павлуцкого. Рас-сказы об этих событиях можно услышать и по сей день.

«Когда катера на реку Анадырь идут по лиману, они ориентируются на острую со-пку, она называется Амоча. А название у нее пошло от того, что когда-то, вот, отря-ды Павлуцкого шли за чукчами и загнали их вот на эту сопку, — рассказывал автору в мае 2000 г. Трофим Михеевич Воронцов (1929 г.р.), уроженец Марково, живущий теперь в г. Анадырь. — ...А чукчи загнали стадо, со всем стадом туда забрались, и те натяли (изредка в речи Трофима Михеевича прорывается типичный для марковцев вы-говор. — *Т.Ш.*) на них подыматься, подни-маться к ним туда. Тогда они забили часть оленей, связали нарты, и когда те на них близко подошли, они пустили на них эти нарты. Вот поэтому её и называли Амоча. Амоча — это, знатит, кровавая. Мне расска-зывал это один дед тут, в Анадыре. Этот Никулин-те. Никулин, а как его звали, я не помню сяс».

Авторы «Топонимического словаря Се-веро-Востока СССР» (Леонтьев, Новикова, 1989) не связывают происхождение назва-ния сопки Амоча со сражением Павлуцкого. Отряду Павлуцкого действительно пришлось вести бой, окончившийся поражением «не в способном месте, для того, что они, непри-ятеля, стояли на горе, а наш приступ был из-под горы» (цит. по: Колониальная полити-ка..., 1945. С. 169), но было это не в устье Анадыря, а на речке Орловой, как сообща-ется в исторических документах (Там же. Сс. 169, 171)

Скатывание на противника гружёных нарт при оборонительном бое на вершине горы, по-видимому, было типичным в местном арсенале военных приёмов. Известен документ — секретное доношение в Иркутскую провинциальную канцелярию от 1751 года, — описывающий сходную ситуацию (Там же. С. 116–117).

Рассказал Т.М. Воронцов и слышанную им версию гибели майора Павлуцкого: «Ну это вообще тут в Марково многие знали, что вот Майорская... Как коряки гнались тозэ за этим Павлуцким. Вот окружили они, загнали их на сопку. Там небольшая сопочка, я на ней был. Вот. Озеро большое. Но это зимой было, сто ли? Когда было, я не помню. А вобщем они оказались на этой сопочке, и коряки их там зажали. И там они их и побили многих, в том числе и Павлуцкого. Но говорят, что он, якобы, был в доспехах. Вот. И они его поймали чаутом. И вот около горла у него была прореха, ножами они его... стрелами убить не могли и они, вот, прирезали его. Перерезали ему горло терез отверстие, которое было в доспехах. Вот такое говорили».

В этой версии врагами представляются коряки, а не чукчи, хотя на самом деле ясачные коряки составляли часть ополчения Павлуцкого (Там же. С. 169). По-видимому, такая подмена произошла оттого, что, по рассказам, именно часть коряков бежала с поля боя, предав таким образом своего командира, оставив его на погибель.

Богораз слышал и записал несколько «Сказок о Якунине» — под этим именем вошел майор Павлуцкий в чукотский фольклор. Богораз высказывает предположение, что Павлуцкий, по традиции русских на Колыме и Анадыре, имел особое уличное имя, и его добавочное имя могло быть Якуня (Богораз, 1934. С. 172). Вместе с тем, возможно, что Якунин — это русское слуховое восприятие чукотского слова типа имени-причастия, образовавшегося от *јаа* (нар.) — «далеко», «*јаакен*» (прил.) — приходящий издалека (Богораз, 1937). Недаром Дионео (И.В. Шкловский) приводит чрезвычайно сходную транскрипцию чукотского выражения, кото-

рое и по смыслу вполне могло бы быть отнесено к русскому майору: «...*якуня кауль*, т. е. *людям издалека*, как они нас (приезжих русских; курсив наш. — Т.Ш.) окрестили, в отличие от колымчан...» (Дионео, 1895. С. 66).

Часть сказок-преданий, которые чукчи относят к разряду «Времен раздоров вести», Богораз опубликовал в научных трудах (Материалы по изучению..., 1900. № 15. Сс. 127–129) и ввёл в свои «Чукотские рассказы». Некоторые подробности этих преданий, по его наблюдению, «до известной степени совпадают и с русско-юкагирскими преданиями» (Там же. С. 93). Одно из них записал Богораз от обруселого омолонского старика Иннокентия <Югловского>. Этот текст был обнаружен автором в тетради, хранящейся в архиве Института востоковедения РАН в Петербурге:

«А то был в старину русский богатырь Пихлуцкий ли, как ли. Так он дрался тоже с чукчами, так он в кольчуге ходил. Он одинок, а чукоч обуза целая. Ну, чукчи его обступят, а он одного возьмёт, да так во все стороны махает. Ну, однако, напоследок его одолели, так проколоть-то не могут, а давком его взяли, повалили, всего истискали, всё живой, глаза-то вынули, лицо изрезали, а колоть станут, нож ломается, так напоследок сам он от великой муки кольчугу растегнул и грудь свою открыл. Ну после кольчугу смотрели, так сколько-то пудов»*.

Железный, сверкающий на солнце панцирь Павлуцкого, делавший его неуязвимым, производил на чукчей неизгладимое и устрашающее впечатление. «Огненный таньг, одетый железом, худо убивающий», «одетый белым панцирем, подобный белой чайке, с длинным копьём в руках» — так рисуется Павлуцкий в преданиях (Тан, 1962.

* Иохельсон В.И. Ф. 23, оп. 1, № 10 (3), л. 212 об. Тетрадь несомненно принадлежит В.Г. Богоразу, относится ко времени его участия в экспедиции Сибирякова, о чем свидетельствуют и пометки, и содержание записей, и даты. (См. также Скрыбина, 1989). Прим. авт.

Сс. 324–325). В.В. Антропова, досконально изучавшая вооружение народов Северо-Востока, в частности и по фольклорным источникам, заключает, что в фольклоре чукчей воины, одетые в лахтачьи панцири, всегда противопоставляются русским, одетым в железо (Антропова, 1957. С. 220).

Легендарная кольчуга Павлуцкого имела свою историю и после смерти майора. Одновременно с распространением фольклорных преданий она продолжала свою реальную жизнь, передаваясь из поколения в поколение в тойонском роде чукчей, победивших русского начальника. Из рук последнего её наследника кольчуга попала к колымскому исправнику барону Майделю, о чём он сам рассказал:

«Я очень трогательно простился со стариком Амвраоргиным... В качестве последнего дара он принёс мне кольчугу Павлуцкого, которая находилась в его семействе, насколько он мог припомнить, со времён деда. О смерти Павлуцкого он не мог мне ничего рассказать или не желал этого по каким-то ему одному известным причинам, но он утверждал, что кольчуга принадлежала майору; по всей вероятности, оно так и было. Она состояла из очень искусно вложенных друг в друга железных колец и напоминала собой род панцирей, которые носили сподвижники Ермака Тимофеевича и первые продолжатели его дела. В Западной Сибири таких кольчуг было найдено несколько, в Восточной же — они крайне редки. Во всяком случае, они были уже неизвестны завоевателям Колымы. Только про Павлуцкого рассказывается, что в своих походах он всегда носил подобный кольчатый панцирь. Принимая в расчёт, с одной стороны, то обстоятельство, что такая кольчуга у него действительно была украдена, а, с другой, что сражение, в котором он погиб благодаря измене сотоварищей, было единственным, в котором чукчи одержали верх над русскими, не подлежит сомнению, что кольчуга эта принадлежит ему. Я принес её в дар Иркутскому музею, где она погибла во время пожара в 1879 г.» (Путешествие по северо-восточной части..., 1894. С. 264).

Факт, рассказанный Майделем, нашёл отражение в одном из преданий: «Упал Якунин, тотчас же испустил смертный вздох. Набежали вдвоём. Чымыкы белый панцирь снял, сам на себя надел, всё бело-чаечное железное одеяние» (Материалы по изучению..., 1900. № 15. С. 93). Ещё по документам XVIII века известно, что железные русские панцири становились трофеями воинов-аборигенов. Василий Бугор сообщает в своей челобитной: «Матюшку Медника убили в куюке* и куюк с него унесли» (цит. по: Антропова, 1957. С. 219).

Неудивительно, что старый Амвраоргин не захотел рассказывать русскому исправнику о кончине майора. Гибель Павлуцкого, ставшая для чукчей символом прекращения войн с русскими, приобретает в их преданиях кульминационное значение. Она описывается в различных вариантах, которые соперничают в изощрённой жестокости. Но и то, как «худо убивал» русский начальник, описывается в преданиях подробно и страшно: «Держали за ноги, разрубали топором сверху вниз промежду ног, внутренности выпадали» (Материалы по изучению..., 1900. № 129. С. 333). Существует немало и документальных свидетельств о карательных расправах, которые чинились во время походов майора. Вот почему чукчи так его «боялись, что не могли без ужаса произносить его имени» (Путешествие по северо-восточной части..., 1894. С. 64).

Реальные факты в памяти местных жителей переплетались с вымыслом, приобретали вариантную множественность. Исключительно устное распространение вестей во многом способствовало их фольклоризации. «Какими неизвестными путями распространяются вести по тундре, безлюдной и пустынной?.. Разносят ли их птицы, или они разбегаются сами незримыми волнами вроде беспрово-

* «Куюк — шелом, кивер... Щитковые, чешуйные или наборные латы из кованых пластинок по сукну». В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, «Прогресс», 1994. Т. 2. С. 591. *Прим. авт.*

лочного телеграфа?» — образно вопрошает Богораз в одном из своих рассказов (Тан-Богораз, 1958. С. 91).

В конце концов многие факты переплелись в сознании аборигенов в традиционные для местных фольклорных повествований мотивы.

Так, во многих преданиях о Павлуцком исход сражения решается поединком героев, что характерно для фольклора всех народов Крайнего Северо-Востока: «На утро пошли сражаться: Якунин, железом одетый, Нанкач'ат, одетый лахтаками, двое» (Материалы по изучению..., 1900. № 127. С. 331).

В преданиях происходит замена имён. Майор утрачивает свое подлинное имя. Для чукчей Павлуцкий не было «говорящим именем», но трудно произносимым и ничего не обозначающим созвучием*. Его противники получают имена разных богатырей, предводителей — *эрмэчын'ов*, некоторые из них известны также по более ранним преданиям о чукотско-корякских войнах, как, например, *Лавтылывалын* («Кивающий головой») и другие» (Материалы по изучению..., 1900. С. 93. Прим. 2).

Поступки и явления гиперболизируются. Кольчуга майора весит «столько-то пудов» (см. выше). Встретившись с врагами, Якунин вверх прыгнул «как раз с лиственницу вышиной» (Материалы по изучению..., 1900. № 15. С. 92). Прыжки — один из приёмов самообороны от летящих стрел, которому с детства обучаются мужчины, — типичны в поведении местных эпических героев (Антропова, 1957. Сс. 242–244). Битва двух продолжается, пока солнце обходит вокруг неба, копьё стирается о землю до обуха (Материалы по изучению..., 1900. № 127. Сс. 331). Помощник Якунина — «приёмыш,

взращённый из кочевых людей» — так силен и проворен, что догоняет дикого оленя и, убив, вскидывает за заднюю ногу, так и уносит домой (Материалы по изучению..., 1900. № 127. С. 331). Богатырь — противник Якунина — может задержать ледоход, улёгшись поперёк реки, и по нему, как по твёрдой земле, переходят кочевые обозы (Материалы по изучению..., 1900. № 127. С. 331). Другой богатырь, из юкагирской песни (см. выше юкагирскую песню, записанную Матюшкиным), «исторгает листвень с корнем» — мотив, типичный для русских былин, известный и по образцам с Индигирки, а также встречающийся в фольклоре коряков и ительменов (Русская эпическая поэзия..., 1991. № 50–54. З. С. 240).

Типичен для местных преданий поступок героя, когда он, видя невозможность дальнейшего сопротивления, не просит пощады, а сам торопит врага убить его, предпочитая смерть плену или дальнейшим мукам. Так поступает помощник Якунина, произнося формулу добровольной смерти: «Если я стал для тебя добычей (убей)!» (Материалы по изучению..., 1900. № 127. С. 331), так поступает Павлуцкий: «Кольчугу расстегнул и грудь свою открыл» (см. выше). В.В. Антропова (1957. С. 235) в своих исследованиях делает вывод, что «обычай — смерть вместо плена — по-видимому, очень древний».

Типичным оказывается и факт оставления в живых свидетелей: «Ещё двух русаков (взяли живыми — *Т.Ш.*)... Будете смотрящими, что мы сделаем, что прекратилось худое убивание наших» (Материалы по изучению..., 1900. № 129. С. 334). Далее следуют описание долгой, жестокой пытки-убивания русского «начальника» и наказ свидетелям: «Теперь скажите вашим, чтобы прекратилось худое убивание людей». Подобный мотив встречается и в других преданиях, как, например, о нападении кочевых людей на береговых, где специально оставленные свидетели должны напомнить своим о необходимости соблюдения определённых правил ведения войны, а именно, о необходимости сообщения, предупреждения о начале вой-

* Богоразу было известно, что в одной из статей, напечатанной в сибирской газете, Аргентов (православный миссионер) говорит, что имя Павлушка часто встречается в чукотских сказках. Однако Богораз не смог отыскать эту статью, и имя Павлушка не попадалось ему в чукотских сказаниях (Богораз, 1937. С. 172). *Прим. авт.*

ны (Меновщиков, 1950. С. 21). Последнее В.В. Антропова (1957. С. 233) относит к военной тактике раннего периода развития общества, когда ведение войны основывалось на нормах родовой мести. Поэтому и сам мотив, который вобрали в себя предания о Павлуцком, очевидно, можно отнести к раннему слою военных повествований.

Всё говорит о том, что майор Павлуцкий становится «полноправным» персонажем, собирательным образом повествовательных фольклорных жанров. Песни и предания о нём наполняются типовыми фольклорными мотивами, будучи сами поглощёнными потоком эпического сознания аборигенов края. И происходит это в достаточно короткий исторический период. Если сопоставить сроки гибели Павлуцкого и наиболее ранней записи — эпической юкагирской песни, сделанной Матюшкиным, — это примерно семьдесят лет, то есть ещё отец исполнителя мог быть современником событий.

Деятельность майора Дмитрия Ивановича Павлуцкого была столь значительна и приметна, что его имя непременно и многократно упоминается в «Отчётах...», «Путешествиях...», «Описаниях...» географов, историков, исследователей Северо-Востока Сибири XVIII–XIX вв. Кроме ратных дел, он был и начальником Анадырского острога, и якутским воеводой, его поход по побережью Ледовитого океана доказал возможность прохождения по суше от мыса Шелагского до Чукотского носа (мыс Дежнёва — *Прим. ред.*); по инициативе Павлуцкого было произведено обследование побережья и островов в Беринговом проливе, что положило начало изучению Америки со стороны Сибири (Очерки истории Чукотки..., 1974. С. 91).

На этом фоне неслучайным кажется молчание наших энциклопедий. Статей о Павлуцком нет ни в Большой, ни даже в специальной Сибирской советских энциклопедиях. Есть, правда, статья в энциклопедии Брокгауза и Эфрона (1897. С. 575). Павлуцкий назван в ней скромно и безобидно: «Майор, путешественник», затем перечис-

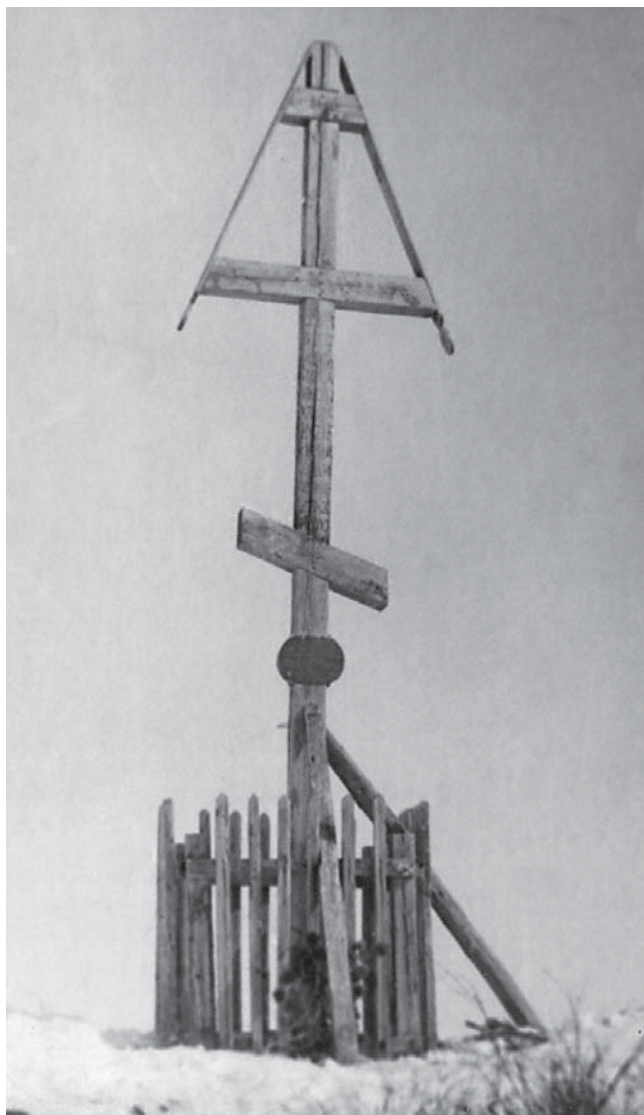
ляются некоторые его походы, а кончается статья сведением: «Умер в Якутске воеводою». Что это — ошибка, фальсификация? ещё в 1869 г. была опубликована работа А. Сгибнева «Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова», в которой автор сообщает на основании документов, извлечённых из дел сибирских архивов, что Павлуцкий «убит чукчами 21 марта 1747 г.* недалеко от Анадырского острога». Там же он указывает на ошибочные представления о смерти Павлуцкого, имевшие место в некоторых публикациях: «Следовательно, Миллер (ежемесячные соч., 1758 г. Май. С. 426) и Берх (Сын отеч., 1812 г. Кн. 2) неправильно говорят, что Дмитрий Павлуцкий умер, будучи якутским воеводою. В руках наших было подлинное дело о смерти Павлуцкого. Правда, что был в 1759 г. якутским воеводою Павлуцкий, но только Андрей, однофамилец первому» (Сгибнев, 1869. С. 34).

В издании «Путешествия...» Ф. Врангеля (1948) в именном указателе Павлуцкий назван не менее скромно и безобидно: «Исследователь северо-востока Азии». Всё это представляется тоже явлением «мифотворчества», в этом случае — официально-идеологического. Противоречивый персонаж эпохи колонизации Сибири не должен был наводить тень на реноме национальной политики ни царской, ни советской власти.

Но вернёмся к русской марковской песне, наиболее полный словесный текст которой был записан в тетради в те же дни или в тот же день, что и фонограмма (в правом верхнем углу листа с текстом песни сделана приписка: «Записана на цилиндр № 12 Лапухин» — ещё одно доказательство соответствия записи в тетради той же фонограмме, что была сделана от «Ульяны Никитевны, Сазычихи». — *Т.Ш.*):

* «Доношение» и «Репорт» участников сражения, в котором погиб Павлуцкий, сообщают дату — 14 марта 1747 г. (10. С. 169, 173). Эта дата считается в настоящее время общепризнанной, хотя в некоторых публикациях встречаются и другие (Дионео, 1895. С. 236; Иохельсон, 1997. С. 216).

Тропою Богораза

1900. № 15. С. 92). Как известно, юкагиры и чуванцы «доставляли главный контингент помощников казакам» (Путешествие по северо-восточной части..., 1894. С. 62).

Воспоминания марковцев о Павлуцком, по-видимому, всколыхнулись и в связи с мемориальным актом — воздвижением в 1900 г. креста на предполагаемом месте его гибели — на Майорской (Майоровской) сопке, возвышающейся над одноименным озером.

К кресту прикреплен медальон со следующей надписью: «Въ 1747 году, чиня службу государеву, на семъ месте палъ въ честном бою Маіоръ Павлуцкій; вместе съ нимъ, славною смертию храбрыхъ, полегла здесь часть его воинской команды и часть верныхъ союзниковъ Чуванцевъ.

О православных воинахъ и всехъ за веру и отечество на брани убіенныхъ Господу помолимся!

1900 г. іюля 20 го дня»*.

Верным союзникам — чуванцам, по свидетельству Майделя, пришлось вынести на себе всю силу мести чукчей после смерти известного майора Павлуцкого (Путешествие по северо-восточной части..., 1894. С. 64).

Трофим Михеевич Воронцов рассказывал автору: «Ну вот отец мой как раз, говорят, утешивал, когда отвозили крест туда. На трёх нартах крест везли. Они после уже устанавливали этот крест... На трёх нартах, говорят. Крест отъезъ большой был. И нарты-то у нас небольшие, даже если четырёхкопылка, они всё равно... Ну вот. На одну нарту положили, на вторую и на току вот на трёх нартах, а потом собак уже подпрягали. Делали-то [крест] в Марково».

Отец Трофима Михеевича действительно мог участвовать в установлении креста. По сведениям, почерпнутым из марковских церковных книг, ему было тогда семнадцать лет.

Следует здесь сказать, что как по поводу даты, так и по поводу места гибели Павлуцкого существует несколько версий. Богораз (1937. С. 50), ссылаясь на одно из преданий,

* Надпись воспроизводится с фотографии, сделанной в 1975 г. Виктором Николаевичем Перышкиным, тогда учащимся марковской школы, и подаренной автору статьи. *Прим. авт.*

указывает другое место – так называемую Юкагирскую сопку, хорошо видную из села Марково. Всё же, как свидетельствуют приведённые выше документы, составленные участниками события, гибельное для Павлуцкого сражение произошло на горе «на усть речки Орловой» (Колониальная политика., 1945. Сс. 169, 171, 172).

Очевидно, магия самого начальственного звучания слова «майор», вызывавшая у марковцев совершенно конкретные ассоциации, рассказы стариков, возможно, память о том, как Павлуцкий производил среди местных жителей наборы в своё ополчение, – всё это накрепко связало майора из русской рекрутской песни с реальным майором Павлуцким.

Интересно, что два марковских напева, записанные с промежутком в шестьдесят пять лет, заметно отличаются друг от друга и, в то же время, объединены целым рядом признаков, тяготеющих к вариантам этой песни с берегов Пинеги, Мезени и Печоры (Песни Пинежья, 1937. № 107, № 107а; 1. № 50; 18. № 2, № 196; 17. № 52, № 53). При различной ритмической интерпретации тонического девятисложного стиха безусловна общая с ними картина интонационно-ладового развития; соотношение устоев, иногда почти буквальное совпадение ступеней в моменты мелодико-стиховых акцентов, совпадение целых мелодических оборотов.

Словесный текст марковской песни также близок названным записям из Архангельской области.

Наибольшее сходство проявляется с одним из мезенских (Песенный фольклор Мезени, 1967. № 53] и нижнепечорским (Песни Печоры, 1963. № 196] вариантами. Наряду со значительной интонационной близостью (несмотря на отличие конечного устоя в нижнепечорском напеве. – *Т.Ш.*), здесь – то же одностиховое строение напева. Однако композиция мезенской и нижнепечорской песен отличается наличием цепного запева, который вычленяет и повторяет последнее полустишие. Такая песенная строфа в полтора стиха в одном из марковских вариантов (запись 1965 г. – *Т.Ш.*) трансформи-

руется в аналогичную строфу, где «третье» полустишие выполняет не запевную функцию, а функцию каденционного дополнения. Примечательно, что мезенские певички при пении изредка пропускали запевы-зачины (о чём сообщают в комментарии к песне авторы записи – *Т.Ш.*), и таким образом возникала чисто одностиховая музыкальная форма, аналогичная марковскому варианту столетней давности. Возможно, одностиховая форма являлась первичной в эволюции песни, такие её образцы были зафиксированы в Поморье, где песня бытовала в качестве рекрутского причитания (Русские народные песни Карельского Поморья, 1971. №№ 17; 23, 82).

Композиционное и ритмическое различие марковских напевов при определённом интонационном их родстве можно объяснить или бытованием здесь двух версий песни – эпической (запись начала века. – *Т.Ш.*) и лиро-эпической (запись 1965 г. – *Т.Ш.*), или тем, что песня эта не была общераспространённой на Анадыре и изменялась, подчиняясь индивидуальной исполнительской трактовке. Запись 1965 г. демонстрирует как раз сольно-импровизационную манеру пения, что проявляется в ритмической и метрической нестабильности мелодико-стиховых построений.

Близкий вариант той же песни (её поэтический текст. – *Т.Ш.*) был записан в 1946 г. и на Индигирке (Фольклор Русского Устья, 1968. № 135. С. 253). Совершенно очевидно происхождение анадырской и индигирской песен из одного источника, скорее всего – восточной части Русского Севера. Ничего не известно о какой-либо связи песни с именем Павлуцкого, хотя на Индигирке о нём безусловно знали и на берегу самой реки стояла путевая мета – крест, называемый «Майорским». Ф. Врангель (1948. С. 376) пишет, что крест этот был «поставлен Павлуцким перед походом (и смертью) его в Чукотскую землю». Да и само слово «майор» выпадает из индигирского варианта, оказывается необязательным, там поётся: «Приезжал молодой полковничек...» Связь песни с образом реального Павлуцкого произошла именно на Анадыре,

Тропою Богораза

где разыгрались когда-то наиболее значительные эпизоды военной биографии майора.

Таким образом, перед нами раскрывается наглядная картина рождения фольклорной ипостаси реального исторического лица.

ЛИТЕРАТУРА

- *Абрамский А.* Песни русского Севера. М., 1959.
- *Анадырский край: Рукопись жителя села Маркова г. Дьячкова // Записки Об-ва изучения Амурского края.* Владивосток, 1893. Т. 11.
- *Антропова В.В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири. // *Сибирский этнографический сб.* Тр. Ин-та этнографии. М.; Л., 1957. Новая серия. Том XXXV. Вып. 11. С. 99–245.
- *Богораз-Тан В.Г.* Чукчи. Л., 1934. Т. 1.
- *Богораз В.Г.* Луороветланско-русский словарь. М.; Л., 1937.
- *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Том XXIV.
- *Врангель Ф.П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948.
- *Дионео.* На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб., 1895.
- *Иохельсон В.И.* Коряки. СПб. 1997.
- Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. // Сборник архивных материалов. Л., 1945.
- *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
- *Леонтьев В.В., Новикова К.А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989.
- Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.Г. Богоразом. Часть 1: Образцы народной словесности чукок. СПб., 1900.
- *Меновицков Г.А.* Чукотские, эскимосские, корякские сказки. Хабаровск, 1950.
- Областной словарь Колымского русского наречия / Собр. и сост. В.Г. Богораз. СПб., 1901. Т. 86. № 4.
- Очерки истории Чукотки с древнейших времён до наших дней. Новосибирск, 1974.
- Песенный фольклор Мезени. / Сост. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Мит-

С одной стороны, это мифологизация исторического героя в фольклоре аборигенов, с другой стороны – историческая персонификация героя фольклорного в русской песне марковцев.

рофанова, В.В. Коргузалов // Памятники русского фольклора. Л., 1967.

• Песни Печоры / Сост. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский // Памятники русского фольклора. М.; Л., 1963.

• Песни Пинежья. Материалы фонограмм-архива, собранные и разработанные Е.В. Гиппиус и З.В. Эвальд. М., 1937. Кн. II.

• Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя. СПб., 1894.

• Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. / Сост. Ю.И. Смирнов, Т.С. Шенталинская // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991.

• Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.А. Коски, А.А. Митрофанова. Л., 1971.

• Русские народные песни Поморья / Сост. С.Н. Кондратьева. М., 1966.

• *Сгибнев А.* Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова // *Морской сборник.* СПб., 1869. № 2.

• *Скрыбина Л.Н.* Записи былин В.Г. Богораза, обнаруженные в собрании В.И. Иохельсона // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 153–158.

• *Тан-Богораз В.Г.* Казаки у Полярного круга // Северные рассказы. М., 1958.

• *Тан (В.Г. Богораз).* Восемь племен. // Чукотские рассказы. М., 1962.

• Фольклор Русского Устья / Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский // Памятники русского фольклора. Л., 1968.

• *Шенталинская Т.С.* Не прошло и ста лет... // *Живая старина.* М., 1999. № 2. С. 31–34.

• *Шенталинская Т.С.* Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов // Фольклор: Комплексная текстология, М.: ИМЛИ РАН. Готовится к печати.

• The Jesup North Pacific Expedition // *Am. Museum Jour.* 1903. Vol. III. № 5.

*Фото IV-1**. Петр Пенеуги (1920–1999) с одним из мальчиков, которых он обучал морскому промыслу.
Инчоун, 1988. Н. Носов. © Архив Л. Богословской.

Фото IV-2. Ритуальное кольцо из черепов маленьких серых и гренландских (на снимке справа) китов.
Мыс Кыгынин острова Аракамчечен. 1978. Н. Перов.
© Архив Л. Богословской.

Фото IV-3. Группа черепов гренландских китов. «Китовая аллея».
Остров Ыттыгран. 1981. © С. Богословский.

*Фото IV-4.** Общий вид западной части «Китовой аллеи» — эскимосского ритуального комплекса, созданного в XV–XVIII вв. на острове Ыттыгран.
1978. П. Блузма. © Архив Л. Богословской.

*Фото IV-5.** Древнее селение Мечигмен (Масик).
1981. © С. Богословский.

Фото IV-6. Мыс Чукотский с кекурами (каменными «человечками»-юпигом).
1981. © С. Богословский.

Фото IV-7. «Каменные люди» мыса Кригуйгун. В 1980-х гг. их ещё кормили жители Лаврентия.
1981. © С. Богословский.

Фото IV-8. Менгиры острова Ыттыгран.
1981. © С. Богословский.

*Фото IV-9.** Один из самых крупных менгиров на острове Ратманова.
1987. © Л. Богословская.

Фото IV-10. Ваежские чукчи. Ритуал сожжения умершего: покойница лежит на стволах деревьев, подготовленных для погребального костра.
Ваеги, 2002. © В. Нувано.

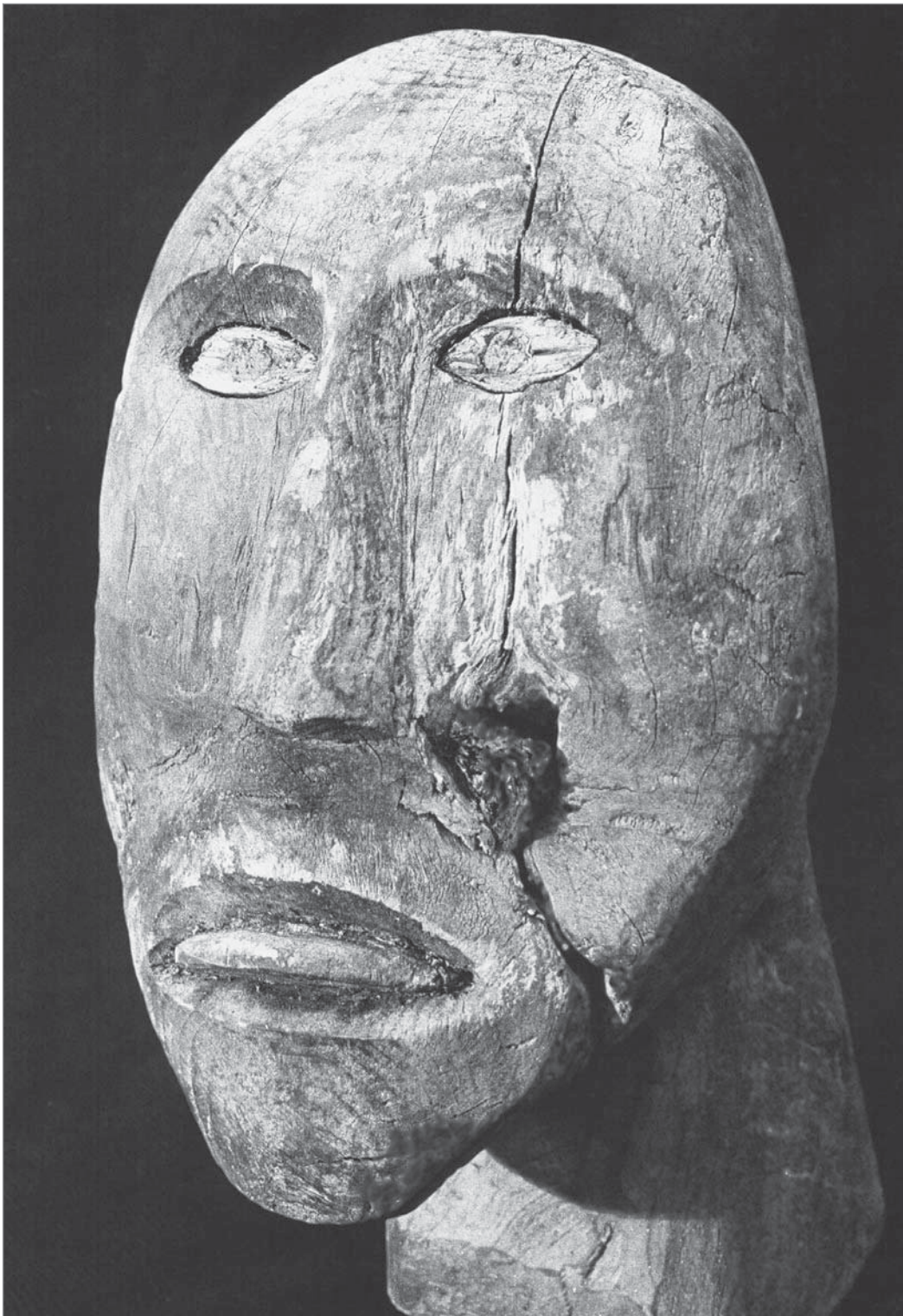
Фото IV-11. Ваежские чукчи. Ритуал сожжения умершего: погребальный костер зажжён.
Ваеги, 2002. © В. Нувано.

Фото IV-12. Чукотская могила, типичная для 1970–1980-х гг.
Янракиннот, 1978. П. Блузма. © Архив Л. Богословской.

*Фото IV-13.** Ритуальная фигура птицы («гагара») с человеческим ликом на груди.
Эскимосы-инуиты острова Ратманова, XIX в. Дерево, резьба, рельеф;
53 см х 28 см х 8 см. ГМИНВ, № 11142-III.
Н. Конюхов. © Архив Л. Богословской.

*Фото IV-14.** Тотем «Голова предка». Эскимосы-инуиты острова Ратманова, XIX в.
Дерево, резьба, инкрустация другими породами дерева, органические красители;
22 см х 15 см х 8 см. ГМИНВ, № 11140-III.
Фото ГМИНВ. © Архив Л. Богословской.

Фото IV-15. Морской охотник Владимир Чиной
с вожакom своей упряжки Мухтаром.
Лорино, 2001. © Е. Богословская.

Фото IV-16. Морской охотник Леонид Омытгев (годы жизни не известны)
с вожакom своей упряжки перед выездом на зимнюю охоту.
Инчоун, 1988. Н. Носов. © Архив Л. Богословской.

Фото IV-17. Гонка Провидения–Сиреники.
Александр Рыкаврау (Янракыннот). Провидения, март 2005. © И. Загребин.

Фото IV-18.* Во время гонок жители посёлков по традиции
встречают и провожают каюров танцами.
Провидения, март 2005. © И. Загребин.

*Фото IV-19.** В дни летних морских праздников лучшие танцоры выступают перед многочисленными зрителями прямо на берегу моря, как Юлия Тынен (?). Лорино, 2004. © Архив В. Ларионова.

Фото IV-20.* Хранительницы эскимосских традиций во время Праздника первого кита. Сиреники, 1988. Н. Конюхов. © Архив Л. Богословской.

*Фото IV-21.** Выступление чукотского танцевального ансамбля во время регаты «Берингия». Лорино, 2004. © Архив В. Ларионова.

Фото IV-22.(а, б)

У чукотских оленеводов женщины сохраняют традиции изготовления одежды из оленьего меха, самого тёплого и лёгкого на свете.

Их дети с первых минут жизни погружены в олений мех.

Лорино (?), 2004.

© Архив В. Ларионова

Фото IV-23. Один из лучших оленеводов Чукотки Н.И. Нувано с сыном Юрием. В семьях коренных жителей Чукотки, сохраняющих традиции, отцы внимательно и нежно относятся к детям. Они проводят с детьми всё свободное время, любят гулять и играть с ними. Мужчины с малых лет воспитывают своих сыновей, постепенно вовлекая их в дела взрослых и передавая традиционные знания и профессиональные навыки (см. также фото II-15).
Ваеги, 1976. Л. Паутов. © Архив В. Нувано.

Фото IV-24. Многие годы знаменитая эскимосская мастерица У.И. Ухсима (1915–1989; см также фото III-48) обучала девочек традиционным способам изготовления одежды, обуви, украшений из меха и шкур морских зверей. Провиденция, 1980-е гг. К. Лукашевич. © Музей Берингийского Наследия

КОММЕНТАРИИ К ФОТОГРАФИЯМ РАЗДЕЛА IV

Фото IV-1. Яркий представитель охотников старшего поколения, Пенеуги в свои преклонные годы стремился передать традиции морской зверобойной культуры как можно большему числу подрастающих охотников. Он учил ребят уважать зверей, работать в коллективе, почтительно относиться к предкам, а также обрядам и ритуальным сооружениям, которые они создали.

Фото IV-4. «Китовая аллея» — эскимосский культовый памятник на острове Ыттыгран. Открыт в 1976 г. этнографом М. А. Членовым, обследован им совместно с И. И. Крупником и С. А. Арутюновым. Построен из нижних челюстей и черепов 50–60 гренландских китов, содержит также различные выкладки из камней и земляные ямы разной величины.

Открытие «Китовой аллеи» изменило научные представления о сообществах оседлых полярных охотников на морского зверя. По своему характеру памятник близок к мегалитическим комплексам Западной Европы (Стоунхедж, Кольцо Бродгара и др.), возведение которых требовало высокой социальной организации человеческих коллективов.

Фото IV-5. Мечигмен (по-эскимосски Масик) — хорошо сохранившийся древний посёлок Чукотки, один из самых больших, — до 1 км длиной. По данным Динесмана с соавторами (1996), морские охотники начали добывать здесь взрослых гренландских китов около 1700 лет назад. Большое количество черепов свидетельствует, что в течение многих столетий жители активно промышляли также моржей, детёнышей серых китов и горбачей. Жилища селения построены из костей серых и гренландских китов.

Столбы-челюсти и черепа гренландских китов, вкопанные вертикально, носовой час-

тью в землю, были священными — им поклонялись, кормили ритуальной пищей. Подобный череп виден на заднем плане, справа от группы из трёх столбов. Обычно такие культовые объекты окружали черепами маленьких серых китов со скуловой шириной не более 75–90 см, — один из них, повёрнутый затылочным отверстием вверх, — на переднем плане снимка.

Фото IV-6 и IV-7. Эскимосы очень почтительно относились к камням, похожим на человеческие фигуры. Они верили в возрождение и переселение душ умерших в любые природные объекты, даже камни, которые, возможно, олицетворяли для эскимосов их предков.

Фото IV-8. Менгиры, или памятные камни, вертикально поставленные людьми, считаются священными у многих народов мира. На востоке Чукотского полуострова каждый древний и традиционный эскимосский посёлок имел своё поле менгиров, обычно соразмерное с величиной селения.

Фото IV-9. Грандиозное поле менгиров на острове Ратманова расположено в его южной части, на плато, а ниже его, чуть к северо-востоку, находятся остатки посёлка Имаклик. Менгиры Ратманова ещё более, чем «Китовая аллея», напоминают мегалитические памятники Западной Европы. Многие из вертикально поставленных камней весят несколько тонн, значит, для их установки требовалась не одна пара рук. На некоторых менгирах лежат «стопки» небольших плоских камней, давно поросших мхом и лишайниками.

Фото IV-13 и IV-14. Птица с человеческим ликом на груди (условно названная гагарой), как и голова на следующем снимке, — часть коллекции культовых предметов

Тропою Богораза

эскимосов-имакликцев, живших на острове Ратманова до конца 1920-х гг. В коллекцию также входили парные предметы из дерева: две маленькие байдарочки для магических представлений на Празднике кита, две маски, две неширокие дощечки с человеческими лицами. Эти вещи нашёл Игорь Гончаров, прапорщик пограничной заставы о. Ратманова, на крутом склоне, прямо над руинами посёлка Имаклик. По словам Гончарова, вещи были спрятаны в камнях, рядом он видел много подобных изделий, но достать их из-под тяжёлых глыб было невозможно. В 1986 г. И. Гончаров отдал птицу, голову и по одному предмету из каждой пары Л. Богословской, которая привезла их в Москву и передала в Государственный музей искусства народов Востока (ГМИНВ).

Старейшие эскимосы-науканцы сообщили, что эти вещи (не науканские, «чужие») принадлежали эскимосам-имакликцам, все они «мужские», их не должны касаться женщины, их нельзя вносить в дом. Т. Панаугье из эскимосского села Сиреники рассказал, что, согласно преданию, очень давно жители посёлка, добывшие кита, вставляли птице второе крыло из китового уса и отправляли её по течению к соседнему посёлку, чтобы дать весть о добыче. Соседи, выловив птицу, определяли по вставленному крылу, какой кит добыт, и спешили в гости, чтобы получить свою долю мяса и мантака и участвовать в Празднике кита.

Два небольших углубления на подбородке человеческого лица птицы обозначают лабретку, костяное украшение, вставленное в нижнюю губу. Лабретки в определённый исторический период носили некоторые племена эскимосов-инуитов, но они не известны у азиатских эскимосов-юпик.

Фото IV-14. Сотрудники ГМИНВ предполагают, что эта голова — часть статуи, вырезанной из плавника известным имакликцем Анеука, жившим в XIX в. Несмотря на небольшие размеры, голова выглядит монументально. Белки глаз сделаны из светлого дерева, зрачки — из древесины коричневого цвета. Самая поразительная черта — высунутый язык, что характерно для антропоморфных скульптур американских индейцев. Это говорит о влиянии индейских культур на эскимосов-инуитов, в том числе имакликцев.

Фото IV-15. Ездовые собаки — важнейший компонент морской зверобойной культуры эскимосов и береговых чукчей. В 2001 г., когда был сделан этот снимок, Мухтар являлся одним из лучших представителей аборигенной породы «чукотская ездовая».

Фото IV-18. Проводы участников гонки на собачьих упряжках Провидения—Сиреники 2005 г. На бубне играет Наталья Петровна Татапия (уроженка села Сиреники), сотрудник районного Центра культуры и досуга, руководитель ансамбля «Ах'таг'ак'». Танцуют (слева направо): Надежда Татапия (дочь Натальи Петровны), Наталья Тынатгыргина, Любовь Ахкива.

Фото IV-20. На снимке слева направо: У.И. Ухсима(1915–1989), Нунуна(1914–1995), Пыну (1929–2005?), Пугзяк (1930), личность не установлена (возможно, это Анкана), Панана (1919–2006), В. Выйе (1917–1997), Сивугун (1916–19??).

Фото IV-21. По сообщению А.Оттоя, в первом ряду крайняя справа — Наргино; а во втором ряду (слева направо): Михаил Коткиргын, Хальхаегин, Вэкэт, личность не установлена, Тынанпэгляу.

V

АРХИВЫ ЧУКОТКИ

ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РОССЫПИ ЗОЛОТА НА ЧУКОТКЕ

Началом геологического изучения Чукотки можно считать 1823 г., когда лейтенант Российского флота Отто Евстафьевич Коцебу при плавании на бриге «Рюрик» впервые выдвинул гипотезу об аналогичном строении берегов Чукотки и Аляски. Отрывочные сведения о геологическом строении полуострова по наблюдениям в районе береговой полосы приводят Врангель (1820–1824 гг.), Постельс, участник экспедиции на шлюпе «Сенявин» (1826–1829 гг.), Норденшельд (1878 г.), Мьюир (1881 г.), Даусон (1891 г.). Постельс поддержал гипотезу Коцебу о единстве пород и геологического строения азиатского и американского берегов Берингова пролива. Он сделал перечень горных пород в берегах залива Св. Лаврентия, пролива Сенявина, залива Св. Креста.

С открытием золота в Номе на Аляске (1898 г.) американцы устремились и на Чукотку в надежде найти подобные месторождения и здесь. Чтобы воспрепятствовать этому, Правительство России в 1900 г. запретило ведение на Чукотке частных горных работ. Кабинет Министров Правительства 11 апреля 1900 г. предоставил шталмейстеру Двора Его Императорского Величества В.М. Вонлярлярскому, предложившему снарядить за свой счёт экспедицию, исключительное право разведки и добычи золота и других полезных ископаемых в 100-верстной* прибрежной полосе Чукотки. Экспедиция должна была направиться на Чукотку в 1901 г. после тщательной подготовки. В феврале 1900 г. в Петербург приехал англичанин Ф. Беккер, чтобы хлопотать о приложении иностранных капиталов для исследования и разработки месторождений на Чукотке.

*Неметрические единицы длины, площади и массы см. в Приложении № 2. *Прим. ред.*

Назрела необходимость скорейшего исследования полуострова ввиду угрозы перехода сотен и тысяч американцев на Чукотку в поисках золота.

Это вынудило Вонлярлярского послать экспедицию уже в 1900 г. при участии в деле английского «Восточно-Сибирского синдиката», основной капитал которого составлял 100 тыс. фунтов стерлингов.

Вонлярлярский предложил возглавить экспедицию геологу К.И. Богдановичу, будущему профессору Краковской Горной академии наук. В связи с отсутствием на Чукотке представителей Горно-административного надзора Богданович получил официальное назначение быть представителем Министерства Земледелия и Государственных Имуществ.

Экспедиция направилась из Сан-Франциско на пароходе «Самоа» грузоподъёмностью 500 т. Согласно замечаниям Приамурского Генерал-губернатора, в её состав были включены врач, пять камчатских казаков, двенадцать русских рабочих и служащих. Они должны были прибыть из Владивостока в бухту Провидения на военном транспорте «Якут». Иностранных рабочих (китайцев и американцев) нанял в Сан-Франциско Ф.Беккер. К сожалению, капитан «Самоа» Янсен оказался человеком неграмотным в морском деле и алкоголиком.

За полевой сезон 1900 г. Богданович изучил прибрежную полосу от бухты Провидения до Колючинской губы. В своей книге «Очерки Чукотского полуострова» (1901) он дал представление об орогидрографии и геологии Чукотского полуострова, а также выделил известково-сланцевую Номскую серию горных пород, с которой связал золотосодержащую полосу полуострова. В морских косах он установил присутствие россыпного золота в составе гранатовых песков (rudy sand), на-

Тропою Богораза

пример, к северо-востоку от Мечигменской губы, на биче (намывной косе). А в шурфе, заложенном также на биче между мысами Литке и Дежнёва, выявлено содержание золота до 1,5 золотника в 100 пудах пробы (6,38 г/м³). Из протолочек кварцевых жил на водоразделе бухт Эммы и Пlover, получены знаки золота.

Сотрудник экспедиции Робертс узнал в Номе, что американцы добывали золото в районе мыса Сердце-Камень. Но Богданович золото здесь не обнаружил.

В связи с отказом иностранных рабочих от работы, разведка наиболее благоприятных и перспективных участков была прекращена. 6 августа капитан «Самоа» Янсен, вопреки приказу Богдановича, направил пароход вместо бухты Провидения в Ном. По требованию начальника экспедиции Богдановича американских рабочих в Номе сняли с судна, а китайцы сами расторгли контракт. 16 августа «Самоа» вновь двинулся на Чукотку. В бухте Провидения русские перешли на военный транспорт «Якут» для возвращения во Владивосток.

Экспедиция Богдановича встретила три судна с русскими золотоискателями. 13 июня — пароход «Progress» купца из Владивостока Бринера, направленный для разведки на золото. В селе Яндагай располагалась разведочная партия Бринера в составе 12 человек, а на судне находился отводчик Иркутского Горного Управления. Поисковые работы этой партии не увенчались успехом. Около острова Ширлук* встречена шхуна «Надежда» того же Бринера, курсирующая в поисках золота. 25 июня в залив Св. Лаврентия зашел бриг «Вера» с поисковой партией при двух доверенных для разведок на золото между устьем реки Анадырь и заливом Св. Лаврентия. Богданович дал разъяснения всем о концессии Вонлярлярского и противоправности их притязаний (Богданович, 1901).

Вонлярлярский постарался изобразить дело так, что экспедиция Богдановича нашла

на Чукотке богатейшее золото. Он добился приёма у царя для личного доклада о блестящих результатах экспедиции и сообщил, что слухи о переходе американцев на Чукотку — вымысел.

В 1901 г. поиски промышленных россыпей золота на Чукотке продолжил В.Д. Иванов, нанятый Вонлярлярским. Это был агроном, выдававший себя за горного инженера. Естественно, положительных результатов не было получено, а экспедиция не оставила после себя даже отчёта (История Чукотки, 1989).

В Петербурге появилась книжечка «Забытая окраина», излагавшая со знанием дела ход двух экспедиций Вонлярлярского. Автор сообщал, что вторая экспедиция «подтвердила выводы Богдановича» и «разведки на золото дали во многих пунктах Чукотского полуострова благоприятные результаты». Книга была выпущена, чтобы поднять интерес к золоту Чукотки.

Еще в 1901 г. Вонлярлярский начал переговоры с богатым американцем Джоном Розиным и совместно с ним организовал «Северо-Восточное Сибирское Общество» [далее СВС-Общество] с основным капиталом 3 млн. руб. Летом 1902 г. Кабинет Министров утвердил Устав этого Общества и разрешил передать ему все права Вонлярлярского по договору с Горным департаментом в 1900 г. на разведку и разработку золота на Чукотском полуострове. В Устав Общества внесли изменения, утверждённые самим царем. Новые пункты разрешали «разведку и добычу полезных ископаемых (не исключая золота, платины и нефти)» не только на Чукотском полуострове, но и в «других местностях Приморской области». Дж. Розину было разрешено стать директором-распорядителем «СВС-Общества». Таким образом, руководство сразу перешло в руки американцев (Оводненко, 1911а; Ерофеев, 1940).

В 1903 г. Вонлярлярский за счёт СВС-Общества направил на Чукотку геологическую экспедицию горного инженера И.Д. Корзухина. Общество завезло на Чукотку 125 русских и 45 американских старателей для

* Остров Ыттыгран на современных картах. *Прим. ред.*

поисков месторождений золота мелкими разведочными партиями по примеру подобных работ на Аляске. Русские старатели нашли две убогие россыпи золота и на зимовку не остались. Американцы, разойдясь по всей территории и обнаружив несколько проявлений золота, остались зимовать (Оводненко, 1911а; Ерофеев, 1940). Официальный отчёт о весьма скромных результатах этой экспедиции был опубликован в 1907 г. (Корзухин, 1924).

Тем не менее, Вонлярлярский снова выступил с заявлениями об огромных перспективах добычи золота на Чукотке. Это позволило правлению Общества выпустить дополнительные акции ещё на один миллион рублей.

Дж. Розин развил активную деятельность по разведке золота на Чукотке силами нанятых им проспекторов. 13 августа 1905 г. на Малой Русской Кошке возле бухты Св. Николая (северный берег Анадырского лимана) высадились пятнадцать американских проспекторов. Часть из них занялась разведкой золота на реках Таваам (Тавайваам) и Танюрер, а также вокруг Ново-Мариинского Поста (Оводненко, 1911а; Рязанов, 1914; Ерофеев, 1940). К зиме 1905 г. три проспектора уехали, один умер. Оставшиеся на Русской Кошке одиннадцать человек продолжили поисковые работы.

Осенью американский проспектор Надó нашёл богатую россыпь золота на левом притоке реки Волчьей и в 1906 г. с двумя компаньонами добыл 960 унций золота (27 кг). На этом притоке, названном американцами Nadin creek [ручей Надó], был организован прииск Diskovegy [«Открытие»]. Золото обнаружили и по другим левым притокам реки Волчьей.

В 1907 г. Розин завез 45 рабочих с оборудованием для оттайки мёрзлых песков. Были доставлены также лошади, повозки и сборные домики для установки в местах разведок на притоках реки Волчьей. По результатам разведок сразу же началась добыча золота на ручье Надó. Первооткрывателя россыпи, проспектора Надó, опросил штабс-капитан

Н. Ф. Калинин, направленный военным губернатором Приморской области для надзора за деятельностью старателей. Калинин сообщает, что Надó — очень опытный проспектор. В момент встречи ему было 57 лет. За 33 года работы он дважды открывал довольно крупные месторождения золота в Колорадо и Канаде. Здешнее открытие было третьим. Выполнив свою задачу и прилично заработав, он собирается вернуться в Америку. Калинин осмотрел добычные работы, объехав на лошади все разведочные и эксплуатационные выработки, и сделал вывод, что золото добывали только на ручье Надó. На остальных притоках реки Волчьей велись лишь разведочные работы.

Американцы рассказали Калининкову, что Розин приезжал лично удостовериться в перспективности месторождения и забрал золото. Позже Розин прислал письмо, где сообщал, что зимой «намечается отогревать землю котлами и бить боковые шахты для определения пласта. Снимать сверху гравий и готовить золотоносную землю для летней промывки». Если промывка даст хорошие результаты, добычные работы будут распространены на другие реки, а на берегу залива построят посёлок (там уже было поставлено несколько домиков).

Русский золотоискатель Н. С. Коваленко, нанятый в 1908 г. американским заведующим прииском, сообщил, что промывку песков вели гидравликой. За 15 дней намыли 3600 унций золота (около 102 кг), что составило \$51 000 при цене \$0,5 за 1 г золота (Ерофеев, 1940). Один из проспекторов, Олаф Свенсон, за определённое вознаграждение (50 % добытого золота) раздавал другим проспекторам участки (claims) для разработок, оформляя документы от имени и на бланках “Siberian Development Company” (Компания «Освоение Сибири»). В бухте Св. Николая и на прииске были построены дома, завезены машины, бойлеры и пурингтоновы иглы для пароотайки грунта, а также динамит, лошади и пр. Работы проводились зимой и летом.

В 1908 г. на прииске работала “Pioneer Mining Company” (компания «Пионер горного

дела»), выкупившая у “Siberian Development Company” права на прииск. Число американцев дошло до 50. Всё добываемое золото направлялось ими в США. По показаниям русских рабочих, на прииске Дискавери за две недели, в июле–августе 1908 г. добыли свыше 3 пудов золота. В 1908 г. агенты «СВС-Общества» Кованько, Свешников и Борисов, при содействии штабс-капитана Н.Ф. Калининкова и чинов военного транспорта «Шилка» задержали у американцев около пуда золота. Это, кажется, и всё, что удалось получить Обществу с прииска, где хозяйничали американцы.

Осенью 1908 г. русские рабочие сообщили начальнику Анадырского уезда о том, что творится на прииске. Это сообщение и последующие запросы Калининкова вызвали переполох среди американцев. К лету 1909 г. на прииске осталось всего четыре–пять человек. Этим же летом в бухту Св. Николая прибыл правительственный горный инженер Прянишников, что ещё более сократило деятельность американцев. Вскоре он трагически погиб, а американцы уехали на Аляску. Однако трое из них – Талентайлер, Свенсон, Ольсен – переехали в Ново-Мариинский Пост и повели торговлю с большим успехом, не отказываясь от скупки золота у русских старателей-хищников, появившихся на прииске Дискавери в августе 1909 г. Американцы задержали их и доставили к начальнику Анадырского уезда. Таким образом, американцы, три года расхищавшие золото, остались не наказанными, а русских, по их жалобе, немедленно арестовали, препроводили в тюрьму Владивостока и начали судебное дело. Летом 1910 г. на прииске Дискавери работало около 20 старателей-хищников; задержали трёх человек, у которых было конфисковано 108 золотников золота (460 г).

Сколько всего золота было незаконно добыто американцами и русскими, установить невозможно. По частным сведениям, Талентайлер купил 6 фунтов, пассажиры парохода «Варг» и другие лица приобрели несколько фунтов. Отправлено почтой во Владивосток золота на 40 000 руб., т.е. более 2-х пудов.

Зимой 1910/1911 г. на Дискавери работали 4 человека, добывшие несколько фунтов золота. К концу июля 1911 г. на прииск явились 20 незаконных старателей, которых вскоре задержали. Число хищников увеличилось за счет рабочих, остававшихся в Ново-Мариинском Посту с рыбных промыслов, а в последующие годы – после постройки радиостанции.

По данным Н.С. Коваленко, на ручье Надоб было добыто 173 кг золота. Там намывали самородки весом 5–7 золотников (21,3–29,82 г), и даже 32 золотника (136,512 г).

В 1911 г. прииск посещают от временно организованного Анадырского товарищества штейгер Цепаяев и от Горного надзора горный инженер С.Д. Оводненко, которые провели небольшие разведочные работы. В 1912–1913 гг. на Золотогорье работала геологическая экспедиция под руководством геолога П.И. Полевого. На район рек Веттельсона, Скорбутная и ручья Надоб была составлена геологическая карта масштаба 1:26 000. Для разведки золота реки Волчьей в 1912 г. Горный департамент командировал горного инженера А.У. Юферова. Последний пришел к выводу о парагенетической связи коренного оруденения золота с гранитоидами и основными породами.

В 1913 г. американские проспекторы, субсидируемые Олафом Свенсоном, возобновили разработку золотой россыпи на ручье Надоб, но работы были прекращены из-за низкой рентабельности (Ерофеев, 1940). В 1914 г. один из отрядов экспедиции инженера путей сообщения Кринского, возглавляемый горным инженером Рязановым, картировал и опробовал район реки Скорбутной и ручья Надоб. В это время на верхних притоках ручья Надоб работало несколько человек, промывавших пески из богатой россыпи. Среднее содержание золота в пласте мощностью 3,4 м при мощности торфов 0,9–1,2 м составляло около 7 золотников на 100 пудов (29,82 г/м³). Опробование одного шурфа показало содержание до 14 золотников на 100 пудов (54,3 г/м³). Старатели отрабатывали россыпи золота, кроме ручья Надоб, также в верховьях реки Океанской и других рек по южному склону Золотого хребта (Рязанов, 1914).

В 1922 г. ручей Надó был застолблён Недовесовым на имя «Пятницкий и Компания».

В 1926 г. экспедиция треста «Союззолото» во главе с инженером Мишиным провела разведку ряда объектов в бассейне реки Волчьей, но ничего нового не получила. В 1927 г. по ручьям Тюринов, Попутный, Дорожный (правые притоки реки Волчьей) от Торгового Дома «Братья Люри» работала разведочная партия инженера Тюринова, которая не нашла промышленных россыпей (Мишин, 1928). В 1928 г. на территории Золотого хребта и Ушканьих гор работала экспедиция Акционерного Камчатского Общества (АКО) под руководством инженера В.В. Купер-Кони. В аллю-

вии рек, дренирующих Золотой хребет, была установлена знаковая золотоносность. По ручьям Надó и Колби проведена разведка с подсчётом запасов золота, составивших 240 и 120 кг соответственно. Прогнозные ресурсы оценены в 120 кг. По заключению В.В. Купер-Кони, отработка этих россыпей нерентабельна (Ерофеев, 1940).

Разработки на ручье Надó неоднократно возобновлялись небольшими артелями. В 1940 г. здесь работала старательская артель из местных жителей.

Общее количество золота, добытого на россыпях Золотого хребта, не поддается учету (Ерофеев, 1940).

ЛИТЕРАТУРА

• Богданов А.А. Отчет о работе Волчихинской геологоразведочной партии. / Рукопись, ЧЧППУ ГУ СДС НКВД СССР. Певек, 1941. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Богданович К.И. Очерки Чукотского полуострова. СПб., типография Суворина, 1901.

• История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Ред. Диков Н.Н. М.: «Мысль», 1989. С. 123–126.

• Ерофеев Б.Н. Список архивных и геологических материалов по Чукотскому национальному округу с краткими аннотациями, рефератами и выписками. / Рукопись, ГУ СДС НКВД СССР, ГРУ. Л., 1940. С. 64. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Корзухин И.А. Прошение Господину Приамурскому генерал-губернатору. Рукопись, Хабаровск, 1903 / Копии документов Центргосархива РСФСР ДВ о полезных ископаемых Камчатской, Магаданской областей, Охотского района Хабаровского края с 1900 по 1937 гг. С.1. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Корзухин И.А. Чукотский полуостров. Сборник кратких отчетов по Чукотско-Анадырскому краю. / Рукопись. Владивосток, 1924. С. 120–133. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Мишин. Отчёт Анадырской поисково-разведочной партии за 1926–1928 гг. / Рукопись. Хабаровск, 1928. С. 43. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Оводненко С.Д. О необходимости признать местность, находящуюся в Чукотском уезде по левому берегу реки Волчьей, заведомо золотоносной. Рукопись. Петропавловск-Камчатский, 1911(а) / Копии документов Центргосархива РСФСР ДВ о полезных ископаемых Камчатской, Магаданской областей, Охотского района Хабаровского края с 1900 по 1937 гг. С.29–39. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Оводненко С.Д. Краткий отчет о поездке на Чукотский полуостров и на устье р. Анадырь в июле–августе 1911. Рукопись. Петропавловск-Камчатский, 1911(б) / Копии документов Центргосархива РСФСР ДВ о полезных ископаемых Камчатской, Магаданской областей, Охотского района Хабаровского края с 1900 по 1937 гг. С. 9–28. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

• Полевой П.И. Анадырский край. Петроград, 1915. Ч.1.

• Рязанов. Отчет горного инженера Рязанова. Экспедиция Кринского 1914 г. / Рукопись. Санкт-Петербург, 1914. С. 43. Фонды Эгвекинского краевед. музея.

ОТЧЁТ ПО ОБСЛЕДОВАНИЮ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА 1930/31 г.

Настоящий документ представляет большую ценность как новый источник сведений о жизни северных районов Чукотки в период установления советской власти.

О его авторе, Александре И. Калтане, мы знаем только то, что он сам сообщает в Отчёте. Военный, сотрудник Управления Погранохраны Дальневосточного края, командированный на «обследование Чукотки для нужд охраны границ». Параллельно с основной целью Комитет Севера поручил Калтану выполнить также работу краеведа Культбазы в заливе Лаврентия, важного административного пункта Чукотки 1930-х годов.

Для выполнения этих задач и попутно возникших поручений местных властей А.И. Калтан организует две экспедиции на собачьих упряжках. Первая обследовала береговые посёлки в районе между заливами Лаврентия и Провидения (около 225 км по прямой в один конец). Маршрут второй экспедиции был намного больше – около 1500 км в одну сторону, от Уэлена до Чаунской губы, вдоль побережья Ледовитого океана.

Обе экспедиции позволили внести значительные коррективы в материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. Это касается количества, названий и местоположения посёлков, расстояний между ними, численности и половозрастного состава населения и, что очень важно, продуктивности морского зверобойного промысла в каждом селе.

Калтан быстро вник в жизнь Чукотки и выявил все слабые места, прежде всего хаотическую и несогласованную деятельность различных организаций. Ирония и сарказм сквозят в его словах, когда он повествует о стиле руководства Чукоткой из «центра» или цитирует «ударные» телеграммы о «лесозаготовках», «посевных кампаниях», срочных отчетах «в 24 часа» по всевозможным пустякам и т. п.

Особый интерес представляют характеристики людей, встреченных автором. В основном это были случайные и бесполезные для Чукотки люди, как писатель Улин.

А.И. Калтан встретил в своих путешествиях также двух этнографов, учеников В.Г. Богораза – Николая Шнакенбурга и Александра Фориштейна. Оба молодых специалиста поехали на Чукотку, чтобы изучать образ жизни, языки и традиции местных народов.

Шнакенбург и Фориштейн жили со своими семьями в отдалённых селениях Чукотки; обучали грамоте детей морских охотников и оленеводов, а сами осваивали язык и обычаи чукчей. Для Чукотки тех времён они были людьми редкими и непонятными, не охваченными административным рвением или жаждой обогащения. Им уже пришлось почувствовать на себе «холодок» советской власти, веявший со стороны

Два первых раздела отчёта А.И. Калтана публикуются по тексту, размещённому на сайте <http://kprg.chukotka.ru>. Литературная обработка материалов и примечания сделаны редакторами настоящего издания. Прим. ред.

как «верхних», так и местных начальников, «холодок», чуть позже обернувшийся репрессиями и даже расстрелами многих этнографов-североведов, историков и прочих специалистов-«гуманитариев».

Разумеется, А.И. Калтан совсем не думал об этом, путешествуя как большой советский начальник, погружённый в заботы о процветании Чукотки и охране её границ. Будучи по своей сути совершенно иным, чем два молодых учителя-интеллигента, Калтан оставил о них снисходительно-насмешливые отзывы, особенно о Шнакенбурге.

Но был другой, добрый и понимающий, взгляд на молодых учёных. Вот что писал знаменитый геолог С.В. Обручев: «С большой душевной болью я вспоминаю о молодом талантливом филологе Н. Шнакенбурге, который погиб геройской смертью в начале Великой Отечественной войны, защищая Ленинград. Впервые я встретился с ним в 1930 г. на мысе Шмидта. В 1934 г. он дал нам ряд уроков чукотского языка. Им была просмотрена в первом варианте моя рукопись и сделаны ценные замечания о языке и быте чукчей, которые он превосходно знал, так как прожил несколько лет на Чукотке». (Обручев С.В. По горам и тундрам Чукотки. М.: Географгиз, 1957. С. 5–6.).

Калтан в кратчайшие сроки выполнил все поставленные перед ним задачи. Следует по достоинству оценить проведённый им детальный анализ экономического состояния Чукотки, истинных потребностей чукчей и эскимосов, системы завоза товаров и работы факторий, которыми заведовали далеко не ангелы. Таблицы Отчёта дают хорошее представление о формах кооперации коренных жителей и видах их деятельности. Многие выводы и рекомендации автора справедливы и в наши дни.

Обширные, насыщенные цифрами и фактами, материалы А.И. Калтана требуют глубокого изучения.

Для удобства современного читателя Отчёт пришлось структурировать и внести в него минимальную редакторскую правку. К сожалению, в тексте, представленном на сайте, отсутствуют схемы, диаграммы и приложения, но авторские ссылки на эти материалы были оставлены в круглых скобках и специально подчеркнуты. Свои пояснения «по ходу дела» редакторы заключили в квадратные скобки или дали в постраничных сносках. Комментарии помещены, как обычно, в разделе «Примечания».

В квадратных скобках приведены также варианты названий селений, которые и сегодня различаются на разных картах. В своём Отчёте Калтан также приводит разные названия для одного и того же селения.

Мы ещё раз благодарим того (или тех), кто поместил в Интернете столь интересный документ, и надеемся увидеть остальные материалы Отчёта.

Л. Богословская

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Скудность сведений и материалов по отдалённейшему району на северо-востоке нашего Союза, Чукотке, фактически находящейся вне связи с материком в течение девяти месяцев в году, вызвала естественную необходимость послать туда на продолжительный период человека из Управления

Погранохраны ПП ОГПУ ДВК¹ для специального, всестороннего обследования.

Начальником УКПО* тов. Чернышёвым был разработан и дан основной план обследования.

* Управление Камчатского пограничного округа (отряда?). Прим. ред.

дования Чукотки для нужд охраны границ в конце февраля 1930 г., и командировка, выпавшая на мою долю, была одновременно увязана с Комитетом Севера, который возложил на меня обязанности краеведа Чукотской культбазы² [далее Культбазы]. Задачи краеведческой части Чукотской культбазы на 1930/31 г. совпадали с нашими целями по экономико-политическому обследованию района и, дабы не дублировать одной и той же работы, могли быть выполнены одним и тем же лицом.

За одиннадцать месяцев – с 9 сентября 1930 г. по 1 августа 1931 г. – мне удалось непосредственно объехать Чукотский полуостров и от бухты Провидения до Чаунской губы ознакомиться с районом, населёнными пунктами и населением (их бытом, хозяйственной структурой), работой факторий АКО* и Интегральной кооперации, деятельностью низовой советской туземной сети, школ, Чукотской геологоразведочной экспедиции АКО, собрать статистические, цифровые, фотографические и другие данные по району.

На всё время работы на Чукотке Комитетом Севера при ВЦИК³ ко мне был прикомандирован в качестве переводчика студент ленинградского Института народов Севера чукча Тевлянто.

Проделанная работа подытожена в настоящем отчете, который составлен по четырём разделам:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – хронологическое изложение материалов, полученных при объезде с приложением маршрутных схем крупного масштаба, (от 1 км в 1 см до 5 верст** в 1 дюйме).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – экономическое состояние Чукотки (деятельность АКО, Интегральной кооперации, морской промысел, природные богатства, статистика, географические данные и пр.).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ – политическое состояние района.

* АКО – Акционерное Камчатское общество. *Прим. ред.*

** Метрические единицы длины, площади и массы см. в Приложении № 2. *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ – вопросы охраны границ.

ВЫВОДЫ. ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

План обследования района в 1930/31 г. был рассчитан на объезд всей Чукотки, включая кочующих***, но жизнь показала, что выполнить в течение одной зимы и лета это невозможно даже при всех хороших условиях поездки, ибо пространство района, ограниченное с юга Анадырским хребтом, с востока – Беринговым проливом, с севера – Ледовитым океаном и с запада – Чаунской губой, равно 242000 км². Поэтому по предварительной намётке маршрутов поездки по времени предполагалось:

1) с началом нартового пути, т. е. с конца ноября, объехать район бухты Лаврентия – бухты Провидения;

2) январь–апрель – северное побережье с охватом части кочующих;

3) с мая до начала навигации – подытоживание материалов;

4) до прибытия парохода – остров Большой Диомид [остров Ратманова] и не обследованную зимой остальную часть побережья Чаплино–Преображение****.

Кочующие в целом не могли быть охвачены и выпадали в этом году.

К отчету приложены схемы, диаграммы, таблицы. Составитель данного отчета, имея довольно обширные заделы и располагая разрозненным, неполным и часто неточным материалом (особенно по упрощенному [добытому] морскому зверю и статистическим сведениям о населении), должен отметить, что пробелы в отчете есть. Заполнить пробелы можно будет при дальнейшем дополнении материалов и уточнении сведений, ибо данных по кочующим и вообще по внутренней части района почти нет.

*** Кочующие, или оленные, – так прежде называли оленеводов (чукот. – *чаучу*). *Прим. ред.*

**** Это название прежде часто употребляли в отношении двух посёлков – расположенного внутри бухты Преображения села Югчаран, где была фактория, и села Нунлигран, стоящего на морском берегу. *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЪЕЗД РАЙОНА

1.1. Основные установки и план обследования Чукотского полуострова в 1930/31 г.

Основные установки по командировке были даны начальником УКПО тов. Чернышёвым в феврале и мае 1930 г. и изложены в «Плане обследования Чукотки для нужд охраны границ», согласно которому должны быть собраны материалы по: 1) экономике — все моменты, определяющие хозяйственную мощьность района и перспективы её развития; деятельность АКО и Интегральной кооперации; средства и пути сообщения; 2) политике — характеристика народонаселения по районам, социальный разрез жителей; классовое расслоение; советизация района; влияние и авторитет Аляски; пришлый элемент на Чукотке; 3) политическая охрана границ; 4) борьба с контрабандой; 5) дислокация и система охраны.

Предполагалось охватить объездом весь Чукотский полуостров вдоль линии берега (от мыса Беринга до Чаунской губы) и внутренний район по кочующим (вглубь — по мере возможности).

Помимо непосредственного объезда и личного сбора разного рода сведений, мне предлагалось использовать на месте материалы факторий, кооперативов, всех советских учреждений, организаций и прочее, и пограничной охраны.

1.2. Прибытие на Чукотку

16 июня 1930 г. из Владивостока на снабженческом пароходе «Якут» я выбыл на Чукотку. В пути «Якут» находился 86 дней. 9 сентября мы уже в бухте Лаврентия — высадились на Культбазе. До 16 сентября шла разгрузка снабжения, и всё население Культбазы и МКПП* было занято пребыванием парохода в бухте.

* Морской контрольный пограничный пункт. *Прим. ред.*

Ознакомившись с Культбазой и находящимся здесь МКПП, к большому огорчению, пришлось убедиться, что ни у того, ни у другого [учреждения] нет водного транспорта. В то же время на борту парохода «Якут» было три кавасаки⁴, один из которых безболезненно для экспедиции снабжения АКО (так заявил начальник экспедиции) можно было оставить во временное пользование МКПП и Культбазе. Я запросил об этом Правление АКО, и член Правления Бронштейн ответил категорическим отказом.

Пришлось высиживать на Культбазе, ожидая или случайных водных перевозочных средств туземцев из ближайших населённых пунктов, или ждать зимнего нартового пути, т.е. второй половины ноября месяца.

1.3. Первое ознакомление с районом (схема № 1)

Село Кукулин [Кукун, Кукунь, Кукъун; в наст. время не существует]

21 сентября, воспользовавшись случайной нартой Ларкина, идущей в село Кукулин, я решил ознакомиться с ближайшим к базе районом. Снега ещё не было; «поехали» по голой тундре, проходя пешком реки вброд, по болотам, по каменистым подъёмам. На первом же каменистом спуске, верстах в 7–10 от Культбазы полозья нарты сломались, и до села Кукулин мы едва добрались к 10 часам вечера, выехав с Базы в 9 часов утра (расстояние — 26 км). Остановились в яранге⁵ Каляуге. У него две жены и шесть ребят. Живёт в двух ярангах. Две другие яранги этого селения расположены на берегу в километре. Каляуге жаловался на плохой морской промысел в этом году. Селением упромышлено всего один морж и три лахтака*. Он выражал недовольство порядками Культбазы, «где в столовой за обед платят

* Лахтак, или морской заяц, — тюлень средних размеров, важный промысловый вид. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

деньги», а вот он, чукча, поит нас чаем, даёт нам кушать мясо и никаких денег за это не берёт. Через каюра Ларкина, который знает язык, я пытался разъяснить Каляуге, почему мы в столовой платим деньги, но его это, видимо, не убедило.

22 сентября, утром, мы с каюром (переводчиком теперь) Ларкиным с небольшими мешками за плечами направились в Ключи, или «временную санаторную станцию» Культбазы, находящуюся километрах в двенадцати от села Кукулин. Сломанную нарту оставили. Через три километра увидели ярангу кочующего Амматык. У него, по его словам, 100 оленей. Он напоил нас чаем и дал кусок кислой оленины на дорогу.

Перейдя вброд реку Кукулин, мы поднялись на довольно крутой перевал, попав в раннюю осеннюю пургу. Мокрый снег залеплял глаза, и через 20 минут наша обувь (камусовые торбаса⁶) и кухлянки⁷ совершенно промокли. Проваливаясь по колено в полужидкий снег, мы спустились к реке Кинулик, перешли на правый берег и пошли вверх по течению. Пурга при норд-весте значительно усилилась, ветер со снегом, казалось, проникал во все поры, и мы еле-еле могли продвигаться. Ориентировались только берегом реки, ибо за три шага мы не могли видеть друг друга.

Из бухты Лаврентия мы поднялись по речке (см. схему № 2) вверх. Перейдя перевал, по другой речушке спустились к побережью западнее села Аккани. Дальше дорога пошла у самого берега по торосистому льду.

Ключи [Лоринские горячие ключи]

До Ключей мы шли ровно 4 часа. «Временный санаторий» представляет собой миниатюрную дощатую постройку и напоминает курятник средней величины. Внутри сделаны из простых досок нары для двух человек, маленький камбуз. Имеется крохотное окошечко в одну квадратную четверть. Постройка поставлена непосредственно у горячего источника при слиянии небольших речушек. Источник в виде маленького бассейна образуется шестью или семью клю-

чами, выходящими из земли при довольно высокой температуре. Голую руку опустить невозможно. В бассейне примитивно сделаны три углубления наподобие ванн размером на одного человека, обложенных по краям камнями. Называют этот источник «Сероводородистым», но никто анализа и вообще исследования не делал⁸. До сих пор врачи Культбазы там не были.

По словам Ларкина, он страдал суставным ревматизмом в тяжёлой форме. В 1930 г. врачи посоветовали ему «попробовать» принять ванны в этих ключах. Он прожил на источнике месяц, принял 30 ванн — от ревматизма не осталось и следа. Я сам принял одну ванну. Пребывание в ней 10–12 минут вызвало невероятную слабость, головокружение и тошноту. Еле выбрался. Чтобы придти в нормальное состояние, пришлось пролежать около часа.

Село Ильлянь [Илян, Илянь, Ильян; в наст. время не существует]

Переночевав в «санатории», мы направились в село Лорино. Вчерашний снег под солнечными лучами быстро таял. Идти было тяжело, ноги промокли. Через 3 часа мы дошли до села Ильлянь, где остановились на ночлег у чукчи Уаттагина. Расстояние от Ключей — 11 км. Селение расположено высоко, окружено почти со всех сторон водою и соединяется с берегом узкой длинной косой. В нём 4 яранги, одна из них — из деревянных узких досок в форме американского домика. В пологе у нас собрались хозяева из всех яранг, заинтересованные, кто и зачем прибыл к ним из *танге-таней* (так называют европейцев).

Беседа с чукчами села Ильлянь

Начались разговоры. Главная тема — снабжение населения оружием, продовольствием. Чукчи рассказывали, что их снабжает Яндагайский кооператив. Вооружает винчестерами в недостаточном количестве. К винчестеру дают 10 пачек патронов на год (200 штук), что не удовлетворяет годовой потребности. Считают цифру 400 штук патронов

на винчестер достаточной. Продовольствием кооператив в первое время после пребывания парохода снабжает удовлетворительно. Дают достаточно чаю, сахару, муки, табаку. К концу же года всего не хватает. Употребляют они крупу разную и рис, которых также дают маловато. Вспоминали для сравнения американское снабжение. Прямо заявляли, что до советской власти «американцы завозили всего достаточно», но говорили и о том, что с оружием было плохо: часто снабжали винтовками одной марки, а патронами другой, совсем не подходящими.

Когда подошли к вопросу упрощенного морского зверя, то оказалось, что получить какие-либо цифровые данные невозможно. На вопрос, сколько за год убито, например, нерпы, поголовно все отвечают: «ко-о» (не знаю). Учёта убитому зверю не ведут никакого и нигде этого не отмечают. Всё же сказали, что в 1929 г. разного зверя было убито достаточное количество, а за этот год (1930) всем селением убито только 2 лахтака и 3 нерпы (впоследствии было установлено, что умышленно преуменьшают). Ожидают голода в эту зиму и говорят, что, если кочующие не помогут оленями, придётся есть собак и песцов. Из двух небольших китов, доставшихся в этом году на доли нескольких ближайших к ним селений, удалось использовать только незначительную часть — остальное унесено штормом. О советской власти представление весьма смутное. Своё отношение к ней выражали в такой форме: «Побольше бы забрасывали оружия, рульмоторов, вельботов и прочего, а так власть хорошая...».

Наш сегодняшний хозяин Уаттагин, видимо, наиболее зажиточный чукча: у него много оленины, лучшая яранга, чистый полог, жены в платьях из дешёвого ситца, одетых на голое тело, очень грязное. Сам он очень приветлив, словоохотлив. Сварили нам лучшие куски оленины, дали в пологе лучшие шкуры. Чувствуется даже заискивание. Плату за оказанные услуги наотрез отказывался брать.

24-го утром выяснилось, что до Лорино пешком не доберемся — большая лагуна,

и мы направились обратно вдоль берега в село Нутетегин [в наст. время не существует]. В последнем — две яранги. Сделал в нём хозяйственную перепись. От Ильяна это в 4–5 км. Без остановки пошли дальше. Через час мы вброд переходили устье реки Кукулин. Здесь на берегу находятся старинные мясные <ямы> очень больших размеров, выложенные китовыми костями. Тут же такая масса китовых костей, что место напоминает их кладбище. Видимо, раньше здесь было очень много китов. Остановились у старого знакомого Каляуге, у которого ночевали 21 сентября. От Ильяна прошли 16 км. Нарта наша была исправлена, но у Ларкина пропала одна собака, которую он искал полдня. Заночевали. Утром 25-го тем же путем выехали на Культбазу. К 13.30 мы на Культбазе.

За эти дни сделано 94 км пути на собаках и пешком, обследовано 4 населенных пункта (всего 11 яранг) и «санаторий» Культбазы. Ехать по болотистой тундре, горам, рекам летом очень тяжело, почти невозможно, пешком — так же. Поэтому возможность передвижения в летние и осенние месяцы на большие расстояния исключается совершенно.

1.4. На Культбазе до 18 ноября

Весь октябрь и половину ноября вынужден был находиться безвыездно на Культбазе. Прорабатывал материалы для предстоящего объезда района, составлял план работы, участвовал в заседаниях, совещаниях, делал доклад о VII Пленуме Комитета Севера при ВЦИКе. Организовал краеведческую ячейку при Культбазе. Эта ячейка должна сосредоточить у себя краеведческую работу по всему району. Разработана анкета по краеведческой работе на местах.

Яндагайский кооператив

6–9 октября был в селе Яндагай [Яндагай, Янранай; в наст. время не существует] в 12 км от Культбазы. Ознакомился с селением, работой кооператива. Во главе кооператива стоит Правление. В состав входят:

Тропою Богораза

1. Блищенко – председатель Правления (завхоз Культбазы),

2. Тихоненко – секретарь (заввездпунктом Культбазы),

3. Вечитке – чукча из Яндагая,

4. Акаль – чукча из Яндагая,

5. Рентытегин – чукча из села Аккани.

Кооператив обслуживает селения: Яндагай, Аккани, Раупален [Раупелян], Мечигмен* – береговых и кочующих Мечигменского района (около 30 стойбищ со 100 ярангами). Коллективизация и артельное строительство кооператива идут весьма слабо в связи с отсутствием орудий и средств промысла, недостаточным снабжением оружием. Организовано только четыре промысловых группы. В селах Аккани, Лорино, Пинакунь [Пинакуль; в наст. время не существует] Яндагайский туземный интегральный кооператив по договору с АКО ежегодно должен снабжаться товарами на сумму 30 тыс. руб. На 1929/30 г. АКО дало товаров на 32 тыс., а на 1930/31 г. – на 26 тыс. руб. Это количество товара может удовлетворить потребность <на> 40–50 %, но не более.

Уже через 5–6 месяцев после прибытия снабженческого парохода АКО ощущается острая нужда в товарах. И хуже всего обстоит вопрос с орудиями промысла. В этом году совершенно не забросили вельботов, очень мало оружия, нет жевательного табаку, нет кирпичного чая и много другого (см. приложение Яндагайский кооп.).

В кооперативе проведено общее собрание чукчей (собралось 50 человек). Блищенко информировал о количестве и ассортименте товара, заброшенного в Лаврентия снабженческой экспедицией АКО в 1930 г. Стоял вопрос о закупке копальхена⁹ для Культбазы, пошиве кухлянок для школьников Культбазы. Тевлянто информировал об умершем в больнице чукче. Председатель Яндагайского Тузсовета Авав выступал от населения и сказал, что есть недовольство советской

властью, которая «только обещает, но ничего не дает». Переводчик Тевлянто перевел слова Авава: «Авав сказал, что представители советской власти брешут, и им верить нельзя. А раньше американцы доставляли всё в достаточном количестве». Авав – шаман, относится к зажиточной и влиятельной кучке населения. (К Ававу и селу Яндагай в дальнейшем изложении ещё будем возвращаться).

28–29 октября – заседание Совета Культбазы. Заслушивались доклады заведующих учреждениями Культбазы о плане работы на 1930/31 г. В том числе был заслушан и план работы Краеведческой части на предстоящий год.

Вторую половину октября и до середины ноября дул почти непрерывный ветер – норд-ост, норд, норд-вест большой силы, доходившей до 10 баллов. На море были частые штормы. 10 октября ушёл с рабочими горной экспедиции АКО кавасаки в Провидения к пароходу «Астрахань». Долгое время о нём не было никаких сведений. Строились разные предположения и догадки. Как потом выяснилось, этот кавасаки после 8-дневных странствований во льдах по Берингову проливу, перетерпев все невзгоды осеннего шторма, попал в бухту Эмма¹⁰, где и застал пароход «Астрахань». В первых числах ноября на обратном пути в бухту Лаврентия кавасаки был выброшен и зазимовал.

Снег не появлялся, дороги не было, не было и возможности выехать с Культбазы на юг для обследования селений.

1.5. Поездка в бухту Провидения (схемы № 2–4)

Наконец, 18 ноября после неоднократных и настоятельных уговоров яндагайские и акканские чукчи согласились выехать в Провидения (*Урэл* по-чукотски)¹¹.

Помимо своих прямых заданий Культбаза поручила мне сделать всё возможное для скорейшей переброски на Базу вновь при-

* Все перечисленные селения в настоящее время не существуют. *Прим. ред.*

бывших сотрудников, высаженных в Провидения парохомом «Астрахань» 8 октября.

Сотрудники (ветфельдшер, фельдшерица, два счетовода) сидели в Провидения с семьями, и для них надо было найти нарты по пути, так как получить нарты в Провидения было трудно. 18 ноября из Лаврентия выехали я, Тевлянто, инспектор АКО Назаренко и две пустые нарты.

Трудно было временами удерживаться на нарте, приходилось падать. Так ехали почти до села Кукулин. До Лорино доехали хорошо (к 14 часам).

Село Лорино [Люгрэн; в наст. время один из крупнейших национальных посёлков Чукотки]

В Лорино взяли других каюров и нарты. Ночевали у председателя тузсовета¹² Чайгулькот, который сам предложил везти нас до Провидения и обратно. 19 ноября в 8 часов тронулись в дальнейший путь (см. схему № 2). Из Лорино сразу круто спустились на узкую косу, отделяющую лагуну Мечигменской бухты от моря. Влево, у самого селения, внизу остался старый разваливающийся «американский» домик и недалеко от него место, куда лоринские чукчи за много лет собрали бесчисленное количество черепов моржа, китовых позвонков и разных костей. К 10 часам сделали небольшой привал в селе Раупелян. До Раупеляна ехали при очень хорошей погоде. Выехали же из Раупеляна в сильную пургу.

Село Мечигмен [Масик, эск.; в наст. время не существует]

К 12.25 были в Мечигмене. Дальше чукчи ехать не решались. Остались ночевать. Мужчин в нашей яранге не было — ушли к кочующим за мясом и жиром. В пологе была одна чукчанка с пятью детьми. Она жаловалась нам на отсутствие мяса для питания и корма собакам. Охота была плохая, моржа нет. На следующий день пурга продолжалась, но мы выехали в 7.30 и добрались только до Ныхчиген к 11 часам (см. схему № 3).

Село Ныхчиген [Ныхсирак, эск.; в наст. время не существует]

Ехать уже нельзя было совершенно: погода разгулялась вовсю и, как видно, ничего хорошего нам не сулила и назавтра. Мы стоим у чукчи Яппо. Всего в Ныхчигене три яранги, три хозяйства, трое мужчин, три женщины и десять детей. В текущем году морской промысел селению совсем ничего не дал, живут исключительно тем, что дают им другие селения. Хозяин наш Яппо не знает, в какой тузсовет входит селение. Чукчи в нашем пологе едят понемногу, но часто, раз пять в день, чай беспрерывно целый день и с нами вместе, и без нас. До 23 ноября мы не могли выехать. Ждали погоды. Все эти дни сидели в пологе. Убивали время чаем, чтением и разговорами.

23 ноября выглянуло солнышко на короткое время, погода установилась хорошая. Из Ныхчигена мы выехали на юго-запад, прямо через тундру (см. схему № 3). Берег с селом Аляево [Алаев, Алаён; в наст. время не существует] остался далеко влево от нас.

Село Яндракинот [Янракинот, Яндракнот]

В 13 часов мы были уже в Яндракиноте. Здесь мы должны сделать остановку и собрать сведения по селениям, входящим в Яндракинотский тузсовет. Председатель тузсовета Натауге и секретарь Тыгрырги, сын Натауге, — лучшие охотники селения: однажды за один день охоты из добытых всем селением 48 нерп 32 были добыты ими. Первый тузсовет, где можно получить точные цифры по морскому промыслу с июня по 22 ноября сего года. Ежедневно ведётся аккуратная запись: нерпы всех видов, лахтака и моржа. В самом Яндракиноте на 5 яранг с июня по 20 ноября упромышлено: нерпы — 187, лахтака — 10 и моржей — 5. Пользуясь установившейся погодой, мы торопились и сговорились с каюром выехать из Яндракинота до рассвета.

Здесь пришлось убедиться в неаккуратности и неисполнительности чукчей. Должны были выехать в 2 часа. Сборы начали с

Тропою Богораза

пререканиями в 1 час 30 мин. Выехали только в 4 часа. Было ещё темно. Ехали сначала (см. схему № 4) по узкой косе [Вэнэткын] (до села Кургак [Курган]). Затем свернули на юг по проливу Сенявина. Влево возвышались громады острова Аракамчечен, вправо простиралась бухта Пенкигней [Пэнкигнэй] с двумя островами посередине (о-ва Гранитный [Меркинкан, Мернинкан] и Ачинкинкан). Наши каюры держались вблизи западного берега. Лёд был ровный, без торосов, но покрывавший его снег – рыхлый, и нарты шли тяжело. Проехали безымянную бухту [Румилет] восточного селения Румалет [Румилет] (та же схема), поднялись на перешеек между этой бухтой и заливом Ткачен.

Село Апыргильгин [Апырвалин; в наст. время не существует]

В село Апыргильгин приехали к 15 часам. Сделали за этот день 57 км. Хотя до Провидения осталось 13–14 км, наши каюры сегодня дальше не поехали. Ночевали в яранге Тамлитагена. Всего в селении шесть яранг. В пяти хозяйствах имеются олени. Население обеспечено мясом, жиром, кормом для собак. Нас угощали сырой и варёной нерпой и копальхеном. Заявляли нам жалобу на заведующего факторией АКО в Провидения Мироненко. Он груб и резок в обращениях с туземцами, не считается с их неразвитостью и отсталостью.

Рано утром 25 ноября мы двинулись по заливу Ткачен в Провидения. На перешейке между заливом Ткачен и бухтой Эмма поднялись на большой перевал по глубокому сне-

гу. Затем по небольшой речке спустились в село Урэль [Урелики], где были к 9 часам.

25 ноября прибыли в Провидения

Из бухты Лаврентия в бухту Провидения мы добрались за семь дней, из коих четыре дня были в пути, а остальное время пережидали пургу. В это время года, т.е. в конце ноября, сообщение на нартах с югом Чукотки беспрепятственно возможно как по снежному покрову в тундре, где реки уже скованы льдом, так и по лагунам, бухтам и проливам. Но снежный слой ещё недостаточно окреп, и дорога тяжеловата. Пробег на нартах за короткий ноябрьский день у нас колебался от 14 до 54 км. Мешала главным образом пурга. Средним можно в это время считать 50 км <в день>.

Всего от бухты Лаврентия до бухты Эмма нами покрыто 225 км. Расчёт сделан как по масштабу прилагаемых здесь схем, так и по масштабу времени (километров-часов пути за один день). Таблица № 1 показывает эти расстояния по дням.

Здесь для сравнения необходимо указать, что в материалах Приполярной переписи 1926/27 г. расстояния между населёнными пунктами на Чукотке указаны совсем неверно. Так, например, от села Яндагай до села Аккани Приполярная перепись дает 35 км расстояния, а на самом деле здесь только 9 км (схема № 2). От бухты Лаврентия до Лорино по Приполярной переписи 5 км, а на самом деле 37–40 км, от Лорино до Мечигмена расстояние 20 км, а по Переписи – 35 км, и так по большинству пунктов.

Таблица № 1

Расстояния между населёнными пунктами от бухты Лаврентия до села Урелики

1-й день	от бухты Лаврентия	до села Лорино [Люгрэн]	47 км
2-й день	от села Лорино	до села Мечигмен	20 км
3-й день	от села Мечигмен	до села Ныхчиген	40 км
4-й день	от села Ныхчиген	до села Яндракинот	50 км
5-й день	от села Яндракинот	до села Апыргильгин	54 км
6-й день	от села Апыргильгин	до села Урэль	14 км
Всего			225 км

Село Урэлик (Урэль) [Вугрел, чук.; Урэлик, Угрилык, эск.; Урелики; в наст. время не существует]

В бухте Эмма расположено село Урэль, или Урэлик. Там же размещена фактория АКО, Контрольный пост [КП], школа, склад горной экспедиции АКО. Туземное население – эскимосы. Всего 14 взрослых мужчин и женщин (один из них – чукча по имени Степан) и 17 детей, живут в 5 ярангах. Школа размещена в новых стандартных круглых постройках инженера Свинына, заброшенным пароходом «Астрахань» в 1930 г. Этих построек три. Фактория АКО занимает одно деревянное старое здание, построенное американцами, одно такое здание и маленький склад принадлежат КП, один склад – горной экспедиции АКО, маленькое здание – баня. Всего 6 [5?] деревянных построек.

В момент нашего приезда там жили высаженные пароходом «Астрахань» в начале октября сотрудники и рабочие горной экспедиции АКО и Культбазы. Все они должны были ехать в бухту Лаврентия и ждали нартового пути. За время совместного пребывания у них создались между собой некоторые трения, группировки. Все же вместе одинаково выразили недовольство завфакторией АКО Мироненко, который считал их случайными «пассажирами» и попрекал каждым выданным кило сахара, каждой банкой консервов, каждой пачкой папирос и вёл себя всегда вызывающе.

Фактория в Провидения–Пенкегней [Пэнкигнэй; в наст. время не существует]

Фактория АКО в бухте Эмма, или Провиденская фактория, как её все зовут, переведена в АКО Дальгосторгом (ДГТ) в 1928 г. Просуществовав один год, она в 1930 г. была переброшена в бухту Пенкегней вместе с заведующим Балашовым. А 12 февраля эта фактория в Пенкегнее уже сгорела. Район остался без фактории. Население огромного пространства бухт Провидения и Пенкегней было поставлено в тяжёлое и безвыходное положение.

Так было до прибытия снабженческой экспедиции АКО, организовавшей новую факторию на старом месте, в бухте Эмма, в сентябре 1930 г. Экспедиция, следовавшая на пароходе «Якут», не имела определённых и твердых указаний от Правления АКО, создавать или не создавать факторию в Провидения. Заведующего для этой фактории не предусмотрели, и его не было. Когда пароход «Якут» был уже в Провидения, Турилов долго колебался: открыть здесь факторию или нет. Наконец решил открыть. Завом здесь был оставлен случайный человек Мироненко, ехавший в Дежнёвскую факторию счетоводом, работник в АКО совсем новый.

Было отгружено разного товара для фактории в бухте Эмма на общую <сумму> 90 887 руб. и здесь же для Чаплинского тузкооператива – на 22 000 руб. Предварительная же заявка на товары для этой фактории выражалась в сумме 72 500 руб. Так что завоз превысил фактически заявку (приложение «Сведения о состоянии Провиденской фактории»).

До 29 ноября я был в бухте Эмма. Пароход «Астрахань», который должен был дойти до Уэлена, оставил в Провидения не только сотрудников и рабочих, но и все грузы, предназначенные для Лаврентия и Уэлена. Бухта Лаврентия весь октябрь была совершенно свободна от льдов, и пароход мог бы довести людей и грузы по назначению. 29 ноября в 8 часов на шести нартах сотрудники Культбазы с семьями и переводчик Тевлянто выехали обратно.

Обратный путь

Обратный путь совершался более форсированным темпом, так как нас не связывали остановки в тех населённых пунктах, где мы уже были и произвели обследование. С 40-минутной остановкой в селе Апыргильгин мы первый пролёт сделали до Яндракинота, где были в 1 час ночи. Погода благоприятствовала. В 14 часов 30 ноября выехали из Яндракинота. До Ныхчигена погода была хорошая, а дальше, с 1 часа 1 декабря совершенно неожиданно налетела сильная пурга.

От Ныхчигена до села Мечигмен мы блуждали по тундре и прибрежным торосам девять часов. В Мечигмене небольшой привал до 11 часов и дальше. Пурга, как неожиданно началась, так вдруг и закончилась. В Лорино хорошо приехали к 14 часам и сделали второй ночлег от Провидения.

Начавшаяся опять пурга продержала нас в Лорино до 3 декабря. Правда, 2 декабря мы, было, выехали, но, пройдя 7–8 км, вернулись. Между прочим, председатель Лоринского тузсовета Чайгулькот сообщил мне, что вблизи Лорино, на берегу бухты имеется значительное количество динамита, оставленного несколько лет назад русскими или американцами, — он не помнит. Проверить этот факт не представлялось возможным, так как всё занесено большим слоем снега.

3 декабря мы выехали и к 14 часам были на Культбазе, несмотря на жестокую погоду.

Декабрь уходит на подытоживание собранного материала и подготовку к отъезду на Север. Отъезд был намечен на 25 декабря.

1.6. Подготовка к отъезду на север

Сборы к отъезду. Выбор маршрутов

Перед объездом северного района Чукотки необходимо было получить более или менее точные и определённые данные об условиях поездки в это время года: погода, возможности найма нарт со сведущими каюрами, приблизительные расстояния, необходимые общие сведения о населённых пунктах, возможно, подробно изучить район объезда по имеющимся картам Чукотки, наметить маршруты, составить схемы.

РИК¹³ также поручил мне ещё провести работу по перевыборам Советов и выборам делегатов на 2-й Чукотский Районный Съезд Советов. А это значит, что, кроме всего прочего, придётся в селениях заполнять РИКовские похозяйственные списки, проводить собрания, производить перевыборы. Всё это, конечно, усугубляло и без этого мою довольно сложную работу.

В поездку со мною должен был отправиться в качестве переводчика Тевлянто. Одновременно с нами до самого Чауна соби-рался ехать инспектор АКО Назаренко для обследования деятельности своих факторий. Я был этому случаю рад, так как обследование факторий АКО инспектором значительно облегчало мне возможность вникнуть в сущность деятельности факторий, получить цифровые материалы и прочее. Кроме того, при обследовании таких мест, где среди туземцев ещё не проводилось никакой советской работы, я мог советоваться с Назаренко как партийцем по тем или иным вопросам.

По РИКовским данным, расстояние до Чауна (мыса Малогского) равно 1438 км. Считая для округления с поездкой до устья реки Чаун расстояние в 1500 км в один конец, прибавив к этому на разъезды по кочующим 200–300 км, я полагал, что нам предстоит совершить 3500–4000 км пути. Январь и февраль считаются на Чукотке месяцами самых сильных пург, поэтому для дальних поездок эти месяцы неблагоприятны. Приняв всё это во внимание, поездку до Чауна и обратно мы рассчитали на 4 месяца, т. е. до апреля включительно. Срок же нашего возвращения был определён РИКом, который, уполномочивая нас по перевыборам, предложил быть в Уэлене не позднее 15–20 апреля.

Материалы по Северу

Материалов по Чукотке на месте почти не было. Как в РИКе, так и на Культбазе, цифровые данные неполные, неточные, случайные. Северного литературного фактического материала нигде не нашел, а беллетристика, вроде «Тихоокеанского дневника» Б. Лапина или «Север зовёт» Улина, является не более как беззастенчивым враньём, могущим ввести в заблуждение всякого, не знающего Север. Из старых книг — «Очерки Чукотского полуострова» Богдановича (1901), отчет о командировке инженера Тульчинского (1905), отчет экспедиции в 1909 г. и другие отрывочные сведения по экспедициям Беринга, Биллингса, Крузенштерна и других дают некоторый материал, который можно

использовать. Но всё это вместе взятое всё же очень мало и совершенно не отвечало на те вопросы, которые перед нами встали сейчас. При сборе статистических сведений за основу пришлось брать «Итоги Приполярной переписи 1926/27».

Карты

Вопрос с картами обстоит из рук вон плохо. Ни в Москве, ни в Хабаровске хороших карт Чукотки достать не удалось, «Карта Севера СССР» 1928 г. издательства Комитета Севера – очень мелкого масштаба (50–150 км в 1 см) и по Чукотке во многом неверна. «Карта Северных окраин Дальневосточного края», составленная по материалам Приполярной переписи, в отношении нанесения рек, их притоков, населённых пунктов и пр. тоже весьма неверна и неточна. Названия перепутаны. Маршрутные регистраторы собирали сведения со слов туземцев и наносили их на карту. УБЕКО* во Владивостоке выдало мне карты Гидрографического управления, но на этих картах нанесено лишь очертание берега, а Чукотки крупного масштаба совсем нет.

Вообще необходимо сказать, что какие бы то ни было карты Чукотки дают лишь береговую полосу. Внутренней части района с подробностями я не встречал нигде. Это белое пятно на всех картах. Горная экспедиция АКО (здесь их зовут «золотая экспедиция», или просто «золотые») имеет карты крупного масштаба, до 1 км в 1 см, но это не карты, а скорее схемы, выполненные их же топографами, но тоже настолько перепутанные, что на одной карте, составленной «воентопографом» Сухаревым, пролив Сенявина сделан «заливом» и остров Аракамчен соединен с материком горизонталями (нанесен рельеф)¹⁴.

Маршруты

Подытожив все данные, пришлось, к сожалению, убедиться, что за эти месяцы

объехать всю внутреннюю часть района и побережье не представляется возможным. Я наметил маршруты по объезду всего побережья и части кочующих на всякий случай по двум вариантам. По первому варианту я имел в виду поехать северным побережьем до мыса Северного [мыса Шмидта], найти там надёжного проводника и направиться на юг к кочующим по реке Кувет. С реки Кувет по её притокам добраться до притоков реки Чаун, вниз по реке Чаун спуститься в Чаунскую губу. Обследовать восточное побережье Чаунской губы до мыса Шелагского, вдоль побережья Северного полярного моря [Ледовитого океана] направится на восток до мыса Северного. С мыса Северного подняться опять до реки Кувет, по ней добраться до верховьев р. Амгуэмы, по кочующим этой реки вниз до устья, и дальше по побережью. Схематически этот маршрут может быть изображён в виде восьмёрки.

По словам старожила на Чукотке Косыгина, бывшего промышленника и торговца, много раз изъездившего полуостров вдоль и поперек, – это самый удобный маршрут для января и февраля, когда от мыса Северного до Чаунской губы доехать якобы очень трудно и даже вовсе невозможно: селений нет, корму не достать. Второй вариант – по побережью до бухты Чаун, затем на устье реки Чаун, по реке Чаун на реку Кувет, на реку Амгуэму до её устья. Или с реки Амгуэмы по другим речушкам, впадающим в Колючинскую губу, до Колючино.

В проводники нам рекомендовали известного на Чукотке Алитэта (Алитэт), оленевода и бывшего торговца, который живёт за мысом Северный, но им не воспользовались, так как он, во-первых, сбежал при нашем приезде, а во-вторых, у нас был свой каюр, который этот район хорошо знал.

Наём нарт

Наём нарт необходимо было сделать заранее, так как мы полагали на одних и тех же нартах и собаках сделать весь путь туда и обратно. Надеяться достать нарты за мысом Северным нельзя было. Для этой цели

*УБЕКО – Управление по обеспечению безопасности кораблевождения. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

Тевлянто был направлен ещё в ноябре в Уэлен, где удалось заказать только одну нарту до мыса Северного, а две нарты (всего нам нужно было три нарты) при помощи Франка (зампред РИКа, главный шаман на Чукотке, о нём будет ниже) были заказаны в <селе> Неттокенишхен до самого Чауна и обратно. Причём надо сказать, что эти две нарты давали два брата, также известные всей Чукотке, – Тыналей и Тынано, бывшие торговцы. С ними живет Волл – норвежец, давно поселившийся на Чукотке, бывший проспектор [горный техник], а потом торговец. По их словам, они имеют лучших собак и знают северный район Чукотки и до самой Колымы лучше Алитэта.

1.7. Отъезд на север 5 января

К 25 декабря сборы закончены, и мы готовы были выехать, но яндагайские каюры, нанятые до Уэлена, не приезжали: их задерживала пурга. Пурга за весь декабрь не прекращалась ни на один день, норд-вест дул непрерывно с начала ноября. Мы сидели на месте до начала января. 4 января погода прояснилась, к вечеру приехали на базу чукчи, и 5 января на рассвете мы тронулись в путь. До села Тунильхен [Тунытлин] (см. схему № 5) ехали при очень хорошей погоде. Но здесь опять началась пурга, и мы заночевали. 6-го утром при такой пурге, что впереди идущей нарты уже не было видно, мы смогли доехать только до села Дежнёв (8–10 км).

Село Дежнёв [Дежнёво; Канискак, эск.; Кэнискун, Кенишхен, чук.; в наст. время не существует]

В Дежнёве из-за пурги сидели до 9 января. Здесь в качестве продавца в фактории АКО работает упоминаемый выше Косыгин, которого пришлось использовать как живой справочник по разным вопросам, связанным с обследованием Чукотки. Здесь уже начали доходить с севера слухи, что дальше мыса Северного нет корма для собак и само на-

селение нуждается в мясе, жире. Косыгин советовал нам ехать от мыса Северного по кочующим на реках Кувет и Чаун.

За эти дни ознакомился с селением Дежнёв, с КП, а также с работой фактории. В селении 15 яранг, живут чукчи, 58 человек взрослого населения и 38 детей. Многие говорят на английском языке.

Заброска товара в Дежнёвскую факторию

Количество товара на Дежнёвской фактории выражается в следующих цифрах: завезено в 1930/31 г. на 215203 руб. 94 коп., остатки от товара 1929/30 г. 54894 <руб>, всего на сумму 269097 руб. 94 коп. (количество товара по группам представлено в ведомости Дежнёвской фактории в приложении). Никаких цифровых данных по деятельности фактории ДГТ найти здесь не удалось, не было также АКОвских материалов за прошлые годы по этой фактории. Несмотря на это, приведённые цифры за последний год достаточно ярки и показательны при определении роста потребностей туземцев и расширении торговой деятельности АКО и кооперации на Чукотке: если взять 1928/29 г., то мы увидим, что АКО по всему району завозит только на 25000 руб. товара, а в 1909 г. частник Чурин забрасывает на «Дежнёвский пост» на 30000 руб. Останавливаюсь на этом в самых общих чертах. Ниже мы ещё будем подробнее рассматривать эти вопросы.

Заведующий факторией

Заведует факторией Балашов, который после пожара в Пенкегнейской фактории в 1930 г. был переброшен сюда. Мы уже говорили о грубости и неумелом подходе к туземцам Провиденского зава [заведующего] Мироненко, но у Балашова эти качества должны быть возведены в квадратную степень. Жалоб на него ещё больше. Человек очень мрачной внешности, невозможный бюрократ по службе. <Плохие> отзывы о нём дают все, его знающие. Жалобы на него поступали через Тевлянто от чукчей.

Кроме зава на фактории работают ещё два человека. Косыгин — продавец. Личность на Чукотке довольно популярная. Он сам камчадал, был в Америке, учился там, говорят, что закончил в Сан-Франциско колледж. Хорошо знает английский язык (американский). На Чукотке давно. Был и промышленником, и торговцем. Имел свои землянки и до сего времени имеет свой катер. Хорошо знает Чукотку. Долго работал в ревкоме¹⁵, а потом в РИКе. Уже довольно стар. Ежегодно ожидает высылки за пределы Чукотки. Охотно давал разные справки по Чукотке. Второй — сторож и работник фактории Петушков — туземец неопределённого племени — из Анадыря (Усть-Белой).

9 января в 9 часов утра выехали и в 11 часов приехали в Уэлен. На полпути между Дежнёвым и Уэленом пурга неожиданно прекратилась совсем. Говорят, что здесь так всегда. В Уэлене совершенно безветренно, а в то же время в Дежнёве идет сильнейшая пурга.

1.8. Уэлен

Административный центр. Сюда должны поступать и здесь обрабатываются все сведения о состоянии всей Чукотки. Здесь должен быть жизненный пульс района. Поэтому надо было свое пребывание целиком использовать для общей ориентировки.

РИК

В самом РИКе в это время работал только один Аристов — по должности завфин [заведующий финансами] и секретарь, но сейчас заменявший весь состав РИКа.

Председатель Подкорытов проводил в Чаплино эскимосский съезд, инструктор Шафовалов [Шаповалов?] был на севере по перевыборной компании. Зампред РИКа Франк — номинальный заместитель, он совершенно ничего не может делать, кроме проставления своей фамилии на исходящих из РИКа бумагах. Новый секретарь Баум «ещё не доехал». Он сидел в Чаплино и вёл там работу.

«Ударные» телеграммы

Сюда же из Окрисполкома¹⁶ [ОИК], директората правления АКО, Интегралсоюза и др., как из рога изобилия, сыпались телеграммы, и все — в «ударном порядке»: о пушнозаготовках, лесозаготовках, сырьевых, мясных, яичных и прочих заготовках, разных кампаниях и др., грозящие и «правым уклоном на практике», и «рогожным знаменем», и отстранением, и отдачей под суд. Требовались разные сведения, цифровые итоги, ежедневные донесения, сроки выполнения «в 24 часа». Среди разных кампаний на Чукотке были и такие, как лесозаготовки, предстоящая весенняя рыбная путина, посевкампания. Даже требовали из Далькрайисполкома¹⁷ срочно сообщить фамилии делегатов и номера поездов, которыми они поедут на Краевой съезд Советов. Излишне будет упражняться в доказательствах, насколько жизненны все эти требования «в 24 часа выслать сведения по Чукотскому району в декабре и январе месяцев». Аристов же эти телеграммы читал и складывал в папки, которые ежедневно разбухали (см. приложение «Телеграммы»).

Предстоит голод

А по Чукотке надвигалась угроза очередного голода береговых чукоч: из района Лорино, Раупеляна, Мечигмена, Ныхчигена, Сапаклюк [Секлюк, Сиклюк, эск.; в наст. время не существует] поступали тревожные вести о полном отсутствии мяса, жира. Население голодает. Заблудилась в пурге и умерла голодной смертью чукчанка, которая из села Сапаклюк пошла за мясом в Аляево. На Культбазе создана комиссия помощи голодающему населению. Из фактории АКО и из запасов Культбазы выдаются населению продукты: мука, жиры, крупа и прочее.

Положение на севере ещё хуже. С мыса Северного прислали письма завшколой в Рыркарпии Шнакенбург, инструктор РИКа Шафовалов и инструктор ОИКа Белов. Все пишут о голоде. У населения нет мяса, жира, корма для собак. Полога холодные, неосвещённые. Начинаются голодовки от

Тропою Богораза

Колючинской губы и далее до самого Чауна. В некоторых селениях уже начали есть собак (Нутатымлен и др.).

Сообщают и о голодных белых медведях, которые заходят в селения и при случае нападают на людей. Это было в селе Энмакай (за мысом Северным). Белый медведь напал на шедшего на охоту чукчу Вуулькатенгина. Последний бросил винчестер и копье и стал удирать. На месте, где он был настигнут медведем, остались только следы крови, куски его одежды.

Шнакенбург информировал РИК, что под давлением голодающего населения он начал торговать на ещё не открытой фактории АКО, куда теперь ехал завфакторией (из Лаврентия бывший здесь завом Каменев). Он же сообщил, что в селе Валькарай голодающее население разбирает понемногу муку и сало из грузов, изъятых со шхуны «Элизиф», разбившейся в 1929 г. у мыса Биллингса. Просил заброски продовольствия и корма для собак на север из более благополучных районов.

Голодовка, множество ударных кампаний, перевыборы советов и т. д. — все это требовало от РИКа напряжённейшей и энергичной работы, принятия ряда срочных мер по локализации голода. Но сам РИК в это время состоял из одного Аристова.

Пурга продолжалась. Связи с районом фактически не было. Наши каюры выезжать, видимо, не спешили. Их пугали все эти слухи об отсутствии собачьего корма на севере. В Уэлене стоят большие холода, морозы доходят до -38°C .

Село Уэлен

В Уэлене 40 яранг и 8 деревянных домиков-складов, принадлежащих отдельным хозяйствам. Туземному кооперативу принадлежат три деревянных строения, один деревянный домик — Косыгина, один большой дом, построенный Этигером [Этингером?] в одном году с Культбазой, — райисполкома, и школа, в которой размещена радиостанция, ещё одна деревянная постройка — моторная. Всего 7 зданий.

Живут в Уэлене чукчи и совслужащие [советские служащие] — русские. Туземное население: 76 мужчин, 78 женщин и 101 ребенок.

Осенью в Уэлене убито несколько китов. Сколько — точно не установлено, называют разные цифры, до 16. Из этих китов двух использовали, и то частично, а остальные утонули, и их унесло.

По морскому промыслу и охоте Уэлен находится в средних условиях. Так, за 1929/30 г. упромышлено: нерп — 1904, лах-таков — 59, моржей — 82, песцов — мало, только 16, медведей — только 13 (см. приложение «Морской зверобойный промысел»).

В гостях у Франка

Зампред РИКа Франк пригласил меня с Тевлянто к себе в полог поговорить. Мы зашли. Яранга немного больше обычной яранги. Полог сравнительно небольшой. Во всём сразу чувствуется, что здесь живут в полном достатке. Инвентарь, посуда, разные предметы домашнего обихода говорят о том, что хозяин видел иные условия жизни, чем те, в которых живут сейчас чукчи. Ничего особенного нам Франк не сказал. Он только интересуется сам, откуда мы и зачем приехали на Чукотку, зачем едем на север и т. д. Рассказал, что жил в Америке, но что он там делал, не сказал. Говорил, что был в Москве у тов. Калинина. Русского языка совсем не знает, но умеет говорить по-английски. Вопросы о работе РИКа совсем не касался, и разговоров в этом направлении наладить не удалось. Угощал нас китовыми лапами, олениной, чаем. Во всем видна чистота, аккуратность, порядок. Очень вежлив, сдержан. Развязности никакой, искренности также. Наобещал всяческого содействия и напутствовал разными хорошими пожеланиями. В заключение предложил нам в яранге Пелятауге музыку и танцы.

Танцы в яранге Пелятауге

В пологе собралось человек десять, главным образом стариков, и сам Франк. Три человека затянули однообразный завывающий мотив под аккомпанемент трёх барабанов

[бубнов-яраров]. Постепенно звуки усиливались, охватывая круг участников. Дойдя до самых высоких нот, мотив резко обрывался. Потом голоса снова начинали усиливаться, поднимаясь до предельного напряжения. Так продолжалось 25–30 минут.

Затем выступали танцоры (трое). Они были в камусных штанах и коротких торбазах. Тело выше пояса было обнажено, а на руках одеты перчатки. Танцевали лучшие танцоры Уэлена – Аттык, сын Франка и маленький Камыргин (герой одного из «полярных» романов Лапина). Танцы представляют собой различные телодвижения на одном месте, сопровождаемые богатой мимикой и жестикულიцией. Что танцы отображают из жизни чукчей, точно установить не удалось, но в них, по-видимому, вкладываются элементы охоты, морского промысла и борьбы. После мужчин танцевали три девушки в платьях и тоже в перчатках. Их движения более однообразны, жесты более спокойны, сдержаны, мягки, мимики – никакой.

После танцев чукчи передали через Тевлянто, что это было устроено для того, чтобы наша «поездка была более благополучной».

1.9. От Уэлена до мыса Сердце-Камень (схемы №№ 5, 6)

Село Инчоун

28 января в 9 часов мы выехали, несмотря на продолжавшуюся пургу. В 12.30 прибыли в Инчоун. Дальше каюры сегодня не поехали. Кроме меня и Тевлянто, ехали вместе с нами Назаренко и Каменев с женой – заведующей на мысе Северный.

В тот же день я с Тевлянто обошёл все яранги села и собрал необходимые сведения. Всего в Инчоуне 21 яранга, 33 мужчины, 29 женщин и 42 ребенка. Очень трудно определить возраст как взрослых, так и детей. Приходится применять, где возможно, сравнительный метод, но больше записывается приблизительно. Очень неохотно дают также сведения об упрямом морском звере. Записей не ведётся. Так, за 1930 г. мы зафик-

сировали 397 нерп, 42 моржа, 27 лахтаков, 7 белых медведей, 1 песца. Точными эти данные, конечно, считать нельзя, так как, например, о нерпе большинство отвечает по шаблону числом 10, 15, 20, но нет никакой возможности найти какой-либо способ установить точно.

Остановились в яранге председателя тузсовета Тынан. К утру 29-го пурга усилилась, выехать нельзя было. Не выехали мы и 30-го и в следующие дни и сидели в этом первом селении, на расстоянии 3,5 часов езды от Уэлена, до 5 февраля. Сильнейшая пурга непрерывно держится все эти дни при норд-весте, не давая нам возможности даже выйти из яранги.

Хозяин же нашей яранги Тынан почти ежедневно ходил на проверку нерпичьих сетей и возвращался всегда с нерпой. Эта нерпа тут же в пологе некоторое время оттаивала и немедленно разделялась его дочкой лет 13–14. Причем мы постоянно наблюдали, что шкура нерпы была изъедена мелкими ракообразными, очень напоминающими мелких чилимисов [чилимов*]. Они заполняли все подкожное пространство и счищались в тарелку, наполняемую ими целиком, а шкура походила на решето. В других местах ни раньше, ни позже мы этого не видели.

Вблизи Инчоуна имеется моржовое лежбище, осмотреть которое мы в это время не смогли. По рассказам чукчей, с 1928 г. моржи на нём не появлялись.

Село Чутпен [Чупен, Чутпэн, Чутпа, Чутьбак; в наст. время не существует]

5 февраля с рассветом выехали. Пурга незначительная при том же норд-весте. Ехали до села Немитаген [Энмытагин] по низменному берегу, а дальше по сплошным торосам. Слева только обрывистые голые скалы, очень высокие, справа – до горизонта ледяное поле, заваленное гигантскими скалами-льдинами. Наши нарты непрерывно бросает во все стороны, перекидывает их, и мы вы-

* Речь, очевидно, идет о гаммаридях, мелких ракообразных, напоминающих чилима (один из видов небольших креветок). *Прим. ред.*

Тропою Богораза

летаем. Одна нарта с вещами сломалась и отстала.

К 16 часам прибыли в село Чутпен. Здесь 5 яранг, население: 16 взрослых и 14 детей. Ночевали мы в очень большой яранге председателя тузсовета Геляуге. В одном пологе нас вмещалось 17 человек, и, несмотря на это, тесноты никакой не ощущалось. По собранным сведениям, за предыдущий год упромышлено: 80 нерп, 8 моржей, 12 лахтаков, 5 белых медведей. В данное время недостатка в продовольствии и корме собакам не наблюдалось.

Село Чегытун [Чегитунь; в наст. время не существует]

В 8 часов 6 февраля выехали из Чутпена при усиливающейся пурге. В этот день намеревались доехать до Сешана (около 40 км), но пурга опять разыгралась, и мы, проехав село Икочура [Икичура, Икичуврен, Икичур; в наст. время не существует], около 7 км от Чутпена, убедились в невозможности ехать дальше. К 10 часам добрались до села Чегытун. Пурга была настолько сильной, что мы сразу не могли увидеть ни одной яранги, кроме той, где остановились.

Все же мы с Тевлянто обошли 8 яранг, собрали сведения, а к 4 ярангам этого селения, расположенным высоко на горе, мы так и не попали. Послали туда чукчу пригласить в наш полог хозяев этих яранг. В селении 12 яранг, разбросанных на значительном пространстве. Жителей в нем всего 40 человек (14 мужчин, 14 женщин, 12 детей).

Впервые наши хозяин и хозяйка (старик) оказались неприветливыми. Очень неохотно нас впустили. Ворча, старуха грела нам чай. На вопрос, нет ли у них мороженой рыбы (по имеющимся у нас сведениям, здесь должна быть рыба, даже оленина) или оленины она лаконично бросила: «*уинга*» (нет). Тут надо сказать, что наш приезд в это селение как раз совпал с выездом отсюда разведывательной партии экспедиции АКО («золотых»), которая просидела здесь дней 7–8. В нашем сегодняшнем пологе стоял технический руководитель экспедиции

Сергиевский и геолог Донской. Не понравились ли нашим хозяевам жившие до нас золотоискатели или была иная причина их недовольства, этого мы не установили. На Чукотке это был единственный случай негостеприимности хозяев.

Село Сешан [Чечен; в наст. время не существует]

Охоты в этот период ещё не было. Население живет за счет запасов осеннего промысла. На следующий день, 7 февраля, пурга почти не уменьшилась, но мы должны были продвигаться вперёд. Выехали в 9 часов. Опять едем торосным [торосистым] льдом у самого берега, представляющего довольно величественную картину — скалы сплошной отвесной стеной уходят ввысь на десятки метров. Это продолжается до самого села Сешан. К 14 часам мы были в Сешане. 16 яранг этого селения расположены двумя группами, разделенными между собой глубоким оврагом (устьем реки). В пургу сообщение между этими группами яранг весьма затруднительно.

Мы сами непосредственно обошли и собрали сведения в 12 ярангах. За исключением отдельных яранг, полога везде небольшие. В каждом пологе поддерживается огонь на 2–3 *эках**. Эк служит одновременно для отопления, освещения, кипячения чая и варки пищи, а где употребляется в пищу хлеб — и для хлебопечения. Значит, нерпичий жир есть. Запасы мяса также. О какой-либо голодовке разговоров здесь ещё нет. Корм для собак достать можно.

Всего населения: 29 мужчин, 7 женщин и 27 детей. Имеется отделение Уэленского кооператива. Скорее, отделение существует по наименованию, т. е. есть яранга, в которой помещается «кооператив», есть кооператор, чукча Алят, есть даже «товары» — немного махорки и спичек. Но, кроме этого, ничего. Население жаловалось на Уэленский кооператив и Дежнёвскую факторию АКО. В этом году до Сешана никакие товары не доходили.

*Эк — лампа-жирник, род мелкой чашки, деревянной, глиняной или медной. *Прим. авт.*

«Этот год» подразумевается с момента прихода снабженческого парохода АКО. В оружии и патронах острая нужда. Жаловались также на своего председателя Омирин, который ничего не делает для селения и ни о чем не заботится.

Встречали затруднения при сборе сведений по упрощенному зверю и охоте. Так, даже Омирин показал нам, что им убито 20 нерп, а когда проверили, оказалось, что 55 нерп и 3 песцов он скрыл. Всего записали по селению за осенне-зимнюю охоту этого года: нерпы разной — 493, моржа — 30, лахтака — 45, белого медведя — 3. Селением использован принесенный к берегам первыми льдами кит. У всех был китовый жир, кожа и мясо. Наш приветливый кооператор, у которого мы ночевали, угощал нас, кроме *копальхена* и нерпы, ещё и китом (кожа которого в немного замороженном виде довольно вкусна¹⁸).

Сердце-Камень

8 февраля в 9 часов — дальнейший путь. Ехали опять льдом и торосами. Проехали без остановки села Экалюрун [Икальурен, Икалюрен], Кенишхун [Кенишвун, Кенисхвын, Кеничвын]. От Кенишхуна мы стали круто подниматься на большой перевал мыса Сердце-камень. С перевала спустились на ровную тундру и сразу вправо начались яранги села Энурмин и дальше — села Тенкаурихин [Тэнкауригын].

К 14 часам прибыли в Нетокенишхун (Эттакенисхен) [Нетекенишхен]*. Остановились в яранге Тынале. В этой яранге два полога. В одном живет Тынале, а в другом — норвежец Волл. Эта яранга по своим размерам больше всех яранг, виденных нами на Чукотке. Построена она не из моржовых шкур, как обычно строят яранги, а из дерева с железной крышей. Она напоминает низкое здание цирка или манеж. В центре вся яранга поддерживается целой системой звездообразно расходящихся из одной точки крепких

деревянных балок. Пол в яранге вне полога деревянный. Тут же построен деревянный склад, кладовая и ещё одно помещение, где находятся разные вещи и уборная. Все это, повторяю, внутри, под крышей яранги. Есть окна со стеклянными рамами.

В яранге находится значительное количество разного имущества: промысловое снаряжение (гарпуны, китобойные ружья, мотор, сети, капканы, вёсла, снаряды и пр.), оружие, разный инвентарь, посуда, торговое оборудование, десятичные и другие весы, разновес, прилавок. Много разной тары: ящичков, ящичков, бочонков, коробок и др., китовый ус, лахтачьи и др. шкуры и ремни, постели и многое другое. По всему видно, что в этой яранге в недалеком прошлом производились крупные торговые и иные операции, и жили более чем «зажиточно». Ко времени нашего приезда у них скопилось значительное количество копальхена (моржовое мясо с жиром), *рыпальхена* (моржовая шкура с жиром для корма [собакам]) и целых нерп. Волл производил заготовку собачьего корма по поручению инспектора АКО для развозного торгового Дежнёвской фактории.

Волл и Тыналей

У яранги нас встретил сам Волл, который, видимо, заранее был осведомлён о нашем проезде. К Назаренко первому он обратился на английском языке, задавая вопросы и называя наши фамилии. Сам он кряжистый, среднего роста блондин с проседью, гладко выбритый, очень приветлив, всё время тараторил на английско-чукотском диалекте, жестикулируя ампутированными конечностями рук. Из всей своей многочисленной семьи он тут же представил нам взрослую свою дочь Цонья, как её все называют. Он же называет её «София». Всё население яранги бросилось к нам и начало раздевать и разувать нас. Затем нас повели в полог.

Я попал в полог Тынале. Такой величины полог я видел на Чукотке также впервые. Во всем была видна чистота, опрятность и порядок. Пол из моржовых шкур походил на линолеум и поража́л своей чистотой. В

*Все перечисленные селения, кроме Энурмино, в настоящее время не существуют. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

пологе ярко горели три ээка, аккуратно заправленных. Музыкальный ящик (виктрола, или патефон), швейная машина, умывальник, тазы, вёдра, кастрюли и другие предметы домашнего обихода, не встречающиеся в обычных чукотских ярангах, были здесь. По стенам развешаны иллюстрации и картины из американских и норвежских журналов, фотоснимки. Нам сейчас же предложили основательно вымыться, что надо отметить, мы сделали с большой радостью, ибо это было первое умывание после отъезда из Уэлена. Смежным с этим пологом был другой полог поменьше размером, в котором жила семья Волла. Он был такой же по обстановке, но, кроме ээков, на низеньком столике, покрытом клеёнкой, горела ещё большая керосиновая лампа.

На следующий день, 9 февраля, я с Тевлянто обошёл восемь яранг этого селения. Селение расположено на очень красивом месте мыса Сердце-Камень, на самом берегу Ледовитого океана. Между другими ярангами особенно выделяется яранга брата нашего хозяина Тынано. Она подобна яранге Тыналей по размеру, постройке и внутреннему устройству. Тыналей и Тынано, оба одинаково занимались торговлей, но в то же время и хорошие охотники. Они производят впечатление очень активных людей, хорошо развитых. Русского языка не знают, умеют говорить по-английски. Оба, видимо, заранее «инструктированные» в Уэлене Франком, с нами были очень предупредительны. В один голос выражали сожаление, что не могут сразу везти нас в Чаун, так как за несколько дней перед нашим приездом белый медведь разорвал у них лучших собак-передовиков.

Наём каюров до Чауна

В этот же день мы сделали собрание представителей от селений, расположенных на мысе Сердце-Камень, совместно с нашими каюрами и председателем Эннурминского тузсовета Омкыт. Вопрос с дальнейшей поездкой осложнялся. Те каюры, которые с нами должны были ехать до мыса Северного,

под впечатлением слухов о голоде на севере, заколебались и поговаривали о возвращении.

Предварительно обсудив вопрос с Назаренко, мы предложили собравшимся назвать тех, кто может с нами ехать. Ответом на этот вопрос последовало общее молчание. Никто не изъявил согласия. После продолжительной паузы и вторичного вопроса, Тыналей заявил, что он «во всяком случае и при всяких условиях ехать согласен», за ним и другие робко начали задавать вопросы об условиях поездки, оплате, высказывались о невозможности достать в пути корма для собак. В результате шесть человек согласились при условии, что корм будет взят за наш счёт из запасов у Волла на весь путь до Чауна и обратно. Об оплате условились так: 11 руб. за каждый день фактической езды, 5 руб. за каждый день стоянки по служебной необходимости, а дни вынужденных стоянок из-за непогоды не оплачиваются.

Начались сборы, заготовка корма, наём нарт для перевозки этого корма и пр.

Разговор с Воллом о питомнике

Вечером Назаренко вёл переговоры с Воллом о возможности организации песцового питомника на Чукотке. Волл сообщил, что он по этому вопросу давно дал свои соображения в письменном виде в Уэлен РИКу, но ему никто не ответил. Он считает, что такой питомник создать можно, он будет весьма рентабелен, не требует ни сложных технических сооружений, ни оборудования, ни затраты больших средств. Содержание его также не связано с крупными затратами. Уход за песцами очень простой. На корм надо в среднем 400 г мяса или рыбы в день, что, по здешним условиям, обойдется в 4 коп. Один песец приносит в год 12 щенков. Организацию питомника и техническое руководство Волл мог бы взять на себя. Тут же Волл сказал, что желал бы получить подданство СССР и остаться жить на Чукотке, если бы ему дали работу.

Нам предстояло пробыть здесь ещё несколько дней, так как корм собакам, дабы не

израсходовать все запасы развозного торгового АКО, пришлось докупать в ближайших поселениях: Эннурмине, Кенишхуне и других, да и условия погоды не совсем благоприятствовали.

Село Эннурмин [Энурмино, Энюрмин, Иннурмин]

10 февраля мы обследовали все яранги поселения Эннурмин. Ходили по ярангам я, Тывлянто и председатель тузсовета Омкыт. Сам Омкыт и чукчи говорили нам, что первый раз видят у себя *эрмов* (начальников), которые «всё осматривают сами, бывая в каждой яранге». А раньше, говорили они, «начальники останавливались в лучшей яранге, ничем не интересовались, а только ругали нас». При этом они указывали на бывшего начальника районной милиции Леонтьева, объезжавшего район в 1929 г., который якобы «угрожал ребёнку револьвером», и на бывшего председателя РИКа Понамарёва [Пономарёва?], который ехал на мыс Северный в 1928/30 г. и делал в Эннурмине остановку.

Принимали нас чукчи везде хорошо, всегда предлагали «чай *пауркен*» и «*кит-кит каметва*», т.е. попить чаю и немного покушать. Разговаривали с нами и давали разные сведения охотно, но когда касались упрямого морского зверя, мы опять наталкивались на непреодолимые трудности при установке точных цифр.

Всего в Эннурмине 14 яранг: 48 взрослых и 26 детей. Нами зафиксировано, что за осень и зиму упрямо: 567 нерп, 114 моржей, 66 лахтаков, 14 белых медведей, 4 песца и 6 зайцев. Использован селением один кит, занесённый океаном (из числа китов, убитых осенью 1930 г. в Уэлене).

Беседы с чукчами

За эти уже дни возникло здесь много вопросов, связанных со снабжением района, сдачей населением сырья и пушнины. В нашей яранге почти постоянно находился председатель тузсовета и чукчи со всевозможными вопросами. Наши беседы с чукчами принимали характер постоянного собрания, где глав-

нейшими вопросами на «повестке» стояли: недоснабжение товарами АКО, отсутствие на мысе Сердце-Камень торгового филиала АКО, Интегралсоюза, ассортимент товаров, вопросы коллективизации. На вопрос туземцев, какой товар может дать кооператив в обмен на пушнину, когда он ничего не имеет, инспектор АКО Назаренко не мог удовлетворить их ответом. Запрашивали, почему АКО совершенно не забрасывает вельботов и руль-моторов. Показали нам руль-мотор, имеющийся у Тыналей, системы «Jackwood», у которого есть ряд технических недостатков при работе в местных условиях:

1) вал недостаточной длины;

2) вращение только в одну сторону, и поэтому нет заднего хода и холостого хода;

3) слабосильный (до 6 сил).

Это главные дефекты, которые просят устранить при будущих заказах.

Были разговоры и об американской торговле. Тыналей давал справку, что американцы принимали пушнину якобы по более высоким расценкам, чем теперь. Так, за песца платили 35 долларов, а за белого медведя – 78–80 долларов. При этом указал, что плата была не деньгами, а товаром. По полученным от Волла фактурам старой торговли, оказалось, что Тыналей врёт.

Туземцы ходатайствуют о пенсии Волла

Председатель Эннурминского тузсовета заявил, что население просит нас довести до сведения Комитета Севера то, что «11 декабря 1925 г. гражданин Волл, желая освободить для использования населением принесённого льдами кита, производил взрывы льда. Во время этих взрывов произошёл несчастный случай – Воллу оторвало взрывом кисти обеих рук». С тех пор Волл, лишённый трудоспособности, живёт якобы «на иждивении населения». И до этого случая Волл якобы «работал для населения безвозмездно». Поэтому чукчи просят Комитет Севера исходатайствовать Воллу государственную материальную поддержку. Заявление о государственной помощи сделал сам Волл,

Тропою Богораза

он писал несколько лет тому назад в РИК (1927 г.), но ответа не было.

Насколько мы видели, Волл теперь живёт на иждивении, главным образом, у брата своей жены Тыналей, бывшего торговца и кулака. Заявление же, полученное от туземцев через председателя тузсовета, я передал в Уэлене по возвращении из Чауна в устной форме (28 апреля 1931 г.).

К 15 февраля всё население мыса Сердце-Камень нами обследовано: <села> Эннурмин, Тенкаурухин, Неттокенисхун, Неттен и Энмитаген. Закупка корма собакам на дорогу и наём нарт также закончены. Закупка производилась по цене: копальхен моржей и нерп — 13 коп./кило и рыпальхен — 30 коп./кило. Всего для наших собак закуплено 800 кг корма на 184 руб. на весь путь, т.е. до Чауна и обратно до мыса Сердце-Камень, что в среднем выходит по 23 коп./кило.

1.10. От мыса Сердце-Камень до Чауна (схемы №№ 7–10)

Село Эмлин [Эмелин; в наст. время не существует]

Всё готово, но пурга нас задерживает. Выехали лишь 18 февраля, хотя погода была и сносная, но в первый день каюры сделали остановку в селе Эмлин, где были к 12 часам.

Селение в отношении морского промысла может быть отнесено к числу сравнительно благополучных. Население жаловалось на отсутствие винчестеров, которых в этом году совсем не было. На 15 яранг и 26 человек взрослых мужчин на зиму 1930/31 г. упромышлено 48 моржей, 18 лахтаков, 399 нерп, 10 медведей, 4 песца. Осенью убит один кит. В тузсовете (председатель Темар) дали сведения и за 1929/30 г., которые для сравнения и приводятся: моржей — 79, лахтаков — 11, нерпы — 866, медведей — 2, песцов — 47, горностаев — 5. Здесь вели даже регистрацию убитой птицы, чего мы не встречали нигде, кроме Уэлена. За 1929/30 г. добыто уток — 380, гусей — 24. Точность

цифр, конечно, относительная, пока учёт не будет организован и налажен.

Село Тепкан [Тэпкэн; в наст. время не существует]

19 февраля в 6 часов выехали из Эмлина. Проехали без остановки 1 ярангу — село Мамин [Мемин, Мъэмин; в наст. время не существует]. В 10.30 были в Тепкане, который обследовали. За осеннюю и зимнюю охоту 1930/31 г. Тепкан имеет: 13 моржей, 5 лахтаков, 63 нерпы, 11 белых медведей и 5 песцов. Всего в селении 8 яранг — 11 мужчин, 8 женщин и 17 детей.

Село Нешкан

К 12 часам прибыли в следующее селение — Нешкан. По имеющимся у нас сведениям, это было последнее селение, где голода ещё не ощущалось, кое-какой промысел был. А дальше на север уже пойдут селения, где сейчас голодают. Остановились на ночлег. Обследовали яранги. Всего в селении 9 яранг: 27 взрослых и 23 ребенка. За осень и зиму упромышлено: моржей — 9, лахтаков — 15, нерп — 319, белых медведей — 7.

Село Индилен [Индылин, Дженрелен; в наст. время не существует]

С утра 20 февраля опять началась сильная пурга. Мы всё же выехали. В нескольких километрах от Нешкана проехали «горло» большой реки Нешкапильхин (*пильхин* по-чукотски значит «горло»). Ехать по такой пурге очень тяжело. Безостановочно мы проехали селения Цонононь [Ченлю] — 6 яранг, Велькальтенуп [Велькальтенут] — 4 яранги, Иргунуп [Иргынуп] — 3 яранг, Пильхекай — 1 яранга. В 12 часов мы были в селе Индилен*, где вынуждены остановиться, так как дальше ехать невозможно.

Обошли яранги. В этом селении стало сразу заметно, что население переживает недостаток в продуктах первой необходимости — мясе и жире. Чукчи сразу начали

* Все перечисленные селения в настоящее время не существуют. *Прим. ред.*

нам жаловаться: «*текисхен унига... метка-мет унига... каметва унига...*», что значит «мяса нет, жиру нет, кушать нечего». Действительно, в большинстве яранг сидели в пологах без света, в холоде.

Сегодня возвратился ни с чем один чукча этого селения, ходивший к кочующим за мясом. Чаучу ничего не дали. Здесь ещё хуже с винчестерами. Имеющиеся очень изношены, получены ещё при американском «снабжении», а новых до сих пор не получали. Полога маленькие, яранги убогие. В нашем пологе ночуют 12 человек.

21 февраля пурга такая же, сидим в Индилене. Начали есть копальхен и рыпальхен (из корма для собак). Надо сказать, что мясо и кожа с жиром моржа в замёрзшем виде почти не издают никакого специфически неприятного запаха и, отбросив всякие «культурные» предрассудки, и тем, и другим можно недурно питаться, что я с Тевлянто с успехом и делали в продолжение всего дальнейшего пути. Во всяком случае, наши пресловутые консервы «баранина с кашей» и «мясо со сбоем» (тоже с кашей), особенно пшёнка с песком, а нам попадалась и с мелким стеклом, гораздо хуже и ниже по питательности.

В пологе непрерывное чаепитие. Через нашу ярангу проходят с чаепитием обычно все хозяева остальных яранг. Наши чайные и сахарные запасы исчезают особенно быстро. Главной темой с чукчами бесед служит голодовка и снабжение населения.

Село Тойгвинен [Тойгунен, Тойгутыген; в наст. время не существует]

В 7 часов 22 февраля мы двинулись дальше. Пурга продолжается. К 9 часам — в Тойгвинене. Здесь 9 яранг: 26 взрослых и 12 детей обоего пола. Это селение, расположенное вблизи Колючинской губы, благополучнее предыдущего в смысле морского зверобойного промысла. Мясо и жир есть. За осень и зиму упромышлено: нерпы — 972, лахтаков — 9, моржей — 3, белых медведей — 7. На днях в море против Колючино нашли во льду кита, возле которого вчера и сегодня убили трёх медведей.

Заночевали с тем, чтобы завтра возможно пораньше выступить и проскочить устье Колючинской губы, где ветер всегда особенно резок и пурга зимой не прекращается.

Переезд через Колючинскую губу

23 февраля встали очень рано и в 5 часов выехали. Против ожиданий погода выдалась небывало хорошая для февраля. Без остановки проехали селение Майнагыргин [Майнагыргын; в наст. время не существует], на несколько минут задержались для привала на самом берегу Колючинского устья. Разожгли костер, благо здесь оказалось много выброшенного морем леса-плавника, вскипятили чай. Банки с консервами (с пшённой кашей) пришлось разрубать топором на две части (от мороза они закаменели), а потом разогревать. Кроме консервов, закуска состояла из нарубленных кусочков «оленьей колбасы» (особым способом приготовленный жир и содержимое желудка оленя) и кита. Губы обжигаются горячим чаем, а усы и борода покрываются густым налётом инея от чайного пара.

Через два часа все наши нарты уже несутся по Колючинской губе. Вправо на горизонте виднеется остров Колючин. Ветра почти нет, ярко светит солнце. Проехали остров Рыпата [Рпатын], на западном берегу Колючино, налево в двух-трёх километрах осталось селение Пильхекай.

Село Нутепельман [Нутепельмен]

К 15.30 — Нутепельман. Все 12 яранг его расположены на двухкилометровом пространстве. Мы остановились в яранге председателя тузсовета Пененкеу. В пологе его (в 3 шага шириной и 3 шага длиной) нас помещается 7 человек. Обследовали все яранги. Острого голода жителей ещё нет, но собачьего корма почти нет, полога в большинстве не освещены.

Пасынок Миненко Анчо ведет анти-советскую агитацию

В Нутепельмане находится склад развозного торгового АКО (Дежнёвской фактории)

Тропою Богораза

в ведении Ларкина. Этот развозной торг предположен для обслуживания кочующих. Ларкин производил заготовку корма для собак, были завезены на склад кое-какие товары. В один из отъездов его в первых числах февраля население стало требовать от председателя тузсовета выдавать со склада АКО продукты, чай, сахар, табак. Пененкеу отказался, объяснив им, что он не имеет на это права. Тогда чукчи пытались ночью взломать двери склада. Попытка не удалась, и они опять начали настаивать на выдаче продуктов, угрожая самовольно разобрать склад. Пененкеу, по его собственному заявлению, вынужден был выдать им 6 туш нерп, 19 кг табаку, 19 плиток чаю и 1 медный чайник.

Участие в этом приняли и соседние селения, Пильхекай и Пнопильхен. Необходимо отметить, что значительную роль в этом сыграл пасынок последней жены известного «промышленника» Миненко, чукча Анчо. Опросом председателя Пененкеу установлено, что Анчо вел антисоветскую агитацию, будучи проездом в Нутепельмане, он настраивал людей против Пененкеу, называя последнего «казакон», и предложил населению не обращать внимания на председателя и самим разобрать склад АКО. До Анчо население никаких попыток к насильственным действиям не проявляло.

На следующий день, 24 февраля, мы провели общее собрание чукчей селения, где ставили вопрос о самовольном разборе товаров и мяса на складе АКО. Все собрание дружно молчало, не отвечая ни на какие вопросы. Говорил один Пененкеу. Он жаловался на то, что чукчи, с тех пор как приехал Анчо, перестали его слушаться, ругали. Собрание отвечало безмолвием. Так мы и не добились объяснения от туземцев по поводу аковских товаров, разобранных ими со склада.

К вечеру работу всю по Нутепельману закончили. Погода начала улучшаться, и нам нельзя было сидеть на месте ни одного лишнего часа. Около 2 часов ночи мы выехали. Безостановочно проехали селения: Пнопильхен – 6 яранг, Прокопильхен (Про-

колельхак) – 3 яранги, Ильхетан – 5 яранг, Инрытаген* – 4 яранги (у мыса Онман).

Село Ванкарема [Ванкарем]

25 февраля были в Ванкареме к 10.30. Настали на редкость хорошие солнечные безветренные дни. Селение расположено у самого устья реки Ванкаремы, на мысу того же наименования, выдающемся низкой косой далеко в море. Река впадает в большую лагуну южнее селения. Яранги селения разбросаны на значительном пространстве по двум кошкам.

На самом берегу стоит «американского» типа домик, принадлежавший торговцу Оллысуну [Ольсену]. Теперь в нём живут оставленные им жена, чукчанка Печяк с дочкой Мэри. Назаренко думает в этом доме открыть отделение Рыркарпиевской фактории АКО.

Население Ванкаремы имеет очень мало мяса от морского промысла и пользуется в значительной степени помощью кочующих – олениной. У многих нет света, жирники не горят. За эту зиму селение имело: 297 нерп, 6 лахтаков, 7 белых медведей и 10 песцов.

Путь от Ванкаремы до мыса Северного [мыс Шмидта]

26 февраля выехали из Ванкаремы. Селение Нутаугин [Нутаткен; в наст. время не существует] (1 яранга) проехали без остановки. К 16 часам – привал в землянке-домике Брюханова, Такокагин. Землянка пустая, занесенная снегом. Организовали чай. В 21 час – дальше. Недалеко от Такокагин – устье реки Амгуэмы. В 24 часа – землянка Поварова, Кенкенпильхен. В ней временно поселились приехавшие из Тепкана чукчи, старик со старухой. Сделали отдых. В 5 часов 27 февраля – дальше, ибо хорошая погода не позволяла задерживаться.

К 10.30 в землянке Миненко у устья реки Тенкенргин. Видны следы недавнего пребывания хозяев, которые переехали на мыс

*Все перечисленные селения в настоящее время не существуют. *Прим. ред.*

Северный в январе. В жилой комнате в беспорядке разбросаны разные вещи — утварь, книги, журналы, остатки каких-то медикаментов и прочее, исправленный камбуз. В нежилой части землянки, складе, свалена разная домашняя рухлядь, мука, копальхен, ещё какое-то уже почерневшее мясо, шкуры, посуда и т. п. У землянки — значительные запасы плавника для топлива.

Всё это, с точки зрения жизни на материке, кажется невероятным, когда переехавшие на новое место оставляют на старом без присмотра, безо всяких запоров своё имущество и продовольствие. Но на Чукотке это явление обычное. Мы, например, на своём пути, далеко от жилых мест находили прямо в тундре сложенные под брезентом чай, табак, сахар и другие предметы, закупленные туземцем или туземцами на фактории и по каким-то причинам не доведённые до своей яранги.

Топливом и камбузом в землянке мы воспользовались, состряпали общими силами горячий обед из имевшейся у нас медвежатины, консервов и горячих пампушек на шанхайском сале. Основательно подзаправившись, в 17 часов мы заканчивали первую фактическую половину нашего пути от Уэлена до Чауна, спеша на мыс Северный.

Проехав некоторое расстояние по хорошему ровному льду, мы въехали на такие торосы, что хуже пути я, кажется, до сих пор не видал. Кругом не везло. Собаки из других нарт перекусили сустав ноги одной нашей собаке. Каюр Пелятауге, несмотря на наши уговоры, тут же эту собаку ударил остолом по голове, а потом перерезал ножом горло. В нарте осталось 8 собак, из которых у двух натерлись до крови подушки лап, и фактически они выходили из строя. Я начал отставать. Нарту бросало по торосам, точно байдарку по волнам во время шторма. Наконец она сломалась. В довершение всего каюр вывихнул ногу. Всё же, хотя и к 2 часам ночи, мы добрались до Рыркарпия [Рыркайпий] (м. Северного). Остановились на фактории у учителя Шнакенбурга.

Шнакенбург

Встретивший нас Шнакенбург произвёл сразу впечатление человека, растерявшегося при нашем приезде, в нём чувствовалось нервозность. Начал он с того, что уже давно ждёт всех нас, ждет от нас новостей, писем, газет, журналов, книг и пр. Сообщил, что он женат на чукчанке. По всему настроению видно, что он в нашем лице ждал каких-то «ревизоров», специально приехавших «проверить» всю деятельность его, Шнакенбурга, особенно по части торговли. Отсюда исходили все с ним беседы и разговоры. Он, например, сам начал приписывать обвинение его в «американофильстве» и в «недостачах» товаров и, как позже выяснилось, он опасался обвинений его в «поддерживании шаманства». По всякому сказанному ему слову он строил разные догадки о несуществующем «обличении» его в том или ином преступлении. В разговорах на политические темы в нём не видно было никаких определённых идеологических установок.

За короткий период пребывания на мысе Северном подробно ознакомиться со всей его работой не пришлось. Школа работала, по-видимому, нерегулярно, так как фактория, естественно, отнимала много времени. Чукчи не весьма хорошо отзывались о Шнакенбурге. Считали его человеком слабохарактерным, мягким, находящимся под влиянием родителей его жены, указывали и на то, что он имеет очень неряшливую грязную внешность, никогда не умывается и его «*момель ленэнуукэн*» («сильно вши едят»).

Рыркарпиевская фактория АКО

Фактория АКО в деревянном здании того же «американского» типа, (в одном домике склад, магазин и жильё) передана ДГТ в 1930 г. До декабря фактория не функционировала. Дальгосторговский заведующий Мироненко уехал, а аковский ещё не приехал. Голодающее население начало нажимать на учителя Шнакенбурга, и последний вынужден был открыть факторию.

АКО товары на мыс Северный не забрасывались. Снабжение района продолжалось ещё ДГТ. То количество товара, которое было в фактории к началу торговли в этом году, сложилось из: остатков прошлых лет на 11000 руб., отгруженного шхуной «Коризе» — на 65000 руб., шхуной «Чукотка» — на 2000 руб., зимовнич. запаса п/х «Ставрополь» — на 700 руб. Всего на сумму 78700 руб.

Причём остатки товаров взяты инспектором АКО Назаренко приблизительно, так как фактория никем от старого зава не принималась (см. приложение «Рыркампиевская фактория»).

Село Рыркампий [Рыркампий]

В самом селении Рыркампий охоты на морского зверя нет. Население остро нуждается. Корма собакам нет — они гибнут. Мяса нет, жира тоже. Проезжающие в январе по перевыборам Советов Белов и Шафовалов едва смогли набрать из всего селения сборные две нарты, чтобы ехать дальше. Поддержка населению была необходима. Всего в Рыркампии 18 яранг, из них 3 — палатки. Школа помещается в землянке. Имеется, кроме фактории, деревянный домик Караева. Население: взрослых — 55, детей — 33.

Сведения о грузах, изъятых со шхуны «Элизиф»

Здесь мы узнали, что Шафовалов и Белов в селе Валькарай переписали все грузы, изъятые со шхуны «Элизиф», отстранили Брюханова, всё передали в ведение Валькарайского тузсовета, а непосредственную охрану поручили Поварову. Товар же с этой шхуны, как раньше, так и при охране тузсовета и Поварова, понемногу, но беспрестанно расхищался. За мысом Северным мы начали встречать в ярангах разные мелкие вещи, сало и муку из снятых со шхуны грузов. Бывший промышленник Миненко в Рыркампии заявил мне, что Поваров со шхуны «Элизиф» набрал себе разных продуктов на 2 года, а мануфактуры — на 10 лет.

Из Чауна вернулись рыркампиевские каюры

2 марта вернулись из Чауна рыркампиевские каюры, которые взялись везти Белова и Шафовалова туда и обратно. Рассказали, что в пути корма собакам нигде достать нельзя, население голодает. В Нутатымлен, Энмакой и других селениях едят поголовно собак. С мыса Северного они выехали 14 января, на мыс Биллингса прибыли на 8-й день, просидели там 5 дней, и до Чауна ехали оттуда семь дней. Большую часть пути им пришлось идти пешком, так как собаки не могли тащить нарты.

От мыса Северного до Энмитагина

На рассвете 4 марта мы выехали из Рыркампии на шести нартах. Две нарты со мною и Тевлянто, две — собачий корм, одна — наши вещи и одна — Назаренко. Хорошая погода и прекрасная по льду дорога. В 13 часов небольшой привал для чая, и дальше. Здесь живёт редко встречающийся на Чукотке семейный коллектив: одна женщина является женой двум мужьям. У них одна девочка. В очень маленьком пологе нас вместились 12 человек. В связи с общей голодовкой, эта семья почти ничего из продовольствия не имеет. Эмкакай предлагал нам песка в обмен на какие бы то ни было продукты. Мы им оставили мясных консервов и галет.

Жаловавшийся на плохое состояние здоровья Назаренко сегодня не мог сам добраться из полога до нарт. Пришлось его немедленно направить обратно на мыс Северный.

В нескольких верстах от Пильхен встретили селение Иукланкыну — 3 яранги, через 5–6 км — селение Ирулт, 2 яранги, через то же расстояние — Куветкай, 2 яранги, затем в 12.30 — Нутатымлен*. Все эти селения мы проехали безостановочно. При нашем проезде люди выходили из своих яранг. Все имели вид изнурённый, унылый, жалкий. Собак нигде в этих пунктах уже не видели. Голод

* Все перечисленные селения в настоящее время не существуют. *Прим. ред.*

давал о себе знать всюду. Отъехав 3–4 км от Нутатымлена, сделали привал и чай.

По дороге мы встретили три нарты, нагруженные разным домашним скарбом, двумя бочками керосину и несколькими небольшими ведёрками с американским салом. Причём керосин и сало — со шхуны «Элизиф». На нартах ехала в Эннурмин одна из жен Алитэта с сыном. В 18.30 — селение Энмыкай [Энмакай, Энмыкай; в наст. время не существует], ночлег. В 2-х ярангах живет 8 взрослых и 5 детей. Положение в селении трудное. У нашего хозяина Кайгемкину 5 детей, а за осень и зиму им убито всего лишь 5 нерп. А всё остальное население упромыслило за это время 1 моржа и 1 лахтака. Необходимо отметить, что моржи в этом районе встречаются как исключение.

Село Якан [Яканвук; в наст. время не существует]

В 8 часов 6 марта выехали из Энмыкай. В 12 часов прибыли в Якан, или Яканвук (на мысе Якан). 3 яранги, 7 взрослых и 7 детей обоёго пола. Остановились у Атчыыргина. Последний жаловался на острые боли при мочеиспускании, то же у его жены. Видимо, триппер. Но откуда эта болезнь появилась, мы не могли установить.

Наши каюры решили здесь заночевать, хотя собирались ехать сегодня дальше. Потом выяснилось, что Тыннелей имел в Якане старых своих должников (в этом районе он занимался торговлей), с которых хотел получить долг, и уговорил каюров остаться.

Встретили Форштейна

Выехали утром 7 марта. По дороге встретили заведующего Чаунской школой Форштейна. Он ехал на мыс Северный, по его словам, под давлением чаунцев, которые, услышав, что едет *велитку* *кляуль* («большой торговый начальник») — Назаренко, послали Форштейна за ним. На Чауне, якобы, очень скверно и «несправедливо» торгует зав. факторией Семёнов. Форштейн долго и пространно рассказывал о том, что Семенов в Чауне ведёт торговлю без каких бы то ни

было преysкурантов и определённых цен, население, якобы, им очень недовольно. Так как Назаренко с нами уже не было, Форштейна вернули.

Село Энмитаген [в наст. время не существует]

К 12.30 прибыли в Энмитаген. Здесь живет Алитэт. Это бывший крупный спекулянт. Он одновременно занимался торговлей, морским зверобойным промыслом и оленеводством. Сейчас у него 300 оленей (ездовых быков и важенков). В этом селении всего три яранги, причём в одной — сам Алитэт с семьёй, а в остальных — его работники, Тлеми и Кеуке.

У Алитэта

Когда мы подъехали, Алитэт (это и есть тот «удачно выбранный проводник», о котором упоминает регистратор Сёмушкин, производивший перепись в этом районе в 1926/27 г.) стоял у своей яранги и не сказал нам даже обычного приветствия, принятого у чукчей. Всё же мы остановились у него в яранге, так как я имел в виду с ним поговорить и получить от него ряд сведений по этому району. К нам он отнесся явно враждебно. Даже не зашёл в ярангу, а ходил по тундре с мрачным видом. Мы его спрашивали через посыльных, в чём дело, приглашали зайти и поговорить с нами, но он продолжал ходить по тундре. Ночевать в полог он не пришёл. Утром мы опять послали за ним, но его нигде не нашли. Оказывается, он ушёл к чаучу (кочующим) — куда, точно не известно. Так мы с Алитэтом не обменялись ни одним словом.

Ночью собаки сделали налет на нашу продовольственную нарту, которая была плохо укрыта. Колбаса и часть масла были съедены. Консервные же банки (завода «Океан» во Владивостоке) оказались только измятыми, разгрызть их собакам так и не удалось. Выехали 8 марта довольно рано. В селе Уаыргын [в наст. время не существует] сделали небольшой привал для чая. К 15 часам были в селе Валькарай на мысе Биллингса.

Село Валькарай (схема № 9) [Валкаран, Биллингс]

В этом селении 4 яранги — 14 взрослых и 7 детей. Тузсовет. Председатель — Тыкай, член РИКа. На самом берегу мы увидели большие груды разного груза, тюков, ящиков, бочек и проч. В 400 м от берега, сваленная на левый борт, находилась шхуна «Элизиф» с одной оставшейся мачтой. Нас встретил высокий старик с длинной чёрной бородой — Поваров. Он являлся фактически «охранителем» шхуны и снятых с неё товаров. Поваров жил в домике, построенном из материалов шхуны, к которому с трёх сторон примыкали тоже из материалов шхуны построенные помещения для складов. Часть стен в этих помещениях была из брезента.

На проведённом здесь общем собрании туземцев селений Эттонивук [в наст. время не существует] и Валькарай, выяснилось, что туземцы не имели никакого понятия о советской власти, у них никто и никогда не был от РИКа или иных советских учреждений. Абсолютно никакой советской и политической работы среди них не проводилось. Заявляли, что уже несколько лет подряд дуют ветра, непрерывные пурги, охоты и морского промысла нет никакого. Поэтому население систематически голодает. Просят о создании запасного продовольственного магазина на случай голодовки. Возмущаются Брюхановым, который распоряжается, как собственным, товаром, изъятим со шхуны¹⁹. Требовали убрать его из Валькарая. Была произведена опись находящихся на берегу грузов. Передать список <грузов> в тузсовет Уэлена направили Брюханова. Поваров был оставлен на месте для охраны товаров.

Шхуна «Элизиф»

9 марта осмотрели шхуну. Она посажена на мель недалеко от берега в 1929 г. после того, как получила пробоину. Команда шхуны ушла на восток к Уэлену, а на шхуне оставили Крука, норвежца, и Адольфа, немца. Её привели в полную негодность и бросили

на произвол судьбы. Летом 1930 г. шхуна Свенсона «Коризе» с Полистером во главе пришла к «Элизиф» и часть товаров забрала. Оставшийся груз частью изъят, а около трети, по словам Брюханова, осталось в подводной части шхуны. Теперь она скована льдом, левый борт — на уровне поверхности льда, а в правом вырезана дыра громадных размеров, по-видимому, для изъятия грузов из трюма. Вся палуба занесена снегом, из-под которого видны остатки совершенно разрушенных различных палубных построек и деталей. Всё, что изъято со шхуны, свалено беспорядочно и разбросано, как в складе, так и под открытым небом, и подвергается порче.

10 марта выехали дальше. В 10.30 заехали в землянку «промышленника» Конченко — Покатаген. Конченко, как Брюханов, Миненко и другие, бывший проспектор из Нома. На Чукотке — с 1901 г. Жена у него чукчанка и трое ребят. Имеет сейчас на руках 19 песцов. Собирается их сдать, но не знает куда — в Чаун или на мыс Северный. В 1928/29 г. жил на Колыме.

Село Вевма [в наст. время не существует], Каменват

В 13 часов мы в селе Вевма (1 яранга), где живет полукочующий чукча Каменват (у него 16 оленей — 6 ездовых быков и 10 важенок). Очень весёлый старик. Русского языка не знает, но матерится довольно внятно. Мы обратили внимание на то, что первыми его словами к нам была матерщина по адресу Алитэта. Он в этот день убил белого медведя, и всё время смеялся и шутил. У него было 27 песцов, 12 штук из которых с нами вместе повез в Чаунскую факторию. На вопрос, почему он не берёт всех песцов, он ответил, что «в фактории товару не хватит расплатиться» и к тому же у него одна нарта.

Надо отметить, что этот район богат песцами. 20 и 30 песцов на охотника — считается ниже средней охоты.

В этот день мы доехали до местности, называемой Лялер, которая тянется на не-

сколько десятков километров. На льду разбили палатку, заночевали.

11 марта, закончив чай и сборы, в 5.30 тронулись дальше. От самого Вевмы тянется гряда сопок, усеянных обнажёнными вертикальными скалами (кекурами). Мы проезжаем реку Пегтымель, устье реки Кувет, мыс Айчин и бухту того же наименования. Тынале рассказывает, что глубина этой бухты не выше щиколотки. На её западном берегу в 11.30 делаем привал для чая. За 6 часов пути от места ночлега – 65 верст. Немного отдохнув, следуем дальше. Дорога хорошая, собаки идут прекрасно. Но это было до 15 часов. Совсем неожиданно мы попали в сильную пургу. Стало почти темно. К 19.30 прибыли в село Эргуэм. Всего за сегодняшний день мы были в пути 14 часов с привалом в 1–1 часа и проехали около 113 верст (схемы №№ 9–10).

Село Эргуэм (схема № 10) [Эргувээм; в наст. время не существует]

Здесь 2 яранги, 19 человек взрослого населения и 5 детей. Тнетеун упромыслил за зиму: 27 песцов, 1 белого медведя, 3 нерпы, а другой хозяин, Иттеургин, – только 3 песца. Морской промысел почти ничего не дает. Тнетеун заявил нам жалобу на заведующего Чаунской факторией Семёнова, который, якобы ему мало дал товару в обмен на 12 песцовых шкурок. Я составил с его слов подробный перечень полученных им товаров на сданных 12 песцов, чтобы проверить этот факт на фактории.

Село Паныргин у м. Шелагского [в наст. время не существует]

12 марта в 7 часов выехали из Эргуэма. В 12 часов на реке Куивэ [Кувет] – привал. Закуска: кожа кита, мороженая оленина, чай.

Селений до мыса Шелагского больше не встречали. У самого мыса на северной его стороне стоит одна яранга села Оньпенме [в наст. время не существует], но мы, не доезжая его, свернули на юг, поднялись на большой перевал спустились к Чаунской губе с юго-восточной стороны мыса Шелагского, в

село Панныргин [в наст. время не существует]. Здесь помещается Чаунская школа, куда мы и заехали. Завшколой Форштейн, ехавший от Энмитагена с нами, значительно отстал и приехал домой лишь утром 13 марта.

1.11. Чаун

Итак, мы достигли бухты Чаун [Чаунская губа] на 77-й день по выезде из бухты Лаврентия (5 января–12 марта), проведя в пути месяцы самых свирепых пург на Чукотке – январь и февраль.

Заведующий Чаунской школой даёт характеристику района

13 марта весь день знакомился у Форштейна с положением Чаунского района, его экономическим состоянием, советизацией, классовым расслоением и пр. Особенно много Форштейн рассказал о деятельности заведующей факторией Семёнова и взаимоотношениях с ним.

Политическое положение района, по его наблюдениям, весьма ненадёжное. Форштейн считал «необходимым принятие самых репрессивных мер» против кулака и шамана. Он заявлял об открытых угрозах непосредственно ему и даже ожидал покушения со стороны враждебной советской власти кулацко-шаманской верхушки населения. Форштейн предупреждал своими письмами (от 10 декабря 1930 г. и 10 января 1931 г.) Уэленский и Нижне-Колымский райисполкомы о том, что при первых «волнениях» в данном районе, Форштейны, «не имея намерения терять свои головы», будут бежать на Колыму или в Уэлен, «смотря по удобству» пути.

Форштейн заявил, что недовольство и недоверие населения разжигается «настоящей деятельностью фактории АКО», где «цены на товары резко взвинчены, торговля производится на глаз, без денежных коэффициентов, песец не дороже 20 руб., а белый медведь – не дороже 40 руб., понятия о весе, цене, сортах пушнины отсутствуют и т. д. и т. п. Таковую характеристику дал Форштейн рабо-

Тропою Богораза

те фактории в Чауне. Он писал пространные письма по этому поводу и в Колыму, и Уэлен и телеграммы в Хабаровск. По всему видно, что их взаимоотношения с заводом Семёновым были ненормальны.

Район охарактеризован Форштейном как «резко кулацкий». Он дал цифры: на 21 хозяйство района — 4 кулацких и 2 подкулацких хозяйства, 15 бедняцких «на все сто процентов», как он говорит. Какими показателями для определения такого классового расслоения он пользовался, не сказал. С «тезисами по классовому расслоению среди малых народов Севера», принятыми VII расширенным пленумом Комитета Севера, Форштейн не был знаком.

Школа помещается на берегу бухты в палатке. Внутри палатки два маленьких полога. В одном сама школа, а во втором живёт Форштейн с женой и ребёнком. Учеников в школе четыре. «От кочевой школы, — говорит Форштейн, — мы отказались в этом году, благодаря наглým обманам, наглým требованиям и даже угрозам со стороны шаманов и кулаков против нас». Две научные поездки Форштейнов к ламутам и чаунским стойбищам кочующих, стоявшие в плане работы школы, не состоялись за отсутствием средств. Жаловался Форштейн и на «кабальные условия кредита» для школы в фактории, что «мешало всей работе и жизни школы».

14 марта мы выехали рано утром на мыс Пеэк. К 13 часам прибыли на остров Роутан, в селение того же наименования. В нём шесть яранг и одна палатка. Живут олениводы. Пили чай в яранге самого богатого на острове чаучу Рольтыргина. Яранга очень грязная.

Чаунская фактория

К 16 часам мы были на фактории АКО (Пеэк). Фактория размещена в землянке, состоящей из двух половин, разделённых сепарациями. В одной половине — склад и магазин, в другой (2 комнаты) живет завфакторией. При фактории имеется отдельное небольшое помещение — склад, построенный, главным

образом, из брезента. Очень много товару — муки, папирос, табака, сахара и многого другого — находится прямо на открытом воздухе, под брезентом. Товар в факторию заброшен шхунами «Чукотка» и «Коризе» (Свенсона). Фактория перешла в АКО от ДГТ в 1930 г. На этот год заброшено всего товару на 150 тысяч, куда входят остатки от ДГТ на восемь с лишним тысяч рублей. Заброски же ДГТ не превышали 35 тыс.

Оборот в 1929/30 г. выразился в 27 тыс. руб., а по март этого года только на 13 тыс. Надо считать, что заброска товару на 150 тыс. не оправдывается оборотами фактории совершенно. Много неходового товару, как-то: разных сукон (не продано ни одного метра) и мануфактуры, дамской и детской обуви и галош, мужских хромовых сапог, лучшего шоколаду (на сумму около 9 тыс. руб.) по 10 руб./кг, которого никто ещё не брал, разных конфет и многого другого, — всего на сумму около 50 тыс. рублей. Наличными деньгами в кассе к нашему приезду оказалось 90 рублей. Пушнины заготовлено на 8–9 тыс.

Нами проверены заявления чукчей из селений Эргуэм и Панныргин о якобы неправильной уплате товарами за сданных песцов на факторию. Мы сверили запись полученного, по словам самих чукчей, нам заявивших, с записью в торговом дневнике Семёнова, оказалось, что заявления не соответствуют действительности. Чукча Рутьтыргин (из села Панныргин) тут же сознался (переводил Тевлянто), что соврал. Когда спросил, зачем он врал, Рутьтыргин ответил: коо («не знаю»).

Оказалось, что за песка Семенов давал товару не на 7 и не на 12 рублей, как заявлял нам Форштейн, а, смотря по сорту: за I сорт — 45 руб., II — 35 руб. и III — 25 руб., недопёсок I-го сорта — 22 руб., II-го — 15 руб. Это были старые ДГТ расценки (новые привез Семёнову я). Торговлю Семёнов вел, вообще по ДГТ-прейскурантам, ибо новых расценок у него не было. Но были товары (все Свенсоновские), на которые вообще не было расценок. Здесь Семёнов, верно, на-

кидку на фактурную цену по приёмке товара делал «приблизительную». Эта наценка, по его словам, иногда доходила до 100 %. Развозной торг не был организован.

С нашим приездом совпало время, когда кочующие спускаются из глубины района, с гор, к Чауну. Среди этих кочующих были и анадырские, чаучу Нэвэлэль из Усть-Белой сразу узнал земляка Тевлянто. Обрадовался. Был удивлён. На фактории наступал период наиболее интенсивной, оживлённой торговли.

Улин

Семёнов рассказал нам, что в январе приехал на факторию из Колымы гражданин, назвавший себя представителем ВЦИКа. Он сначала возмущался свободной продажей винчестеров населению, говорил Семёнову, что всё оружие надо опечатать и направить уполномоченному ОГПУ в Колыму: «...Разве Семёнову не известно, что недалеко находятся бандиты». Потом этот гражданин назвал себя писателем по фамилии Улин. Сказал, что он едет из Колымы в Анадырь, что здесь он собирает материал для своего большого полярного романа, что он издаётся в ЗИФе и является северным корреспондентом многих газет и журналов. По словам Семёнова, этот писатель просидел у него ровно 16 дней, ежедневно пил чистый спирт с церковным вином, очень много рассказывал о своих похождениях и успехах у «баб», слушал фокстроты на привезённом им же граммофоне и уехал обратно на Колыму.

О нём же рассказывал и Форштейн. Но у последнего Улин скрыл свое имя. Он спросил у Форштейна отзыв о книгах Улина: «Золотые долины» и «Север зовет». И, наслушавшись вдоволь «злой критики», просидел у него два дня, и уехал, шепнув на прощанье, что Улин это он сам и есть. Оставил Форштейну письмо на 16 страницах по поводу своих книг.

Пенкин

Последний ДГТ завфакторией Пенкин, «плативший за пушнину вдвое больше» те-

перешнего зава Семёнова (по словам Форштейна, так говорили чукчи), оставил после себя в Чауне кое-какие воспоминания. Здесь чукчи говорили о нём, что он был *немелькхен кляуль* («хороший человек»). Живущая сейчас на фактории старуха-колымчанка говорила: «шипко любил бражку и сам её тутока варил». Самогоном он угощал чукчей у себя на квартире в тех случаях, когда, по своим соображениям, считал необходимым. Гнал самогон сам у себя на фактории из сахара. Эта же колымчанка (Ефимия её звать) рассказала, что она Пенкину сделала песцовую кухлянку и его жене шубу на песцовом меху. Но на это дело, якобы, пошло 60 песцов. Проверить эти сведения нам не удалось.

На фактории мы пробыли 4 дня. 19 марта направились в обратный путь.

Таблица расстояний

На прилагаемой ниже таблице №2 указываются населённые пункты от бухты Лаврентия до бухты Чаун и в бухте Чаун до мыса Пеэк; даны расстояния между этими населёнными пунктами в верстах и количество часов фактической езды от пункта до пункта. В подчёркнутых селениях были наши ночёвки и по ним можно судить о суточных пробегах. Весь путь может быть разбит на следующие этапы:

1. Культбаза—Уэлен — 92 версты [98,2 км];
2. Уэлен—Колючино (Нутепельман) — 180 верст [192 км];
3. Нутепельман—Ванкарема — 70 верст [74,7 км];
4. Ванкарема—мыс Северный (Шмидта)—239 верст [255 км];
5. мыс Северный (Шмидта)—мыс Биллингаса (Валькарай) — 210 верст [224,1 км];
6. мыс Биллингаса (Валькарай)—мыс Шеллагский (Панныргин) — 263 версты [280,6 км];
7. Чаунская губа до мыса Пеэк — 50 верст [53 км].

ВСЕГО: 1104 верст [1177,6 км]*.

* Судя по современной карте и таблице № 2, А.И. Калтан указал здесь приблизительную длину каждого этапа по прямой. *Прим. ред.*

**Расстояния между посёлками по маршруту А.И. Калтана
бухта Лаврентия – бухта Чаун – м. Пезк (в бухте Чаун)**

Жирным шрифтом выделены названия существующих ныне посёлков, в квадратных скобках даны их современные названия, если они отличаются от приведённых Калтаном. Против каждого посёлка указано расстояние до него от предыдущего посёлка и время, за которое оно было пройдено экспедицией Калтана на собачьих упряжках. Ночёвки и вынужденные остановки обозначены прочерками. *Прим. ред.*

№№	Наименование селений	Расстояние в вёрстах	Расстояние в километрах	Часов езды
1	Тунильхен [от бухты Лаврентия]	60	64	15
2	Дежнёв	12	12,8	2½
3	Инчоун	30	32	3½
4	Миткулин	18	19,2	–
5 [?]	Миткулин [Ошибка – повтор предыдущей строки?]	18	19,2	–
6	Немитаген	4	4,3	–
7	Уттэн	20	21,3	–
8	Чутпен	20	21,3	8
9	Икочура	4	4,3	–
10	Чегытун	8	8,5	2
11	Сешан	25	26,7	5
12	Экалюрун	10	10,7	–
13	Кенишхун	12	12,8	–
14	Эннурмин [Энурмино]	7	7,5	–
15	Тенкаурих	2	2,1	–
16	Неттакенишхун	2	2,1	5
17	Неттен	3	3,2	–
18	Энмитаген	[?]		
19	Эмлин	17	18,2	3
20	Мэмин	10	10,7	–
21	Тепкан	12	12,8	4½
22	Нешкан (Чонбгонь)	5	5,3	¾
23	Цонононь	10	10,7	–
24	Велькальтенуп	9	9,6	–
25	Иргунуп	4	4,3	–

26	Пильхекай	7	7,5	
27	Инделен	5	5,3	5
28	Тойгвинен (Тойгунен)	15	16	1½
29	Майнатыргин	5	5,3	
30	Чегытен	6	6,4	
31	Пильхен	20	21,3	5
32	Пильхекай	32	34,2	—
33	Нутепельман [Нутепельмен]	16	17,1	5
34	Пивопильхен	7	7,5	—
35	Прокопильхен	15	16	
36	Ильхетан	13	13,9	
37	Инрытаген	3	3,2	5
38	Ванкарема [Ванкарем]	32	34,2	3½
39	Кутаугин	23	24,5	—
40	Уэкугваль	58	62	
41	Такокагин	22	23,5	11½
42	Кенкенпильхен	28	30	
43	Тенкергин (м. Северный) [Мыс Шмидта]	48	51,3	5½
44	Рыркарий [Рыркайпий]	60	64	10
45	Пильхен	58	61,9	9
46	Иукленкыну	3	3,2	—
47	Ирулт	5	5,3	—
48	Куэткай	4	4,27	—
49	Нутакатак	5	5,3	—
50	Нутатымлен	7	7,5	3
51	Кинмантаген	15	16	—
52	Энмакай	12	12,8	4
53	Якан (Яканвук)	27	28,8	4½
54	Инматыргин	10	10,7	—
55	Энмиаген	20	21,3	4½
56	Уаыргин	10	10,7	1½
57	Эттонивук	22	23,5	
58	Валькарай [Биллингс]	12	12,8	5
59	Инукай	12	12,8	1½

Тропой Богораза

60	Вевма	20	21,3	2
61	Эргуэм	155	165,4	14
62	Онъпеньме	70	74,7	–
63	Паныыргин	6	6,4	9
64	Мейнрельхан	10	10,7	–
65	Роопелян	10	10,7	–
66	Пезк [Певек]	30	32	–
67	Роутан	18	19,2	2
68	Кинманканыт	8	8,5	–
Всего		1292 версты*		

* На самом деле сумма всех расстояний, указанных в таблице, составляет 1368 вёрст, или 1459,56 км, без ошибочно повторённого под № 5 села Миткулин (№ 4).
Прим. ред.

Схемы к маршруту составлены по картам:

1. Гидрографического Управления;
2. Толмачёва (Начальника экспедиции по обследованию побережья Ледовитого океана в 1909 г.);
3. Схемам и картам геологической экспедиции АКО;
4. Материалам, добытым мной непосредственно.

1.12. Выводы

Тяжёлый сезон 1930/31 г. по морскому зверобойному промыслу, голод значительной части населения, авторитетные заявления старожилов-русских и туземцев о невозможности добраться до Чауна в этом году посеяли в нас неуверенность в выполнении своего плана. Но было решено выполнить объезд до конца, во что бы то ни стало. И, несмотря на перечисленные препятствия и осложнения с наймом нарт, закупкой корма для собак, поиском крепких и сведущих каюров, мы всё же без особых «приключений» добрались до Чауна.

Необходимо отметить, что для дальних поездок по Чукотскому полуострову собачьи нарты будут транспортом, наиболее отвечающим всем условиям езды.

Наиболее благоприятным временем для разездов надо считать март, апрель, май.

Наиболее неблагоприятные месяцы – январь, февраль, как месяцы с наибольшим количеством дней с пургами, вернее, месяцы сплошных пург. Достаточно указать, что от Уэлена до Чауна мы ехали с 28/I до 12/III, а обратно – от Чауна до Уэлена с 21/III до 12/IV.

Ноябрь и декабрь – разезды возможны, но на небольшие расстояния.

В остальные месяцы поездки на нартах могут иметь место, но как исключение и со специальными полозьями у нарт из моржовой или китовой кости. В дальние поездки в годы недоубоя морского зверя необходимы свои запасы кома и подбор нарт, не сменяемых на весь путь туда и обратно, с лучшими собаками и хорошими каюрами, знающими районы. Кочующих нам объехать не пришлось. В этом году побережье не имело с ними никакой связи. Даже при хороших условиях охоты, корма и прочего в одну зиму совершить объезд кочующих и берегового населения невозможно.

Помимо достаточных запасов продовольствия и прочего для себя, совершенно необходимо иметь палатки, примусы, чайники.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЭКОНОМИКА, СТАТИСТИКА, ГЕОГРАФИЯ

2.1. Снабжение и торговля на Чукотке в кратком историческом разрезе

Всё снабжение Чукотского полуострова с 1930 г. производит Акционерное Камчатское Общество (АКО), от Чауна до Преображения [село Нунлигран], а этим самым устранена множественность учреждений, организаций и частных, торговавших здесь раньше и снабжавших население товарами. До прихода советской власти в этот отдалённый район вся торгово-снабженческая деятельность носила характер исключительно хищнической эксплуатации. Богатства края (пушнина, продукция морского промысла) полностью находились в руках американцев.

Российско-Американская компания

До 1867 г. Царская Россия владела Аляской. Вся торговля в Охотско-Камчатском крае тогда принадлежала Российско-Американской компании, с которой ожесточённо боролись отдельные конкуренты. В 1831 г. и 1837 г. издаются царские указы о беспограничной иностранной торговле, что положило начало развитию деятельности многих иностранных фирм, снабжавших товарами местных торговцев. Фирмы вели торговлю в своих факториях и магазинах в более крупных оседлых пунктах, главным образом на Камчатке и Охотском побережье, через местных торговцев из самих туземцев. Что касается Чукотки, то шупальца этих фирм не смогли охватить всего района, а частично проникли через торговцев (развозной торг) в село Марково и Анадырский край до мыса Дежнёва.

Северо-Восточное Сибирское общество

В начале текущего столетия (1900–1901 гг.), дабы не потерять Чукотский полуостров совершенно, где хозяевами чувствовали себя американцы, особым царским указом полковнику гвардии Вонлярлярскому передаётся исключительное право на эксплуатацию природных богатств Чукотки. Ему

также предоставлено было право передачи разведок и поисковых работ другим лицам.

Вскоре американский торгово-промышленный синдикат во главе с Д. Розиным, вступив с соглашением с Вонлярлярским в 1902 г. через так называемое «Северо-Восточное Сибирское Общество» (СВС-Общество), под видом организации горных разведок и поисковых работ насаждает на Чукотке сеть торговых пунктов: бухта Эмма (пост Владимира), залив Лаврентия (пост Николая) и в Дежнёве. Везде торговыми агентами поставлены американцы. В Дежнёве были виноторговые склады СВС-Общества, которое ежегодно ввозило на Чукотку до 1300 вёдер спирта. Любопытный образчик торговли на Чукотке даёт это «Общество»: за пару торбасов платили 5 морских сухарей, за шкуру нерпы – 1 английский фунт кирпичного чая (в то время, когда кирпичный чай весом 2 фунта стоил 35 коп.), за шкуру белого медведя – 1 ведро спирту, стоившее тогда 1 руб. 50 коп.

Вообще, как пишет в своем отчёте по поездке на Чукотку в 1904–1905 гг. горный инженер Тульчинский, «Общество расплачивалось с чукчами товарами самого низкого качества», вывозя отсюда значительные ценности. Китового уса в 1904–1905 гг. Обществом вывезено в Америку 8000 фунтов, приобретенного на Чукотке по цене 1,50–1,75 долл. за фунт. В Сан-Франциско фунт китового уса тогда стоил 12 долл., а в Нью-Йорке – 20 долл. (из отчёта Тульчинского), причем покупка китового уса производилась по весу «на руке» и «на глаз». Только за 1904/05 г. Обществом переправлено в Америку нерпичьих шкур – 9850 шт. моржового клыка – 8200 фунтов, оленьих шкур – 1050 шт., песцов – 560 шт., лахтачьих шкур – 230 шт., шкур белого медведя – 35 шт., шкур волков – 19 шт., шкур моржовых – 15 шт. Один «Дежнёвский пост» дал Обществу 50 тыс. руб. доходу.

С развитием на Чукотке торговой деятельности разных американских фирм и

Тропою Богораза

отдельных предпринимателей начала падать существовавшая ранее меновая торговля берегового населения с туземцами американского берега Берингова прилива. У чукчей и эскимосов стали появляться потребности в винчестерах, вельботах, более технически совершенных орудиях промысла, белой муке, чае, сахаре и пр. Всё это в то время могли доставлять только американцы, постепенно охватывая своим влиянием Чукотский полуостров. Их китобойные суда, шхуны-хищники ежегодно весной и летом безнаказанно делали налёты к берегам Чукотки, где уничтожали в больших количествах морского зверя. Уменьшение морского зверя, особенно китов и моржей, многие исследователи объясняют деятельностью этих хищников

50 лет тому назад убивали	200 китов*
20 лет тому назад убивали	60 китов
10 лет тому назад убивали	40 китов
А теперь (это относится к 1905 г.)	около 25 китов

Чукотка наводнена отдельными частниками-торговцами

После русско-японской войны снабжающие и торгующие фирмы на Камчатке сильно размножаются. Здесь уже работают русские, англичане, американцы, японцы, китайцы и др. Эти фирмы имеют ряд своих агентов из туземцев и пришлого элемента. На Чукотке торгуют Чурин, Караев, Гудсон-Бей, Олаф Свенсон и другие с целой сетью агентуры: Волл – мыс Сердце-Камень; Оллсын [Свен Ольсен] – Ванкарема; Чарли – Дежнёв; Магомет Добриев – Яндагай; Соколовский, Гасдаров, Брюханов, Тыналей, Тынано – мыс Сердце-Камень; Алитэт – Энмакай, а также множество других, более мелких посредников, перекупщиков и спекулянтов. Караев имел торговлю на мысе Беринга, Дежнёве, мысе Северный [Шмидта].

* Вероятно, имеются в виду только гренландские киты, особо ценимые эскимосами и чукчами. Начиная с середины XIX в., их активно промышляли в водах Чукотки китобой многих стран, в первую очередь, США. *Прим. ред.*

Гудсон-Бей

С советизацией Дальнего Востока, вопрос снабжения края не мог быть разрешен своими силами при отсутствии средств. Поэтому в 1923 г. заключается договор с американской фирмой Гудсон-Бей, благодаря которому прекращалась деятельность всех других фирм на севере.

ОКАРО

В 1924 г. снабжение всего края переходит к советской организации с монопольными правами – Охотско-Камчатскому рыбопромышленному обществу (ОКАРО). Этому Обществу на комиссионных началах переходят остатки товаров Гудсон-Бей, Свенсона и прочих ещё, сохранившихся в крае торговцев. ОКАРО оказалось неудачным коммерческим предприятием и через год закончило своё существование с двухсоттысячным убытком. Было предложено Дальгосторгу (ДГТ) принять снабжение от ОКАРО.

Заключен договор со Свенсоном

Приняв все ОКАРО, ДГТ в 1925 г. заключил договор со Свенсоном на обслуживание его шхунами и товарами нашего Северного побережья.

Период 1925–1927 гг.

Приполярной переписью 1926/27 г. охвачены торговые заведения Чукотки за 1925/26 операционный год, что даёт следующую картину.

1. Всего торговых заведений на Чукотке девять, из них пять государственных и три частных.

Фактории ДГТ: 1) село Рыркайпий; 2) село Дежнёво; 3) село Яндагай; 4) село Урэль [Урелики]; 5) село Нунлигран [Преображение]; 6) бухта Преображения [Югчаран].

Частные скупщики пушнины: сёла Ванкарема (Оллсын) [Свен Ольсен] и Энмакай (Алитет); частная мелочная лавочка в Яндагае (Магомет Добриев). На Чукотке совершенно отсутствует кооперация и ещё сохраняется частник.

2. Запас товаров к началу 1925/26 хозяйственного года был на сумму 408 тыс. руб. Оборот за год – 169 тыс. руб. Оборот по скупке пушнины и сырья – 110,3 тыс. руб.

3. Процент наценок у ДГТ достиг 120 % против 116 % у ОКАРО и 132 % у Гудсон-Бей.

4. Удельный вес товаров по характерным для севера группам в общем товарообороте распределяется следующим образом (диагр. № 1): хлебо-бакалейные товары – 29,8 %, охотприпасы и принадлежности – 24,6 %, табак – 14,4 %, мануфактура и готовое платье – 5,3 %, прочее – 25,9 %.

Отсюда видно сравнительное небольшое внедрение в быт туземца Чукотки «хлебо-бакалейных» товаров и ещё меньше «мануфактуры и готового платья».

5. Характерным является также район Чукотки в системе заготовок: пушнина дает 49 % заготовок, продукция морского зверобойного промысла – 43 % и оленеводства – 8 % (диагр. № 2). По морскому зверобойному промыслу Чукотка занимает первое место среди районов, охваченных Приполярной переписью (зафиксирован морской промысел в Пенжинском районе – 9 %, Анадырском – 4 %. В остальных нет).

За 1925/26 г. по Чукотскому району объёмы заготовок пушнины, продукции оленеводства и продукции морского зверобойного промысла представлены в таблицах № 3 и № 4 (см. таблицы на с. 330 и далее).

2.2. Деятельность АКО

Заброска товаров на 1930/31 г.

Все материалы, которыми мы располагаем по деятельности АКО на Чукотке, главным образом относятся к 1930/31 г. За прошедшие годы документы, скапливающиеся на факториях, забираются очередным снабженческим пароходом и увозятся, не оставляя на месте никаких цифр, ни иных данных о работе фактории. Однако некоторые общие цифры за прошлые годы всё же удалось достать.

К началу текущего хозяйственного года АКО на Чукотке приняло на себя всю снаб-

женческую, заготовительную и торговую деятельность, проводимую совместно с Интегральной туземной кооперацией.

Фактории АКО расположены:

1-я – село Нунлигран (бухта Преображения) [если речь идет о бухте Преображения, то это село Югчаран];

2-я – село Урэлик (бухта Эмма);

3-я – село Лаврентия;

4-я – село Дежнёв;

5-я – мыс Северный [мыс Шмидта] (здание фактории сгорело со складом в мае сего года);

6-я – мыс Пээк (бухта Чаун).

Две последние фактории перешли от ДГТ в 1930 г., а остальные – с 1928 г.

Заброска товаров в фактории производится по заявкам, составляемым на факториях заранее. Эти заявки должны учитывать недостающие и излишне заброшенные товары в предыдущем году, их необходимо своевременно составлять и высылать в АКО. Составители заявок должны согласовывать их с тузсоветами, а в масштабе всего района – с райисполкомом. Это последнее условие, к сожалению, не везде выполнялось, поэтому потребности туземных масс зачастую оставались неучтёнными.

Пушно-снабженческая экспедиция АКО

Пароход, забрасывающий товары на Чукотку, обслуживает всё восточное побережье Камчатки и носит название «Пушно-снабженческая экспедиция АКО». В 1930 г. это был пароход «Якут», следуя на котором с 16 июня по 9 сентября до бухты Лаврентия, мне пришлось ознакомиться с кое-какими моментами по снабжению этого края.

Погрузка всей товарной массы производится во Владивостоке на товарной базе АКО. Ежегодно поступление товаров на базу запаздывает и не дает возможности в спокойной обстановке распределить, замаркировать товары и дать их на пароход в порядке адресов. В силу этого товарная масса на пароходе принимается на 75 % «резервом». Разбивка и разборка товаров производится по пути следования и на стоянках, что

создает ненужную сутолоку, неразбериху, проволочку во времени и путает товары по адресатам. Ежегодно снабженческий рейс запаздывает. Наш рейс запоздал на целый месяц.

Недостаток тех или иных товаров на борту парохода является результатом неналаженности связи и несовершенства работы коммерческого отдела АКО – нет сведений о реальных остатках товаров на факториях. Осложняется работа экспедиции ежегодной сменяемостью судна и экипажа. Новый состав не знает ни условий плавания в северных водах, ни вообще особенностей работы экспедиции. Пароход плохо обеспечен плавсредствами (непригодный кавасаки и кунгасы*). Изменяются заходы в пути следования, и производится ломка расписания, что вызывает ненужные трюмные перевалки товара, путаницу в выгрузке, бой и порчу товаров.

В Петропавловске на пароход «Якут» была посажена экспедиция Добролета, которая, выполняя свои задания, значительно осложняла работу снабженческой экспедиции, задерживала её во времени большим количеством заходов, не предусмотренных расписанием (62 захода до Анадыря, по словам члена экспедиции Гесслера). Экспедиция Добролета предъявляла чрезвычайно большие требования как снабженческой экспедиции, так и командному составу корабля. Отсюда, естественно, возникали трения, пререкания с капитаном судна, склоки. Весь состав парохода «Якут» жаловался на начальника лётной экспедиции Ландина. Он преувеличивал свои полномочия, присваивая себе право «неограниченной власти» и командования пароходом, снабженческой экспедицией. Занимался не только демагогией и третированием администрации парохода (капитана, его помощников и др.), но и открытой травлей отдельных членов ВКП(б)** – ответработников [ответствен-

ных работников] на пароходе. Ландин создал склоки среди состава администрации парохода, экспедиции и др., выдавая себя за члена партии, но не будучи им в действительности.

Количество товара, заброшенного в 1930 г.

К данному отчету приложены сведения по каждой фактории, составленные к началу операционного текущего года (приложения № 1–7). В эти сведения включена вся масса товаров по 14 разделам в количественном и рублевом отношениях с остатками. Включены также требования по заявкам в тех факториях, где таковые были, и в процентах выполнения заявок по отделам. Суммарно все данные по факториям отражены в табл. № 5 (в рублях). Сравнивая завоз товаров на Чукотку за последние три года, видим, что товарная масса на Чукотке из года в год неуклонно растет.

Если условно принять снабжение 1928/29 г. – 369 168 руб. – за 100 %, то 1929/30 г. – 597 117 руб. – 161 % и 1930/31 г. – 856 652 руб. – 232 % (диагр. № 3).

Неходовые товары

До сих пор на Чукотку продолжают поступать такие ассортименты товаров, которые не отвечают потребностям туземного населения ни в какой степени и являются здесь совершенно не нужными. В текущем году это особенно резко проявилось в завозе товаров на Чаунскую факторию, где АКО, как видно, совершенно не были учтены нужды и потребности кочевого населения ни в количественном, ни в качественном отношениях.

Краткая табличка неходового ассортимента по Чаунской фактории не нуждается в особых пояснениях (диагр. № 5, табл. № 6). По заявлению завфакторией, из перечисленного ассортимента не было <продано> ни одного метра мануфактуры, ни одного грамма шоколаду, ни одной пары галош, дамских и мужских ботинок и т.д. Одним словом, весь этот товар должен быть вывезен из Чаунс-

* Кунгас – см. примечание 4. *Прим. ред.*

** ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). *Прим. ред.*

кой фактории. Заброска его в Чаун непростительно не обдумана в АКО.

По Лаврентьевской фактории неходовой товар к началу года выразился в общей сумме 11 235 руб. Наименований товара 23. Сюда входят ненужные продукты, обувь, инструменты, манометры, инжекторы, водомерные краны, цемент и многое другое. По Дежнёвской фактории излишних продуктов, посуды, разного инструмента и пр. на сумму 5009 руб. 33 коп. По Провиденской неходовой товар — солонина, капканы, разные материалы, инструменты, ненужный инвентарь и пр. — всего на сумму 3281 руб. 65 коп. По остальным факториям сведения до сих пор ещё не получены из-за отсутствия регулярной связи с ними.

Заготовки

За 1928/29 г. заготовлено АКО: сырья — на 99 094 руб.; пушнины — на 64 933 руб. За 1929/30 г. по плану фактории должны были заготовить: пушнины, сырья, рухляди и костяных изделий на общую сумму 238 072 руб. Заготовлено же на сумму 158 906 руб.

Кроме планов заготовок АКО на 1929/30 г., Округом даны контрольные цифры заготовительного плана на Чукотке, эти цифры выполнены: по сырьевым заготовкам — на 155 %, а по всем видам заготовок — на 85 % (см. табл. № 7).

Планы заготовок на 1930/31 г. бесконечно менялись, и АКОвские цифры расходились с цифрами других организаций (Округа, Интегралсоюза). В одних и тех же лимитных телеграммах были противоречия, несуразности. Предлагалось производить заготовки таких объектов, которых на Чукотке вовсе не было или могло быть только случайно и в незначительных количествах, не поддающихся учету (мамонтов клык, кукули*, нерпичьи тужурки, птичьи яйца и пр.).

Первоначальный план заготовок по контрольным цифрам округа был дан на Чукотку в размере 700 тыс. руб., в то время как воз-

можности Чукотки в смысле всех заготовок не превышают 300–350 тыс. руб. (подсчет сделан инспектором АКО Назаренко). Лимиты до января 1931 г. были старые. 29 января 1931 г. даются новые лимиты. 13 марта новые отменяются и остаются опять старые, а заготовки производились по январским <лимитам>.

В одной лимитной телеграмме № 419/415 ОНК и АКО предлагается заготовлять: «пенисы моржа 15 коп. штука», и там же дальше «моржовый член по 200 коп./кг».

Предлагалось также заготовить «40 тонн китового уса, 1 500 кукулей, 70 000 нерпичьих шкур, 400 белых медведей, 250 кухлянок, 200 нерпичьих чемоданов, 50 000 шт. птичьих яиц, 150 нерпичьих тужурок» и т. д. Это в разных телеграммах в разное время.

Вот телеграмма № 3054-экспортная Уэлен РИК, копия Назаренко:

Примите все меры выполнения договора заготовке моржовых клыков 200 тонн зуба моржового 2 тонны мамонтовой кости 5 тонн 40 тонн китового уса контрольную плана пенисов нерп 10 000 штук тчк нарочным разошлите факториям кооперативам принятых мероприятиях ходе заготовок торговым пунктам регулярно сообщать АКО тчк учтите последствия невыполнения экспортного договора.

Окрисполком Кривошеев
Директорат АКО Якобсон

А вот вторая телеграмма № 218 от 24/IV–31 г.:

Заготовить водоплавающей дичи: уток гусей всех видов морских птиц используя для этой цели охоту лов пленками сетями гонями всякого рода западнями. Привлечь охоте все население.

Якобсон

Заготовок дичи на Чукотке никогда не производилось. Нет возможности ни хранить, ни транспортировать эту дичь на месте, если бы её и заготовили в большом количестве. Всё это говорит о том, что в АКО и других организациях не знают ни условий, ни воз-

* Кукуль — спальный мешок из оленьих шкур.
Прим. ред.

Тропою Богораза

возможностей заготовок на Чукотке. Планы и контрольные цифры даются «с кондачка», не продуманно, без реального учета обстановки на месте. В конце концов, планы заготовок на 1930/31 г. были даны на сумму: по пушнине на 101999 руб., сырью — 39158 руб., рухляди — 2750 руб. и костяным изделиям 11500 руб., всего — 155434 руб. (см. табл. № 8).

Сведения по выполнению плана заготовок собраны по всем факториям на 1-е апреля [1-е июня?], т.е. за 1-й и 2-й кварталы текущего года. Даём их в денежном выражении (табл. № 9). А по Дежнёвской, Лаврентьевской и Провиденской факториям на 1-е июля сего года (диагр. № 6; табл. № 10). В последнюю таблицу не включена пушнина развозного торгового Дежнёвской фактории, по приблизительному подсчёту инспектора АКО Назаренко, на сумму 10 тыс. руб.

Движение товаров по факториям

Дежнёвская фактория. За время с 1 сентября 1930 г. по 1 июля 1931 г. поступление и расход товаров на фактории были следующими.

Поступило: остаток от прошлого года — 53894 руб. 35 коп., завезено п/х «Якут» по документам — на 201808 руб. 12 коп., без документов — на 13392 руб. 82 коп., поступило от других факторий — на 7868 руб. 92 коп., прочих поступлений и наценки — на 42020 руб. 10 коп. Всего за год — 318987 руб. 31 коп.

За это время выведено в расход товаров на 291354 руб. 78 коп. Из них продано за наличные деньги — на 40438 руб. 79 коп., продано в обмен на пушнину — на 20627 руб. 78 коп., отпущено Уэленскому кооперативу — на 123117 руб. 96 коп., уценка товаров — на 10101 руб. 77 коп., недостача товара при отгрузке с п/х «Якут» — на 15781 руб. 37 коп., прочие расходы товаров — 68508 руб. 24 коп., остаток товаров по книгам — 37632 руб. 53 коп.

В начале декабря 1930 г. Дежнёвская фактория организовала развозной торговый,

должен был обслуживать кочующих по рекам Ванкареме и Амгуэме. Развозному торговому было выдано товару с наценкой от 40% до 80% на 29376 руб. 88 коп. На 1 июля 1931 г. от развозного торгового поступило пушнины на 6360 руб. Развозной торговый ещё не вернулся и окончательных результатов его работы не получено.

Лаврентьевская фактория. С 1 сентября 1930 г. по 1 июля 1931 г. на факторию поступило товаров: остаток от прошлого года — на 61381 руб. 81 коп., отгружено п/х «Якут» — на 157290 руб. 38 коп., с других факторий — 9504 руб. 60 коп., от Горной экспедиции АКО — на 3184 руб. 82 коп., от разных организаций и учреждений — на 24486 руб. 02 коп., перечислено из заготовок в товар — 2708 руб. 94 коп., наценка на товары — 3096 руб. 57 коп. Всего за год — 261656 руб. 14 коп.

За это время израсходовано: продано за наличные деньги — на 52667 руб. 00 коп., отпущено в кредит Яндогайскому кооперативу — на 28190 руб. 50 коп., отпущено в кредит другим факториям — на 6044 руб. 32 коп., отпущено в кредит организациям и учреждениям — на 1367 руб. 45 коп., списано порченных товаров — на 1367 руб. 45 коп., уценка товаров — на 7393 руб. 30 коп., прочих товаров — на 8828 руб. 40 коп. Всего — на 184403 руб. 57 коп.

Книжный остаток товаров — 77252 руб. 57 коп., «усушка, утриска и утечка» законные — 447 руб. 90 коп.

За истекший год отпущено товару в кредит населению — на 325 руб. Из них погашено — 114 руб.

Если из поступивших на факторию товаров исключить товары, отпущенные Культбазе — на сумму 60000 руб., МКПП — на 8000 руб., Горной экспедиции АКО — на 12000 руб., а также неходовые товары — на 11000 руб., то для снабжения населения остается товару на 164850 руб., что составляет 100% выполнения заявки.

Ассортиментное же выполнение заявок неудовлетворительное. Особенно остро ощущался недостаток в продуктах (чае, са-

харе), оружии (винчестеры), промысловых средствах и инвентаре (вельботы, руль-моторы, запасные части и брезент) и многом другом. Недоснабжение необходимейшими товарами надо частично отнести за счёт недоучета потребностей <при составлении> заявки на товары, а также за счёт недогрузки снабженческой экспедицией АКО. Часть товаров для Лаврентьевской фактории была выгружена в Провидении, откуда эти товары зимой добрасывались нартовым путем. При приеме в фактории отгруженных снабженческим пароходом товаров оказалось недоставлено товара против фактур на 9315 руб., выгружено излишка против документов на 87 руб., выгружено излишка без документов на 6907 руб. 80 коп., отгружены заведомо порченные (кирпич, чай, масло) на 6500 руб.

Провиденская фактория. Поступило в течение 1930/31 г. товаров на сумму 132642 руб., отпущено товару в обмен на сырьё, пушнину и пр. – на 4989 руб. 14 коп., продано за наличные деньги – на 16733 руб. 03 коп., отпущено в кредит организациям, факториям, кооперативу, населению и списано товара – на 85746 руб. 83 коп., прочее, <экспедиция> Добролета – 3000 руб. По другим факториям материалов по движению товаров и прочему до сих пор не получено.

2.3. Интегральная туземная кооперация на Чукотке

Сеть кооперативов

Начало организации Интегральной кооперации в Чукотском районе относится к 1927/28 г. На 1 октября 1928 г. уже имеются кооперативы в Уэлене, Наукане, Яндагае, Чаплино [Уназик], Нунлигране (бухта Преображения [Югчаран]) с отделениями в Сешане, Энурмино, Нутепельмане.

На 1 октября 1929 г. Уэленский кооператив имеет отделения: Сешан, Энурмино, Нутепельман. Кооперативы в Наукане, Яндагае, Чаплино, Имтуке. В Яндракиноте – отделение Чаплинского кооператива.

На 1 октября 1931 г. сеть кооперативов та же, с дополнительными отделениями: в Уэленском кооперативе – Колючино; в Чаплинском – Кургак и Курупка. Создано три отделения кооперативов для кочующих: в Мечигмене, Курупке и Колючино. Таким образом, всего на Чукотке торговых пунктов, включая фактории, в 1930/31 г. уже 20.

Заготовки

За 1928/29 г. кооперативные заготовки были на сумму 29417 руб. В 1929/30 г. заготовленные кооперативами пушнина, сырьё, рухлядь, изделия из кости представлены в денежном выражении в таблице № 11.

Для иллюстрации ниже приводится ряд копий телеграмм Интегралсоюза на Чукотку по планам заготовок на 1930/31 г. Как и приведенные выше выдержки из телеграмм по заготовкам АКО, так и образчики телеграмм Интегралсоюзкооперации, говорят о несуразности многих заданий по заготовкам на Чукотке морзверя «косвенной обработки, в центнерах»..., по «рыбной путине» и пр.

Копия. Из Петропавловска 6/I-31 г.
ЧУКОТКА ИНТЕГРАЛУ

Планом путины 31 года вылов ориентировочно предусмотрен вашему району условия сдачи сырцом АКО морзверя 45 000 центнеров примите меры обеспечения плана широко информируйте ловецкое население приступите развертыванию подготовительных работ

35 Интегралсоюз

Копия. Петропавловска. 19/I-31 г. Уэлен кооператив

Даём задание заготовок рухляди зимы текущего года примите меры перевыполнения плана тчк передайте директиву кооперативы и районы тчк вашему заготовить парях торбаза 330 кукулей 100 штуках ковриков 20 метров ремня лохтачьего 2000 моржевого 5000 Чаплинскому торбаза 200 кукулей 500 ковриков 10 тчк сборки постройте ударном порядке шлите встречный план

АКО Ткаченко Интегралсоюз Воронцов

Тропою Богораза

Копия. 2432 Петропавловска. 21/3-31 г.
Уэлен кооперативу Путинная

Передаем обязательному исполнению план добычи 31 году району центнерах моржа 1 000 нерпа 8 000 все косвенной обработки тчк усилите интенсивность труда рационализируя лов добавочного промснаряжения не будет организуйте встречные планы

ИНТЕГРАЛСОЮЗ 363

Копия. Петропавловска 18/V-31 г. УЭЛЕН
Тарасову.

Директива края выяснения прошлых годовных убытков рыбацких артелей создайте районную комиссию составе вашего члена Правления представителей РайРКИ РИКА зпт комиссии основе отчетных материалов колхозов выявить размеры причины убытков частности убыточные применения уставной системы оплаты труда ловцов тире 65 зпт 75 % тчк материал заключением комиссии решением Правления Интеграла шлите четырех экземплярах нам предварительно сообщите основные телеграфом срок исполнения 20 апреля неполучение срока будем рассматривать отсутствие убытков.

ИС 579

Копия. Петропавловска 7/VI-31 г. Путинная
Уэлен. Кооперативу

Внимание рыбной путине слабое сих пор нет сведений ходе работы зпт встречных планов соцсоревнований мобилизации членов привлечения лову единоличников кулаков тчк пятidineвки не высылаются видимо район крайне плохо готов путине тчк требуем немедленно информировать без замедления исполнять все наши распоряжения противном случае принуждены председателя привлечь к ответственности тчк что вами предпринято месте исполнения нашей 462 какие средства собраны каком порядке

ИС 904

Копия. Петропавловска 10/VI-31 г. УЭЛЕН
КООПЕРАТИВУ

Цены на сырец франко-носилки промысел центнер нетто установлены копейках двтчк сельдь 2 200 треска 1 300 частик морской окунь 800 краснопёрка 1 300 скумбрия 1 000 минаман

1100 беленгас 1 500 сом 1 200 корюшка 725 сабля 700 бычек 100 уск 200 тчк речной озёрной касатка [?] 1 200 разнорыбца 1 400 карась 1 600 краснопёрка 1 500 лещь 1 800 можцы 2 200 щука 2 000 верхоглядка 2 000 ленок 2 400 сазан 2 500 корюшка 800 тчк все лососевые цены прошлых годовных камбала 600 предлагается двадцать четыре часа довести цены Уэлькелькайский Яндагйский Чаплинский до ловцов

ИС 480

Копия. Петропавловска 11/VI-31 г. Тиличики
Уэлен Анадырь Усть Камчатск Интегралсоюзу

Предлагается выявить количество скупленной рыбы 1930 году непосредственно представителями АКО отдельно Интегралом зпт отдельно рыболовецких колхозов зпт единоличных хозяйств тчк количество скупа превышает стоимость заготовительным ценам кооперации тчк срочно телеграфуйте по каждой организации первое сумма рыболовецких колхозов второе единолично хозяйств тчк отсутствие скупа также телеграфуйте

АКРФО

За 1930/31 г. сведения по заготовкам на 1 июля имеются лишь по Уэленскому и Яндагйскому кооперативам; по Чаплинскому не были получены (см. табл. № 12). Из таблицы мы видим, что Уэленский кооператив выполнил план заготовок 1930/31 г. на 93 %, а Яндагйский — только на 28 %. Контрольные цифры плановых заготовок по району Яндагйского кооператива не соответствуют реальным возможностям заготовок, охоте и морскому промыслу туземцев в этом районе.

Торговая деятельность

По продаже товаров и оборотам проводятся общие цифры по факториям АКО и кооперативам Уэленского, Яндагйского и Чаплинского районов. Продано товаров в 1929/30 г. кооперативам и факториям в районах: в Уэленском — на 235 000 руб., в Яндагйском — на 135 000 руб., в Чаплинском — на 65 000 руб. Всего — на 435 000 руб.

Оборот кооперативов: 1927/28 г. — 50 000 руб. 65 коп., 1928/1930 г. — 94 554 руб. 13 коп., 1929/30 г. — 105 926 руб. 04 коп.

Полезный оборот факторий и кооперативов в 1929/30 г. по районам: в Уэленском — 341 000 руб., в Яндогайском — 167 500 руб., в Чаплинском — на 13 500 руб. Всего — 622 000 руб.

Удельный вес кооперативов

Удельный вес кооперативов в снабжении и заготовках района:

	по снабжению	по заготовкам
1927/28 г.	28.4 %	0.0 %
1928/30 г.	36.0 %	43 %
1929/30 г.	48.0 %	63 %
На 1/VII-1930 г.	55.0 %	70 %

Хозяйственная работа

Хозяйственная деятельность, выраженная в рублях, показана в таблице № 13.

Финансовая состоятельность кооперативов

Представление о динамике баланса дает таблица № 14. На один рубль собственных средств кооператива в балансе приходится заёмных средств на 1 октября 1930 г.: в Уэленском — 68 коп.; в Яндогайском — 38 коп.; в Чаплинском — 1 руб. 78 коп. В среднем — 99 коп. В обороте находится заёмных средств на 1 октября 1930 г.: в Уэленском — 98 коп.; в Яндогайском — 63 коп.; в Чаплинском — 4 руб. 47 коп. В среднем — 1 руб. 62 коп.

Оборачиваемость капитала: в Уэленском — 4 раза, в Яндогайском — 5,2 раза, в Чаплинском — 1,8 раза. В среднем — 3,3 раза.

Доходы, расходы и прибыль кооперативов показаны в таблице № 15. Большой процент прибыли в кооперативах не за счет большой наценки на товары, а за счёт сокращения расходов и оставления комиссионных процентов в прибыли. Сведения о состоянии работы артелей на Чукотке к

1 июля 1931 г. представлены в таблицах №№ 16, 17, 18.

Движение членской массы кооперативов

Эта характеристика отражена в таблице № 19.

Выборные органы управления кооперативов

Показатели состава выборных органов кооперативов по районам на 1 июля 1931 года собраны в таблице № 20.

2.4. Статистика

Приполярной переписью 1926/27 г. формально охвачен весь Чукотский район. Но два регистратора на всю Чукотку в один осенне-зимне-весенний сезон, естественно, проводили перепись с чрезмерной спешкой, что и отразилось на точности цифровых данных и качестве всей работы.

По данным Приполярной переписи, мы имели следующие цифры (табл. № 21а,б). Нами непосредственно сведения собраны по береговому населению (оседлым) за время нашего объезда с сентября 1930 г. по июль 1931 г. Кочующие в целом остались не обследованными, и мы использовали статистические данные о них, имеющиеся на Кульбазе и в РИКе.

В таблице № 22 приводятся цифры по оседлым, кочующим и нетуземному населению — совслужащим [советским служащим], рабочим и прочим. Точность обеих таблиц, конечно, относительная, особенно по кочующим, а по упрощенному морскому зверю и по оленным хозяйствам регистраторы Приполярной переписи 1927/28 г. сведения собрали неполные (см. диаграммы 17 и 18). В число русских и прочих нетуземцев включены оставшиеся на Чукотке до сих пор бывшие промышленники, охотники, торговцы и прочий пришлый элемент, также все совслужащие, рабочие, экспедиции и другие. К отчету приложены «Похозяйственные списки» по береговому населению.

2.5. Пространство, поверхность, климат и прочее

Пространство

Чукотский полуостров в пределах, ограниченных северным берегом Анадырского залива, Беринговым проливом и Ледовитым океаном приблизительно до мыса Северного [Шмидта]*, по данным Богдановича («Очерки Чукотского полуострова», 1901), равняется 100 тыс. кв. верстам [113 806 кв. км], что по площади равно Голландии, Бельгии, Дании, вместе взятым. По данным же Уэленского РИКа, площадь Чукотского района в административных границах до бухты Чаун равна 242 тыс. кв. км.

Поверхность

Анадырский хребет отделяет Чукотский полуостров от Камчатки и <служит> естественной границей. Вся поверхность Чукотки представляет собой отроги этого хребта, который тянется с запада на восток; отроги, покрывающие всю Чукотку сопками, понижаются к морю. Берега изрезаны множеством бухт, заливов и лагун. Последние местами тянутся на десятки километров (побережье Ледовитого океана, от реки Ванкаремы до мыса Северного).

Вся Чукотка покрыта сухой или мокрой кочковатой тундрой с бедной растительностью – травой или мхом. Древесная растительность отсутствует совершенно²⁰. В долинах и часто по склонам сопкок тундра болотиста. По всему полуострову имеется много озёр, образуемых тающим снегом. Озёра часто расположены на высоких сопках. Все они мертвы. Рыба в них, за очень редким исключением, не встречается²¹.

Тающий снег образует множество ручьёв, речушек и рек, большинство которых после окончания таяния исчезают. Из наиболее крупных рек можно назвать (с юга на се-

вер) следующие: Курупка, Оленная, Нуньямо, Поутэн, Ванкарема, Амгуэма, Кувет, Кейвеям, Чаун, и др. Все несудоходны, в большинстве <своём> проходимы вброд. Направление <их> течения совпадает с направлением склонов Анадырского хребта. Бухты и губы в большинстве приглубы и становятся мелкими только в самых вершинах. Залив Креста, бухта Провидения, залив Ткачен, бухта Лаврентия, имеют большие глубины в своих западных частях, а в восточных имеются большие по протяженности косы и кошки.

Берингов пролив

Чукотка отделяется от американского берега, Аляски, Беринговым проливом, который между мысом Дежнёва и мысом Принца Валлийского [Уэльского] имеет наименьшую ширину – 48 миль. В этой узкой части пролива посередине находится группа островов Диомиды – Большой и Малый и скала Фалервэй [Фэрвэй]. Между этими островами с 1857 г. проходит граница с Америкой.

Западный остров – Большой Диомид, или Ратманова, около трёх миль длины и одной мили ширины – наш остров; восточный остров, Малый Диомид, или Крузенштерна, по величине равный 1/3 Большого Диомиды, – американский. Пролив между ними в 2 мили удобен для прохода судов, до 20 саженей глубины. Оба острова прекрасно видны в хорошую погоду с мыса Дежнёва (из Наукана).

Климат

Климат Чукотки в общем сырой, холодный, обильный туманами. Беринг говорил: «Климат тяжелый и несносной». Площадь полуострова находится на годовой изотерме 10° по Цельсию и лежит целиком в области вечной мерзлоты. Мерзлота в июле месяце по берегу Берингова пролива начинается на глубине 3–4 четверти; в тундрах – 1–2 четверти; на мысе Сердце-Камень – 3–4 четверти; в Колючино – 6 четвертей.

По данным Лаврентьевской метеорологической станции, за время с 1 июля 1930 г.

* В настоящее время границами Чукотского полуострова считаются залив Креста в Беринговом море и Чаунская губа в Восточно-Сибирском море. *Прим. ред.*

по 1 июля 1931 г. наибольшие морозы приходится на период с ноября по март включительно. Максимум (+15,2°C) падает на июль, а минимум (–31,5°C) приходится на февраль. Среднегодовая температура –7,5°C. Отличительными признаками температурного состояния Чукотки, очевидно, следует признать не большие морозы, а низкую температуру в течение всего года, так как в июне при +5...+6°C утреннего тепла может быть –1...–2°C мороза вечером. Кроме того, значительным приходится признать число морозных дней в течение всего года (279 дней).

Видимость зависит от метелей и туманов. Число дней с туманами определяется в 107 дней за год (29,4%), а с метелями или пургой – 94 дня (25,8%). Туманы главным образом приходится на июль, август, сентябрь и октябрь, а пурги – на декабрь, январь, февраль, март и апрель. Ясных дней (когда небосклон покрыт облаками не более, чем на половину видимой его части) за год было лишь 36 (9,8 %), а пасмурных (когда небосклон покрыт облаками на 8/10 и более его величины) – 155 дней (42,6 %). Осадков за год наблюдений отмечается немного: с дождем – 44 дня, а со снегом – 57 дней (42,6 %). Всего дней с осадками – 101, или 27,7 %. Количество осадков точному измерению не поддавалось, так как снег из водомера постоянно выдувался. Снежный покров за данный год наблюдений был весьма невелик, колебался в пределах 5–40 см и также из-за сильных ветров и метелей строгому учёту не поддавался.

Значительно затрудняют работы и передвижение в условиях Чукотки ветры. Число дней с сильным ветром (7 баллов и более по шкале Бофорта) равняется 114 (31,3%) от всех дней в году. Как видно из прилагаемой таблицы [таблица отсутствует], средняя годовая скорость ветров равна 8,7 м/сек (по шкале Бофорта – 5 баллов). Наиболее сильное действие ветров приходится на декабрь, январь, февраль и март месяцы, когда средние значения за месяц колеблются между

7–8 баллами по шкале Бофорта (т. е. от 13 до 15 м/сек). В районе бухты Лаврентия самым обычным является норд-вест – 50%, норд-норд-вест –15%, норд-норд-ост –10%, зюйд-ост – 25% из общего числа господствующих направлений ветров. Северный ветер обычно сопровождается в зимнее время пургой, а южный и юго-восточный летом – туманами.

Животный мир

Из животного царства на Чукотке имеются волки, бурые и белые медведи, песцы, лисы, горностаи, евражки*, полевые мыши** и небольшой зверёк из породы грызунов – пищуха***. Пищуха издает пронзительный звук, похожий на свист. Многочисленные норы этого зверька находятся повсюду в тундре, на кошках, у окраин оврагов, ям. Они попадают на каждом шагу. Волки мало истребляются. Их много. Они приносят большие опустошения оленьим стадам. Бурых медведей также много. На них туземцы специально не охотятся, убивают случайно. Главный промысловый зверь – песец, белый медведь. А также лисица, горностаи, но их меньше.

Очень много по всему району морских птиц, весьма разнообразных как по величине, так и по окраске: чаек, уток, серых гагар, гусей, куликов, бакланов и многих других. Весной гуси и утки летят с юга бесчисленными стаями и непрерывно. В устьях рек, в вершинах лагун, бухт они обитают тысячами. В половине июня начинают откладывать яйца, в июле выводят птенцов, в августе сбрасывают старые перья и обрастают новыми. Все эти процессы проходят чрезвычайно быстро, ибо короткое полярное лето устанавливается.

*Евражка – длиннохвостый арктический суслик из отряда грызунов. *Прим. ред.*

**В тундрах Чукотского полуострова обитают землеройки (отряд насекомоядных), полёвки и лемминги (семейство хомячьих из отряда грызунов). *Прим. ред.*

***Пищуха принадлежит к отряду зайцеобразных. *Прим. ред.*

Тропою Богораза

вливают строгие форсированные темпы жизненных процессов.

Морские животные Берингова пролива и Северного полярного моря [Ледовитого океана] являются главным и основным жизненным источником берегового чукчи и эскимоса. Они дают пищу, одежду, жилище людям и корм единственным домашним животным – собакам. До сих пор морской зверобойный промысел определяет благополучие существования или обрекает на голод оседлого туземца Чукотки. В этих водах водятся <следующие виды>.

ГРЕНЛАНДСКИЙ КИТ, появляющийся небольшими стадами осенью у села Уэлен и мыса Сердце-Камень, у Колютино и в Беринговом проливе. Отдельные киты попадают в течение всего лета. Ни АКО, ни другие организации китобойного промысла не организовывали. Охотятся на него примитивными способами: гарпуном с применением динамитного снаряда, который, проникая внутрь кита, взрывается. Кит, пораженный снарядом, через несколько минут идет ко дну²². В 1930 г. осенью в Уэлене из убитых таким образом 16 китов удалось использовать частично только двух, тогда как при рационально поставленном китобойном промысле утилизируется весь кит без остатка. Мигрирует кит с севера на юг и обратно.

КОСАТКА. Промысла косатки нет. Это зловредный морской хищник, питающийся тюленями, нападающий на китов. Косатка – главный враг китов²³.

БЕЛУХА из семейства дельфинов*. Очень ценный морской зверь, но промысляется незначительно. Упромышлено в 1930/31 г. 40 белух в Наукане и несколько штук в Чаплино. Бьют их случайно. Продукция белухи – высокой ценности. Челюстной мозг²⁴ не замерзает при очень низкой температуре. Он идет для смазки самых тонких механизмов (хронометров, часов). Шкура может идти на вязку нарт [ремни

для скрепления деталей нарт], собачью упряжь. Сухожилия передних плавников – на нитки. Вес белухи около 60 пудов [982,2 кг]. Белуха – хищник. В день она съедает 30 шт. кеты и около 60 кг <других> лососёвых рыб.

МОРЖ. Главный промысловый зверь. Большое значение для охотников имеет зимовка зверя. Он зимует в районе острова Святого Лаврентия [США] и Залива Креста. Миграция моржа бывает осенью на юг, весной на север. Охота на него идет непрерывно. Всего на Чукотке два лежбища моржа: Инчоунское – большое, но не каждый год посещаемое моржом лежбище, и на острове Аркамчен [Аракамчечен], куда Чаплинский кооператив поселяет колхоз на 8 яранг. 50 лет назад было ещё лежбище на Карагинском острове²⁵. Питается морж двустворчатыми моллюсками. Бивнями он вспахивает дно моря, а усами сгребает ракушки в кучи и поедает. Размножается – один детёныш в три года.

ТЮЛЕНИ. Их два вида: нерпа серая [кольчатая нерпа, или акиба] и нерпа пестрая [тюлень ларга]. Очень редко встречается нерпа крылатка [полосатый тюлень]. Нерпа также является основным промысловым зверем. При обследовании района нами в 1930/31 г. зарегистрировано упромышленной нерпы 29 тыс. штук. Это количество не исчерпывает, конечно, возможностей промысла тюленей на Чукотке при соответствующей технической базе промыслового хозяйства и рационализации промысла. В настоящее время вопрос упирается главным образом в недостаток вельботов, моторов. Весной нерпа имеет мало жира, который держит её в воде, и потому тонет, погибая в больших количествах. Особенно этому подвергается крупная нерпа – ларга (пестрая).

Из рыб имеются: треска, сельдь, навага, кета, горбуша, голец и др. Рыбных промыслов нет. Запасы же рыбы при организации промысла могут удовлетворять полностью потребности населения, а пока рыба ловится редко и случайно²⁶.

* Белуха принадлежит к семейству нарваловых подотряда зубатых китов. *Прим. ред.*

2.6. Природные богатства

Геологическая структура Чукотского полуострова почти не изучена. В 1791 г. Биллингс прошёл Чукотский полуостров сухопутным путем от Мечигменской губы до реки Колыма. С тех пор нога исследователя не пересекала <эту территорию>. На карте это белое пятно. Описание внутренней части Чукотки сделал Сарычев, участник экспедиции Биллингса (бывшей 140 лет назад). Это единственное описание.

Разрозненные наблюдения Коцебу, Литке, Норденшельда и других позволяли предполагать продолжение древних геологических образований полуострова Сьюард (по ту сторону Берингова пролива) на Чукотский полуостров. Считают, что породы Чукотки тождественны золотоносным породам у города Ном, причём это относится только к прибрежной, окраинной полосе, так как о внутренности полуострова нет никаких сведений.

Чукотский полуостров, судя по описаниям, сложен из того же мощного комплекса метаморфизованных осадочных отложений, что и полуостров Сьюард. Недостаточность же исследовательских материалов не даёт возможности сделать основательное разделение. Породы, аналогичные Номской серии, обнаружены в ряде пунктов по берегу Берингова пролива, от мыса Мертенса до мыса Дежнёва. Исследователь Богданович утверждает, что образчики горных пород, которые он наблюдал в районе Номы и возле селения Йорк, не отличимы от таковых на Чукотском полуострове.

Но в тоже время Богданович говорит, что в Сенявинском проливе и бухте Лаврентия пород, содержащих золото, не обнаружено. А между мысом Нунямо и мысом Дежнёва были найдены слои песка с содержанием до 1 золотника на 100 пудов песка. У мыса Новосильцева [мыса Кригуйгун], на берегу Ледовитого океана, у мыса Сердце-Камень, на реке Оленной (бухта Провидения) обнаружены знаки золота. Большое сходство обоих <полуостровов> по геологическому

строению несомненно. Но несомненна также между ними и большая разница. Она, вероятно, обуславливает малую успешность поисков золота на Чукотке.

Наши геологоразведочные экспедиции при поисках жильного рудного и россыпного золота должны использовать полностью опыт американцев на полуострове Сьюард. Это гарантирует от излишних затрат, обеспечивает рациональную постановку работ и их успешность. А в работе нашей последней геологоразведочной экспедиции АКО, производящей поиски на Чукотке, в 1930/31 г. при анализе одной и той же породы получены совершенно противоречивые материалы: первый анализ дал 382 г золота на тонну породы, а второй анализ дал 00 г золота. Окончательных результатов работы экспедиции ещё нет.

Кроме золота, по данным исследователей, на Чукотке известны признаки других полезных ископаемых, мощность месторождений которых не определена, а именно: нефть, бурый уголь, драгоценные камни, серебряноцинковые и цинковые руды, сурьмяная и мышьяковая руда, графит, железные и медные руды и исландский шпат. О редких полезных ископаемых данных вовсе нет, так как на них не было и поисков.

2.7. Выводы

Со времени перехода всей снабженческой, заготовительной и торговой деятельности на Чукотке к АКО с Интегральной кооперацией изжито множество торговых и снабжающих организаций и частных лиц.

Частник — перекупщик и спекулянт — на Чукотке ликвидирован вообще.

Несмотря на то, что общая масса товаров, забрасываемых на Чукотку, превышает заявки на 160 % с лишним, ассортимент товаров-продуктов далеко ещё не соответствует действительным потребностям туземца. Незаброска руль-моторов, вельботов, необходимого инвентаря и материалов для морского

Тропою Богораза

промысла и оленеводства ставит под угрозу срыва сырьевые и пушные заготовки.

Количество факторий (сеть) и кооперативов не охватывает всего района и должно быть увеличено. Необходимо открыть фактории в Ванкареме, на мысе Биллингса. Туземная кооперация охватывает незначительную часть района и имеет только три кооператива в Уэлене (с отделением в Наукане), Яндагае и Чаплино. Необходимы кооперативы на мысе Сердце-Камень, Нутепельмане и развитие сети кооперативов по всему району, до Чауна. Кочующие не охвачены вовсе. Необходимо широко организовать развозной торг для обслуживания кочующих.

Директорат АКО и Интегралсоюз наводняют Чукотку «ударными», «путинными», «экспортными» и другими телеграммами по таким кампаниям, которых на Чукотке не может быть (рыбная путина, заготовка десятками тонн китового уса (до 40 т), 5 т мамонтового клыка, лесозаготовки, посевкампании и многое другое). Промысловая деятельность у АКО отсутствует вовсе, у «интегралов» развита недостаточно. Всего артелями и колхозами охвачено 363 туземца. Коллективизации как таковой нет, а есть лишь тенденция к ней. Решительно должна быть прекращена всякая возможность снабжения и торговли на Чукотке американской фирмы Свенсон как невыгодной экономически и политически.

Дело учёта поставлено из рук вон плохо. До сих пор ни РИК, никто другой не имеет данных по кочующим. Не известны места их кочевков, количества оленьих стад, не учитывается продукция морского зверобойного промысла и охоты.

В РИКе, Краеведческой части Культбазы должен быть организован и твёрдо поставлен учёт по совместно разработанным заранее, всеобъемлющим анкетам. Для учёта надо использовать советскую туземную сеть, школы, фактории, кооперативы.

Недостаточно на Чукотке метеорологических станций в бухте Лаврентия и в Уэлене. Надо поставить станции на мысах Шелагский, Северный [Шмидта] Сердце-Камень, Чаплина и Беринга.

Недостаточно охвачен район геологоразведочными работами. Геологоразведочная экспедиция АКО ведёт работы только от бухты Мечигмен до бухты Колютино, а дальше, до Чауна, и вся внутренняя часть Чукотки, остаются до сих пор terra incognita. Об этой части Чукотки ничего не известно. Необходимо проникнуть в глубь полуострова, на хребты и далее на запад, где местность значительно повышается, степень денудации гораздо меньше, так что и условия золотосодержимости могут оказаться благоприятнее.

Отдел «Политсостояние» и приложения будут высланы дополнительно.

21 / XII-31 г. А.И. Калтан

Таблица № 3

Объёмы заготовок пушнины (в штуках и тыс. руб)

Торговые учреждения	Общая сумма оборота	Пушнина												
		Песец		Медведь белый		Лисица		Волк		Горностай		Медведь бурый		Прочая пушнина
		шт.	сумма	шт.	сумма	шт.	сумма	шт.	сумма	шт.	сумма	шт.	сумма	
м.Северный	45	851	23.7	21	0.6	76	1.6	6	0.0139	39	0.04	3	0.04	0.1
Дежнёв	70	466	16	119	3.9	22	0.5	—	—	23	0.02	1	0.01	0.3
Яндагай	16	10	0.5	—	—	6	0.2	—	—	—	—	—	—	—
Урэль	2	78	2.1	5	0.3	10	0.3	—	—	10	0.01	—	—	0.1

Таблица № 3 (продолжение)

Нунлигран	12	86	2.6	–	–	16	0.4	–	–	5	0.01	6	0.05	0.1
Всего	169	1491	44.9	145	4.8	130	3.0	6	0.0139	77	0.08	10	0.1	0.6

Таблица № 4

Объёмы заготовок продукции морского зверобойного промысла, оленеводства и пушной охоты (в тыс. руб.)

Торговые учреждения	Морской зверобойный промысел					Оленеводство				Пушная охота	ВСЕГО НА СУММУ
	Морж, лахтак		Нерпа		Прочее	Выпоротки		Пыжики		Рухлядь	
	шт.	сумма	шт.	сумма	сумма	шт.	сумма	шт.	сумма	сумма	
м.Северный	–	–	602	0.5	1.2	2004	1.6	450	0.4	0.1	29.92
Дежнёв	560	9.7	2460	2.0	4.9	17	0.02	–	–	3.7	41.11
Яндагай	307	7.8	–	1.2	0.1	–	–	–	–	0.4	10.2
Урэль	554	9.5	5	2.8	3.9	23	0.02	–	–	1.2	20.25
Нунлигран	153	2.6	–	0.3	1.3	160	0.1	18	0.02	1.2	8.78
Всего	1547	29.6	145	4.8	11.4	2234	1,74	468	0.42	6.6	110.26

Таблица № 5

Выполнение заявок по завозу на фактории в 1930 г. (в рублях)

Фактории	Требовалось по заявке	Поступило	Остаток товара	Всего товара	% выполнения заявок (с остатками)
Преображение	28972	28087	19664	4771	161
Провидение	72600	120037	–	120037	165
Лаврентий	167592	162402	58351	222753	132
Дежнёв	157511	185591	51873	237464	127
М.Северный	–	67000	11789	78789	–
М.Пезк	–	141402	8456	149858	–
	426675	706519	150133	856652	–

Примечание. В этой таблице в графе заявок не вошла заявка Культбазы на 137 тыс. руб. Товар базе был отпущен не отдельно по заявкам, а через Лаврентьевскую факторию. Процент завоза по заявкам исчислен по 4 факториям, фактории в Чауне и на мысе Северный переданы ДГТ, и заявок у них не было. Приложена также к отчету сводная таблица снабжения Чукотки с подразделением товаром по 17 группам (диагр. № 4).

Неходовые товары, заброшенные на Чаунскую факторию

№№ пп	Наименование товара	Количество	Сумма (в руб.)
1	Сапоги мужские хромовые и юхтовые	75 пар	2130
2	Ботинки мужские	30 пар	480
3	Ботинки дамские	15 пар	270
4	Галоши мужские, дамские и детские	90 пар	360
5	Белье мужское (белое)	180 пар	1170
6	Носки шерстяные	150 пар	300
7	Шарфы бумажные	360 шт.	2394
8	Ситец № 5	1272 шт.	890
9	Сатин разный	1661 шт.	3059
10	Бязь куб. ст. 42	2854 шт.	2284
11	Сукно разное	1348 шт.	5248
12	Малюскин [Молескин]	381 шт.	765
13	Разной мануфактуры	1048 шт.	1671
14	Прядево тонкое	573 кг	2192
15	Дрель разная	—	6010
16	Пуговицы кокосовые	—	605
17	Рыбн.крючки, жестяные воронки	—	39
18	Часы-ходики	20 шт.	193
19	Шоколад и др. конфекты	—	8400
20	Папиросы	10000000 шт.	8 512
21	Солонина	3 бочки	200
22	Монтекристо однозарядный	30 шт.	1 250
23	Дроби разные	616 кг	493
Итого			48 912

Таблица № 7

Выполнение заготовительного плана на Чукотке (в рублях)

	Пушнина			Сырье		Рухлядь	Костяные изделия	Всего
	Песец	Лисица	Медведь белый	Прочее	Нерпа разная			
План	??040	4872	7 860	1 500	77 000	4 200	3 500	228 072
Факт	37 760	2 436	2 580	630	72 600	7 500	10 400	158 905

Таблица № 8

Планы заготовок на 1930/31г.

Фактории Род заготовок	Преображение	Провидение	Лаврентий	Дежнёв	м. Северный	Чаун
Пушнина	8845	4754	8794	16536	21930	41140
Сырье	1360	5590	9905	17430	1000	3900
Рухлядь	300	500	400	1000	200	350
Костяные изделия	2000	500	1000	8000	—	—
ИТОГО	12505	11344	20099	42966	23130	45390

Таблица № 9

Сведения по выполнению плана заготовок на 1-е апреля [1-е июля?] 1931 года, т.е. за 1-й и 2-й кварталы

Фактории	Пушнина	Сырье	Рухлядь	Костяные изделия	ВСЕГО
Преображенская	4506 р. 40 к.	2207 р. 40 к.	991 р. 79 к.	1282 р. 75 к.	8988 р. 65 к.
Провиденская	544 р. 30 к.	2786 р.	—	—	3330 р. 30 к.
Лаврентьевская	1670 р. 50 к	3900 р. 50 к.	—	—	5571 р. 45 к.
Дежнёвская				—	19907 р.
м. Северный	3546 р. 35 к.	1165 р. 50 к.	—	—	4711 р. 35 к.
Чаун	6691 р. 35 к.	1844 р. 60 к.	55 р. 50 к.	—	8591 р. 45 к.
ИТОГО	16959 р. 21 к.	11903 р. 95 к.	1047 р. 29 к.	—	51100 р. 20 к.

Таблица № 10

Сведения по выполнению плана заготовок на 1-е июля 1931 года

Фактории Род заготовок	Лаврентьевская			Дежнёвская			Провиденская		
	Сумма		%	Сумма		%	Сумма		%
	руб.	коп.		руб.	коп.		руб.	коп.	
Пушнина	2236	95	24.4	15767	83	94.8	3725	97	78.3
Сырье	4923	26	49.7	10825	31	62.1	15634	99	279.6
Рухлядь	577	50	144.3	2113	16	211.3	3887	—	777.4
Костяные изделия	195	75	19	8970	45	110.2	201	90	40.4
ИТОГО	7933	46	39,4	37676	75	83.3	23449	86	206.7

Таблица № 11

Заготовки кооперативов в 1929/1930 г.

Кооператив	Дата	Пушнина	Сырье	Рухлядь	Кост.изделия	Всего	%% выпол.пл
Уэленский	к 10/IV-30 г.	16140 руб. 20 коп.	27809 руб. 60 коп.	2310 руб. 79 коп.	1601 руб. 90 коп.	47952 руб. 49 коп.	79.9
Науканский	к 1/IV-30 г.	455 руб.	5349 руб. 60 коп.	2728 руб. 72 коп.	1482 руб. 10 коп.	10015 руб. 42 коп.	66.6
Яндагайский	к 1/VII-30 г.	2538 руб. 20 коп.	8323 руб. 87 коп.	281 руб. 90 коп.	41	11184 руб. 97 коп.	55.9
Чаплинский	к 1/V-30 г.	2181 руб. 75 коп.	6198 руб. 79 коп.	1423 руб. 74 коп.	—	9804 руб. 282 коп.	57.6
ИТОГО		21315 руб. 15 коп.	47762 руб. 86 коп.	6745 руб. 15 коп.	3125 руб. 00 коп.	78357руб. 16 коп.	70.9

Таблица № 12

Сведения по заготовкам кооперативов на 1/VII-1931 г.

Кооперативы		Уэленский	Яндагайский	Чаплинский	Итого
Пушнина	заготовлено	17488 руб. 35 коп.	5250 руб. 14 коп.	—	22738 руб. 49 коп.
	по плану	21615 руб.	10665 руб.	7236 руб.	39516 руб.
	% выпол.	80.9	49.2	—	—
Сырье	заготовлено	24396 руб. 35 коп.	2910 руб. 68 коп.	—	27307 руб. 03 коп.
	по плану	37680 руб.	15388 руб.	20272 руб.	73340 руб.
	% выпол.	64.7	19.7	—	—
Рухлядь	заготовлено	6526 руб.	847 руб. 35 коп.	—	7373 руб. 35 коп.
	по плану	4490 руб.	3341 руб.	5001 руб.	12832 руб.
	% выпол.	145.3	25.0	—	—

Таблица № 12 (продолжение)

Изделия из кости	заготовлено	18714 руб. 90 коп.	128 руб. 90 коп.	–	18843 руб. 80 коп.
	по плану	8300 руб.	2650 руб.	2550 руб.	13500 руб.
	% выполнения	228.5	5.0	–	–
ВСЕГО	заготовлено	67125.60	9137.07	–	76262.67
	по плану	72085	32110	35059	139284
	% выполнения	93.1	28.1	–	–

Таблица № 13

Хозяйственная деятельность кооперативов (в рублях)

Кооператив		На 1927/28 г.	На 1928/29 г.			На 1929/30 г.			На 1930/31 г.	
		Фактич.	По плану	Фактич.	Уд. вес	По плану	Фактич.	Уд. вес	По плану	Фактич.
Уэленский	Снабж.	46502	34000	56697	39 %	120000	104902	42 %	–	123118
	Загот.	26161	20000	49555	52 %	75000	65685	65 %	72085	67126
	Полез. оборот	30817	54000	106252	–	95000	170587	–	–	–
Яндагайский	Снабж.	–	17000	2355	34 %	27000	30306	26 %	–	28190
	Загот.	–	7000	21451	47 %	20000	13688	44 %	32045	9137
	Полез. оборот	–	24000	44707	–	47000	43994	–	–	
Чаплинский	Снабж.	4000	9000	14601	28 %	27500	46665	75 %		
	Загот.	3250	5000	8194	20 %	17000	23559	80 %		
	Полез. оборот	7250	14000	22796	–	44500	70244	–		
ИТОГО	Снабж.	50502	60000	94554	36 %	174500	181873	45 %		
	Загот.	29176	32000	79201	43 %	112000	102933	63 %		
	Полез. оборот	80017	92000	173356	–	285500	284807	–		

Таблица № 14

Динамика баланса кооперативов (в рублях)

Кооператив	Уэленский	Науканский	Яндагайский	Чаплинский	Имтукский	ВСЕГО
На 1/X-28 г.	6852	3776	709	4926	32	16348
На 1/X-29 г.	14512	5408	12568	6574	3145	42207
На 1/X-30 г.	51584	–	11746	–	–	110586
На 1/X-31 г.	–	–	39624	–	–	–

Таблица № 15

Таблица доходов, расходов и прибыли кооперативов

Кооператив		Уэленский	Яндагайский	Чаплинский	ИТОГО
Доходы	На 1/X-30 г.	22326 р.	5634 р.	6444 р.	34404 р.
	На 1/VII-31 г.	—	4719 р.	7285 р.	—
Расходы	За 1928/29 г.	2141	2042	470	4653
	За 1929/30 г.	11671	3716	3578	18965
	За 1930/31 г.	—	1032	1802	—
Прибыль	За 1928/29 г.	6452	2148	311	9244
	За 1929/30 г.	10655	1918	2865	16438
Процент расходов	За 1928/29 г.	2 %	4 %	2 %	ср. 2 %
	За 1929/30 г.				
Процент прибыли к обороту	За 1928/29 г.	6 %	5 %	1.5 %	ср. 5.4 %
	За 1929/30 г.	6.2 %	4.3 %	4.9 %	

Примечания: 1. По шкале расходов НКТорга, процент расходов не должен превышать 16–18%. 2. По шкале НКТорга прибыль не должна превышать 3,5%

Таблица № 16

Сведения о состоянии работы артелей на Чукотке к 1 июля 1931 г.

	№ пп	Наименования артелей	Дата организации или перехода и принятия устава	Обобществ. капитал. имуществ	Неделимый капитал	Баланс
УСТАВНЫЕ	1	Смеш. промысл.-охотничья артель «К новой жизни»	Орг.15/II-31г. устав. 19/VI-31 г.	15446	903	16000
	2	Имтук, промысл.- старат. <артель>	Орг.1928г. устав. 22/III-31 г.	2460	24620	2868
	3	Уэлен	Орг.1928 г. устав. 30/IV-31 г.	7000	4500	8000
	4	Наукан	Орг.1928 г. устав.30/IV-31 г.	4000	3150	4500
	ИТОГО			28906	19111	31368
	5	Уэлен, костяные изделия	Орг. 20/I-31 г.	229	256	3802
	6	Наукан, костяные изделия	Орг. 28/I-31 г.	335	265	3802
	7	Дежнёв, костяные изделия	Орг. и устав. 24/I-31 г.	107	1796	4915
	8	Уэлен, пошивочная артель	Орг. 1929 г. устав. 18/I-31 г.	—	—	415
	9	Наукан, пошивочная артель	Орг 1929г. устав. 28/I-31 г.	1000	659	1368
	10	Дежнёв, пошивочная артель	Орг 1930 г. устав. 24/I-31 г.	500	416	1663
	11	Имтук, пошивочная артель	орг. 22/III-31 г.	—	—	—
ИТОГО				2171	4383	14378

Таблица № 16 (продолжение)

НЕУСТАВНЫЕ	1	Кургак, промысл. артель	Орг.1930 г.	–	–	–
	2	Аляево, промысл. артель	Орг.1930 г.	–	–	–
	3	Яндракинот, промысл. артель	Орг.1930 г.	–	–	–
	4	Чини, промысл. группа	Орг.1930 г.	–	–	–
НЕУСТАВНЫЕ	5	Лорино, промысл. группа	Орг. 1930 г.	–	–	–
	6	Пинакуль, промысл. группа	Орг. 1930 г.	–	–	–
	7	Аккани, промысл. группа	Орг. 1930 г.	–	–	–
	8	Дежнёв, промысл. группа	Орг. 1930 г.	–	–	–
	9	Яндагай, пошив.артель	Орг. 1930 г.	–	–	–
	10	Оленеводческая артель	Орг. 1930 г.	–	–	–
	ИТОГО					
ВСЕГО				31077	23494	45746

Таблица № 17

Состав членов артелей на 1/VII-1931 г.

	№ пп	Наименов. артелей	Членов							
			Муж.	Жен.	Эски- мос.	Чук.	Батр.	Бедн.	Сред.	Итого
УСТАВНЫЕ	1	Смеш.промысл.-охотн. артель «К новой жизни»	68	67	135	–	7	85	73	135
	2	Имтук, промысл.-старат. <артель>	7	–	7	–	1	6	–	7
	3	Уэлен	24	–	–	24	2	15	7	24
	4	Наукан	11	–	11	–	2	5	4	11
	ИТОГО		109	68	153	24	12	111	54	177
Кустарные артели	5	Уэлен, костяные изделия	12	–	–	12	–	4	8	12
	6	Наукан, костяные изделия	8	–	8	–	1	–	7	8
	7	Дежнёв, костяные изделия	10	–	–	10	3	1	6	10
	8	Уэлен, пошив. артель	–	15	15	15	–	7	8	15
	9	Наукан, пошив. артель	–	25	25	–	1	4	20	25
	10	Дежнёв, пошив. артель	–	18	–	18	1	3	14	18
	11	Имтук, пошив. артель	–	10	–	–	2	4	4	10
ИТОГО			30	68	33	65	8	23	67	98

Таблица № 17 (продолжение)

НЕУСТАВНЫЕ	1	Кургак, промысл. артель	7	—	—	7	1	—	6	7
	2	Аляево, промысл. артель	6	8	—	6	—	—	6	6
	3	Яндракинот, промысл. артель	9	—	—	9	1	8	—	9
	4	Чини, промысл. группа	6	—	—	6	—	5	1	6
	5	Лорино, промысл. группа	6	—	—	6	—	4	2	6
	6	Пинакуль, промысл. группа	8	—	—	8	—	7	1	8
	7	Аккани, промысл. группа	14	—	—	14	—	13	1	14
	8	Дежнёв, промысл. группа	10	—	—	10	—	5	5	10
	9	Яндагай, пошив. артель	—	17	—	17	—	5	12	17
	10	Оленеводческая артель	5	—	—	—	—	5	—	5
ИТОГО			71	17	—	83	2	52	34	88
ВСЕГО			210	153	186	172	22	186	155	363

Таблица № 18

Показатели деятельности артелей (в рублях)

№ пп	Наименов. артелей	План работы (произв.финанс.)	Выполнено	Вал. ход	Месяч. продукт.	Сред. зараб.	Состоит в кооп.
1	Смеш.пром.-охот.артель «К Новой жизни»	16620 (до 1.1.32)	8899				Чаплино
2	Имтук, пром.-старат. артель						Чаплино
3	Уэлен						Уэлен
4	Наукан						Уэлен
ИТОГО							
5	Уэлен, костяные изделия	4175 (с 1.2.30 г. по 1.10.30 г.)	2300 (на 1.5 за 3 мес.)	3168	1000	53	Уэлен
6	Наукан, костяные изделия	4455 (с 1.2.30 г. по 1.10.30 г.)	3269 (на 1.5 за 3 мес.)	2059	800	135	Уэлен
7	Дежнёв, костяные изделия	6275 (с 1.2.30 г. по 1.10.30 г.)	3282 (на 1.6 за 4 мес.)	2430	890	140	Уэлен
8	Уэлен, пошив. артель	3420 (с 1.2.30 г. по 1.10.30 г.)	1415 (на 1.6 за 4 мес.)	419	350	7	Уэлен
9	Наукан, пошив. артель	3141 (с 1.2.30 г. по 1.10.30 г.)	3348 (на 1.5 за 3 мес.)	1632	910	79	Уэлен
10	Дежнёв, пошив. артель	5800 (с 1.2.30 г. по 1.10.30 г.)	2001 (на 1.6 за 4 мес.)	872	500	10	Уэлен
11	Имтук, пошив. артель	1215	390 (на 1.7)				Чаплино
ИТОГО							
1	Кургак, промысл. артель						Чаплино
2	Аляево, промысл. артель						Чаплино
3	Яндракинот, промысл. артель						

Таблица № 18 (продолжение)

4	Чини, промысл. группа						
5	Лорино, промысл. группа						
6	Пинакуль, промысл. группа						
7	Аккани, промысл. группа						
8	Дежнёв, промысл. группа						
9	Яндагай, пошив.артель						
10	Оленеводческая артель						
ВСЕГО		45101	2519	105580	4450		

Таблица № 19

Движение членской массы кооперативов

Кооперативы		Уэлен	Наукан	Яндог	Чаплин	Имтук	Итого
На 1/X-1928	Всего членов	135	82	67	70	26	375
	Мужчин	130	70	—	56	18	326
	Женщин	5	12	—	24	8	49
	Кочев.	—	—	—	—	—	—
На 1/X-1929	Всего членов	204	97	41	211		264
	Мужчин	184	79	17	163		544
	Женщин	20	18	24	48		110
	Кочев.	7	—	14	24		45
На 1/X-1930	Всего членов	394		164	269		827
	Мужчин	324		125	208		657
	Женщин	29		29	61		160
	Кочев.	15		15	30		58
На 1/VII-1931	Всего членов	471		170	313		954
	Мужчин	384		129	236		749
	Женщин	87		31	77		195
	Кочев.	13		15	30		58

Таблица № 20

Состав выборных органов кооперативов

	Туземцев	Русских	Мужчин	Женщин	Членов ВКП(б)	Членов ВЛКСМ
Правления	16	3	14	2	2	3
Ревиз.комиссии	9	2	7	2	—	1
Итого	25	5	21	4	2	4

Таблица № 21а

Состав населения Чукотки (Приполярная перепись 1926/1927 г.)

	Население			Кол-во населенных пунктов	Кол-во хозяйств	Оленей	Собак
	мужчин	женщин	всего				
Оседлых	2123	2067	4190	107	785	629	7530
Кочующих	951	1037	1988	96	362	88924	1459
Всего	3074	3104	6178	203	1147	89553	8989
Из них:							
Чукчей	2450	2474	4924				
Эскимосов	559	583	1142				
Алеутов	5	5	10				
Камчадалов	3	5	8				
Русских и пр.нетуземцев	57	37	94				

Таблица № 21б

Данные по морскому зверобойному промыслу (Приполярная перепись 1926/1927 г.)

	Морской транспорт		Добыто морского зверя			Нарезное оружие
	вельботы моторн. и безмотор.	байдар	моржей	тюленей, нерп и лахтаков	китов	
Оседлых	175	394	2121	17083	—	1148
Кочующих	1	42	165	1648	—	434
Всего	436	436	2285	18731	—	1582

Таблица № 22а

Состав всех групп населения Чукотки (Приполярная перепись 1926/1927 г.)

	Население				Кол-во населенных пунктов	Кол-во хозяйств	Оленей	Собак
	мужчин	женщин	детей	всего				
Всего оседлого населения	1151	1238	17623	4171	110	779	2250	7150
Оседлых								
Из них								
Чукчей				3037				
Эскимосов	312	341	481	1134				
Кочующих				2211	76	382	142000	1900
Русских и пр.	120	20	15	155				
Всего населения				6537	186	1161	144550	9050

Таблица № 226

Данные по морскому зверобойному промыслу (Приполярная перепись 1926/1927 г.)

Население	Морской транспорт		Упромышлено морского зверя				Нарезное оружие
	Вельботы моторн. и б/мотор.	байдар	моржей	нерп	лахтаков	китов	
Всего оседлого населения	121	335	3412	28530	1758	10	1040
Оседлых							
Из них							
Чукчей							
Эскимосов							
Кочующих		42					433
Русских и пр.							
Всего населения	121	378	3412	28530	1758	10	1473

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ПП ОГПУ ДВК – пограничный пункт Объединённого государственного политического управления (при Совете Народных Комиссаров СССР (1922–1924)) Дальневосточного края. *Прим. ред.*

²На основе Чукотской Культбазы появилось село Лаврентия, районный центр современного Чукотского района Чукотского автономного округа. *Прим. ред.*

³Комитет Севера при ВЦИК – полное название: Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет). Комитет Севера существовал с 1924 г. по 1935 г. *Прим. ред.*

⁴Кавасаки – кунгас с нефтяным [дизельным?] мотором. Кунгас (встречается далее в тексте Калтана) – маломерная плоскодонная баржа японского типа грузоподъёмностью от 10 до 60 т; её использовали на морских рыбных промыслах и разнообразных прибрежных работах на Дальнем Востоке. *Прим. ред. по материалам С.В. Обручева, 1957 г.*

⁵Яранга – жилище чукчей, представляет собой шалаш неправильной полушаровидной формы, состоящий из деревянного остова, обтянутого шкурой моржа или лахтака. Шалаш является как бы крытым двором, в котором имеется пол – *иоронга*, где живут люди, – в форме глухого ящика, сшитого из оленьих шкур, и *чоттагин*, холодная часть яранги, где находится утварь, инвентарь, нарты и запасы мяса и жира для повседневного потребления. Здесь же в ненастную погоду размещаются собаки. *Прим. авт.*

⁶Камусные (камусовые) торбаса – якутская, чукотская зимняя обувь мехом наружу, сшитая из шкур (камусов) с ног северного оленя. *Прим. ред.*

⁷Кухлянка – глухая одежда чукчей в виде длинной свободной рубахи, сшитой из оленьих шкур мехом наружу (летняя кухлянка), или двойная (зимняя), мехом наружу и внутрь. *Прим. ред.*

⁸О Лоринских (Кукуньских) и других минеральных источниках Чукотки, большинство которых являются радоновыми, см.: Рузанов В.Т. Минеральные воды Чукотки – природные памятники Берингии / Ориентиры развития Берингии в XXI веке. Магадан, 2004. С. 76–86. *Прим. ред.*

⁹Копальхен – заквашенный в мясной (земляной) яме кусок мяса с жиром из задней части моржа (так называемый «окорок»), зашитый в «свою» же шкуру, нередко вместе со специальными травами. *Прим. ред.*

¹⁰Бухта Эмма – одна из пяти бухт, входящих в систему бухты Провидения (бухты Пlover, Эмма, Всадник, Цветок, Хед). В советское время была переименована в бухту Комсомольская, сейчас возвращено старое название. *Прим. ред.*

¹¹Это не вполне точно. Посёлок Бухта Провидения, в настоящее время – пгт. Провидения, районный центр Провиденского района Чукотского АО, возник несколько позже как морской порт на северо-западном скалистом берегу бухты Эмма, где глубины позволяют судам бросить якорь непосредственно у берега. Эскимосское село Урэлик(и) располагалось на противополо-

ложном, юго-восточном, берегу бухты, поло́гом и отмелом, удобном для высадки с маломерных судов (кожаных байдар и вельботов). *Прим. ред.*

¹²Туземный совет — низовая сельская организация советской власти в районах проживания «малочисленных народностей», заменённая позже на сельский совет. *Прим. ред.*

¹³РИК (позже райисполком) — районный исполнительный комитет, высший орган исполнительной власти административного района в СССР. *Прим. ред.*

¹⁴Все сказанное А. Калтаном о картах справедливо. Карта Приполярной переписи 1926/27 г. напоминает средневековую географическую карту, имеющую весьма отдаленное сходство с реальной территорией. Хорошая геодезическая основа для создания карт Чукотки появилась только после 1945 г., когда в СССР начались широкомасштабные работы по картографированию страны. *Прим. ред.*

¹⁵Ревком — Революционный комитет; ранняя форма советской администрации, существовавшая до начала 1920-х гг. *Прим. ред.*

¹⁶Окрисполком — Окружной исполнительный комитет Совета народных депутатов, высший орган исполнительной власти административного округа СССР, в данном случае Чукотского национального округа. *Прим. ред.*

¹⁷Далькрайисполком — Дальневосточный краевой исполнительный комитет Совета народных депутатов Дальневосточного края. *Прим. ред.*

¹⁸На самом деле это не просто кожа, а *ман'-так'*, кожа со слоем лежащего под ней жира толщиной в 3–5 см. Сырой (свежий или замороженный) мантак — излюбленная и очень полезная еда чукчей и эскимосов. *Прим. ред.*

¹⁹Брюханов рассказал, что он живёт на Чукотке с 1911 г. Он был раньше в Америке золотоискателем, рабочим. Работал вместе со Свенсоном и Воллом в экспедиции Иванова на Чукотке в 1902 г. Затем был на Чукотке проспектором, промышленником. На вопрос, каким образом он попал на м. Биллингса и стал там «заведывать» товарами со шхуны «Элизиф», Брюханов сказал, что его для этой цели пригласил представитель Свенсона Бердяев, что вопрос этот в своё время был согласован с председателем РИКа Пономаревым. *Прим. авт.*

²⁰А. И. Калтан распространяет свои личные знания о растительности северной Чукотки на всю её

территорию. Но в центральной и южной частях округа произрастают чозениевые леса, ивы, береза, ольха, лиственница. Даже на Чукотском полуострове существуют островки арктического леса из ив и ольхи (побережье пролива Сенявина, лагуна Гетлянген, река Чегитун и др. места). *Прим. ред.*

²¹Озера на Чукотке имеют различное происхождение, и во многих из них водится рыба (озёрный голец и др. виды). *Прим. ред.*

²²На Чукотке издавна добывались два вида китов, гренландский и серый. Убитый серый кит тонет; гренландский кит благодаря большому количеству жира не тонет, а только опускается в воду часа на три и потом всплывает. Течения и ветры обычно приносят таких всплывших китов к береговым посёлкам, нередко удалённым от места охоты на десятки километров. В своем Отчёте Калтан не делает разницы между этими видами, поскольку сам он китов не видел, а собирал сведения о них, не предполагая, что речь может идти о совершенно разных животных. *Прим. ред.*

²³Косатка является священным животным эскимосов и береговых чукчей, которые никогда на неё не охотятся, поскольку уверены, что этот зверь — такой же, как они сами, мужчина-охотник. *Прим. ред.*

²⁴Автор имеет в виду «линзу», или жировую подушку, — мягкий лобный выступ на голове белухи, заполненный особым жиром, сохраняющим жидкую консистенцию при очень низких температурах. Принято считать, что эта линза помогает животному в процессах эхолокации. *Прим. ред.*

²⁵Калтан упоминает только два лежбища, которые известны ему со слов других людей. В действительности на побережье Чукотки отмечено около десятка постоянных лежбищ и столько же временных, возникающих нерегулярно. *Прим. ред.*

²⁶Это заключение Калтана не соответствует действительности. Рыболовство всегда было важнейшим видом традиционной деятельности морских охотников и оленеводов Чукотки. Наибольшие запасы проходных лососёвых, в основном кеты, сосредоточены на побережье и в реках южной Чукотки (современные Беринговский и Анадырский районы), однако и севернее ловят лососёвых (проходные и жилые виды), речных (налим, щука, чир и др.) и морских рыб (сайка, навага, треска, камбала, бычки). *Прим. ред.*

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Айвангу (1926–1963) – морской охотник, счетовод, бухгалтер колхоза «К новой жизни»; принадлежал к эскимосам-чаплинцам (*ун'азиг'мит*). Родился и вырос в селе Ун'азик' (Чаплино, или Старое Чаплино) Чукотского АО, после его закрытия в 1958 г. вместе с односельчанами переехал в село Новое Чаплино.

Айнана Людмила – президент Общества эскимосов Чукотки «Юпик»; принадлежит к эскимосам-чаплинцам (*ун'азиг'мит*); знаток культуры и языка своего народа; учитель эскимосского и русского языков, автор нескольких учебников на языке эскимосов-чаплинцев. Выросла в селе Ун'азик' (Чаплино), в настоящее время живёт в районном центре Провидения Чукотского АО.

Андронов Борис Михайлович (1924–2004) – старший оперуполномоченный (1951–1958) Чукотского окружного отдела МГБ СССР. Участник коллективизации оленеводов Амгуэмской, Мухоморненской и Канчаланской тундр Чукотки. В основу публикации легла часть рукописи, присланной Андроновым в Чукотский окружком КПСС, которую любезно предоставил для настоящего издания И.Г. Рига.

Анкана (1916–2000) – жительница села Сиреники; принадлежала к эскимосам-сиреникцам (*сиг'иниг'мит*).

Богораз Владимир Германович (В. Тан-Богораз, Н.А. Тан) (1865–1936) – выдающийся исследователь народов Северо-Востока России, доктор исторических наук, профессор. Создатель отечественной этнографической школы по изучению коренных народов Сибири и Дальнего Востока, инициатор создания Комитета Севера и Института народов Севера. Участник Сибиряковской и Джесуповской экспедиций, материалы которых стали для него источником не только научных, но и литературных произведений. Основным трудом В.Г. Богораза является монография «The Chukchee» (1904–1909), переведённая на русский

язык и изданная тремя отдельными выпусками (1934, 1939, 1991).

Богословская Людмила Сергеевна – биолог, доктор биологических наук; руководитель центра традиционной культуры природопользования Института Наследия; г. Москва. E-mail: ama777@mail.ru.

Бурькин Алексей Алексеевич – лингвист, доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН; г. Санкт-Петербург. E-mail: albury@rambler.ru.

Вальгиргин Александр Иванович – один из лучших знатоков традиционной оленеводческой культуры Чукотки, специалист в области оленеводства; замдиректора по производству МУП СХП «Совхоз им. Первого Ревкома Чукотки» Анадырского района. Принадлежит к хатырско-ваежским чукчам-олeneводам; родился в селе Хатырка, в настоящее время живёт в селе Усть-Белая.

Вдовин Борис Иннокентьевич – специалист в области метеорологии; директор природно-этнического парка «Берингия» в 2003–2006 гг.; г. Санкт-Петербург. E-mail: vdvnord@mailbox.alkor.ru.

Вдовин Иннокентий Степанович (1907–1996) – известный исследователь коренных народов Северо-Востока России, внёсший большой вклад в изучение культур и языков чукчей и коряков. Ученик В.Г. Богораза, доктор исторических наук.

Вуквукай Надежда Ивановна – специалист в области прикладного искусства чукчей; сотрудник ЧФ СВКНИИ ДВО РАН. Принадлежит к приморским чукчам; родилась в селе Уэлен, в настоящее время живёт в г. Анадырь. E-mail: nauka@anadyr.ru.

Выйе Валентина (1917–1997) – одна из последних носителей сиреникского языка азиатских

эскимосов. Активно работала над научной документацией этого языка вместе с лингвистом Н.Б. Вахтиным. Принадлежала к эскимосам-сиреникам (*сиг'иниг'мит*); родилась в селе Имтук, после его закрытия жила в селе Сиреники.

Гагарин Станислав Семенович (1935–1993) – писатель и журналист. Публикуемая статья написана автором в начале 1960-х гг., когда он работал в окружной газете «Советская Чукотка». По цензурным соображениям статья не была напечатана; рукопись сохранил и любезно предоставил для настоящего издания И.Г. Рига.

Гыргольнаут Ирина Григорьевна – председатель общественного объединения хранителей чукотского языка и фольклора «Чычеткин вэтгав»; преподаватель чукотского языка Чукотского многопрофильного колледжа. Выросла в чукотском селе Энмелен, в настоящее время живёт в г. Анадырь.

Данн Майкл (Michael Dunn) – сотрудник кафедры лингвистики Австралийского национального университета (Department of Linguistics, Faculties, Australian National University ACT 0200 AUSTRALIA).

Добриева Елизавета Алихановна – знаток культуры и языка науканских эскимосов (*нывук'аг'мит*); один из авторов «Словаря языка науканских эскимосов» под ред. С. Джейкобсона (Центр изучения языков коренного населения Аляски, Фэрбенкс, 2004). Родилась в селе Наукан, в настоящее время живет в районном центре Лаврентия.

Етылен Владимир Михайлович – специалист в области экономики сельского хозяйства Севера. Принадлежит к чукчам-оленеводам; родился в селе Омолон, в настоящее время живет в г. Анадырь.

Загребин Игорь Александрович – географ, старший научный сотрудник музея Берингийского наследия, заведующий Провиденским филиалом природно-этнического парка «Берингия». Районный центр Провидения. *E-mail: provi_museum@mail.ru*

Задорин Виталий Игнатьевич – специалист в области социально-экономических отношений в оле-

неводстве, автор учебников и учебных пособий по оленеводству народов Северо-Востока РФ, кандидат экономических наук; доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Магаданского института экономики (Академия управления и экономики Министерства образования и науки РФ, СПб); г. Магадан.

Калтан Александр И. (отчество и годы жизни не установлены) – сотрудник Управления Погранохраны Дальневосточного края, выполнял «обследование Чукотки для нужд охраны границ». Комитет Севера поручил Калтану также работу краеведа Культбазы в заливе Лаврентия (позже – село Лаврентия). В 1930/1931 г. Калтан совершил инспекционную поездку по населённым пунктам побережья Чукотки, от бухты Провидения до Чаунской губы. В настоящем издании опубликованы две первые части отчёта об этой поездке.

Козлов Андрей Игоревич – специалист в области медицинской антропологии и традиционного питания народов Севера, доктор биологических наук, кандидат медицинских наук; зав. лабораторией Института возрастной физиологии РАО; г. Москва. *E-mail: aikozlov@narod.ru.*

Кочнев Анатолий Анатольевич – биолог, автор известных работ по моржу и белому медведю; зав. лабораторией морских млекопитающих ЧукотТИНРО; г. Анадырь. *E-mail: kochnev@anadyr.ru.*

Крупник Игорь Ильич (Igor Krupnik) – специалист в области культурной антропологии народов Севера, доктор биологических наук, кандидат исторических наук; куратор Центра арктических исследований Национального музея естественной истории Смитсоновского института, Вашингтон, США (Arctic Studies Center, National Museum of the Natural History, Smithsonian Institution, Washington, U.S.A.). *E-mail: krupniki@si.edu.*

Леонова Валентина Григорьевна – заведующая центром этнопедагогических технологий Чукотского института развития образования и повышения квалификации. Принадлежит к эскимосам-наукам (*нывук'аг'мит*), собиратель и хранитель знаний по истории, культуре и языку своего народа.

Родилась в селе Нунямо, в настоящее время живёт в г. Анадырь. *E-mail: chiroipk@chukotnet.ru.*

Леонтьев Владилен Вячеславович (1928–1988) – известный исследователь коренных народов Чукотки, этнолог и писатель, кандидат исторических наук. Вырос в селе Уэлен, в совершенстве владел чукотским языком; многие годы был научным сотрудником СВКНИИ ДВО АН СССР в г. Магадан.

Михайлова Елена Алексеевна – специалист в области традиционной культуры эскимосов и чукчей, кандидат исторических наук; учёный секретарь МАЭ РАН (Кунсткамера); г. Санкт-Петербург. *E-mail: elmikh@kunstkamera.ru.*

Муми Сергей (1928–1976) – морской охотник, принадлежал к эскимосам-чаплинцам (*ун'азиг'мит*); родился и прожил всю жизнь в селе Сиреники.

Нувано Владислав Николаевич – специалист в области оленеводства; научный сотрудник ЧФ СВКНИИ ДВО РАН. Принадлежит к вилюнейской группе чукчей-оленьеводов; родился и вырос в селе Ваеги, в настоящее время живёт в г. Анадырь. *E-mail: nauka@anadyr.ru.*

Омрытхеут (Ивалько) Зинаида Григорьевна (1945–2000) – сотрудник национальной редакции окружной газеты «Советская Чукотка» (в настоящее время «Крайний Север»), по профессии учитель начальных классов. Родилась и выросла в Берёзово, поселке оленеводов – чукчей и коряков.

Переладов Владимир Тимофеевич – геолог; сотрудник Эгвекинотского краеведческого музея; пос. Эгвекинот.

Радов Илья Александрович – специалист в области сельского хозяйства, много лет проработал на Чукотке в качестве руководителя сельскохозяйственных предприятий, связанных с морским зверобойным промыслом (сёла Уэлен, Инчоун) и оленеводством (село Усть-Белая); в настоящее время живёт в г. Ульяновск.

Райзман Давид Ихемурович – заслуженный учитель РФ, член Союза журналистов России; доцент

кафедры гуманитарных и социальных наук МИЭ (Академия управления и экономики Министерства образования и науки РФ, СПб); г. Магадан.

Ранаврольтын Григорий Иванович – специалист в области чукотского языка, сотрудник ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, Принадлежит к чукчам-оленьеводам; родился в селе Омолон, в настоящее время живёт в г. Анадырь. *E-mail: nauka@anadyr.ru.*

Рига Игорь Григорьевич – один из лучших специалистов по истории Чукотки; старший научный сотрудник Музейного центра «Наследие Чукотки»; г. Анадырь.

Рубцова Екатерина Семеновна (1888–1971) – выдающийся специалист по эскимосским языкам группы «сибирский юпик», автор уникальных записей и переводов фольклора эскимосов-чаплинцев (*ун'азиг'мит*), составитель эскимосско-русского словаря (19000 слов, чаплинский язык). Одна из первых учителей в школах Чукотки; до конца жизни работала научным сотрудником Института языкознания АН СССР (ныне – Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

Сергеева Катерина Семеновна (1898–1975) – автор многих первых учебников и книг для чтения на эскимосском языке, которым владела в совершенстве. В 1933–1934 гг. и 1938–1941 гг. работала учителем в школе села Урелики. Одной из первых начала собирать фольклор азиатских эскимосов.

Теин Тасян Сергеевич – археолог, кандидат исторических наук, сотрудник СВКНИИ ДВО РАН. Науканский эскимос, родился в селе Наукан, в настоящее время живёт в г. Магадан.

Шенталинская Татьяна Сергеевна – этномузыковед, член Союза композиторов России; г. Москва. *E-mail: shent@mail.cnt.ru.*

Энмынкау (Номехун) Нина Сергеевна – известный журналист Чукотки, член Союза журналистов России. Принадлежит к эскимосам-науканцам (*нывук'аг'мит*); родилась в селе Наукан, в настоящее время живёт в г. Анадырь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМЕИ	Американский музей естественной истории, г. Нью-Йорк
АН	Академия Наук
АН СССР	Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик
ВГО	Всесоюзное географическое общество; в настоящее время Всероссийское географическое общество, г. Санкт-Петербург
ГМИНВ	Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва
ДВО РАН	Дальневосточное отделение Российской Академии наук, г. Владивосток
Институт Наследия	Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, г. Москва
ИЭ	Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; в настоящее время Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА) РАН, г. Москва.
ИЭМЭЖ АН СССР	Институт эволюционной морфологии и экологии им. А. Н. Северцова АН СССР; в настоящее время Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова (ИПЭЭ) РАН, г. Москва
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург
МИЭ	Магаданский институт экономики
МУП СХП	муниципальное унитарное предприятие сельскохозяйственного производства
НИИ	научно-исследовательский институт
ПФА РАН	Санкт-Петербургское отделение фонда архивов РАН
РАН	Российская Академия наук
РАО	Российская Академия образования
СА	Советская антропология (журнал)
СВКНИИ ДВО РАН	Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт СВНЦ ДВО РАН, г. Магадан
СВНЦ	Северо-Восточный научный центр (входит в состав ДВО РАН), г. Магадан
СПб	Санкт-Петербург
СЭ	Советская этнография (журнал)
Чукотский АО	Чукотский автономный округ
ЧукотТИНРО	Чукотский филиал Тихоокеанского института рыболовства и океанографии, г. Анадырь
ЧФ СВКНИИ	Чукотский филиал Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института СВНЦ ДВО РАН, г. Анадырь
ЭО	Этнографическое обозрение (журнал)

НЕМЕТРИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ (старые русские и англоязычных стран)

ДЛИНА

Верста	1,067 км
Сажень	2,133 м
Аршин	0,711 м
Четверть	$\frac{1}{4}$ аршина или 0,17(7) м
Фут	0,304 м
Дюйм	2,540 см
Миля морская (международная)	1,852 км
Миля сухопутная (США)	1,609 км

ПЛОЩАДЬ

Квадратная верста	1,138 км ²
Квадратная сажень	4,552 м ²
Квадратный аршин	0,506 м ²
Квадратная четверть	3,158 дм ²
Квадратный фут	9,290 дм ²

МАССА

Пуд	16,380 кг
Фунт	0,409 кг
Унция	28,341 г
Золотник	4,265 г

SUMMARY

These collected papers have been assembled and produced as a heritage book that is specially addressed to the people of Chukotka. Papers in this volume, as well as the accompanying archival materials and numerous historical photographs have been so selected that the findings by Vladimir Bogoraz (Waldemar Bogoras, 1865–1936), his students, and his followers could become familiar to the residents of the places where the fieldwork was once undertaken, if subsequently almost forgotten.

Today, the studies by Bogoraz and his disciples in Chukotka are quoted increasingly frequently. In fact, in terms of the scope of the data collected and of the depth of the data analysis they are often much superior to the findings of today's experts. One feature of Bogoraz's research and that of his numerous students was particularly striking, which is the speed of collecting and processing of huge amounts of new field materials.

For instance, it is often thought that the monumental three-volume study by Bogoraz called «The Chukchee» (which was published in 1904–1909), had resulted from long-term investigation of the traditional life of the Chukchi and Asiatic Eskimo peoples. Actually, that encyclopedic publication was produced as a result of one-year fieldwork by Bogoraz in Chukotka, as a member of the Jesup North Pacific Expedition in 1900-1901. Bogoraz's full route during that year was as follows:

Arrival to Anadyr/Mariinsky Post in July 1900 – fieldwork in fishing and reindeer camps around today's city of Anadyr (August–September) – departure for Markovo (October, 1900) – fieldwork in northern Kamchatka near the villages of Paren' and Kamenskoye (November–December 1900) – traveling across western Kamchatka, visiting the villages of Khairyuzovo and Tigil' (January–February 1901) – return trip via the villages of Palana and Karaga (March 1901) – returning to Anadyr along the Bering Sea coast through the villages of the Olyutora Koryak and the Kerek (late March, 1901) – travel on dog-sled along the Gulf of Anadyr northern coast from Anadyr to Ungaziq on Cape Chaplin (April –May 1901) – short trip on Eskimo skin-boat to Gambell on St. Lawrence Island and back (late May–early June 1901) – return trip on a skin boat from Ungaziq (Old Chaplino) to Anadyr (late June –July, 1901).

The striking capacity of Bogoraz to grasp the essence of many different Native cultures and languages was most certainly an outcome of his exceptional talent as a field worker but also of his extremely broad cultural background. The latter was, in fact, typical to many, if not most of the early researchers of the pre-revolutionary (pre-1917) Russia. This is why many early studies of Chukotka of the 18th – early 20th centuries conducted by Russian Navy officers (such as Gavriil Sarychev, Otto Kotzebue, Aleksei Lazarev, Fedor Ltke, Ferdinand/Fedor Wrangell, and others), local administrative officials (Leonid Grinevetsky, Nikolai Gondatti, Nikolai Sokolnikoff), or natural scientists and medical doctors (such as Albert Shamisso, Leonid Starokadomsky) remain such remarkable documents of great value to these days.

It so happened that in the last two decades of the 20th century many Native elders passed away in Chukotka, one after another. It was a tremendous cultural and community loss to the local people. Along with the elders, many blocks, even layers of traditional knowledge, of cultural and subsistence skills went into oblivion; the entire framework of cultural transmission among generations was greatly damaged, if not lost. Owing to that, the studies by early researchers, with Bogoraz ranking the first among them, often become the main source of cultural knowledge and of the precious legacy to the generations of today.

The restoration of local historical memory is thus never confined to the legacy of a single person, even one exceptionally gifted like Bogoraz. It invariably entails the recovery of many forgotten events of local social and political life, of names and writings of Bogoraz's predecessors, followers, and contemporaries. They all had productive life of their own and they had documented the world they observed in their texts, photographs, and memoirs.

Such materials, together with the living memories of today's elders, comprise the 'golden core' of cultural and historical heritage of Chukotka. Our mission is to preserve this legacy and to pass it to the younger generations. That was the main objective of many contributors to this volume and, particularly, of the two compilers and co-editors of this book.

Some papers in the volume were written specially for this collection; others had been published decades ago and had been since long forgotten. Many contributors to this book, such as Aivangu, A. Valgirgin, V. Leonova, V. Nuvano, N. Enmynkau, bring in the memories of the past life in the old Native villages or communities, or personal stories about certain remarkable individuals. Of great interest are the stories of the often brutal Soviet collectivization of the 1930–1950s recalled by indigenous residents and scientists (such as V. Nuvano, Z. Omrytkheut, D. Raizman, and V. Zadorin), as well as by local administrators and career security officers (like A. Kaltan or B. Andronov), who were the most dedicated proponents of the Soviet power. Of the latter, Kaltan reported on the first results of the 'Sovetization' of Chukotka coastal residents in 1930–1931, whereas Andronov participated in the 'final' collectivization of the defiant Chukchi reindeer herders in 1951–1952. Comparison of those viewpoints, often diametrically opposite sheds light on the tragic collision of traditional life-ways of Chukotka indigenous people with the outsiders' vision of their future in its early Soviet version.

Numerous historical photographs reproduced in this collection offer an independent visual path to the former life of the people of Chukotka. For example, Aleksandr Forshtein, the young and gifted student of Bogoraz, enriched our historical memory by taking pictures of individual Eskimo and Chukchi people of the early 20th century. Thanks to Forshtein's photos, we know how Uksima, 'the school-girl' (the well-remembered Yupik activist U.I. Ukhsima); 'shaman Galmugye'; Chaplino activist Matlyu; Alalawen, the Chair of Imtuk village council; and several famous hunters of Naukan of the 1920s once looked like. The majority of the illustrations presented here are published for the first time.

A few concluding explanatory remarks regarding the structure of the collection seem appropriate. Photographs used as illustrations to Parts I, II, III, and IV are arranged in four 'blocks' or series. Pictures marked with* have accompanying comments at the end of each illustration series.

The Eskimo (Yupik) and Chukchi words are printed in italics when first listed in the text. Native words and/or local terms marked with endnote signs are explained at the end of the respective papers, prior to the References. All acronyms used in the book are explained in Appendix 1; the non-metric units of distance, area size, and weight used in the early Russian sources are listed in Appendix 2.

The English version of the volume's Table of Contents follows the transliteration system for traditional Siberian Yupik/Eskimo names developed by the Alaska Native Language Center (ANLC) at the University of Alaska Fairbanks. This is done, because the people of Alaska usually know the names of their Siberian Yupik kin under that very transliteration pattern.

Last but not least, personal information, including years of birth and death, is missing for several individuals, both Native and non-Native, featured in the volume's photographs or listed in the papers. Closing those gaps remains a critical task in our common effort to restore historical memory of the people of Chukotka.

Lyudmila Bogoslovskaya and Igor Krupnik

TABLE OF CONTENTS

Acknowledgements.....	7
Table of contents (Russian).....	8
Foreword	12
<i>Bogoslovskaya, L.S., and I.I. Krupnik</i>	
I. BOGORAZ AND HIS STUDENTS	15
V.G. Bogoraz, his legacy, and his disciples	17
<i>Krupnik, I.I</i>	
Glimpses of V.G. Bogoraz	23
<i>Riga, I.G</i>	
Kivagme (Qiwaghonii) remembers Tan-Bogoraz.....	28
<i>Sergeeva, K.S.</i>	
Bogoraz and the present-day ethnic mentality of indigenous people of Chukotka.....	31
<i>Yetylen, V.M</i>	
Eskimologist Aleksandr Forshtein (1904–1968)	32
<i>Krupnik, I.I., and E.A. Mikhailova</i>	
Aleksandr Forshtein – life broken by the GULAG	33
Forshtein photo collection at MAE.....	36
Forshtein’s routes in Chukotka, 1927–1929.....	37
Forshtein’s photographs today.....	39
Acknowledgements.....	41
References.....	42
Ekaterina Rubtsova	44
<i>Wyie, V. (Weyi), Ankana (Angqanga)</i>	
To my self-biography	47
<i>Vdovin, I. S</i>	
Photos I.	
Comments to Photos I.	51
<i>Krupnik, I.I., and L.S. Bogoslovskaya</i>	
II. PEOPLES OF CHUKOTKA IN THE 20 th –21 st CENTURIES:	
REINDEER HERDERS.....	53
At the Grigoryikha	55
<i>Tan-Bogoraz, V.G.</i>	
The Kerek people are speaking out.....	63
<i>Leontyev, V.V</i>	
The methods used by Chukchi herdsman for management of rein deer herds	69
<i>Zadorin, V.I.</i>	

Names of the Chukchi clans of the Ust-Belskaya tundra	72
<i>Radov, I.A.</i>	
Ethno-territorial groupings of the Vaegi Chukchi	78
<i>Nuvano, V.N.</i>	
The tragedies in the villages of Berezovo and Vaegi, 1940 and 1949	85
<i>Nuvano, V.N.</i>	
The echo of the Berezovo uprising. The testimonies of 1940 and 1949	91
<i>Omrytkheut, Z.G.</i>	
The shaman was against it	95
<i>Raizman, D.I.</i>	
The Collectivization 'Chukchi style,' 1951–1952	102
<i>Andronov, B.M.</i>	
Mukhomornenskaya (Fly-Agaric) River group	104
Amguema River group	105
Search for Itaukai	117
The benevolent error	125
From the history of the Chukchis' advent into Communism and back	127
<i>Zadorin, V.I.</i>	
Photos II.	
Comments to Photos II.	131
<i>Nuvano, V.N., and L.S. Bogoslovskaya</i>	
III. PEOPLES OF CHUKOTKA IN THE 20 th –21 st CENTURIES:	
SEA-MAMMAL HUNTERS	133
Ramkyt – old Yupik tribes and communities	135
<i>Mumi, S.</i>	
Nikolai Galgaugye (Galgawyi), the hunter through his ancestral generations	136
<i>Enmynkau N.S. (Nomiggun)</i>	
Short stories	144
<i>Aivangu (Ayvangu)</i>	
Our beloved Ungaziq	145
Spring in Chaplino	148
My visit to Lavrentiya as a delegate	149
Trip to Lavrentiya with the annual report	151
How we built an air-field	153
Our 'Bird Island'	155
Memories of Naukan	156
<i>Leonova, V.G.</i>	
Chukchi boats	162
<i>Bogoraz, V.G.</i>	
Traditional sea-mammal hunting in Chukotka: Inter-generational transitions	166
<i>Bogoslovskaya, L.S., and I.I. Krupnik</i>	
Traditional diet of sea-mammal hunters	175
Chaplino Yupik Eskimo	175
<i>Ainana, L. (Aynganga) and L.S. Bogoslovskaya</i>	
Naukan Yupik Eskimo and Uelen Chukchi	177
<i>Tein, T. (Teyin), V.V. Leontyev, and L.S. Bogoslovskaya</i>	

The main plants used by Eskimos and maritime Chukchi for food	179
<i>Ainana, L. (Aynganga), and I.A. Zagrebin</i>	
Nutrition of sea-mammal hunters of Chukotka: traditions and modernity.....	180
<i>Kozlov, A.I.</i>	
Human requirements for energy and food in the Arctic	180
Diversity of sea-mammal hunters' diet	181
Traditional rates of food consumption	182
Adaptation to protein-lipid diet.....	183
Lipids (fats) in traditional Arctic diet	184
Abandonment of traditional diet and its consequences	187
Availability of traditional food in Chukotka	188
'Invisible' transitions in food consumption	189
Contamination of the products of sea-mammal hunting.....	190
Conclusions	192
References.....	192
Photos III.	
Comments to Photos III.	195
<i>Dobrieva, E.M., I.I. Krupnik, and L.S. Bogoslovskaya</i>	
IV. TRADITIONAL CULTURES AND LANGUAGES	
OF THE PEOPLE OF CHUKOTKA.....	199
Cosmological and religious beliefs of the Chukchi people	201
<i>Vdovin, I. S.</i>	
On Chukotka Eskimo beliefs	204
<i>Rubtsova, E.S.</i>	
Indigenous people and cultural heritage of Russian Beringia.....	207
<i>Bogoslovskaya, L.S., I.I. Krupnik, and B.I. Vdovin</i>	
Seasonal festivals of the Vaegi and Khatyrka reindeer herders.....	218
<i>Val'girgin, A.I., and V.N. Nuvano</i>	
On the custom of the 'voluntary death' (among the Chukchi)	224
<i>Gagarin, S.V</i>	
Cremation of the deceased among the Vaegi Chukchi.....	230
<i>Nuvano, V.N.</i>	
26 coloration terms for (Chukchi) reindeer.....	235
<i>Bogoraz, V.G.</i>	
How the Chukchi name their reindeer.....	237
<i>Ranavrol'tyn, G.I.</i>	
Chukchi language and linguistics	239
<i>Dunn, M.</i>	
Utter a kind word about the 'poor Skorik.' Comment to the paper by M. Dunn.....	248
<i>Burykin, A.A.</i>	
Ethno-cultural association «Chychetkin vetgav» ("The Native Word").....	251
<i>Gyrgol'naut, I.G.</i>	
Can today's Chukotka appreciate the creative gift of the ancestors?.....	253
<i>Vukvukai, N.I.</i>	
On the names of walrus haul-out sites in Chukotka	257
<i>Kochnev, A.A.</i>	

The folklore iterations of Major Pavlutsky.....	262
<i>Shentalinskaya, T.S.</i>	
Photos IV	
Comments to Photos IV.....	275
<i>Bogoslovskaya, L.S.</i>	
V. CHUKOTKA ARCHIVES.....	277
The discovery of the first industrial gold-field in Chukotka.....	279
<i>Pereladov, V.T.</i>	
Report on the survey of the Chukchi Penninsula, 1930/1931	284
<i>Kaltan, A.I.</i>	
Preliminary notes	285
Part 1. Survey of the region.....	287
1.1. Main tasks and the planning for the survey of 1930/1931	287
1.2. Arrival to Chukotka.....	287
1.3. Initial familiarization with the region	287
1.4. At the Cultural base until November 18th	289
1.5. Trip to Provideniya.....	290
1.6. Preparing for the departure to the North	294
1.7. Departure for the North	296
1.8. Uelen	297
1.9. From Uelen to Cape Serdtse-Kamen'	299
1.10. From Cape Serdtse-Kamen' to Chaun Bay	304
1.11. Chaun Bay	311
1.12. Conclusions.....	316
Part 2. Economy. Statistics. Geography.....	317
2.1. Supply and trade network in Chukotka: Brief historical outline	317
2.2. Activities of the Kamchatka Commercial Society (AKO).....	319
2.3. Native commercial cooperation in Chukotka	323
2.4. Some statistics.....	325
2.5. Environment, terrain, climate, etc.....	326
2.6. Natural resources.....	329
2.7. Conclusions.....	329
Volume Contributors	343
Appendix 1. List of Acronyms	346
Appendix 2. Non-metric measurement units.....	347
Summary.....	348

Научное издание

Рекомендовано к печати

Региональной секцией Учёного совета Чукотского филиала Северо-Восточного
комплексного научно-исследовательского института СВНЦ ДВО РАН
689000 Анадырь, ул. Энергетиков, 15.

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Институт Наследия)
129366 Москва, ул. Космонавтов, 2.

ТРОПОЮ БОГОРАЗА. Научные и литературные материалы

Труды ЧФ СВКНИИ ДВО РАН. Вып. 10

СОСТАВИТЕЛИ И НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ
доктор биологических наук Л.С. Богословская,
доктор географических наук В.С. Кривощёков,
доктор биологических наук И.И. Крупник

Литературный редактор Р.Б. Аликулов
Корректоры Э.И. Денисьева, Е.А. Оборотова
Компьютерная вёрстка П.Б. Аликулова
Оформление Е.С. Богословской

Институт Наследия,
Издательство ООО ГЕОС: 119017, Москва, Пыжевский пер., 7, ГИН РАН.

Подписано в печать 14.07.08. Формат 60 x 90/8.
Гарнитура Antiqua. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 55,25 . Тираж . Заказ .

Отпечатано с готовых плёнок в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.